

Ю. В. АНДРЕЕВ

Юрий Викторович Андреев
Фото. Вторая половина 90-х гг.

YURIJ V. ANDREEV

THE HOMERIC SOCIETY

The Basic Tendencies of the Social-Economical and
Political Developments of Greece
in the 11th— 8th Centuries B.C.

Publishing House «Nestor- Historia»
of the Saint-Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg
2004

Ю . В . А Н Д Р Е Е В

Г О М Е Р О В С К О Е   О Б Щ Е С Т В О

Основные тенденции социально-экономического
и политического развития Греции
XI-VIII вв. до н. э.

Издательство
«Нестор-История»
СПБ ИИ РАН

Санкт-Петербург
2004

УДК 938.01«-101-7»
ББК 63(0)321.2

Ю. В. Андреев

Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. — 496 с, илл.

ISBN 5-98187-029-X

В монографии Ю. В. Андреева исследуются основные направления социально-экономического и политического развития греческого общества в рамках так называемой «послемикенской эпохи» (XI–VIII вв. до н. э.). Преимущественное внимание уделено двум последним столетиям этого хронологического отрезка — IX–VIII вв., составляющим особый — «гомеровский период». Используя, с одной стороны, данные гомеровского эпоса, а, с другой, имеющийся археологический материал, автор всесторонне рассматривает те сложные процессы, которые привели к появлению в Греции новой формы государства — раннего полиса. Работа Ю. В. Андреева представляет собой первый в отечественной науке опыт систематического исследования этой важной исторической проблемы.

Книга рассчитана на всех, занимающихся античностью, и интересующихся происхождением государства, а также на любителей истории и культуры Древней Греции.

Издание подготовили В. П. Никоноров и Л. В. Шадричева

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 03-01-00389

This copy is prohibited for sale outside Russia and CIS countries.

The legal sale: <http://Wnestor-historia.org>

ISBN 5-98187-029-X

© Андреев Ю. В., 2004
© Шадричева Л. В., 2004
© Никоноров В. П., 2004
© Издательство СПбИИ РАН
«Нестор-История», 2004

НЕСКОЛЬКО СЛОВ

О ЮРИИ ВИКТОРОВИЧЕ АНДРЕЕВЕ И ЕГО КНИГЕ

Автор этой книги не нуждается в особом представлении. Юрий Викторович Андреев (3.III.1937—17.II.1998) — крупнейший российский антиковед, его перу принадлежат более 120 научных и научно-популярных статей и монографий¹. О его жизни и научном творчестве сказано уже немало², и вряд ли можно что-ни-

¹ Назову только книги Ю. В. Андреева: 1) Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976 (2-е изд. — 2003); 2) Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. Л., 1989; 3) Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990; 4) Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998 (2-е изд. — 1999); 5) От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.). СПб., 2002; 6) Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004. Остальные публикации см. в разделе «Список работ Ю. В. Андреева» данного издания.

² См.: Виноградов Ю. Г., Хазанов А. М. Рец. на кн.: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976 // ВДИ. 1977. № 3. С. 193–198; Masetti Cl. Ree. ad op.: Andreev J. V. Rannegreceskij polis [La più antica città greca]. Leningrad, 1976 // Rassegna sovietica. Rivista bimestrale di cultura. 1977. 1. P. 177–180; К 60-летию Юрия Викторовича Андреева // ВДИ. 1997. № 2. С. 235; [Долинина К.] Юрий Викторович Андреев. Некролог // Коммерсантъ-Daily. 1998. 19 февраля. № 28. С. 17; Юрий Викторович Андреев (1937–1998) // ВДИ. 1998. № 3. С. 237–240; Зуев В. Ю. Юрий Викторович Андреев (1937–1998) // Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 391–394; Мачинский Д. А. Продолжая беседу // ΣΥΣΣΙΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб., 2000. С. 9–10; Шауб И. Ю. Юрий Викторович Андреев (1937–1998) // Там же. С. 10–16; Зайцев А. И. Юрий Викторович Андреев. Научное наследие // Там же. С. 16–20; Массон В. М. Крито-микенская проблематика в отечественной исторической литературе и разработки Ю. В. Андреева // Там же. С. 20–24; Широкова Н. С. Греческое искусство в творчестве Ю. В. Андреева // Там же. С. 24–26; Глазчиков В. Л. Ю. В. Андреев. Цена свободы и гармонии.

будь существенное добавить к тому бесспорному факту, что Юрий Викторович являл собой образец Ученого, Человека и Гражданина с большой буквы. Поэтому я хотел бы коротко поделиться личными впечатлениями. Мне, студенту первого курса вечернего отделения Исторического факультета Ленинградского государственного университета, в далеком уже 1977 году посчастливилось прослушать общий курс лекций по истории Древней Греции, который нам читал Ю. В. Андреев. Его манера изложения материала — суховатая, но вместе с тем там, где это было действительно уместно, с тонкой иронией, при неизменном выражении лица, без малейшей претензии на внешний эффект — чрезвычайно импонировала мне. Эти лекции были насыщены полезной информацией, более чем достаточной для формирования у студентов первого курса общего представления о предмете. Потом был экзамен, на который я пришел слишком самонадеянным. Сдавал его самому Андрееву. Как сейчас помню один из вопросов: о социальных движениях в Афинах в архаическую эпоху. Подготовив краткий конспект ответа, я начал быстро отвечать под пристальным взглядом Юрия Викторовича, который довольно скоро охладил мой пыл несколькими вопросами. Я смутился и, что называется, «поплыл». От моей самоуверенности не осталось

Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации // Там же. С. 27—28; *Перл Н. Е.* О книге Ю. В. Андреева «Цена свободы и гармонии» // Там же. С. 28-30; *Андреева Е. Ю.* Об отце // Там же. С. 31-32; *Кессиди Ф. Х.* Новая концепция истории, или еще раз о греческом феномене в книге Ю. В. Андреева «Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации» // Там же. С. 450-459; *Давыдова Л. И.* О книге Ю. В. Андреева «От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.)» // К исследованию зарубежного искусства. Новые материалы. СПб., 2002. С. 23-28; *[От редакции.]* Памяти Юрия Викторовича Андреева // ВДИ. 2003. № 4. С. 50; *Молчанов А. А.* Ю. В. Андреев и дискуссия об эгейской культуре на страницах «Вестника древней истории» // Там же. С. 111—113; *Виноградов Ю. А.* Ю. В. Андреев и его концепция раннегреческого полиса // *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб., 2003. С. 5—22; *Тохтасьев С. Р.* Предисловие редактора // *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004. С. 5—14.

и следа: что-то говорил, вернее, лепетал, чувствуя свой довольно «бледный вид». А ведь мне казалось, что я знал данный вопрос «на зубок»! Но, как выяснилось, эти вопросы не были какой-то особой злонамеренностью экзаменатора: просто Юрий Викторович попытался придать моему ответу тулогичность и стройность, которые были бы для него наиболее приемлемыми. В конце концов я получил «отлично», хотя и не испытал при этом «чувства глубокого удовлетворения», прекрасно понимая, что эта оценка не совсем мною заслуженна и более похожа на аванс на будущее. Другими словами, я получил хороший урок настоящей университетской педагогики.

Думаю, что не без влияния лекций Ю. В. Андреева, в том числе и «приключения» на экзамене, я в дальнейшем решил специализироваться именно на кафедре истории Древней Греции и Рима. Замечательное было время! В числе других специальных предметов мною были прослушаны и курсы Ю. В. Андреева по истории и культуре крито-микенской цивилизации и греческой эпиграфике. Прекрасно подготовленные и прочитанные, эти лекции произвели на меня и моих сокурсников неизгладимое впечатление, окунув нас в великий мир греческих древностей. А его юмор! Не так часто, как хотелось бы, он баловал нас во время лекций ироническими комментариями, но если делал это, обязательно сохраняя внешнюю невозмутимость, то его остроты были всегда к месту. Рассказывая, например, о раскопках К. Блегена в Пилосе так называемого «дворца царя Нестора», Юрий Викторович отметил до странности большое скопление разбитых керамических кубков у одной из стен этого сооружения. Этот факт он интерпретировал не иначе, как следствие «гусарских замашек Нестора и его гостей». Как-то однажды, на заседании, посвященном обсуждению курсовых работ студентов-античников, в устах заведующего кафедрой Э. Д. Фролова прозвучало название одной из них, намеренно в редакции самого автора курсовой: «Полководческая деятельность А. Македонского». Присутствовавший здесь же Юрий Викторович отреагировал на это мгновенно и, саркастически усмехнувшись, предложил поправку: «Тогда уж А. Ф. Македонского».

Ю. В. Андреев сыграл исключительно важную роль в моей собственной судьбе, рекомендовав меня в 1983 году в аспирантуру при секторе Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (сейчас Институт истории материальной культуры РАН), где я и тружусь до сих пор.

Сам Юрий Викторович уже работал тогда в ЛОИА АН СССР, в секторе истории античной культуры. Следует отметить, что он всегда пользовался среди коллег по Институту непререкаемым научным авторитетом, был избран заведующим сектором и заместителем председателя специализированного совета. При этом он оставался очень скромным, корректным человеком и вдумчивым собеседником. Как правило, был немногословен, но его наблюдения и комментарии были всегда исключительно точны и обоснованны. Разговорить Юрия Викторовича где-нибудь в институтских коридорах было непросто, однако когда тема была ему действительно небезразлична, то можно было услышать много интересного. Он был скуп на похвалы, но если таковой удостоивался кто-то из его коллег, то этим можно было вполне гордиться. Отличали Юрия Викторовича преданность своему делу и поразительное трудолюбие. С особенной силой они проявились с начала 1990-х годов, когда академическая наука оказалась в нелюбимых детях российских реформаторов, и все причастные к ней почувствовали это на собственном опыте. Юрий Викторович, неоднократно и с большим огорчением констатируя это, не впадал в отчаяние, а наперекор всему продолжал упорно и чрезвычайно плодотворно трудиться за письменным столом. В этом смысле он, безусловно, является примером для многих своих коллег.

Следует подчеркнуть и такое важное качество Ю. В. Андреева, как внутренняя, духовная свобода. Истинный интеллигент, он никогда не шел на поводу у властителей, а всегда находился в духовной оппозиции к ним. Его отношение к реальностям российского бытия в постсоциалистическую эпоху было, мягко говоря, сложным, а точнее, критическим. Сейчас людей, критически относящихся к новым условиям нашей жизни, очень часто тут же записывают в ретрограды, ностальгирующие по ушедшим временам, в сторонников коммунистов и т. п. Бросить подобный упрек

в сторону Юрия Викторовича абсолютно невозможно. Еще в советские годы, работая на Историческом факультете ЛГУ, другими словами, «на переднем крае идеологической борьбы», как тогда говорили, несмотря на сильное давление со стороны университетских партийных кругов, он постоянно отказывался вступить в члены КПСС. Подобной принципиальностью могут похвастать очень немногие из его коллег по работе. Упорство, с которым Юрий Викторович стремился сохранить свою внутреннюю свободу, обходилось ему дорогой ценой. В частности, он очень долгое время был «невъездным». Парадоксальный и в то же время очень горький факт его биографии: посвятив всего себя изучению истории и культуры Древней Эллады, он смог лишь однажды (в 1994 г.) побывать на столь любимой и дорогой для него греческой земле.

Итак, на суд читателей выносится монография Ю. В. Андреева «Гомеровское общество», представляющая собой подготовленный к изданию полный текст докторской диссертации, успешно защищенной в 1979 г. на историческом факультете Ленинградского государственного университета. В ней исследуются основные закономерности социально-экономического и политического развития Греции в течение четырех веков, следовавших за коллапсом микенской цивилизации (XI—VIII вв. до н. э.), т. е. во время важнейшего переломного момента в истории Древней Греции. Особое внимание в диссертации уделяется так называемому «гомеровскому периоду», охватывающему два последних столетия указанной эпохи, поскольку именно к IX и VIII вв. относится основная часть исторической информации, содержащейся в главном письменном источнике — эпических поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея». На основе использования сведений из произведений Гомера, с одной стороны, и доступных археологических данных, с другой, Ю. В. Андреев стремится дать как можно более ясное представление о формах социально-политической организации, сложившихся в Греции в промежутке между распадом микенских государств и зарождением раннегреческого полиса. Естественно, что автор останавливается на проблеме происхождения полиса, поскольку ее разработка имеет чрезвычайно большое теоретическое и методологическое значение для пони-

мания истории всего античного мира. Этот труд Юрия Викторовича занимает свое органичное место в целом ряду его работ, посвященных древнейшему прошлому эллинской цивилизации.

Дополнительно в данном издании приводится приложение, которое содержит отзывы официальных оппонентов, крупнейших представителей отечественной науки одревности — Б. Б. Пигуевского, И. М. Дьяконова, А. И. Доватура и ответы на них диссертанта, а также выступления других авторитетных ученых на защите докторской диссертации Ю. В. Андреева 15 ноября 1979 г. В них читатель найдет всесторонний анализ и оценку этого труда. Данное приложение хорошо отражает дискуссию между оппонентами и диссертантом по проблемам датировки гомеровского периода, социально-экономической природы гомеровского общества, происхождения греческого полиса и др.

В заключение необходимо отметить важную роль вдовы Ю. В. Андреева, Людмилы Викториновны Шадричевой-Андреевой, в появлении этой книги (как, впрочем, и всех других его монографий). Она выполнила очень большой объем работы по корректуре текста и составлению указателей к нему, расширила список иллюстративных материалов и добавила новейшую библиографию по проблеме (эти работы помечены звездочкой в постраничных сносках), а также выверила греческий текст поэм Гомера по следующим изданиям: 1) *The Iliad of Homer* / Eds. W. Leaf and M. A. Bayfield. Vol. I: Books I—XII. London, 1965; Vol. II: Books XIII—XXIV. London, 1960; 2) *The Odyssey of Homer* / Ed. W. B. Stanford. Vol. I—II. 2nd ed. London, 1971.

Заслуживает комплиментов и сам Юрий Викторович, чей блистательный стиль практически не оставляет места для вмешательства со стороны литературного редактора. При этом следует учесть, что он всегда писал только ручкой, не пользуясь печатной машинкой и тем более компьютером!

Мне остается лишь быть благодарным судьбе за высокую честь быть причастным к выходу в свет книги этого выдающего российского исследователя.

Кандидат исторических наук В. П. Никоноров
Санкт-Петербург, апрель 2004 г.

[ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ]

Вопрос*, на котором я хотел бы остановиться, это — вопрос о правомерности самого понятия «гомеровское общество», вынесенного в заглавие моей работы. Как у нас в стране, так и за рубежом есть исследователи, подходящие к решению этого вопроса с сугубо негативных скептических позиций. Все они склоняются к той мысли, что и понятие «гомеровского общества» и тесно связанное с ним понятие «гомеровского периода» должны быть изъяты из научного употребления, ввиду того, что им не соответствует никакая объективная реальность, которая могла бы быть более или менее точно фиксирована во времени и в пространстве. В их понимании «гомеровское общество» это — всего лишь некая вневременная и внеисторическая фикция, произвольно соединяющая в себе признаки самых различных общественных структур, существовавших в разное время и в разных местах.

Следует признать, что в рассуждениях такого рода есть свой резон, и просто отмахнуться от них невозможно. Действительно, внимательный анализ выявляет в тексте гомеровских поэм множество анахронизмов. Иногда даже создается впечатление, что весь этот текст есть ничто иное, как причудливый сплав, своего рода культурно-историческая амальгама, образовавшаяся из слияния множества разновременных элементов, восходящих частью к микенской эпохе, частью к более близким к самому Гомеру временам.

*Отрывок из вступительного слова Юрия Викторовича на защите докторской диссертации 15 ноября 1979 года. — Л. III.

Анахронистичность эпической поэзии естественным образом вытекает из самого ее развития, если представить себе этот процесс, как безостановочное движение определенных тем и сюжетов в русле устной поэтической традиции, движение, при котором каждое новое поколение народных сказителей или певцов обогащает своими импровизациями перенятый у предшественников сюжет и тем самым все дальше уводит его от первоисточника. Конкретные исторические факты, попавшие в орбиту притяжения эпической традиции, при такой передаче постепенно как бы обесцвечиваются, утрачивают свое первоначальное содержание, превращаясь в некие отвлеченные общеприложимые схемы или формулы. На этом пути возникает множество разнообразных исторических гибридов, которые далеко не всегда удается разложить на составляющие их разновременные элементы. Складывающиеся таким путем памятники героического эпоса действительно бывает очень трудно привязать к какой-то одной определенной исторической эпохе. Каждый фольклорист и историк, имевший дело с русскими былинами, хорошо это знает.

Однако в случае с Гомером дело обстоит несколько по иному. Несмотря на очевидные признаки родства, сближающие «Илиаду» и «Одиссею» с устным поэтическим творчеством, это — явление уже принципиально иного порядка, нежели былины киевского или новгородского цикла. В гомеровских поэмах при всей их архаичности гораздо сильнее выражено индивидуальное авторское начало. Оно дает себя знать и в сложной монументальной композиции обеих поэм, и в глубокой разработке психологии действующих лиц, и в весьма свободном обращении поэта с традиционными образами, мотивами, формулами героической поэзии. Судя по всем этим признакам, «Илиада» и «Одиссея» уже перешагнули ту черту, которая отделяет ранние долитературные формы эпоса от того, что принято называть «книжным», или «авторским» эпосом.

Появление среди безымянных творцов и носителей эпической традиции такой яркой индивидуальности, какой был, вне всякого сомнения, создатель «Илиады» и «Одиссеи», должно

было оказать на эту традицию эффект, подобный действию плотины, поставленной поперек речного русла. Свободное движение потока исторической информации, сопровождавшееся перемешиванием и взаимопроникновением отдельных его слоев, было приостановлено, после чего начался противоположный процесс аккумуляции и отбора исторического материала. Разумеется, к решению этой сложной задачи Гомер подошел не как историк, а, прежде всего, как великий поэт. Склонность к настоящему историческому исследованию, которой нередко наделяют его современные ученые, едва ли была ему свойственна. Маловероятно, чтобы он выезжал на места описываемых событий подобно Фукидиду или Полибию, разыскивал и изучал всевозможные древности, пытался читать старинные хроники или надписи, если они попадали в его руки.

Моделируя картину жизни «героического века», создатель «Илиады» и «Одиссеи» руководствовался, прежде всего, своим творческим воображением и художественным вкусом. Воображение же поэта питалось главным образом тем, что давала ему окружающая действительность. Отсюда та печать наивной модернизации, осовременивания прошлого, которой отмечено все творчество Гомера. По существу прошлое, в его понимании, это — то же самое настоящее, но улучшенное, облагороженное, приподнятое над житейской прозой современности. Приближение к современности было для Гомера тем общим контрапунктом, который позволил вписать воссоздаваемую поэтом картину героического прошлого в рамки целостной логической конструкции, преодолев исконную разнородность и противоречивость используемого им исторического материала. Бесспорно, имеющиеся в этой картине анахронизмы обычно отступают на задний план, ускользая от внимания читателя (для их выявления необходим тщательный научный анализ текста поэм). Вперед же выдвигается сильно упрощенная и идеализированная, но все же узнаваемая в своих основных очертаниях модель современного поэту греческого общества.

Итак, было бы неправильно видеть в гомеровском обществе всего лишь созданную воображением современных историков

научную химеру, на самом деле, никогда и нигде не существовавшую. Его реальный прототип, несомненно, существовал в исторической действительности. С известными оговорками он может быть локализован на хронологическом отрезке с IX по VIII вв. до н. э., который я и называю собственно «гомеровским периодом».

ВВЕДЕНИЕ

Отчетливо обозначавшийся уже в первые десятилетия XX века кризис исторической мысли наглядно продемонстрировал несостоятельность большинства теорий и схем всемирно-исторического процесса, выработанных наукой XIX столетия. В числе прочих оказалась полностью дискредитированной и весьма популярная в западной историографии идея европоцентризма, составлявшая основной теоретический стержень целого ряда реакционных, в том числе и откровенно расистских учений. Крах европоцентристской схемы всемирной истории имел своим прямым результатом критическую переоценку сравнительной значимости отдельных цивилизаций и их участия в общем прогрессе человечества. Естественно, что больше всего пострадали от этого пересмотра те цивилизации, которые по традиции считались «образцовыми», «классическими» и в соответствии с этим занимали самые «верхние этажи» в иерархии культур и народов.

Именно такова была судьба античной, греко-римской цивилизации, утратившей свой прежний статус эталона и объекта всеобщего поклонения и низведенной на один общий уровень со всеми другими цивилизациями Древнего Мира. Однако, растеряв свои традиционные, унаследованные еще от эпохи Возрождения, привилегии, античная цивилизация приобрела нечто иное, быть может, гораздо более значительное. На общем фоне территориально и хронологически смежных с ней цивилизаций Востока, как Ближнего, так и Дальнего, к которым в последнее время стали присоединяться также культуры тропической Африки, Мезоамерики, Полинезии и других отдаленных районов Земного Шара, гораздо более отчетливо, чем прежде, вырисовы-

вается ее исключительное, переходящее в уникальность своеобразие. Признание необычности и, более того, неповторимости этого исторического феномена придает особую актуальность и остроту вопросу о его происхождении. Лишь уяснив себе, каково было то конкретное стечение обстоятельств, которое сделало античную цивилизацию именно такой, какой мы ее теперь знаем, мы сможем представить во всей полноте систему исторических закономерностей, управлявших развитием древнейших общественных формаций нашей планеты.

Несмотря на известные успехи, уже достигнутые в этой области науки, потребность в широкой систематической разработке всего круга вопросов, составляющих в своей совокупности проблематика генезиса античной и, более конкретно, греческой цивилизации, все еще остается весьма настоятельной, поскольку некоторые из этих вопросов до сих пор еще не стали предметом специального исследования, другие же затрагивались только в их частных аспектах. Так, например, обстоит дело с вопросом о происхождении греческого полиса, имеющим большое теоретическое и методологическое значение для всей истории античного мира. Можно сказать с уверенностью, что до тех пор, пока этот вопрос не будет решен хотя бы на уровне более или менее правдоподобной гипотезы, в концепции античной эпохи останется весьма ощутимый пробел.

Все это в достаточной мере обосновывает научную актуальность и значимость избранной нами темы. Как указано в заглавии, предметом исследования являются основные тенденции социально-экономического и политического развития греческого общества в рамках так называемой «послемикенской эпохи». Эта хронологическая категория включает в себя весь четырехвековой промежуток времени (XI—VIII вв.), отделяющий агонию микенской цивилизации от первых симптомов зарождения новой эллинской цивилизации. Особое внимание уделено в работе двум последним столетиям послемикенской эпохи (IX—VIII вв.), которые мы выделяем в особый «гомеровский период», поскольку именно к этому времени относится наиболее существенная часть конкретной исторической информации, содер-

жащейся в нашем основном письменном источнике — поэмах Гомера. Свою главную исследовательскую задачу мы видим в том, чтобы, используя, с одной стороны, данные гомеровского эпоса, а, с другой, доступный археологический материал, составить возможно более ясное представление о тех формах социальной организации, которые утвердились в Греции после распада микенских государств и предшествовали зарождению раннегреческого полиса. Проблема происхождения полиса в двух основных его аспектах — города и государства — также входит в круг рассматриваемых вопросов.

Рубеж II—I тысячелетий до н. э. по праву считается важнейшим переломным моментом в истории Древней Греции.

До этого момента социально-экономическое и политическое развитие греческого общества шло в общем и целом в том же самом направлении, в котором двигались и более древние, раньше сложившиеся и созревшие цивилизации Передней Азии. Как давно уже известные памятники материальной культуры Греции II тыс. до н. э., так и сравнительно недавно заговорившие документы микенских архивов свидетельствуют о принципиальной однотипности раннеклассовых обществ Востока и Запада в эпоху бронзы. Дворец или (в микенском варианте) дворец-цитадель, являющийся в одно и то же время экономическим, политическим и религиозным центром государства; разветвленный бюрократический аппарат, обеспечивающий нормальное функционирование дворцового хозяйства; запутанная бухгалтерия выдач и поступлений дворцовой казны; сложная система учета трудовых и всяких иных повинностей окрестного населения — все эти признаки, хорошо знакомые каждому, кто изучал экономику стран Древнего Востока, показывают, что и здесь — на Крите, в Микенах, в Пилосе — мы имеем дело лишь с одним из периферийных и, видимо, не особенно далеко ушедших в своем развитии вариантов повсеместно распространенной в этот период дворцово-храмовой цивилизации¹.

¹ См.: Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 187: «Поиски каких-либо аналогий дворцу Нестора и вообще

С переходом к железному веку обстановка в этом регионе древнего Средиземноморья резко меняется. Микенская бюрократическая монархия исчезла при загадочных, до конца еще так и не проясненных обстоятельствах примерно в конце XII в. до н. э. Гомеровская *басилейя* или «отеческая царская власть» (*πατριή βασιλεία*), как называет ее Фукидид (I, 13, 1), была явлением уже принципиально иного порядка. Таким образом, на этот раз грекам удалось избежать нависшей над ними угрозы восточной деспотии (не подлежит сомнению, что микенские дворцовые государства эволюционировали именно в этом направлении). Начиная с этого момента, исторические пути Греции и стран Ближнего Востока резко расходятся². Правда, окончательно этот разрыв с застойными формами древневосточной экономики и государственности определился уже в рамках архаического периода (VIII—VI вв. до н. э.), когда греческое общество в исторически кратчайший срок совершило переход от варварства к цивилизации, что само по себе свидетельствует об огромном ускорении темпов исторического развития в этом районе Древнего Мира. Однако подготовка к этому скачку в гораздо более раннее время и наиболее отдаленные его предпо-

микенским дворцам неизбежно ведут только к ближневосточным обществам III и II тысячелетий до н. э. Разумеется, и эти общества во многом отличались друг от друга: Египет от Двуречья, оба они от Хеттского царства, а последнее от обществ Сирии. Однако во всех этих обществах существовали крупные царские или храмовые хозяйства. Они обслуживались многими сотнями рабов, а письменность возникла и применялась здесь главным образом для учета рабочей силы и материальных ценностей. Между античными полисами имелись весьма существенные различия в зависимости от условий времени и места. Однако все эти полисы принадлежали к одному типу городов-государств. Точно так же царские или храмовые дворцы III—II тысячелетий представляли собой единый тип социальной организации вне зависимости от существовавших между ними различий». Ср., однако, Тюменев А. И. 1) Передний Восток и античность // ВИ. 1957. № 6. С. 51 сл.; 2) Восток и Микены // ВИ. 1959. № 12. С. 58 сл.; Лурье С. Я. К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе // ВДИ. 1957. № 2. С. 8 сл.

² Ср.: Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1977. С. 271 сл.

сылки следует искать, безусловно, в глубинах так называемых «темных веков» (конец XII — первая половина VIII вв. до н. э.).

Своеобразие, можно даже сказать, уникальность исторической ситуации, сложившейся в Греции на рубеже II—I тыс. до н. э., состоит в том, что здесь в это время наблюдается не столь уж часто встречающийся в истории человечества феномен повторного возникновения классов и государства после длительного перерыва в развитии, в течение которого греческое общество, судя по всем признакам, вновь оказалось на стадии первобытнообщинного строя. Нельзя не согласиться с югославской исследовательницей Ф. Папазоглу, заметившей в одной из своих работ: «... суть проблемы о преемственности микенского и гомеровского общества состоит именно в антитезе: государство — родовой строй³. Всеми признается, что гомеровский период является эпохой упадка по сравнению с временем развитой микенской культуры. Но существенно при этом, что речь идет не об обыкновенном регрессе в рамках одной и той же системы, а о возвращении к низшей общественной формации. Если иметь в виду, что переход из родового общества в классовое представляет собой нормальное и при известных условиях необходимое явление, возвращение же из классового общества в родовое невозможно, то возникает вопрос, как объяснить повсеместное распространение родовых обществ в Греции после крушения микенских государств»⁴.

До недавнего времени основным препятствием, тормозившим изучение социального развития Греции в послемикенскую эпоху, была крайняя скудость и лакуарность дошедшей до

³ Мы предпочли бы здесь несколько иную формулировку «государство — первобытнообщинный строй», поскольку «первобытнообщинный строй» — понятие более широкое и охватывающее гораздо более значительный отрезок времени, чем собственно родовой строй. (Першиц А. И. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории // Труды ИЭ, н. с. 1960. Т. 54. С. 163 сл.; Хазанов А. М. Община в разлагающихся первобытных обществах // ВДИ. 1975. № 4. С. 4 сл.).

⁴ Папазоглу Ф. К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции // ВДИ. 1961. № 1. С. 33.

этого периода исторической информации (не случайно возникло довольно прочно закрепившееся за значительной частью этой эпохи название «темный век» или «темные века»)⁵. Однако в последние годы в этой области наметились некоторые обнадеживающие перспективы. Во-первых, благодаря дешифровке линейного письма Б далеко вперед продвинулось изучение социального и политического строя микенских государств и, таким образом, мы теперь гораздо яснее представляем себе ту стадию общественного развития, которая предшествовала возникновению так называемого «гомеровского общества». Во-вторых, за последнее время накоплен и систематизирован обширный археологический материал, позволяющий до известной степени заполнить тот хронологический «вакуум», которым еще недавно был весь большой отрезок греческой истории с XII по VIII вв. до н. э. Благодаря фундаментальным исследованиям Старра, Десборо, Снодграсса, Боузека и других ученых⁶ стала возможной более или менее адекватная действительности реконструкция всего процесса развития материальной культуры Греции в рамках послемикенской эпохи, что, в свою очередь, позволяет сделать определенные выводы также и в отношении социально-экономической эволюции греческого общества в этот

⁵ Хронологические рамки «темных веков» пока еще не определены с достаточной точностью. В зависимости от взглядов и исторических концепций того или иного автора их датировка может колебаться в диапазоне от двух до четырех с лишним столетий. В настоящей работе мы следуем датировке этого периода, предложенной американским историком Ч. Старром (*Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization. 1100-650 B. C. New York, 1961. P. 78*) - 1150-750 гг. до н. э. Ср.: *Kirk G. S. The Homeric poems as history*// САН. Vol. II. Pt. 2. Ch. XXXIX (b.). Cambridge, 1965. P. 25 ff.; *Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971. P. 106 ff.*; *2nd ed. New York, 2000; *Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. London, 1972. P. 11.*

⁶ *Starr Ch. G. The Origins...*; *Desborough V. R. d'A. 1) The last Mycenaean and their successors. Oxford, 1964; 2) The Greek...*; *Snodgrass A. M. The Dark Age...*; *Bouzek J. Homerisches Griechenland. Praha, 1969; Zervos Chr. La civilisation hellénique. T. I. Paris, 1969; Archaeologia Homerica. Die Denkmäler und das frühgriechische Epos / Hrsg. von Fr. Matz und H.-G. Buchholz. Göttingen, 1967.*

период. И, наконец, в-третьих, несомненные сдвиги наметились за последние два или три десятилетия также и в изучении гомеровского эпоса, являющегося важнейшим, чтобы не сказать единственным письменным источником по истории этого периода. Труды Лоример, Уэбстера, Пейджа, Боура, Керка и других авторов⁷ заметно продвинули и усовершенствовали историческую интерпретацию «Илиады» и «Одиссеи», раскрыв основные закономерности генезиса эпической поэзии и показав, как совмещаются в ней разновременные историко-культурные напластования. Все это дает основание надеяться на определенную результативность предпринимаемого нами исследования.

В новейшей западной историографии довольно прочно укоренился взгляд на послемикенскую эпоху как время всеобщего социального и культурного регресса. Характерно, однако, что даже и в наиболее капитальных работах исследователей, посвященных этой теме (примерами могут служить книги Десборо и Снодграсса), социальный аспект этого переломного периода греческой истории остается, как правило, на втором плане. На первый план выдвигаются проблемы культурной преемственности, миграционных движений, внешних контактов греческого мира в течение «темных веков», т. е. те вопросы, непосредственную основу для решения которых дает археологический материал⁸. В своих суждениях о социальных процессах, до неузнаваемости изменивших к началу I тыс. весь облик греческого общества, большинство историков не идет дальше чисто эмпирической фиксации отдельных примет общественного упадка, обращая внимание на известное упрощение социальных структур, политическую дезинтеграцию, широкое распространение трибальных институтов и т. п. явления. Все это, однако, никак не

⁷ *Lorimer N. L. Homer and monuments. London, 1950; Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. London, 1958; Page D. L. History and the Homeric Iliad. Berkeley, 1959; Myres J. and Gray D. Homer and his critics. London, 1958; Bowra C. M. 1) Homer and his forerunners. Edinburgh, 1955; 2) Homer. London, 1972; Kirk G. S. The Songs of Homer. Cambridge, 1962; Lesky A. Homeros// RE, Suppl. XI. Stuttgart, 1968; Luce J. V. Homer and the heroic Age. London, 1975.*

⁸ См. литературу, указанную в прим. № 6.

связывается в целостную теоретически осмысленную картину социального кризиса и следующей за ним депрессии. До сих пор еще ни один из известных нам авторов не поднялся до ясного понимания глубоких формационных сдвигов, сопутствовавших падению микенской государственности и утверждению на ее развалинах новой античной цивилизации⁹.

Отечественные историки в своих оценках раннегреческого, или гомеровского, общества обычно исходят из классического его определения, выданного Ф. Энгельсом в IV главе «Происхождения семьи, частной собственности и государства». Говоря о так называемом «героическом веке» (общепринятое в литера-

⁹ Как правильно замечает Папазоглу (ук. ст. с. 34), «западная историография, за редкими исключениями, даже не сознает трудностей, возникающих при объяснении перехода от микенского периода к гомеровскому». Действительно, до недавнего времени западные историки просто не замечали принципиальных различий между микенским и гомеровским обществом, рассматривая их всего лишь как две модификации одной и той же социальной системы, например, как две последовательные ступени в развитии «раннегреческого феодализма», что нередко вело и к их прямому отождествлению друг с другом (см.: *Pöhlmann R. von. Aus Altertum und Gegenwart. München, 1911. S. 141 f.; Nilsson M. P. Homer and Mycenae. London, 1933. P. 230 ff.; Jeanmaire H. Couroi et courètes. Lille, 1939. P. 11 ss.; Palmer L. R. A Note on 'Heroic' land tenure // Μνήμη Χάρη. Gedenkschrift P. Kretschmer, IL 1955. P. 6 ff.; Mireaux E. La vie quotidienne au temps d'Homère. Paris, 1954. P. 51 ss.; Will Ed. Aux origines du régime foncier grec: Homère, Hésiode et l'arrière plan mycénien // REA. 1957. T. 49. P. 48). За последние годы ситуация несколько изменилась. Теперь уже мало кто из западных исследователей решаетея прямо сближать гомеровское общество с микенским или говорить о его феодальном характере. Большинство признает наличие значительного исторического разрыва, отделяющего одну эпоху от другой. Тем не менее глубокие структурные изменения, вернувшие греческое общество в XII—XI вв. до н. э. на, казалось бы, давно уже пройденную стадию первобытнообщинного строя, по-прежнему ускользают от внимания даже самых крупных авторитетов науки. Так, американский историк Ч. Старр в своей известной книге «Происхождение греческой цивилизации» решительно выступает против попыток перенесения на греческую почву «индоевропейской кастовой теории» Ж. Дюмезиля (*Starr Ch. G. The Origins... P. 130*). Тут же, однако, делается важная оговорка: «Социально и экономически различающиеся классы существовали (в Греции. — Ю. А.) с ранних времен». Эти классы, в понимании Старра, продолжали существовать также и в гомеровский период.*

туре XIX в. обозначение того периода, который теперь обычно называется «гомеровским»), Энгельс впервые сумел раскрыть исторически сложный и противоречивый характер этой эпохи, выделив в ней как основную доминирующую черту напряженное противоборство старого и нового, уходящего родового строя и вырастающих из его недр элементов молодого рабовладельческого общества¹⁰. Несмотря на то, что со времени первого издания «Происхождения семьи...» минуло уже более ста лет, основные положения сформулированной в этом сочинении исторической концепции до сих пор не утратили своего принципиального теоретического значения.

Вместе с тем мы не вправе забывать о том немаловажном обстоятельстве, что в начале 80-х годов XIX в., когда Энгельс работал над своей книгой, контуры догомеровской микенской культуры только еще начинали вырисовываться в сумерках греческой предыстории¹¹ и никто, естественно, не мог знать того, что путь, который прошел греческий мир в хронологическом промежутке, отделяющем Троянскую войну от времени создания «Илиады», был в известном смысле лишь повторением пройденного, что государство и классовое общество, некогда уже существовавшее на территории Греции, теперь зарождаются здесь заново, хотя уже в иной форме и в иных исторических условиях¹². Ясное осознание этой теперь почти для каждого историка очевидной истины пришло гораздо позднее.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 108.

¹¹ Как указывает Ленцман (*Ленцман Я. А. Рабство... С. 97*), сам термин «микенская культура» был впервые введен в научный обиход в книге Фуртвэнглера и Лешке «Микенские вазы» в 1886 г. (*Furtwängler Ad., Loeschke G. Mykenische Vasen. Vorhellenische Tongefässe aus dem Gebiete des Mittelmeeres. Berlin, 1886*), т. е. спустя два года после выхода в свет работы Ф. Энгельса.

¹² На необходимость пересмотра некоторых положений IV главы «Происхождения семьи...», в том числе характеристики гомеровского общества и оценки военной демократии в свете новейших представлений о истории Греции во II — начале I тыс. справедливо указывают авторы редакционной статьи «Вестника древней истории» за 1959 г. (№ 4. С. 7).

Начиная с 40-х годов XX столетия в отечественной историографии античности проводится четкое разграничение между «раннеклассовыми», или «примитивно-рабовладельческими», обществами Эгейского мира и бесклассовым гомеровским обществом¹³. «Отсюда, — как замечает Я. А. Ленцман¹⁴, — неизбежно следует вывод, что на переломе II—I тысячелетий Эллада сделала шаг назад, проявившийся в возврате к первобытнообщинному строю». Пытаясь каким-то образом объяснить этот неожиданный поворот вспять в развитии греческого общества, некоторые историки делают весьма существенную оговорку в своих рассуждениях о классовой природе микенской цивилизации, указывая на территориальную ограниченность зоны ее распространения. Так, С. Я. Лурье еще в 1940 г. писал в своем университетском курсе истории Древней Греции: «Значительная часть Греции вовсе не была затронута микенской культурой и жила еще примитивным родовым бытом... С приходом все новых и новых волн греческих „варваров“ с севера центры микенской культуры частью подвергались разрушению, частью получали новое население, значительно менее подготовленное для восприятия этой культуры. Особенно ускорилось это падение с приходом последней волны — дорийцев. Исключая, быть может, лишь немногие центры (например, Аттику, не задетую дорийским переселением), во всей Греции упрочивается привычный для переселенцев родовый строй...»¹⁵.

¹³ Начало этому разграничению было положено известной дискуссией о характере эгейской культуры, происходившей в Отделении истории и философии Академии наук СССР 27—28 марта 1940 г. (см. отчет о ней в ВДИ, № 2 за 1940 г.). Как известно, большинство участников этой дискуссии высказались против отстаиваемых Б. Л. Богаевским взглядов на крито-микенское общество как общество по своей природе первобытнокоммунистическое, признав его классовой формацией, приближающейся по типу к раннерабовладельческим обществам древнего Востока.

¹⁴ Ленцман Я. А. Рабство... С. 281.

¹⁵ Лурье С. Я. История Греции. Л., 1940. С. 65; см. также С. 49 слл. К сожалению, это важное положение не получило дальнейшего развития в работах самого С. Я. Лурье. В своих исследованиях последнего периода он явно склоняется к сближению, если не к прямому отождествлению

В дальнейшем мысль Лурье о неравномерности социально-экономического развития отдельных районов греческого мира во II тыс. до н. э. была существенно углублена и модифицирована другими учеными. В работах отечественных историков К. М. Колобовой, Я. А. Ленцмана и югославской исследовательницы Ф. Папазоглу¹⁶ общественное устройство самих микенских государств было охарактеризовано как результат своеобразного симбиоза примитивных родовых общин с общинами более продвинутого типа, уже вступившими на стадию классовообразования. В наиболее определенной, можно даже сказать, акцентированной форме эта идея была выражена в статье Папазоглу «К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции». «...Микенские государства, — писала она, — должны были представлять специфический вид раннерабовладельческих государств, в которых родовое устройство сочеталось с классовым. Формирование этих государств должно было происходить под сильным влиянием перенесенной критской культуры раньше, чем внутренний подъем экономических сил привел к расслоению родового строя. При таких условиях процесс классовообразования захватил лишь некоторые из многочисленных родов, а именно те, которые, приходя в ближайшее соприкосновение с материальными богатствами более культурных критских и древневосточных соседей, приобрели большую силу и сумели захватить более или менее обширные территории. Но масса населения в этих государствах продолжала жить в условиях первобытно-общинного строя. Связи этих родов с центральной государственной властью не могли быть особенно глубокими и прочными и не способствовали разрушению бесклассового строя. Оттого и могло произойти, что, после крушения микен-

микенского и гомеровского обществ, что делает излишним сам вопрос о путях перехода с одного этапа на другой. (См.: Лурье С. Я. 1) Язык и культура микенской Греции. М.-Л., 1957. С. 11; 2) К вопросу... С. 10).

¹⁶ Ленцман Я. А. 1) Греция XI-IX вв. до н. э. // Всемирная история. Т. 1. М., 1955. С. 640; 2) Рабство... С. 282; Колобова К. М. Греция XI-IX вв. до нашей эры. Л., 1956. С. 10; Папазоглу Ф. К вопросу о преемственности... С. 37.

ских государств, вызванного как внешними, так и внутренними причинами, вся Греция оказалась снова разбита на части, живущие в разрозненных родо-племенных организациях».

Итак, к началу 60-х годов историческая наука уже достаточно далеко ушла в своем понимании социальных процессов, происходивших в Греции во II тыс. до н. э., от тех однозначных оценок этой эпохи, которыми оперировали историки предшествующего периода, видевшие свою задачу в решении простой дилеммы: «родовой строй или классовое общество»¹⁷. Согласно новой научной концепции, бегло очерченной в трудах Колобовой, Ленцмана и Папазоглу, микенская социально-экономическая система соединяла в себе элементы как той, так и другой общественной формации или, может быть, правильнее было бы сказать, соединяла два разных уклада в рамках одной формации: именно этим, в понимании указанных авторов, объясняется ее внутренняя непрочность и окончательный распад, приведший все греческое общество к состоянию длительного упадка¹⁸.

¹⁷ Правда, уже в ходе дискуссии 1940 г. некоторые из ее участников (С. П. Толстов, А. В. Мишулин) призывали уделять больше внимания пережиткам первобытнообщинного строя и роли общины в жизни крито-микенского общества (*Шепунова Т. В.* В Академии наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре // ВДИ. 1940. № 2. С. 212 сл., 215). Однако в то время эти призывы так и не нашли отклика.

¹⁸ В отличие от Лурье сторонники новой концепции связывают возрождение первобытнообщинного строя в послемикенское время не столько с приходом дорийцев и других выходцев из северобалканского региона, сколько с оживлением древних общинных традиций среди самого ахейского населения. К. М. Колобова даже впадает в известную крайность, утверждая, что это оживление было особенно заметно «в тех районах, где не оказалось завоевателей — дорийцев и эолийцев» (*Колобова К. М.* Греция XI—IX вв. ... С. 10). Напротив, в районах, вошедших в зону завоевания, почти сразу же начали складываться рабовладельческие отношения на почве массового порабощения пришельцами местного населения (*Колобова К. М.* К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема «переходного» периода в Эгее // Из истории древнего мира и средних веков / УЗ ЛГУ. 1956. № 192, Серия ист. наук. Вып. 21. С. 50 сл.). Несколько иную картину этой эпохи мы находим в более поздних работах того же автора (*Колобова К. М.* 1) Греция // СИЭ. Т. 4. М., 1963. С. 730; 2) К вопросу о происхождении афинского государства // ВДИ. 1968. № 4. С. 41 сл.).

Нам кажется, что эта концепция, несмотря на известную эскизность и логическую незавершенность ее основных положений, все же выгодно отличается от всех предшествующих ей схем социально-экономического развития эгейского мира. Обладая гораздо большей широтой и гибкостью, она более точно и с большим приближением к действительности передает сложную диалектику реального исторического процесса становления классов и государства на территории Греции.

Однако рецидивы устаревших теорий «прямолинейного непрерывного развития» время от времени еще дают о себе знать в нашей исторической литературе. Примером могут служить некоторые суждения, высказанные в монографии Т. В. Блаватской «Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура». Казалось бы, давно уже общепринятый в советской историографии тезис о повторном возникновении классов и государства в послемикенской Греции в этой работе практически снимается. Никакого перерыва в развитии греческого общества на рубеже II—I тыс. до н. э., в понимании Блаватской, не было, поскольку вся культурная история Греции на протяжении этих двух тысячелетий должна рассматриваться как «органический единый исторический феномен»¹⁹. По существу, не было в это время и никакого регресса. «Мы не считаем, — пишет Блаватская, — что крупное движение вперед в развитии производительных сил общества в XII—XI вв., обусловленное внедрением железа и одновременное ему крушение или последующее захирение монархических институтов, в дальнейшем приведшие к становлению республиканской формы государственного устройства в виде полисов, должны быть рассматриваемы как феномены периода упадка»²⁰.

В действительности, как то, так и другое явление были именно «феноменами периода упадка». Переход к обработке железа был вызван, как показали недавние исследования Снодграсса и Десбо-

¹⁹ *Блаватская Т. В.* Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976. С. 52.

²⁰ *Блаватская Т. В.* Там же. С. 51, прим. 16.

ро, в первую очередь острой нехваткой бронзы, наступившей после того, как Греция оказалась в почти абсолютной изоляции от всего остального Средиземноморья и была надолго отрезана от основных источников металла²¹. Переход этот, бесспорно, имел очень важные и, в основе своей, прогрессивные последствия, но сказались они далеко не сразу, во всяком случае не в XII—XI вв., когда индустрия железа на Балканах только еще делала первые свои шаги. Точно также и благотворные результаты распада микенской бюрократической монархии по настоящему проявили себя лишь несколько веков спустя, когда в Греции начал складываться рабовладельческий полис. В XII же столетии, когда этот распад, по всей видимости, происходил, он сопровождался, о чем ни в коем случае нельзя забывать, настоящей катастрофой, повлекшей за собой гибель микенской цивилизации и уничтожение ее важнейших экономических и культурных центров.

Учитывая все это, мы никак не можем поддержать Блаватскую в ее попытках представить микенскую и послемикенскую эпохи как две последовательные, тесно связанные между собой ступени в развитии единой рабовладельческой формации, причем во вторую из этих ступеней, по-видимому, включается и тот почти четырехвековой промежуток (с конца XII до середины VIII в.), когда в Греции, судя по всему, не было ни классов, ни государства²². Оспаривать этот совершенно очевидный для каж-

²¹ См. об этом ниже. С. 91.

²² См.: Блаватская Т. В. Греческое общество... С. 49 сл.: «Если преемственность культурных традиций III и II тысячелетий была осложнена разницей в социальной структуре общества, то гораздо менее значимой представляется нам грань между ахейской культурой и культурой следующего за дорийским переселением периода греческой истории, который мы предлагаем назвать «предполисным». Ведь основным содержанием переходного периода, связанного с вторжением дорян, была постепенная смена политических форм, освободившая путь для развития возникших уже в ахейском обществе социальных форм. Таким образом, вопрос стоял не о принципиально новом строении общественной жизни, но о дальнейшем развитии типологически единых институтов». Ср., однако, Блаватская Т. В.—Ленцман Я. А. Греция XI–IX вв. до н. э. // История древней Греции. Под ред. В. И. Авдиева, Н. Н. Пикуса и А. Г. Бокщанина. М., 1972. С. 84.

дого непредубежденного исследователя факт можно, лишь полностью игнорируя, во-первых, данные археологии, демонстрирующие явный упадок и разрыв культурной преемственности на хронологическом отрезке, по крайней мере, с XI по IX вв., и, во-вторых, свидетельства гомеровских поэм, вполне согласующиеся в этом плане с показаниями археологического материала²³.

Гораздо более конструктивным представляется нам тот подход к решению проблемы континуитета, который был намечен Я. А. Ленцманом в его книге «Рабство в микенской и гомеровской Греции». В заключительной части этого фундаментального труда мы находим краткую, но очень четкую формулировку, определяющую реальную долю микенских традиций в греческой культуре переходного периода: «Возможность и, думается, причина регресса лежала в узости социальной базы микенских обществ. Дворцы были лишь небольшими островками в море родовых поселений. Классовые отношения формировались только в непосредственной дворцовой округе. Именно это предопределило быстрый разгром верхушечной культуры при сохранении техники производства и условий быта рядового населения. Иными словами, гомеровское общество унаследовало не микенскую культуру в целом, а культуру рядового населения микенского времени. Только здесь наблюдается преемственность в экономике и в социальном строе»²⁴.

Если попытаться развить дальше эту в высшей степени плодотворную мысль (к сожалению, сам Ленцман изложил ее в чересчур суммарной и обобщенной форме), мы должны будем признать, что главным фактором, обеспечивавшим хотя бы частичную культурную преемственность в условиях катастрофического

²³ Впрочем, Блаватская не видит в этом никакой особой трудности, поскольку обе гомеровские поэмы, в ее понимании, ориентированы целиком и полностью на микенскую эпоху. В связи с этим и само понятие «гомеровский период» отвергается ею как «устаревшее» и «бесспорно неверное в свете новейших открытий». (Блаватская Т. В. Греческое общество... С. 50, прим. 14). См. также более раннюю работу того же автора — Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966. С. 8 слл.

²⁴ Ленцман Я. А. Рабство... С. 282.

распада микенской политической системы и всего связанного с ней социально-экономического упадка (так называемых «дворцовых хозяйств»), могла быть только стабильная общинная организация, охватывавшая основную массу земледельческого населения ахейской Греции. На протяжении всей микенской эпохи общины крестьян-землевладельцев входили в состав дворцовых государств в качестве их основных структурных ячеек. Они образовывали вокруг дворцов какое-то подобие питательной среды, без которой эти паразитические организмы едва ли смогли бы существовать. Многие из них, по-видимому, пережили все смены царских династий, завоевания и социальные катаклизмы, обрушившиеся на Грецию в тревожное время передвижения племен (XIII—XII вв.), и в резко изменившемся климате «темных веков» продолжали оставаться единственными носителями элементов культурной традиции эпохи бронзы.

Разумеется, внутренняя стабильность этих общин может быть понята лишь как нечто весьма относительное. При всех скидках на крайний консерватизм и даже застойность социальных структур такого типа трудно представить, чтобы длившееся несколько столетий подряд сосуществование примитивной общинной организации с уже достаточно развитым раннеклассовым государством не оказало на нее абсолютно никакого влияния. В этом случае нам пришлось бы допустить, что к концу II тыс. греческое общество снова оказалось на тех же исходных позициях, с которых когда-то начиналось его развитие²⁵. Против такого допущения

²⁵ Это — самый неясный момент в аргументации Ленцмана. Рассуждая об упадке греческого общества в послемикенское время, автор писал (Ленцман Я. А. Рабство... С. 199): «Классы и государство Эллады I тысячелетия не являются прямыми продолжателями микенских, которые, во всяком случае на материке Европы, исчезли после переселения дорян. Отправным пунктом дальнейшего развития стали те социально-экономические отношения, которые сложились не до, а после великих этнических передвижений». Безоговорочно поддерживая первое из этих двух положений, мы, пожалуй, не решились бы без колебаний принять и второе. Ведь социально-экономические отношения микенской эпохи не сводились (это, кажется, признает и сам Ленцман) к тем отношениям господства и подчинения, которые составляли основу дворцовых и храмовых хозяйств.

ния говорит буквально все, что нам известно о взаимоотношениях древнейших классовых обществ нашей планеты с окружающей их варварской периферией²⁶ (по существу, общины, о которых сейчас идет речь, были частью этой периферии, попавшей в орбиту притяжения микенских дворцовых центров).

Нельзя забывать также и о принципиальном различии путей становления классового общества в микенское и послемикенское время. При полном тождестве исходных моментов этого процесса было бы довольно трудно объяснить столь глубокое расхождение в его конечных результатах. Отсюда следует, что обстановка, сложившаяся в Эгейском регионе к началу I тыс., не была и не могла быть простым повторением той исторической ситуации, которая предшествовала зарождению микенской цивилизации за 700 или 800 лет до этого. Существенно изменился общий баланс сил, направлявших движение греческого общества по пути от варварства к цивилизации. Вступили в действие важные новые факторы, о которых в начале бронзового века, естественно, еще не могло быть и речи (наиболее очевидный пример — внедрение железа в греческую экономику). Наконец, существенные изменения претерпело и само греческое общество, постепенно эволюционировавшее в течение микенской эпохи от самых примитивных форм социальной организации к более сложным.

Основным направлением в этой эволюции было, как нам

Наряду с государственным экономическим сектором в ахейских царствах, как и в странах Передней Азии, по-видимому, существовал и сектор общинный или частно-общинный (Дьяконов И. М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., 3 // ВДИ. 1968. № 3. С. 3 сл.). На этом уровне может быть прослежена, как нам думается, одна непрерывная линия социального развития, тянувшаяся через все II тысячелетие и продолжающаяся также и в I-м. Ср. крайне противоречивые суждения по этому вопросу у Лурье (Лурье С. Я. История... С. 66 и 69).

²⁶ См.: Хазанов А. М. 1) Первобытная периферия античного мира // СЭ. 1971. № 6; 2) (При участии Л. Е. Куббеля и С. А. Созиной). Первобытная периферия докапиталистических обществ // Первобытное общество. М., 1975; Першиц А. И., Хазанов А. М. (ред.). Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий. М., 1978.

думается, медленное, но неуклонное расшатывание основ родового строя и постепенное нарастание в его недрах индивидуалистических частнособственнических тенденций (именно в этом смысле микенская эпоха может быть расценена как один из важнейших этапов в непрерывном процессе социально-экономического развития греческого общества). Возникновение раннеклассовых государств в некоторых наиболее интенсивных очагах этого процесса представляется нам, скорее, побочным и во многом преждевременным его результатом (об этом свидетельствует сама непрочность этих государств). Гораздо более важным (если взглянуть на него в наиболее протяженной исторической перспективе), хотя и не столь ясно выраженным его итогом, было изменение характера и структуры греческой общины. В двух словах это изменение может быть определено как переход от родовой или семейно-родовой общины к общине сельской, или соседской²⁷.

Заключительным этапом на этом пути может считаться послемикенская эпоха. Именно в это время, несмотря на глубокий упадок и регресс абсолютно во всех областях социально-экономической и культурной жизни страны, стала совершенно очевидной необратимость изменений, произошедших в глубинных слоях греческого общества за тысячу лет, отделяющую начало бронзового века от первых шагов века железа. Парадоксальное возрождение первобытнообщинного строя в послемикенской Греции обернулось его глубоким внутренним перерождением, которое свидетельствовало о том, что отпущенный ему историей запас прочности был уже в значительной мере исчерпан²⁸. Но именно это обстоятельство было лучшей гарантией того, что новую эллинскую цивилизацию, первые ростки которой начали проби-

ваться в VIII в., одновременно с появлением поэм Гомера, не постигнет судьба ее предшественницы — дворцовой цивилизации микенской эпохи. В отличие от микенской монархии, представлявшей собой своеобразный паразитический нарост на основном общинном субстрате раннегреческого общества, новый тип государства — полис, возникший в конце гомеровского периода в результате ряда последовательных модификаций первобытной соседской общины, был прямым порождением самого этого субстрата, можно сказать, «плотью от его плоти». Этим, по-видимому, и объясняется его исключительная жизнеспособность.

Разумеется, все высказанные выше соображения носят пока лишь априорный, предварительный характер и, как всякая гипотетическая конструкция, нуждаются в серьезной проверке фактами. Эта проверка и составляет основное содержание ниже следующих разделов нашей работы.

²⁷ Ср.: *Богачевский Б. Л.* Крито-микенская эпоха // История древнего мира. Под ред. С. И. Ковалева. Т. II. Ч. 1. М., 1936. С. 104 слл.; *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция. С. 106.

²⁸ Ср.: *Sarkady J.* Outlines of the development of Greek society in the period between the 12th and 8th cent. B. C. // Acta Antiqua Acad. Scient. Hungar. 1975. T. XXIII, f. 1-2. P. 122 ff.

ГЛАВА I

ГОМЕРОВСКИЕ ПОЭМЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Для каждого исследователя, изучающего раннегреческое общество и его институты, источником первостепенной важности являются две поэмы Гомера — «Илиада» и «Одиссея». Источник этот в высшей степени сложен, специфичен и требует поэтому сугубой осторожности в обращении. Перевод поэзии на язык конкретной политики или экономики всегда таит в себе немало трудностей для историка. Историческая интерпретация гомеровских поэм, помимо обычных затруднений, возникающих в таких случаях и вытекающих из условности и обобщенности поэтического языка, из избирательности поэтического видения мира, отсутствия строгой логической последовательности в поэтическом повествовании и других чисто художественных особенностей произведений такого плана, встречает на своем пути и еще одно трудно преодолимое препятствие. Дело в том, что мы до сих пор еще не можем сказать с полной уверенностью, на какую историческую реальность ориентировался Гомер, изображая Троянскую войну и другие связанные с ней события, и что собственно следует понимать под так называемым «гомеровским обществом»¹. Сам этот вопрос впервые возник в науке в конце прошлого века в непосредственной связи с великими археологическими открытиями Г. Шлимана.

Побуждаемый искренней любовью к Гомеру и азартом прирожденного кладоискателя, Шлиман сумел реабилитировать

¹ Подробный обзор дискуссии по этому вопросу и основную литературу см.: Lesky A. Homeros // RE, Suppl. XI. Stuttgart, 1968. S. 740 f.

«Илиаду» и «Одиссею» в глазах европейской науки, показав, что наряду с элементами вымысла, мифа в них есть и элемент саги, т. е. подлинной исторической трагедии. Раскопки Шлимана наглядно продемонстрировали историческую подлинность важнейших политических центров, фигурирующих в эпосе — Трои, Микен, Тиринфа, Орхомена, после чего появилась возможность говорить и о реальности запечатленных в поэмах событий из истории «героического века» и, прежде всего, о реальности самой Троянской войны². В ряде случаев обнаруживалось удивительное сходство между отдельными эпическими реалиями и предметами, найденными во время раскопок. Так, знаменитый в рост человека щит Аякса оказался изображенным на клинке бронзового кинжала из IV шахтовой могилы в Микенах, украшенном сценой охоты на львов. Остатки шлема из клыков вепря, обнаруженные в той же могиле, живо напомнили описание такого же шлема в X песни «Илиады», а найденный здесь же золотой кубок с двумя ручками, украшенными фигурками голубей, невольно ассоциировался с воспетым поэтом «двоедонным» кубком Нестора³. Аналогии такого рода, а их число при

² О историческом ядре предания см.: Hampl Fr. Die Ilias ist kein Geschichtsbuch // Serta philologica Aenipontana. Innsbruck, 1962; Finley M. f., Caskey S. L., Kirk G. S., Page D. L. The Trojan War // JHS. 1964. Vol. 84; Page D. L. History and the Homeric Iliad. Berkeley, 1959; Lesky A. Homeros... S. 750 f.; Geiss H. Troia - Streit ohne Ende // Klio. 1975. Bd. 57. H. 1; Гордезиани П. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. С. 162 сл.; Андреев Ю. В. Об историзме гомеровского эпоса // ВДИ. 1984. № 4. С. 3-11; *Он же История и миф в предании о Троянской войне // Шлиман, Петербург, Троя. Каталог выставки в Госуд. Эрмитаже. Санкт-Петербург, 1998. С. 94-119.

³ О микенских реалиях в эпосе см.: Nilsson M. P. Homer and Mycenae. London, 1933; Lorimer H. L. Homer and monuments. London, 1950; Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. London, 1958; Page D. L. History...; Kirk G. S. 1) Objective dating criteria in Homer // Museum Helveticum. 1960. Vol. 17; 2) The Songs of Homer. Cambridge, 1962; 3) The Homeric poems as history // CAH. Vol. II. Pt. 2. Ch. XXXIX (b). Cambridge, 1965; Wace A. B. and Stubbings F. H. (ed.). A Companion to Homer. London, 1962; Lesky A. Op. ext.; Archaeologia Homerica. Die Denkmäler und das frühgriechische Epos / Hrsg. von Fr. Matz und H.-G. Buchholz. Göttingen, 1967 и далее.

желании можно было и увеличить, заключали в себе немалый соблазн для историка, предлагая, казалось бы, простой и ясный ответ на вопрос о историческом «подтексте» гомеровской эпопеи. Держась за ниточку археологических ассоциаций, нетрудно было придти к выводу, что открытая Шлиманом микенская, или, как позднее ее стали называть, крито-микенская культура — это и есть гомеровская культура в собственном значении слова, а сам Гомер, если и не был современником Троянской войны, то жил во всяком случае спустя короткое время после нее и как придворный бард воспевал для ахейских или ахейско-ионийских владык славные подвиги их отцов и дедов, идя, как принято говорить, «по горячим следам» недавних событий. В нарочито парадоксальной форме эта мысль была сформулирована А. Эвансом в его известном высказывании о Гомере: «Гомер, собственно говоря, был переводчиком, и иллюстрированное издание его оригинала недавно вышло в свет на Крите и в Микенах; коротко говоря, он обрабатывал более древний минойский эпос»⁴.

Романтическая погоня за микенскими реминисценциями в эпосе, которой со страстью отдавались многие в особенности английские исследователи Гомера, в конце концов должна была уступить место трезвому и всестороннему анализу текста поэм во всеоружии современной историко-филологической критики. Систематическое изучение материальной культуры и быта гомеровских героев сквозь призму археологии, начатое в конце XIX века основополагающими трудами немецких ученых Гельбига и Рейхеля, было продолжено в следующем столетии М. Нильссоном, Шадевальдом, Лоример, Уэбстером и др.⁵ и в

⁴ Цит. по рецензии К. М. Колобовой на кн.: *Evans J. Time and Chance* // ВДИ. 1947. № 4. С. ПО.

⁵ Кроме литературы, указанной выше, в прим. 3, см.: *Helbig W. Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert*. Leipzig, 1887; *Reichel W. Homerische Waffen*. Wien, 1901; *Lang A. Homer and his age*. New York, 1906; *Schadewaldt W. Von Homers Welt und Werk*. Stuttgart, 1951; *Myres J. and Gray D. Homer and his critics*. London, 1958; *Bowra C. M. 1) Homer and his forerunners*. Edinburgh, 1955; 2) *Homer*. London, 1972.

настоящее время уже принесло свои осязаемые плоды. Благодаря проделанной этими исследователями скрупулезной работе стала ясна историческая сложность, многосоставность той культурной среды, в которой развивается действие обеих гомеровских поэм. Наряду со сравнительно немногочисленными предметами, бесспорно микенского происхождения, вроде щита Аякса или шлема Мериона, эта среда включает в себя и много других элементов, не имеющих никаких аналогий среди микенского археологического материала и, следовательно, принадлежащих более позднему времени. Сюда можно отнести упоминания об оружии и орудиях, изготовленных из железа, метательные копья, по-видимому, еще неизвестные в микенское время, бронзовые котлы и треножники, фигурирующие в поэмах как своеобразный символ богатства. Несомненно позднего происхождения безраздельно преобладающий в эпосе обычай кремации умерших, а также те пассажи «Одиссеи», в которых фигурируют финикийцы (они едва ли могли появиться в водах Эгейского моря ранее IX в. до н. э.)⁶. С другой стороны, такие важные элементы микенской цивилизации, без которых мы теперь не можем себе ее представить, как обнесенные мощными циклопическими стенами цитадели ахейских династий, их монументальные усыпальницы с купольным сводом, фресковая живопись, водопровод и канализация во дворцах, мощные дороги с мостами, наконец, линейное слоговое письмо остаются вообще вне поля зрения эпического поэта, как если бы он ничего не знал о их существовании. «Гомер и археология быстро расходятся — замечает известный английский исследователь М. Финли. — В целом ему было известно, где процветала микенская цивилизация, а его герои жили в больших дворцах, неведомых во времена самого Гомера (но непохожих на микенские или какие-либо другие дворцы). И это фактически все, что

⁶ *Lorimer H. L. Homer and...* P. 103 ff.; *Kirk G. S. The Songs...* P. 179 f.; *Bowra C. M. Homer*. P. 47 f.; *Lesky A. Homeros* S. 740 f.; *Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare*. Cambridge, 1973. P. 161 f.; ср.: *Hope Simpson R. A. and Lazenby J. F. The Catalogue of the Ships in Homer's Iliad*. Oxford, 1970. P. 2 f.

он знал о микенской эпохе, так как список его ошибок очень велик»⁷.

В полной мере это расхождение между свидетельствами эпоса и показаниями микенской археологии было осознано лишь после того, как были прочитаны первые таблички пилосского и кносского архивов. Вырисовывающиеся в этих документах контуры бюрократического государства с его централизованной экономикой, иерархией сословий, широко разветвленным фискальным аппаратом резко контрастируют с почти первобытной простотой жизни и нравов гомеровских героев. Элементарные житейские ситуации, в которые поэт ставит своих персонажей: публичная ссора двух царей; препирательство царя с простолюдином на народном собрании; пиры, участники которых сами готовят свою трапезу, а затем вкушают ее за одним столом с рабами и нищими; царь, лично надзирающий за работой на своем наделе или даже сам работающий на нем, — все это, конечно, не имеет ничего общего с тем приподнятым над обыденностью, насквозь ритуализированным бытом микенской дворцовой элиты, который угадывается за скупыми текстами табличек. Зато сцены такого рода были бы вполне уместны в патриархальной среде той примитивной сельской общины, которая, судя по всему, оставалась господствующей формой социальной и политической организации на протяжении всего так называемого «темного века» греческой истории (XI–IX вв. до н. э.). Очевидно, микенская цивилизация, как целое, была чужда и непонятна эпическому поэту, как давно забытое прошлое. Чисто автоматически воспроизводя в своем повествовании отдельные и, можно сказать с уверенностью, случайные приметы этой эпохи, он обнаруживает явную неспособность постичь ее специфику, ее историческое своеобразие⁸.

⁷ Finley M. I. The world of Odysseus. New York, 1978. P. 44 f; см. также: Carpenter R. Folk tale, fiction and saga in the Homeric epics. Berkeley-Los Angeles, 1956. P. 26 f; Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago, 1964 P. X.

⁸ Как справедливо замечает Финли (Finley M. I. The world of Odysseus. Harmondsworth, 1962. P. 166), возражая против попыток отождествления микенского и гомеровского обществ, «различие между ними заключалось

В свете всех этих фактов концепция «микенского Гомера», время от времени всплывающая на страницах как зарубежной, так и отечественной литературы, должна быть отнесена к разряду научных курьезов со всеми вытекающими отсюда последствиями⁹. Абсолютное большинство специалистов по «гомеровскому вопросу» склоняется в настоящее время к тому мнению, что известные нам «Илиада» и «Одиссея» не могли сложиться ранее VIII в. до н. э. или, говоря археологическим языком, до начала периода зрелого геометрического стиля (эпоха дилонских ваз), что не исключает, впрочем, и отдельных вкраплений, относящихся к еще более позднему ориентализирующему периоду¹⁰. Признавая все это за очевидную истину, мы не можем, однако, игнорировать и наличие в тексте поэм ряда ранних элементов, восходящих частью к «темному веку», частью к еще более ранней микенской эпохе, и должны так или иначе объяснить их происхождение.

В своем понимании природы гомеровского эпоса и характера его генезиса почти все современные филологи независимо от их «партийной» принадлежности — как представители лагеря «разделителей», так и последовательные «унитарии», исходят из одной общей посылки, которую можно определить как «концеп-

в самой их структуре, а не только в масштабе и размерах». См. также: Finley M. I. Homer and Mycenae: property and tenure // Historia. 1957. Bd. VI. H. 2. S. 133 f; Паназоглу Ф. К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции // ВДИ. 1961. № 1. С. 30. Ср.: Hope Simpson R. A. and Lazenby J. F. The Catalogue... P. 6 ff; Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966. С. 8 сл.; Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.-Л., 1957. С. 11; Andreyev Yu. Greece of the Eleventh to Ninth Centuries B.C. in the Homeric Epics // Early antiquity / Ed. I. M. Diakonoff. London, 1991. P. 328–346.

⁹ См., например, Stella L. A. Il poema d'Ulisse. Firenze, 1955; Kahl-Fürtmann G. Wann lebte Homer? Eine verschollene Menschheit tritt ans Licht. Meisenheim am Glan, 1967; Блаватская Т. В. Ахейская Греция. С. 8 сл.

¹⁰ Специально о датировке поэм см.: Kirk G. S. 1) Objective dating... P. 189 ff; 2) The Songs... P. 282 f; Lesky A. Homeros. S. 687 f; Гордезиани П. В. Проблемы... С. 213 сл.

цию устного поэтического творчества» (oral poetry)¹¹. Согласно этой концепции, Гомер¹² является замыкающим звеном в длинной цепи поэтов-сказителей (аэдов), с незапамятных времен воспевавших подвиги героев Троянской войны, не прибегая к письменному тексту. Есть основания считать, что устная поэтическая традиция, образующая фундамент гомеровских поэм, ту питательную среду, в которой они обе возникли и оформились, уходит своими корнями далеко в глубь веков, достигая того времени, когда, согласно подсчетам археологов, должна была погибнуть реальная Троя (примерно, середина XIII в.), а, возможно, и еще более отдаленного прошлого¹³. Подобно мощному насосу, героическая поэзия в своем развитии извлекала из глубин греческой истории и выносила на поверхность отложившиеся в тексте поэм и образующие его древнейшие исторические пласты формулы, образы, мотивы.

Определенный процент в этом «осадке» должны, по-видимому, составлять формулы и мотивы микенского происхождения¹⁴. Однако несмотря на то, что теоретически вероятность сохранения в эпосе исторической информации, восходящей к

¹¹ Об этой концепции см.: *Parry M.* The Making of Homeric Verse. Oxford, 1971; *Bowra C. M.* Homer. P. 10 f; *Lesky A.* Homeros. S. 693; *Kirk G. S.* The Homeric poems as history. P. 4 f; *Lord A. B.* The Singer of tales. Cambridge (Mass.), 1960. P. 3 ff; *Гордезуани Р. В.* Проблемы... С. 243 слл.

¹² Говоря о Гомере как о едином авторе обеих поэм, мы лишь следуем общепринятой условности, имея в виду, что вопрос о том, была ли каждая из поэм создана одним и тем же поэтом или двумя разными, пока еще далек от своего окончательного решения (см.: *Kirk G. S.* The Songs... P. 288 f.).

¹³ *Bowra C. M.* Homer. P. 46 f; *Webster T. B. L.* From Mycenae... P. 91 f; *Page D. L.* History and... P. 259 f; *Тронский И. М.* Проблемы гомеровского эпоса // Гомер. Илиада. М.-Л., 1935. С. LV. сл.

¹⁴ Чрезвычайно высоко оценивают роль микенского наследия в эпосе *Severyns A.* Homere. T. I. Le cadre historique. T. III. L'artiste. Bruxelles, 1945, 1948; *Webster T. B. L.* From Mycenae...; *Page D. L.* History and...; *Luce J. V.* Homer and the heroic Age. London, 1975 и др. Против этой тенденции выступают *Carpenter R.* Folk tale, fiction... P. 23 f; *Finley M. I.* The world... (1978). P. 44 f; *Kirk G. S.* The Songs... P. 106 f; *Lesky A.* Homeros. S. 715 f; *Codino F.* Einführung in Homer. Berlin, 1970. S. 72.

микенской эпохе, несомненно, существует, на практике всегда бывает достаточно трудно выявить ее в тексте поэм и отделить от материала, привнесенного в другое более позднее время. Ясно выраженные микенские реминисценции вроде уже упоминавшегося шлема из клыков вепря встречаются у Гомера крайне редко, как своеобразные поэтические окаменелости, чудом уцелевшие в чуждой им культурной среде. Как правило, эксперименты по расчленению гомеровского текста на разновременные культурно-исторические слои наталкиваются на упорное сопротивление самого языка поэм, в котором старые (ахейско-эолийские) и новые (ионийские) формы слов тесно связаны между собой, образуя, по определению английского филолога Кёрка, своего рода лингвистическую амальгаму¹⁵. Но амальгама лингвистическая предполагает как свое естественное дополнение сплав разновременных культурных слоев — cultural amalgam, по выражению того же Кёрка¹⁶. Действительно, внимательный анализ показывает, что элементы материальной и духовной культуры, религиозные верования и политические воззрения, принадлежащие к различным историческим эпохам, постоянно переплетаются в эпосе, порождая сложные, а подчас причудливые и парадоксальные комбинации. При этом более ранние напластования трансформируются под воздействием более поздних, до известной степени уподобляясь им.

Эпическая картина мира включает в себе немало анахронизмов. Иногда один и тот же предмет соединяет в себе, казалось бы, несоединимые черты и признаки, заимствованные у совершенно различных и в разное время существовавших предметов¹⁷. Так, микенский «башнеподобный» щит (body-shield) в

¹⁵ *Kirk G. S.* The Songs... P. 192 f. См. также: *Тронский И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 121 слл.

¹⁶ *Kirk G. S.* The Songs... P. 179 f. Также *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. P. 158.

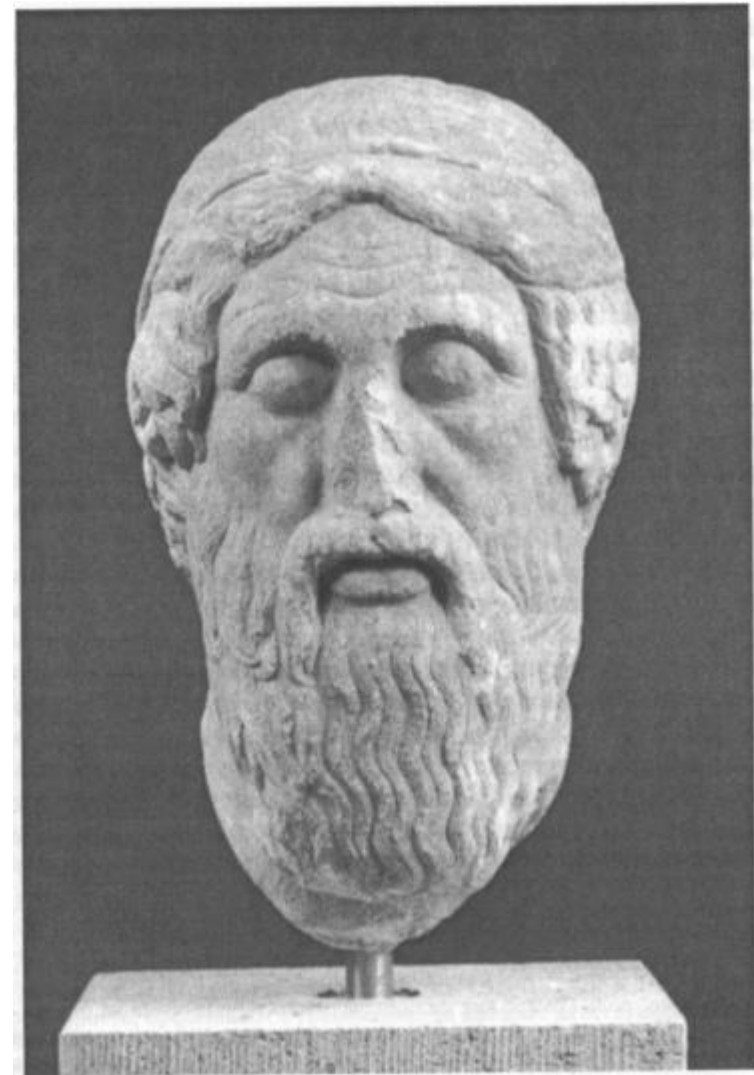
¹⁷ О гомеровских анахронизмах см.: *Lorimer H. L.* Homer and monuments. P. 256 ff; *Webster T. B. L.* From Mycenae... P. 101 f; *Kirk G. S.* The Songs... P. 179 f; *Bowra C. M.* Homer. P. 47 f.

некоторых случаях сливается с более поздним круглым щитом (например, щит Гектора в II. VI, 117 сл.). Одиночное копье для ближнего боя в одних и тех же сценах варьируется с парой метательных (так, в II. XXII, 273 слл.). Явной печатью анахронизма отмечено описание дворца Одиссея во второй гомеровской поэме. С типичной для микенских дворцов Пелопоннеса (прежде всего, Пилоса и Тиринфа) планировкой в нем мирно уживаются также, безусловно, поздние детали, как земляной пол и деревянные стены¹⁸. Догадываясь о расположении комнат в царском жилище, Гомер явно неспособен представить себе его внешний облик. Поэтому он нигде не упоминает о настенной живописи и колоннах, о домашних святилищах и водопроводе. Ему неизвестно, что дворец микенского царя не мог стоять прямо на городской улице, как дом Одиссея, а был отделен от внешнего мира мощным кольцом циклопических стен. Такое соединение точного знания о прошлом с абсолютным невежеством способно поставить в тупик человека, незнакомого с формульной техникой народной эпической поэзии.

Именно формула, т. е. стандартная, неизменно повторяющаяся в сходных условиях группа слов (иногда даже целый кусок текста), является основным структурным элементом эпического повествования и вместе с тем выполняет функцию конденсатора и передатчика исторической информации, поступающей таким образом из «нижних этажей» устной поэтической традиции в самые верхние¹⁹. При этом, однако, эпическая формула, как это было отмечено в ряде недавно опубликованных специальных работ по вопросам поэтической техники Гомера, вовсе не является чем-то абсолютно застывшим и однозначным. Во многих случаях она обнаруживает удивительную пластичность, легко приспособляясь к совершенно чуждому для нее контексту и

¹⁸ *Lorimer H. L.* Homer and... P. 406 f; *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 225.

¹⁹ О роли формул в поэтической технике Гомера см.: *Parry M.* The Making...; *Lord A. B.* The Singer...; *Bowra C.M.* 1) Heroic poetry. London, 1952; 2) Homer. P. 10 f; *Тронский И. М.* Вопросы... С. 139 слл.

Гомер. Мрамор. Ок. 460/450 гг. до н. э.
Мюнхен. Глиптотека

меня тем самым свой первоначальный смысл²⁰. Конечно, точная подгонка формулы к месту не всегда оказывается возможной. Отсюда многочисленные логические неувязки и противоречия в тексте поэм, в том числе и анахронистического характера. Переходы с одного временного уровня на другой постоянно происходят в эпосе по ходу развития сюжета и сам поэт, по-видимому, далеко не всегда отчетливо сознает это. Тем не менее, несмотря на свою внутреннюю гетерогенность, картина жизни «героического века» в поэмах оставляет впечатление чего-то цельного, монолитного. Разнородность используемого поэтом фольклорной) материала, как правило, ускользает от внимания читателя, что находит свое объяснение прежде всего в искусной компановке и строгом отборе этого материала, а также и в известной его переработке. Во всем этом проявляется авторское вмешательство самого Гомера в стихийный и, казалось бы, неуправляемый процесс эпического стихосложения, его организующая творческая воля²¹.

Отбор традиционного материала в поэмах идет по двум основным направлениям, которые условно можно определить как «архаизирующее» и «модернизирующее». Для того, чтобы создать у слушателя или читателя ощущение исторической дистанции, отделяющей его от описываемых событий, Гомер отчасти по собственному усмотрению, отчасти же следуя, вероятно, унаследованной от предшественников системе поэтических запретов, упорно избегает всего, что могло нарушить совершенно обязательную в рассказе о героическом прошлом иллюзию

²⁰ Hainsworth J. B. The Flexibility of the Homeric formula. Oxford, 1968; Hoekstra A. Homeric modifications of formulaic prototypes. Amsterdam, 1965; Bowra C. M. Homer. P. 43 f.; Тронский И. М. Вопросы... С. 148; Гордезиани Р. В. Проблемы... С. 252 сл.

²¹ Конечно, роль Гомера как индивидуального творца эпоса не ограничивалась лишь распределением уже готовых формул, либо их подгонкой к месту. Исследования последних лет показывают, что значительную часть текста поэм составляют единичные, нигде более не повторяющиеся фразы, очевидно, принадлежащие самому поэту. См.: Hainsworth J. B. Structure and content in epic formulae // CQ. 1964. Vol. 58; Lesky A. Homeros. S. 700; Тронский И. М. Вопросы языкового развития... С. 144 сл.

остраненности. Так можно объяснить почти полное исключение из обихода героев поэм железного оружия, рыбной и молочной пищи, верховой езды и т. д. Среди племен и народов, фигурирующих в эпосе, дорийцы и ионийцы упоминаются лишь эпизодически, как новопришельцы, не имеющие прямого отношения к поколению героев. Почти совершенно игнорируются в поэмах такие очевидные (для VIII в. до н. э.) новшества, как Олимпийские игры, рост влияния Дельфийского оракула, изобретение нового алфавитного письма, основание новых колоний на Западе и т. п.²²

Однако эта нарочитая архаизация уравнивается и даже перевешивается в гомеровской эпосе тенденцией противоположного характера, выражающейся в бессознательном «осовременивании» прошлого, в постоянном переосмыслении и наполнении новым содержанием традиционных тем и образов древней героической поэзии²³. Несмотря на встречающиеся в эпосе элементы исторической рефлексии, мышление Гомера в целом антиисторично. Прошлое в сознании поэта никогда не бывает резко отделено от настоящего. Вместе они образуют некий временный континуум, в котором весь мир, за исключением самих героев, отличающихся во многом от своих отцов и дедов, пребывает в более или менее статичном состоянии. Иначе говоря, история воспринимается Гомером только как смена человеческих поколений, но не как процесс социального и культурного развития²⁴. Собственно исторические факты, находящиеся за рамками повседневного опыта современников поэта и, следовательно, не «вписывающиеся» в созданную им картину неизмен-

²² Lesky A. Homeros. S. 741; Straßburger H. Homer und die Geschichtsschreibung. Heidelberg, 1972. S. 27 f.; Finley M. I. The world... (1978). P. 148 f.; Тронский И. М. Проблемы... С. XXXVIII сл. Гораздо полнее мир, окружающий поэта, представлен в сравнениях, на которые действующая в эпосе система запретов и умолчаний, очевидно, не распространяется. См. о них: Bowra C. M. Homer. P. 62 f.; Severyns A. Homere. T. III. P. 131 s.

²³ Тронский И. М. Проблемы... С. XXXIX.

²⁴ Аналогичные наблюдения на материале исландских саг сделаны А. Я. Гуревичем (Гуревич А. Я. История и сага. М., 1972. С. 35).

ного мира, либо просто устраняются из эпического рассказа, либо получают в нем совершенно иное освещение, приближенное к понятиям современной аудитории. Поэтому на карте гомеровского мира мы не находим, например, давно исчезнувшее Хеттское царство, хотя в микенских сагах о Троянской войне оно, вероятно, упоминалось неоднократно²⁵. Зато Египет, который продолжал оставаться для греков неотъемлемой частью окружающей их ойкумены, является местом действия нескольких любопытных эпизодов «Одиссеи». Вероятно, по этой же причине в эпосе отсутствуют развернутые описания сражений на колесницах (герой обычно только подъезжает на колеснице к месту боя, сражается же, сойдя на землю), хотя в микенской поэзии сцены колесничных схваток были, по-видимому, одним из широко распространенных общих мест²⁶. Да и вся эпоха Троянской войны предстает перед нами в «Илиаде» и «Одиссее» не в сложных до вычурности формах реальной микенской цивилизации, о которой поэт, судя по всему, почти ничего не знает, а как спроецированная в «героический век» модель современного ему ионийского полиса²⁷. По существу прошлое

²⁵ Page D. L. History and... P. 66; ср.: Severyns A. Homere. T. I. P. 70 s.; Bowra C. M. Homer and his... P. 38.

²⁶ Отголоски микенской колесничной тактики встречаются в «Илиаде» лишь в подчеркнуто архаизированном контексте. Так, в рассказе Нестора о битве пилосцев с эпейцами (II. XI, 742 слл.; ср. IV, 300 сл.). Оригинальная теория английского историка Гринхала, доказывающего, что гомеровские колесничные есть ничто иное, как «загримированные под старину» всадники или даже конные гоплиты (Greenhalgh P. A. L. Early Greek...), как нам кажется, не снимает всех трудностей, связанных с этой проблемой. Ср.: Kirk G. S. 1) The Homeric poems... P. 22 f.; 2) War and the warrior in the Homeric poems // Problemes de la guerre en Grece Ancienne / Ed. J. P. Vernant. Paris, 1968. P. III s.; Anderson J. K. Greek chariot-borne and mounted infantry // AJA. 1975. Vol. 79, 3.

²⁷ Тронский И. М. Проблемы... С. XXXVIII; Rose P. W. Class ambivalence in the Odyssey // Historia. 1975. Bd. XXIV. H. 2. S. 131 ff. Ср.: Straßburger H. Homer und... S. 31 f. Об аналогичной модернизации традиционных сюжетов в современной Гомеру вазовой живописи см.: Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece: An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries B.C. Edinburgh, 1971. P. 432 ff.

для Гомера это — то же настоящее, но улучшенное, облагороженное, приподнятое над житейской прозой современности. Серьезных качественных различий между тем и другим он не замечает или не хочет замечать. В этом отношении историческое мышление Гомера находится примерно на том же уровне развития, на котором стоят, например, создатели таких шедевров средневекового европейского эпоса, как «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах», «Беовульф» и т. д. Во всех этих случаях к событиям далекого прошлого «привязывается» обобщенная и идеализированная, но все же достаточно определенная в своих основных очертаниях картина современной поэту исторической действительности²⁸.

В своей последней посмертно опубликованной книге «Вопросы языкового развития в античном обществе» замечательный советский филолог и лингвист И. М. Тронский писал: «Гомеровской „эпохи“ как некоей синхронной реальности, изображаемой в эпосе, не существует; в эпосе отражена не отдельная эпоха, а огромная перспектива исторического развития. Это справедливо и по отношению к содержанию поэм и в плане их языка»²⁹. Глубоко верная в своей основе эта мысль нуждается,

²⁸ Finley M. I. Homer and Mycenae... P. 147, note 1. Ср.: Snodgrass A. M. An historical Homeric society? // JHS. 1974. Vol. 94. P. 124 f. Необходимо подчеркнуть, что во всех перечисленных случаях (и гомеровские поэмы в этом плане не составляют исключения) мы имеем дело с особой формой эпической поэзии — крупномасштабным героическим эпосом или, по определению А. Хойслера, «литературным или книжным эпосом». Одна из главных особенностей этой формы эпоса, отличающая ее от исторически предшествующей ей фольклорной формы эпического творчества (примером могут служить русские былины или сербские героические песни), заключается в гораздо большей определенности основного исторического фона, который обычно бывает максимально приближен ко времени жизни самого поэта. См.: Путилов Б. П. Об историзме русских былин // Русский фольклор. Т. X. Специфика фольклорных жанров. М.-Л., 1966. С. 115 слл.

²⁹ Тронский И. М. Вопросы... С. 150 сл. Ясно выраженная анахроничность эпической поэзии заставляет некоторых авторов усомниться в исторической реальности самого гомеровского общества. Нередко высказывается мнение, что представленная в эпосе картина социальных отношений не может быть связана с каким-то одним определенным периодом греческой

однако, в некоторых коррективах. Вполне естественно было бы ожидать, что стоящий в самом конце «огромной перспективы исторического развития» поэт будет всего яснее и лучше различать в этой перспективе хронологически наиболее близкие к нему явления, лишь смутно догадываясь о более удаленных. Сопоставление материала поэм с данными археологии и микенской письменности вполне подтверждает это предположение. Как было уже отмечено, древнейшие микенские элементы в их чистом виде составляют не очень значительную долю в общем культурно-историческом контексте «Илиады» и «Одиссеи». Доминирующее положение в этом контексте занимают, безусловно, сравнительно поздние элементы, либо современные самому поэту, либо относящиеся к тому недавнему прошлому, которым были для него последние столетия «темного века»³⁰.

истории. Лишенная подлинного внутреннего единства, она искусственно совмещает в себе признаки различных социальных систем, существовавших в разное время и в разных местах (Ленинград Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 228 сл.; Long A. A. Morals and values in Homer // JHS. 1970. Vol.90. P. 122; Hope Simpson R.A. and Lazenby J. F. The Catalogue... P. 9; Snodgrass A. M. An historical Homeric society? P. 114 f. Ср.: Ярхо В. Н. Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 1962. № 2. С. 6.) Все эти скептические выпады легко парируются с помощью главного довода школы унитариев. Художественное единство гомеровских поэм предполагает в качестве своего естественного дополнения также и принципиальное единство их исторической основы. Встречающиеся в поэмах противоречия в том числе и исторического характера имеют лишь частное значение и, как правило, отступают на задний план перед единой, пронизывающей весь эпос концепцией «героического общества». Отдельные реликты микенской эпохи и других древнейших периодов не нарушают внутренней цельности этой концепции, ориентированной по преимуществу на ближайший к самому поэту отрезок времени (Codino F. Einführung in Homer. S.73; Adkins A. W. H. Homeric values and Homeric society // JHS. 1971. Vol. 91 P. 1 ff; Finley M. I. The world... (1978). P. 48, 153).

³⁰ Преобладание сравнительно поздних ионийских форм в языке поэм означает, что в своих основных чертах эпический диалект не мог сложиться до завершения так называемой «ионийской колонизации» западного побережья Малой Азии, т. е. ранее X в. до н. э. (Kirk G. S. 1) The Songs... P. 192 f; 2) The Homeric poems... P. 12 f; Тронский И. М. Вопросы... С. 121 сл.).

Если попытаться дать более точное определение того хронологического отрезка, который мог послужить основным источником исторической информации для создателя (или создателей) «Илиады» и «Одиссеи», то наиболее вероятной верхней его границей мы должны будем признать рубеж VIII-VII вв. до н. э., поскольку именно к этому времени большинство исследователей, специально занимавшихся проблемами хронологии гомеровского эпоса, относит создание последней из двух поэм³¹. Очертания нижней границы того же отрезка пока еще сильно размыты, и установить их можно лишь с большей или меньшей степенью приблизительности.

Исходить здесь следует из того, как нам думается, решающего обстоятельства, что не только микенская эпоха, но также и непосредственно следующий за ней период миграций (XII-X вв.) остаются для Гомера далеким прошлым, о котором он имеет лишь самые смутные и неясные представления. Весь житейский уклад, изображенный в поэмах, свидетельствует о давно уже наступившей прочной оседлости, а также и об известном материальном достатке, хотя еще и весьма далеком от сказочных богатств микенских царей, но все же уже заметно превышающем крайне низкий жизненный уровень эпохи передвижения племен, о котором мы можем судить по погребениям субмикенского и протогеометрического периодов³². Было бы трудно, однако, определить с достаточной точностью, где проходит грань, отделяющая эпоху миграций от следующего за ней периода относительной стабильности. Очевидно, сам переход греческого общества из одного состояния в другое был достаточно длительным и постепенным процессом, и, конечно, не мог завершиться в рамках одного десятилетия. Следует также иметь в виду, что в различных районах европейской и азиатской Греции этот процесс протекал крайне неравномерно: в одних местах

³¹ Lorimer H. L. Homer and monuments. P. 493 ff; Webster T. B. L. From Mycenae... P. 282 f; Kirk G. S. The Songs... P. 287; Lesky A. Homeros. S. 687 f.

³² Finley M. I. Homer and Mycenae: property and tenure. S. 136; ср.: Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. P. 392 f.

он мог закончиться уже к началу или середине X в., в других лишь к концу того же столетия³³.

Таким образом, собственно гомеровским периодом, если признать, что за этим понятием все же скрывается некая объективная реальность, а не просто вневременная поэтическая фикция, может считаться хронологический отрезок продолжительностью около двух или двух с половиной столетий, ограниченный с одной стороны завершающей фазой миграционного движения греческих племен (примерно, вторая половина X в.), с другой начальной стадией так называемой «Великой колонизации» (вторая половина VIII в.), что в переводе на принятую сейчас археологическую периодизацию должно соответствовать геометрическому периоду, возможно, с добавлением также и заключительной части предшествующего протогеометрического периода.

Предлагаемая нами датировка существенно отличается от принятого в советской историографии античности определения гомеровского периода как промежуточного этапа, отделяющего микенскую эпоху от архаической. Обычно в это понятие включаются три столетия — с XI по IX в., что приблизительно соответствует «темному веку» (или векам) у западных историков³⁴. Если следовать нашей датировке, гомеровский период

³³ Snodgrass A. M. The Dark... P. 330 ff.; Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. London, 1972. P. 344 ff.

³⁴ Так определяют хронологические рамки гомеровского периода: *Ленцман Я. А.* Греция XI—IX вв. до н. э. // *Всемирная история*. Т. 1. М., 1955. С. 637; *Колобова К. М.* Греция XI—IX вв. до нашей эры. Л., 1956. С. 3; *Ленцман Я. А.* Греция XI—IX вв. до н. э. (Гомеровский период) // *История древней Греции*. Под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса. М., 1962. С. 109; *Сергеев В. С.* История древней Греции. М., 1963. С. 100. Встречаются, однако, и отдельные отклонения от этой схемы. Так, у Лурье (*Лурье С. Я.* История Греции. М., 1940. С. 50) мы находим даты X—VIII вв.; у Ленцмана (*Ленцман Я. А.* Рабство... С. 193) — XI — первая половина VIII в.; у Сергеева (*Сергеев В. С.* История древней Греции. М., 1948. С. 104 сл.) — XII—VIII в. Аналогичные колебания наблюдаются и в определении продолжительности «темного века» в западной историографии. Так, по Старру (*Starr Ch. G.* The Origins of Greek Civilization. 1100-650 B. C. New York, 1961. P. 78), этот

должен складываться из двух далеко неравнозначных по вкладу, внесенному ими в развитие греческой культуры, хронологических отрезков, охватывая, с одной стороны, значительную часть «темного века» (примерно, от середины X до конца IX в.), а с другой стороны, все VIII столетие, обычно считающееся интегральной частью архаической эпохи, или периода колонизации.

Внутренняя неоднородность этой хронологической конструкции различима, можно сказать, простым глазом. Для этого достаточно сравнить все, что нам известно (прежде всего, по археологическим источникам) об уровне экономического и культурного развития Греции в начале и в конце этого периода. Контраст окажется самым разительным. Вместе с тем, несмотря на разнородность составляющих его частей, гомеровский период может и должен рассматриваться как определенное структурное единство, соответствующее одной из фаз в поступательном движении греческого общества на пути от варварства к цивилизации. В двух словах сущность этой фазы может быть определена как переход со стадии первобытной соседской общины на стадию раннего полиса, или архаического города-государства.

Разумеется, в эпосе мы не найдем прямого отражения этого важного исторического скачка. Гомер, как и всякий эпический поэт, отнюдь не стремился к тому, чтобы показать современное ему общество в его развитии, в состоянии непрерывного внутреннего изменения. Напротив, внимательное чтение поэм убеждает нас в том, что наиболее динамичные, дестабилизирующие факторы, участвовавшие в общественной жизни Греции IX—VIII вв. (основание колоний, развитие ремесла и торговли, обострение социальных противоречий внутри общины и т. п.), как правило, старательно обходятся Гомером. Из современной ему картины социальных отношений поэт заимствует и всячески выдвигает на первый план в основном наиболее статичные,

период охватывает весь промежуток времени между 1150 и 750 гг., по Снодграссу (*Snodgrass A. M.* The Dark Age... P. 2) — XI—VIII вв., по Десборо (*Desborough V. R. d'A.* The Greek Dark... P. 11) - 1125-900 гг., по Кёрку (*Kirk G. S.* The Homeric poems... P. 25) - только 1125-1050 гг. (Ср.: *Kirk G. S.* The Songs... P. 131).

Хронологические рамки гомеровского периода.

Можно ли считать VIII век интегральной частью гомеровского периода?

Рез фактов указывает на то, что "Илиада" и "Одиссея" могли быть созданы только в VIII столетии, не позже и не раньше.

I Факты внешнего происхождения:

- 1) Внешне гомеровский эпос ощущается в произведениях древнегреческих поэтов, живших в VII в.: Архилоха, Тиртея, Каллима и др.
  - 2) Это внешне ощущается также и в произведениях греческого искусства, начиная, по крайней мере, с конца VIII в.
  - 3) Широкое распространение нового алфавитного письма, допускающего запись поэмы такого масштаба, как "Илиада" и "Одиссея", свидетельствует только о второй половине VIII в., причем некоторые из относящихся к этому времени надписей, например, Метигская надпись, не связаны с о. Мехи, явно являясь находками в кругу гомеровской традиции.
  - 4) Сходные мотивы и тенденции в вазовой живописи позднего VII в.
- ### II Факты, почерпнутые из самого эпоса:

- 1) Среди народов, проживавших в Малой Азии, Трое (в "Илиаде") ясно виден как самый могущественный из племен этой страны. Но расцвет Фригийского царства при Тродасе и Мидасе приходится именно на VIII в.
- 2) В "Одиссее" Гомер упоминает о киммерийцах как о народе, обитавшем на самом краю земли. Такое представление об этом народе могло сложиться у ионийских греков только до конца VIII в., когда киммерийцы вторглись в Малую Азию, создав непосредственную угрозу для греческих городов этого района. Мифы с героями этой эпохи, первые сведения о киммерийцах еще не могли проникнуть в Третию книгу начала VIII в., так как освещение традиций Фригийского бассейна началось лишь во второй половине этого столетия.

жизнь у ионийских греков только до конца VIII в., когда киммерийцы вторглись в Малую Азию, создав непосредственную угрозу для греческих городов этого района. Мифы с героями этой эпохи, первые сведения о киммерийцах еще не могли проникнуть в Третию книгу начала VIII в., так как освещение традиций Фригийского бассейна началось лишь во второй половине этого столетия.

- 3) Некоторые эпизоды "Илиады" свидетельствуют о знакомстве поэта с тактикой политической борьбы, появление которых впоследствии можно отнести ко времени ранее середины VIII в.
- 4) Третья книга этого же времени может быть отнесена к декоративным мотивам «гомеровского» (например, на издании Агамемнона).
- 5) Еще не могут датироваться временем более ранним, чем начало VIII в. упоминание о критских храмах.

Раздумья Юрия Викторовича, записанные на отдельном листе с оборотом. Автограф

традиционно обусловленные моменты. Благодаря этому у читателя создается иллюзия абсолютной неподвижности и гармонической уравновешенности изображаемой им социальной системы. Лишь глухие намеки, встречающиеся время от времени в тексте поэм, указывают на известное неблагополучие и нестабильность в окружающей поэта социальной среде.

Итак, все, что может дать нам гомеровский эпос как источник конкретной исторической информации, заключает в себе искусственно сбалансированная и, конечно, сильно отличающаяся от своего реального прототипа модель ионийского общества, хронологически локализуемая, несмотря на наличие ряда реминисценций более раннего времени, преимущественно в промежутке с IX по VIII в. до н. э. Сам этот период предстает перед нами в зеркале эпической поэзии как бы в своей среднестатистической оценке. Резкие различия между началом и концом периода, о которых нас информирует главным образом археология, у Гомера почти не ощущаются: настолько они сглажены общей архаизирующей тенденцией эпического повествования³⁵. В результате такой нивелировки основной «центр тяжести» периода оказывается смещенным к его середине, а не к концу, как было на самом деле, что, естественно, ведет к серьезному искажению всей перспективы исторического развития на этом отрезке времени³⁶.

³⁵ В этой связи важно подчеркнуть, что при всех различиях, существующих между «Илиадой» и «Одиссеей» как в чисто художественном, так и в морально-этическом и идеологическом плане, обе поэмы изображают в общем и целом одно и то же общество, один и тот же уклад жизни. Определенные расхождения в обрисовке отдельных реалий героического быта вытекают не столько из «возрастной» разницы поэм, сколько из жанрового и сюжетного своеобразия каждой из них. Так, авантюрный характер второй гомеровской поэмы, свойственное ей преобладание сцен мирной жизни над сценами войны позволили автору «Одиссеи» максимально приблизить свой рассказ к современной действительности, освободив его от многих традиционных условностей героического жанра. Ср.: Page D. L. *The Homeric Odyssey*. Oxford, 1955. P. 157 ff.; Snodgrass A. M. *An historical Homeric...* P. 114 f.

³⁶ Можно согласиться с Гринхалем, считающим IX век «осевой датой» гомеровского периода с той, однако, оговоркой, что он охватывает также

Все это, конечно, сильно затрудняет конкретный научный анализ гомеровского материала. Отсюда, однако, отнюдь не следует, что мы должны вообще отказаться от использования «Илиады» и «Одиссеи» в качестве исторического источника. При всей условности и иллюзорности представленной в эпосе картины общественной жизни ее ни в коем случае нельзя расценивать только как порождение поэтического вымысла, совершенно оторванное от почвы исторической действительности. Некоторые важные тенденции социально-экономического и политического развития, очевидно, действительно имевшие место в хронологическом промежутке с IX по VIII в., хотя и в весьма специфической и односторонней форме, но все же нашли в ней свое отражение. Свою задачу мы видим в том, чтобы со всей возможной осмотрительностью, ни на минуту не забывая о художественном своеобразии нашего основного источника, постараться выявить в тексте поэм, бесспорно, заключенное в нем зерно исторической истины.

конец X и начало VIII в. (*Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare*. P. 170). Менее убедительными представляются нам попытки некоторых авторов ограничить собственно гомеровский период либо последними столетиями «темного века» - X-IX вв. (так, *Finley M. I. The world...*(1978). P. 48, 154 ff.), либо предполагаемым временем жизни самого Гомера, т. е. VIII в. (*Snodgrass A. M. The Dark Age...* P. 392 f, 435; *Rose P. W. Class ambivalence...* S. 135). Как в том, так и в другом случае разделяющая черта проводится по «живому телу» самого эллинского общества. Ведь за разделяющие эти две датировки полтора или два столетия оно, несмотря на все произошедшие с ним изменения, не могло трансформироваться настолько, чтобы стать абсолютно неузнаваемым для эпического поэта.

ГЛАВА II

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПОСЛЕМИКЕНСКОЙ ЭПОХИ

1. Падение микенской цивилизации. Греция в переходный период

Основным итогом археологического изучения послемикенской Греции может считаться сложившееся в настоящее время в науке представление о длительном периоде культурного и экономического упадка, отделяющем собственно гомеровское время от заключительных стадий микенской эпохи. Этот хронологический отрезок, охватывающий в общей сложности около двух столетий (конец XII — X вв. до н. э.), иногда называют «переходным периодом»¹, и в дальнейшем мы предполагаем придерживаться именно этого названия. Подлинные масштабы затяжного кризиса, пережитого греческим обществом в это тя-

¹ Колобова К. М. К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема «переходного» периода в Эгеиде // Из истории древнего мира и средних веков / УЗ ЛГУ. 1956. № 192. Серия ист. наук. Вып. 21. С. 21 слл. Ср.: Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 193. Бенгтсон включает в *Übergangszeit* также и IX в. (*Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1969. S. 54*), что едва ли оправдано, так как к этому времени всякие следы микенской цивилизации уже давно успели изгладиться. В западной литературе этот период чаще именуется «эпохой миграций» (*Toynbee A. Some Problems of Greek History. Oxford, 1969. P. 1 ff.*) или «темными веками» (*Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. London, 1972. P. 11 ff.*); Характеристику этого периода см.: Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.). СПб., 2002. II. Греция в эпоху темных веков. С. 645-685.

желое для него время, стали выясняться лишь в последние годы благодаря фундаментальным исследованиям Старра, Десборо, Снодграсса, Боузека и других авторов. В нижеследующем обзоре кратко суммируются основные выводы этих ученых.

В конце XIII в. на микенскую Грецию обрушилась страшная катастрофа. Через всю страну с севера на юг прокатилась волна разрушений, оставившая на своем пути руины и следы пожар².

Важнейшим жизненным центрам микенских государств был нанесен непоправимый ущерб. Погиб в огне пожара пилосский дворец Нестора, погибло большое поселение в Терапнах неподалеку от позднейшей Спарты, была разрушена огромная цитадель Гла (Арне) в Беотии, серьезно пострадали главные микенские центры Аргολиды: Микены и Тиринф. Зона разрушений охватывает также множество мелких неукрепленных поселений сельского типа на территории Беотии, Фокиды, Аттики, областей близ Истма, Аргολиды, Лаконии и Мессении. О масштабах и последствиях катастрофы можно судить по следующим цифрам. Из 44 микенских поселений на территории Аргολиды уцелело лишь 19, для Мессении аналогичное соотношение составляет 41 к 8, для Лаконии 30 к 7, для Беотии 28 к 5³. Контраст, как видим, разительный! Некоторые области средней и южной Греции, как явствует из этих данных, лишились большей части своего населения и почти совершенно обезлюдели. С другой стороны, в это же самое время наблюдается приток населения

² *Alin P. Das Ende der mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland. Lund, 1962; Hope Simpson R. A Gazetteer and Atlas of Mycenaean Sites. London, 1965; Desborough V. R. d'A. 1) The last Mycenaean and their successors. Oxford, 1964. P. 74; 2) The Greek Dark Ages. P. 19 ff.; 3) The End of Mycenaean Civilization and the Dark Age. (a) Archaeological Background // CAH. Vol. II. Pt. 2. Ch. XXXVI. Cambridge, 1975. P. 659 ff.; Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece: An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eight Centuries B.C. Edinburgh, 1971. P. 310 ff.; Bouzek J. Homerisches Griechenland. Praha, 1969. S. 46 ff.*

³ *Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 51. Ср.: Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 20.*

(очевидно, за счет беженцев из опустошенных районов) в места, не затронутые катастрофой. Такими «зонами убежища» становятся в первой половине XII в. Ахайя, Элида, восточная Аттика, Эвбея, острова Ионического архипелага. Вероятно, в непосредственной связи с этими же событиями возникают в этот период новые микенские поселения на Хиосе, Крите и Кипре, где могли найти приют другие группы беглецов из разоренного Пелопоннеса, Аттики, Беотии⁴.

О причинах, вызвавших это ужасное бедствие, в настоящее время можно только гадать. Наиболее убедительное объяснение драматического финала микенской эпохи дает, на наш взгляд, гипотеза «варварского вторжения»⁵, хотя существуют также и другие точки зрения на эту проблему (гипотеза «междоусобных войн»⁶, гипотеза «социального переворота»⁷, гипотеза «стихийного бедствия»⁸ и т. д.⁹). Тотальный характер катастрофы (мас-

⁴ Desborough V. R. d'A. 1) The last Mycenaean... P. 222; 2) The Greek Dark Ages. P. 20 ff.; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 311; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 52 ff.; Buck R. J. The Mycenaean time of troubles // Historia. 1969. Bd. XVIII. H. 3. S. 278.

⁵ Desborough V. R. d'A. 1) The last Mycenaean... P. 224 ff.; 2) The Greek Dark Ages. P. 21; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 312; Buck R. J. The Mycenaean time... S. 280 ff. Ср.: Tritsch F. J. The 'Sackers of Cities' and the «movement of populations» // Bronze Age migrations in the Aegean. London, 1973. P. 237.

⁶ Mylonas G. E. Mycenae and the Mycenaean Age. Princeton, 1966. P. 226 ff.; Vermeule E. The Fall of the Mycenaean Empire // Archaeology. 1960. Vol. 13, 1. P. 71. Ср.: Buck R. J. The Mycenaean time... P. 285 ff.

⁷ Andronikos M. Η «δωρική εισβολή» και τα αρχαιολογικά ευρήματα // Hellenika. 1954. T. 13: P. 236. Ср.: Alsop J. From the silent earth. A report on the Greek Bronze Age. New York-London, 1964. P. 132; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 313; Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 22.

⁸ Carpenter R. Discontinuity of Greek civilization. Cambridge, 1966. P. 51 ff. Ср.: Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 313; Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 22.

⁹ Встречаются попытки комбинированного решения проблемы. Так, по Боузеку (Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 83 ff.) микенские государства, ослабленные длительными засухами и неурожаем, стали легкой добычей для обрушившейся на них с севера варварской орды. Ср.: Vermeule E. The Decline and end of Minoan and Mycenaean Culture // A Land called

совое разрушение поселений, дворцов и крепостей одновременно на большом пространстве) позволяет предполагать, что в нашествии участвовало не одно какое-нибудь племя, а целая коалиция варварских народов наподобие той готско-скифско-сарматской орды, которая опустошила Грецию в 267 г. н. э. при императоре Галлиене. Только имея на своей стороне абсолютное численное превосходство над противостоявшими им ахейцами, пришельцы могли отважиться на штурм, а тем более на долговременную осаду таких практически неприступных твердынь, как Тиринф или Микены¹⁰. Между тем, как было уже показано, в период, непосредственно следующий за катастрофой, численность населения на всей охваченной ею территории резко сокращается. Для столь парадоксальной ситуации может быть, как думает Десборо, только одно объяснение: в силу каких-то неизвестных нам причин загадочный народ (или народы), нанеший микенской цивилизации удар, от которого она уже никогда не смогла оправиться, не захотел или, может быть, не смог остаться в опустошенной им стране и ушел в неизвестном направлении, не оставив после себя никаких следов своего пребывания, кроме развалин и пепла пожарищ II. В археологической литературе уже отмечалось одно достаточно странное обстоятельство: как показывают данные раскопок, материальная культура областей, вошедших в зону разрушений, не претерпела в этот период сколько-нибудь заметных изменений, сохранив, несмотря на явные

Crete. A Symposium in Memory of H. Boyd Hawes. Northampton Mass., 1968. P. 88 ff.; Hammond N. G. L. 1) Epirus. Oxford, 1967. P. 375 ff.; 2) The End of the Mycenaean civilization and the Dark Age (b). The Literary Tradition for the migrations // CAH. 1975. Vol. II. Pt. 2. Ch. XXXVI. P. 707; Sarkady J. Outlines of the development of Greek society in the period between the 12th and 8th cent. B.C. // Acta Antiqua Acad. Scient. Hungar. 1975. T. XXIII, f- 1-2. P. 114; Andronikos M. The «Dorian Invasion» and the archaeological evidence // Actes du VIIe Congress International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. T. 2. Prague, 1971. P. 854.

¹⁰ Ср.: Sarkady J. Outlines of the development... P. 113.

" Desborough V. R. d'A. 1) The last Mycenaean... P. 224; 2) The Greek Dark Ages. P. 21; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 85.

признаки вырождения и упадка, свой преимущественно местный микенский характер. «Нет ни одного наконечника стрелы, — пишет американская исследовательница Э. Вермел, — ни одного ножа или детали вооружения среди вещей, найденных в развалинах, которые не были бы предметами сугубо микенского происхождения»¹².

Все эти факты плохо вписываются в традиционную, унаследованную от античной историографии картину дорийского завоевания Пелопоннеса. Если верить традиции, представленной в сочинениях Геродота, Фукидида, Эфора и других греческих авторов, дорийцы, возглавляемые потомками Геракла, после своего вторжения на Пелопоннес прочно обосновались на захваченной ими территории, частью истребив, а частью вытеснив и поработив занимавших эти земли ахейцев¹³. Согласно Фукидиду (1,12,3), все это произошло спустя 80 лет после Троянской войны, или, если следовать традиционной датировке этого последнего события (1184/1183 г. до н. э.), в самом конце XII в. Двадцатью годами раньше, как сообщает тот же историк, аналогичные события разыгрались в Беотии и Фессалии. Там также сменилось население в результате вторжения новой волны северных пришельцев. Если все обстояло действительно так, как об этом рассказывает Фукидид, то между приходом дорийцев на Пелопоннес и катастрофой, приведшей к гибели микенские государства, получается почти столетний хронологический разрыв. Не удивительно, что в новейшей научной литературе все чаще проскальзывает мысль о том, что дорийцы, в сущности не имеют никакого отношения к трагическим событиям рубежа XIII—XII вв., что они появились на исторической сцене много

¹² Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago—London, 1964. P. 279; Desborough V. R. d'A. 1) The last Mycenaeans... P. 224; 2) The End of Mycenaean... P. 660 ff.

¹³ Подробный разбор литературной традиции о дорийском завоевании содержится в статье Хэммонда в новом издании «The Cambridge Ancient History» (Hammond N. G. L. The End of the Mycenaean... P. 678 ff.). *Hooker J. T. New Reflexions on the Dorian Invasion // Klio. 1979. Bd. 61. H. 2. P. 353-360.

поздней — в конце XII или, что еще более вероятно, в XI в., когда судьба микенской культуры была уже решена, и им оставалось только заполнить вакуум, образовавшийся в Греции после ее крушения¹⁴.

Совершенно очевидно, что теория «дорийского завоевания» в ее традиционном варианте нуждается в настоящее время в радикальном пересмотре. Не менее очевидно, однако, и другое: никакой сколько-нибудь приемлемой альтернативы для этой устаревшей концепции найти пока не удалось. Едва ли можно признать такой альтернативой весьма популярную сейчас гипотезу, устанавливавшую прямую связь между разрушителями микенских твердынь и загадочными «народами моря», фигурирующими в египетских хрониках XIII—XII вв.¹⁵ При тех весьма

¹⁴ Desborough V. R. d'A. 1) The last Mycenaeans... P. 252 ff.; 2) The Greek Dark Ages. P. 23, 324; Mylonas G. E. Mycenae and the Mycenaean... P. 224 ff.; Vermeule E. Greece in the Bronze Age. P. 279; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 200. Конечно, нельзя полностью исключить возможность того, что уже в это время дорийцы приняли участие в одном или нескольких грабительских рейдах по территории микенских государств, после чего нагруженные добычей вернулись на свои исходные позиции в горах Эпира (Tomlinson R. A. Argos and the Argolid. Ithaca—New York, 1972. P. 53). У нас нет, однако, никаких положительных данных, которые могли бы подтвердить или, наоборот, опровергнуть эту догадку. Попытки примирить данные традиции с показаниями археологии предпринимают: Buck R. J. The Mycenaean time... S. 280 ff.; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 312; Hammond N. G. L. 1) Epirus. P. 375 ff.; 2) The End of the Mycenaean... P. 706 ff.

¹⁵ Впервые эта мысль была высказана Фр. Шахермайром еще в 1929 г. (Schachermeyr Fr. 1) Etruskische Frühgeschichte. Berlin—Leipzig, 1929. S. 50 ff.; 2) Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960. S. 69 ff.) и в дальнейшем многократно варьировалась в работах других историков и археологов (см.: Milojevic V. Die dorische Wanderung im Lichte der vorgeschichtlichen Quellen // AA. 1948/49. S. 12 ff.; Kimmig W. Seevölkerbewegungen und Urnenfelderkultur // Studien aus Alteuropa. Bd. I. Köln—Graz, 1964. S. 255 ff.; Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Hague, 1965. P. 335 ff.; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 40 ff., 83; Deger-Jalkotzy S. Fremde Zuwanderer im spätmykenischen Griechenland. Wien, 1977. S. 64 ff.; ср.: Hammond N. G. L. The End of the Mycenaean... P. 706 ff.). Почти все сторонники этой гипотезы считают главной причиной катастрофы вторжение в Грецию большой орды северных варваров из Подунавья (так наз. Зоны «полей погребальных урн»).

скудных сведениях, которыми мы располагаем о самих «народах моря», такая попытка решения проблемы может быть отнесена только к разряду объяснений *obscurum per obscurius*. Не лучше обстоит дело и с другими бытующими сейчас в науке вариантами «теории вторжения». Почти все они основаны на весьма скудном фактическом материале и включают в себя множество произвольных, ничем не подтверждаемых допущений¹⁶. Таким образом, вопрос о причинах катастрофы, положившей начало упадку, а затем и полному изживанию микенской цивилизации, приходится пока оставить открытым.

Во многом неясен также и дальнейший ход событий. Мы не знаем, что происходило в Греции в период, непосредственно следующий за катастрофой. Эпизодические разрушения микенских поселений, например, гибель так называемой «житницы» в Микенах около середины XII в., пожар дворца в Иолке и разрушение цитадели Тейхос Димайон (Ахайя) примерно в конце того же столетия, могут свидетельствовать о новых передвижениях племен по территории Греции, но с равным успехом эти же события могут быть объяснены и какими-нибудь местными случайными

Основанием для догадок такого рода служат находки отдельных предметов (в основном мечей и так наз. «смычковых фибул»), имеющих центрально-европейские аналогии. Критический разбор этой археологической аргументации см. в работах: *Müller-Karpe H. Metallgegenstände der Kerameikos-Gräber*//JdJ. 1962. Bd. 77. S. 59 ff.; *Snodgrass A. M. The Dark Age...* P. 305 ff. Ср.: *Desborough V. R. d'A. 1) The last Mycenaean...* P. 237 ff.; 2) *The Greek Dark Ages.* P. 294 ff.

¹⁶ Согласно одной из самых парадоксальных догадок, виновниками катастрофы были первые греческие племена (ахейцы, ионийцы и пр.), вторгшиеся в балканскую Грецию в конце XIII в. (*Георгиев Вл. История Эгейского мира во II тыс. до н. э. в свете минойских надписей* // ВДИ. 1950. № 4. С. 48 слл.; *Hampl F. Die Chronologie der Einwanderung der griechischen Stämme und das Problem der Nationalität der Träger der mykenischen Kultur*// *Museum Helveticum*. 1960. Bd. XVII. S. 85; *Hood S. The Home of the Heroes. The Aegean before the Greeks*. New York, 1967. P. 122 ff.; *Grumach E. The coming of the Greeks, II* // *Bulletin of the J. Rylands Library*. 1969. Vol. 51. P. 1 ff. Ср.: *Toynbee A. Some Problems...* P. 21 ff.; *Rubinson L. The Dorian Invasion again* // *PdP*. 1975. T. XXX. P. 117 sg.).

причинами¹⁷. Во всяком случае никаких тотальных катастроф, сравнимых по своим масштабам и последствиям с событиями рубежа XIII—XII вв., в это время в Греции не наблюдается.

Не подлежит сомнению лишь одно: непосредственным результатом страшного потрясения, пережитого греческим миром, может считаться общий упадок и вырождение микенской цивилизации на всей охваченной ею территории. В основной своей части этот процесс завершился, по-видимому, уже к концу XII в. Красноречивым подтверждением этой догадки служит судьба главных жизненных центров ахейских государств — дворцов и цитаделей. Агония крупнейших микенских цитаделей, переживших катастрофу конца XIII в., продолжалась еще около ста лет. Последние следы обитания на акрополях Микен, Тиринфа, Афин датируются концом XII в.¹⁸ В следующем XI столетии они были окончательно заброшены. Запустение цитаделей было симптомом радикальных перемен, наступивших в жизни греческого общества в следующий за катастрофой период. Несомненно, прав Я. А. Ленцман, писавший по этому поводу: «В этом плане особенно важен не столько факт разрушения дворцов Микен и Пилоса, сколько захирение сохранившегося Тиринфского дворца и, возможно, существовавшего дворца микенского времени на афинском акрополе. Следовательно, дело было не в самом акте разрушения, а в коренном несоответствии дворцового уклада новым условиям жизни»¹⁹.

Судя по ряду признаков, XII столетие было временем распада микенских дворцовых государств с их централизованной экономикой и широко разветвленным бюрократическим аппаратом.

¹⁷ О ситуации в Микенах см.: *Aim P. Das Ende...* S. 24; *Desborough V. R. d'A. The last Mycenaean...* P. 74 f., 230 f.; *Snodgrass A. M. The Dark Age...* P. 29; в Иолке — *Desborough V. R. d'A. The last Mycenaean...* P. 128; ср.: *Alin P. Das Ende...* S. 143; *Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages.* P. 100; в Тейхос Димайон — *Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages.* P. 94, 110, 377.

¹⁸ *Alin P. Das Ende...* S. 24, 35; *Desborough V. R. d'A. The last Mycenaean...* P. 75, 79, 230 f.; *Broneer O. A Mycenaean fountain on the Athenian Acropolis*// *Hesperia*. 1939. Vol. 8, 4. P. 427 f.; *Snodgrass A. M. The Dark Age...* P. 363 f.

¹⁹ *Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции.* С. 197.

Об этом свидетельствует, прежде всего, бесследное исчезновение линейного слогового письма²⁰. Как известно, эта форма письменности была вызвана к жизни главным образом потребностью дворцового хозяйства в налаженной системе учета и контроля. С распадом дворцовых государств и их хозяйств отпала и надобность в письме.

Резко деградировали в XII в. микенские искусство и художественное ремесло²¹. Некоторые их виды, например, фресковая живопись, вообще исчезли. Другие (глиптика, вазовая живопись, резьба по кости, ювелирное искусство) хотя и продолжали существовать еще некоторое время, но на гораздо более низком техническом и художественном уровне. Чем ближе к концу XII в., тем все более редкими становятся находки по настоящему ценных, подлинно художественных вещей. С переходом же в следующее XI столетие они исчезают совершенно. Объяснить этот упадок можно лишь массовым бегством (или гибелью) квалифицированных мастеров-ремесленников, работавших главным образом на правящую элиту дворцовых государств и на зажиточные слои подвластного населения.

Резко сокращается в этот период и приток в Грецию чужеземных, прежде всего, восточных изделий. Скарабеи, картуши, цилиндрические печати, фигурки из фаянса, изделия из цветного стекла, золота, слоновой кости встречаются теперь все реже и реже, хотя для микенских погребений XIV—XIII вв. они могут считаться довольно обычными находками. Все это свидетельствует о разрыве торговых связей со странами передней Азии, о начале длительной изоляции Эгейского бассейна от всего остального Средиземноморья²².

Логическим завершением всех этих процессов была глубокая экономическая депрессия, охватившая основные районы мате-

риковой и островной Греции в XI столетии. В археологической литературе этот период принято называть «субмикенским» (сокращенно СМ). Его хронологическими рамками считаются 1125—1050/1025 гг. до н. э.²³ Основная отличительная черта СМ периода — это удручающая бедность его материальной культуры, за которой скрывается резкое снижение жизненного уровня основной массы населения Греции и столь же резкий упадок производительных сил страны. Наиболее ясно этот упадок проявился в сфере ремесленного производства (о состоянии других отраслей греческой экономики, например, сельского хозяйства нам почти ничего не известно). По всем основным показателям — богатству ассортимента изделий, их техническому качеству и художественной отделке — ремесленная продукция СМ периода намного уступает изделиям мастеров микенской эпохи. Субмикенская керамика представлена лишь двенадцатью типами сосудов, среди которых нет ни одного нового (напомним для сравнения, что, согласно А. Фурумарку, микенская керамика одного только ПЭИИ СІ периода — вторая половина XII в. — насчитывает 108 различных типов сосудов)²⁴. Дошедшие до нас изделия субмикенских гончаров производят самое безотрадное впечатление своим внешним видом. Они очень грубы по форме, небреж-

²⁰ Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 198; Desborough V. R. d'A. The End of Mycenaean... P. 669.

²¹ Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 360 ff.; Desborough V. R. d'A. 1) The End of Mycenaean... P. 670; 2) The last Mycenaean... P. 243 ff.

²² Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 325 ff.

²³ Desborough V. R. d'A. 1) The last Mycenaean... P. 225 ff.; 2) The Greek Dark Ages. P. 29 ff.; Styrenius O. G. 1) The Vases from the Submycenaean cemetery on Salamis // Opuscula Atheniensia. 1962. T. IV. P. 121 ff.; 2) Submycenaean Studies. Lund, 1967. P. 163 f.; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 89 ff.; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 31 ff., 106 ff. Следует иметь в виду, что хронология как этого, так и следующих за ним (протогеометрического и геометрического) периодов носит весьма приблизительный характер ввиду отсутствия надежных критериев датировки. Основной базой для хронологических калькуляций в истории всей послемикенской эпохи служит эволюция стилей вазовой живописи. Между тем развитие ее шло крайне неравномерно в различных районах греческого мира. Некоторые центры производства керамики (Афины, Аргос) сильно опережали другие. Некоторые виды вазовой росписи обнаруживаются в одних местах, но отсутствуют в других. Используемые нами датировки ориентируются в основном на наиболее значительную из всех школ вазописи «темного века» — афинскую.

²⁴ Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 34 f.

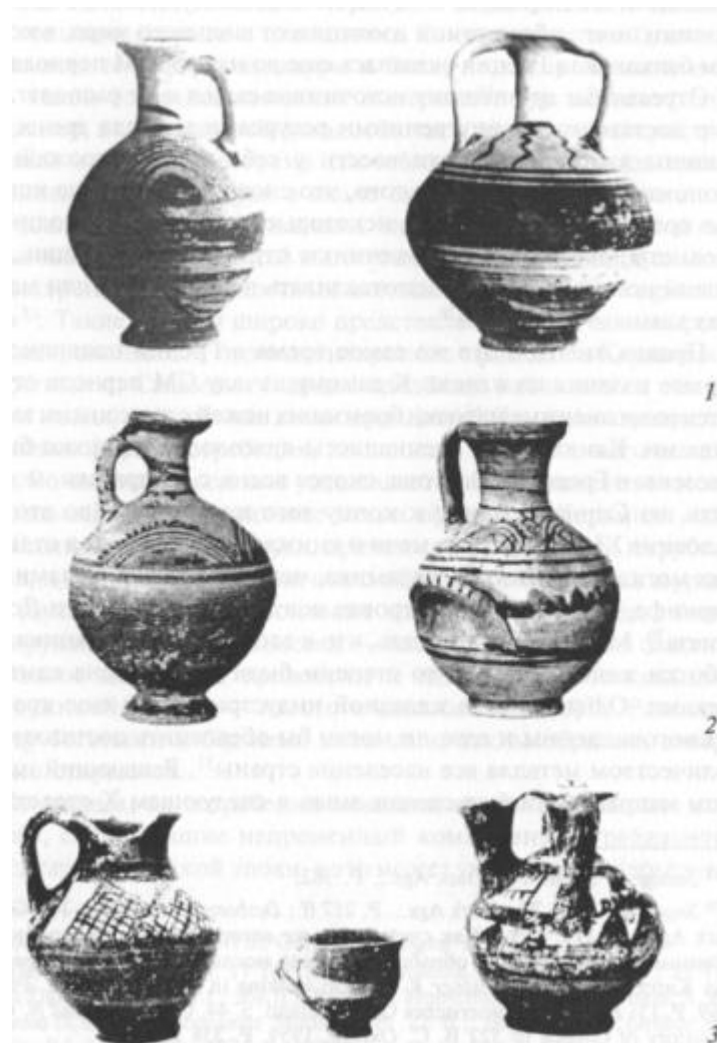
но сформованы, лишены даже элементарного изящества²⁵. Их росписи крайне примитивны и невыразительны. Как правило, в них повторяется мотив спирали — один из немногих элементов декоративного убранства, унаследованных от микенского искусства. Если бы по предметам такого рода можно было судить о психологическом климате эпохи, мы должны были бы признать, что на этих убогих сосудах лежит печать безнадежного отчаяния и духовного тупика (*Ил. 1*). «Это было настоящее банкротство, — пишет английский археолог Десборо, — ...поистине „стиль темного века“. Впрочем, само слово „стиль“ здесь едва ли применимо»²⁶. Едва ли в лучшем положении находилось металлообрабатывающее производство СМ периода. Правда, некоторые простейшие виды изделий этого времени, например, ножи, мечи, наконечники копий, бронзовые булавки и фибулы, еще остаются на уровне микенских стандартов. Но зато совершенно исчезают такие сложные и трудоемкие предметы, как панцири, поножи, шлемы, бронзовая и серебряная посуда, подвески, диадемы и т. п., хотя изготовление всех этих вещей было вполне по плечу микенским кузнецам и ювелирам за сто или сто пятьдесят лет до этого.

Общая численность изделий из металла, дошедших от этого периода, крайне невелика. Крупные предметы, например, оружие, встречаются очень редко. Преобладают мелкие поделки вроде фибул или колец²⁷. Судя по всему, население Греции в это время страдало от хронической нехватки металла, прежде всего, меди и бронзы, которые в XII — первой половине XI вв. еще оставались основной технической базой всей греческой индустрии. Объ-

²⁵ Широко распространяется в этот период лепная керамика, изготовленная от руки, без применения гончарного круга (*Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 142 ff., 168 f.*).

²⁶ *Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 41. Ср.: Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 38 ff.*

²⁷ Это характерно, например, для крупнейшего из греческих некрополей СМ периода в афинском Керамике (*Kraiker W., Kubier K. Kerameikos. Bd. I. Die Nekropolen des 12. bis 10. Jh. Berlin, 1939. S. 81 ff.; Muller-Karpe H. Metallgegenstände... S. 59 ff.*).

1. Керамика из субмикенских погребений. Ок. 1125—1050/1025 гг. до н.э.:
1 — Керамик; 2 — Лефканди; 3 — Микены

яснение этого дефицита следует, по-видимому, искать в том состоянии почти абсолютной изоляции от внешнего мира, в котором балканская Греция оказалась еще до начала СМ периода.

Отрезанные от внешних источников сырья и не располагающие достаточными внутренними ресурсами металла греческие общины вынуждены были ввести у себя режим строжайшей экономии. Дело доходит до того, что снова, как это было когда-то в среднеэлладскую эпоху, некоторые житейски необходимые предметы, например, наконечники стрел или вкладыши для лезвий ножей, начинают изготавливать не из бронзы или меди, а из камня — обсидана²⁸.

Правда, почти в это же самое время в Греции появились и первые изделия из железа. К самому началу СМ периода относятся разрозненные находки бронзовых ножей с железными вкладышами. Как считают специалисты-археологи, эти ножи были завезены в Грецию с Востока, скорее всего, с Кипра или, может быть, из Сирии²⁹. Ближе к концу того же периода (во второй половине XI в.) железные мечи и кинжалы появляются в отдельных могилах афинского Керамика, некрополя на о. Саламин, в Тиринфе, на некоторых островах центральной Эгеиды и Додеканеза³⁰. Можно предполагать, что к этому времени техника обработки железа в какой-то степени была уже освоена самими греками. Однако очаги железной индустрии были еще крайне немногочисленны и едва ли могли бы обеспечить достаточным количеством металла все население страны³¹. Решающий шаг в этом направлении был сделан лишь в следующем X столетии.

²⁸ Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 382.

²⁹ Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 217 ff.; Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 119, 315 f. Как считают те же авторы, наиболее вероятным районом, откуда техника обработки железа могла проникнуть в Грецию был Кипр. См. также: Pleiner K. R. Iron working in Ancient Greece. Praha, 1969. P. 13; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 44. Ср.: Hammond N. G. L. A History of Greece to 322 B. C. Oxford, 1959. P. 358 f.

³⁰ Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 316; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 92.

³¹ Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 368.

Еще одна отличительная черта СМ периода заключается в решительном разрыве с традициями микенской эпохи буквально во всех тех сферах культуры и быта, по которым мы имеем хоть какой-то археологический материал³². Так обстоит дело, например, в сфере погребальных обычаев, наиболее распространенный в микенское время способ захоронения в камерных гробницах (вырубленные в скале склепы, обычно служившие усыпальницами для нескольких поколений одной и той же семьи или родовой группы) вытесняется теперь индивидуальными захоронениями в ящичных могилах (цистах) или в простых ямах³³. Такие могилы широко представлены в двух самых крупных некрополях СМ периода: некрополе афинского Керамика и некрополе о. Саламина (каждое кладбище насчитывает свыше сотни могил, датируемых этим периодом)³⁴. Заметно изменяется не только форма погребения, но и состав погребального инвентаря. Во-первых, он сильно удешевляется и сокращается в числе. В подавляющем большинстве могил афинского Керамика найдена только глиняная посуда, причем самого дешевого и грубого сорта, и кое-что из вещей личного обихода, также самых заурядных (булавки, фибулы, бронзовые или железные кольца; совсем нет оружия; из драгоценностей — только пять золотых заколок для волос из тонкой проволоки и одно бронзовое кольцо с жемчужиной; и это — на сто с лишним могил!)³⁵. Различия между богатыми и бедными могилами, таким образом, совершенно стираются.

Во-вторых, из погребений исчезают votivные женские статуэтки, составлявшие неременный компонент погребального инвентаря микенской эпохи, а это может указывать на серьезные

³² Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 107 ff.

³³ Desborough V. R. d'A. 1) The last Mycenaeans... P. 37 ff., 231 ff.; 2) The Greek Dark Ages. P. 107 f., 268 ff.; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 97; Styrenius O. G. Submycenaean Studies... P. 22 ff.; Hägg R. Die Gräber der Argolis. Bd. 1. Uppsala, 1974. S. 108 ff.

³⁴ Kraiker W., Kubier K. Kerameikos... Bd. I. S. 9 ff.; Styrenius O. G. 1) The Vases from... P. 103 ff.; 2) Submycenaean Studies... P. 21 ff.

³⁵ Kraiker W., Kubier K. Kerameikos... Bd. I. S. 81 ff.

изменения в сфере заупокойного культа³⁶. В ряде случаев могильники СМ периода размещаются прямо на территории заброшенных микенских поселений, среди развалин домов, что может свидетельствовать о коренных изменениях в составе населения³⁷. Ближе к концу периода во многих местах, например, в Аттике, Беотии, на Крите, появляется еще один новый обычай — кремация и обычно сопутствующие ей захоронения в урнах³⁸. В этом опять-таки следует видеть отступление от традиционных микенских обычаев (господствующим способом погребения в микенскую эпоху было труположение; трупосожжение встречается лишь эпизодически).

Аналогичный разрыв с микенскими традициями наблюдается и в сфере культа. Даже в наиболее крупных греческих святилищах, существовавших как в микенскую эпоху, так и в более поздние времена (начиная примерно с IX—VIII вв.), СМ период так же, как и следующий за ним ПГ (протогеометрический) период, оставил после себя «мертвую зону», совершенно лишенную каких бы то ни было следов культовой деятельности: остатков построек, votivных статуэток, даже керамики. Таковую ситуацию, свидетельствующую о полном замирании религиозной жизни, археологи обнаруживают, например, в Дельфах, на Делосе, в лаконских Амиклах с их древним культом Гиакинфа, в святилище Геры на Самосе и в некоторых других местах³⁹. Исключение из общего правила составляет только Крит, где почитание богов в традиционных формах минойского ритуала, как кажется, не прерывалось на протяжении всего этого периода⁴⁰.

³⁶ Andronikos M. Totenkult // *Archaeologia Homerica*. Bd. 3, Kap. W. Göttingen, 1968. P. 98 ff.; Desborough V. R. d'A. *The Greek Dark Ages*. P. 109; Snodgrass A. M. *The Dark Age...* P. 190 ff.

³⁷ Snodgrass A. M. *The Dark Age...* P. 316; Desborough V. R. d'A. *The Greek Dark Ages*. P. 69.

³⁸ Styrenius O. G. *Submycenaean Studies...* P. 36 f., 67 f., 153; Bouzek J. *Homerisches Griechenland*. S. 97, 106; Snodgrass A. M. *The Dark Age...* P. 144.

³⁹ Snodgrass A. M. *The Dark Age...* P. 276, 395 f.; Desborough V. R. d'A. *The Greek Dark Ages*. P. 278 ff.

⁴⁰ Desborough V. R. d'A. *The Greek Dark Ages*. P. 284 ff.

Важнейшим фактором, способствовавшим искоренению микенских культурных традиций, безусловно, должна считаться резко возросшая мобильность основной массы населения Греции. Начавшийся еще в первой половине XII в. отток населения из наиболее пострадавших от варварского вторжения районов страны продолжался также и в СМ период. В связи с этим сокращается до минимума общее число мест, в которых, по предположениям археологов, могли существовать хоть какие-то поселения. В Арголиде, например, зафиксировано всего семь таких пунктов, в Мессении шесть, в Аттике четыре, в Беотии два и в Лаконии только одно⁴¹. Характерно, что массовая эмиграция начинается теперь также и в тех районах, которые не были затронуты катастрофами предшествующего периода и в течение некоторого времени служили приютом для беженцев из зоны разрушений (сюда относятся восточная Аттика, Ахайя, острова Ионического и южной части Эгейского морей)⁴². Судьба основной массы эмигрантов остается неизвестной. Значительная их часть, по всей вероятности, осела на Кипре, где в это время (XII—XI вв.) наблюдаются некоторые изменения в составе населения⁴³. Отдельные группы могли добраться до западного побережья Малой Азии и близлежащих островов, положив начало так называемой «ионийской колонизации» этого района (наиболее ранние образцы греческой субмикенской керамики, найденные в Милете, датируются первой половиной XI в.)⁴⁴.

⁴¹ Bouzek J. *Homerisches Griechenland*. S. 51. Согласно данным Снодграсса (Snodgrass A. M. *The Dark Age...* P. 364), по всей Греции раскопки выявили лишь 40 мест, которые могли быть заселены в XI в. (в XII в. их было 130, в XIII - 320).

⁴² Desborough V. R. d'A. 1) *The last Mycenaean...* P. 232 ff.; 2) *The Greek Dark Ages*. P. 333 f.

⁴³ Desborough V. R. d'A. 1) *The last Mycenaean...* P. 236; 2) *The Greek Dark Ages*. P. 333. Ср.: Snodgrass A. M. *The Dark Age...* P. 365.

⁴⁴ Микенское поселение, существовавшее до этого в Милете, было разрушено в конце XII в. Новое греческое поселение возникло на этом месте, как думает Десборо, после некоторого перерыва (Desborough V. R. d'A. *The Greek Dark Ages*. P. 83; ср.: Cook J. M. *Greek settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor*// *САН*. Vol. II. Pt. 2. Ch. XXXVIII. Cambridge, 1975. P. 785).

В самой Греции подавляющее большинство микенских поселений как больших, так и малых было покинуто своими обитателями. Некоторые из них, как было уже указано, использовались в качестве погостов. Другие стали просто пустырями или пастбищами для коз и овец. Следы вторичного заселения микенских цитаделей и городков (обычно в виде отдельных построек), встречаются лишь эпизодически и, как правило, после длительного перерыва⁴⁵. Почти все вновь основанные поселения СМ периода, а их число очень невелико, располагаются на некотором удалении от микенских руин, которых люди той эпохи, по-видимому, суеверно сторонились, опасаясь гнездившихся в них злых духов. Так, в Афинах вскоре после того, как был покинут своими обитателями дворец на акрополе, где около 1100 г. появляется новое поселение, но уже вдали от цитадели — в районе позднейшей Агоры⁴⁶.

Иногда поселения этого смутного времени обнаруживаются в самых неожиданных и, казалось бы, не подходящих для этого местах. Так, на Крите, высоко в горах восточной части острова, в суровых и как будто совершенно непригодных для жизни местах было найдено несколько прилепившихся к скалам поселков, датируемых субмикенским и протогеометрическим периодами (XI-X вв.). Наиболее значительное из этих поселений Карфи⁴⁷ состояло из нескольких десятков небольших каменных домиков, буквально висевших над пропастью (Ил. 2). Дома образовывали блоки или «кварталы», разделенные узкими тропинками — «улицами» (это — так называемая «конгломератная», или «нанизывающая» застройка, типичная для поселений

⁴⁵ Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 363 ff; Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 263.

⁴⁶ Thompson H. A. Buildings on the west side of the Agora // Hesperia. 1937. Vol. 6, 1. P. 1; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 363. Аналогичная ситуация прослеживается в Лефканди на Эвбее (Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 189) и в некоторых других местах.

⁴⁷ Pendlebury H. W. and J. D. S., Money-Coutts M. Excavations in the Plain of Lasithi. III. Karpfi // BSA. 1937-38. № 38; Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 120 ff.

2. План поселения в Карфи. Восточный Крит

минойского Крита). Судя по сделанным здесь находкам (керамика, изделия из металла, культовые статуэтки), в Карфи ютились остатки коренного минойского населения острова (может быть, с некоторой примесью греков-ахейцев), очевидно, покинувшие насиженные места на равнине из-за какой-то угрожавшей им опасности (был ли это приход дорийцев или же прибытие с материка новой партии ахейских эмигрантов, сказать трудно). Аналогичные «разбойничьи гнезда», как их называют Пендлбери, были обнаружены в Кавуси, Врокастро и в некоторых других местах⁴⁸.

Все эти факты свидетельствуют о крайней непрочности жизненного уклада греков этой эпохи. Пожалуй, никакой другой период в истории Греции не напоминает так близко знаменитое Фукидидовское описание первобытной жизни эллинских племен с их непрерывными передвижениями (*μεταναστάσεις*), хронической бедностью и неуверенностью в завтрашнем дне (Thuc. 1,2). Нам не кажется слишком смелой мысль, высказанная Старром, который в данном случае лишь следует Фукидиду, полагая, что население многих областей Греции в конце XII—XI вв. снова вернулось к кочевому или полукочевому образу жизни⁴⁹.

Очагами более или менее прочной оседлости, по-видимому, оставались в это время лишь отдельные пункты на территории средней Греции и северного Пелопоннеса. В их число входят Афины, о. Саламин, Лефканди на Эвбее, Аргос и еще два-три места⁵⁰. На постоянную заселенность этих мест указывает, прежде всего, наличие крупных некрополей, вблизи от которых должны были находиться и соответствующие им по размеру поселения, хотя ни о расположении, ни о характере этих поселений ничего определенного сказать пока нельзя. Их обитатели могли

жить и компактными деревнями или поселками микенского типа и вразброс, по рассеянному на большом пространстве хуторам и усадьбам.

Единственным районом, где выживание минойско-микенских градостроительных традиций может быть подтверждено уже сейчас данными раскопок, остается пока остров Крит⁵¹. Выше мы уже ссылались на образцы минойской конгломератной застройки, обнаруженные в горных поселках восточной части Крита. Но отдельные фрагменты поселений такого рода, генетически, несомненно, связанные с критскими «городами» эпохи бронзы (наиболее известные примеры: Гурния и Палекастро), засвидетельствованы также и для центральной равнинной части острова. Наиболее интересный в этом отношении материал дали раскопки в Фесте, где удалось обнаружить не только жилые «кварталы» СМ и ПГ периодов, но и относящиеся к тому же времени остатки оборонительной стены (наиболее ранний по времени образец такого рода сооружения в послемикенской Греции)⁵².

За пределами этих крайне немногочисленных оазисов оседлого быта, иногда, по-видимому, захватывая и их, происходили непрерывные перемещения населения, сопровождавшиеся почти полным обезлюдением одних местностей и временной перенаселенностью других. Чрезвычайно трудно сказать что-либо определенное о характере этих миграций, их направлении, а также о численности и этническом составе участвовавших в них групп переселенцев. Неоднократно предпринимавшиеся в научной литературе попытки реконструкции общей картины племенных передвижений в рамках СМ и ПГ периодов, на наш взгляд, не имеют большой ценности, так как в большинстве своем основываются на слишком немногочисленных, не всегда твердо установленных и к тому же допускающих далеко неодноз-

⁴⁸ Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950. С. 318; Renard L. Notes d'architecture proto-geometrique et geometrique en Crete // L'Antiquite Classique. 1967. Т. 36, f. 2. P. 585.

⁴⁹ Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization. 1100-650 B. C. New York, 1961. P. 80.

⁵⁰ Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 261 ff.

⁵¹ Устойчивость традиций эпохи бронзы вообще отличает культуру Крита в этот период (Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 40; Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 112.)

⁵² Levi D. The recent excavations at Phaistos. London, 1964; Renard L. Notes d'architecture... P. 581 s.

начные толкования фактах. Так, в частности, обстоит дело с одной из центральных проблем в истории переходного периода — проблемой дорийского переселения.

Обстоятельства и время прихода дорийцев на Пелопоннес до сих пор не установлены даже с приблизительной точностью. Древнейшие следы обитания на месте такого важного центра дорийского влияния в этом районе, как Спарта, датируются самым концом X в.⁵³ Где и как долго скитались дорийцы, прежде чем они обосновались в этих местах, остается неясным. Как было уже заменено, у нас нет никаких оснований связывать с вторжением дорийцев катастрофу, постигшую микенский мир на рубеже XIII—XII вв. С гораздо большей степенью вероятности их проникновение в южную Грецию можно было бы отнести к концу XII или даже к XI столетию, т. е. как раз к СМ периоду⁵⁴. Однако даже и для этого времени мы не располагаем сколько-нибудь надежной информацией, опираясь на которую можно было бы определить хотя бы примерно маршрут продвижения дорийцев по территории средней Греции и Пелопоннеса, а также хронологические рамки этого продвижения. В нашем распоряжении нет ни одного сколько-нибудь значительного памятника или археологического комплекса, который можно было бы с уверенностью связать с появлением этого народа в зоне распространения субмикенской культуры.

⁵³ *Kirsten E.* Heiligtum und Tempel der Artemis Orthia zu Sparta in ihrer ältesten Entwicklungsphase // *BJb.* 1958. H. 158. S. 170 ff.; *Kiechle F.* Lakonien und Sparta. München—Berlin, 1963. S. 55. В Апроце основной центр поселения переместился в начале СМ периода с вершины Асписа на склоны Ларисы. Перемещение это, однако, не обязательно связывать с приходом дорийцев, так как никакого разрыва в культурном развитии здесь в это время не наблюдается (*Desborough V. R. d'A.* The Greek Dark Ages. P. 72 ff.; ср.: *Tomlinson R. A.* Argos... P. 64 ff.). Столь же неясной остается пока и ситуация в Коринфе (*Desborough V. R. d'A.* The Greek Dark Ages. P. 69).

⁵⁴ *Milojčić V.* Die dorische Wanderung... S. 24 ff.; *Schachermeyr Fr.* Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960. S. 76; *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 101 ff.; *Desborough V. R. d'A.* 1) The last Miceneans... P. 252; 2) The Greek Dark Ages. P. 324 ff.; *Hammond N. G. L.* The End of the Mycenaean... P. 710 ff.; *Rubinson L.* The Dorian Invasion... P. 118 ff.

Вообще вопрос о так называемой «дорийской культуре» или, другими словами, о вкладе, внесенном дорийцами в общий фонд греческой культуры послемикенской эпохи, до сих пор остается открытым. Еще недавно (каких-нибудь 20 или 30 лет тому назад)* эта проблема решалась чрезвычайно просто. Дорийцам приписывались буквально все те новшества, которые составляют специфику культуры «темного века», отличающую ее от предшествующей микенской культуры. Считалось, что именно они принесли в Грецию секрет выплавки и обработки железа, обычай трупосожжения, геометрический стиль вазовой живописи, основные принципы ордерной храмовой архитектуры и многое другое⁵⁵. В последние годы учение об особой культуртреггерской миссии дорийцев в древнейший период греческой истории подверглось решительному пересмотру. Как показали специальные исследования, некоторые важные нововведения, приписывавшиеся ранее дорийцам, появились на Балканском полуострове без какого-либо их участия в результате либо заимствования с Востока (железо)⁵⁶, либо спонтанного развития местных (микенских) культурных традиций (геометрическое искусство)⁵⁷.

* Имеются в виду 50-60 гг. прошлого века.— *Л.Ш.*

⁵⁵ Эта концепция, выросшая на почве пресловутой «нордической теории», встречается тем не менее и в работах авторов, весьма далеких от какого бы то ни было расизма. См.: *Skeat T. C. S.* The Dorians in Archaeology. London, 1934. P. 26 ff.; *Pendlebury J. D. S.* Lasithi in ancient times // *BSA.* 1936—37. № 37. P. 197; *Колобова К. М.* К вопросу о минойско-микенском Родосе... С. 48; *Severyns A.* Grece et Proche-Orient avant Homere. Bruxelles, 1960. P. 185 ss. Ср.: *Starr Ch. G.* The Origins... P. 72; *Vermeule E.* Greece... P. 279.

⁵⁶ См. литературу, указанную в прим. 29.

⁵⁷ Связь геометрического стиля вазовой живописи с искусством микенской эпохи (через ряд промежуточных ступеней) стала очевидной после раскопок в афинском Керамике. Даже руководивший раскопками В. Крайкер (один из наиболее рьяных апологетов «нордической теории») вынужден был признать, что дорийцы не могут считаться создателями геометрического искусства (они лишь косвенно способствовали его зарождению, так как своим приходом «значительно усилили нордический элемент

Происхождение других элементов культуры «темного века» пока остается неясным. Однако и их связь с приходом дорийцев представляется мало вероятной. Так обстоит дело, например, с крайне сложной и запутанной проблемой происхождения кремации. Ближайшим к Греции районом, где этот обычай оставался в употреблении вплоть до конца II тыс., была так называемая «зона полей погребальных урн», охватывавшая Подунавье и лежащие дальше к северу области центральной Европы. Каким образом кремация из географически столь удаленных районов могла проникнуть в Грецию, остается загадкой. Возможно, ее идея была занесена сюда одним из тех северных племен, которые участвовали в «великом переселении народов» на рубеже XIII—XII вв., т. е. задолго до прихода дорийцев⁵⁸. Однако создается впечатление, что наиболее благоприятную почву для своего распространения новый обычай нашел в среде коренного микенского населения Греции. Заслуживает внимания то обстоятельство, что первое большое скопление погребальных урн со следами трупосожжения (около 18 могил) было найдено при раскопках микенского некрополя первой половины XII в. вблизи Перати (восточное побережье Аттики)⁵⁹. Также и в дальнейшем, в течение СМ и ПГ периодов кремация встречается по преимуществу в тех районах, где микенско-минойские культурные традиции держались особенно долго. Сюда относятся Аттика, Эвбея, Крит, Родос, а также основная зона «ионийской

греческой народности»: *Kraiker W., Kubler K. Kerameikos...* Bd. I. S. 168 ff.; *Kraiker W. Nordische Einwanderungen in Griechenland // Die Antike.* 1939. Bd. 15. S. 221 ff.). Ср.: *Hammond N. G. L. Prehistoric Epirus and the Dorian invasion // BSA.* 1931–32, № 32. P. 165; *Myres J. L. Who were the Greeks?* Berkeley, 1930. P. 473 ff.; *Kahane P. Die Entwicklungsphasen der attisch-geometrischen Karamik // AJA.* 1940. Vol. 44. P. 464 ff.; *Desborough V. R. d'A. 1) Protogeometric Pottery.* Oxford, 1952. P. 126, 298; 2) *The last Mycenaean...* P. 258 ff.; *Schweitzer B. Die geometrische Kunst Griechenlands.* Köln, 1969. S. 26 f.

⁵⁸ *Müller-Karpe H. Metallgegenstände...* S. 72 f.; *Bouzek J. Homerisches Griechenland.* S. 126. Cp.: *Lorimer H. L. Pulvis et umbra // JHS.* 1933. Vol. 53. P. 168 f.; *Snodgrass A. M. The Dark Age...* P. 326 f.

⁵⁹ *Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages.* P. 77.

колонизации» на малоазиатском побережье (район Милета и Колофона)⁶⁰. И наоборот, как раз в тех районах, где, согласно данным античной традиции, должны были раньше всего обособиться северные пришельцы (Арголида, Лакония, Мессения), кремация встречается крайне редко или вообще не встречается (как в Лаконии)⁶¹.

В самой популярности нового обычая можно видеть одно из проявлений того глубокого духовного кризиса, который охватил уцелевшее после ряда катастроф и опустошений ахейское население Греции⁶². Очевидно, традиционные места захоронения в купольных и камерных гробницах уже не казались больше надежным укрытием для останков почивших (многие из них, несомненно, были осквернены и разграблены в тревожное время передвижения племен). Отсюда стремление сделать погребение как можно более скромным и незаметным по своему внешнему виду (об этом свидетельствует исчезновение больших фамильных склепов и замена их одиночными могилами). Отсюда же и желание по возможности сократить срок пребывания души покойника в его временном жилище, т. е. в могиле, для чего нужно было помочь ей как можно скорее избавиться от своих бранных останков и перебраться в загробный мир. В этом, по-видимому, и заключалась важная религиозная идея, лежавшая в основе кремации⁶³.

Не менее проблематично также и происхождение других

⁶⁰ *Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages.* P. 270ff; *Bouzek J. Homerisches Griechenland.* P. 123 ff.

⁶¹ См.: *Bouzek J. Homerisches Griechenland.* S. 106 (карта). Довольно широкое распространение кремации на Крите, начиная уже с XII в., едва ли может быть связано с приходом дорийцев. Урны с кремированными останками здесь чаще всего находят в толосах или камерных гробницах, т. е. в могилах традиционного минойско-микенского типа, из чего следует, что новый обычай был широко усвоен туземным населением острова (*Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages.* P. 226f., 274).

⁶² *Lorimer H. L. Pulvis...* P. 168 f. Cp.: *Snodgrass A. M. The Dark Age...* P. 146.

⁶³ *Rohde E. Psyche. Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen.* Bd. I. Tübingen, 1907. S. 30 f.; Cp.: *Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion.* Bd. I. München, 1976. S. 176 f.

обычаев и предметов, обычно ассоциирующихся с вторжением дорийцев или, в терминологии В. Милойчича, со «второй волной северных пришельцев». Чаще всего в этот комплекс включаются ящичные могилы (цисты), некоторые виды грубой лепной керамики, длинные гвоздеобразные булавки, фибулы в виде лука, некоторые типы мечей и наконечников копий и другие предметы, имеющие северо-балканские или центрально-европейские аналогии⁶⁴. Однако в некоторых новейших работах, посвященных этой проблеме (исследования Мюллера-Карпе, Дешай, Снодграсса)⁶⁵ ассоциации такого рода оцениваются с известной долей скептицизма. Авторы этих работ склоняются к той мысли, что некоторые новые элементы в материальной культуре переходного периода, до сих пор считавшиеся привнесенными извне, из зоны первоначального расселения дорийцев и других связанных с ними северных племен, в действительности, являются результатом возрождения древних полузабытых традиций местного населения⁶⁶.

Итак, несмотря на все предпринимаемые в этом направлении усилия, попытки идентификации дорийской культуры пока еще не принесли желаемых результатов. Ее контуры все еще слишком расплывчаты, а приписываемые ей черты и признаки почти невозможно различить в подавляющей массе местного субмикенского материала.

Создается впечатление, что дорийцы были каким-то призра-

ком, прошедшим через всю Грецию и не оставившим на своем пути никаких осязаемых следов⁶⁷. Возможно двоякое объяснение этого парадокса.

Вариант 1: В момент появления дорийцев на Пелопоннесе их культура находилась на крайне низком уровне развития, соответствующем самому примитивному пастушескому быту. Не имея других жилищ, кроме сделанных из шкур палаток, другой утвари, кроме сплетенных из коры корзин или сшитых из кожи сосудов, дорийцы по мере своего продвижения к югу постепенно перенимали у местного населения некоторые элементы его культуры, например, гончарный круг, дома из камня или кирпича, навыки металлообработки и, таким образом, мало-помалу ассимилировались в местной культурной среде. Именно поэтому как начальный этап этого продвижения, так и заключительная его стадия остаются пока скрытыми от нас⁶⁸.

Вариант 2: Можно предположить, что дорийская материальная культура с самого начала ничем особенным не отличалась от культуры всего остального населения балканской Греции, так как сложилась не где-то за пределами микенского мира, а внутри него, хотя, вероятно, в одном из периферийных его районов. Отсюда следует, что продвижение дорийцев с севера на юг происходило в чрезвычайно близкой им по языку и культуре этнической среде и именно в силу этого не оставило после себя никаких ясно выраженных следов⁶⁹.

⁶⁴ *Milojic V.* Die dorische Wanderung... S. 16 ff.; *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 92 ff., 103; *Hammond N. G. L.* The End of the Mycenaean... P. 711 и более осторожно; *Desborough V. R. d'A.* 1) The last Mycenaean... P. 231 f., 252 f.; 2) The Greek Dark Ages. P. 111, 298 f.

⁶⁵ *Müller-Karpe H.* Metallgegenstände...; *Deshayes J.* Argos. Les Fouilles de la Deiras (Etudes Peloponnesiennes, IV). Paris, 1966; *Snodgrass A. M.* The Dark Age...

⁶⁶ Так, ящичные могилы, или цисты, в которых нередко видят главный симптом появления в Греции новых этнических элементов, были широко распространены в Арголиде и других районах уже в среднеэлладское время (XX—XII вв. — *Deshayes J.* Argos... P. 240 ff.; *Styrenius O. G.* Submycenaean Studies... P. 162 f.; *Snodgrass A. M.* The Dark Age... P. 183 ff., 314 f.).

⁶⁷ *Vermeule E.* Greece... P. 279; *Andronikos M.* The «Dorian Invasion»... P. 853.

⁶⁸ *Snodgrass A. M.* The Dark Age... P. 386; *Hammond N. G. L.* The End of the Mycenaean... P. 685.

⁶⁹ *Snodgrass A. M.* The Dark Age... P. 312, 386; *Vermeule E.* Greece... P. 278; *Sarkady J.* Heortologische Bemerkungen zur dorischen Urgeschichte // Acta Classica Univers. Scient. Debrecen. 1969. T. V. S. 19. Как сугубо местное, т. е. внутригреческое явление, дорийское переселение было охарактеризовано еще раньше в работах некоторых советских историков (*Шмидт Р. В.* Спарта. Беотия. Фессалия. Крит // История древнего мира. Под ред. С. И. Ковалева. Т. II, Ч. I. М., 1936. С. 210; *Тюменев А. И.* К вопросу об этногенезе греческого народа // ВДИ. 1953. № 4. С. 40). Ср.: *Desborough V. R. d'A.* The Greek Dark Ages. P. 337.

Как та, так и другая гипотеза плохо согласуется с сохранившейся античной традицией преданием о так называемом «возвращении Гераклидов». Романтически окрашенные легенды о подвигах потомков Геракла, о их противоборстве с ахейскими владыками Пелопоннеса, о разделе завоеванной страны и изгнании или порабощении почти всего ее населения не находят никакого подтверждения в материале раскопок. Воспринимаемая сквозь призму археологии историческая действительность периода миграций кажется весьма далекой от надуманных мифологических конструкций позднейших греческих историков и поэтов⁷⁰. Судя по всему тому, что нам известно теперь об этой эпохе, дорийцы пришли на Пелопоннес отнюдь не завоевателями и триумфаторами, которым суждено было в упорной борьбе сломить сопротивление микенских твердынь. К тому времени, когда их передовые отряды вышли из горных долин Эпира и Македонии и двинулись на юг, агония микенской цивилизации, по всей видимости, уже близилась к своему завершению. Перед пришельцами лежала опустошенная и обезлюдившаяся страна. Ее

⁷⁰ Нам представляются одинаково неприемлемыми обе встречающиеся в литературе крайности: абсолютное отрицание самого факта дорийского переселения и связанных с ним изменений в этническом составе населения Греции (*Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. I. Abt. 1. Straßburg, 1913. S. 76 ff.; De Sanctis G. Storia dei greci dalle origini alia fine del secolo V. Firenze, 1939. P. 154; Hooker J. T. Mycenaean Greece. London, 1976. P. 170 ff.*) и столь же абсолютное доверие буквально к каждой детали античного предания (*Hammond N. G. L. 1) Prehistoric Epirus... P. 131 ff.; 2) The End of the Mycenaean... P. 678 ff.; Тюменев А. Т. К вопросу об этногенезе... С. 40 слл.; Buck R. J. The Mycenaean time... S. 280 ff.; ср.: Vitalis G - Die Entwicklung der Sage von der Rückkehr der Herakliden. Greifswald, 1930. S. 12 ff.; Robinson L. The Dorian... P. 111*). Более разумна позиция, занятая Старром, Снодграссом, Десборо и некоторыми другими авторами (*Starr Ch. G. The Origins... P. 62 f.; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 312, 386; Desborough V. R. d'A. 1) The last Mycenaean... P. 250 ff.; 2) The Greek Dark Ages. P. 322 ff.; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 199 ff.*). Признавая историческую реальность нового расселения греческих племен в конце II тыс., они вместе с тем подчеркивают, что позднейшая античная традиция не может считаться вполне адекватным отражением этого процесса и нуждается в тщательной корректировке с помощью археологического материала.

важнейшие культурные и экономические центры были разрушены и навсегда покинуты своими обитателями. Значительная часть населения, по-видимому, погибла от голода и других бедствий, последовавших за катастрофическими событиями конца XIII в. Уцелевшие бежали в горы или перебрались на острова далеко за морем. Удержавшиеся кое-где на своих местах разрозненные ахейские общины едва ли были способны оказать серьезное сопротивление новому нашествию, если бы оно действительно произошло.

Но продвижение дорийцев и других родственных им племен по территории Греции едва ли заслуживает этого названия. По всей вероятности, оно осуществлялось путем постепенного просачивания небольших родоплеменных групп пришельцев в пустоты, образовавшиеся между уцелевшими островками коренного населения. Подобным же образом в гораздо более поздние времена примитивные пастушеские племена албанцев и валахов спускались со своими стадами с гор и занимали обширные местности, опустошенные крестоносцами, турками или венетцами⁷¹. В конкретной исторической обстановке эпохи миграций процесс расселения новой волны греко-язычных племен мог растянуться на весьма длительное время: начавшись где-то в XII в., он едва ли успел завершиться к концу следующего XI столетия и, вероятно, продолжался также и в X в.⁷² Вопреки обыкновенно бытующему мнению ни дорийцы, ни обычно противопоставляемые им ионийцы (в равной мере это относится и

⁷¹ *Vermeule E. Greece... P. 279; Mylonas G. E. Mycenae and the Mycenaean... P. 232; Desborough V. R. d'A. 1) The last Mycenaean... P. 250 ff.; 2) The Greek Dark Ages. P. 337, 352. Ср.: Buck R. J. The Mycenaean time... P. 284 ff.*

⁷² В своей книге 1964 г. Десборо относит заселение дорийцами Арголиды приблизительно к 1075 г., заселение же южного и западного Пелопоннеса к еще более позднему времени — около 1000 г. (*Desborough V. R. d'A. The last Mycenaean... P. 252*). В более поздней работе того же автора (*Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 352*) это последнее событие отодвигается уже к середине X в. Ср.: *Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 129; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 329 f.; Robinson L. The Dorian Invasion... P. 118 f.*

ко всем другим большим и малым ветвям греческой народности) в этот период еще не успели сложиться как особые этносы, каждый со своим особым диалектом, особыми формами gentilной организации и т. п. отличительными признаками. Все это появится, по-видимому, гораздо позднее в процессе закрепления этих двух народов на той территории, которая принадлежала им в более известные периоды греческой истории⁷³. До перехода к прочной оседлости как дорийцы, так и ионийцы, скорее всего, существовали лишь в виде крайне пестрых и неустойчивых конгломератов родоплеменных групп, связанных между собой не столько общностью происхождения, сколько превращениями их общего перемещения по землям материковой и островной Греции.

Каковы бы ни были подлинные масштабы всех этих миграционных процессов, было бы теоретически и методологически неверно считать их главной, а тем более единственной причиной радикальных перемен, пережитых греческим обществом в это смутное время. Упадок и перерождение микенской цивилизации, составляющие основное содержание переходного периода, были, судя по всему, результатом сложного взаимодействия целого ряда факторов, среди которых очень трудно выделить какой-то один ведущий. Пока что внутренний механизм этого процесса может быть обрисован лишь в самых общих и приблизительных чертах. Можно предполагать, что гибель дворцов и распад связанной с ними экономической системы вызвали в недрах микенского общества некое подобие необратимой «цепной реакции»⁷⁴. Непрерывно ухудшающиеся условия жизни, и, как следствие, страх и неуверенность в завтрашнем дне, распространяясь все шире и шире, охватывали один за другим основные районы ахейской Греции, вызывая повсюду массовые миграции, запустение городов и селений, экономический и культур-

ный спад. Таким образом, создавался «порочный круг», из которого, казалось, нет выхода. Однажды сдвинутый со своего основания микенский миропорядок продолжал рушиться и после этого, подчиняясь страшной силе инерции, которая толкала его все глубже и глубже в пропасть упадка.

Но как далеко могло зайти это падение? Вопрос — отнюдь не праздный. Ведь только так или иначе ответив на него, мы сможем получить реальное представление о том «культурном багаже», с которым в самом начале I тыс. греческое общество вступило в новую фазу своей истории.

В этой связи заслуживают самого пристального внимания совершенно определенные признаки сходства, сближающие культуру СМ периода с культурой гораздо более ранней исторической эпохи — так называемого «среднеэлладского периода» (XX—XVII вв. до н. э.), предшествующего зарождению микенской цивилизации⁷⁵. В большинстве своем эти признаки носят сугубо негативный характер. Вот важнейшие из них: 1) отсутствие больших укрепленных поселений и построек дворцового типа (все известные нам поселения как СЭ, так и СМ периода представляют собой маленькие деревушки, с весьма примитивными укреплениями или вообще без них); 2) отсутствие письменности; 3) почти полное отсутствие культовых сооружений и культовой утвари; 4) никаких других видов искусства, кроме крайне примитивной вазовой росписи, состоящей в основном из абстрактных геометрических узоров (отдельные образцы мелкой пластики — фигурки людей и животных встречаются как в тот, так и в другой период лишь в виде исключения); 5) почти никаких данных, которые могли бы свидетельствовать о имущественной или социальной дифференциации общества (очень мало предметов роскоши, почти абсолютная стандартизация погребений); 6) длительная изоляция Греции от внешнего мира (почти полное отсутствие предметов чужеземного импорта в погребениях).

⁷³ *Starr Ch. G. The Origins... P. 122; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 304, 385.*

⁷⁴ *Renfrew C. The Emergence of Civilization. The Cyclades and the Aegean in the third millenium B. C. London, 1972. P. 502.*

⁷⁵ На это сходство указывает Снодграсс (*Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 383 ff.*). Ср. блестящую характеристику среднеэлладской культуры в книге Э. Вермел (*Vermeule E. Greece... P. 72 ff.*).

Имеются, однако, и положительные черты сходства, благодаря которым материальная культура СМ периода может считаться чуть ли не буквальным повторением культуры СЭ эпохи. Совпадают, например, такие важные их элементы, как способ погребения (как в том, так и в другом случае преобладают погребения в каменных ящиках — цистах); типы жилищ (как для того, так и для другого периода типичной может считаться овальная или апсидальная постройка из кирпича-сырца на каменном фундаменте с круглым очагом в центре); основные принципы вазовой живописи (условный геометрический рисунок наносится темным лаком по светлому фону). Удивительная близость обнаруживается в некоторых видах глиняных изделий, например, в грубой лепной керамике (образцы этого рода сосудов, датируемые XX—XVII и XI-X вв., практически почти невозможно различить). Для полноты картины не хватает лишь одной характерной детали: орудия из камня (обсидиана), довольно часто встречающиеся в среднеэлладских поселениях и некрополях, снова после длительного перерыва появляются в погребениях СМ периода, хотя и не в таком большом количестве, как прежде.

Когда перебираешь один за другим все эти факты, невольно возникает мысль, что в XI в. Греция снова вернулась к той исходной черте, с которой когда-то (в XVII столетии) начиналось становление микенской цивилизации. В принципе такую возможность, по-видимому, не следует считать полностью исключенной. Можно допустить, что волна переселения народов, обрушившаяся на Грецию на рубеже XIII—XII вв., начисто смыла непрочный слой элитарной дворцовой культуры, после чего на поверхность выступил гораздо более глубокий и мощный пласт древних крестьянских культур элладской эпохи. На это указывает резкое снижение бытовых и эстетических стандартов, возвращение к самым примитивным типам жилищ и погребений, к самым архаичным и незатейливым формам декоративного искусства, представленным росписями субмикенских и протогеометрических сосудов. Возможно, в какой-то, точно неизвестной нам степени эти процессы были усилены благодаря приходу новой волны греко-язычных племен (дорийцев и других пред-

ставителей так называемой «северо-западной группы» греческих диалектов), культура которых до этого момента оставалась почти не затронутой минойскими и микенскими влияниями и поэтому сохранила во всей первоначальной чистоте свой «исконно элладский облик»⁷⁶.

Если все обстояло действительно так, как мы теперь предполагаем, то придется признать, что на рубеже II—I тыс. история Греции сталкивает нас лицом к лицу с крайне редким, если не вообще единственным в своем роде фактом практически абсолютного социального и культурного регресса⁷⁷. По существу, это означало бы, что за какие-нибудь сто лет греческое общество было отброшено на целых пять веков назад и, растеряв все, что было накоплено им за время существования микенской цивилизации, оказалось снова где-то на грани первобытной дикости.

Во все это трудно поверить, и более внимательный анализ имеющегося материала убеждает нас в том, что действительное положение вещей было все же не столь безнадежным. В этой связи необходимо подчеркнуть, что археология при всех ее неоспоримых достоинствах в качестве источника объективной исторической информации все же не способна дать абсолютно адекватную реальности картину развития греческого общества в

⁷⁶ Апологеты «нордической теории» воспринимают «элладский ренессанс» XI-X вв. как наглядное доказательство неизменности и живучести подлинно эллинского (индоевропейского) духа, который, хотя и подавлялся временами чуждой ему этнокультурной средой, как это было в период расцвета микенской цивилизации, все же в конце концов всегда пробивал себе дорогу и снова выходил на поверхность (*Kraiker W.* Nordische Einwanderungen... S. 221 ff.; *Matz Fr.* Geschichte der griechischen Kunst. Bd. I. Frankfurt am Main, 1950. S. 46 ff.; *Hafner G.* Geschichte der griechischen Kunst. Zürich, 1961. S. 53 ff.). В более спокойной и объективной манере интерпретируют эти же факты Старр и Снодграсс (*Starr Ch. G.* The Origins... P. 56 f., 70 ff.; *Snodgrass A. M.* The Dark Age... P. 385; ср.: *Блаватская Т. В.* Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976. С. 50 сл.).

⁷⁷ Ср.: *Паназоглу Ф.* К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции // ВДИ. 1961. № 1. С. 40 сл.; *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 195 сл.

этот отдаленный период его истории. Многие важные аспекты этого процесса, конечно, невозможно восстановить, имея в своем распоряжении лишь обломки глиняной посуды, да наконецники копий и стрел. Многое приходится домысливать на основании более поздних письменных свидетельств или, используя памятники материальной культуры, находящиеся уже за пределами собственно переходного периода.

Факты такого рода позволяют говорить о сохранении отдельных элементов микенской культурной традиции в сфере архитектуры и градостроения (постройки в форме мегарона, конгломератный принцип застройки жилых кварталов)⁷⁸, в изобразительном и прикладном искусстве (отдельные орнаментальные мотивы, например, мотив спирали, некоторые виды мелкой пластики, например, статуэтки богини с простертыми к небу руками и т. п.)⁷⁹, наконец, в области религии и культа (имена богов; многие образы и сюжеты в греческой мифологии; некоторые элементы минойско-микенского ритуала в обрядовой практике архаического и классического периодов; следы почитания минойско-микенских святилищ и могил, начиная уже с IX—VIII вв.)⁸⁰. Следует, однако, подчеркнуть, что во всех случаях речь может идти о выживании именно отдельных разрозненных элементов того, что было когда-то большим и сложным культурным комплексом. Сам комплекс там, где это удастся проследить,

⁷⁸ Vermeule E. Greece... P. 287; Schweitzer B. Die geometrische Kunst... S. 232 ff.; Drerup H. Griechische Baukunst in geometrischer Zeit // Archaeologia Homerica. Bd. II. Kap. O. Göttingen, 1969. S. 96 f.

⁷⁹ Levi D. Continuità della tradizione micenea nell'arte greca antica // Atti e Memorie del I Congresso internazionale di Micenologia — 1967. Roma, 1968. P. 285 sgg.; Schweitzer B. Die geometrische Kunst... S. 26 f.; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 399 f.

⁸⁰ Nilsson M. P. 1) The Minoan-Mycenaean religion and its survival in Greek religion. Lund—Oxford, 1927; 2) The Mycenaean Origin of Greek Mythology. Berkeley, 1932; 3) Geschichte... S. 303 ff.; Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.-Л., 1957. С. 285 сл.; Vermeule E. Greece... P. 280 ff.; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 192 f., 395 ff. Старр справедливо предостерегает против чрезмерного увлечения поисками микенских элементов в греческой мифологии и культе (Starr Ch. G. The Origins... P. 163 f., 173 ff.).

либо совершенно исчезает, либо преобразуется до неузнаваемости, т. е. фактически создается заново.

Так, если взять микенскую систему религиозных представлений, то какие-то ее части, например, имена богов, возможно, также связанные с ними образы, функции, некоторые обряды и т. д. вполне могли перейти из одной эпохи в другую. Но вся система в целом была в корне перестроена. Изменилась ее структура, изменились и отношения между составляющими ее элементами⁸¹. Если центральной фигурой микенского пантеона было, судя по имеющимся у нас данным, женское божество — богиня-мать, богиня-владычица, то уже у Гомера мы находим совсем иную, чисто патриархальную схему организации мира богов (в центре его стоит бог-отец Зевс, которому подчинены все прочие как мужские, так и женские божества). Другой пример — сам гомеровский эпос. Как мы уже говорили, дистанция, отделяющая его от предшествующей ему микенской героической поэзии, — огромна, и речь может идти опять-таки лишь об усвоении случайных, практически не связанных между собой элементов более древней художественной традиции. Еще более ясно и определенно этот разрыв с культурными традициями бронзового века выступает в сфере греческого декоративного искусства. Уже древнейшее его направление, представленное вазовой живописью геометрического стиля (см. о нем ниже, с. 114 сл.), по своим основным эстетическим принципам резко отличается от всего того, что могло ему предшествовать в искусстве крито-микенской эпохи, хотя некоторые из используемых им орнаментальных мотивов, возможно, восходят к этому времени.

Нам думается, что мы вправе сделать еще один шаг в том же направлении и распространить это наблюдение на всю микенскую цивилизацию. Взятая как некое органическое целое, как «система систем» она была — это можно сказать теперь с полной уверенностью — отброшена в сторону, как ненужный черновик, неудачная проба пера, и заменена совершенно иным типом

⁸¹ Starr Ch. G. The Origins... P. 172 ff. Ср.: Nilsson M. P. Geschichte... S. 338 ff.

цивилизации. Нельзя не согласиться с М. Финли, который писал по этому поводу: «То, что случилось после падения микенской цивилизации, было не просто упадком в рамках существующего социального порядка, но упадком и изменением также и в самом его характере. Поэтому, как только новое греческое общество возникло из этих новых начал, оно двинулось в совершенно ином направлении, так что тот род миропорядка, который существовал до 1200 г. до Р. Х., никогда более не появлялся в древней Греции. В этом смысле разрыв был полным и окончательным»⁸².

Итак, как бы мы ни оценивали долю микенского наследия в общем богатстве греческой культуры I тыс., сам факт резкого разрыва между этими двумя эпохами не подлежит сомнению. Переход с одной ступени на другую носил кризисный, катастрофический характер и сопровождался весьма заметным замедлением и даже полной приостановкой культурного развития, утратой многих важнейших достижений микенской эпохи. Очевидно, только такой ценой греческое общество способно было найти выход из той тупиковой ситуации, в которой оно рано или поздно должно было оказаться (или, может быть, уже оказалось), если бы не сошла со сцены микенская дворцовая цивилизация, по всем признакам, представлявшая собой один из вариантов той обреченной на застой социальной системы, которыми так богата история древнего Востока⁸³.

И все же, несмотря на столь ясно выраженные признаки одичания и культурной деградации, это попятное движение, по-видимому, так и не привело к полному восстановлению домикенского status quo. Возвращение к этому исходному состоянию было невозможно, как нам думается, по двум причинам. Во-первых, даже в условиях страшного экономического спада и подрыва про-

⁸² Finley M.I. Homer and Mycenae: Property and Tenure // Historia. 1957. Bd. VI, H. 2. S. 159. Ср.: Vermeule E. Greece... P. 309; Maddoi G. Damos e basilees // SMEA. 1970, f. XII. P. 14 sg.; Блаватская Т. В. Греческое общество... С. 50 сл.

⁸³ Starr Ch. G. The Origins... P. 57 f., 74.

изводительных сил страны, которыми сопровождалось крушение микенской цивилизации, накопленный ею технический потенциал не был утрачен полностью⁸⁴. На это указывает хотя бы сравнительно быстро ставшее реальностью еще в пределах переходного периода освоение греческими металлургами техники выплавки и обработки железа. Во-вторых, глубокие органические изменения, произошедшие в недрах греческого общества за время существования микенских государств (мы имеем в виду, прежде всего, изменения в структуре и характере греческой земледельческой общины) были в основной своей части необратимы и удержались, несмотря на все пережитые им потрясения. Как было уже замечено, тот вариант бесклассового общества, который сложился в Греции к началу гомеровского периода, по многим признакам отличался от более раннего его варианта, предшествовавшего зарождению микенской цивилизации.

Таким образом, греки, по-видимому, не смогли бы повторить еще раз однажды уже пройденный ими путь, даже если бы сознательно к этому стремились. Конечно, жертвы, которые им пришлось принести своим неумолимым богам в это тяжелое для них время, были огромны. Однако, в конце концов, они оправдали себя, так как после двух столетий почти непрерывного упадка в самом конце XI — начале X вв. стал намечаться выход из создавшегося тупика, а вместе с ним и поворот на новый путь развития.

Первым симптомом этого поворота может считаться широкое внедрение железа в греческое ремесленное производство, которым ознаменовался следующий за субмикенским протогеометрический период (1025-900 гг. до н. э.). Вообще по богат-

⁸⁴ Сохранился, однако, лишь некоторый очень незначительный минимум технических навыков. Вопреки мнению Ленцмана (Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 196; Папазоглу Ф. К вопросу о преемственности... С. 40), полагавшего, что «ремесло, рассчитанное на рядового потребителя, ... сохранило технический уровень предыдущего (т. е. микенского) периода», упадок был весьма значительным также и в этой области. Выше уже было отмечено, что керамика СМ периода по своим техническим качествам (не только художественным) заметно уступает изделиям микенских гончаров. Некоторый подъем гончарного производства наметился лишь с переходом к ПГ периоду.

ству и разнообразию найденных в них изделий из металла погребения ПГ периода заметно превосходят могилы более раннего времени. В них намного больше оружия (по-видимому, в это время в Греции широко распространился обычай класть в могилу вместе с покойником, если он был мужчиной, воином и свободным человеком, его оружие)⁸⁵, причем преобладающая его часть изготовлена не из бронзы, а из железа. Так, из двадцати с лишним мечей, датированных ПГ периодом, бронзовых — только один. Из более, чем тридцати наконечников копий бронзовых — лишь восемь. Из десяти кинжалов бронзовых — только два⁸⁶. Встречаются в погребениях этого времени также и железные инструменты. Примерами могут служить топор и долото, найденные в одном из погребений афинской Агоры, долото и тесло из одной могилы в некрополе Керамика, железный серп из Тиринфа и другие предметы⁸⁷. Таким образом железо в это время уже использовалось для изготовления не только оружия, но также и орудий труда, что позволяет считать ПГ период началом настоящего железного века⁸⁸.

⁸⁵ Существование особого «класса воинов», являвшегося вместе с тем и господствующим классом греческих общин, кажется маловероятным в реальных исторических условиях этой эпохи, когда оружие было для каждого таким же предметом первой необходимости, как и самая простая утварь. См.: *Kraiker Kübler K. Keramikos...* Bd. I. S. 172; *Bouzek J. Homerisches Griechenland*. S. 126 f. Ср.: *Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages*. P. 311 f.

⁸⁶ Все цифры взяты из работы Снодграсса (*Snodgrass A. M. Barbarian Europe and Early Iron Age // Proceedings of the Prehistoric Society*. 1965. Vol. 31. P. 230 f.

⁸⁷ *Blegen C. W. Two Athenian grave groups of about 900 B. C. // Hesperia*. 1952. Vol. 21, 4. P. 289; *Kübler K. Kerameikos*. Bd. IV. Neufunde aus der Nekropole des 11. und 10. Jh. Berlin, 1943. S. 41; *Pleiner K. R. Iron working...* Fig. 3,3.

⁸⁸ *Snodgrass A. M.* 1) *Barbarian Europe...* P. 230 f; 2) *The Dark Age...* P. 228 ff.; *Bouzek J. Homerisches Griechenland*. S. 115; *Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare*. Cambridge, 1973. P. 41. Ср.: *Starr Ch. G. The Origins...* P. 87, 357; *Pleiner K. R. Iron working...* P. 12f.; *Forbes R. J. Bergbau, Steinbruchtätigkeit und Hüttenwesen // Archaeologia Homerica*. Bd. 2. Kap. K. Göttingen, 1967. S. 29 f.

В этой связи заслуживает внимания одно любопытное обстоятельство. Уже в конце XI в. железо настолько потеснило бронзу в греческой металлургии, что из него стали делать даже такие вещи, как булавки, фибулы, кольца, хотя во всех этих случаях бронза, безусловно, была бы более подходящим металлом. Среди булавок, найденных в протогеометрических погребениях афинского Керамика, подавляющее большинство изготовлено из железа. Лишь у некоторых из них мы видим бронзовые головки⁸⁹. В иных условиях и в иное время факты такого рода могли бы быть объяснены как результат массового увлечения, своеобразной «моды» на новый, только что ставший известным металл. Однако для крайне оскудевшей, совершенно отрезанной от внешнего мира послемикенской Греции такое объяснение едва ли приемлемо. Гораздо больше нам импонирует гипотеза Э. Снодграсса, в понимании которого «мода» на железные изделия всех сортов была прямым следствием острой нехватки бронзы и других металлов. Именно хронический дефицит цветных металлов, возникший после того, как были закрыты все торговые пути, связывавшие микенскую Грецию со странами Востока и, в первую очередь, с Кипром, откуда, по всей видимости, доставлялась основная масса всей потребляемой ею меди или, может быть, уже готовой бронзы, вынудил греческих металлургов взяться за разработку местных месторождений железа⁹⁰. Месторождения эти были, судя по всему, не очень велики, однако на первых порах их запасов вполне могло хватить на то, чтобы обеспечить металлом сильно сократившееся в числе население страны⁹¹.

Таким образом, если следовать Снодграссу, то стремительное вытеснение бронзы железом, которое мы наблюдаем в греческой

⁸⁹ *Muller-Karpe H. Metallgegenstände...* S. 62 ff.; *Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages*. P. 317.

⁹⁰ *Snodgrass A. M. The Dark Age...* P. 237 ff.; *Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages*. P. 316 f.

⁹¹ *Forbes R. J. Bergbau, Steinbruchtätigkeit...* S. 10; *Pleiner K. R. Iron working...* P. 24.

индустрии ПГ периода, было продиктовано не столько высокими техническими качествами этого металла (в чисто техническом отношении древнейшие изделия из железа могли и уступать аналогичным изделиям из бронзы)⁹², сколько той исключительной обстановкой абсолютной оторванности от внешнего мира и отсутствия доступа к источникам самого необходимого сырья, в которой Греция оказалась в это трудное для нее время. Интересно, однако, что после того, как контакты с Востоком и, в частности, с Кипром начали понемногу возобновляться (это произошло уже в конце X в.), бронза, хотя и вернула себе часть утраченных ею позиций, но полностью восстановить свое господствующее положение уже не смогла. С конца ПГ периода в погребениях афинского Керамика (*Ил. 3*) и других греческих некрополей снова появляются бронзовые фибулы, булавы, наконечники копий, чаши⁹³. Спорадически встречаются даже такие массивные предметы, изготовленные из этого металла, как котлы и треножники⁹⁴. Однако железо по-прежнему используется при изготовлении всех рубящих и режущих орудий как военного, так и мирного назначения. Уже одно это обстоятельство ясно показывает, что к началу геометрического периода металлургия железа успела глубоко укорениться в местной греческой почве и возвращение вспять, в эпоху бронзы было уже невозможно. Очевидно, к этому времени железо уже могло доказать свое превосходство над соперником по всем основным техническим показателям: твердости, упругости, заточиваемости и т. д. Как синоним твердости слово σίδηρος войдет впоследствии в лексикон гомеровской поэзии⁹⁵. Однако технический переворот, впервые открывший грекам глаза на эту

⁹² *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 163; *Snodgrass A. M.* The Dark Age... P. 215 ff., 230.

⁹³ *Snodgrass A. M.* The Dark Age... P. 237; *Desborough V. R. d'A.* The Greek Dark Ages. P. 318.

⁹⁴ *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 116, 140; *Schweitzer B.* Die geometrische Kunst... S. 176 ff.

⁹⁵ *Pleiner K. R.* Iron working... P. 10; ср.: *Forbes R. J.* Bergbau, Steinbruchtätigkeit... S. 30.

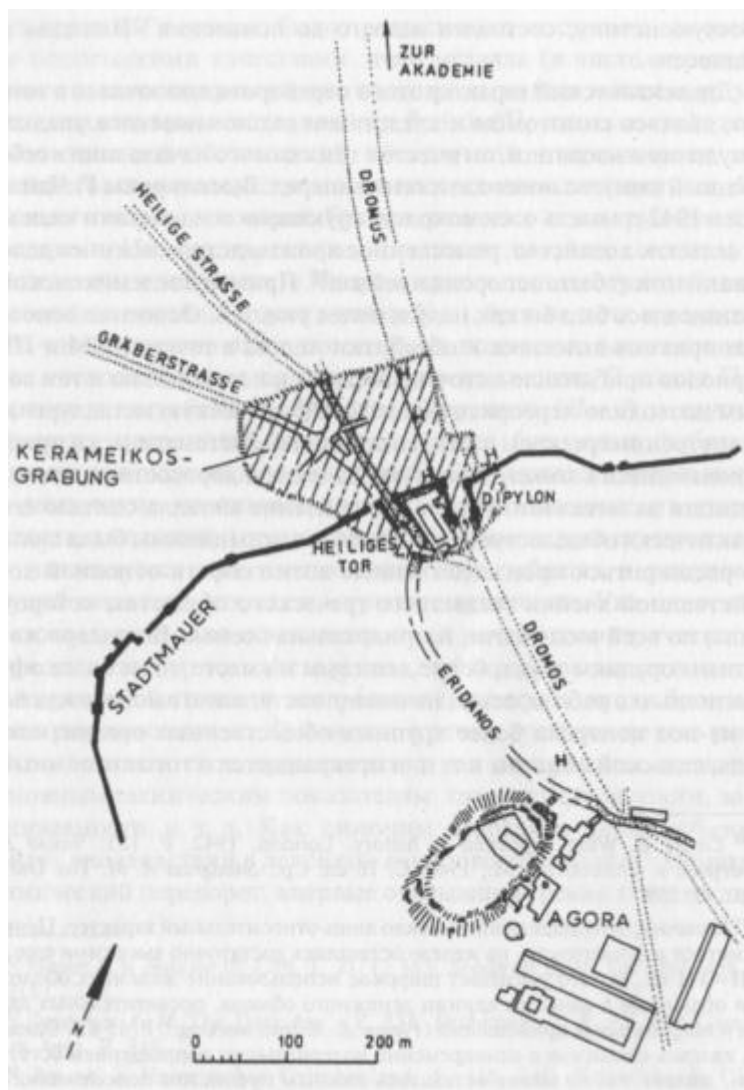
простую истину, состоялся задолго до появления «Илиады» и «Одиссеи».

Диалектический характер этого переворота заключался в том, что, являясь симптомом и следствием экономического упадка, оскудения и изоляции, он вместе с тем с самого начала таил в себе мощный импульс нового движения вперед. Высказанная Г. Чайлдом в 1942 г. мысль о «демократизирующем» воздействии железа на сельское хозяйство, ремесленное производство и военное дело едва ли может быть оспорена и сейчас⁹⁶. Пример послемикенской Греции здесь был бы как нельзя более уместен. Освоение основных приемов выплавки и обработки железа в течение СМ и ПГ периодов приблизило источники сырья к потребителю и тем самым позволило переориентировать всю греческую металлургию на внутренние ресурсы, сделав излишними систематически практиковавшиеся в микенскую эпоху далекие и дорогостоящие экспедиции за металлом. Резкое удешевление металла сделало его практически общедоступным⁹⁷. В связи с этим должны были сильно расшириться производственные возможности основной хозяйственной ячейки тогдашнего греческого общества, которой была, по всей видимости, патриархальная семья. Благодаря железным орудиям труда, более дешевым и вместе с тем более эффективным в работе, семья начинает постепенно высвобождаться из-под контроля более крупных общественных организмов: рода, сельской общины и т. п. и превращается в тот автономный

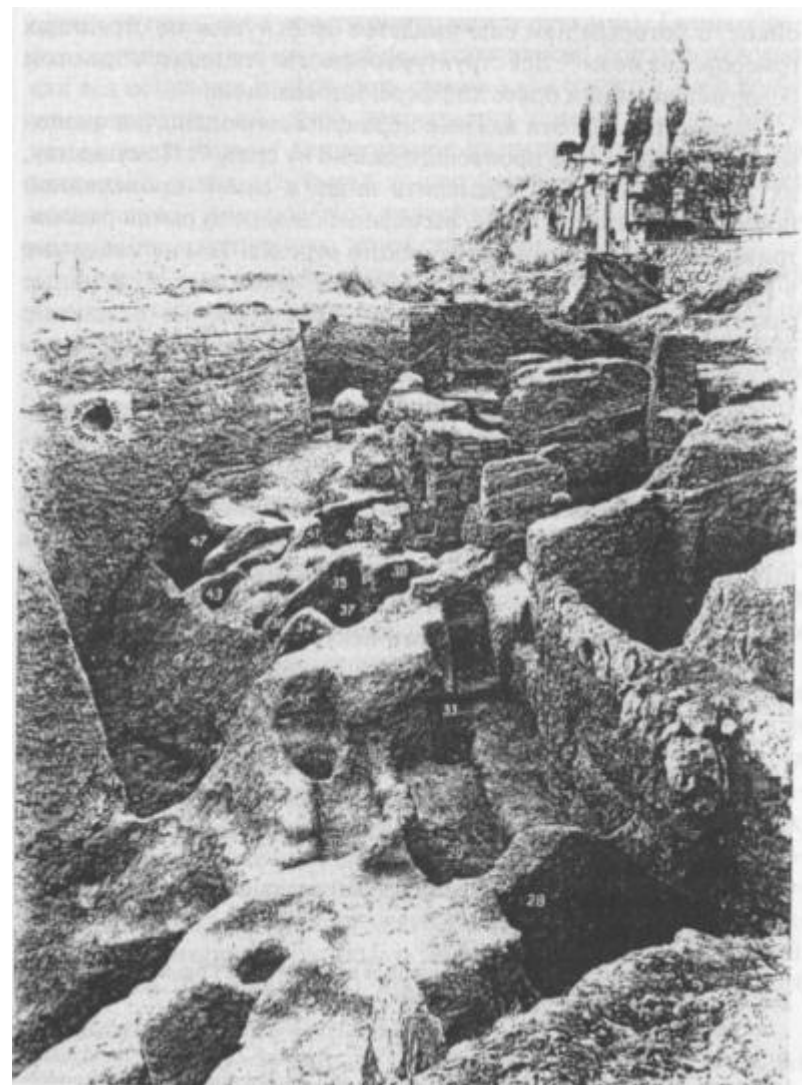
⁹⁶ *Childe G.* What happened in history. London, 1942. P. 183; *Чайлд Г.* Прогресс и археология. М., 1949. С. 76 сл. Ср.: *Snodgrass A. M.* The Dark Age... P. 239.

⁹⁷ Конечно, это удешевление носило лишь относительный характер. Цены на металл и, в частности, на железо оставались достаточно высокими еще в VIII—VII вв., на что указывает широкое использование железных оболов или обелисков в качестве единиц денежного обмена, посвяtitельных даров и погребальных приношений (*Pleiner K. R.* Iron working... P. 15 ff.). Однако, являясь символом и одновременно материальным воплощением богатства, железо тем не менее оставалось важным предметом повседневного обихода, имеющим самое широкое применение в быту и в хозяйстве. Недаром начало жатвы (май-июнь) определяется в «Трудах и днях» Гесиода (387) как время, «когда люди начинают точить железо» (ср.: Там же. 573, 742).

3. Афинский Керамик: 1 — план раскопок;

2 — протогеометрические могилы южнее Эридана

ойкос, с которым нам еще придется столкнуться на страницах гомеровских поэм⁹⁸. Вся структура общества становится при этом более подвижной и более дифференцированной.

Разумеется, все эти важные перемены социального и экономического характера произошли далеко не сразу⁹⁹. По существу, их можно увидеть и осмыслить лишь в самой протяженной исторической перспективе, выходящей далеко за рамки рассматриваемого сейчас хронологического отрезка. Тем не менее уже в культуре самого ПГ периода заметны некоторые позитивные сдвиги, которые могут быть прямо или косвенно связаны с происходившим в ту пору обновлением технической базы общественного производства.

Совершенно определенный прогресс наблюдается, например, в сфере гончарного ремесла¹⁰⁰. Несмотря на крайний аскетизм своего декоративного убранства, вазы протогеометрического стиля выгодно отличаются от предшествующей им субмикенской керамики. Их силуэт более элегантен. В нем сильнее выражено чувство пропорции и ритма, благодаря чему сами сосуды кажутся более устойчивыми. В этом уже сказывается характерное для всего греческого искусства последующего времени стремление к тектонической выверенности вещи. Скупой геометрический орнамент (основным его элементом являются концентрические круги и полукруги, к которым иногда присоединяются декоративные панели из пересекающихся линий и ромбов) украшает обычно лишь одну строго определенную часть сосуда (на амфорах для этого выбирается, как правило, либо

⁹⁸ Ср.: Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Т. II. Первые философы. М., 1959. С. 172; Willem R. F. Cretan cults and festivals. London, 1962. P. 38.

⁹⁹ Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 196. Ср.: Блаватская Т. В. Греческое общество... С. 51, прим. 16.

¹⁰⁰ Desborough V. R. d'A. 1) Protogeometric Pottery; 2) The last Mycenaean... P. 259 ff; 3) The Greek Dark Ages. P. 145 ff; Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. London, 1958. P. 187 ff; Cook R. M. Greek painted pottery. London, 1960. P. 5 ff; Starr Ch. G. The Origins... P. 89 ff; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 105 ff; Zervos Chr. La civilisation Hellénique. T. I. Paris, 1969. P. 82 ss.; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 44 ff.

плечевой пояс, либо пространство между ручками). Таким образом создается какое-то подобие декоративного фриза, в то время как вся остальная поверхность стенок вазы остается либо вообще незакрашенной, либо покрывается темным лаком. Такой прием подчеркивает вертикальное членение формы сосуда на несколько основных частей и еще более усиливает то общее впечатление гармонической целостности и уравновешенности, которое производят вазы этого стиля (Ил. 4).

Во всем этом проявился не только высокий художественный вкус греческих и прежде всего афинских гончаров, но также и их заметно выросшее техническое мастерство. Внимательное изучение афинских vaz ПГ периода показывает, что создававшие их ремесленники использовали более устойчивый гончарный круг, тщательнее готовили глину, предназначенную для формовки сосуда, обжигали его при более высокой температуре, что придавало лаку большую прочность и красоту, а для нанесения рисунка применяли циркуль с составной кистью и линейку¹⁰¹. Все эти пусть еще очень скромные технические и художественные достижения свидетельствуют о том, что в X столетии греческие мастера уже начали поиски какой-либо конструктивной замены для окончательно изжившего себя микенского искусства.

Разумеется, даже и этот весьма ограниченный прогресс в греческом ремесленном производстве был бы невозможен при отсутствии хотя бы умеренного материального достатка и хотя бы относительной политической стабильности. Следует полагать, что и то и другое уже имелось в наличии в тех общинах, которые могут считаться ведущими центрами производства протогеометрической керамики. Наряду с Афинами — самым значительным из этих центров, в это число входят некоторые пункты на территории Аргониды, о. Эвбеи (Лефканди — Ил. 5 и 6), восточной Фессалии¹⁰². О постепенном росте материального

¹⁰¹ Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 45 ff; Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 145 f.

¹⁰² Desborough V. R. d'A. 1) Protogeometric Pottery. P. 125 ff; 2) The Greek Dark Ages. P. 289 ff; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 105 ff; Snod-

благополучия населения этих районов в течение ПГ периода свидетельствует анализ погребального инвентаря. Особенно показателен обширный материал, происходящий из афинского Керамика. Сравнение ранних протогеометрических могил этого некрополя с более поздними, относящимися к самому концу того же периода, позволяет сделать важные выводы. Ранние могилы почти стандартны. Один и тот же набор сопроводительного инвентаря повторяется лишь с незначительными вариациями в десятках погребений. Обычно он включает в свой состав два-три сосуда, меч или кинжал в мужских могилах и несколько фибул или булавок в женских¹⁰³. Погребения, датируемые концом ПГ периода, уже более разнообразны. Среди них встречаются как бедные, так и богатые могилы. В последних — заметно больше керамики, украшений, оружия, попадаются бронзовые и даже золотые изделия¹⁰⁴. Отсюда следует, что в конце X в. в Афинах уже начался процесс имущественного расслоения общины¹⁰⁵.

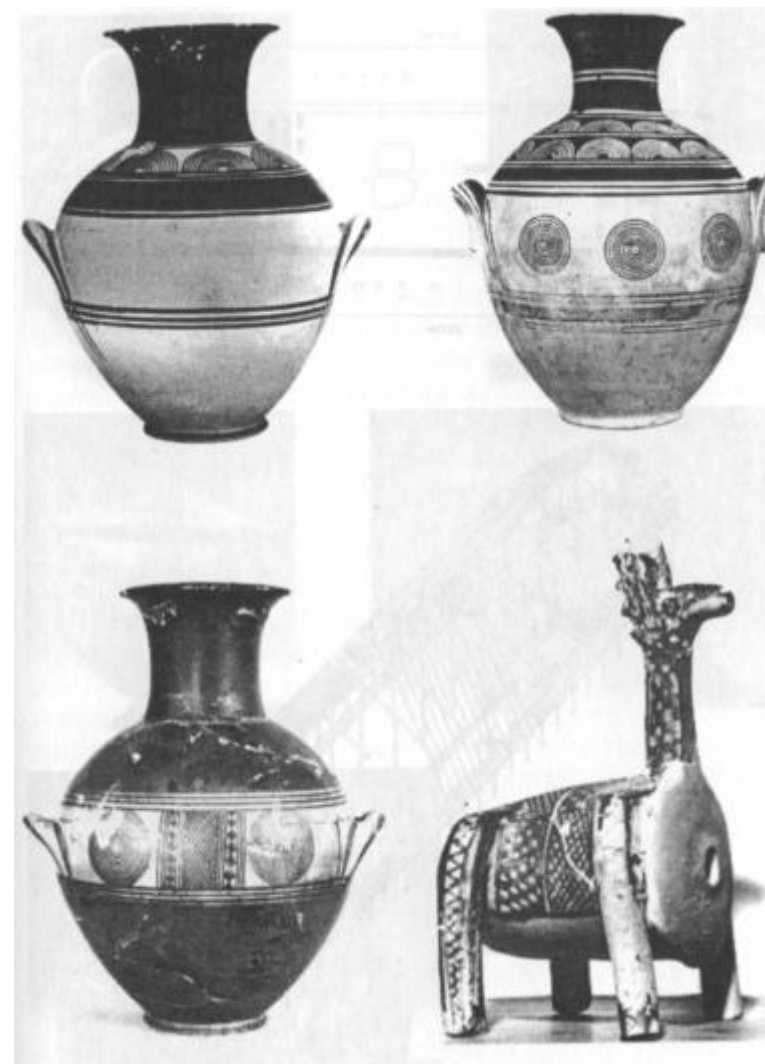
Еще одна примечательная черта ПГ периода (особенно в заключительной его части) состоит в заметном оживлении контактов между отдельными культурными центрами и вместе с тем в значительном расширении самой географической зоны, охваченной греческой культурой. В этом плане ПГ период представляет прямую противоположность начальной фазе эпохи миграций (XII — первая половина XI вв.), характеризовавшейся как раз разрывом культурных и экономических связей между от-

grass A. M. The Dark Age... P. 68 ff. * О раскопках в Лефканди см.: Popham M. Precolonization: early Greek contact with the East // The Archaeology of Greek Colonization. Essays dedicated to Sir John Boardman / Eds. by Tsetskhladze G. R. and De Angelis Fr. Oxford, 1994. P. 11-34; Pakkanen J. and P. The Toumba building at Lefkandi: some methodological reflections on its plan and function // BSA. 2000. № 95. P. 239-252.; Андреев Ю. В. От Евразии к Европе... С. 689, 696-708.

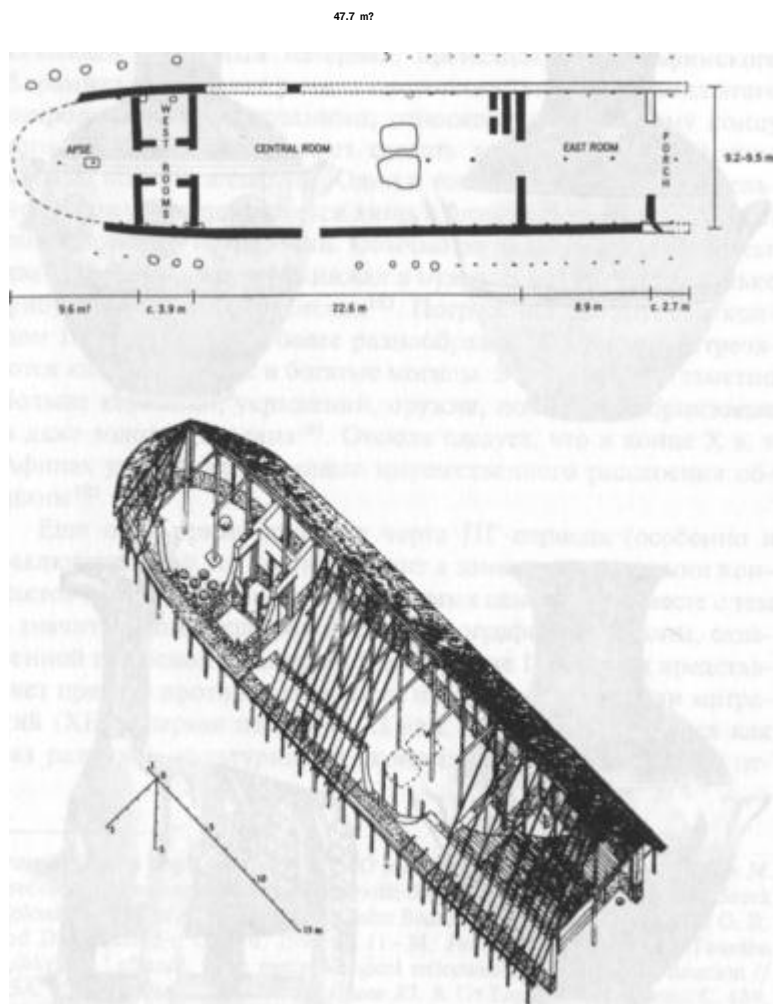
¹⁰³ Kraiker W., Kubier K. Kerameikos... Bd. I. S. 89 ff., 180 ff.

¹⁰⁴ Kubier K. Kerameikos... Bd. IV. S. 41 ff.

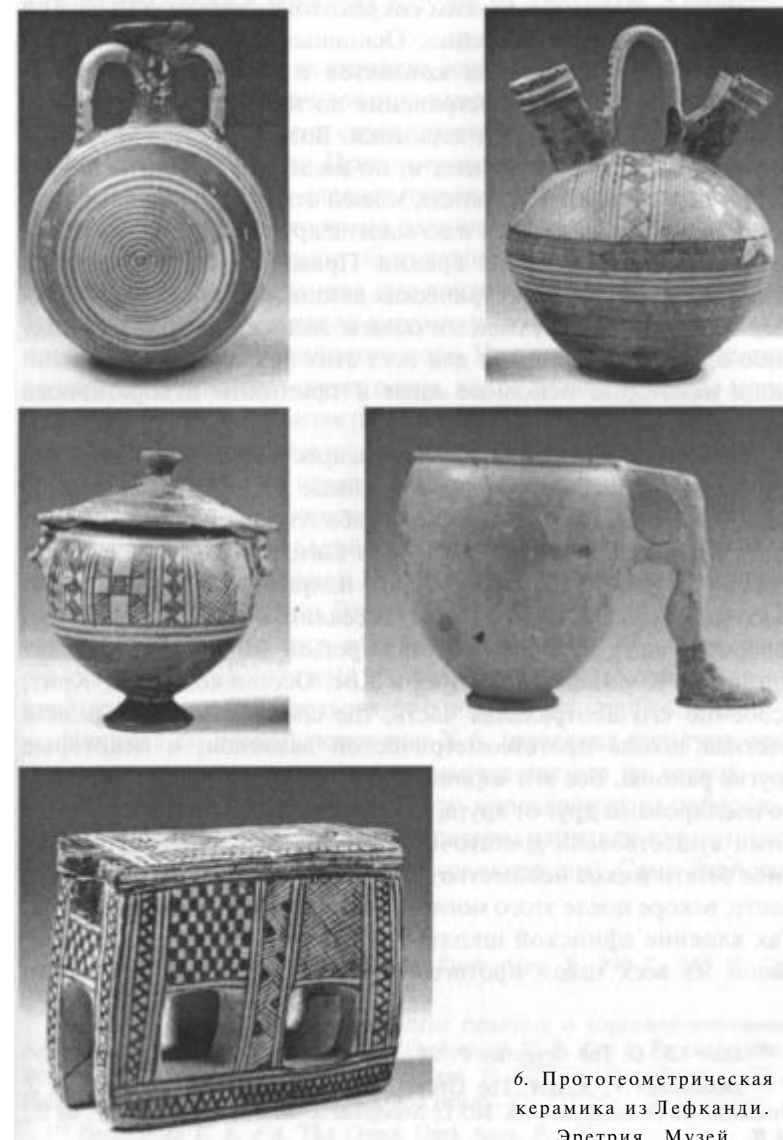
¹⁰⁵ Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 206.

4. Протогеометрические амфоры и детская игрушка (олень) из музея Керамика в Афинах. Ок. 1000-900 гг. до н.э.

5. Лефканди. Героон. Ок. 1000-950 гг. до н.э.
План и реконструкция (по Коултону)

6. Протогеометрическая
керамика из Лефканди.
Эретрия. Музей

дельными районами и резким сокращением культурной зоны в пределах Эгейского бассейна. Основным показателем возобновления внутригреческих контактов в течение ПГ периода является широкое распространение по территории Греции самой протогеометрической керамики. Возникнув где-то во второй половине XI в. в Афинах и, по-видимому, почти одновременно появившись в Арголиде, новый стиль вазовой живописи постепенно проник также и во многие другие районы как материковой, так и островной Греции. Правда, почти в каждом из этих районов протогеометрическая вазопись имела свои локальные особенности, оставаясь в общем весьма далекой от каких-либо стандартов (общими для всех этих локальных школ были лишь некоторые основные идеи и принципы декоративного убранства сосудов)¹⁰⁶.

Десборо делит основную зону распространения протогеометрического стиля на три обособленные культурные «провинции»¹⁰⁷. Первая из них включает в себя Аттику, Беотию, южную часть Кикладского архипелага, о-ва Самос, Родос и некоторые пункты на побережье Малой Азии, например, Смирну. Вторая охватывает прибрежные районы Фессалии, о-ва Эвбею, Скирос, северную часть Киклад. В состав третьей «провинции» входят Арголида, Коринф, о-ва Эгина и Кос. Особняком стоит Крит, особенно его центральная часть, где сложилась своеобразная местная школа протогеометрической вазописи, и некоторые другие районы. Все эти «провинции», однако, не были абсолютно изолированы друг от друга, как это было в СМ период. Между ними существовали достаточно тесные связи. Поэтому то или иное эстетическое новшество, возникнув в каком-нибудь одном месте, вскоре после этого могло появиться и в целом ряде других. Так влияние афинской школы вазовой живописи, самой передовой из всех школ протогеометрического стиля, явственно

¹⁰⁶ Starr Ch. G. The Origins... P. 98.

¹⁰⁷ Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 345 ff. Ср.: Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 105 f.; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 68 ff., 84 ff., 403.

ощущается также в росписях сосудов из Арголиды, Коринфа и даже с Крита¹⁰⁸.

К сожалению, нам неизвестно, каким путем осуществлялись эти контакты. Определенную роль в налаживании культурных связей как между отдельными «провинциями», так и внутри них могла играть меновая торговля. Правда, ее значимость в экономической жизни ПГ периода не следует преувеличивать¹⁰⁹. Слишком незначителен был еще в то время излишек ремесленной и сельскохозяйственной продукции, поступавший в торговый оборот.

Едва ли случайно, однако, что почти все важнейшие места находок протогеометрической керамики группируются в пределах прибрежной полосы Эгейского моря. Уже одно это обстоятельство наглядно свидетельствует о том, какое значение имело мореплавание и морские контакты для обитателей тогдашней Греции. Районы, расположенные на известном удалении от эгейского побережья, оказываются практически за пределами зоны распространения протогеометрической культуры. Сюда относятся многие области Пелопоннеса (Ахайя, Элида, Аркадия, Лакония и Мессения), средней и северной Греции (Фокида, Локрида, внутренняя часть Фессалии, весь Эпир). Судя по всему, эти районы в X, также как и в XI столетии, вели совершенно обособленное существование. Происходящий из них археологический материал крайне скуден и свидетельствует о полном культурном застоe¹¹⁰.

Начиная со второй половины X в. греческая культура ориентируется в своем развитии преимущественно на восток — в сторону Эгеиды и противолежащего малоазиатского побережья (известная переориентация ее в западном направлении начнется лишь в VIII в. — в эпоху Великой колонизации). Само Эгейское

¹⁰⁸ Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 290 f., 345 ff. Ср.: Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 331.

¹⁰⁹ Как это делает Десборо, выдвигая гипотезу о торговой гегемонии Афин чуть ли не над всей Эгеидой (Desborough V. R. d'A. 1) Protogeometric Pottery. P. 299 ff; 2) The Greek Dark Ages. P. 345 ff). Ср.: Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 207 сл.

¹¹⁰ Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 352.

море начало превращаться в это время в «греческое озеро», которое, по выражению Старра, «было сфокусировано внутри самого себя»¹¹¹. Греческие поселения появляются теперь как на западном, так и на восточном его побережьях, а также и на лежащих между ними островах. В позднейшей греческой историографии это расселение эллинской народности по всему Эгейскому бассейну обычно связывается с так называемой «ионийской колонизацией» и сопутствовавшими ей переселениями дорийцев и эолийцев из Европы в Малую Азию.

Реконструировать эти события хотя бы в самом приближенном виде — задача крайне трудная. Едва ли могут служить основой для такой реконструкции многочисленные и весьма противоречивые версии предания об основании ионийских, эолийских и пр. полисов малоазиатского побережья. Единственный бесспорный факт, пока что имеющийся в нашем распоряжении, это — археологически засвидетельствованное продвижение греческой протогеометрической керамики через Эгейское море в направлении с запада на восток¹¹². Основная масса находок датируется X в. Однако в некоторых местах, в Милете, например, встречаются и более ранние образцы не только протогеометрических, но даже и субмикенских сосудов¹¹³. Поселе-

¹¹¹ Starr Ch. G. The Origins... P. 108. См. также: Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 375.

¹¹² Перечень находок протогеометрической керамики на ионийском побережье Малой Азии, составленный Хаксли в 1966 г. (Huxley G. L. The Early Ionians. London, 1966. P. 23 ff.), включает Милет, мыс Микале, Теос, район Эрифр, Смирну, Самос, Фокею. Десборо (Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 184) добавляет к нему еще Клазомены. См. также: Hopper R. J. The Early Greeks. N. Y., 1977. P. 80.

¹¹³ См. выше, прим. 44. Явно заниженные датировки Кассолы (Cassola F. La Ionia nel mondo miceneo. Naples, 1957), относившего основание большинства ионийских поселений к микенской эпохе, в настоящее время отвергаются почти всеми специалистами. См.: Schachermeyr Fr. [Рец. на кн.: Cassola F. La Ionia nel mondo miceneo] // Gnomon. 1960. Bd. 32. S. 207 ff.; Roebuck C. Ionian Trade and Colonization. New York, 1959. P. 25; Huxley G. L. The Early Ionians... P. 22; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 373; Cook J. M. Greek settlement... P. 787.

ния этого времени нам практически неизвестны. Никаких следов застройки, которые можно было бы датировать ПГ периодом, не сохранилось. В виде исключения можно сослаться на остатки небольшой овальной хижины из необожженного кирпича, открытые в Смирне¹¹⁴. Однако большие скопления керамики, обнаруженные на месте будущего города в той же Смирне, а также в Милете и в некоторых других местах, дают основание полагать, что греческие поселения существовали здесь, по крайней мере, с X в.¹¹⁵

Всякие дальнейшие предположения относительно главных центров колонизационного движения, этнического состава его участников, а в равной степени и относительно его характера, вызвавших его причин и т. п., связаны уже с известным риском. По аналогии с позднейшими колониальными экспедициями античная традиция изображает ионийскую колонизацию как планомерное, заранее продуманное и подготовленное, направляемое из единого центра предприятие. Общей метрополией большинства ионийских полисов почти все греческие авторы называют Афины (см. Solon, fr. 4 Diehl; Hdt. I, 147; Thuc. I, 2, 6; 12, 4; Strabo, VIII, 383, XIV, 633; Paus., VII, 2, 1). Сами ионийцы были, если верить Геродоту (I, 145) и Страбону (VIII, 383), см. также Paus. VII, 1, 4; 2, 1, единым народом, который когда-то населял северный Пелопоннес (район позднейшей Ахайи), а затем теснимый дорийцами через Аттику перебрался в Малую Азию. Грубый схематизм и надуманность этой конструкции так же, как и ее тенденциозная проафинская направлен-

¹¹⁴ Akurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin, 1961. S. 9. О протогеометрическом и геометрическом поселениях в Смирне см.: Akurgal E. Alt-Smyrna. I. Wohnschichten und Athenatempel. Ankara, 1983. S. 15-32. Ср.: Nicholls R. V. Early Monumental Religions Architecture at Old Smyrna // New Perspectives in Early Greek Art / Ed. by D. Buitron-Oliver. Hanover-London, 1991. P. 151-155.

¹¹⁵ Cook J. M. Old Smyrna, 1948-1951 // BSA. 1958-59, 53-54. P. 10; Cook J. M. Greek settlement... P. 785; Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 179 ff; Hopper R. J. The Early Greeks. P. 80.

ность совершенно очевидны¹¹⁶. Сам Геродот приводит факты, которые находятся в явном противоречии с его же собственным тезисом о едином происхождении всех ионийцев. Чистокровных ионийцев, «вышедших прямо из афинского пританея», было среди населения так называемых «ионийских» городов Малой Азии, по его словам, не так уж много. Основную же массу этого населения составляли выходцы из самых различных районов европейской Греции, никакого отношения к ионийцам не имеющие (Hdt., I, 146). Нам кажется, что этот вариант предания гораздо ближе к исторической действительности эпохи миграций, нежели искусственная афиноцентристская схема, принятая многими современными историками.

Являясь естественным продолжением и развитием более ранних миграционных процессов, реальная ионийская колонизация так же, как и они все, не могла быть ничем иным, кроме беспорядочного, далекого от какой бы то ни было планомерности и организованности, блуждания разрозненных групп переселенцев по водам Эгейского моря¹¹⁷. Продвигаясь сначала вдоль цепи островов в восточном направлении, а затем вдоль малоазийского побережья, они занимали места, казавшиеся им наиболее удобными, и основывали там свои поселения (как правило, они размещались на небольших, пригодных для защиты с моря и с суши

¹¹⁶ Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte. Bd. 1. Halle, 1892. S. 144; Wilamowitz-Moellendorf U. von. Über die ionische Wanderung // Sitzungsber. d. Akad. Wiss. IV. Berlin, 1906. S. 70 ff.; Busolt G. Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München, 1920. S. 118 f.; Cassola F. La Ionia... P. 20 sg., 74 sg.; Sakellariou M. P. La Migration Grecque en Ionie. Athens, 1958. P. 493 s.; Starr Ch. G. The Origins... P. 110 f.; Hopper R. J. The Early Greeks... P. 69 ff.; Schachermeyr Fr. Griechische Frühgeschichte. Wien, 1984. S. 265 f. Ср.: Webster T. B. L. From Mycenae... P. 120 ff.; Huxley G. L. The Early Ionians... P. 25 ff.; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 374 f.; Cook J. M. Greek settlement... P. 784 f.

¹¹⁷ Против сближения ионийской миграции с позднейшими колониальными предприятиями греков справедливо предостерегает Снодграсс (Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 373 f, также Hanfmann G. M. A. Ionia, leader or follower? // Harvard Studies in Classical Philology. 1953. Vol. 61. P. 11).

полуостровах)¹¹⁸. Как указывает Кук, первоначально в каждой такой колонии могло проживать не более, чем по несколько дюжин семейств¹¹⁹. Впоследствии многие из этих древних поселений, вероятно, исчезли, слившись с более крупными ионийскими полисами вроде Милета или Эфеса. Поскольку темпы этого расселения, наверняка, были очень медленными, процесс эллинизации восточной части Эгейского бассейна мог растянуться на весьма длительный срок, составивший никак не менее двух столетий¹²⁰. Что же касается самого греческого населения этого региона, то Геродот, вероятно, был недалек от истины, подчеркивая крайнюю пестроту его первоначального этнического состава. Четкая обособленность трех главных этнических групп: ионийцев, эолийцев и дорийцев, между которыми в исторический период было поделено все западное побережье Малой Азии с прилегающими к нему островами, определилась далеко не сразу (едва ли это могло произойти ранее VIII—VII вв.)¹²¹.

¹¹⁸ Cook J. M. Greek settlement... P. 796.

¹¹⁹ Cook J. M. The Greeks in Ionia and the East. London, 1962. P. 25. Ср.: Hopper R. J. The Early Greeks. P. 81.

¹²⁰ Прибытие новых партий переселенцев на ионийское побережье, несомненно, продолжалось еще и в IX, возможно, даже в VIII вв. Ср.: Hanfmann G. M. A. Ionia, leader... P. 11 ff.; Sakellariou M. P. La Migration... P. 493.

¹²¹ Нам представляется заведомо неправдоподобным предположение Ребака, согласно которому так называемое «ионийское двенадцатиградие» во главе с Эфесом возникло чуть ли не сразу после высадки первых поселенцев на азиатском берегу, объединив в своем составе всех, кто обладал «сильным чувством своего тождества с другими ионийцами» (Roe-buck C. 1) The early Ionian league // CPh. 1955. Vol. 50. P. 34 f.; 2) Ionian Trade... P. 30). Более здраво рассуждает Кук (Cook J. M. Greek settlement... P. 784): «Мы можем сказать, что некоторые из переселенцев могли быть менее „ионийцами“, чем другие; но, вообще говоря, ионизм двенадцати городов был просто суммой их различных компонентов. См. также: Wilamowitz-Moellendorf U. Über die ionische Wanderung... S. 59 ff.; Cassola F. La Ionia... P. 154 sgg.; Starr Ch. G. The Origins... P. 122 f.; Toynbee A. Some Problems... P. 39 f.; Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Т. I. Доисторический Эгейский мир. М., 1958. С. 390.

Ионийской колонизацией завершается переходный период. В известном смысле это был как бы длительный антракт между двумя большими историческими эпохами, время своеобразного культурного вакуума. Микенская цивилизация сошла со сцены, почти не оставив на ней следов своего пребывания. Однако долгое время оставалось неясным, каков будет тот новый тип общества и культуры, который придет ей на смену. Совершенно определенный и недвусмысленный ответ на этот вопрос суждено было дать лишь следующему за переходным — гомеровскому периоду.

2. Греция в гомеровский период

Как было уже указано, период, который мы называем собственно «гомеровским», охватывает в общей сложности около двух столетий — с IX по VIII в., хотя точная фиксация его нижней границы представляет известную трудность (в принципе, как мы уже говорили, она может быть передвинута и на полстолетия назад). В археологической и искусствоведческой литературе этот хронологический отрезок принято называть «геометрическим периодом», поскольку на него приходится зарождение и расцвет геометрического стиля вазовой живописи, в котором многие усматривают первое значительное художественное явление в истории греческого искусства послемикенской эпохи. В рамках всего этого периода эволюция геометрической вазописи остается главным средством датировки важнейших этапов общественного и культурного развития. Не претендуя на большую хронологическую точность, весь гомеровский период можно разделить на два таких этапа: 1) IX век — вазы раннегеометрического (РГ), приблизительно вся первая половина столетия, и так называемого «строгого геометрического стиля», или среднегеометрического I (СГ I) стилей; 2) VIII век — «зрелый геометрический», или среднегеометрический II (СГ II), и позднегеометрический стили (ПоГ I—II). В самом конце этого столетия в некоторых районах Греции, например в Аттике и Коринфе, появляются первые образцы

нового ориентализирующего стиля¹²². Остановимся коротко на каждом из этих этапов.

С чисто внешней стороны вклад начального этапа гомеровского периода в развитие греческой культуры кажется достаточно скромным. Никаких особенно крупных достижений, сравнимых по своей значимости с достижениями следующего этапа, в культуре этого времени обнаружить не удастся. Сами темпы культурного и, следовательно, также общественного прогресса остаются, как и в ПГ период, крайне замедленными. Имеющийся в наличии археологический материал показывает, что около 800 г. до н. э., как и за сто лет до этого, греческое общество все еще находилось на очень низком, поистине варварском уровне развития. Шаг из варварства в цивилизацию только еще предстояло сделать.

Об этом свидетельствует 1) отсутствие сколько-нибудь значительных городов (в IX так же, как и в X в., Греция все еще остается сугубо деревенской страной); 2) практически полное отсутствие письменности; 3) крайняя неразвитость таких важных видов искусства, как скульптура и архитектура (для того, чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на примитивные бронзовые статуэтки из Олимпии, изображающие людей или, может быть, человекообразных демонов (*Ил. 7*), или окинуть взглядом жалкие остатки древнейших греческих храмов, которые почти невозможно отличить по их конструкции и архитектурному убранству от обычных жилых домов (*Ил. 8 и 9*) **123**,

¹²² Специально по хронологии геометрического периода см.: *Kahane P.* Die Entwicklungsphasen... P. 464 ff.; *Cook R. M.* Greek painted... P. 14 ff.; *Coldstream J. N.* Greek Geometric Pottery. London, 1968. P. 8 ff.; *Schweitzer B.* Die geometrische Kunst... S. 18 ff.; *Snodgrass A. M.* The Dark Age... P. 106 ff., 134 f.; *Bol P. C.* Protogeometrische-spätgeometrische Plastik // Die Geschichte der antiken Bildhauerkunst. I. Frühgriechische Plastik / Hrsg. von P. C. Bol. Mainz a. Rhein, 2002. S. 4; *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе... С. 713 слл., 740 слл.

¹²³ Об архитектуре древнейших храмов см.: *Markman S. D.* Building Models and the Architecture of the Geometric Period // Studies pres. to D. M. Robinson. I. Saint Louis, 1951. P. 269 ff.; *Drerup H.* 1) Griechische Architektur zur Zeit Homers // AA. 1964. H. 2. S. 187 ff.; 2) Griechische Baukunst... S. 87 f.; *Schweitzer B.* Die geometrische Kunst... S. 232 ff.; *Snodgrass A. M.* The Dark

4) преобладание абстрактно-орнаментального искусства над фигуративным, изобразительным (изображения людей и животных чрезвычайно редки и встречаются почти исключительно среди произведений мелкой пластики, но не в вазовой живописи); 5) отсутствие налаженных контактов с соседними странами (предметы чужеземного, в частности, восточного импорта встречаются в погребениях этого периода только эпизодически, как величайшая редкость¹²⁴; с другой стороны, изделия греческих ремесленников, по-видимому, еще не имели сколько-нибудь широкого доступа на рынки Переднего Востока¹²⁵. Греция, таким образом, еще не вышла из того состояния экономической и культурной изоляции, в котором она пребывала на протяжении всего переходного периода).

И все же, несмотря на все это, IX столетие не может быть изъято из истории Греции, как какое-то лишнее звено. Учитывая последующие события, мы вправе охарактеризовать этот период как время постепенного накопления сил перед новым стремительным подъемом, время затишья перед бурей. Под внешним покровом полного спокойствия и неподвижности в недрах греческого общества шла напряженная подготовительная работа, без которой был бы невозможен экономический и культурный прогресс эпохи колонизации. При всей кажущейся непродуктивности ранних этапов геометрического периода они, несомненно,

Age... P. 408 f. Бронзовые статуэтки из Олимпии: *Kunze E. Die Kleinplastik aus Bronze // Olympia. Berichte VII. Berlin, 1961. S. 138 ff.; Zervos Chr. La civilisation... P. 98 ss.*

¹²⁴ Широко представленная в старой литературе теория финикийской экспансии в водах Эгейского моря многими теперь оценивается скептически. См.: *Starr Ch. G. The Origins... P. 212 ff.; Boardman J. The Greeks overseas. The archaeology of their early colonies and trade. 2nd ed. Harmondsworth, 1973. P. 219; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 18, 332.*

¹²⁵ Первые значительные находки геометрической керамики в Аль-Мине (Сирия), возможно, указывающие на появление в этом районе греческой торговой фактории датируются самым концом IX в. (*Coldstream J. M. Greek Geometric Pottery. P. 346 f.; Boardman J. The Greeks overseas... P. 43; idem. Al Mina and History//OxfJA. 1990. 9. P. 69-90; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 335).*

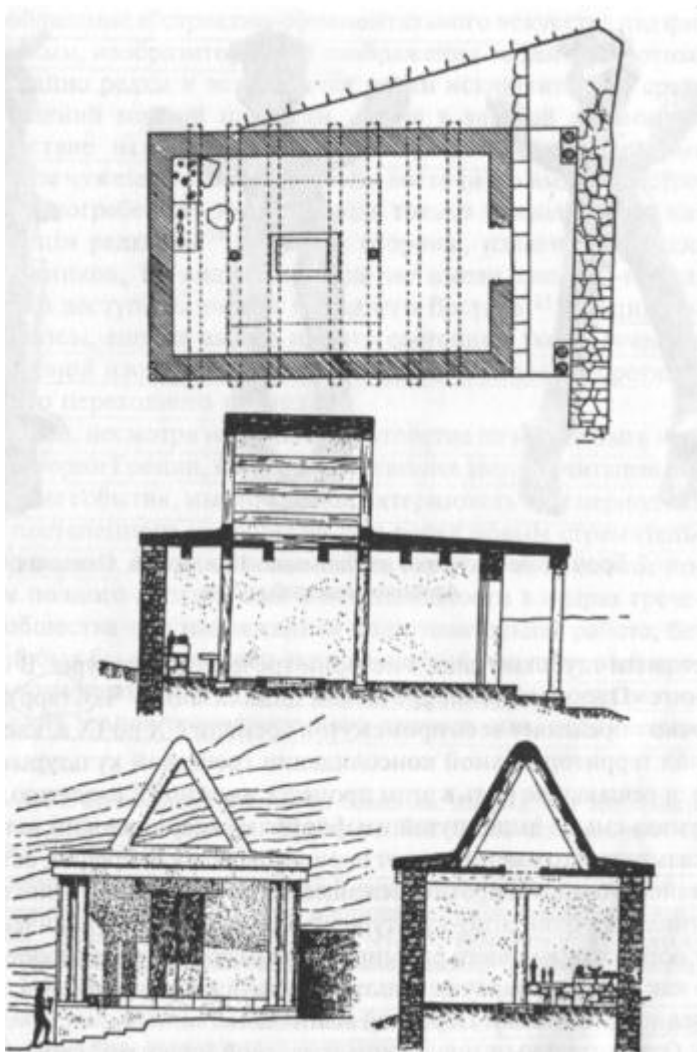

7. Бронзовые статуэтки из Олимпии. IX в. до н.э. Олимпия. Археологический музей

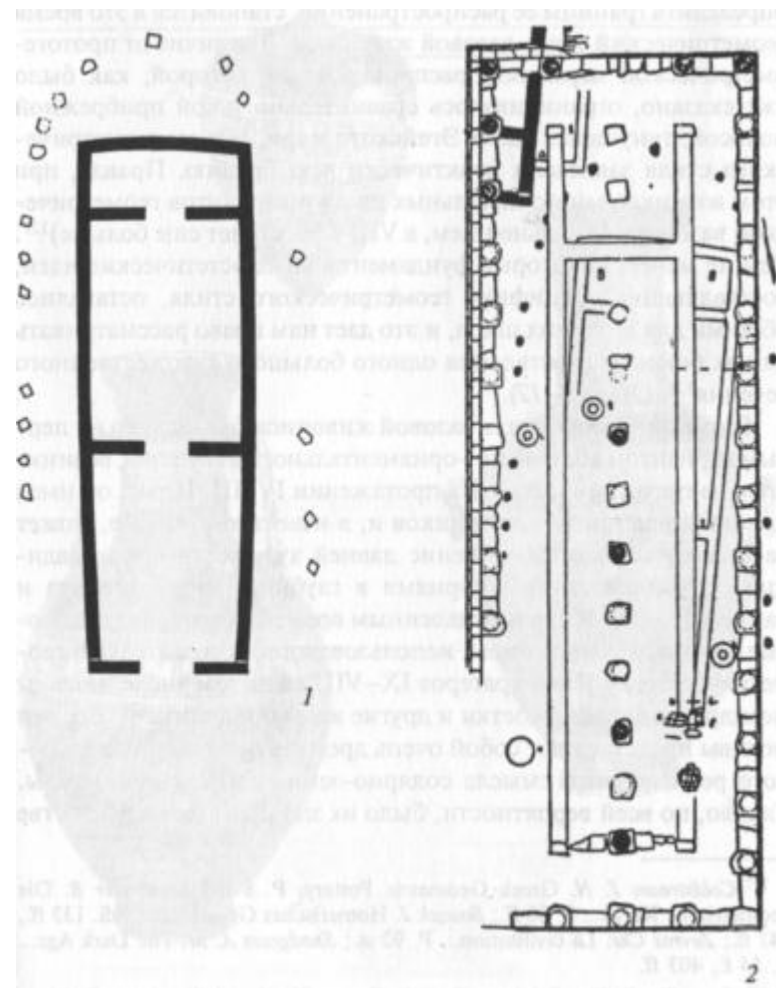
оставили глубокий след в истории греческой культуры. В своей книге «Происхождение греческой цивилизации» Ч. Старр очень точно определяет весь промежуток времени с X по IX в. как «период территориальной консолидации греческой культуры», отводя решающую роль в этом процессе именно IX столетию. Раскрывая смысл выдвинутой им формулы, американский историк указывает, что именно в этот период балканская Греция, острова Эгейского моря и противолежащее побережье Малой Азии объединились в один этно-культурный регион, четко отграниченный от всего окружающего его мира и занимающий свое особое место как среди варварских культур европейского континента, так и среди цивилизаций Передней Азии¹²⁶.

Отличительным признаком греческой культуры, своего рода

¹²⁶ *Starr Ch. G. The Origins... P. 107 ff. Cp.: Snodgrass A. M. The Dark Age.. P. 402.*

8. План и реконструкция храма в Дреросе. Вост. Крит

9. План храма в Фермоне. Этолия: 1 — прямоугольная постройка В (частичная реконструкция); 2 — храм Аполлона, под ним строение В

«фирменным знаком», позволяющим более или менее точно определить границы ее распространения, становится в это время геометрический стиль вазовой живописи. В отличие от протогеометрической керамики, распространение которой, как было уже сказано, ограничивалось сравнительно узкой прибрежной полосой, тянувшейся вдоль Эгейского моря, сосуда геометрического стиля завоевали практически всю Грецию. Правда, при этом возникло много локальных школ и вариантов геометрической вазопи́си (в дальнейшем, в VIII в. их станет еще больше)¹²⁷. Тем не менее, некоторые фундаментальные эстетические идеи, составляющие специфику геометрического стиля, оставались общими для всех этих школ, и это дает нам право рассматривать их как боковые ответвления одного большого художественного течения¹²⁸ (*Ил. 10—12*).

Геометрический стиль вазовой живописи был далеко не первым вариантом абстрактно-орнаментального искусства, возникшим на греческой почве. На протяжении IV, III, II тыс. он имел длинный ряд предшественников и, в известном смысле, может расцениваться как завершение давней художественной традиции, уходящей своими корнями в глубины эпохи неолита и ранней бронзы. К столь отдаленным временам восходят некоторые декоративные мотивы, использовавшиеся создателями геометрических амфор и кратеров IX—VIII вв., в том числе: мотивы меандра, свастики, розетки и другие виды орнамента¹²⁹. Все эти мотивы представляют собой очень древние исполненные глубокого религиозного смысла солярно-земледельческие символы. Таково, по всей вероятности, было их значение уже в искусстве

¹²⁷ Coldstream J. N. Greek Geometric Pottery. P. 8 ff.; Schweitzer B. Die geometrische Kunst... S. 60 ff.; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 133 ff., 147 ff.; Zevros Chr. La civilisation... P. 92 ss.; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 54 f., 403 ff.

¹²⁸ Starr Ch. G. The Origins... P. 145; Zevros Chr. La civilization... P. 92.

¹²⁹ Kubier K. Kerameikos... Bd. IV. S. 18 ff.; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 135; Starr Ch. G. The Origins... P. 19, 140 ff.; Zevros Chr. La civilisation... P. 92; Schweitzer B. Die geometrische Kunst... S. 27; Полевой В. М. Искусство Греции. М., 1970. С. 79.

10. Раннегеометрическая керамика из Аттики. 900-850 гг. до н.э.:
1 — пиксида. Берлин. Государственные музеи. Античное собрание;
2 — Амфора из Керамика. 875-850 гг. Афины. Музей Керамика;
3 — амфора из Керамика. 875-850 гг. Афины. Национальный музей

11. Аттическая керамика «строгого стиля». Вторая половина IX в. до н. э.:

- 1 — амфора из Керамика. Афины. Музей Керамика; 2 — амфора из Афин. Афины. Национальный музей; 3 — кратер из Афин. Ок. 800 г. Париж. Лувр

12. Островные школы IX в до н.э.:

- 1 — пифос из Кносса. Ираклион. Археологический музей;
2 — кратер из Камира. Родос. Археологический музей;
3 — амфора из Ялиса. Родос. Археологический музей

древнейшей Эгеиды и Анатолии, задолго до возникновения первых цивилизаций в этом районе Средиземноморья. Однако, став интегральной частью геометрической орнаментики, все эти элементы уже отживших свое художественных систем как бы зажили новой жизнью, подчиненные строжайшей эстетической дисциплине, основанной на принципах математически выверенной гармонии, симметрии и порядка. Поэтому было бы неправильно видеть в геометрической вазописи простое возвращение вспять к художественным традициям «крестьянской культуры» элладской эпохи¹³⁰. Подчеркнутая конструктивность и логическая ясность, отличающие декоративную систему греческих геометрических ваз от всех других систем древнего абстрактно-орнаментального искусства, выводят ее далеко за пределы возможностей первобытного художественного творчества.

Подходя к геометрическому стилю с чисто формальной точки зрения, можно было бы оценить его, как своего рода, «слепую ветвь» на древе греческого искусства, как тупиковое течение, неспособное к дальнейшему развитию¹³¹. Как известно, выработанный создателями этого стиля условно-символический художественный язык не нашел дальнейшего применения в практике греческих вазописцев. Тем не менее некоторые важные эстетические принципы, положенные в основу геометрического декора, в том числе принципы симметрии, ритма, тектонической устойчивости, гармонической слитности целого и его частей по праву вошли в основной идейный фонд всего последующего греческого искусства, став своеобразным средой для мастеров, работавших в таких ведущих его жанрах, как архитектура, монументальная скульптура, вазовая живопись. «В геометрическом стиле с удивительной ясностью проявились главные качества греческого ху-

¹³⁰ *Praschniker G.* Mykenai-Kreta-Dipylon // *Wiener Jahrb. für Kunstgeschichte.* 1925. Bd. II. S. 34; *Matz Fr.* Geschichte... S. 46 ff.; *Kraiker W.* Nordische Einwanderungen... S. 228 ff.; *Hafner G.* Geschichte... S. 53 ff. Ср.: *Starr Ch. G.* The Origins... P. 93 f., 103 ff.; *Schweitzer B.* Die geometrische Kunst... S. 15.

¹³¹ Ср.: *Полевой В. М.* Искусство Греции. С. 80.

дожественного гения, — писал известный советский искусствовед Б. Р. Виппер, — но в его органических средствах было слишком мало возможностей для его дальнейшего развития»¹³².

Почти повсеместное распространение новой манеры вазовой живописи по территории как европейской, так и азиатской Греции свидетельствует о том, что в это время в различных районах греческого мира уже сложился некий общий стереотип художественного мышления, объединявший всех греков независимо от места их проживания в рамках единой культурной общности. По существу, это означает, что к концу IX в. из множества дотоле разрозненных племен уже начала формироваться единая греческая народность со своим особым психологическим складом, особым языком и, хотя и примитивной, но все же уже достаточно своеобразной культурой¹³³. Ясное осознание этого факта самими греками придет гораздо позднее, вероятно, лишь в самом конце VIII — начале VII в.¹³⁴ Однако реальное размежевание греческого и варварского мира началось, по крайней мере, за сто лет до того, как был создан (по-видимому, кем-то из поэтов гесиодовского круга) миф об Эллите, общем родоначальнике всех греков.

Лишь приняв все это, можно объяснить ту огромную силу

¹³² *Bunper Б. Р.* Искусство древней Греции. М., 1972. С. 71. См. также: *Колтинский Ю. Д.* Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. М., 1977. С. 46 слл.; *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе... С. 714 слл., о погребении на Ареопаге — С. 720-730.

¹³³ См.: *Starr Ch. G.* The Origins... P. 146: «Около 800 г. Эгеида представляла собой область, объединенную общим языком и общей культурой. На этих опорах покоилась та надежная база жизни и мышления, которой вскоре суждено было проявить себя в удивительно неограниченном кругозоре автора „Илиады“. Повсюду в рамках общей модели мы находим, однако, местные различия. Взаимодействие этих тесно связанных и вместе с тем противоборствующих факторов постоянно оплодотворяло и в то же время болезненно действовало на греческую историю и культуру». Ср.: *Schachermeyr Fr.* 1) *Griechische Geschichte.* S. 81 ff.; 2) *Griechische Frühgeschichte.* S. 271 ff.

¹³⁴ *Тюменев А. И.* К вопросу об этногенезе... С. 26; *Тронский И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 3 слл.

сопротивляемости, которую выказала молодая греческая культура, вступив с началом эпохи Великой колонизации в непосредственное соприкосновение с гораздо более древними и развитыми культурами Ближнего Востока. Будучи многим обязанной влиянию этих культур, она, тем не менее, не растворилась в них без остатка и сохранила свое собственное лицо, свою неповторимую оригинальность, сумев до конца развить те начала, которые были заложены в ней еще в дописьменную эпоху. В свою очередь, это доказывает, что она была уже подготовлена к этой встрече, что столетия культурного застоя и изоляции не прошли для нее бесплодно, что, выдержав все испытания «темных веков», греческий народ, наконец, обрел некую приемлемую для него альтернативу безвозвратно исчезнувшей микенской цивилизации.

Второй этап гомеровского периода, хронологически совпадающий с VIII столетием, характеризуется резким ускорением темпов исторического развития. В литературе это столетие, особенно вторую его половину, нередко называют «началом греческого ренессанса» или «архаической революции»¹³⁵. Для того, чтобы убедиться в справедливости этих оценок, достаточно беглого сравнения начала века с его концом. В начале VIII в. Греция все еще остается тем маленьким замкнутым в себе мирком, каким мы привыкли ее видеть на протяжении трех предшествующих столетий послемикенской эпохи. В конце того же столетия — уже в полном разгаре Великая колонизация, греки быстро и энергично осваивают морские пути, ведущие на запад и на восток, вступают в деловые и культурные контакты почти со всеми странами Средиземноморского бассейна. В начале VIII в. господствующей формой социально-политической организации повсеместно в Греции была примитивная сельская община. Ближе к концу столетия во многих районах как европейской, так и азиатской Греции уже появляются первые города-государства. В начале VIII в. в греческом искусстве еще безраздельно преобладают абстрактно-геометриче-

¹³⁵ Starr Ch. G. The Origins... P. 189 ff.; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 416 ff.; Roebuck C. The World of Ancient Times. New York, 1966. P. 217 f.

ские мотивы (Ил. 13). К концу столетия уже наметился решительный поворот в сторону изобразительного фигуративного искусства (Ил. 14 и 15). В начале VIII в. мы еще не находим в Греции никаких следов письменности. В конце столетия здесь уже, вне всякого сомнения, было твердо усвоено новое алфавитное письмо, и сложилась богатая и многообразная литература, представление о возможностях которой дают поэмы Гомера и Гесиода.

Как показали недавние археологические исследования, уже первая половина VIII в. ознаменовалась достаточно важными событиями, предвещающими приближающийся бурный подъем эллинской культуры и экономики. Еще где-то около 800 г. было основано греческое поселение в устье Оронта — современная Аль-Мина¹³⁶. Примерно к этому же или несколько более позднему времени относятся значительные находки геометрической керамики на Кипре и на киликийском побережье (район Тарса), свидетельствующие о проникновении греков также и в эти районы¹³⁷. В самой Греции большие скопления предметов восточного происхождения или же местного производства, но выказывающих сильное восточное влияние, появляются ближе к середине VIII в. (примерно во второй четверти столетия). Примерами могут служить так называемая «могила Изиды» в Элевсине¹³⁸ и замечательная серия бронзовых щитов из Идейской пещеры на Крите¹³⁹. Первые значительные находки греческой керамики на территории Италии (в Вейях и Кумах) датируются первой четвертью VIII в.¹⁴⁰ Во второй четверти того же столетия было основано эвбейскими колонистами первое постоянное поселе-

¹³⁶ См. литературу, указанную в прим. 125.

¹³⁷ Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 166 ff. и рис. 55.

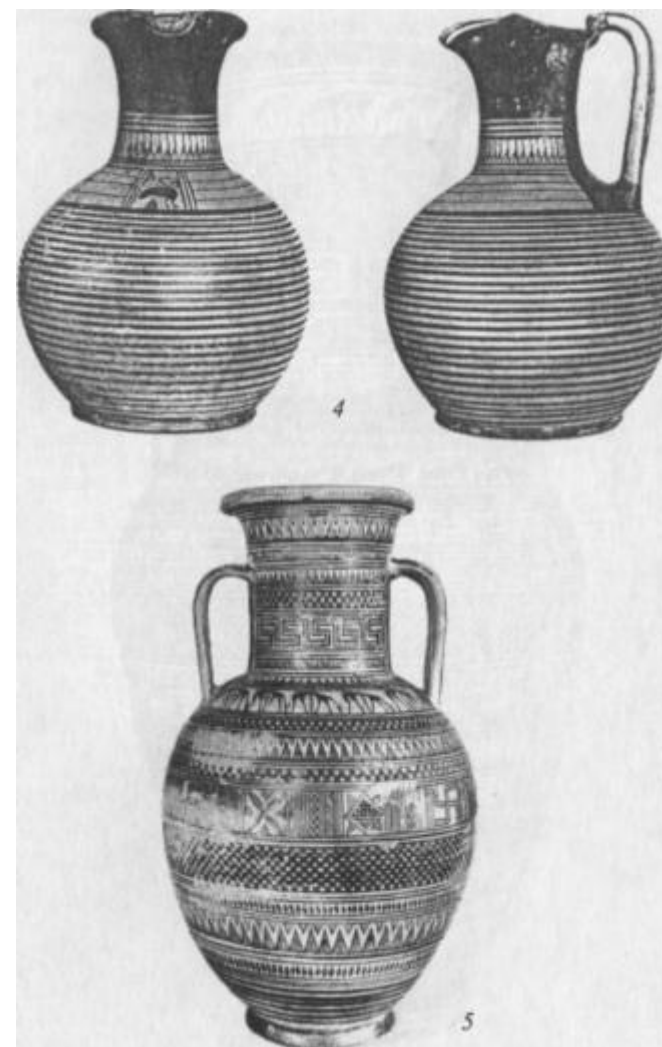
¹³⁸ Skia A. N. Πανάρχαια ἐλευσινιακή νεκρόπολις // Ἐφημερίς ἀρχαιολογική. 1898. P. 106 ff.; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 342.

¹³⁹ Kunze E. Kretische Bronzereliefs. Berlin, 1931; Demargne P. La Crete Dedalique. Paris, 1947. P. 217 ss.; Zervos Chr. La civilisation... P. 107 ss.; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 340 f.

¹⁴⁰ Coldstream J. M. Greek Geometric Pottery. P. 355 f.; Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 172.

13. Аттическая керамика первой половины VIII в. до н.э.: 1 — канфар из Керамика. Рубеж IX—VIII вв., 2 — ойнохоя из Афин. Первая четверть VIII в. Афины. Национальный музей; 3— коробочка с крышкой. Начало второй четверти. Афины. Музей Керамика;

4— кувшин из Керамика. Вторая четверть; 5— амфора. Начало 50-х гг. Афины. Музей Керамика

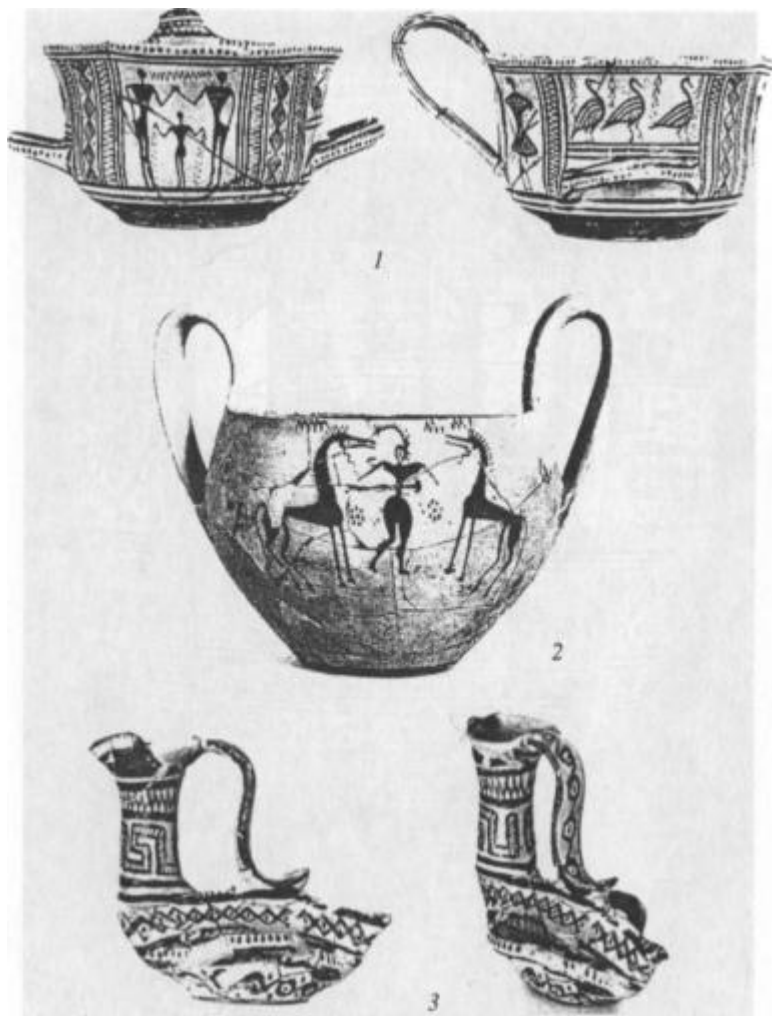

13. Аттическая керамика первой половины VIII в. до н.э.: 6 — амфора из Аттики. Ок. 750 г. Мюнхен. Античные собрания;

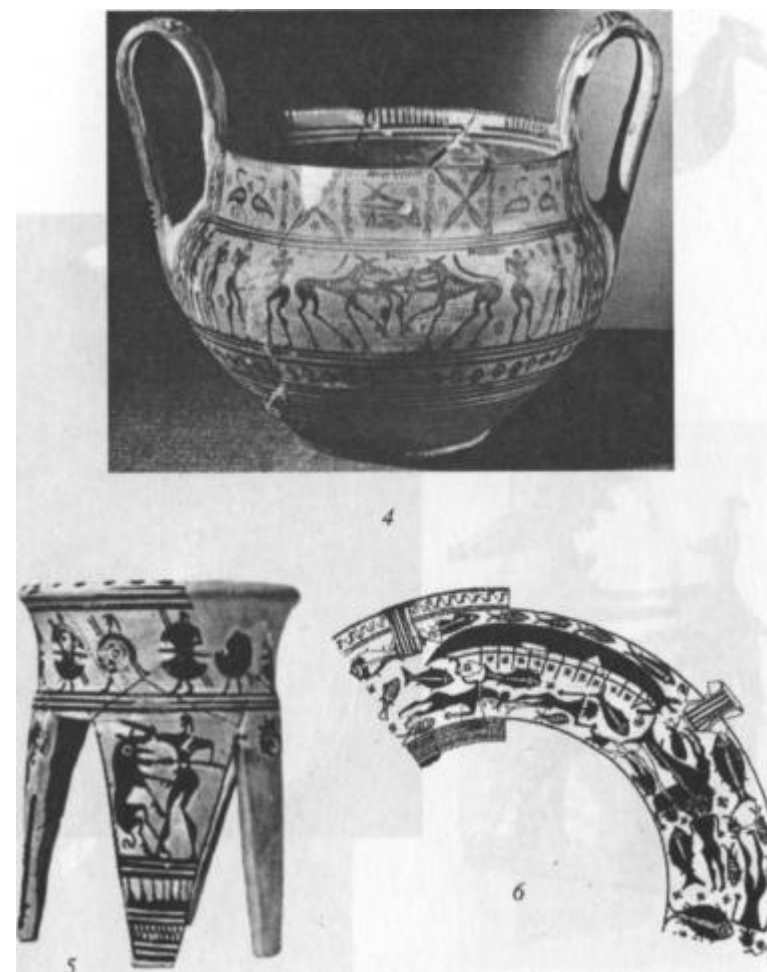

7 — пифос из Аргоса. Ок. 750 г. Аргос. Музей

14. Вазопись второй половины VIII в. до н.э.: 1 — чашка из Керамика. Начало 40-х гг.; 2— канфар из Керамика. Вторая половина 40-х гг.; 3 — аск из Керамика. Рубеж 30-х гг.;

4 — канфар из некрополя Дипилона. Ок. 720 г. Копенгаген. Национальный музей; 5 — треножник (Геракл в борьбе со львом). Ок. 700 г. Афины. Музей Керамика; 6— Роспись кратера из Питекусс. (о. Иския). Ок. 725-700 гг.

15. Скульптура второй половины VIII в. до н.э.: 1 — глиняная птица из детского погребения. Вторая половина 40-х гг. Афины. Музей Керамика; 2 — лань с олененком и птицей. Бронза. Ок. 725—700 гг. Олимпия. Бостон. Музей изящных искусств; 3 — птица на диске. Бронза. Ок. 725—700 гг. Фокида. Копенгаген. Нью-Карлсбергская глиптоoteca;

4 — голова из Амниса, близ Ираклиона. Известняк. Ираклион. Археологический музей;
5 — терракотовая голова из Амикл, близ Спарты. Ок. 700 г. Афины. Национальный музей

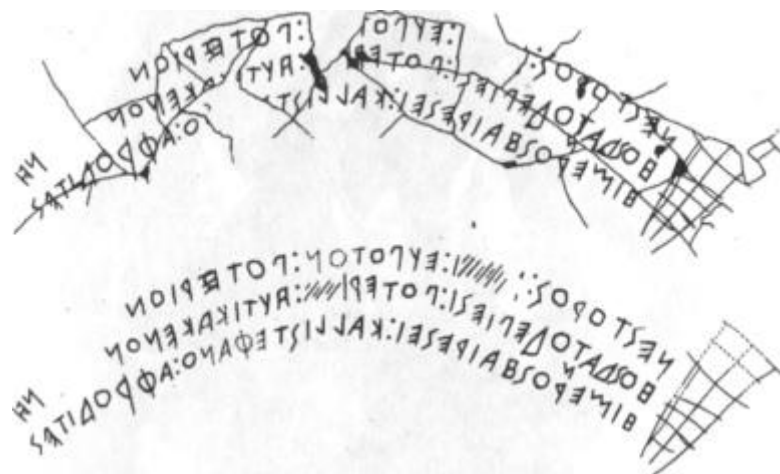

15. Скульптура второй половины VIII в. до н. э.: 6 — аэд. Бронза.
Конец VIII в. Ираклион. Археологический музей;

7— сидящий («пьющий») мужчина. Бронза. Конец VIII в.
Храм Артемиды Орфии. Спарта. Музей

ние на о. Иския (Питекуссы)¹⁴¹. Вероятно, еще до 750 г. произошло заимствование греками финикийского алфавита, на базе которого была создана их новая письменность. Древнейшей из всех известных сейчас греческих надписей считается датируемая последней четвертью VIII в. (ок. 720 г.) надпись на родосской геометрической котиле из Питекуссы:¹⁴²

Все эти факты представляют бесспорный интерес как свидетельство первых контактов греческих общин с окружающим их средиземноморским миром. Тем не менее критическим, пере-

¹⁴¹ Bouzek J. *Homerisches Griechenland*. S. 172; Snodgrass A. M. *The Dark Age...* P. 335 ff; Boardman J. *The Greeks...* P. 165 ff; *Buchner G. and Ridgway D. *Pithecoussai*. I. Rome, 1993.

¹⁴² Guarducci M. *Epigrafia greca*. I. Roma, 1967. P. 71, 226. *Bennett M. *The Euboeans and the West: Art, Epic Poetry and Historia//Magna Graecia*. Greek Art from South Italy and Sicily. New York-Manchester, 2002. P. 23ff.; *см. также: Зайцев А.М. Избранные статьи. Т. II. СПб., 2003. С. 197-202, 243. В целом по проблеме датировки греческого алфавита см.: Klaffenbach G. *Griechische Epigraphik*. Göttingen, 1957. S. 28 ff.; Starr Ch. G. *The Origins...* P. 169 ff.; Woodhead A. G. *The Study of Greek Inscriptions*. Cambridge, 1967. P. 12 ff.; Jeffery L. H. *The Local Scripts of Archaic Greece*. Oxford, 1961. P. 5 ff; *Powell B. B. *Homer and the Invention of the Greek Alphabet*. Cambridge, 1991.

ломным моментом в истории как VIII в., так и всего гомеровского периода большинство исследователей продолжает считать середину этого столетия, т. е. предполагаемое время создания «Илиады» и появления шедевров так называемого «дипилонского стиля» вазовой росписи в Афинах. Начиная с этого момента, наблюдается, как пишет Снодграсс, «внезапное усиление колониационного движения на Западе, которое во второй половине столетия достигает своего пика, никогда не превзойденного в последующие годы, ... и, что особенно важно, происходит драматическое расширение связей с Кипром и Левантом, с материковыми культурами Анатолии и (в основном лишь косвенно) с культурами Месопотамии, Ирана и Египта»¹⁴³. На это же время приходится, по всей видимости, и начало радикальной трансформации самого греческого общества, его социальных и политических институтов, его идеологической надстройки.

В какой-то мерс об этой перестройке могут свидетельствовать новые мотивы и сюжеты в творчестве греческих художников-вазописцев, которые в то время уже пытались воспроизводить в своих росписях реальные жизненные ситуации, сохраняя при этом все основные элементы традиционного геометрического декора.

Наиболее интересна в этом плане знаменитая серия расписных ваз из Дипилонского некрополя в Афинах¹⁴⁴. Принято считать, что первоначально эти монументальные сосуды (высота некоторых из них достигает человеческого роста) служили своеобразными надгробными памятниками на могилах афинских аристократов. В соответствии с этим назначением расписывав-

¹⁴³ Snodgrass A. M. *The Dark Age...* P. 336.

¹⁴⁴ Poulsen Fr. *Die Dipylongräber und die Dipylonvasen*. Leipzig, 1905. S. 79 ff.; Chamoux Fr. *L'école de la grande amphore du Dipylon: étude sur la céramique géométrique à l'époque de l'Iliade* // RA. 6 ser. 1945. T. 23. P. 55 ss.; Webster T. B. L. *From Mycenae...* P. 200 ff; Cook R. M. *Greek painted...* P. 19 ff; Starr Ch. G. *The Origins...* P. 151 ff; Davison J. M. *Attic geometric workshops*. New Haven, 1961. P. 22 ff; Schweitzer B. *Die geometrische Kunst...* S. 38 ff. Близкие по типу сосуды находят и в других афинских некрополях, например, в Керамике (Kühler K. *Kerameikos*. Bd. V. T. 1. *Die Nekropole des 10. bis 8. Jh.* Berlin, 1954. S. 172 f.), вследствие чего сам термин «дипилонские вазы» нередко используется расширительно.

16. Дипилонская амфора из Керамика. Ок. 750 г. до н.э.
Афины. Национальный музей

шие их художники обычно отдают предпочтение сценам, так или иначе связанным с погребальными обрядами (оплакивание покойника, тризна, погребальные игры и т. п.). Центральное место почти в каждой такой композиции занимает фигура покойника, заметно превышающая своими размерами всех других участников погребальной церемонии (уже это обстоятельство придает всей сцене своеобразный героический колорит — *Ил. 16*). Обычно покойник возлежит на катафалке, иногда водруженном на погребальную колесницу, иногда уже снятом с нее и поставленном на землю. По сторонам от катафалка, а в некоторых случаях прямо под ним располагаются фигуры друзей и родственников усопшего, в горе заломивших руки.

В наиболее подробных сценах такого рода можно видеть также жену и детей покойного, жертвенных животных, ждущих своей участи, и даже музыкантов, аккомпанирующих воплям плакальщиц. С течением времени композиции все более разрастаются, занимая почти всю поверхность стенок сосуда. К основному фигурному фризу с изображением похорон добавляются другие, например, изображающие торжественную процессию вооруженных воинов на колесницах, сцены сражения, воз-

16. Сцена оплакивания. Деталь росписи амфоры

17. Кратер из Афин. Ок. 750-735 гг.
Нью-Йорк. Метрополитэн музей

17. Сцена оплакивания. Деталь росписи кратера

можно, напоминающие о каких-то эпизодах из жизни покойного и т. п. (Ил. 17).

При всей своей условности и отвлеченности (рисунки на дипилонских амфорах и кратерах отличаются крайним схематизмом, абсолютной плоскостью изображения, поразительной статичностью), эти картины на вазах имеют бесспорную ценность исторического документа, существенно расширяющего наши представления о состоянии греческого общества во времена Гомера. Прежде всего, следует заметить, что само создание этих сложных многофигурных композиций требовало немалой профессиональной изощренности, из чего следует, что создавшие их мастера обладали достаточным количеством свободного времени и были вполне материально обеспечены¹⁴⁵. Само собой разумеется, что произведения такого художественного уровня не могли быть созданы в промежутках между полевыми работами или другими хозяйственными делами. Подобно крупномасштабной героической поэзии типа «Илиады» они, несомненно, требовали полной творческой отдачи художника, далеко зашедшей специализации. Очевидно, в афинском обществе первой половины VIII в. уже сложилась прослойка профессиональных ремесленников-гончаров и вазописцев, работавших по преимуществу на заказ.

¹⁴⁵ Starr Ch. G. The Origins... P. 154.

Нетрудно догадаться, кто были те заказчики, на которых работали мастера, создававшие дипилонские амфоры и другие шедевры геометрической вазописи. Это была, вне всякого сомнения, старинная родовая знать, кичившаяся своей военной доблестью, благородством происхождения, богатством и могуществом¹⁴⁶. Достойным завершением жизни «благородного мужа» считалась в те времена пышная погребальная церемония, включавшая торжественную процессию к месту захоронения, сами похороны и, наконец, великолепную тризну с пиршеством, поминальным плачем, играми и т. д. (см. описание похорон Патрокла и Гектора в «Илиаде», XXIII, 110 слл.; XXIV, 707 слл.). Поставленная на могиле расписная ваза должна была служить вечным напоминанием об этом достославном событии, утверждая в веках доблесть самого почившего, славу и могущество его рода. Этим определялся и выбор сюжетов для росписи, и в целом очень высокое качество художественной отделки сосудов.

Характерен сам набор предметов, который художники, расписывавшие дипилонские вазы, неизменно вводят в свои композиции: колесницы, кони, различные виды оружия, бронзовые треножники и, наконец, корабли. Начиная с VIII в., все эти предметы становятся своеобразными символами сословного престижа греческой аристократии. На кораблях или верхом на конях со щитами и копьями в руках «лучшие мужи» рыскали по свету в погоне за славой и добычей. На конях и на колесницах они добывали славу и почести во время агоний, на играх и состязаниях, которые уже в гомеровскую эпоху прочно вошли в жизнь греческих полисов. Едва ли случайно, что именно в это время изображение боевой и скаковой лошади становится одной из ведущих тем греческого искусства в обоих основных его жанрах: вазовой живописи и скульптуре¹⁴⁷ (Ил. 18). Еще один

¹⁴⁶ О социальной ориентации дипилонской вазописи см.: *Starr Ch. G. The Origins...* P. 154 ff.; *Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции.* С. 216; *Zervos Chr. La civilisation...* P. 88; *Snodgrass A. M. The Dark Age...* P. 432 ff.

¹⁴⁷ *Starr Ch. G. The Origins...* P. 155; *Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции.* С. 216 сл.; *Greenhalgh P. A. L. Early Greek...* P. 19 ff., 45 ff.

18. Аристократические мотивы в вазописи и скульптуре
конца VIII в. до н.э.:

1 — конная процессия. Фрагмент росписи аттического кратера.
Лондон. Британский музей

символ сословного престижа в репертуаре художников геометрического периода — мотив треножника. Сами бронзовые треножники, богато украшенные резьбой и скульптурой (Ил. 19), обычно находят при раскопках святилищ (например, в Олимпии), куда они могли попасть в качестве посвященных даров¹⁴⁸.

Помимо этого, они использовались и как призы во время состязаний (этим, по-видимому, и объясняется их появление в сценах погребальной тризны на дипилонских вазах) и вообще служили в глазах людей того времени чуть ли не главным мерилом богатства (указание на это можно встретить в гомеровских поэмах, см., например, II. IX, 122; Od. XIII, 13).

Все эти факты достаточно ясно свидетельствуют о далеко зашедшей социальной и имущественной дифференциации греческого общества, о пробуждении в его высших слоях сословного аристократического духа с характерной для него системой ценностей. Следует заметить, что свидетельства вазовой живописи в этом плане вполне подтверждаются материалом из самих афинских погребений того же времени. Находки великолепных

¹⁴⁸ *Willemsen F. Dreifusskessel von Olympia. Alte und neue Funde.* Berlin, 1957; *Zervos Chr. La civilisation...* P. 105 ss.; *Schweitzer B. Die geometrische Kunst...* S. 176 ff.

18. Аристократические мотивы в вазописи и скульптуре
конца VIII в. до н.э.:

2 и 3 — две аттические амфоры.
Ок. 710 г. Нью-Йорк. Метрополитэн музей;

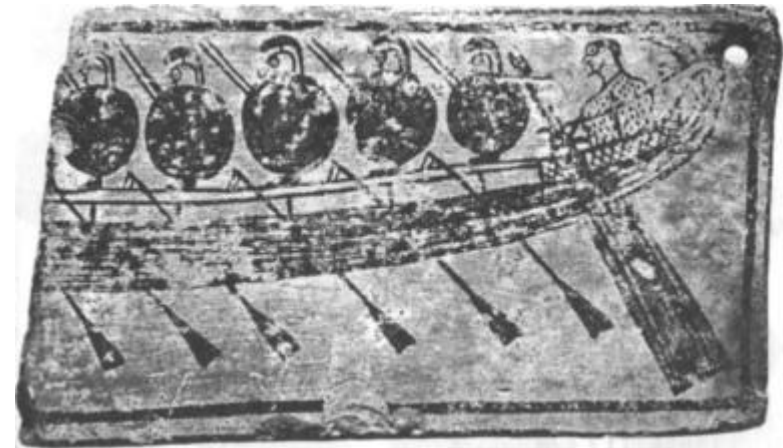

4 — кратер из Аргоса. Ок. 700 г.
Аргос. Музей;
5 — протокоринфский арибалл. Ок. 700 г.
Лондон. Британский музей;
6 — воин из Кардицы. Фессалия. Бронза.
Ок. 700 г.
Афины. Национальный музей

18. Аристократические мотивы в вазописи и скульптуре конца VIII в. до н.э.: 7— бронзовый панцирь и шлем из позднегеометрического захоронения в Аргосе. Аргос. Музей; 8— конь. Бронза. Афины. Национальный музей; 9— воин в шлеме на коне. Бронза. Ок. 700 г. Додона. Эпир. Копенгаген. Нью-Карсбергская глиптотека;

10— на корабле с рулевым. Глиняная табличка. Ок. 700 г. Афины. Национальный музей

золотых лент с вытесненным на них рисунком, изделий из слоновой кости, фаянса, янтаря, в могилах того же Дипилонского некрополя, Керамика и других кладбищ VIII в. (Ил. 20) дают наглядное представление о богатствах афинской знати и роскоши устраивавшихся ею погребальных церемоний¹⁴⁹.

Наш обзор гомеровского периода мы хотели бы завершить рассмотрением проблемы происхождения греческого полиса, занимающей центральное, можно даже сказать узловое место в истории этого хронологического отрезка. Проблема эта, однако, настолько масштабна, что нам придется посвятить ей особую главу.

¹⁴⁹ Poulsen Fr. Die Dipylongräber... S. 33 ff.; Kubier K Kerameikos. Bd. V... S. 183 ff. При всем своем богатстве могилы афинской знати далеко уступают в размахе и великолепии синхронным погребениям царей Саламина Кипрского (Karageorghis V. Salamis in Cyprus Homeric, Hellenistic and Roman. London, 1969. P. 25 ff.).

19. Бронзовый треножник из Олимпии.
VIII в. до н.э.
Олимпия. Археологический музей.
Схватка за треножник. Фрагмент ножки

20. Предметы из богатых погребений конца VIII в. до н.э.: 1— золотая лента из Керамика. Афины. Национальный музей; 2 и 3 — золотые фибулы и подвески. Лондон. Британский музей; 4— голова из Перахоры. Кость. Ок. 700 г. Афины. Национальный музей

ГЛАВА III

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА

1. Раннегреческий полис в свете археологии

В своем капитальном труде «Греческий полис как историко-географическая проблема Средиземноморья» немецкий историк Кирстен решительно утверждает, что полис как особый тип поселения возник в Греции в начале II тыс., с приходом первой волны «индогерманских» племен. Его первоначальной формой была цитадель — «ахейский *Neugrenburg*». Вторгшиеся на Пелопоннес дорийцы сразу же переняли у своих предшественников этот способ поселения. Они вытеснили ахейскую знать из ее укрепленных гнезд и сами в них обосновались. Вследствие этого «зона распространения полиса в I тыс. до Р. Х. совпадает с зоной микенского типа поселения; там, где была жива микенская традиция, развился полис также в... политическом смысле слова»¹.

Полис, по Кирстену, всегда был центром, из которого правящая элита осуществляла свое господство над этнически чуждыми ей жителями сельской округи. Отличие полиса архаического,

¹ *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956. S. 45. Аналогичный подход к проблеме встречается и у других западных историков. См.: *Schuchhardt C.* Hof, Burg und Stadt bei Germanen und Griechen // *Neue Jahrbuch. f. klassische Altertum.* 1908. Bd. XXI. S. 309 f.; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München, 1920. S. 153; *Glotz G.* La cite grecque. Paris, 1928. P. 12 s. Ср.: *Tritsch Fr.* Die Stadtbildungen des Altertums und die griechische Polis // *Klio.* 1928. Bd. 22. H. 1/2; *Martin R.* L'urbanisme dans la Grece antique. Paris, 1956. P. 76.

или дорийского, от полиса микенского состоит лишь в изменении численности этой элиты. На место одного владыки-хозяина цитадели, с приходом дорийцев и падением микенских государств, становится целое сословие правящей знати (*aristokratische Genossenschaft*), которое в совокупности и образует население раннего полиса².

Нетрудно заметить, что Кирстен упрощает и схематизирует весьма сложный вопрос становления греческого полиса, сводя все многообразие его реальных путей к одной единственной линии развития. Едва ли случайно то пренебрежение к археологическому материалу, которое историк выказывает в своей работе (данные раскопок привлекаются лишь от случая к случаю и нигде не составляют единой связной картины). Ведь именно археология ясно показывает, что первые столетия так называемых «темных веков» ознаменовались почти абсолютным разрывом микенских градостроительных традиций. Об этом свидетельствует прежде всего резкое сокращение общего числа поселений на территории как материковой, так и островной Греции. Как мы уже говорили, данные раскопок, взятые во всей своей совокупности, заставляют думать, что основная часть населения страны в это время или постоянно кочевала с места на место, или ютилась по незначительным «хуторам» и деревушкам, от которых не осталось никаких следов. В огромном большинстве случаев между поселениями микенского времени и сменяющими их поселениями протогеометрического или геометрического периодов наблюдается значительный хронологический разрыв, составляющий в некоторых местах до двухсот лет и более³. Но особенно показателен уже отмечавшийся выше факт абсолютного запустения крупнейших микенских цитаделей. Следы их вто-

² *Kirsten E.* Die griechische Polis... S. 87.

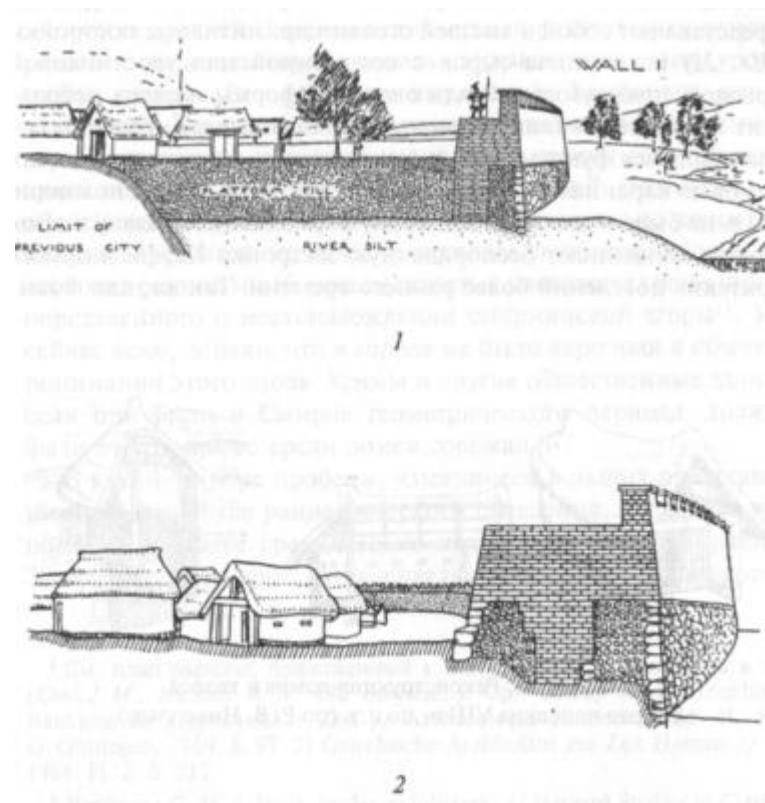
³ *Hope Simpson R.* A Gazetteer and Atlas of Mycenaean Sites. London, 1965, passim; *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971. P. 363; *Desborough V.R. d'A.* The Greek Dark Ages. London, 1972. P. 263; *Snodgrass A. M.* The Rise of the Polis. The Archaeological Evidence // *The Ancient Greek City-State* / Ed. M. H. Hansen. Copenhagen, 1993. P. 30-40.

ричного использования (обычно в качестве священного участка — темена) встречаются лишь в немногих местах и, как правило, относятся к весьма позднему времени (не ранее VIII—VI вв.), что явно идет вразрез с основной тезой Кирстена⁴.

Раннегреческий полис в том его виде, в котором он представлен немногочисленными дошедшими до нас памятниками градостроения гомеровской эпохи, типологически весьма далек от классической микенской цитадели. Присущий ему способ архитектурной организации пространства наглядно свидетельствует о радикальной перестройке, пережитой греческим обществом в XII—X вв. Особый интерес представляет в этом плане материал, добытый английскими и турецкими археологами во время раскопок в эолийской Смирне⁵. Само расположение этого городка на полуострове у входа в удобную, защищенную от ветра, бухту позволяет считать ее первым образцом нового типа поселения, характерного для колонизационной зоны Малой Азии. Как было уже сказано, греческая колония возникла здесь еще в X в. В следующем IX столетии она была обнесена стеной из кирпича-сырца на каменном цоколе (площадь расположенного в черте стен поселения в это время составляла 3,2 га). Стены Смирны в дальнейшем неоднократно перестраивались: второе оборонительное кольцо было возведено во второй половине VIII в., третье — самое мощное из всех — незадолго до разрушения города лидийцами во второй половине VII в. (Ил. 21). Открытие городской стены Смирны, восходящей к столь раннему времени, для многих было полнейшей неожиданностью, так как оп-

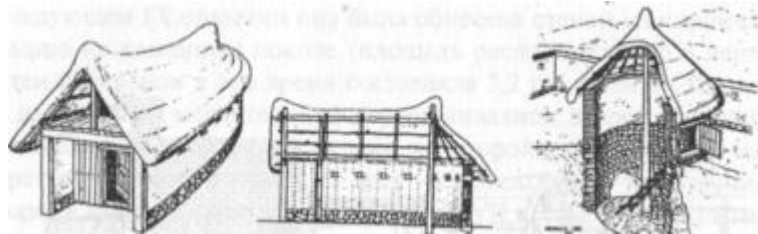
⁴ Так обстояло дело, например, в Афинах. См.: *Hill Th.* The Ancient City of Athens. London, 1953. P. 135. Ср.: *Holland L. B.* The Hall of the Athenian Kings // *AJA*. 1939. Vol. 43, 2. P. 297 f.

⁵ *Cook J. M. and Nicholls R. V.* Old Smyrna... // *BSA*. 1958-1959. № 53-54; *Akurgal E.* 1) Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin, 1961. S. 9 f; 2) Early period and Golden Age of Ionia // *AJA*. 1962. Vol. 66, 4. P. 370 ff; *3) *Alt-Smyrna. I. Wohnschichten und Athenatempel*. Ankara, 1983. S. 11-32, Taf. 4-25; *Nicholls R.V.* Early Monumental Religious Architecture at Old Smyrna // *New Perspectives in Early Greek Art* / Ed. by D. Buitron-Oliver. Hanover-London, 1991. P. 151-155.

21. Смирна: 1 — древнейшие городские укрепления. Середина IX в. до н. э.;
2 — городская стена второй половины VIII в. до н. э.

ровергало прочно утвердившееся в науке представление, согласно которому первые укрепления такого типа появились в Греции лишь в конце VI в., до этого же единственной формой фортификационных сооружений были стены акрополей⁶. Дома Смирны II и III (т. е. IX-VIII вв., согласно периодизации Акургала), представляют собой в высшей степени примитивные постройки (Ил. 22) из кирпича-сырца с соломенной или тростниковой крышей, прямоугольной или овальной формы и очень небольшие по размерам (как правило, однокомнатные)⁷. Судя по сохранившимся фундаментам и остаткам стен, расположение этих домов до кардинальной перестройки города во второй половине VII в. не было подчинено никакому определенному плану и этим близко напоминает беспорядочную застройку Карфи и других критских поселений более раннего времени. Так же, как и там,

22. Смирна. Реконструкция домов и толоса.
Вторая половина VIII в. до н.э. (по Р. В. Никользу)

⁶ Gerkan A. von. Griechische Städteanlagen. Berlin-Leipzig, 1924. S. 17 f.; Tritsch Fr. Die Stadtbildungen... S. 70; Kirsten E. Die griechische Polis... S. 52; Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization, 1100-650 B.C. New York, 1961. P. 252, 340. О стенах Смирны см.: Nicholls R. V. Old Smyrna: The Iron Age Fortifications and Associated Remains on the City Perimeter // BSA. 1958-1959. № 53-54. P. 35 ff. Cp.: Martin R. L'urbanisme dans... P. 192.

⁷ Akurgal E. Die Kunst... S. 9 f.

дома Смирны лепятся вплотную друг к другу, образуя подобие пчелиных сот или колонии кораллов. Здесь нет места ни для приусадебного участка, ни даже для порядочного двора. Улицы представляют собой узкие проходы между блоками домов, рассчитанные от силы на одного человека⁸. В целом городская застройка древней Смирны отличается поразительным однообразием и свидетельствует о довольно низком жизненном уровне массы граждан (по удачному выражению Ханфмана, она — вполне «демократична»)⁹. Никаких сооружений общественного характера, ничего похожего на царский дворец или пританей среди построек этого времени не обнаружено¹⁰. Возможно, это объясняется тем, что раскопки не были доведены до конца: вся юго-западная часть поселения осталась необследованной. По этой же причине мы не можем сказать в настоящее время ничего определенного о местонахождении смирнинской агоры¹¹. Уже сейчас ясно, однако, что в городе не было акрополя в обычном понимании этого слова. Храмы и другие общественные здания, если они были в Смирне геометрического периода, должны были стоять прямо среди домов горожан.

В какой-то мере пробелы, имеющиеся в наших представлениях об этом типе раннегреческого поселения, позволяет восполнить открытое сравнительно недавно (в 1960 г.) городище Загора на о-ве Андрос, относящееся примерно к тому же време-

⁸ См. план раскопа, приложенный к статьям Кука и Никольза в BSA (Cook J.M., Nicholls R. V. Old Smyrna...). Cp.: Drerup R. 1) Griechische Baukunst in geometrischer Zeit // Archaeologia Homerica. Bd. II. Kap. O. Göttingen, 1969. S. 97; 2) Griechische Architektur zur Zeit Homers // AA. 1964. H. 2. S. 212.

⁹ Hanfmann G. M. A. Ionia, leader or follower? // Harvard Studies in Classical Philology. 1953. Vol. 61. P. 6. Cp.: Akurgal E. 1) Die Kunst... S. 11; 2) Early period... P. 340.

¹⁰ Cp.: Akurgal E. Die Kunst... S. 13. Древнейший храм был построен в Смирне лишь в VII в., после землетрясения, разрушившего город (Cook J. and Nicholls R. V. Old Smyrna... P. 15, 124).

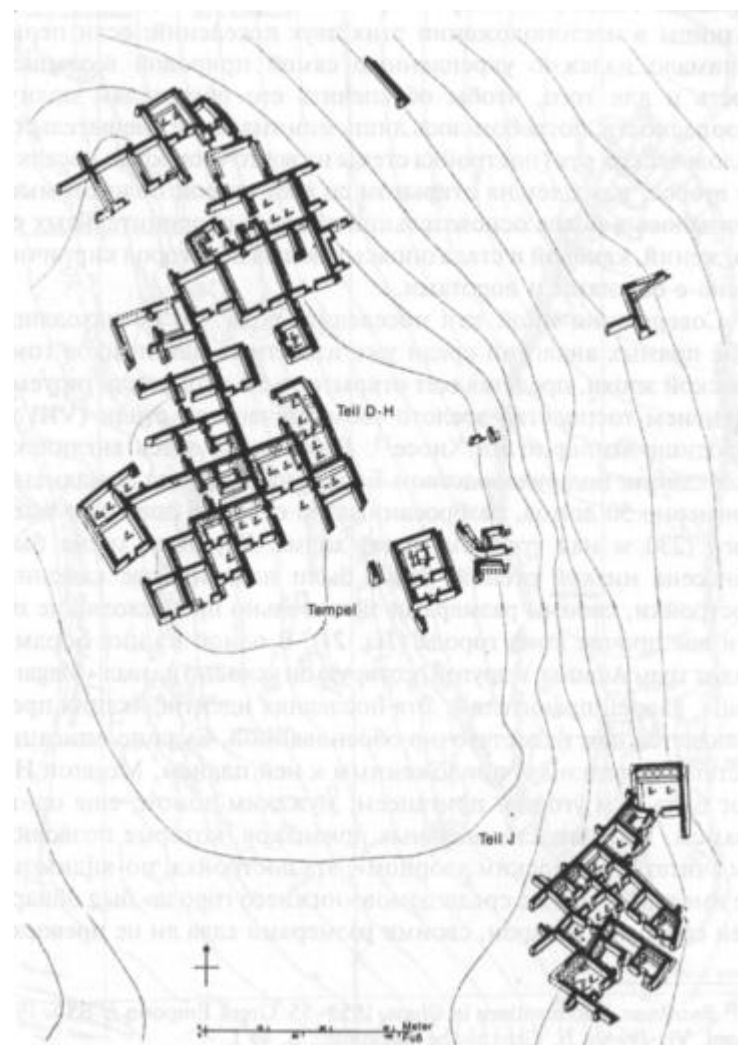
¹¹ Cp.: Cook J. M. Old Smyrna, 1948-1951 // BSA. 1958-1959. № 53-54. P. 16 и рис. 3.

ни, что и Смирна (IX—VIII вв.)¹². Здесь на небольшом (площадью приблизительно в 6,2 га) плато, защищенном с трех сторон крутыми обрывами, а с четвертой (восточной) стеной, было найдено 33 прямоугольных помещения различной величины (Ил. 23). В южной части раскопа, там, где, по предположениям археологов, должен был находиться центр поселения, обнаружен фундамент небольшого храма, стоявшего особняком в некотором отдалении от других построек. Расположенный напротив жилой комплекса, напоминающий в плане букву «Н», возможно, был когда-то царским «дворцом». Такого мнения придерживается, например Дреруп, который проводит довольно убедительные сопоставления отдельных частей этой постройки с основными элементами дворца Одиссея в его описании у Гомера¹³. Особый интерес представляет центральное квадратное в плане помещение этого комплекса. Вдоль его стен были устроены каменные скамьи, на которых, очевидно, восседали царские сотрапезники во время пиршеств, столь обычных в гомеровской поэзии. Если эта догадка в какой-то мере оправдана, то можно считать, что Загора дает нам первый и пока единственный образец постройки дворцового типа за весь гомеровский период¹⁴. Основная часть поселка, расположенная к северу от дворца, представляет конгломерат жилых домов, построенных без всякой видимой системы, вплотную друг к другу, вследствие чего практически невозможно определить, где кончается один и начинается другой. В сущности, это — тот же самый ульевидный тип застройки, что и в Смирне, рассчитанный на размещение возможно большего

¹² *Kamptoglou A.—Coulton J. J. 'Ανασκαφαί Ζαγοράς "Ανδρου // Αρχαιολογική Ἐφημερίς. 1970. P. 154 ff; Ewin M. New letters from Greece // AJA. 1968. Vol. 72, 4. P. 381; Drerup R. Griechische Baukunst... S. 130. Cambitoglou A. et alii. Zagora. 1. Sydney, 1971; 'Ekschmitt W. Die Kykladen. Bronzezeit, Geometrische und Archaische Zeit. Mainz a. Rhein, 1993. Zagora auf Andros. S. 159-173.*

¹³ *Drerup H. Griechische Baukunst... S. 130.*

¹⁴ Ср.: *Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 222 сл.*

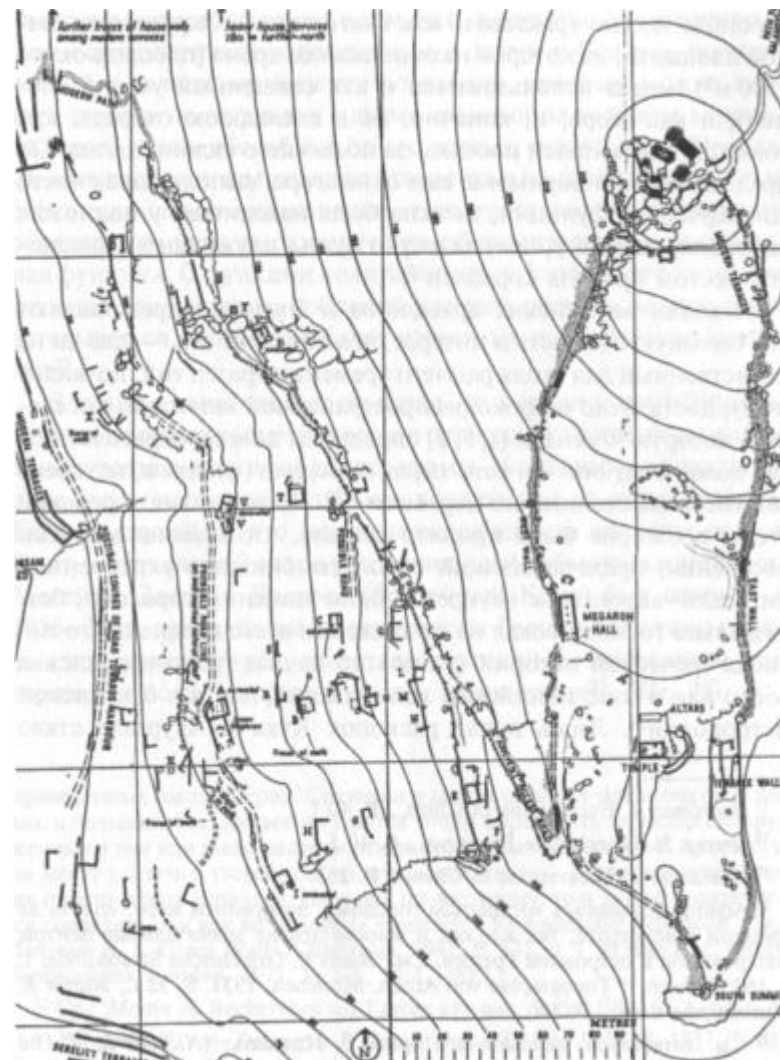
23. Загора на Андросе. План поселения с храмом в центре

числа годных для жилья помещений на крайне ограниченной площади. Различие между Загорой и Смирной вытекает лишь из разницы в местоположении этих двух поселений: если первое занимало надежно укрепленную самой природой возвышенность и для того, чтобы обеспечить его обитателям полную безопасность, потребовалось лишь минимальное вмешательство человеческих рук (постройка стены на восточном краю поселка), то второе, находясь на открытом со всех сторон пологом мысу, нуждалось в более основательной системе оборонительных сооружений, каковой и стала опоясывающая весь город кирпичная стена с башнями и воротами.

Совершенно иной тип поселения, пока что не находящий себе прямых аналогий среди уже известных памятников гомеровской эпохи, представляет открытое в 50-х годах и датированное временем господства зрелого геометрического стиля (VIII в.) городище Эмпорио на Хиосе¹⁵. Работавшая здесь английская экспедиция под руководством Бордмэна раскрыла фундаменты примерно 50 домов, разбросанных по склонам довольно высокого (230 м над уровнем моря) холма. Вершина холма была обнесена низкой стеной. Здесь были найдены две каменные постройки, своими размерами значительно превосходящие почти все прочие дома города (Ил. 24). В одной из них Бордмэн видит храм Афины, в другой, которую он условно назвал «Megaron Hall», дворец правителя¹⁶. Эта последняя идентификация представляется нам недостаточно обоснованной. Судя по описанию в статье Бордмэна и Чфиложенным к ней планам, Megaron Hall мог быть чем угодно: пританеем, мужским домом, еще одним храмом. Никаких специальных признаков, которые позволили бы считать ее «царским дворцом», эта постройка, по-видимому, не имела. К тому же среди домов «нижнего города» был обнаружен еще один мегарон, своими размерами едва ли не превосхо-

¹⁵ Boardman J. Excavations in Chios, 1952-55. Greek Emporio // BSA. 1967. Suppl. VI; Drerup H. Griechische Baukunst... S. 49 f.

¹⁶ Boardman J. Excavations in Chios... P. 250; Idem. The Greeks Overseas: their early colonies and trade. London, 1988. P. 31 ff.

24. Эмпорио на Хиосе. План поселения

дящий первый¹⁷. С наибольшей долей вероятности мегарон на акрополе можно трактовать как святилище¹⁸. Окруженная стеной площадка, на которой находились оба храма (площадь около 2500 м²), могла использоваться и как священный участок (темен), и как агора, и, конечно, не в последнюю очередь, как убежище для жителей поселка, занимающего склоны холма. По предположению Бордмэна, еще одна агора, выполнявшая чисто коммерческие функции, должна была находиться у подножия акрополя, на берегу, неподалеку от бухты, служившей в древности местом причала кораблей¹⁹.

Находки английских археологов в Эмпорио представляют тем большую ценность и интерес, что пока еще это — едва ли не единственный для столь раннего времени образец той, по-видимому, достаточно широко распространенной категории поселений, которую Фукидид (I, 5, 2) определяет в своей «Археологии», как πόλεις ἀτείχισται καὶ κατὰ χώμας οἰκουμέναι («полисы, неукрепленные и заселенные по деревням»)²⁰. До открытия городской стены в Смирне было принято считать, что именно этот тип поселения, представляющий собой комбинацию укрепленной цитадели—акрополя с неукрепленным «нижним городом», безраздельно господствовал на протяжении всего древнейшего периода греческой истории (вплоть до начала греко-персидских войн) как в зоне ионийской колонизации, так и в балканской метрополии²¹. Лишь после раскопок Кука и Акургала стало

ясно, что эта гипотеза нуждается в существенных поправках. Эмпорио интересно также и тем, что, в отличие от синхронных с ним археологических комплексов в Загоре и Смирне, политический и религиозный центр поселения, которым можно считать свободную площадку с двумя храмами на вершине акрополя, здесь четко обособлен от его жилых «кварталов». Правда, данные раскопок не позволяют говорить с полной уверенностью о функциональном назначении этого пространства. Достаточно определенно здесь выражены лишь оборонительная и религиозная функции. О функции политической, т. е. о том, что это место служило для народных собраний жителей поселка, можно лишь догадываться, используя более известные исторические аналогии²².

В связи с этим следует заметить, что среди идентифицированных построек геометрического периода единственным видом общественных зданий являются храмы. Нам известно пока лишь одно, но весьма знаменательное исключение из этого правила. Едва ли случайно, что местонахождением его является остров Крит — этот давний очаг и рассадник идей урбанизма в эгейском бассейне. Здесь, в Дреросе (Восточный Крит) был открыт в 1935-36 гг. древнейший на территории Греции памятник гражданской архитектуры, свидетельствующий о зарождении как города и как государства в одно и то же время²³. (Ил. 25).

¹⁷ Boardman J. Excavations in Chios... P. 40 f.

¹⁸ Drerup H. Griechische Baukunst... S. 10 f.

¹⁹ Boardman J. Excavations in Chios... P. 253.

²⁰ Афины оставались «открытым городом», по крайней мере, вплоть до времени Писистрата, так же, как и многие другие значительные центры материковой и островной Греции. См.: Busolt G. Griechische Staatskunde. I. S. 160; Judeich V. Topographie von Athen. München, 1931. S. 52 f.; Martin R. L'urbanisme dans... P. 190.

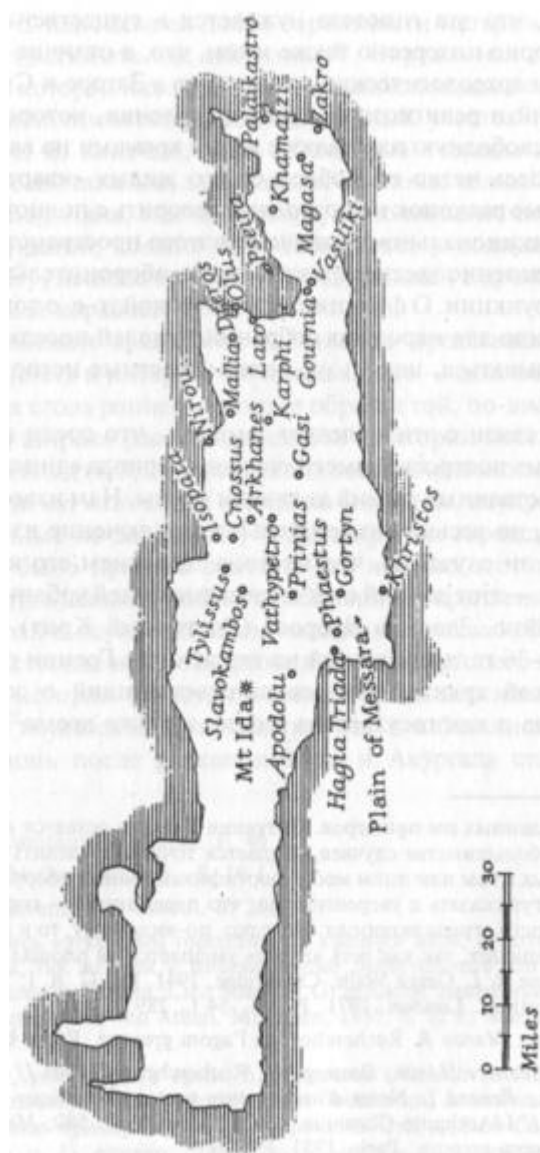
²¹ См. литературу, указанную в прим. 6. Никкольз (Nicholls R. V. Old Smyrna... P. 115) называет еще ряд укрепленных поселений, аналогичных Смирне и относящихся примерно к тому же времени. Старр (Starr Ch. G. The Origins... P. 252, n. 1), однако, ставит под сомнение большую часть

приведенных им примеров. Ситуация в целом остается пока неясной, так как в большинстве случаев не удается точно определить характер обнаруженных в том или ином месте фортификационных сооружений. Археологи не могут сказать с уверенностью, что перед ними — городская стена или же просто ограда акрополя. Нередко, по-видимому, то и другое практически совпадает, так как весь «город» умещается на площадке акрополя. См.: Scranton R. L. Greek Walls. Cambridge, 1941. P. 137, η. 1; Winter F. E. Greek fortifications. London, 1971. P. 5 f, 54 f, 289 f.

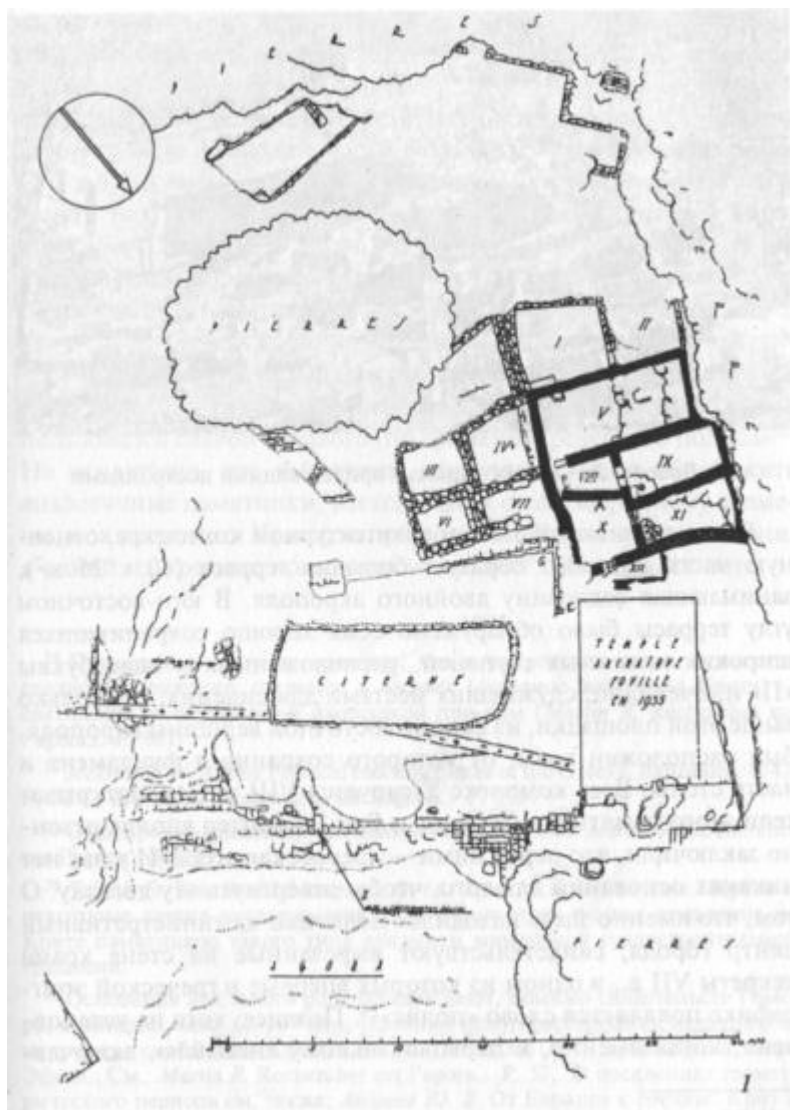
²² Ср.: Martin R. Recherches sur l'agora grecque. Paris. 1951. P. 124 s.

²³ Effenterre H. van, Demargne P. Recherches à Dréros // BCH. 1937. T. 61. P. 10 s.; Renard L. Notes d'architecture proto-géométrique et géométrique en Crète // L'Antiquité Classique. 1967. T. 36, f. 2. P. 580; Martin R. Recherches sur l'agora grecque. Paris, 1951. P. 226.

Крит конца эпохи бронзы и начала I тысячелетия

25. Дрерос: I — план раскопок 1936 года

25. Дрерос: 2 — остатки храма с прилегающими постройками

Речь идет о своеобразном архитектурном комплексе, основную часть которого образует большая терраса (40 х 25 м²), занимающая седловину двойного акрополя. В юго-восточном углу террасы было обнаружено семь хорошо сохранившихся широких каменных ступеней, расположенных в виде буквы «П» и, очевидно, служивших местами для сидения. Несколько выше этой площадки, на склоне восточной вершины акрополя, был расположен храм, от которого сохранился фундамент и часть стены. Весь комплекс датируется VIII в. Первооткрыватели этого памятника Демарнь и Ван Эффентер вполне резонно заключили, что перед ними — дреросская агора. И у нас нет никаких оснований для того, чтобы отвергнуть эту догадку. О том, что именно здесь находился политико-административный центр города, свидетельствуют вырезанные на стене храма декреты VII в., в одном из которых впервые в греческой эпиграфике появляется слово «полис»²⁴. Позднее, хотя не установлено, когда именно, к первоначальному ансамблю, включав-

²⁴ Effenterre H.van. *Inscriptions archaïques cretoises* // BCH. 1946. Т. 70. P. 590.

шему храм и террасу, было добавлено еще несколько сооружений явно общественного характера. Среди них — здание совета и пританей с общинным очагом²⁵. Дальнейшее развитие конструктивной идеи, взятой за основу создателями дреросской агоры, можно наблюдать в несколько более позднем по времени (VII в.), но вместе с тем гораздо более монументальном сооружении того же типа, сохранившемся в Лато (Восточный Крит, к югу от Дрероса)²⁶. Агора со скамьями-ступенями и двумя массивными башнями по сторонам, открытое святилище в центре площади и возвышающееся над ней здание пританей — все это в совокупности образует внушительный ансамбль, символизирующий силу и незыблемость молодого города-государства (Ил. 26) 27. До открытия дреросской агоры Лато заслуженно пользовался славой «первого (по времени) греческого полиса»²⁸. Не исключено, что в будущем археологи сумеют обнаружить аналогичные памятники, восходящие к столь же раннему времени, и за пределами Крита, например, на побережье Малой Азии, в одной из древних ионийских колоний²⁹. Но пока их нет.

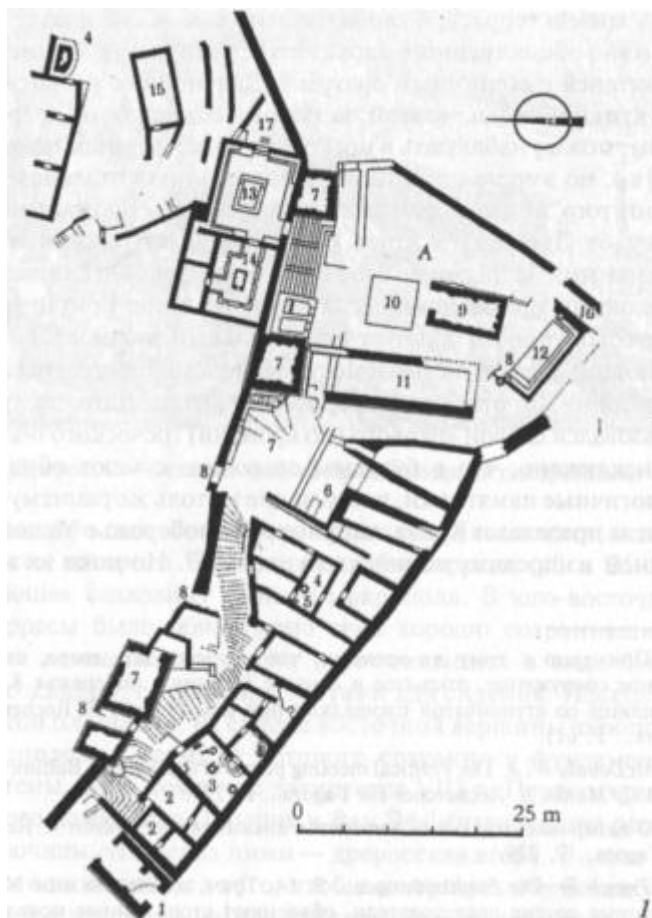
²⁵ Примерно к тому же времени, что и дреросская агора, относится сходное сооружение, открытое в Амнисе (северное побережье Крита) — святилище со ступенчатой площадкой при нем (*Marlin R. Recherches sur l'agora...* P. 61).

²⁶ McDonald W. A. *The Political meeting places of the Greeks*. Baltimore, 1943. P. 32 f; *Martin R. Recherches sur l'agora...* P. 229.

²⁷ О датировке отдельных элементов ансамбля см.: *Martin R. Recherches sur l'agora...* P. 229.

²⁸ *Tritsch Fr. Die Stadtbildungen...* S. 64. Трич, а вслед за ним Мартэн и некоторые другие исследователи, объясняют столь раннее появление на Крите памятников такого типа влиянием минойской градостроительной традиции.

²⁹ Основания для такого рода догадок дают, помимо свидетельств Гомера, о которых ниже (с. 187 сл.), указания некоторых поздних источников, например, сообщение Афиней (Athen. VIII, 361 F) о древнейшей агоре Эфеса. См.: *Martin R. Recherches sur l'agora...* P. 57. *О поселениях геометрического периода см. также: *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.). СПб., 2002. С. 753-784 (со ссылками на важнейшую литературу).

26. Лато: 1 — агора и западная улица. План раскопок:
А — агора, 1 — городские ворота; 2 — торговые лавки; 3 — бассейн; 4 —
цистерны; 5 — мельница; 6 — могила; 7 — башня; 8 — ворота; 9 —
святилище; 10 — цистерна; 11 — портик; 12 — экседра (крытая галерея с
сидениями); 13 — алтарь (?); 14 — алтарь; 15 — дом; 16 — главная улица;
17 — потайная комната;

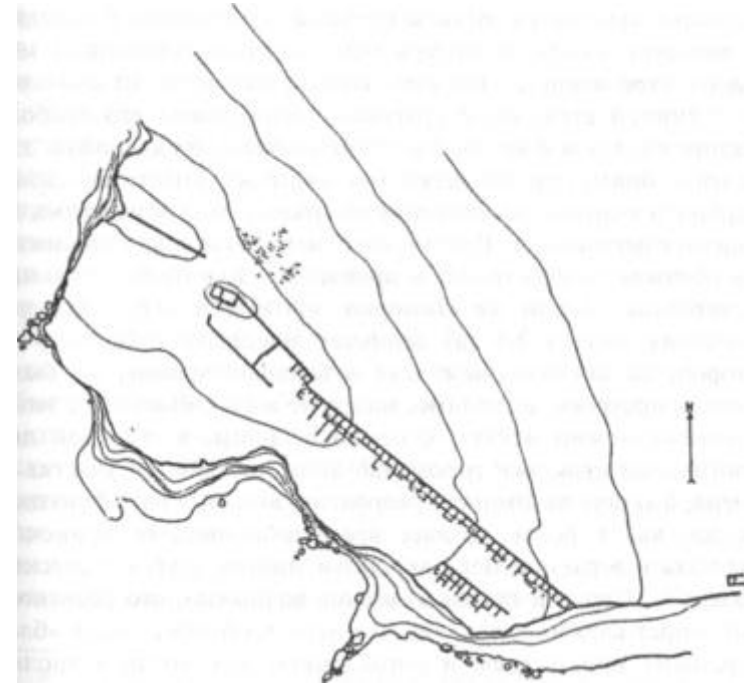
2 — скамьи-ступени на агоре

Итак, имеющийся в нашем распоряжении, еще раз подчеркиваем, весьма ограниченный археологический материал позволяет говорить о сосуществовании в Греции геометрического периода двух основных типов поселения. Обозначим их условно для большего удобства в дальнейшем изложении, как интравертный и экстравертный. Отличительной чертой первого из них является компактная «ульевидная» застройка территории с чрезвычайно слабо выраженным внутренним членением всего комплекса, в котором лишь с трудом можно отличить постройки общественного характера, например, святилища от просто жилых домов. Второй тип отличает, напротив, четкое разделение всей площади, занятой поселением на две основные части: незаселенный акрополь, зарезервированный для всякого рода общественных надобностей, и расположенный у его подножия собственно жилой массив, состоящий из свободно иногда на

большом удалении друг от друга разбросанных домов. В каждом из этих двух случаев форма застройки обусловлена, в первую очередь, соображениями стратегического характера и зависит от выбора того или иного принципа защиты населения в момент вражеского нападения. Так, крайняя скученность домов в поселениях интравертного типа была вне всякого сомнения продиктована стремлением обеспечить безопасность как самих обитателей поселка, так и их жилищ и всего находящегося в них имущества. Конечно, к этому мотиву можно присоединить и некоторые другие, вытекающие из таких общеизвестных особенностей греческого ландшафта, как ограниченность земельных площадей, пригодных для обработки, что делало нецелесообразным их использование под жилые постройки, крайняя изрезанность рельефа, при которой трудно найти сколько-нибудь ровную площадку для возведения жилья и хозяйственных построек, наконец, сравнительная редкость источников питьевой воды, а в прибрежных районах — удобных бухт, пригодных для стоянки судов. Но на первом месте среди всех этих факторов все же следует поставить потребности обороны. Именно они вынуждали обитателей таких поселений протогеометрического и геометрического периодов, как Карфи или Фест на Крите, Загора на Андросе, тесниться на небольших плато и крутых склонах гор, ставя свои дома вплотную друг к другу, так что внутри городища не оставалось места не только для приусадебного участка, но даже и для простого двора, а улицы имели вид узких тропинок или лестниц, петляющих между глухими стенами домов³⁰. В тех случаях, когда поблизости не было возвышенности, пригодной для размещения поселения, или сами поселенцы не хотели слишком удаляться от моря, за которым лежала покинутая ими родина, строительной площадкой становился

³⁰ Поселения этой группы состоят, по сути дела, из одного акрополя. На широкое распространение этого типа поселения в архаической Греции указывает Мартэн, относящий к категории городов-акрополей также Дрепос, Лато, Феру и др. ранние полисы (*Martin R. L'urbanisme dans...* P. 36, 82 s. См. также: *Kirsten E. Heiligtum und Tempel der Artemis Orthia zu Sparta in ihrer ältesten Entwicklungsphase* // *Bonner Jahrbuch.* 1958. H. 158. S. 311 f.).

небольшой полуостров, который легко можно было оградить от враждебного материка поперечной стеной³¹, а если опасность ожидалась и с суши и с моря одновременно, единственным выходом из затруднения была постройка концентрической оборонительной стены, опоясывавшей все поселение. Именно такую ситуацию мы наблюдаем в Смирне и некоторых более поздних поселениях, например, во Врулии (*Ил. 27*) на Родосе (начало VII в.)³². Здесь так же, как и в горных поселках-акропо-

27. Врулия на Родосе

³¹ *Cook J. M. Greek settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor* // *CAH.* Vol. II. Pt. 2. Ch. XXXVIII. Cambridge, 1975. P. 796.

³² *Drerup H. Griechische Baukunst...* S. 51 f.

лях типа Карфи или Загоры, максимальная концентрация жилых домов на небольшом пространстве, стиснутом стеной и морем, остается наиболее рациональной формой застройки.

Прямо противоположным способом решают, по сути дела, ту же самую задачу создания оптимальной системы защиты на случай вражеского нападения основатели Эмпорио на Хиосе (к сожалению, пока лишь единственный пример поселения экстравертного типа за весь геометрический период). Основная часть поселения, его, если можно так выразиться, «жилые кварталы» выносятся здесь за пределы укрепленной площадки на вершине холма, благодаря чему каждый домохозяин мог поставить свое жилище, где ему заблагорассудится, не считаясь ни с линией стен, ни с другими стесняющими его свободу факторами, но все же не слишком удаляясь от акрополя, где в случае опасности он легко мог укрыться вместе со своим скарбом и скотом, оставив дом на открытом склоне холма на произвол неприятеля. При первом знакомстве такая организация обитаемого пространства производит достаточно странное впечатление. В том же Эмпорио почти 40% всей площади поселения (около 2,5 га) занимает площадка акрополя, на которой, за исключением двух небольших храмов, не было никаких построек, и, видимо, никто не жил. Объяснение этого феномена можно искать, с одной стороны, в обычной для религиозной практики греков табуации священного участка — темена, а акрополь Эмпорио, вероятно, выполнял эту функцию так же, как в более позднее время выполнял ее афинский акрополь и в равной мере акрополи многих других греческих городов³³. С другой стороны, весьма возможно, что религиозный запрет служил здесь, как это нередко бывает, лишь «благовидным» прикрытием и оправданием для мотивов вполне «светского», а, точнее говоря, политического свойства. Укрепленный общими силами всей общины акрополь считался коллективным достоянием всех составляющих его семей, незави-

³³ Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. München, 1976 (1967). S. 75 f.

симо от того, где обитала каждая из них — непосредственно у подножия цитадели или на некотором удалении от нее³⁴. Захват и монопольное использование акрополя одной из этих семей или целой их группой поставил бы все другие в крайне невыгодное положение. Иначе говоря, табу, ограждавшее цитадель от ее использования под жилую застройку, являлось важнейшей гарантией внутриобщинного единства.

Можно, таким образом, предположить, что в каждом отдельном случае выбор типа поселения: интравертный или экстравертный, зависел или от условий местности, или, что еще более вероятно, от размеров социальной группы, обосновавшейся на жительство в данном месте. Небольшая, насчитывающая несколько десятков семей община вполне могла разместиться в пределах укрепленной площадки акрополя, как мы наблюдаем это, например, в Загоре. Для более крупного сообщества этого пространства было бы недостаточно и тогда по общему согласию сам акрополь оставался незанятым, население же общины размещалось на его склонах и у подножия. В какой-то мере выбор формы поселения мог зависеть и от господствующего в данной местности типа хозяйства. Так, в районах с преобладанием скотоводческого хозяйства поселения экстравертного типа были, по-видимому, более целесообразны, так как давали возможность укрывать от неприятельских набегов большие стада скота, представлявшие для обитателей полиса гораздо большую ценность, чем расположенные за чертой стен дома. В районах, где скотоводство отступало на задний план перед земледелием или морскими промыслами (рыболовством, пиратством и т. п.), высвобождение большой площади в центре поселения под загон

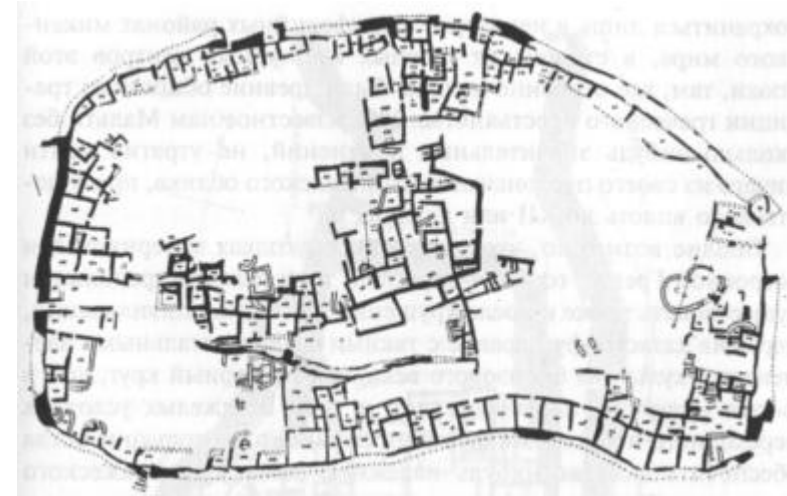
³⁴ Размеры укрепленной площадки акрополя Эмпорио явно превышают пространство, необходимое для размещения обитателей маленького поселка, разбросанного по его склонам. Скорее всего, это сооружение возникло в результате кооперированных усилий населения нескольких таких поселков. В еще большей степени это предположение относится к таким малоазийским refugia, датируемым примерно тем же временем, что и Эмпорио, как Мелия (вблизи Паниония) и Ясос (Кария). См. о них: Drerup H. Griechische Baukunst... S. 56 f.

для скота на случай военной опасности, очевидно, не имело смысла.

Несмотря на отмечавшийся выше разрыв культурной преемственности, генетическая связь обеих известных нам форм раннегреческого полиса (экстравертной и интравертной) с поселениями эпохи бронзы представляется достаточно вероятной. Общим прототипом как той, так и другой формы может считаться широко распространенный в Греции, начиная уже с неолитических времен, укрепленный родовой поселок, располагавшийся, как правило, на вершине холма или (в отдельных случаях) на выступающем в море мысу. Типичным примером такого рода поселения может служить среднеэлладское городище Мальти-Дорион в Мессении³⁵ (Ил. 28). Расположенная на плоской вершине высокого холма примитивная цитадель была по всей окружности обнесена стеной с пятью воротами. Внутри цитадели размещался поселок, судя по всему, служивший местом обитания для небольшой родовой общины, общая численность населения которой едва ли превышала несколько сотен человек³⁶. В то же время внутреннее пространство цитадели могло использоваться и как убежище для окрестного населения, ютившегося в неукрепленных деревнях вокруг Мальти. Очевидно, специально для этой цели в черте стен были оставлены три большие открытые площадки (в мирное время они могли использоваться и как загоны для скота). На примере Мальти и некоторых других сходных с ним поселений III—II тыс. мы можем судить о том, как

³⁵ Valmin M. N. The Swedish Messenian expedition. Lund, 1938; Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago, 1964. P. 77 ff.; Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966. С. 40 сл., 115 сл.

³⁶ Renfrew C. The Emergence of Civilization. The Cyclades and the Aegean in the third millenium B. C. London, 1972. P. 257. Нам трудно согласиться с мнением Блаватской, которая зачисляет эту «бедную деревушку...», более внушительную на бумаге, чем в камне» (Vermeule E. Greece in the Bronze Age. P. 77) в разряд «микенских городов», в то время как Кораку, более чем в два раза превосходящее по площади Мальти, считается «деревней» (Блаватская Т. В. Ахейская Греция. С. 107, 115 сл.). Ср.: Богаевский Б. Л. Крито-микенская эпоха // История древнего мира. Под ред. С. И. Ковалёва Т. II. Ч. I. М., 1936. С. 94; Kirsten E. Die griechische Polis... S. 44.

28. Мальти-Дорион. План поселения Мальти III-IV

выглядел греческий полис или, точнее, протополис на заре своей истории³⁷.

Следует иметь в виду, что уже в течение II тыс. из этой зачаточной формы полиса выросло много разнообразных модификаций и вариантов укрепленного поселения, в том числе и классическая микенская цитадель типа Микен или Тиринфа³⁸ (Ил. 29). В своем чистом первоначальном виде протополис мог

³⁷ Другие поселения «полисного типа» в домикенской Греции: Димини (Фессалия), Лерна (Арголида), Аскитарио (Аттика), Халандриани (Сирок), Полиохни (Лемнос), Ферми (Лесбос), Эгина. Почти все эти поселения были расположены в прибрежной зоне и их укрепления, по всей видимости, служили защитой от пиратов (Vermeule E. Greece in the Bronze Age. P. 32 f., 77; Renfrew C. The Emergence... P. 262 ff., 394 ff.).

³⁸ Хронологически Мальти служит как бы связующим звеном между раннеэлладскими укрепленными центрами типа Лерны или Полиохни и позднейшими микенскими цитаделями. Поселения того же типа, по-видимому, предшествовали замкнутым дворцовым комплексам в Микенах, Тиринфе, Пилосе и других местах (Vermeule E. Greece in the Bronze Age. P. 31 f., 116; Блаватская Т. В. Ахейская Греция. С. 63 сл., 123).

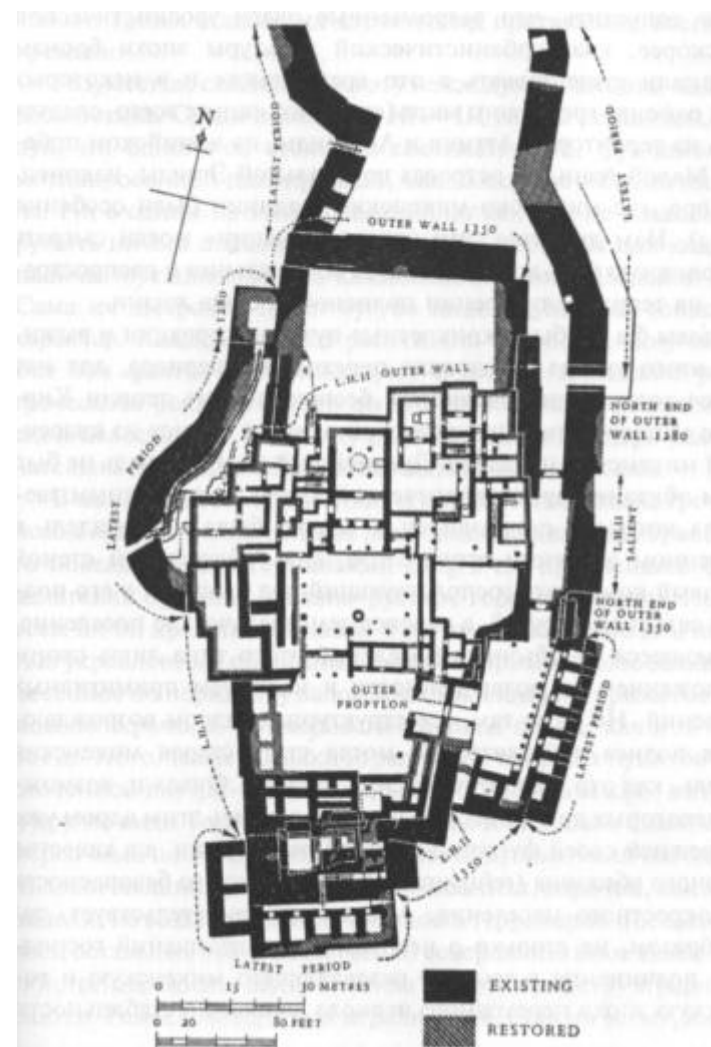
сохраниться лишь в некоторых периферийных районах микенского мира, в стороне от главных культурных центров этой эпохи, там, где особенно сильны были древние общинные традиции греческого крестьянства. Уже известное нам Мальти без сколько-нибудь значительных изменений, не утратив почти ничего из своего первоначального элладского облика, просуществовало вплоть до XII или даже XI в.³⁹

Вполне возможно, что в некоторых уголках материковой и островной Греции городки-акрополи типа Мальти продолжали существовать также и после крушения микенской цивилизации, пережив катастрофу наравне с такими фундаментальными элементами культуры бронзового века, как гончарный крут, дом в форме мегарона, парусное судно и т. п. В тяжелых условиях переходного периода эта форма поселения одна только и могла обеспечить сколько-нибудь надежную защиту от вражеского нападения. Именно поэтому она не могла надолго исчезнуть из жизни греческого общества. Да и сам греческий ландшафт с его необычайно изрезанным рельефом и множеством укрепленных самой природой возвышенностей должен был способствовать ее непрерывному спонтанному возрождению.

К сожалению, имеющийся археологический материал пока еще не дает возможности подтвердить нашу догадку с помощью конкретных фактов. Как было уже сказано, о поселениях переходного периода мы располагаем лишь самой скудной информацией. От большинства из них не осталось никаких или почти никаких следов. Тем не менее уже один пример горных деревень восточного Крита (см. выше, с. 70 сл. — о Карфи и других поселениях этого района) является, по нашему мнению, достаточно веским доводом в пользу предположения о выживании первичной формы полиса в течение всего периода миграций⁴⁰.

³⁹ Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 84, 251.

⁴⁰ При некотором усилии воображения Карфи и другие поселения этой группы воспринимаются как сильно деградировавший и перенесенный в непривычные условия горной местности минойский «город» типа Гурнии, Псиры или Палекастро. В основе своей этот последний есть ничто иное,

29. Тиринф. План дворца и южной части цитадели (по А. Лоуренсу)

Можно допустить, что разрозненные очаги урбанистической или, скорее, квазиурбанистической культуры эпохи бронзы продолжали существовать в это время также и в некоторых других районах греческого мира (следы их, скорее всего, следует искать на территории Аттики и Арголиды, на ионийском побережье Малой Азии, на островах центральной Эгеиды, наконец, на Кипре, где минойско-микенские традиции были особенно сильны). Нам думается, что эти «резервации» могли сыграть немаловажную роль в последующем возрождении и распространении на территории Греции полисного уклада жизни.

Каковы бы ни были конкретные пути консервации и выживания этого уклада в условиях переходного периода, для нас остается совершенно очевидной беспочвенность теории Кирстена о непосредственном развитии раннего полиса из классической микенской цитадели. Древнейший полис отнюдь не был местом обитания аристократической элиты, и первичным звеном, из которого он развился и вырос, была не цитадель в собственном значении этого слова, т. е. обнесенный стеной дворцовый комплекс, господствующий над лежащей у его подножия сельской округой, а рядовое земледельческое поселение, отличающееся от обычных поселений этого типа лишь своим расположением на возвышенности и наличием примитивных укреплений. Но даже там, где структурным ядром возрождающегося полиса действительно могла стать старая микенская цитадель, как это, вероятно, было в Афинах, Фивах и, возможно, в некоторых других местах, она становилась этим ядром уже не в прежней своей функции царской резиденции, а в качестве общинного убежища (*refugium*), обеспечивавшего безопасность всего окрестного населения. Археология свидетельствует, таким образом, не столько о неизменности отношений господства и подчинения в течение разделяющего микенскую и гомеровскую эпохи переходного периода, сколько о стабильности

элементарных общинных структур на протяжении всего этого времени.

Разумеется, стабильность эту не следует понимать, как нечто абсолютное. Среди поселений XI—VIII вв. мы не найдем, пожалуй, ни одного со столь же систематичной, функционально мотивированной планировкой, как элладское Мальти или Лерна. Ни в одном из этих поселений до сих пор не удалось обнаружить ничего похожего на общинные житницы или кладовые, наличествующие почти в каждом поселении элладской эпохи. Сама их застройка носит сугубо индивидуальный (ойкосный) характер. Каждое жилище рассчитано только на одну семью⁴¹. Все эти факты свидетельствуют о далеко зашедшем распаде греческого рода, об утрате им его первоначальной экономической целостности. На смену родовой общине теперь уже окончательно приходит община соседская, или сельская.

В момент своего появления на исторической сцене греческий полис мало чем отличался от таких разновидностей первобытного поселения, как германский *Burg* в его древнейшей форме, кельтский *oppidum*, славяно-русское городище (град). Подобно всем им он представлял собой в это время частично или полностью укрепленный общинный поселок, примитивное селище, обнесенное по периметру валом и частоколом или прижатое к подножию акрополя. В гомеровский период так же, как и за тысячу лет до этого, такие поселки играли роль опорных пунктов в ожесточенной внутри- и межплеменной борьбе за землю, воду, скот и другие виды богатства. С городом в собственном смысле слова первичный полис сближает лишь два признака: наличие внутренних или внешних укреплений и компактная, впрочем, как мы уже видели, не везде и не всегда застройка территории поселения. Во всем остальном это — качественно совершенно иное явление. Хозяйственная жизнь полиса носила по преимуществу аграрный характер. Ремесло и торговля играли в ней, судя по всему, ничтож-

как местный критский вариант протополиса, отличающийся от других его разновидностей лишь отсутствием укреплений. Ср.: *Tritsch Fr. Die Stadtbildungen...* S. 76 ff.

⁴¹ О типологии жилищ гомеровского периода см.: *Drerup H. Griechische Baukunst...* S. 77 ff.; *Sinos S. Die vorklassischen Hausformen in der Ägäis. Mainz am Rhein, 1971.* S. 109 ff.

ную роль. Раскопки не выявили пока ни одной мастерской или ремесленного помещения, которое можно было бы датировать временем более ранним, чем VII в. (к этому столетию относится древнейший комплекс гончарных мастерских в коринфском Керамике)⁴². Ни в одном из поселений гомеровского периода не удалось обнаружить что-либо похожее на рыночную площадь. Впрочем, в жителях таких городков, как Смирна или Эмпорио, близость моря должна была рано пробудить дух наживы и предпринимательства. В политическом отношении ни один из известных нам по раскопкам полисов IX—VIII вв., за исключением, может быть, Смирны III (вторая половина VIII в.) и Дрероса, не выходит за рамки весьма еще примитивной сельской общины⁴³. Об этом свидетельствуют и мизерные их размеры, и отсутствие в них сколько-нибудь значительных сооружений общественного характера, и крайняя беспорядочность их внутренней планировки. Правда, некоторые из этих поселений, вероятно, входили в состав более широких племенных сообществ, образуя, по выражению Страбона (VIII, 337), *συστήματα τῶν δήμων*⁴⁴. Такого рода объединения («гнезда») первичных полисов обычно возникали там, где над целой местностью господствовала созданная самой природой и обладающая исключительными стратегическими достоинствами цитадель, на вершине которой располагались общепле-

⁴² *Stillwell A. N. The Potters quarter // Corinth. The results of excavations. Vol. 15. Pt. 1. Cambridge (Mass.). 1948. P. 11 f.*

⁴³ Снодграсс, как кажется, готов признать настоящим полисом уже Смирну II (IX — первая половина VIII вв.), но для этого едва ли есть основания (*Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 415; ср. 423 f., 435*).

⁴⁴ Вероятно, нечто подобное имел в виду и Фукидид, говоря о древнейших «полисах, лишенных стен и заселенных по комам» (I, 5, 2). Конкретными примерами такого рода союзов или «гнезд» сельских общин могут служить марафонский Тетраполис и другие сходные с ним объединения аттических демов, существовавшие еще до Тезеева синойкизма (*Busolt G. Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia. Bd. I. Bis zur Begründung des Peloponnesischen Bundes. 2te Aufl. Gotha, 1893. S. 81*). Спарта еще и в V в. сохраняла облик «несинойкизированного полиса» (οὔτε ξυνοικισθείς πόλεως), заселенного по древнему эллинскому обычаю деревнями» (Thud, 10, 2).

менные святилища (наиболее известными примерами служат афинский Акрополь, фиванская Кадмея, Акрокоринф). При благоприятных условиях такое сообщество могло со временем консолидироваться в настоящий полис, т. е. город-государство в общепринятом значении этого термина.

Пути становления греческого полиса в его основном качестве города-государства трудно уложить в ту или иную стандартную типовую схему. В зависимости от конкретных историко-географических условий того или иного района процесс этот мог идти в различных частях греческого мира одновременно по нескольким, иногда параллельным, иногда пересекающимся направлениям. В настоящий момент мы можем выделить только два таких направления, хотя в действительности их могло быть гораздо больше. В обоих вариантах исходной точкой, с которой начиналось развитие города-государства, своеобразным эмбрионом будущего полиса был, по всей видимости, тот тип поселения, который мы называем условно «первичным полисом», или «протополисом», понимая под ним укрепленный поселок сельской общины. От этой исходной точки дальнейшее развитие могло идти либо по линии политической интеграции ряда первичных полисов и слияния их в один большой новый полис (сами греки называли эту процедуру «синойкизмом»)⁴⁵, либо по линии постепенного разрастания первичного полиса и выделения из него ряда дочерних поселений, располагающихся на периферии территории общины (этот последний путь развития можно определить как «внутреннюю колонизацию»)⁴⁶. Результат как в том, так

⁴⁵ О синойкизме см.: *Kuhn E. Entstehung der Städte der Alten. Leipzig, 1878. S. 160 ff.*; *Francotte H. La polis grecque. Paderborn, 1907. P. 105 ss.*; *Busolt G. Griechische Staatskunde. I. S. 156 f.*; *Glötz G. La cité grecque. P. 21, 335 ss.*; *Kirsten E. Die griechische Polis... S. 96 f.*

⁴⁶ VIII столетие ознаменовалось быстрым ростом населения почти на всей территории Греции. В некоторых областях, например, в Аттике, Арголиде, окрестностях Коринфа число поселений удвоилось или даже утроилось по сравнению с предшествующим периодом. Особенно примечательно заселение целого ряда мест, пустовавших еще с микенского времени (*Bouzek J. Homerisches Griechenland. Praha, 1969. S. 163*; *Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 337 f.*).

и в другом случае был один и тот же: полис как политический и экономический центр определенного района обособился от подвластной ему деревни—комы и, таким образом, превратился в город, хотя пока еще скорее в античном, чем в современном понимании этого слова⁴⁷. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении археологические данные, равно как и свидетельства письменных источников, не дают возможности точно датировать этот важный исторический момент. С наибольшей вероятностью он может быть отнесен к середине VIII в.⁴⁸, хотя в некоторых наиболее передовых районах греческого мира, например, в Аттике, в отдельных пунктах на Малоазийском побережье Эгейского моря, на Эвбее и в области близ Истма, первые шаги в этом направлении могли быть сделаны в еще более раннее время⁴⁹.

⁴⁷ Делая такую оговорку, мы имеем в виду, что в большинстве своем греческие полисы еще в течение долгого времени оставались, по существу, «большими деревнями» с преимущественно земледельческим населением. От деревень в собственном смысле слова их отличал прежде всего их особый политический статус, а не те функции, которые они выполняли в экономической жизни общества (*Starr Ch. G. The Origins... P. 339 f.*).

⁴⁸ Мнения, до сих пор высказывавшиеся в литературе по этому вопросу, крайне разноречивы. Многие историки склоняются, впрочем, к той мысли, что уже древнейшие греческие колонии в Италии и Сицилии имели городской статус и были соответствующим образом организованы. В самой Греции городской уклад жизни в это время, по-видимому, был уже достаточно широко распространен. См.: *Ehrenberg V. Polis und Imperium. Zürich-Stuttgart. 1965. S. 93; Leveque P. L'aventure grecque. Paris, 1964. P. 112; Thomas C. G. Homer and the Polis // La Parola del Passato. 1966. F. 106. P. 5, 13. Cp.: Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization... P. 337.*

⁴⁹ Многие авторы решительно выдвигают в авангард этого движения азиатскую часть Греции (Ионийское побережье и близлежащие острова), рассматривая сам полис как продукт специфических условий, сложившихся именно в этом районе (враждебность туземного населения Малой Азии, влияние более древних городских культур Ближнего Востока). Нам кажется, однако, что это мнение пока еще не может считаться достаточно обоснованным ни в чисто археологическом, ни в общеоисторическом плане. См.: *Hasebroek J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931. S. 155 f; Akurgal E. Early period and Golden Age of Ionia. P. 18; Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Stuttgart, 1965. S. 10 f;*

Если исходить из уровня экономического развития, достигнутого к тому времени греческим обществом, то придется признать, что эта урбанизация носила во многом преждевременный характер⁵⁰. Напомним, что колонизация, вызвавшая настоящий переворот в греческой экономике, в то время только еще начиналась. Торговля и ремесло находились в зачаточном состоянии. Господствующей формой экономической деятельности повсюду оставалось полунатуральное сельское хозяйство. Решающую роль на этом этапе становления полиса сыграли, как нам думается, факторы не столько экономического, сколько военнополитического и демографического порядка. Важнейшим из них может считаться крайне напряженная демографическая ситуация, сложившаяся в Греции к середине VIII в. (другим ее проявлением была начавшаяся примерно в это же время «Великая колонизация»). Вызванная перенаселенностью потребность в освоении новых земель, а в равной мере и непрерывные вспышки внутри- и межплеменной вражды толкали прежде разрозненные общины к объединению и созданию общих опорных пунктов, каковыми и стали первые полисы⁵¹.

Toynbee A. Some Problems of Greek History. Oxford, 1969. P. 41 ff; Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1969. S. 59 f. Cp.: Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization... P. 335; Hanfmann G. M. A. Ionia, leader or follower? P. 15 ff; Hammond N. G. L. The Classical Age of Greece. London, 1975. P. 14 ff. В этой связи, безусловно, заслуживает самого пристального внимания своеобразная ситуация, сложившаяся в Аттике. Из ряда вон выходящее процветание этого района позволяет предполагать, что его объединение в рамках одного города-государства произошло еще до середины VIII в. (*Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 415*). Резкое сокращение количества оружия в погребениях Керамика и других афинских некрополей, относящихся к среднегеометрическому периоду, позволяет датировать это событие (так наз. «Тезеев синойкизм») примерно концом IX в., свидетельствуя об отказе от древнего обычая сидерофории, которым сопровождался переход на более высокую ступень политического развития (*Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 139, рис. 50*).

⁵⁰ *Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization... P. 339 f.*

⁵¹ В связи с этим уместно вспомнить то, что писал Маркс в своей незаконченной работе «Основные черты критики политической экономии» о возникновении античной полисной общины: «...Война является

В исторических условиях гомеровского периода образование города-государства было симптомом внутренней консолидации и политического самоопределения той аморфной племенной общности, которая предшествовала полису на его территории. Сам полис, его укрепления, храмы, общественные здания и сооружения на акрополе и агоре были призваны символизировать единство и сплоченность всех составляющих племя общин⁵². Археологический материал, свидетельствующий об этих важных переменах в жизни греческого общества, в массе своей находится по ту сторону хронологической грани, отделяющей гомеровский период от следующей за ним архаики (рубеж VI II—VII вв.). Лишь стены Смирны III, да ступенчатая агора Дрероса возвышаются по сю сторону от этой черты как предвестие начала новой исторической эпохи.

2. Гомеровский полис

Уже давно было замечено, что Гомер знает только одну форму человеческого общежития, которую он сам называет «полисом»⁵³. Встречающиеся в поэмах термины *πόλις* и *πολιέθρον* при ближайшем рассмотрении оказываются просто синонимами

той важной общей задачей, той большой общей работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы этот захват сохранить и увековечить. Вот почему состоящая из семей община на первых порах организована по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности. Концентрация жилищ в городе — основа этой воинственной организации». (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 465).

52 Ср.: Glotz G. 1) *Histoire grecque*. Paris, 1925. Т. 1. P. 126; 2) La cite... P. 14 ss.; Starr Ch. G. *The Origins of Greek Civilization...* P. 342.

53 Meyer Ed. *Geschichte des Altertums*. Bd. III. Stuttgart, 1937. S. 304; Hasebroek J. *Griechische Wirtschafts...* S. 28; Hoffmann W. *Die Polis bei Homer* // *Festschrift B. Snell*. München, 1956. S. 153 ff.; Raaflaub K. A. *Homer to Solon: The Rise of the Polis. The Written Sources*. 2. *The Early Polis (Eighth / Early Seventh Centuries)*, a. *The Polis in Homer* // *The Ancient Greek City-State* / Ed. M. H. Hansen. Copenhagen, 1993. P. 46-59.

этого слова. Среди народов и племен, фигурирующих в эпосе, полис имеет поистине универсальное распространение. Даже дикари, вроде киммерийцев и лестригонов, живут полисами (Od. X, 105 sqq.; XI, 14). Единственное исключение составляют циклопы, каждый из которых живет сам по себе (Od. IX, 114 sq.), но для поэта это — свидетельство их ужасающей дикости. В полисах живут не только люди, но и боги, например, Эол со своими сыновьями (Od. X, 13). Обычный вопрос, с которым в «Одиссее» обращаются к чужеземцу: «Кто ты? Откуда родом? Где находится твой город (*πόθι τοι πόλις*) и твои родители? (I, 170; X, 325; XIV, 187 и т. д.). Едва ли случайно также, что в «Илиаде» поэт выбирает для изображения на щите Ахилла два города-полиса, а не две деревни (XVIII, 490 слл.). Деревня как таковая в поэмах ни разу не упоминается. Отсюда не следует, конечно, что поселения этого типа вообще были неизвестны Гомеру. Умолчание о них в эпосе может быть такой же поэтической условностью, как и сознательное избегание всяких упоминаний о железном оружии или же об употреблении в пищу рыбы. Однако уже и тот факт, что поэт видит в полисе единственно достойную упоминания форму поселения, его, так сказать, идеальный тип, говорит о многом. Очевидно, полис был уже не только широко распространен в Греции и поэтому хорошо известен Гомеру, но и являлся политически господствующим типом поселения, подчинившим себе все остальные.

Описания городов, встречающиеся в поэмах, в той или иной степени подчинены определенному стандарту. Благодаря этому при чтении «Илиады» и «Одиссеи» в нашем сознании постепенно из множества рассеянных в тексте деталей, отдельных фраз, сравнений и т. д. складывается обобщенный образ идеального полиса. Вот некоторые из его наиболее характерных признаков. Типичный гомеровский полис — невелик. На это указывает примечательная деталь: источник, из которого жители полиса (*πολίται*) берут воду, находится обычно за городской стеной (II, XII, 147 sqq.; Od. VI, 292; X, 105 sqq.; XVII, 205 sqq.; ср. VII, 131). Идеальный полис располагается, как правило, на возвышенности. Об этом свидетельствуют выражения типа *Δίου τ' αἰπύ πολιέθρον*

(II. II, 538); αἰπεινή Γονόεσσα (II. II, 573); Ἴλιος αἰπεινή (II. XVII, 328); πολλὰ ὡν πόλιν... χάριν (II. II, 117). Дома в городе стоят очень тесно, почти вплотную друг к другу⁵⁴. В известном сравнении боя с пожаром (II. XVII, 737 sqq.) огонь, вспыхнув в одном месте, стремительно пожирает весь город, очевидно, очень плотно застроенный. Компактное расположение жилых домов диктовалось необходимостью экономии места, в свою очередь вытекающей из того, что весь полис был обнесен кольцом стен. Среди городов, фигурирующих в эпосе, стены имеют Троя, город феаков в «Одиссее», полис, изображенный Гефестом на щите Ахилла (II. XVIII, 514), Калидон в рассказе Феникса о гневе Мелеагра (II. IX, 383 sq.), πτολίεθρον τηλέπουλον, в котором обитают лестригоны (Od. X, 82), Фивы Египетские (II. IX, 383) и Фивы Беотийские (Od. XI, 263 sq.), наконец, Тиринф и Гортина (оба города названы в «Каталоге кораблей» — II. II, 559, 646 — τεῖχιόεσσα, ср. εὐτείχεος πόλις о Трое — II. I, 129; XVI, 57). В сценах на Итаке, в Спарте и в Пилосе стены не упоминаются ни разу, так как здесь этого не требует ни логика сюжета, ни художественная необходимость, хотя в представлении поэта эти три города едва ли существенно отличаются от всех других. Вообще же стены у Гомера являются неотъемлемой принадлежностью всякого полиса. Об этом говорит хотя бы последовательность действий основателя города феаков Навситоя (Od. VI, 4 sqq.): сначала он возвел вокруг города стены, затем построил дома, соорудил святилище богов и, наконец, разделил землю на наделы. Аналогично изображается основание Фив Зетом и Амфионом (Od. XI, 263): «они впервые заложили основание семивратных Фив и окружили их стеной (πύργωσαν), так как не могли жить в просторных Фивах, не укрепив их (ἀπύργωτον), хоть и были могучи».

В этой связи интересно обратить внимание на некоторые оттенки в употреблении терминов ἄστυ и πόλις, которые практи-

⁵⁴ Эпитет εὐρυ γυία (девять раз применительно к Трое, по разу о Микенах и Афинах) едва ли можно принимать здесь в расчет, так как, во-первых, значение его не вполне ясно, а, во-вторых, как и всякий поэтический эпитет, он содержит в себе элемент преувеличения.

чески, как было уже сказано, являются синонимами и, постоянно чередуясь в тексте, могут обозначать один и тот же город, например, Трою (ср. II. XXII, 198, 251, 464). Характерно, однако, что ἄστυ чаще всего встречается там, где идет речь о событиях, происходящих внутри города, на его улицах и площадях (так II. VI, 287: о торжественном шествии троянских женщин к храму Афины; XVIII, 493: о свадебной процессии; Od. VII, 40: об Одиссее, идущем по улицам города феаков). Ἄστυ — это место, где распространяются слухи о доблести героя (II. XXII, 432 sq.) и вообще любая весть. Не случайно вестник назван ἄστυβοώτης (II. XXIV, 701). С другой стороны πόλις — это тот же самый город, но видимый как бы извне глазами врага или просто постороннего наблюдателя со всеми его укреплениями: стенами, башнями и воротами. Показательно, что такие эпитеты, как εὐτείχεος («с хорошими стенами») ὑψίπυλος («с высокими воротами»), πύργοις ἀραρυῖα («укрепленный башнями»), употребляются Гомером только в связи с πόλις и никогда в связи с ἄστυ⁵⁵.

Оба эти аспекта гомеровского полиса наглядно представлены в известном изображении двух городов на щите Ахилла (II. XVIII, 490 sqq.). В сущности это воспринимаемый под двумя углами зрения: изнутри в сценах мирной жизни (не случайно здесь снова употреблен термин ἄστυ) и извне в сцене осады.

Важно подчеркнуть, что как в том, так и в другом случае речь идет именно о городе, а не о цитадели или временном убежище⁵⁶. Люди (λαοί), участвующие в массовых сценах первой части этой картины (сцены свадебного шествия и суда на агоре), несомнен-

⁵⁵ Отсюда не следует, однако, что первый из этих двух терминов означает укрепленную цитадель — царский бург, второй же, лишенный стен, «нижний город», являющийся местожительством демоса. Ср.: Schuchhardt C. Hof, Burg und ... S. 309 f.; Busolt G. Griechische Staatskunde. I. S. 318; Glotz G. La cite grecque... P. 12; Hoffmann W. Die Polis bei Homer. S. 153.

⁵⁶ Ср.: Guiraud P. La propriete fonciere en Grece. Paris, 1893. P. 69; Kuhn E. Entstehung der Städte... S. 10 f.; Richter W. Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter // Archaeologia Homerica. Bd. II. Kap. H. Göttingen, 1968. S. 3 f.

но, жители самого полиса, а не собравшиеся по случаю обитатели сельской округи. Их же мы видим затем выступающими из ворот с оружием в руках на защиту города, в то время как женщины, дети и старцы, собравшись на стенах, готовятся отразить натиск врага. Эта картина живо перекликается с целым рядом аналогичных сцен в других частях «Илиады» (см., например, VIII, 519: Гектор призывает троянских юношей и старцев нести караул на башнях вокруг города, в то время как мужчины сражаются в поле). Город, изображенный на щите Ахилла, это — как бы моментальная фотография Трои, величественный образ которой лишь постепенно возникает перед нами при чтении поэмы.

Наиболее характерная определяющая черта во внешнем облике гомеровской Трои это — опоясывающее ее со всех сторон кольцо стен с воротами и башнями (*Ил.* 30). Эта черта прочно зафиксирована в ряде центральных эпизодов «Илиады», принадлежащих, по всей вероятности, к ее первоначальному сюжетному ядру, таких, как сцена «тейхоскопии» в III песни, приступ Патрокла в XVI песни (702 sqq.), преследование Гектора Ахиллом, и во многих второстепенных, а также в эпитете εὔτειχος (II. I, 129; II, 113; XVI, 57 и т. д.). Пространство, обнесенное стеной, здесь, как и в других гомеровских полисах, не могло быть большим. Гомеровская формула ἄστυ μέγα Πριάμοιο ἀναχτοῦ (II. VII, 296; XVII, 160; XXI, 309) имеет, конечно, весьма относительное значение. Тем более нельзя принимать всерьез расчеты позднейших критиков текста, по которым выходит, что число троянцев вместе с их союзниками должно было составлять около 50 000 человек⁵⁷. Довольно трудно, опираясь на гомеровский текст, представить себе внутреннюю планировку Трои. Попытки разделить ее на верхний и нижний город, поместив в первом из них дома Приама и его сыновей, а также храмы богов, упоминаемые в «Илиаде», во втором же весь остальной троянский демос, кажутся нам малоубедительными⁵⁸. Четкое противопоставление

верхнего города (ἄκρη πόλις) нижнему (ἄστυ) имеет место всего лишь в одном случае. Это известный эпизод в VI песни поэмы (286 слл.), где изображается шествие «стариц троянских» во главе с Гекубой на акрополь для того, чтобы принести там дары Афине и молить ее о спасении полиса. Однако сам троянский акрополь представлен здесь как священное место, где находятся только жилища богов и нет жилищ человеческих (по контексту ясно, что Гекуба и сопровождающие ее женщины живут где-то внизу, в городе — ἄστυ) — ситуация, как мы знаем, типичная для многих греческих полисов послегомеровской эпохи. По-видимому, эта никем не заселенная цитадель и есть тот «священный Пергам», откуда наблюдает обычно за ходом сражения Аполлон и где находится его храм (IV, 508; V, 446, 460; VII, 21).

Впрочем, в той же самой VI песни мы сталкиваемся с прямо противоположной концепцией полиса, начисто исключающей первую. Буквально через несколько строк после эпизода с Гекубой (313 слл.) Гектор подходит к дому Париса, о котором сказано, что он находился вблизи от жилищ Приама и самого Гектора опять-таки ἐν πόλει ἄκρηι. Отсюда можно заключить, что Приам и его сыновья живут в каком-то особом царском замке, отделенном от домов рядовых граждан стеной (точка зрения Шуххардта). Но это вовсе не обязательно. Ни о какой стене, перегораживающей город изнутри, поэт нигде не упоминает, а само выражение ἐν πόλει ἄκρηι, если представить всю Трою, как один большой холм, опоясанный у подножия крепостной стеной, может вполне соответствовать нашему «в центре города». В некоторых случаях та же самая формула πόλις ἄκρη совершенно определенно обозначает всю Трою, а не какую-то отдельную ее часть. Так, в II. XXII, 383 sq. Ахилл говорит, что ему хочется узнать, оставят ли троянцы πόλις ἄκρηι, т. е. Трою, после смерти Гектора или же будут продолжать сражаться. Аналогичный смысл имеет выражение Ἰλῖος αἵπεινῃ (II. XVII, 328). В «Одиссее» в сходном значении употребляется слово ἀκρόπολις (единственный случай во всей гомеровской поэзии). В песни Демодока о гибели Трои (Od. VIII, 494; 504) троянцы втаскивают деревянного коня в ἀκρόπολις и оставляют на агоре. По справедливому замечанию

⁵⁷ Seymour Th. D. Life in the Homeric age. New York — London, 1907. P. 555.

⁵⁸ Schuchhardt C. Hof, Burg und... S. 309; Martin R. Recherches sur l'agora... P. 25, 36.

30. Троя: 1 — стена Трои VI. Середина XIII в. до н. э.
Слева остатки юго-восточной башни;

А. фон Геркана⁵⁹, этот термин обозначает в данном случае обнесенный стенами город, хотя и очень небольшой, состоящий в сущности из одного акрополя. Иначе говоря, *αχρόπολις* и собственно *πόλις* здесь практически совпадают.

Взятый как целое гомеровский образ Трои достаточно сложен. Очевидно, в нем сплавлены воедино характерные черты и признаки многих поселений, существовавших в разных местах и в разное время. Некоторые из этих признаков все же можно считать доминирующими над всеми остальными. Пытаясь представить Трою как нечто конкретное, мы видим перед собой небольшой, но хорошо укрепленный город на возвышенности (поэтому поэт называет его *πόλις ἀχρη* или *Ἰλίου ἀλπεινή*), вершину которой занимает царский дворец или, по другому варианту, храмы главных богов. За городской стеной в Трое так же, как и

⁵⁹ Gerkan A. von. Griechische Städteanlagen... S. 11.

2 — реконструкция гомеровской Трои (по М. Зиблеру)

в городе, изображенном на щите Ахилла, живет все свободное население общины, весь троянский демос, и хотя в древнейшей, догомеровской версии эпической традиции этот демос, возможно, включал в себя лишь одну большую семью или род Приама (см. ниже, с. 305 сл.), это не дает нам права считать «священный Илион» просто цитаделью или более того временным убежищем (*refugium*)⁶⁰. В понимании как самого Гомера, так, вероятно, и его более отдаленных предшественников, Троя была именно городом, т. е. укрепленным поселением целой общины во главе с родовым вождем — патриархом.

Говоря о реальных исторических прототипах гомеровского Илиона, мы должны обратиться, в первую очередь, к поселениям эпохи бронзы, в которую, судя по всему, уходит своими корнями поэтическая традиция, предшествующая нашей «Илиаде». Трудно согласиться с чересчур категоричным мнением Р. Керпентера, который пишет по этому поводу: «Гомер, который знал так мало о реалиях микенской культуры, был знаком с классическим полисом, т. е. с городом, в котором все горожане живут вместе, и ничего не знал о доклассическом, феодальном

⁶⁰ Ср.: Thomas C. G. Homer and the Polis // PdP. 1966. F. 21. P. 7.

разграничении между вождем и простыми общинниками, отражением которого была сильно укрепленная цитадель, окруженная незащищенным поселением, в Микенах и Тиринфе. Гиссарлык был элладским *Hegrenburg* или замком вождя, в котором было достаточно места только для одной правящей династии, в то время как в представлении Гомера (и, следовательно, в «Илиаде») Троя была греческим городом, располагающим достаточным пространством для размещения всего его населения в черте стен⁶¹. Против этого можно возразить, что Гомер, действительно, ничего не знал о «реалиях микенской культуры», но определенный запас информации об этой, уже весьма отдаленной от него, эпохе он мог почерпнуть из имевшегося в его распоряжении материала традиционной эпической поэзии. Даже если оставить в стороне слишком смелую догадку Блегена о том, что гомеровский «портрет» Трои был прямо и непосредственно скопирован с Трои VII а., открытой в недрах холма Гиссарлык⁶², все же остается вполне реальная возможность отыскать прообраз города Приама среди микенских центров Пелопоннеса или Средней Греции, откуда берет, по всей вероятности, свое начало эпическая традиция о Троянской войне. Керпентер не видит этой возможности, так как меряет все микенские поселения одной и той же меркой. Между тем многие из них явно не укладываются в «феодальную схему»: «царский бург в сочетании с неукрепленным предместьем — обиталищем простого народа», из которого исходит американский историк. Выше мы уже упоминали об укрепленных родовых поселках II тыс. до н. э., типичным образчиком которых можно считать городище Мальти-Дорион в Мессении. Поселения этого типа состоят практически из одного только акрополя без признаков «посады» у его подножия. Все они и по своей планировке и по характеру застройки резко отличаются от таких дворцовых комплексов, как Микены,

⁶¹ *Carpenter R.* Folk tale, fiction and saga in the Homeric epics. Berkeley — Los Angeles, 1956. P. 52.

⁶² *Blegen C. W.* Troy and the Trojans. New York — Washington, 1964. P. 13 f. См. также: *Bowra C. M.* Homeric epithets for Troy // JHS. 1960. Vol. 80.

Тиринф, Пилос, Орхомен, Фивы. Отчетливо выступавшие в гомеровском описании Трои черты архаического городища родовой общины (отнюдь не классического греческого полиса) позволяют считать ее обобщенным образом всей этой группы микенских поселений⁶³.

Это не означает, однако, что изображение Трои является в общем ионийском контексте «Илиады» каким-то анахронизмом, введенным в него просто как дань традиции наподобие знаменитого шлема из кабаньих клыков, с которым мы сталкиваемся в X песни поэмы. У своих предшественников Гомер мог заимствовать лишь общую схему, зерно образа — город на холме, обнесенный стеной. Это зерно было им развито и обогащено за счет тех впечатлений, которые давала окружающая поэта действительность, сама во многом еще пронизанная микенскими традициями. Мы не должны забывать, что укрепленный общинный поселок-полис, во многих отношениях весьма еще сходный со среднеэлладским Мальти, продолжал оставаться типичной деталью греческого ландшафта также и в VIII в. до н. э., т. е. в то время, когда создавалась «Илиада». Очевидно, именно реальное сходство исторических прототипов гомеровской Трои сделало возможным их безболезненное взаимопроникновение и слияние в единый поэтический образ, но оно же и крайне затрудняет точную датировку этого образа.

С иным и, судя по всему, более прогрессивным типом гомеровского полиса знакомит нас «Одиссея». В VI песни поэмы (262 sqq.) царевна Навзикая рассказывает Одиссею о городе феаков: «Затем мы придем в город, который окружает высокая сте-

⁶³ То, что в центре внимания основоположников эпической традиции оказался «провинциальный» вариант цитадели, а не такие классические его образцы, как Микены или Тиринф, можно объяснить двояко: либо тем, что сама традиция о походе на Трою возникла и сформировалась на периферии микенского мира, где общинное городище вроде Мальти было господствующим типом поселения, либо тем, что эта традиция начала складываться в то время, когда цитадели классического типа еще не были построены, а их место занимали все те же общинные городища. Ср.: *Luce J. V.* The Polis in Homer and Hesiod // *ProcIrishAc*, Section C. 1978. P. 7 f.

на (πύργος). С двух сторон город омывает прекрасная гавань с узким проходом, (через который) качающиеся на волнах корабли отыскивают себе дорогу (в гавань). Ведь для каждого из них поставлен на берегу навес (ἐπίσκιον). Там у них и агора вокруг прекрасного святилища Посейдона, устроенная из огромных врытых в землю камней. Там же держат они и снасти своих черных кораблей: канаты и паруса и обтачивают свои весла». В другом месте (Od. VII, 43 sqq.) та же самая картина очерчена более скупыми и беглыми штрихами: «Дивился Одиссей, видя гавани и корабли, агору героев и большие, высокие стены (τέχρα), дивные взору». Как мы видим, панорама города в обоих случаях складывается из трех основных элементов: стен, гавани и агоры. Различие только в их последовательности⁶⁴. Ансамбль гавани и непосредственно с ней связанной агоры занимает во всей этой картине центральное место. Феакийская агора представляет собой довольно сложный архитектурный комплекс. В центре ее расположено святилище Посейдона (Ποσειδῆιον). Имеет ли оно вид храма или же просто огороженного алтаря, остается неясным. Можно поэтому сказать, что агора здесь образует часть священного участка — темена или даже прямо совпадает с ним⁶⁵. На агоре или рядом с ней размещены также портовые сооружения, в которых стоят корабли феаков и хранятся корабельные снасти. Из контекста трудно понять, каково было назначение находившихся здесь же больших камней. Была это просто вымостка на площади

⁶⁴ Планировка города остается как в том, так и в другом описании неясной. В. Берар (*Berard V. Les phéniciens et l'Odyssee. Paris, 1902. P. 543*) думает, что стена в виде палисада с частоколом отделяла расположенный на полуострове город феаков с его двумя гаванями от основной части острова. Но этому противоречат слова *ν περὶ πύργος ψηλός* (VI, 262 sq.). Мартэн (*Martin R. Recherches sur l'agora... P. 38*), принимая в целом схему Берара, склонен однако считать, что агора и обе гавани феаков находились не внутри, а снаружи черты укреплений. Стеной был обнесен только акрополь с дворцом Алкиноя. Заметим, что в самом тексте Гомера нет никаких упоминаний об акрополе.

⁶⁵ *McDonald W. A. The Political meeting places... P. 25, n. 41; Martin R. Recherches sur l'agora... P. 39.*

или ограда вокруг святилища Посейдона, или же, наконец, сидения, на которых располагались граждане во время народного собрания?⁶⁶ Последнее предположение кажется довольно правдоподобным, так как, помимо археологических параллелей (о которых см. ниже, с. 190 сл.), оно находит подтверждение также и в тексте самого Гомера. Так, в начале VIII песни (с. 6) снова упоминаются «гладко отесанные камни» на агоре, служащие сидениями для Одиссея и Алкиноя. В «Илиаде» (XVIII, 503 sq.) на таких же «гладко отесанных камнях», поставленных внутри «священного круга» (ἱερὸν ἐνὶ κύκλῳ), восседают старцы, творящие суд в одной из сцен, представленных на шите Ахилла. Народ, окружающий здесь старцев, по-видимому, стоит. Однако у феаков сидят все участники собрания (см. VIII, 16: «быстро наполнилась собравшимися людьми площадь и сидения — ἀγοραί τε καὶ ἐδραί; ср. II, 211; Od. III, 7 sq.). Агора у феаков служит не только местом для народных сходов и богослужений, но также стадионом и орхестрой для игр и плясок молодежи, как это видно из VIII, 109 sqq., выполняя, таким образом, по выражению Мартэна, «атональную» функцию наряду с политической и религиозной. В то же время в феакийских песнях «Одиссеи», да и вообще нигде у Гомера нет никаких намеков на то, что агора использовалась также, как торговая площадь⁶⁷. В этом отношении гомеровская агора вполне соответствует тому, что поздние греческие авторы называли «свободной агорой»⁶⁸. Еще одна характерная особенность феакийской агоры состоит в том, что она никак не связана с царским дворцом (дворец Алкиноя расположен где-то в стороне от нее, среди домов других горожан — см. VI, 298 сл.; VII, 29, 46). Этим она отличается от троянской агоры, находившейся прямо переддверьмидворца Приама (с м. II, 11, 788; VII, 346).

⁶⁶ Так понимает это место Р. Мартэн (*Ibid. P. 38*). Ср.: *McDonald W. A. The Political meeting places... P. 25; Berard V. Les phéniciens et l'Odyssee. P. 529.*

⁶⁷ *McDonald W. A. The Political meeting places... P. 22; ср.: Martin R. Recherches sur... P. 62.*

⁶⁸ *Martin R. Recherches sur l'agora... P. 281, ср. P. 165.*

В описании острова феаков, несомненно, есть традиционные сказочные элементы. Важнейший из них — чудесный дворец Алкиноя, столь впечатляюще изображенный поэтом в VII песне «Одиссеи»⁶⁹. Однако прилегающий ко дворцу оживленный приморский город, эскизно очерченный перед этим, вызывает совсем иные, уже не сказочные, а вполне реальные ассоциации. Его ближайший прототип следует искать, по всей видимости, в зоне ионийской колонизации, среди таких городов, как Милет, Колофон, Эфес, Смирна и др. Едва ли случайно, что сами феаки представлены в поэме, как мореходы-колонисты, покинувшие свою первоначальную родину — «широкую Гиперею», где они жили в соседстве с дикими циклопами, в поисках лучших мест для поселения (VI, 4 sq.). Уже Э. Роде назвал город феаков «идеальным образом ионийской колонии»⁷⁰. Эту догадку немецкого ученого подтверждает поразительное сходство панорамы гомеровской Схерии с открытой в 50-х годах архаической Смирной⁷¹. В обоих случаях мы видим перед собой небольшой прибрежный город, опоясанный стеной с башнями и воротами и расположенный на мысу у входа в удобную «двойную» бухту. Правда, для полного тождества здесь не хватает одной существенной детали, а именно городской площади, расположенной прямо на морском берегу рядом с корабельной стоянкой (местонахождение смирнинской агоры, как было уже сказано, пока еще не удалось определить с достаточной точностью). Единственной реальной аналогией феакийской агоры остается пока что своеобразный археологический комплекс, открытый в Дреросе (см. выше, с. 159 слл.)⁷². Его конструкция помогает понять

⁶⁹ Eitrem S. Phaiaken // RE. 1938. Hbb. 38. S. 1522; Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. London, 1958. P. 157.

⁷⁰ Rohde E. Psyche. Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. Bd. I. Tübingen, 1907. S. 83.

⁷¹ Cook J. M. Old Smyrna, 1948-1951 // BSA. 1958-1959. № 53-54. P. 16; Snodgrass A. M. The Dark Age... P. 435; Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare. Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge, 1973. P. 164 f.; Luce J. V. The Polis in Homer. P. 4.

⁷² Martin R. Recherches sur l'agora... P. 59 s.; cp. 56.

некоторые неясные детали в гомеровском тексте и в частности объясняет назначение больших камней, из которых была сложена, по словам поэта, агора феаков.

Гомеровская коллекция полисов, разумеется, не дает исчерпывающего представления о многообразии форм и типов поселений, существовавших в Греции на протяжении XI.—VIII вв. до н. э. и известных нам по пока еще весьма скудным археологическим данным. Некоторые из этих форм вообще не имеют ни одной ясно выраженной эпической параллели. О существовании других можно догадаться лишь по разбросанным в тексте поэм неясным намекам⁷³. Тем не менее два типа поселения, соответствующих двум основным стадиям в развитии раннегреческого полиса, очерчены в эпосе достаточно ярко и выпукло. Это — «протополис» или поселение первичной сельской общины (наиболее характерным его образцом можно считать Трою) и раннеархаический полис, являющийся, по существу, уже начальной формой города-государства (город феаков). Основное различие между этими двумя типами гомеровского полиса заключается в организации их архитектурного центра. В Трое таким центром является, несомненно, дворец Приама, занимающий вершину городского холма. Дважды упомянутая троянская агора составляет как бы придаток ко дворцу, занимая площадку перед его дверями. В городе феаков мы видим иную картину. Агора с расположенным на ней святилищем Посейдона и каким-то подобием амфитеатра, в котором размещаются участники народного собрания, образует самостоятельный архитектурный ансамбль, никак не связанный с дворцом и в то же время определяющий собой весь силуэт города таким, каким его видит перед собой только что прибывший чужеземец. Наличие в городе постоянного, четко оформленного центра политической и

⁷³ Так, полис экстравертного типа, т. е. комбинация укрепленного акрополя с неукрепленным «нижним городом» в своем чистом виде не встречается в эпосе ни разу, хотя в некоторых местах поэт дает понять, что этот тип поселения был ему также известен (так, в II. VI, 286 sqq.; cp. Od. II, 154). Cp.: Schuchhardt C. Hof, Burg und Stadt... S. 308 f.; Martin R. Recherches sur l'agora... P. 37.

религиозной жизни, равно как и его независимость от царского жилища, — факт сам по себе весьма знаменательный, ибо он свидетельствует о зарождении новой гражданской общины из разрозненных ячеек старого родового общества⁷⁴.

При всей своей ограниченности и условности материал поэм все же позволяет существенно расширить и дополнить информацию, содержащуюся в археологических источниках. Так, в частности, он проливает некоторый свет на весьма темный и неясный вопрос о взаимоотношениях города и деревни в древнейший период греческой истории. Как было уже замечено, деревня в собственном значении этого слова не входит в число эпических реалий. За чертой городских стен, «в поле» поэт не видит никаких человеческих поселений, которые заслуживали бы специального упоминания. Трою, Итаку, Схерию, да и все другие гомеровские города окружают безлюдные поля и горы. Лишь кое-где мы замечаем разбросанные на большом удалении друг от друга загоны для скота (μέσσαιλα) и пастушьи хижины при них, да одиночные усадьбы (δῶματα).

«Поле» противостоит городу не только как чисто территориальное понятие, но и как социальное. Гомер проводит четкую грань между жителями города (πολίται или, в одном случае, αἰοί) и постоянным населением «поля» (ἄγροῖοι). Последний из этих терминов несет на себе ясно выраженную печать социальной неполноценности. В двух случаях из пяти он обозначает пастухов, пасущих чужой скот, в одном случае совершенно определенно имеются в виду рабы. В «Илиаде» (XI, 676) Нестор вспоминает, как погиб от его руки элейский герой Итимоней, сражаясь, как подобает благородному, в первых рядах (ἐν πρώτοιςιν), после чего λαοὶ ἄγροῖοι, стоявшие, очевидно, в тылу, немедленно разбежались. Презрительное отношение поэта к «поселянам» как к людем второго сорта здесь не вызывает сомнений. Презрением исполнены и слова предводителя женихов Антиноя, обращенные к Евмею и Филойтию (Od. XXI, 85): νῆπιοι ἄγροῖοι εἰρημέρα φρονέοντες! («дурачье, деревенщина, только о пустяках думающие»).

⁷⁴ Thomas C. G. Homer and the Polis... P. 7 f.

Образ жизни свинопаса Евмея в его хижине «на краю поля», очевидно, можно считать типичным для всех ἄγροῖοι. Его главная отличительная черта — почти полная оторванность от внешнего мира, почти полная свобода от всех общественных связей, за исключением одной единственной — личной зависимости от своего господина. Таким образом, для Гомера «поле» вместе с его обитателями это — синоним почти первобытной дикости, крайней социальной разобщенности. Правильная цивилизованная жизнь в его понимании возможна только в полисе. Уже Гесиод, которого отделяет от автора «Одиссеи» самое большее каких-нибудь пятьдесят лет, изображает сельскую жизнь совсем по-иному. Его крестьяне, кстати, тоже именуемые ἄγροῖοι (см. Theogon., 26) — свободные люди и живут не вразброс по хуторам, как гомеровские пастухи, а компактными массами по комам (этот термин впервые появляется именно у Гесиода: см. Opera, 639; также Scutum, 18), находясь все время в тесном общении с себе подобными (общеизвестно, какое значение Гесиод придает добрым отношениям с соседями, соблюдению разного рода общинных обычаев и т. д.).

Подавляющее большинство гомеровских героев живет в городе и принадлежит, следовательно, к категории πολιῖται. Горожанином, безусловно, считает себя Антиной, презрительно третирующий рабов Одиссея не за то, что они — рабы, а за то, что они — мужики, поселяне. Также о Телемахе Евмей говорит с оттенком некоторого упрека, что он почти все время проводит в городе, среди народа, лишь изредка навещая отцовские стада и состоящих при них пастухов (Od. XVI, 27 sqq.). И другие знатные итакийцы время от времени покидают город, отлучаясь по каким-нибудь хозяйственным надобностям (см., например, Od. II, 22, 127), но при этом полис остается их главным местожительством, а сами они считаются горожанами par excellence. За городской стеной постоянно живет Приам вместе со всем своим родом и с прочей троянской знатью. Его сыновья пасут за городом отцовский скот — мотив, несомненно, весьма архаичный, восходящий к древнейшей мифологической традиции и вместе с тем хорошо вписывающийся в общую картину гомеров-

ского быта, и выполняют различные другие хозяйственные поручения (II. XI, 105; XX, 188; XXI, 36 sqq.; V, 313; VI, 25, 423; XXIV, 29; Od. XIII, 222 sq.; XV, 386). Но эти отлучки едва ли могли быть очень продолжительными. Ни о каких загородных постройках, пригодных для жилья, за исключением загонов для скота (см., например, II. XXIV, 29), поэт в «Илиаде» не упоминает. В «Одиссее» уже появляется какое-то подобие сельской усадьбы. Примерами могут служить дома (ὄματα) Эгисфа и Лаэрта (Od. IV, 517 sq.; XXIV, 208 sqq.). Поэт, однако, ясно дает понять, что считает отшельническую жизнь вдали от города, вдали от таких привычных для гомеровского аристократа занятий, как дружеские попойки или словопрения на агоре, недостойной благородного человека⁷⁵. Лишь сила обстоятельств может вынудить «превосходного мужа» засесть в своем деревенском уединении и забыть дорогу в город. Красноречивое тому свидетельство — горестная судьба старого отца Одиссея Лаэрта. Буйства женихов заставили его покинуть город и перебраться в «поле». Здесь он влачит жалкое существование, лишенный даже самых элементарных удобств и в холодное время года спит прямо на полу («в золе») около огня вместе со своими рабами (Od., XI, 187 sqq.).

Вообще в гомеровской шкале социальных ценностей такие понятия как «аристократия» и «полис» находятся в близком соседстве друг с другом и, несомненно, тесно взаимосвязаны. Природный аристократ не только постоянно живет в городе, но еще и управляет им и оберегает его от врагов. Эта мысль отчет-

⁷⁵ Некоторые авторы, в том числе П. Гиро (*Guiraud P.* La propriété foncière... P. 69) и Эд. Мейер (*Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. III. S. 306) склонны считать, что гомеровская знать не жила постоянно в городе, а лишь навещала туда время от времени для участия в народном собрании. Обычным же ее местожительством служили сельские усадьбы. Эту точку зрения резонно оспаривал уже Пёльман, полагавший, что главной резиденцией аристократии в те времена был именно полис. См.: *Pohlmann R. von.* Aus Altertum und Gegenwart. München, 1911. S. 145 f; также: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. I. S. 152, 318; *Hasebroek J.* Griechische Wirtschafts-... S. 28; *Hoffmann W.* Die Polis bei Homer. S. 154.

ливо звучит, например, в словах Ахилла о «лучших людях Эллады и Фтии, «оберегающих города» этой страны (II. IX, 395 sq.: κοῦραι ἀριστῶν, οἱ τε πόλιεθρα ρύονται). И по своему образу жизни, и по своей «урбанистической» психологии гомеровская знать стоит гораздо ближе к городскому патрициату европейского средневековья, нежели к феодалам-помещикам той же эпохи⁷⁶. А так как почти все как главные, так и второстепенные действующие лица обеих поэм являются аристократами по рождению, то у читателя невольно складывается впечатление, что все население гомеровского полиса состоит исключительно из знати и, следовательно, знать выступает здесь в роли основного градообразующего элемента. К этому социологическому парадоксу мы еще вернемся впоследствии (см. с. 263 сл.). Пока же заметим, что сами понятия «город» и «городская жизнь» носят в гомеровской поэзии еще достаточно условный характер. Город здесь еще не отделен по настоящему от деревни. По существу, гомеровский полис это — и город, и деревня в одном лице⁷⁷. Правда, как мы уже видели, по крайней мере некоторые из героев поэм уже имеют загородные дома, в которых они могут жить хотя бы летом, в страдную пору, а то и круглый год. Однако в памяти поэта и его слушателей еще свежо то время, когда таких усадеб не было даже у самых знатных и богатых людей. Поэтому их не удивляет и не шокирует тот факт, что навоз для удобрения

⁷⁶ Сходство это, конечно, не было абсолютным, так как основной сферой экономической деятельности раннегреческой аристократии было сельское хозяйство. Тем не менее средоточием ее общественной и духовной жизни всегда оставался полис. См.: *Hoffmann W.* Die Polis bei Homer. S. 154. Ср.: *Straßburger H.* 1) Die soziologische Aspekt der homerischen Epen // *Gymnasium.* 1953. Bd. 60. S. 97 ff. 2) Der Einzelne und die Gemeinschaft im Denken der Griechen // *Zur griechischen Staatskunde* / Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969. S. 104.

⁷⁷ Эд. Мейер (*Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. III. S. 304) совершенно справедливо указывает, что основную массу населения полиса составляли свободные крестьяне, которых он удачно называет «Ackerbürger». Ср.: *Starr Ch. G.* The Origins of Greek Civilization... P. 340; *Richter W.* Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter. S. 3 f; *Luce J. V.* The Polis in Homer... P. 8: «I believe that polis in Homer can cover different Types of settlement from village to town or city».

заготавливается впрок на дворе городского дома Одиссея (Od. XVII, 298 sq.), а не где-нибудь в поле⁷⁸.

Лишь в одном случае полис у Гомера противопоставляется своей сельской округе, как средоточие ремесла и торговли, где обитающий в «поле» земледелец может приобрести металл, необходимый ему для работы. В XXIII песни «Илиады» (832 сл.) Ахилл, обращаясь к участникам устроенных им погребальных игр в честь погибшего Патрокла, предлагает им метнуть глыбу необработанного железа (σόλον αὐτοχθόνον). Она же будет и призом, который получит победитель. Глыба эта так велика, что «даже если у кого и очень много есть далеко (вдали?) разбросанных тучных полей, он (все равно) будет обеспечен им (т. е. железом) на полных пять лет, так что у него ни пастух, ни пахарь не пойдут в город, нуждаясь в железе, но он (сам) их снабдит». Внимательный читатель сразу заметит необычность этого места. Она не только в единственном во всей гомеровской поэзии косвенном намеке на существование городского рынка, но также и в том, что сам герой-землевладелец, о котором говорит Ахилл, вопреки общему обыновению гомеровской знати, безвыездно живет в своей деревенской усадьбе, в окружении своих λαοὶ ἄγροῖόται⁷⁹. Изображенная здесь ситуация отражает, как нам кажется, достаточно поздний этап в развитии греческого общества. На это указывает хотя бы такая характерная деталь, как употребление железа для изготовления сельскохозяйственных орудий, что говорит о широком распространении и относительной дешевизне этого металла⁸⁰. В остальном, если оставить в стороне этот единственный в своем роде пассаж «Илиады», гомеровская концепция полиса вполне гармонирует с тем типом укрепленного земледельческого поселения (немецкие историки, на наш взгляд, удачно определяют его тер-

⁷⁸ Ср. Richter W. Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter. S. 4.

⁷⁹ Само собой разумеется, что владелец железной глыбы должен жить там, где находятся его запасы металла — величайшая драгоценность для аристократа гомеровской эпохи. Ср. хотя бы описание кладовой Одиссея в Od. II, 337 sq.; XXI, 10.

⁸⁰ Seymour Th. D. Life in the Homeric age. P. 283; Чаїлд Г. Прогресс и археология. М., 1949. С. 77.

минами «Ackerburg» или «Stadt-Dorf»)⁸¹, о котором дают наглядное представление такие замечательные памятники раннегеометрического периода, как Смирна или Загора. Отличительной чертой этой первичной формы полиса является концентрация основной массы свободного населения общины (демоса) на небольшом участке, обнесенном крепостной стеной или укрепленном самой природой. За чертой городских стен, в «поле» ютятся лишь рабы, зависимые люди и разного рода отщепенцы, стоящие, по сути дела, вне общества и его законов.

С легкой руки Гомера презрительное отношение к «поселянам», как к людям второго сорта, укоренилось в греческой поэзии. Его рецидивы можно встретить еще у Саффо, Алкмана, Феогнида Мегарского (Sappho, fr. 61, Diehl; Alcman, fr. 13; Theogn., v. 53-56). А между тем уже при жизни Гомера, если датировать ее VIII в. до н. э., в развитии греческого общества наметились важные количественные и качественные сдвиги, которые едва ли могли ускользнуть от внимания нашего поэта. Как было уже замечено, конец гомеровского периода в ряде районов греческого мира, в том числе и в колыбели эпоса — Ионии, ознаменовался первыми серьезными успехами новой городской культуры. Наблюдается быстрый численный рост городского населения за счет как естественного его прибавления, так и искусственного перемещения жителей мелких сельских общин в новые городские центры (так называемый «синойкизм»). Одновременно меняется и качественный его состав: постепенно начинает увеличиваться в общей массе обитателей полиса процент купцов и ремесленников, т. е. людей, не связанных непосредственно с землей, или связанных лишь частично. Параллельно с этим процессом и, очевидно, в тесной связи с ним происходит другой не менее важный процесс внутренней и внешней колонизации. Не касаясь последней, так как это увело бы нас слишком далеко в сторону от нашей основной темы, скажем несколько слов о первой.

Основным симптомом внутренней колонизации в Греции

⁸¹ Kirsten E. Die griechische Polis... S. 92.; Busolt G. Griechische Staatskunde. I. S. 140, Anm. 2.

VIII в. до н. э. следует считать формирование нового типа поселения — комы, т. е. деревни в собственном значении этого слова, являющейся в одно и то же время антагонистом города и жизненно важным его придатком и спутником⁸². Свидетельство Гесиода, на которое мы уже ссылались выше, показывает, что в следующем VII столетии процесс размежевания между городом и деревней даже в сравнительно отсталой Беотии успел уже зайти достаточно далеко.

Таким образом, у нас есть все основания искать истоки этого процесса в той исторической обстановке, которая сложилась в наиболее передовых областях Греции в конце гомеровской эпохи. Пути становления комы и обособления ее от полиса могли быть самыми различными в зависимости от конкретных местных условий. В одних случаях кома возникает в результате политической деградации первичного полиса и превращения его в один из административных округов вновь образованного города-государства. Можно полагать, что именно по этому пути шло отделение города от деревни в Аттике в период синоикизма⁸³. В другом варианте кома появляется как продукт разрастания и спонтанного деления первичного полиса. Обычно комы располагаются на периферии полисной территории («на краю поля», употребляя гомеровское выражение), занимая пустовавшие ранее земли. Ядром, вокруг которого складывалось новое поселение, могла стать усадьба какого-нибудь знатного анахоре-

⁸² В предшествующий период четкое смысловое разграничение между понятиями полиса и комы проводилось, вероятно, только в тех районах, где поселения пришельцев-завоевателей соседствовали с поселениями порабожденного коренного населения, как это было, например, в Спарте, в Фессалии, на Крите, в некоторых местах на Ионийском побережье. Но эту ситуацию едва ли можно считать типичной для всей Греции. Ср.: *Busolt G. Griechische Staatskunde*. I. S. 145 f.; *Swoboda H. Κόμη* // RE. Stuttgart, 1924. Suppl. IV. S. 951 f.; *Kirsten E. Die griechische Polis...* S. 99 f.; *Richter W. Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter*. S. 23.

⁸³ *Busolt G. Griechische Staatskunde*. I. S. 159. В некоторых сравнительно редких случаях первичные полисы, попавшие в орбиту влияния города-государства, сохраняют хотя бы частично свой прежний политический статус, переходя в категорию периекских общин, как это было в Спарте.

та, предпочитавшего деревенское уединение городской суете и скученности (к тому же здесь, в деревне находилась и основная сфера его хозяйственных интересов — его земля и его стада). Население комы в этом случае состояло частью из зависимых и неполноправных людей (λαοί владельца усадьбы), частью из свободных крестьян, вынужденных по тем или иным причинам покинуть полис⁸⁴. Окруженный кольцом дочерних, политически и экономически зависимых от него поселений преобразуется и сам полис⁸⁵. Только теперь становится он городом в античном понимании этого слова, т. е. административным, военным и религиозным центром определенного округа или района, столицей карликового государства⁸⁶.

Все эти важные перемены в жизни греческого общества остаются как будто вне поля зрения эпического поэта. Как мы уже видели, Гомер практически игнорирует деревню, как если бы он ничего не знал о ее существовании. Эпизодические упоминания о деревенских усадьбах знати не меняют существа изображаемой им ситуации. В то же время сам полис в его представлении еще сохраняет основные признаки того полугорода-полудеревни, каким он оставался на протяжении столетий вплоть до начала «городской революции» VIII—VI вв. до н. э. Столь важные пробелы в эпической картине мира свидетельствуют о том, что сознание Гомера, отягощенное грузом предшествующей поэтической традиции, еще не способно было окончательно оторваться в воспроизведении важнейших жизненных ситуаций от выработанных ею канонов. Один из таких канонов, восходящих, по

⁸⁴ Так, Эгисф, хотя и живет не в полисе, а в загородной усадьбе «на краю поля», имеет в своем подчинении народ (δῆμος), из которого он выбирает себе помощников для расправы с Агамемноном и его спутниками (Od. IV, 517 sqq.). Его отшельничество, однако, так же, как и в случае с Лаэртом, носит вынужденный характер.

⁸⁵ Трудно согласиться с мнением Кирстена, который видит главную отличительную черту «настоящего» полиса в том, что на его территории не может быть никаких других поселений, кроме поселков (κатоικίαι) крепостных-илотов (*Kirsten E. Die griechische Polis...* S. 91 f.).

⁸⁶ *Heuss A. Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche // Zur griechischen Staatskunde / Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969. S. 59.*

всей вероятности, еще к микенской эпохе, но сохраняющих свою обязательность и для ионийского поэта, жившего в VIII в. до н. э., требовал, чтобы герой жил непременно в полисе, а сам полис был изображен, как некий универсум (единственно возможная форма существования цивилизованного человека), вокруг которого нет ничего, кроме дикой природы. К этому следует добавить, что для самого Гомера эта архаическая концепция полиса, по-видимому, была не просто анахронизмом, отвлеченной схемой, лишенной реального содержания. «Урбанистическая революция», начало которой он успел еще застать, развивалась неравномерно и не могла сразу создать сплошную зону новой городской цивилизации. По-видимому, даже в таких районах, идущих в авангарде этого движения, как Ионийское побережье Малой Азии, пережитки прошлого были еще достаточно сильны и бок о бок с нарождающимися городскими центрами еще долго продолжали существовать «протогорода», или «города-деревни» предшествующего периода.

И все же приверженность традиционным эпическим нормам не исключает даже и у поэта такого плана, как Гомер, прямых выходов в современность. При общем архаическом колорите, лежащем на гомеровских описаниях городов и городской жизни, в отдельных эпизодах поэм уже угадываются очертания полиса новой формации (наиболее яркий пример — город феаков)⁸⁷. Дыхание новой исторической эпохи чувствуется и в тех социальных и политических коллизиях, которыми щедро насыщена сюжетная канва «Илиады» и «Одиссеи». Но о них речь пойдет в следующих главах.

⁸⁷ Было бы опасно, однако, поддавшись «модернизаторскому увлечению», переориентировать всю представленную в поэмах картину городской жизни исключительно на VIII в. до н. э., как это делает, например, Снодграсс (*Snodgrass A. M. The Dark Age...* P. 435). Выступающий против этой тенденции Финли справедливо указывает на известную «безликость» гомеровского полиса, исключающую возможность абсолютно точной датировки (*Finley M. I. The world of Odysseus. New York, 1978. P. 155 ff.*). Ср.: *Luce J. V. The Polis in Homer...*: P. 14: «Elsewhere Homer's conception of the polis tends to be more traditional and conservative».

ГЛАВА IV

ГОМЕРОВСКАЯ ОБЩИНА

1. Понятие общины.

Термин *δήμος* и его производные

В гомеровском языке есть только одно слово, приближающееся по своему значению к понятию общины. Это — слово *δήμος*, нередко употребляющееся в сходном значении («гражданская община» или «коллектив граждан города-государства») в более поздних памятниках греческой литературы, а также в надписях¹. Трудность интерпретации этого термина в его гомеровском варианте связана с его многозначностью. В словаре Эбелинга² мы находим следующие четыре значения этого слова: 1) «область» или «земля (страна), населенная людьми»; 2) «народ» или «община» (*populus civitas*); 3) «простонародье» (*plebs*); 4) «толпа, множество людей» (*multitudo populi*). Разграничение это во многом условно, так как по контексту далеко не всегда удастся определить, какое из этих четырех значений слова *δήμος* имел в виду поэт в том или ином случае, нередко бывает трудно провести четкую грань даже между двумя основными смысловыми аспектами термина, территориально-локальным («земля — страна») и персональным («народ — община»). Так, довольно часто встречающееся в «Одиссее» выражение *κατὰ δῆμον* (II, 101,

¹ *Liddell H. G. and Scott R. A. Greek-English Lexicon. Oxford, 1953, s.v. δήμος; Donlan W. Changes and shifts in the meaning of Demos in the literature of the Archaic Period // PdP. 1970. Fasc. 25. P. 385 f.; Andreev J. V. Die homerische Gesellschaft. II. Die homerische Gemeinde, Demos und Polis // Klio. 1988. Bd. 70. H. 1. S. 14-27.*

² *Ebeling H. Lexicon Homericum. Leipzig, 1880-1885, s.v. δήμος.*

291; III, 215; IV, 530, 652, 666; VI, 34; VIII, 36 и др.) может иметь как то, так и другое значение (или «по стране, в стране» или «среди народа»), хотя Эбелинг безоговорочно зачисляет все случаи такого словоупотребления в рубрику «народ — община».

Но даже и там, где личностный аспект интересующего нас термина выражен с достаточной ясностью (сюда можно отнести все те места, в которых демос как сплоченная человеческая масса противостоит одному или нескольким индивидам — см., например, II, III, 50; XI, 704; XVIII, 290; XXIV, 706, 776; Od. II, 239; IV, 691; VII, 11, 150; VIII, 157; XI, 353; XIII, 186; XVI, 425; XXII, 55 и др.), всегда бывает трудно установить его точное значение, выбрав хотя бы один из двух основных возможных вариантов «народ» или «община». Создается впечатление, что сам поэт в большинстве случаев не отдает себе ясного отчета в этом чрезвычайно важном для нас, но для него самого не столь уж существенном различии.

Возьмем в качестве примера четыре места из «Одиссеи», в которых используется одно и то же выражение, очевидно, идиоматического характера: δῆμοιο (δῆμου) φῆμις. По крайней мере, в двух случаях из четырех контекст придает этому словосочетанию достаточно ясно выраженную политическую окраску: в одном месте (Od. XIV, 239: χαλεπή δ' ἔχε δῆμου φῆμις — речь идет о критских царях, которые против своей воли были вынуждены отправиться в поход на Трою, так как их принуждало к этому «мнение народа») имеется в виду, скорее всего, решение народного собрания, в другом (Od. XV, 468: οἱ μὲν αὖ' ἐξ θόξων πρόμολον δῆμοιο τε φῆμιν — об отце Евмея, царе о. Сира, и его сотрапезниках), по-видимому, само народное собрание. Но в двух местах (XVI, 75: εὖνῃν τ' αἰδομένη πόσιος δῆμοιο τε φῆμιν и дословное повторение этой же конструкции в XIX, 527) это же выражение должно иметь, если исходить из контекста, уже иной, скорее нравственно-этический, чем политический смысл, означая «народное (общественное) мнение», осуждающее жену, нарушившую супружескую верность (для своего выражения это осуждение, разумеется, не нуждается в таких формальностях, как решение народного собрания). Для самого Гомера это различие смыс-

ловых оттенков едва ли имеет какое-либо принципиальное значение. Использование одной и той же формулы δῆμοιο φῆμις показывает, что в каждом из указанных эпизодов поэт, несмотря на различие ситуаций, мыслит в общем одними и теми же понятиями, имея в виду «нечто, высказанное народом», «мнение» или, может быть, «приговор (суд) народный». Формы и способы выражения этого «приговора» могут различаться в каждом конкретном случае (поэт, очевидно, вполне сознает это, но существо дела от этого принципиально не меняется, поскольку сам коллектив, обозначаемый словом δῆμος (народ), остается здесь практически все время одним и тем же. В глазах Гомера итакийцы, собравшиеся на агоре для того, чтобы вполне официально и с соблюдением всех необходимых процедур вынести приговор по делу Телемаха, ничем не отличаются от тех же итакийцев, когда они в приватной обстановке и без каких-либо формальных словопрений осуждают жену, изменившую своему мужу. Как в том, так и в другом случае они представляют в своем лице демос, т. е. народ и общину в одно и то же время, так как народ не может не быть общиной и наоборот.

Это наблюдение еще раз напоминает нам о той давно известной истине, что специфика поэтической (особенно же эпической) речи в том и состоит, что, за немногими исключениями, почти каждое слово участвует в ней в своей семантической нерасчлененности как некий синкретический сплав заключенных в нем разнородных понятий³. Отсюда следует, что искать в языке Гомера какие бы то ни было технические термины политического, юридического или социально-экономического характера уже а priori бессмысленно. Не может считаться политическим terminus technicus и гомеровское слово δῆμος, поскольку заключенное в нем понятие общины практически никогда не появляется в поэмах в своем чистом и беспримесном виде, но, как правило, растворяется в более широком и аморфном понятии народа, образуя вместе с ним единое понятие народа-общины.

³ О синкретизме эпического мышления см.: Шталь И. В. Гомеровский эпос. М., 1975. С. 79 слл. и passim.

Отсутствие четкой смысловой грани между этими двумя значениями термина δῆμος иногда приводит к тому, что второе из них («община») вообще сбрасывается со счета. «Это слово, — пишет А. Жанмэр, — никогда не встречается (у Гомера — Ю. Л.) в значении гражданской общины. Демос выполняет повинности. Он обеспечивает приношения и выплачивает подати в форме почетных даров. Но он не пользуется никакими правами. Он испытывает страсти и общие чувства, однако, не способен выразить свою волю»⁴. Отказывая демосу в праве считаться общиной, французский историк тут же находит ему замену, решительно утверждая, что как в «Илиаде», так и в «Одиссее» это понятие всегда ассоциируется только с термином λαός или λαοί⁵. Некоторые исследователи идут еще дальше, настаивая на том, что в гомеровском лексиконе вообще нет ни одного термина, который мог бы считаться обозначением общины⁶.

⁴ Jeanmaire H. Couroi et couretes. Lille, 1939. P. 53. Ср.: Finley M. I. Homer and Mysenae: Property and Tenure // Historia, 1957. Bd. VI, H. 2. P. 152 f.

⁵ Jeanmaire H. Couroi et... P. 54. Это утверждение логически вытекает из общей концепции гомеровского общества, разработанной Жанмэром. Согласно этой концепции, лаос и демос противостоят друг другу как два антагонистических класса или сословия. Один из этих классов (лаос) занимает в общине политически господствующее положение и поэтому практически отождествляется с ней (только лаос имеет доступ в народное собрание). Противостоящий ему демос представляет в своем лице подвластное сельское население и, будучи лишен каких бы то ни было политических прав, стоит как бы вне общинной организации. Конкретный просопографический анализ текста «Илиады» и «Одиссеи» убеждает нас, однако, в совершенно обратном. Там, где это удастся проследить, оба термина (и λαός и δῆμος в равной мере) используются для обозначения одних и тех же лиц, не заключая в себе даже и намека на какое-то неравенство в социальном статусе (ср., например, употребление этих слов в сценах похорон Гектора — II. XXIV, 776 sq. и народного собрания на Итаке — Od. II, 13 sqq.). Единственный во всем эпосе случай пейоративного употребления термина δῆμος с оттенком социальной неполноценности в II. II, 198 требует специального рассмотрения, и мы к нему вернемся в дальнейшем (см. с. 263).

⁶ Петрушевский Д. М. Общество и государство у Гомера. М., 1913. С. 29; Свенцикая И. С. Некоторые проблемы землевладения по «Илиаде» и «Одиссее»// ВДИ. 1976. № 1. С. 55 сл.

На наш взгляд, негативные суждения такого рода абсолютно неприемлемы. Общинная организация (какого типа, это — вопрос особый и к нему мы еще вернемся) была, вне всякого сомнения, хорошо известна Гомеру, который достаточно ясно обрисовал ее в своих поэмах. Там, где по логике сюжета предполагается вмешательство в действие этой организации или хотя бы упоминание о ней, поэт, как правило, использует именно термин δῆμος, а не какой-нибудь другой⁷. Именно демос выполняет как в «Илиаде», так и в «Одиссее» функции, свойственные общине: вручает царям и героям их почести и в том числе земельные наделы (Od. VII, 150: γέρας θ' ὃ τι δῆμος ἐδωκεν), участвует вместе с царем в разделе военной добычи (II. XI, 704); выступает в качестве юридического лица в межплеменной тяжбе (Od. XXI, 17: ἦλθε μετὰ χρεῖος, τό ρά οἱ πάς δῆμος οφελλε); учиняет расправу над преступником, презревшим волю народа (Od. XVI, 424 sqq.). К демосу и к его царю обращается с просьбой о помощи заброшенный в чужие края мореплаватель (Od. VIII, 157: λισσόμενος βασιλῆά τε πάντα τε δῆμον). Его мнение (очевидно, выраженное посредством общего голосования в народном собрании) имеет силу обязательного для всех и даже для царей закона (Od. XIV, 239). Употребленная в последнем пассаже идиома δῆμου φῆμις может, как мы уже видели, обозначать и народное собрание в собственном смысле слова (Od. XV, 468). Поэтому именно к демосу обращаются со своими речами и репликами участники происходящей на агоре судебной тяжбы, так же, как и выступающие перед собранием ораторы (II. XVIII, 500: δῆμω πιφαύσκων; ibid. 295: νῆπιε μηκέτι ταῦτα νοήματα φαῖν' ἐνὶ δῆμῳ; Od. II, 239: νύν δ' ἄλλω δῆμῳ νεμεσίζομαι). Заметим попутно, что термины: λαός,

⁷ Обычный в западной литературе (особенно в старой) перевод этого термина с помощью слов: «государство», «государственная общность» и т. п., конечно, не передает вполне адекватно его смысла. См.: Fanta A. Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck, 1882. S. 11; Busolt G. Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München, 1920. S. 154, 318 ff. Ср.: Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization. 1100-650 B. C. New York, 1961. P. 125; Finley M. I. The world of Odysseus. New York, 1978. P. 79 ff.; Donlan W. Changes and shifts... P. 383 ff.

ἔθνος и им подобные в таких конструкциях и с таким значением в эпосе практически не встречаются⁸.

Разумеется, само гомеровское народовластие, бегло очерченное в отмеченных эпизодах, при ближайшем рассмотрении может оказаться лишь фикцией, поскольку реальное участие в прениях на агоре принимает обычно лишь узкий круг признанных ораторов из числа «лучших людей», и все решения, хотя формально они, по-видимому, считаются принятыми «всенародно», в действительности, вырабатываются и утверждаются именно в этом кругу. Тем не менее даже и в таком формальном варианте понятие народного суверенитета имело в гомеровском обществе значение важнейшей правовой и идеологической нормы, оказывающей определяющее воздействие на образ мыслей и поведение всех его членов. Вследствие этого государство, вообще любой политический организм всегда мыслится Гомером только как коллектив граждан, община, хотя и управляемая скорее на аристократический, чем на демократический лад. По этой же причине понятие общины и народа, как правило, сливаются в поэмах в единое и нерасторжимое целое, выражаемое всегда одним и тем же термином δῆμος.

С понятием народа-общины тесно связаны и такие производные от δῆμος, как несколько раз встречающееся в поэмах прилагательное δῆμιος и два двухосновных существительных: δημογέρων и δημοεργός. Гомеровское δῆμος фактически заменяет отсутствующее в языке эпоса прилагательное δημόσιος, выражая подобно ему мысль о противоположности общественного (общинного) и частного (индивидуального). С особой отчетливостью эта противоположность выступает в двух пассажах «Одиссеи»: II, 30 sq. и XX, 264 sq. В первом из них старец Египтий обращается с вопросом к собравшимся на площади итакийцам: «Слышал ли он (т. е. тот, кто создал народ — **Ю. А.**) весть о приближении войска... или же намерен поведать (нам) о каком-либо другом общем деле (ἤ τί δῆμιον ἄλλο πιφαύσκειται ἢ δ' ἄγορεύει)?» Весть о приближении войска (очевидно, вражеского) отнесена

8 Ср.: Jeanmaire H. Couroi et... P. 54 ss.

здесь, таким образом, к разряду «общих дел» (δήμια), которые в следующей далее речи Телемаха (II, 44 sq.) четко отграничиваются от дел частных, семейных (οὐτέ τι δῆμιον ἄλλο πιφαύσκειται οὐδ' ἄγορεύω, ἀλλ' ἐμὸν αὐτοῦ χρεῖος,...). Во втором отрывке Телемах заявляет о своем праве распоряжаться у себя дома, противопоставляя свое (и Одиссеево) жилище некоему «народному дому» (ἐπεὶ οὗ τοι δῆμιος ἐστὶν οἶκος οἶδ', ἀλλ' Ὀδυσῆος,...)⁹. Встав на точку зрения Жанмэра, следовало бы ожидать, что как в том, так и в другом случае поэт использует вместо δῆμιος аналогичную форму, образованную от λαός. Этого однако не произошло и объяснить это можно только тем, что именно слово δῆμος, а не λαός или какой-нибудь другой близкий по смыслу термин, было наиболее привычным для Гомера обозначением общины.

Противопоставление общинного и частного ясно читается и в двух других гомеровских терминах: δημογέρων и δημοεργός. Смысловый акцент в каждом из этих двух слов должен стоять, несомненно, на первой их части, поскольку именно добавление основы δημο (δήμιο) выделяет данное лицо из целого ряда других, похожих на него лиц. Так, δημογέρων это — не просто «старец» (допустим, патриарх, глава семьи), но «старец народный», т. е. один из членов общинного совета старейшин (с м. II. III, 149 о семи троянских δημογέροντες, составляющих ближайшее окружение и совет Приама; ср. II. XI, 372). По аналогии и термин δημοεργός, лишь дважды встречающийся в «Одиссее» (XVII, 383 и XIX, 135), может быть понят как обозначение человека, обслуживающего своим трудом всю общину, в противовес тому, кто работает только на себя и на своей земле¹⁰. - Отсутствие в языке

⁹ См. также II. XVII, 250 и Od. VIII, 258 sq.

¹⁰ Демииургами в собственном значении этого слова, особенно близком к его исконному архетипу («слуга общины, получающий за свой труд вознаграждение из общинных же средств») были в гомеровскую эпоху вестники (κήρυκες). См.: Od. XIX, 135: ...κήρυκων, οἳ δημοεργοί σσιν. Ср.: Murakawa K. Demiourgos// Historia. 1957. Bd. VI. H. 4. S. 399 ff., 409 f.; Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Т. I. Доисторический Эгейский мир. М., 1958. С. 356; Finley M. I. The world... С. 56; *Андреев Ю. В. К вопросу о происхождении термина «демииург» // ВДИ. 1979. № 2. С. 110-117.

эпоса терминов, аналогичных по смыслу *δημοῦρων* и *δημοεργός*, но образованных от *λαός*, можно расценивать, как еще одно дополнительное указание на то, что в сознании поэта это слово никак не ассоциируется с понятием общины.

Внимательный анализ гомеровской лексики показывает, что с терминами *δήμος* и *λαοί* в эпосе обычно связываются представления о двух разных типах человеческого сообщества. Основное различие между ними состоит в том, что в то время как в структуре и организации первого из этих сообществ (демоса) конституирующим моментом является определенная территория (на что указывает хотя бы, несомненно, существующая генетическая и семантическая связь между двумя основными значениями термина *δήμος*: территориальным и персональным), в организации сообщества второго типа (лаоса) аналогичную функцию выполняет конкретная человеческая личность — предводитель, военачальник, наконец, царь. В огромном большинстве случаев *λαός* или *λαοί* обозначает в поэмах людей подвластных, т. е. находящихся в постоянной или временной зависимости от того или иного лица, например, воинов, следующих на поле боя за героем-предводителем (II. II, 577, 675; IV, 407; XIII, 492 и др.), подданных того или иного царя (Od. II, 234 = V, 12; IV, 175 sq.; XI, 136 sq. = XXII, 283 sq.; XIX, 114; XXII, 54 и др.), наконец, просто слуг или зависимых людей (II. XI, 676; XVII, 390). Представление о зависимости воинов от военачальника или народа от правящего им царя выражается в эпической речи посредством двух рядов формул. В первый из них входят выражения типа *λαός ἐνμμελίω* *Πριάμοιο* (II. IV, 47; 165; VI, 449; VIII, 552; ср. II. III, 186; Od. IX, 263 и др.). Второй ряд включает в себя эпитеты, характеризующие героев-предводителей: *ποιμήν λαών*, *ορχαμός λαών*, *κοίρανος λαών*, *κοσμήτωρ λαών*, *ἡγήτωρ λαών*. Термин *δήμος* в конструкциях такого рода практически не употребляется¹¹.

¹¹ Единственное известное нам исключение составляет одно место из «Каталога кораблей» (II. II, 547), где Афины названы *δήμων Ἐρεχθίδος* *μεγαλήτορος*. Однако само слово *δήμος* здесь явно употреблено в чисто географическом смысле, а Эрехтей упомянут как первый владелец и,

Сейчас можно сказать с уверенностью, что занимающая столь важное место в эпическом лексиконе пара взаимодополняющих друг друга понятий: «народ-община» (демос) и «народ—войско» (лаос) была унаследована Гомером из древнейшего словарного фонда греческого языка, в основных чертах сложившегося еще во II тыс. до н. э. Уже Вентрис и Чедвик интерпретировали встречающееся в земельных кадастрах пилосского архива выражение *paro damo* как «от деревни» («from the village», с добавочным пояснением: «i. e. From the administration of the common land»)¹². Это толкование с теми или иными модификациями повторяется и в работах других исследователей. Так, Палмер¹³ считает, что слово *damo* в табличках обозначает «одновременно и землю и общину, к ней прикрепленную». Лежен¹⁴ видит в пилосском *damo* «сельскую общину» (*la commune rurale*) и вместе с тем «административный округ с сельскохозяйственным уклоном». В ряде документов того же пилосского архива *damos* выступает в качестве юридического лица, наделенного определенными правами и полномочиями. Он распоряжается какими-то, очевидно, принадлежащими ему земельными фондами, на что указывает формула: «*onato eke paro damo*»¹⁵. По крайней мере, в одном случае *damos* охарактеризован, как одна из сторон, принимающих участие в тяжбе из-за земли. В этой ситуации он наделяется даже даром речи (*damo pasi*, т. е. *φάσι*)¹⁶. Факты такого

возможно, божественный покровитель афинской земли, сам же ею рожденный (намек на хтоническую сущность этого древнего героя).

¹² *Ventris M. and Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1959. P. 390, cp. 233.*

¹³ *Palmer L. R. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxford, 1963. P. 188.*

¹⁴ *Lejeune M. Le dōmos dans la société mycénienne // REG. 1965. T. 78, № 369-370. P. 6, 16. См. также: Pugliese Carratelli G. Dal regno miceneo alla Polis // Dalla tribù allo stato. Roma, 1962. P. 176; Stella L. A. La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965. P. 60 sg.; Maddoli G. Damos e basilees // SMEA. 1970. F. XII. P. 18 ff. Ср.: Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура пилосского общества. М., 1978. С. 249 слл. 165 сл.*

¹⁵ *Ventris M. and Chadwick J. Documents..., тексты № 131, 133, 147.*

¹⁶ Там же, текст № 135.

рода с полной очевидностью свидетельствуют о существовании в Пилосском царстве вполне сложившейся и достаточно четко конституированной общинной организации, хотя многое в ее структуре и характере остается для нас неясным¹⁷.

Термин λαός в своем собственном виде в документах микенской эпохи не встречается ни разу. Известны лишь некоторые производные от него, среди которых наибольший интерес представляет существительное rawaketa, соответствующее, по всей видимости, греч. λα αἰέτας. Общепринятая интерпретация этого термина «предводитель войска», «военачальник», «воевода» перекликается, с одной стороны, с гомеровскими эпитетами типа πομπὴν λαόν, с другой же, с царскими именами вроде Αἰησίλαος, Αρχέλαος и т. п.¹⁸ Микенское λαός, таким образом, должно было иметь то же самое значение, которое в огромном большинстве случаев имеет и эпическое λαός: «воины», «войско»¹⁹.

Преемственная связь гомеровского δῆμος с микенским damo не вызывает сомнений. В обоих случаях (как в эпической речи, так и в языке табличек) этот термин имеет ясно выраженную территориально-географическую окраску, обозначая, прежде всего, землю, а потом уже проживающих на ней людей. На это

¹⁷ Ср.: Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура... С. 265 сл.

¹⁸ Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.-Л., 1957. С. 216 сл.; Ventris M. and Chadwick J. Documents... P. 407; Palmer L. R. The Interpretation... P. 92 f., 452; Stella L. A. La civiltà micenea... P. 53. Ср.: Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура... С. 223.

¹⁹ Многие западные авторы противопоставляют друг другу лавос и дамос микенских текстов как два разных общественных класса: «военный» и «гражданский». В своей основе эта концепция восходит к уже известной нам теории Жанмэра (см. выше, прим. 5) и представляется нам столь же беспочвенной, как и эта последняя. См.: Pugliese Carratelli G. Dal regno... P. 176; Lejeune M. Le δμός dans... P. 4 ss.; Heubeck A. Gedanken zum griechischen λαός // Studi linguistici in onore di V. Pisani. Brescia, 1969. P. 539. Ср.: Wundsam K. Die politische und soziale Struktur in den mykenischen Residenzen nach den Linear B Texten. Wien, 1968. S. 161; Pisani V. Munera parva. I // Gedenkschrift Brandenstein. Innsbruck, 1968. S. 124 f.; Maddoli G. Damos... P. 42 ff.; Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура... С. 250.

указывает и его этимология²⁰ (скорее всего, от древнего полузабытого δα — «земля»), и его конкретное лексическое употребление, обычно обнаруживающее отсутствие четкой смысловой грани между его территориальным и личностным аспектами²¹. Очень похоже, что, несмотря на отделяющий поэмы Гомера от микенских текстов почти пятивековой исторический промежуток, слово δῆμος в принципе не изменило за это время своего значения и как там, так и здесь ассоциируется с одним и тем же типом общины, который мы можем определить как общину соседскую, или сельскую. Предположение это, однако, может быть принято лишь с одной существенной оговоркой: тогда как гомеровский демос, судя по всему тому, что нам о нем известно, представлял собой абсолютно суверенный, ни от кого и ни от чего не зависящий социальный организм, предшествующий ему микенский дамос был лишь одной из многочисленных составных ячеек в сложной многоступенчатой конструкции бюрократического государства²². Из этого основного различия между двумя формами общины²³ вытекают и некоторые другие их особенности, но о них речь пойдет в следующих разделах нашей работы.

²⁰ Это слово сохранилось только в дорийском варианте имени Деметры — Δαμάτηρ и в одной из эпиклез Посейдона — ννοσίδαις (вместо более обычного ννοσίγαιος, ἐννοσίχθων). См.: Kretschmer P. Demeter // Wiener Studien. 1902. Bd. 24. S. 523 ff.; Durante M. Etimologie greche. II // SMEA. 1970. Fase. XI. P. 49 ff. Менее оправданы попытки связать δῆμος с гл. δαίωμα («делить»). См.: Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1960, s. v. δῆμος; Chantraine P. Dictionnaire etymologique de la langue grecque. T. I. Paris, 1968. P. 274.

²¹ Территориальный аспект микенского damo особенно ясно выступает в производных от него антропонимах: ekedamo (Ἐκέδδαμος), eudamo (Εὐδαμος), eurdamo (Εὐρύδαμος). См.: Lejeune M. Le δμός dans... P. 1 ss.

²² Существование в Пилосе, Кноссе и других микенских царствах единого общегосударственного дамоса, т. е. народного собрания, объединявшего в своем составе все свободное население локальных общин, остается пока недоказанным. Ср.: Лурье С. Я. Язык и культура... С. 223 сл.; Lejeune M. Le δμός dans... P. 16 ss.; Maddoli G. Damos... P. 47.

²³ В общеисторическом плане это различие может быть определено как различие между первобытной общиной и крестьянской (сельской) общи-

2. Гомеровская система землевладения

Признав гомеровский демос одной из разновидностей территориальной сельской общины, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом об отношении этой общины к ее собственной территории или, говоря более конкретно, о свойственных ей формах земельной собственности. Вопрос этот уже давно является предметом острой дискуссии. Начатая еще в 80-90-х гг. XIX века работами Лавеле, Риджуэя, Эсмейна и других приверженцев так называемой «общинной теории», против которых немедленно сплотились под лозунгом «извечности и незыблемости принципа частной собственности» почти все крупнейшие авторитеты европейской науки, она до сих пор еще не может считаться законченной и время от времени напоминает о себе новыми вспышками ожесточенной полемики²⁴. Крайняя противоречивость суждений,

ной, существующей в условиях классового общества. См.: Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 12 сл.

²⁴ Краткий обзор начальных этапов дискуссии дает *Oertel Fr. Anhang zu R. Pöhlmanns Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. Bd. II. München, 1925. S. 574*. Некоторые историки, отвергая для гомеровского периода коллективную собственность в масштабе общины, допускают ее существование в масштабе рода (γένος). Сам род при этом сплошь и рядом смешивается с патриархальной семьей. См.: *Fustel de Coulanges N. D. Recherches sur le droit de propriété chez les grecs. Nouvelles recherches. Paris, 1891; Guiraud P. La propriété foncière en Grèce. Paris, 1893. P. 46 ss.; Glotz G. La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. Paris, 1904. P. 327 ss. Ср.: Пёльман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910. С. 12; Busolt G. Griechische Staatskunde. I. S. 142 f; Weiss E. kollektiveigentum // RE. Bd. XI. Stuttgart, 1922. S. 1087. Из новейшей литературы особого внимания заслуживают: *Finley M. I. Homer and Mycenae...; Will Ed. Aux origines du régime foncier grec: Homère, Hésiode et l'arrière plan mycénien // REA. 1957. T. 49; Томсон Дж. Исследования по истории... С. 299 сл; Richter W. Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter// Archaeologia Homerica. Bd. II. Kap. H. Göttingen, 1968; Свенцицкая И. С. Некоторые проблемы землевладения по «Илиаде» и «Одиссее» // ВДИ. 1976. № 1; Andreev J. V. Die homerische Gesellschaft. III. Zum Problem des homerischen Bodeneigentumes // Klio. 1988. Bd. 70. H. 1. S. 27-40.**

высказывавшихся в ходе этой дискуссии, обусловлена не только различием теоретических и методологических позиций, занимаемых ее участниками, но и чрезвычайной скудостью и фрагментарностью той конкретной информации, которой снабжает нас наш основной источник. Не так уж трудно убедиться в том, что спор ведется в основном вокруг очень немногочисленных и теперь уже известных наперечет пассажей «Илиады» и «Одиссеи», сам текст которых допускает подчас совершенно противоположные толкования. Не вдаваясь в детальный разбор аргументации спорящих сторон и не ставя перед собой никаких априорных задач, попытаемся привести в систему весь имеющийся в нашем распоряжении фактический материал с тем, чтобы таким образом приблизиться, насколько это будет возможно, к правильному его пониманию.

Основной формой землепользования, известной Гомеру, был, по всей видимости, семейный надел, или клер (II. XV, 498; Od. XIV, 63; ср. Od. XI, 490; XIV, 211). Сам термин κλήρος показывает, что участки, носившие это название, по крайней мере, первоначально распределялись с помощью жеребьевки. В том единственном во всем эпосе случае, когда поэт прямо ссылается на эту процедуру, она отнесена ко временам весьма отдаленным и непосредственно связана с самим моментом основания полиса (Od. VI, 10: ἐδάσσατ' ἀρούρας — об основателе города феаков Навситое). Попытки найти в тексте поэм какие-либо указания на обычай повторных переделов земли в масштабах общины до сих пор не увенчались успехом.

Со времен Риджуэя и Пёльмана в центре внимания историков, занимающихся проблемой гомеровского землевладения, неизменно остается любопытная сцена из XII песни «Илиады» (421 слл.), изображающая двух мужей, которые «с мерой в руках ведут спор из-за границ (или межей) на общем поле» (ὥς τ' ἄμφ' οὔροισι δὴ ἀνέρε δηριάσθων, μέτρ' ἐν χερσίν ἔχοντες, ἐπιξύν ἐν ἀρούρη, ὡ τ' ὀλίγῳ ἐνὶ χώρῳ ἐρίζητον περὶ ἴσης,...). Главным «камнем преткновения» является в этом отрывке выражение ἐπιξύν ἐν ἀρούρη, допускающее самые противоречивые истолкования. В то время как одни авторы (приверженцы теории общинного земле-

владения)²⁵ настаивают на том, что поэт хотел изобразить один из эпизодов общего передела земли и, следовательно, имел в виду общинное поле, которое пытаются поделить между собой два спорящих мужа, другие²⁶ считают, что под «общим полем» здесь следует понимать просто два смежных участка земли, находящихся в частном владении и имеющих общую границу, из-за которой и возник спор²⁷. Едва ли есть смысл продолжать эту и без того уже затянувшуюся дискуссию. В сущности, изображенная здесь Гомером конкретная ситуация совместима с любой формой парцеллярного крестьянского хозяйства независимо от того, основана она на принципе частной собственности или же собственности коллективной, общинной, поскольку земельная теснота и, как ее прямое следствие, напряженные, даже враждебные отношения между владельцами соседних участков, нередко выливающиеся в открытые столкновения, остаются неизменными спутниками земледельческой общины на всех основных этапах ее развития.

Едва ли может служить ключом к решению проблемы гомеровского землевладения также и другой спорный пассаж «Илиады» — известное описание пахоты, открывающее панораму сельских работ, изображенных Гефестом на щите Ахилла

²⁵ Ridgeway W. The Homeric Land System // JHS. 1885. Vol. 6. P. 320 ff.; Esmein A. La propriété foncière dans les poèmes homériques // Nouveau revue historique de droit français et étranger. 1890. T. 14. P. 821 ss.; Leaf W. (ed.) The Iliad. Vol. I. London, 1900. Ad loc. (P. 554); Тюменев А. И., Гомеровская Греция и разложение родового строя // История древнего мира. Под ред. С. И. Ковалева. Т. II. Ч. I. М., 1936. С. 127, прим. 1; Лурье С. Я. История Греции. Л., 1940. С. 70; Will Ed. Aux origines... P. 6 s.; Томсон Дж. Исследования по истории... С. 299 слл.

²⁶ Пёльман Р. История античного коммунизма... С. 15; Guiraud P. La propriété... P. 39; Finsler G. Homer. T. I. Der Dichter und seine Welt. Leipzig-Berlin, 1914. S. 201; Nilsson M. P. Homer and Mycenae. London, 1933. P. 242; Finley M. I. Homer and Mycenae... P. 153; Richter W. Die Landwirtschaft... S. 13.

²⁷ Еще один вариант толкования этой сцены — ссора между родственниками при разделе наследства — предлагает Свенцицкая И. С. Некоторые проблемы... С. 57.

(II. XVIII, 541 сл.). Некоторые авторы²⁸ усматривают в этой сцене прямой намек на коллективную обработку земли по системе так называемых «открытых полей» (open fields) на том лишь основании, что поэт говорит здесь о «многочисленных пахарах» (πολλοὶ ἀροτῆρες), работающих на одном поле. Однако, даже если это, действительно, так и место не может быть понято по-другому, сам по себе факт совместной распашки индивидуальных наделов еще ни о чем не говорит, поскольку такая форма соседской взаимопомощи во многих местах оставалась в обычае вплоть до очень позднего времени, сосуществуя с давно уже утвердившейся частной собственностью на землю²⁹.

Каков бы ни был скрытый подтекст этих двух пассажей, одно не подлежит сомнению: к тому времени, когда были созданы гомеровские поэмы, типичная для первобытной общины система коллективного землепользования в любой ее форме, будь то совместная, силами всей общины распашка общего поля, или же периодические переделы земли, успела уже давно отойти в область предания. На это указывает прежде всего достаточно ясно выраженное в эпосе отношение к клеру, как к наследственному имуществу семьи, которое в обычных условиях переходит непосредственно от отца к сыну без чьего-либо постороннего вмешательства. Именно так, как нам думается, следует понимать примечательные слова Гектора (II. XV, 495 sqq.), с которыми он обращается к троянским воинам, призывая их погибнуть в сра-

²⁸ Ridgeway W. The Homeric Land System. P. 336 f.; Esmein A. La propriété... P. 833 s.; Leaf W. (ed.) The Iliad. Vol. II. London, 1902. Ad loc. (P. 309); Лурье С. Я. История Греции. С. 70.

²⁹ Finster G. Homer... S. 201; Finley M. I. Homer and Mycenae... P. 155. Местом действия в сцене пахоты является, по всей видимости, так же как и в следующей за ней сцене жатвы (см. там же, 550 слл.), царский темен. Как справедливо заметил в свое время Пёльман (Пёльман Р. История античного коммунизма... С. 17), смысл чередования картин сельской жизни в третьем круге щита Ахилла состоит отнюдь не в изображении разных форм землевладения (общинное поле, царское поле и т. д.), а в показе различных видов сельскохозяйственных работ, чередующихся в зависимости от времени года и характера земельных угодий. См. также: Richter W. Die Landwirtschaft... S. 9 f.

жении, но не уступить врагу: «Ведь не бесславно он (т. е. тот из троянцев, кому суждено сложить голову в предстоящей битве — **Ю. А.**) падет, защищая отчизну, ибо супруга его и дети будут спасены, а дом и надел останутся невредимыми (καὶ οἶκος καὶ κλήρος ἀκίρατος), если ахейцы отплывут на кораблях в милую отеческую землю». Нам представляется слишком натянутым предлагаемое некоторыми авторами³⁰ толкование этих строк в духе «общинной теории»: Гектор — полагают они — от лица всех троянцев гарантирует идущим в сражение воинам, что их наделы останутся неприкосновенными в случае их смерти и перейдут к их сыновьям, хотя существовавший в то время обычай требовал, чтобы после смерти временного владельца надела он снова поступал в распоряжение общины. Следуя этой логике, мы должны были бы признать, что жены и дети также вручались троянцам лишь во временное пользование, а после их кончины «отходили в казну». В действительности, слова эти имеют прямо противоположный смысл: имущество погибших перейдет, как тому и надлежит быть, к их законным наследникам, ибо самой своей смертью они спасут его от рук врага. Весьма показательно для правосознания гомеровской эпохи то, что семья, дом и надел выступают здесь в неразрывном единстве как целостная хозяйственная ячейка³¹. Уже само по себе это обстоятельство может свидетельствовать об определенной тенденции к закреплению земельных наделов за отдельными семьями.

Забота о наследнике, которому можно было бы завещать на смертном одре не только дом со всем находящимся в нем имуществом, но и землю, составляет один из главных предметов дум и чаяний гомеровских героев. Успокаивая озабоченную судьбой Телемаха Пенелопу, Еврикля заверяет ее, что боги еще не совсем отвернулись от рода Аркесиадов и что непременно «останется кто-нибудь (из них), кому достанется дом с высокой крышей и тучные поля вдалеке» (Od. IV, 754 sqq.). Для человека

³⁰ Ridgeway W. The Homeric Land System. P. 331; Leaf W. (ed.) The Iliad. Vol. II. ad loc. (P. 137). Ср.: Weiss E. Kollektiveigentum... S. 1088.

³¹ Wirtschaftseinheit (Richter W. Die Landwirtschaft... S. 10 f.).

преклонного возраста нет ничего страшнее, чем пережить гибель сына, прямого наследника, ибо имущество, оставленное бездетным владельцем, достается чужим (Il. V, 153 sqq.: χηρῶσταί δὲ διακτῆσιν δατέοντο)³².

Судя по некоторым намекам, встречающимся в тексте поэм, неделимость семейного имущества при жизни главы семейства была общим правилом, действовавшим в гомеровском обществе (так можно понять, например, Od. II, 21 sq.; ср. Il. VI, 242 sq.). В случае смерти отца сыновья, если их было несколько, делили между собой как движимое, так и недвижимое имущество посредством жребия, так как принцип майората был, по-видимому, еще незнаком грекам того времени³³. О том, что дело обстоит именно таким образом, свидетельствует любопытный эпизод, включенный поэтом в одну из вымышленных историй Одиссея (Od. XIV, 208 sq.). Выдающий себя за критского пирата и авантюриста герой рассказывает Евмею о том, как его обделили при разделе отцовского наследства. Будучи незаконнорожденным сыном богатого и знатного критянина Кастора Гиладель, он получил от своих сводных братьев лишь самую малую часть оставленного отцом имущества — очевидно, небольшой участок земли с домом (τοί δὲ ζῶντες ἐδάσαντο παῖδες ὑπέρθυμοι καὶ ἐπὶ κλήρους ἐβάλοντο, αὐτὰρ ἐμοὶ μάλα παῦρα δόσαν καὶ οἶκον ἐνεῖμαν). Однако смелый и предприимчивый бастард незамедлительно нашел выход из этого трудного положения, взяв в жены девушку из богатой семьи, букв. «из людей, владеющих многими наделами» (ἡγαγόμεν δὲ γυναῖκα πολυκλήρων ἀνθρώπων). Счастливая раз-

³² Значение термина χηρῶσταί устанавливается весьма приблизительно по контексту этого места «Илиады». Судя по всему, имеются в виду ближайшие родственники или сородичи, которым по обычаю принадлежало право опеки и наследования выморочного имущества (Leaf W. (ed.) The Iliad. Vol. I. ad loc. (P. 205).

³³ Keller A. G. Homeric Society. London-Bombay, 1902. P. 197. Некоторые авторы, впрочем, склонны думать, что первоначально семейное имущество оставалось неделимым также и после смерти главы семейства. Так, Guiraud P. La propriété... P. 54 s.; Пельман Р. История античного коммунизма... С. 12; Glotz G. Histoire grecque. T. I. Paris, 1925. P. 120, ср.: 131 s.

вязка этой истории показывает, что к наследованию семейного имущества и, в частности, земли допускались и женщины, хотя в данном случае речь, по-видимому, идет об эпиклере, т. е. единственной наследнице всего отцовского состояния³⁴.

Самого пристального внимания заслуживает использованное поэтом в этом пассаже и нигде более не встречающееся выражение *πολύκληροι άνθρωποι*. Эпитет *πολύκληρος* достаточно ясно показывает, что в гомеровской общине уже появились состоятельные люди, владения которых сильно превышали обычную норму семейного землепользования, включая в свой состав несколько или даже много наделов³⁵. Отдельные примеры крупного (разумеется, по гомеровским понятиям) землевладения встречаются и в других частях эпоса (см. II. V, 613; XI, 67 sq.; XXIII, 832). Логически рассуждая, мы должны ожидать появления на противоположном полюсе той же социальной системы некоторого количества людей, вообще лишенных наделов. Наши ожидания подтверждает известная сентенция Ахилла (Od. XI, 490), которую он произносит, уже находясь в Аиде, о том, что лучше «быть поденщиком у безнадельного мужа, не обладающего избытком жизненных средств (*ἀνδρὶ παρ' ἀκλήρῳ, φ' μή βίωτος πολὺς εἶη*,...), чем властвовать над всеми... мертвыми». О том, что в недрах гомеровского общества уже шел достаточно интенсивный процесс обезземеливания и пауперизации рядовых общинников, свидетельствуют эпизодически возникающие на страницах поэм фигуры нищих, бродяг, переселенцев (метанастов), поденщиков (фетов) и им подобных (с м. II. IX, 648; XVI, 59; Od. IV, 644; XI, 489; XIV, 58, 102; XVII, 376 sq.; XVIII, 1 sqq.; 357 sqq. и др.)³⁶.

Разумеется, нелегко судить о подлинных масштабах этого про-

³⁴ Пёльман Р. История античного коммунизма... С. 21.

³⁵ Там же. С. 21; Свенцицкая И. С. Некоторые проблемы... С. 55. Ср.: Ridgeway W. The Homeric Land System. P. 332 f.; Will Ed. Aux origines... P. 23, n. 1.

³⁶ Hasebroek J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931. S. 22 ff.; Richter W. Die Landwirtschaft... S. 11; Finley M. I. The world... P. 57 f.

цесса, основываясь лишь на разрозненных и не всегда точных указаниях эпического поэта. Тем не менее уже простое упоминание автора «Одиссеи» о «многонадельных» и «безнадельных мужах», наводит на мысль о довольно высокой внутренней мобильности основного земельного фонда гомеровской общины. Очевидно, переходы семейных наделов из одних рук в другие стали в это время обычным явлением³⁷. Все запреты на отчуждение земли, даже если они существовали в предшествующий период, теперь перестали действовать. Внутри общины шла упорная непрекращающаяся борьба за землю. То и дело вспыхивали ожесточенные распри между владельцами смежных участков, каждый из которых стремился расширить свой надел за счет соседа, перемещая межевые камни или прибегая к другим уловкам³⁸. Одну из таких конфликтных ситуаций, возможно, изображает уже упоминавшееся сравнение в II. XII, 421 sqq. Семья, лишившаяся со смертью отца единственного кормильца и защитника, легко могла лишиться и надела. Красноречивое тому свидетельство — известные строки из «Плача Андромахи», рисующие горестную судьбу, которая ожидает маленького Астианакта после кончины его отца Гектора (II. XXII, 488 sq.): «Вечные ожидают его труды и заботы, ибо чужие (люди) отнимут у него поле» (*ἄλλοι γὰρ οἱ ἀλουρίσσουσιν ἀρούρας*). Неясно, кто такие эти «чужие» (это могли быть и родственники осиротевшей семьи, претендующие на оставленное по-

³⁷ «Многонадельный муж» мог уступить часть своей земли какому-нибудь другому лицу, например, рабу или слуге. Так, Одиссей может наградить Евмея за его усердие и преданность домом, участком земли и красивой женой (Od. XIV, 62 sqq.: ...καὶ κτήσιν ὀλασσεύ, ...ὁ χόν τε κλήρόν τε πολυμήστῃν [*εὐμορφόν*] τε γυναῖκα,...). Заметим, как далеко отступает здесь понятие клера от своего первоначального значения. Теперь это — уже не надел свободного и полноправного общинника, а любой участок земли, который может принадлежать любому же лицу.

*В издании Стенфорда этого слова нет. — Л. III.

³⁸ В идеале межевой камень должен был вечно оставаться на своем месте, символизируя незыблемость владельческих прав семьи. Сдвинуть его с межи могла безнаказанно лишь рука божества (с м. II. XXI, 403 sqq.). В реальной жизни такие перемещения, конечно, происходили достаточно часто. Ср.: Richter W. Die Landwirtschaft... S. 10 f.

гибшим наследство, и просто соседи) и на каком основании могут они захватить не принадлежащий им надел. Совершенно очевидно лишь одно: Андромаха предрекает своему сыну безотрадную участь «безнадельного мужа».

Можно предполагать, что помимо насильственного захвата поэту были известны и другие «более гуманные» способы присвоения чужой земли, в том числе и такие, как покупка или взятие в заклад. Правда, такого рода операции с землей нигде в эпосе прямо не зафиксированы. Нельзя, однако не считаться с тем, что проникновение в поэмы социально-экономической информации такого плана было затруднено самой спецификой образцовых произведений героического жанра. Уже для Гесиода, который, по-видимому, может считаться младшим современником создателя «Одиссеи», такие сделки, как купля-продажа земли, были делом хорошо знакомым и привычным (Орега, 341)³⁹.

Малоземелье и порожденная им ожесточенная борьба за землю создавали внутри гомеровской общины крайне напряженную, чреватую взрывом обстановку. Поиски выхода из создавшегося положения неизбежно должны были привести людей того времени к мысли о необходимости выявления и освоения новых земель как на своей собственной территории, так и за ее пределами. Как было уже замечено, интенсивная внутренняя колонизация, во многих местах уже перераставшая в колонизацию внегреческую, заморскую, может считаться одной из наиболее характерных примет социально-экономической жизни гомеровского периода, особенно в заключительной его фазе — в VIII в. до н. э. В самом эпосе два основных этапа этого по существу единого процесса воплощены в образах двух тесно связанных между собой персонажей. Если в Одиссее — главным героем второй гомеровской поэмы нетрудно увидеть собирательный образ первого поколения греческих колонистов — отважных авантюристов и мореплавателей, начинав-

ших освоение сопредельных с Грецией районов Средиземноморья, то вместе с его отцом — старцем Лаэртом мы вступаем в атмосферу сурового, будничного труда греческих крестьян-земледельцев, руками которых были расчищены от камней и кустарника обширные пустоши и залежные земли, отделявшие зону человеческого обитания от дикого и необжитого мира гор и лесов.

«Прекрасно устроенное поле» Лаэрта, расположенное где-то вдали от города, поэт избирает местом действия для завершающих поэму событий. Здесь же попутно выясняется, что Лаэрт «сам приобрел» этот участок земли, «потратив много трудов» (Od. XXIV, 206 sq.: ὅν ῥά ποτ' αὐτὸς Λαέρτης κτεάτισσεν, ἐπεὶ μάλα πῶλλ' ἐμόγησεν). Сама конструкция этой фразы ясно показывает, что личный труд приобретателя расценивается здесь как необходимая предпосылка и условие приобретения. Ясно также, что имеется в виду отнюдь не самый привычный для гомеровского аристократа вид труда — война или пиратство, но тяжелый и неблагодарный труд земледельца⁴⁰. Финли замечает по этому поводу: «...В эпоху, следующую за первоначальным расселением, когда набеги, наследование и обмен дарами были самыми обычными способами приобретения, Лаэрт сделал нечто необычное: он трудился для того, чтобы расчистить еще нетронутую землю»⁴¹. Английский историк не объясняет, что же вынуж-

⁴⁰ Говоря о «мучениях» (πῶτα), доставшихся на долю Лаэрта (Od. I, 190 sqq.), поэт, как это ясно видно из контекста, подразумевает под ними не столько душевные терзания всеми покинутого старца, сколько тот тяжелый и унизительный труд, которым он вынужден заниматься на своем участке, доходя до полного изнурения. См.: Ameis K. Fr.—Hentze C. (Hrsg.) Homers Odyssee. Bd. I. Leipzig, 1879. ad loc. (S. 15); Nilsson M. P. Homer... P. 232.

⁴¹ Finley M. I. Homer and Mycenae... P. 154. Финли полемизирует здесь с теми авторами, которые усматривают в этих строках «Одиссеи» намек на существование в гомеровском обществе общинной собственности на землю. См. также: Пёльман Р. История античного коммунизма... С. 19; Richter W. Die Landwirtschaft... S. 12; Свенцикая И. С. Некоторые проблемы... С. 59. Ср.: Ventris M. and Chadwick J. Documents... P. 233; Guiraud P. La propriete... P. 95.

³⁹ Ср.: Will Ed. Aux origines... P. 13 ss.

дило печального старца обратиться к столь необычному виду хозяйственной деятельности⁴² (заметим мимоходом, что необычным он мог быть в то время только для аристократа и вообще богатого человека, для тысяч же греческих крестьян, задыхавшихся от страшной земельной тесноты, это было как раз весьма обычное и, более того, необходимое условие существования). А между тем в общем контексте «Одиссеи» как бы невзначай оброненные слова αὐτός... κτεάτισσεν приобретают особый, можно сказать даже, трагический смысл. Чтобы исчерпать до конца все горести и унижения, доставшиеся на долю главного героя поэмы, Гомер превращает его самого (разумеется, только на время) в нищего бродягу, а его старого отца делает жалким изгоем и отщепенцем, ютящимся, как и все люди этого сорта, «на краю поля»⁴³, т. е. на «ничьей земле», окаймляющей со всех сторон основную территорию общины. Выброшенный волею судеб из привычной для него социальной среды, лишенный всех благ и привилегий, отличающих природного аристократа, а, тем более, человека царского рода от простолюдина, Лаэрт вынужден сам «в поте лица своего» добывать себе пропитание. Клочок земли, ценою тяжких трудов и неустанных забот отвоеванный у пустоши, — единственное его достоинство.

Впрочем, в идеальном мире эпической действительности горестная судьба Лаэрта оказывается не более чем досадным отклонением от нормы. Как правило, заботу о материальном содержании царей и «лучших мужей» берет на себя сама община. Среди других почестей (γέρατα) им вручается также так называ-

⁴² Причины, вызвавшие отшельничество Лаэрта, остаются в «Одиссее» нераскрытыми. Весьма возможно, что в отсутствие Одиссея, он был отстранен от власти и лишен принадлежавшей ему «царской почести» вместе с земельным наделом. В этом случае у Одиссея был бы еще один и весьма важный с точки зрения патриархальной аудитории эпического поэта побудительный стимул к расправе с женихами — месть за отца. Ср.: Finley M. I. The world... P. 86 f.

⁴³ Ср.: Od. V, 489 о человеке, живущем γροο ἐπ' ἐσχατι ζ, φ μὴ π ρα γείτονες ἄλλοι,...

емый «темен» (τέμενος), т. е. особый надел отборной земли. Несколько таких случаев описано в «Илиаде». Так, ликийцы награждают Беллерофонта за его победу над Химерой и другие деяния «превосходным наделом, состоящим из садовой земли и пашни» (Il. VI, 194 sqq.: ...τέμενος τάμον ἐξοχὸν ἄλλων, καλὸν φυταλῆς καὶ ἀρούρης, οφρα νέμοιτο)⁴⁴. Примерно теми же словами описывается в другом месте темен, который обещают Мелеагру этолийские старцы в том случае, если он отречется от гнева и отразит куретов от стен Калидона (Il. IX, 576 sqq.), также темен, которым троянцы могут наградить Энея, если он одолеет Ахилла, на что иронически намекает сам Ахилл (Il. XX, 184 sqq.). К этим трем эпизодам логически примыкает еще один часто цитируемый пассаж «Илиады» — знаменитое обращение Сарпедона к Главку, в котором ликийский герой призывает своего кузена и сопровителя смело идти на врага, напоминая ему о тех почестях, которыми подвластные им ликийцы вознаграждают своих предводителей за их доблесть и воинскую отвагу (Il. XII, 310 sqq.). Среди этих почестей особое место занимает опять-таки темен, которым оба героя владеют, по-видимому, совместно (καὶ τέμενος νέμομεθα μέγα Ξάνθοιο παρ' οὔθας, καλὸν φυταλῆς καὶ ἀρούρης πυροφόροιο).

Едва ли случайно, что в каждом из этих четырех пассажей «Илиады» в роли верховного собственника земли, от которого герой получает причитающийся ему надел, выступает некий человеческий коллектив, определяемый весьма условно этническим: «ликийцы», «троянцы», «этолийцы»⁴⁵. Уже одно это обстоятельство наводит на мысль о том, что Гомеру была известна

⁴⁴ Вместе с теменом к Беллерофонту переходит и половина «почести» царя ликийцев Иобата, который, по-видимому, сделал героя своим сопровителем (δοῖε δὲ οἱ τῆς βασιλίδος ἦμισιν λάσσης). Таким образом, здесь, как, впрочем, и в некоторых других местах, понятие темена теснейшим образом увязано с понятием царской власти. Ср.: Il. XX, 180 sqq.

⁴⁵ По крайней мере, одно из этих трех сообществ — троянцы — постоянно обозначается в поэме термином δῆμος, что указывает скорее на территориальную общину в гомеровском смысле слова, чем на племя. Ср.: Свенцицкая И. С. Некоторые проблемы... С. 57.

какая-то форма общинной собственности⁴⁶. Заслуживает внимания также и то, что во всех этих случаях речь идет об уже обработанной и, вероятно, даже засаженной или засеянной земле, из чего следует, что в распоряжении общины имелся особый резервный фонд, включавший отборную землю, пригодную для разведения различных сельскохозяйственных культур и обрабатывавшуюся на коллективных началах совместным трудом общинников. Из этого фонда, по-видимому, и «вырезывались» наделы для лиц, оказавших общине особые услуги и в силу этого занимающих в ней особое положение⁴⁷.

Известную настороженность вызывает то обстоятельство, что, как правило, мотив вручения темена возникает в «Илиаде» в сугубо мифологическом контексте, судя по всему, чуждом окружающей поэта действительности. В некоторых случаях (эпизоды с Беллерофонтом и Мелеагром) эта остраненность происходящего подчеркнута самим перенесением действия в далекое легендарное прошлое⁴⁸. Но даже и там, где описываемые события локализованы в эпическом «теперь» (столкновение Ахилла с Энеем), поэт ясно дает понять, что речь идет о чем-то из ряда вон выходящем, о награде за подвиг, требующий необыкновен-

⁴⁶ Ridgeway W, The Homeric Land System. P. 335 f; Esmein A. La propriete... P. 838; Finsler G. Homer... S. 201; Weiss E. Kollektiveigentum... S. 1092 ff; Томсон Дж. Исследования по истории... С. 329 сл.; ср.: Пёльман Р. История античного коммунизма... С. 20; Finley M. I. Homer and Mysenae... P. 148 ff; Richter W. Die Landwirtschaft... S. 9 f; Свенцицкая И. С. Некоторые проблемы... С. 57 сл.

⁴⁷ Используемое Гомером выражение τέμενος τάμειν (II. VI, 194; XX, 184) или τέμενος ταμέσθαι (II. IX, 578 sqq.) показывает, что первоначальное значение термина (букв. «вырезанное», подразумевается «из общей земли») было еще живо в сознании людей гомеровского времени. Ср.: Finley M. I. Homer and Mysenae... P. 149; Manessy-Guitton J. Temenos // Indogermanische Forschungen. 1966. Bd. 71. S. 14 ff.

⁴⁸ Локализация, по крайней мере, трех эпизодов из четырех, отмеченных выше, в негреческих варварских землях, на наш взгляд, не имеет какого-либо принципиального значения. Все четыре темена описываются одними и теми же словами, с помощью стандартных эпических формул. В них нет ничего специфически ликийского или троянского. Ср.: Finley M. I. Homer and Mysenae... P. 150; Свенцицкая И. С. Некоторые проблемы... С. 58.

ной доблести. Все это дает основание интерпретировать эпизоды, связанные с теменом, как мифологизированные реминисценции какой-то отдаленной исторической эпохи (возможно, микенского или еще более раннего времени). Как думает Свенцицкая⁴⁹, реминисценции эти могут «отражать действительное происхождение землевладения знати у ряда племен». Однако к исторической действительности собственно гомеровского периода они, по-видимому, не имеют прямого отношения.

Показательно, что во второй гомеровской поэме, дающей, как принято думать, гораздо более адекватное, приближенное к реальной жизни представление о современном поэту хозяйственном и бытовом укладе, нежели щедро насыщенная архаизирующими мотивами «Илиада», ситуации такого рода практически уже не встречаются. Тем не менее само понятие темена хорошо знакомо также и автору «Одиссеи». Среди действующих лиц поэмы теменами определенно владеют лишь двое: Одиссей и Алкиной (Od. VI, 293; XVII, 299). Финли находит странным то обстоятельство, что «в бесконечных разговорах о судьбе имущества Одиссея никто ни разу не упоминает о его темене»⁵⁰. Пожалуй, еще более странным следует признать тот факт, почему-то ускользнувший от внимания английского историка, что участники этих бесед практически, если оставить в стороне два исключения, о которых надо говорить особо, почти не касаются и чрезвычайно важного для нас вопроса о царской власти Одиссея. Однако там, где этот вопрос все же ставится, с ним тесно увязывается в прямой или косвенной форме и вопрос о темене как одном из важнейших атрибутов царского сана.

Как главный составной элемент «царской почести» (γέρας) Одиссея темен упоминается в любопытном эпизоде встречи героя с тенью его матери Антиклей (Od. XI, 184 sq.). Косвенный намек на эту важную привилегию угадывается также в исполненной глубокого смысла сцене беседы Телемаха с предводителями женихов (Od. I, 367 sqq. и особенно 391 sqq.). Оба эти эпизода

⁴⁹ Свенцицкая И. С. Некоторые проблемы... С. 57 сл.

⁵⁰ Finley M. I. Homer and Mysenae... P. 150.

еще будут предметом нашего специального рассмотрения (см. с 310 сл.). Сейчас же отметим лишь то, что в представлении автора «Одиссеи» темен является не более, чем условным владением, которое дается и, по-видимому, также и отбирается только вместе с царской властью⁵¹. В этом плане темен принципиально отличен от личного имущества басылея, которое никогда и ни при каких обстоятельствах не может быть у него отобрано. Телемах допускает, что может лишиться «царской почести», которая некогда принадлежала его отцу, но зато абсолютно уверен в нерушимости своих владельческих прав на отцовский дом и находящееся в нем имущество (Od. I, 394 sqq.)⁵². По существу, та же самая мысль, хотя и в несколько иной форме, выражена в приветственных словах, с которыми Одиссей обращается к собравшимся в доме Алкиноя феакийским басылеям (Od. VII, 149 sqq.): «Пусть каждый (из вас) передаст сыновьям имущество, хранящееся в доме, и почесть, которую даровал ему народ» (γέρας θ' δ τι δῆμος ἔδωκεν). Темен, таким образом, мог перейти к прямому наследнику басылея вместе с другими его богатствами, но мог попасть и «в чужие руки» (само пожелание Одиссея содержит в себе косвенный намек на такую возможность). В конечной инстанции решение этого вопроса зависело, как ясно следует из этого места, от «воли народа», который вручал царям их «почести», но мог при случае и затребовать их обратно.

Все эти факты свидетельствуют о том, что темен не был для Гомера просто отвлеченным понятием, слабым отзвуком давно минувшей эпохи. И в современном поэту греческом обществе земельные владения знати в значительной своей части все еще воспринимались как добровольное пожалование народа своим царям и военачальникам. Разумеется, в условиях быстро прогрессирующего социального расслоения общины, когда реальная политическая власть сосредотачивалась в руках наиболее

могущественных аристократических родов, что не могло не привести к полному извращению основных принципов первобытного народовластия, эта древняя правовая норма легко могла превратиться в формальный предлог для насильственного захвата и перетасовки общинной земли в среде самой правящей знати. Некогда существовавшие в каждой общине резервные земельные фонды, по-видимому, давно уже разошлись по рукам и лишь время от времени перераспределялись в зависимости от сложившегося в данный момент соотношения сил между наиболее влиятельными аристократическими фамилиями. Темен, таким образом, уже начал в это время превращаться в наследственную привилегию знатной семьи (впрочем, так же, как и тесно связанная с ним царская власть)⁵³. Окончательному закреплению этой формы крупного землевладения препятствовала, пожалуй, лишь крайняя нестабильность политической обстановки внутри гомеровской общины, выражавшаяся в непрерывной борьбе за власть и связанные с нею привилегии между враждующими группировками знати.

Итак, отвечая на возникший уже выше сталет тому назад вопрос о существовании в гомеровской Греции общинной собственности на землю, мы можем пока сказать лишь следующее: очевидно, какая-то форма общинной собственности была известна Гомеру, но форма явно пережиточная, уже в значительной мере утратившая свое первоначальное содержание. Формально собственностью общины считалась, по-видимому, вся основная масса пахотной и садовой земли, находившаяся на ее территории и включавшая в свой состав как наделы рядовых общинников, так и царские темены. В формально юридическом плане как те, так и другие рассматривались как «пожалование народа» частному или должностному лицу (в языке эпоса этот принцип выражается с

⁵¹ Finster G. Homer... S. 201, 204. Ср.: Busolt G. Griechische Staatskunde. I. S. 324.

⁵² Ср.: Finley M. I. 1) Homer and Mycenae... P. 150 и 2) The world... P. 95.

⁵³ Точнее других определяет суть ситуации Финзлер (Finsler G. Homer... S. 201): «Знать полностью или частично разделила между собой публичную собственность, причем это было сделано в форме решения общины, которое, естественно, было инспирировано самими аристократами». Наследственные темены были известны уже автору «Илиады». См. II. XX, 391 ο τέμενος πατρὶος лидийского героя Ифитиона. Ср. Od. IV, 756 sq.

помощью формулы $\delta\eta\mu\omicron\varsigma\ \acute{\epsilon}\delta\omega\eta\epsilon$). Вполне возможно, что санкция общинных властей требовалась как непереносимое условие при заключении различных сделок с землей, наследовании семейных участков, их раздела между совладельцами и т. п. операциях. Напоминая о своем праве верховного собственника, община могла время от времени вводить обязательные для всех землевладельцев сроки и правила севооборота (хотя в самих поэмах на это нет никаких прямых указаний, но, с точки зрения общесторической, в таком предположении нет ничего невероятного)⁵⁴.

Однако дальше этих незначительных ограничений вмешательство общины в хозяйственную деятельность составляющих ее семей, по всей видимости, не шло. Первобытная система уравнительного землепользования, когда-то, несомненно, широко распространенная в Греции, в гомеровское время уже едва ли где-либо продолжала функционировать. Отошли в прошлое периодические переделы земли, составлявшие главный краеугольный камень этой системы. Были сведены к минимуму или же совсем ликвидированы находившиеся в непосредственном ведении общины резервные земельные фонды (упоминания о них встречаются лишь в древнейших мифологических пластах эпической традиции)⁵⁵. Реальные экономические потребности эпохи (постепенное совершенствование техники обработки земли, широкое распространение в греческом сельском хозяйстве того времени многолетних культур, прежде всего, масличных и винограда) неуклонно вели к закреплению земельных участков

⁵⁴ Как указывает И. М. Дьяконов: «...верховная собственность общины на землю не исключает возможности отчуждения семейных наделов и их частей. В Шумере, например, это происходит настолько давно, насколько нам позволяют заглянуть в древность дошедшие до нас памятники — едва ли не ранее сложения классового общества и государства». При этом, однако, любая сделка с землей должна была получить утверждение «выше стоящей родо-общинной организации, а при важности сделки — и соседской общины в целом» (Дьяконов И. М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. 1963. № 1. С. 27).

⁵⁵ Землей, остававшейся в непосредственном распоряжении общины, могут считаться, по-видимому, только темены богов (II. II, 695 sq.; VIII, 48; XXIII, 148; Od. VIII, 363).

за их владельцами⁵⁶. Закрепление это естественным образом ассоциировалось в сознании людей того времени с правом свободного распоряжения наделом, простиравшимся вплоть до его отчуждения и дробления при переходе по наследству. Только так может быть объяснен факт глубокого экономического расслоения гомеровской общины, симптомом которого может считаться появление в языке эпоса двух взаимодополняющих друг друга терминов: πολύκληρος и $\alpha\kappa\lambda\eta\rho\omicron\varsigma$.

Таким образом, господствующей экономической тенденцией гомеровского периода был постепенный, но неуклонный рост частной собственности на землю, происходивший под прикрытием формально сохраняемого общинного права⁵⁷ (очевидно, развитие правовых норм, как это нередко бывает, в то время сильно отставало от фактического положения вещей). Уже в следующем за Гомером поколении (время Гесиода) эта тенденция выступает совершенно открыто. Мобильность земельной собственности как в рамках общинного фонда, так и за его пределами достигает огромных масштабов. Архаический греческий полис уже вскоре после своего возникновения (в VII—VI вв.) вынужден был бороться с этим разгулом частнособственной стихии путем введения жесткой регламентации гражданского землепользования⁵⁸.

Такова в двух словах перспектива дальнейшего исторического развития. Если же теперь бросить взгляд в противоположном

⁵⁶ Richter W. Die Landwirtschaft... S. 11; Sarkady J. Outlines of the development of Greek society in the period between the 12th and 8th cent. B. C. // Acta Antiqua Acad. Scient. Hungar. 1975. T. XXIII, f. 1-2. P. 122 f).

⁵⁷ В этой тенденции находит свое выражение тот исконный присущий первобытной соседской общине внутренний дуализм (противоречие между коллективной собственностью на землю и разлагающим ее изнутри парцеллярным крестьянским хозяйством), о котором писал Маркс в своих набросках ответа на письмо В. Засулич (Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 19. М., 1961. С. 404, 418).

⁵⁸ Asheri D. Laws of inheritance, distribution of land and political constitutions // Historia. 1963. Bd. XII, H. 1. S. 4 f; Finley M. I. The Use and Abuse of History. New York, 1975. P. 159.

направлении, то перед нами неизбежно встанет чрезвычайно сложная и до сих пор практически не решенная проблема соотношения двух форм землевладения: гомеровской и микенской. Заметная в работах некоторых авторов тенденция к сближению и даже к прямому отождествлению этих форм⁵⁹ вызвала в свое время справедливую критику со стороны авторитетного английского историка М. Финли. В своей статье «Гомер и Микены» Финли⁶⁰ убедительно показал, что зафиксированная в табличках пилосского архива весьма сложная и запутанная система земельных держаний не находит аналогий в гомеровском эпосе. Из множества специальных терминов, используемых писцами пилосского дворца, работавшими над составлением земельного кадастра, только один термин «темен» встречается также и в поэмах. Впрочем, даже и в этом единственном случае у нас не может быть твердой уверенности в тождестве обозначаемых этим термином форм землепользования. Правовой статус пилосских теменов, как, впрочем, и всех других земельных участков, упоминающихся в табличках, остается пока загадкой для исследователей⁶¹. С другой стороны, такая, по всей видимости, типичная для гомеровской эпохи форма землепользования, как клер, в микенских документах вообще не зафиксирована. Столь значительное расхождение едва ли может быть

⁵⁹ Palmer L. R. 1) A Note on 'Heroic' land tenure // *Mνήμης Χάρτιν*. Gedenkschrift P. Kretschmer, II. 1957. P. 69 ff.; 2) *Mycenaeans and Minoans. Aegean prehistory in the light of the Linear B tablets*. London, 1961. P. 90 ff.; *Will Ed. Aux origines...* P. 45 s. Ср.: Wace A. B., Stubbings F. H. (eds.) *A Companion to Homer*. London, 1962. P. 459.

⁶⁰ Finley M. I. *Homer and Mycenae...* P. 138 ff. См. также: Παπαζογλου Φ. К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции // ВДИ. 1961. № 1. С. 31 сл.

⁶¹ Finley M. I. *Homer and Mycenae...* P. 158. Против отождествления микенского и гомеровского понятия темена выступает также Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура... С. 92: «Слово τέμενος в текстах линейного письма В должно восприниматься только как свидетельство языковой однородности, но оно не доказывает единства социальных институтов в обществах II и I тысячелетий». Ср.: *Will Ed. Aux origines...* P. 45; Palmer L. R. 1) *Mycenaeans and Minoans...* P. 94 f; 2) *The Interpretation...* P. 84 f.

объяснено только с помощью ссылок на специфику двух наших основных источников или, иными словами, на различие между героическим эпосом, с одной стороны, и документами хозяйственной отчетности, с другой⁶². Здесь мы целиком присоединяемся к мнению Финли, который правильно объясняет это расхождение коренным различием самих социальных систем, стоящих за каждым из этих источников, т. е. очевидным различием между дворцовым государством и примитивной патриархальной общиной⁶³. Таким образом, даже поверхностное сличение материала табличек с материалом эпоса свидетельствует о радикальных структурных изменениях, пережитых греческим обществом при переходе от микенской эпохи к гомеровскому периоду.

Интересную и, как нам кажется, хорошо аргументированную характеристику микенского аграрного строя предлагает Г. Ф. Полякова. Завершая свое исследование, она пишет: «Развитие земельных отношений шло по пути становления и укрепления не частновладельческого хозяйства индивидуумов в ущерб прав общины, но по пути становления и укрепления прав государства (дворца) на землю. В пилосских документах дворец предстает основным владельцем земли обеих категорий — „частной“ и общественной. Каково бы ни было отличие земли kitimena от находящейся в частном владении kekemena kotona..., их объединяет одно — частное владение землей осуществляется в рамках государственного хозяйства»⁶⁴.

В гомеровском обществе мы наблюдаем прямо противоположную (децентрализирующую) тенденцию, которая может быть определена именно как «становление и укрепление частновладельческого хозяйства в ущерб прав общины». Уже один этот факт служит наглядным свидетельством коренных изменений, пережитых греческим обществом в послемикенскую эпоху. Распад микенских дворцовых государств способствовал высвобождению

⁶² Ср.: *Will Ed. Aux origines...* P. 46.

⁶³ Finley M. I. *Homer and Mycenae...* P. 135 f.

⁶⁴ Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура... С. 267.

дению большого экономического потенциала, накопленного, греческой сельской общиной, но долгое время державшегося под спудом⁶⁵. Вместе с крахом микенской цивилизации перестали действовать основные факторы, тормозившие свободное развитие индивидуального крестьянского хозяйства. Важнейшими из них могут считаться фискальный гнет бюрократического государства и сознательно культивируемые этим государством архаические застойные формы общинной организации⁶⁶. Возникший на развалинах микенской монархии гомеровский демос, судя по всему, представлял собой более гибкую и, следовательно, более перспективную форму земледельческой общины. Вполне определившееся уже в рамках гомеровского периода «раскрепощение» частной инициативы мелкого собственника было, как нам думается, главным залогом ее дальнейшего развития и совершенствования.

3. Основные структурные элементы гомеровской общины: семья, группа семей, фратрия, гетерия

Основной структурной ячейкой гомеровского общества и своеобразным центром того микрокосма, в котором протекает повседневная жизнь героев поэм, является, вне всякого сомнения, патриархальная семья, или ойкос⁶⁷. На основании рассеянных в тексте поэм отрывочных упоминаний о семьях отдельных действующих лиц трудно составить ясное представление о струк-

туре и размерах типичного эпического ойкоса. Известное описание дома Приама в VI песни «Илиады» (242 слл.) слишком явно тяготеет к сказке. Изображенная здесь ситуация едва ли может быть признана характерной для греческой семьи во времена самого Гомера, хотя в более раннее время подобного рода гипертрофированные, основанные на полигамии домовые общины, охватывающие не только взрослых, уже женатых сыновей домовладыки, но и замужних его дочерей с их мужьями, вероятно, могли бы считаться нормой повсеместно в Греции⁶⁸. С другой стороны, нельзя считать вполне типичным и «род Аркесия», в котором каждое очередное поколение представляет один единственный отпрыск мужского пола (Od. XVI, 117 sqq.). Сам поэт подчеркивает необычность этой ситуации, давая понять, что нормальной в его представлении является моногамная семья, включающая в себя несколько взрослых представителей ее мужской линии, по крайней мере, в одном поколении (там же, 97 сл., 115 сл.). Ее образцом на той же Итаке может служить семейство старца Египтия, в котором два, очевидно, уже взрослых сына живут вместе с отцом и сообща ведут хозяйство, в то время как третий и, вероятно, младший по возрасту Еврином «шатается с женихами» (Od. II, 21 sq.). Аналогичный характер имеют, судя по всему, ойкосы Нестора и Алкиноя в «Одиссее», ойкосы Пантоя, Антенора и др. в «Илиаде»⁶⁹.

Кроме свободных членов семьи, связанных родством или брачными узами с ее главой, ойкос включал в себя еще две важные социальные категории: рабов и слуг. Как те, так и другие

⁶⁵ Ср. *Sarkady J.* Outlines of the development... P. 122 f.

⁶⁶ Не подлежит сомнению, что дворцовое государство было самым непосредственным образом заинтересовано в том, чтобы удерживать общину, являвшуюся важнейшим структурным элементом его фискально-административной системы, в состоянии максимальной стабильности.

⁶⁷ О гомеровской семье см.: *Glitz G.* La solidarite de la famille... P. 31 ss.; *Seymour Th. D.* Life in the Homeric age. New York-London, 1907. P. 117 ff.; *Finsler G.* Homer... S. 182 ff.; *Hirvonen K.* Matriarchal survivals and certain trends in Homer's female characters. Helsinki, 1968; *Finley M. I.* The world... P. 79 ff.; **Andreev J. V.* Die homerische Gesellschaft. IV. Die wichtigsten Strukturelemente der homerischen Gemeinde // *Bio.* 1988. Bd. 70. H. 1. S. 40-59.

⁶⁸ *Пёльман Р.* История античного коммунизма... С. 12; *Кагаров Е. Г.* Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев. М.-Л., 1937. С. 17 сл.

⁶⁹ Семьи, в которых насчитывалось бы свыше одного поколения взрослых потомков одного *pater familias*, в эпосе не встречаются. Даже у Приама нет ни одного взрослого внука, а только сыновья и зятя. Возможно, это объясняется тем, что общим правилом в гомеровский период был раздел семейного имущества между сыновьями сразу после смерти отца. Таким образом, настоящая большая семья типа южнославянской задруги Гомеру, судя по всему, была уже неизвестна.

принадлежат к разряду лиц, стоящих вне общины, со всеми вытекающими отсюда последствиями, хотя во всем остальном их положение было, по-видимому, крайне неоднородным⁷⁰.

То доминирующее положение, которое занимает в жизни гомеровского общества самодовлеющий патриархальный ойкос, в значительной мере обусловлено тем, что за его пределами поэт не показывает нам никаких других родственных объединений высшего порядка, которые могли бы не только конкурировать с ойкосом, но и подчинить его себе. Как в «Илиаде», так и в «Одиссее» Гомер упорно избегает каких бы то ни было упоминаний о роде. Нигде в эпосе мы не найдем указаний на то, что поэту была известна родовая собственность на землю или какие-нибудь другие виды имущества, нигде не говорится об общих собраниях членов рода и обсуждении ими каких-то важных для них вопросов. Вообще род ни разу не выступает у Гомера в виде четко оформленного социального организма, имеющего определенную внутреннюю организацию, свои законы и обычаи, короче говоря, все те черты и признаки, которые ему обычно приписываются⁷¹. В тех случаях, когда, как это бывает, например при кровной мести, в подлинно родовом обществе предполагается вмешательство рода как союза сородичей, на эпической сцене появляется достаточно аморфная и неопределенная по своим очертаниям группа близких и дальних родственников (κασιγνήτοι, ἀνέψοι), к которым присоединяются так-

⁷⁰ Проблема гомеровского рабства хорошо разработана в советской историографии (достаточно указать хотя бы на фундаментальный труд Я. А. Ленцмана, посвященный этой важной теме), что избавляет нас от необходимости специального ее рассмотрения в рамках нашего исследования. К вопросу же о так называемых «слугах» мы еще вернемся в дальнейшем (см. ниже, с. 243).

⁷¹ На это с полным основанием указывает французский исследователь Ф. Буррио (*Bourriot F. Recherches sur la nature du Genos*. Т. 1. Lille—Paris, 1976. Р. 255 ss.), который полемизирует по этому вопросу с Г. Глоцем и другими авторами. Как ни странно, но в обширном историографическом обзоре, который Буррио предпосылает своей работе (Р. 42 ss.), совершенно обходятся классические труды Моргана и вся следующая в русле моргановской традиции марксистская литература.

же свойственники (εταί)⁷², друзья (εταῖροι) и в некоторых случаях соседи (γείτονες). "Εται и εταῖροι встречают героя, когда он с победой возвращается с поля битвы в свой лагерь (Ил. VII, 295). Κασιγνήτοι и εταῖ предают земле его останки, если он погибнет в бою (Ил. XVI, 456; ср. XXIV, 793, где последний долг погибшему Гектору воздают его κασιγνήτοι θ' εταῖροι τε). Γείτονες и εταῖ собираются в доме, когда его хозяин устраивает свадебный пир (Od. IV, 3, 16). "Εται и ἀνέψοι вмешиваются в ссору отца с сыном и пытаются их помирить (Ил. IX, 464 sq.). Но особую важность приобретает наличие широкого круга родственников в таких критических ситуациях, как кровная месть или гражданская распря (Od. XV, 272 sq.; XXIV, 434 sq.). Человек, лишенный родственников, практически беззащитен перед произволом и насилием (Od. XVI, 115; ср. Ил. IX, 648) и, напротив, тот, у кого их достаточно много, способен решиться на любое беззаконие

⁷² Довольно трудно определить точное значение этого термина в его гомеровском употреблении. Перевод «свойственники», «родственники по браку» представляется нам наиболее оправданным. На него указывает глосса в словаре Гезихия: τας- τους κατ' ἐγγράφην οἰκείους. Но особенно веский аргумент в пользу такого толкования дает сопоставление гомеровской формулы κασιγνήτοι τε таῖ с текстом закона Драконта о непредумышленном убийстве (Sylloge³, 111). В строках 22 сл. этой надписи (восстановлены на основании Dem. с. Macart. 1069 sq.) определяется круг лиц, принимающих участие в судебном преследовании совершившего убийство. Первыми названы двоюродные братья убитого и их дети (ἀνέψους καὶ ἀνέψων παῖδας), за ними следуют зятья и тесты (γαστροὺς καὶ πενθεροὺς) и на третьем месте поставлены фратеры. Если оставить в стороне последнюю из этих трех категорий «мстителей» (у Гомера члены фратрии не принимают никакого участия в делах, связанных с кровной мстью), то смысл словосочетания κασιγνήτοι τε таῖ становится совершенно ясным. Κασιγνήτοι — это все родственники убитого вплоть до двоюродных братьев и их детей (в эпосе этот термин, действительно, охватывает кузенов первой степени — см. Ил. XV, 545), таῖ — это родственники его жены, а, возможно, также и жен его братьев и сыновей и мужья сестер и дочерей. «Бесцветным синонимом» τῆς («свояк») считает термин τῆς также Латте (*Latte K. Beiträge zum griechischen Strafrecht*. I // *Hermes*. 1931. Bd. 66. S. 34). Ср.: *Glötz G. La solidarité de la famille...* P. 86 s.; *Miller M. Greek Kinship terminology* // *JHS*. 1953. Vol. 73. P. 47; *Andrews A. Phratries in Homer* // *Hermes*. 1961. Bd. 89. H. 2. S. 135.

и спокойно пренебрегает волей общины (Od. XVIII, 139 sqq.; ср. II. V, 474).

Необходимо еще раз подчеркнуть, что во всех этих случаях речь идет не о роде в собственном значении этого слова, а лишь о группе семей (ойкосов), связанных между собой как узами крови, так и брачными или просто дружескими союзами. Соответствующая этим отношениям форма социальной организации должна представлять собой некую промежуточную стадию на пути от большесемейной общины к соседской⁷³, но никак не род, поскольку в этом последнем не может быть никаких родственников по браку, а узы кровного родства, связывающие всех его членов в единый коллектив, не поддаются определению. По существу само понятие рода употребляется в поэмах лишь в чисто генеалогическом смысле в тех случаях, когда нужно определить происхождение кого-нибудь из героев (см., например, II. XX, 213 sqq.)⁷⁴.

Итак, род как социальная группа, определенная единица общественного деления, Гомером практически игнорируется и это едва ли случайно. Можно предположить, что утратив еще в

⁷³ Мы затрудняемся дать более точное определение этой форме семейно-родственного объединения. В научной литературе для обозначения сообществ такого типа могут использоваться самые разнообразные термины: патронимия (*Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 91 сл.); клан (*Murdock G. P.* Social Structure. New York, 1965. P. 65 ff.; *Крюков М. В.* О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации // СЭ. 1967. № 6. С. 38 сл.); агнатическая группа (*Периханян А. Г.* Агнатические группы в древнем Иране // ВДИ. 1968. № 3. С. 28 сл.). Позднейшая аттическая *αἰχιστεία* едва ли может быть признана здесь точной аналогией. На это правильно указывает Глоц (*Glötz G.* La solidarite de la famille... P. 85 ss.), который сам, однако, впадает в другую крайность, приравнивая сообщество *καὶ φύλη* и *ταὶ* фратрии или роду. См. также: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. I. S. 250 f.

⁷⁴ Показательно, что такие термины, как *γένος*, *γενεά*, *πάτρα* и т. п., никогда не встречаются в контексте, связанном с кровной мстостью и т. п. конфликтными ситуациями. Их обычное значение у Гомера — «происхождение» или иногда «потомство», но не род в собственном смысле слова как гентильный коллектив (*Bourriot F.* Recherches... P. 240 ss.). Лишь в двух местах «Одиссеи» (VIII, 583 и XV, 525 sq.) слово *γένος* употребляется в значении, близком к нашему «семья». Однако и здесь имеется в виду лишь очень узкий круг лиц, связанных между собой узами кровного родства.

микенскую эпоху свою экономическую целостность и уступив место основной хозяйственной ячейки общества — моногамной патриархальной семье, род в дальнейшем оказался не в состоянии выполнять и свою основную социальную функцию — функцию контроля и организации взаимопомощи. Греческий род гомеровского периода, если только он вообще существовал, был, по-видимому, организацией в основном культового характера и по этой причине остался вне поля зрения создателя героического военного эпоса, отнюдь не склонного к пустому благочестию⁷⁵.

Что касается других «звеньев органического ряда», как Морган называет филы и фратрии, то и о них мы можем почерпнуть в поэмах лишь самую скудную информацию. Сам Морган и другие сторонники теории «родового быта» гомеровских греков обычно охотно ссылаются на известные строки II песни «Илиады» (362 sqq.), в которых Нестор советует Агамемнону построить воинов по филам и фратриям с тем, чтобы они, «сражаясь сами по себе» (*κατὰ σφέας μάχέοντες*), могли проявить себя с лучшей или с худшей стороны⁷⁶. Лишь немногие из них обраща-

⁷⁵ Возможно, однако, и другое объяснение этого парадокса: основные функции древнего патриархального рода в гомеровском обществе выполняла фратрия, объединявшая в своем составе всех свободных и полноправных членов общины. Лишь в конце гомеровского периода в недрах фратриальной организации начали складываться гентильные объединения нового типа — аристократические роды, за которыми в дальнейшем закрепилось наименование *γένη* (см. ниже, с. 288). В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что уже в древнейших памятниках греческого уголовного права род (*γένος*) практически не учитывается. Так, в уже упоминавшемся законе Драконта о непредумышленном убийстве геннеты не включены в круг лиц, на которых лежит обязанность вчинения иска и преследования убийцы. От ближайших родственников и свойственников убитого автор закона непосредственно переходит к фратерам. См.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. I. S. 250; *Bignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxford, 1962. P. 61 f.; *Bourriot F.* Recherches... P. 295 s. Ср.: *Томсон Дж.* Исследования по истории... С. 130.

⁷⁶ *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934. С. 133; *Ковалевский М. М.* Первобытное право. Вып. 1. М., 1886. С. 55; *Glötz G.* La cite grecque. Paris, 1928. P. 44; *Тюменев А. И.* Гомеровская Греция... С. 117.

ют, однако, внимание на то, что этот совет Нестора так же, как и другие подобные его наставления, остается без всяких последствий. Осыпав мудрого старца пышными комплиментами, Агамемнон тем не менее ни во II, ни в последующих песнях ничего не предпринимает для того, чтобы на практике осуществить этот важный стратегический замысел. Никаких упоминаний о филах и фратриях мы больше во всей «Илиаде» не встречаем. Вместо них в качестве главной и единственной боевой единицы как в ахейском, так и в троянском войске, постоянно выступает дружина (εταῖροι), по-видимому, не имеющая прямого отношения к гентильным объединениям какого бы то ни было толка. Слова Нестора, таким образом, должны быть по всем признакам отнесены к категории ἀλαξ λεγόμενα и нуждаются в специальном объяснении. Сам замысел Нестора едва ли может быть понят как какое-то тактическое новшество⁷⁷. Царь Пилоса — старейший из ахейских героев, проживший три обычные человеческие жизни. В его житейской мудрости преломляется забытый опыт минувших поколений. В аналогичном эпизоде IV песни (297 sqq.) мы видим его ратующим за возвращение к древней микенской тактике сражения на колесницах. Фратрия, как показывает само ее название, образованное от исконно индоевропейского (санскритского) — «bhrataḥ», принадлежит к числу древнейших социальных институтов, по крайней мере, среди ионийской ветви греческой народности⁷⁸. Очевидно, то же самое можно сказать и о филах⁷⁹. Однако упоминание о филах и фратриях в II. II, 362 нельзя понять и как отголосок давно забытого прошлого, древний боевой порядок, который Нестор противопоставля-

ет здесь не оправдавшей себя в течение десяти бесплодных лет Троянской войны тактике дружин⁸⁰. Построение гражданского ополчения по гентильному принципу практиковалось во многих греческих государствах, в том числе в Афинах и Спарте, вплоть до конца архаической эпохи⁸¹. Надо полагать, что и во времена Гомера этот тип военной организации был достаточно широко распространен в Греции и, напоминая Агамемнону о будто бы забытых им филах и фратриях, Нестор, как это нередко с ним бывает, лишь изрекает очередную банальность⁸². И если, несмотря на это фратрии и филы больше ни разу не появляются на страницах «Илиады», то объяснение этого парадокса следует искать прежде всего в особенностях поэтической техники Гомера, в основных идейных и художественных установках его творчества. Очевидно, традиционной героической поэзии, в лоне которой вырос гомеровский эпос, была известна лишь одна

⁸⁰ Ср. *Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 133; *Колобова К. М.* К вопросу о структуре греческого рода в период образования афинского государства // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 7—8. С. 103.

⁸¹ *Busolt G.* Griechische Staatskunde. I. S. 560 f; *Jeanmaire H.* Couroï et... P. 128 ss.

⁸² Фратрия была хорошо известна Гомеру и его аудитории не только как тактическая единица в общеплеменном ополчении, но и как весьма важный социальный институт, от которого во многом зависело положение, занимаемое тем или иным лицом в обществе. На это указывает другое высказывание того же Нестора в II. IX, 63 sq., где он называет человека, возбуждающего междоусобную распрю, φρίτωρ, θέμιτος, ἀνέστος, что можно понять, как самое общее определение лица, поставленного вне закона. Фратрия стоит здесь в одном ряду с двумя «краеугольными камнями» эпического миропорядка: священным очагом — символом самодовлеющего домохозяйства и божественным законом (θέμις), от которого зависят мир и гармония внутри общины. Конечно, в составе небольшой сельской общины, которой, по всей видимости, был гомеровский демос в его первоначальном варианте, фратрия или фила могла быть представлена лишь какой-то одной своей частью (фракцией или сегментом). Лишь с образованием полисной гражданской общины фратрии и филы смогли конституироваться в целостные политические организмы. Ср.: *Jeanmaire H.* Couroï et... P. 121 ss.; *Andrewes A.* Phratries in Homer. S. 130 ff.; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. Oxford, 1969. P. 41 ff.

⁷⁷ Ср. *Andrewes A.* Phratries in Homer. S. 130 f.

⁷⁸ *Busolt G.* Griechische Staatskunde. I. S. 133 f; *Guarducci M.* L'istituzione della fratria nella Grecia antica e nelle colonie greche d'Italia // Memorie della Accademia nazionale dei Lincei. 1937—38. 6 ser. T. VII, fasc. 1; T. VIII, fasc. 2; *Latte K.* Phratricie // RE. Hbb. 39. Stuttgart, 1941. S. 746; *Gallavotti C.* Le origini micenei dell'istituto fraterico // PdP. 1961. T. XVI.

⁷⁹ *Busolt G.* Griechische Staatskunde. I. S. 139 f; *Szanto E.* Die griechische Phylon // Ausgewählte Abhandlungen. Tübingen, 1906. S. 216 f.

форма боевого сообщества — дружина⁸³. Исходя из этого древнего поэтического стереотипа, Гомер строит большую часть батальных эпизодов «Илиады». В пронизывающей поэму стихии «рыцарских» авантур, набегов и поединков филы и фратрии — эти фундаментальные институты родового общества с их громоздкой и сложной внутренней организацией, далеко неоднородным социальным составом и не столько военными, сколько гражданскими (преимущественно сакральными) функциями — должны были восприниматься как неуместное и чужеродное явление. Их трудно было «вписать» в общую картину того эгалитарно-аристократического общества, в котором живут и действуют гомеровские герои, и поэт предпочел вообще о них не упоминать, отступив от этого правила лишь в одном единственном эпизоде II песни⁸⁴.

Современный историк может поставить в упрек Гомеру существенное упрощение реальных пропорций позднеродового греческого общества. Как замечает Финли, само понятие кровного родства сведено в эпосе к достаточно узкому кругу лиц, не выходящему за пределы одного большого ойкоса⁸⁵. Поэтому более массивные и сложные социальные структуры вроде тех же

⁸³ В действительности дружины и фратрии, по-видимому, существовали в одной хронологической плоскости, как два разных типа военной организации. Дружина, набиравшаяся «частным образом» преимущественно из молодых и горячих воинов (*χοῖροι* — обычное ее обозначение у Гомера наряду с *εταῖροι*), использовалась, главным образом, для грабительских набегов в земли соседей и для далеких заморских экспедиций. Набор войска по фратриям и филам, распространявшийся на всех взрослых мужчин, способных держать в руках оружие, производился только в тех случаях, когда враг приближался к границам племени. Аналогичная система военных союзов существовала, например, у древних германцев. См.: Tacit. Germ. VII, XIII-XIV. Ср.: Chadwick H. M. The Heroic Age. Cambridge, 1912. P. 356 ff.

⁸⁴ По мнению Ф. Якоби (*Jacoby F. Die Einschaltung des Schiffskatalogs in die Ilias. Berlin, 1932. S. 595 f.*), совет Нестора предвзывает следующий далее в той же песни «Каталог кораблей» и таким образом фратрии и филы в этом месте должны соответствовать *θησα*, упомянутым в II. II, 464. Ср.: Jachmann G. Der homerische Schiffskatalog und die Ilias. Köln, 1958. S. 205 f.

⁸⁵ Цит. по ст.: Andrewes A. Phraties in Homer. S. 137, Anm. 2.

фратрий и фил остаются практически «за бортом» эпического повествования, хотя в реальной жизни гомеровской эпохи их роль еще могла быть весьма значительной. Тем не менее нельзя не заметить, что и в этом уже достаточно сильно индивидуализированном и далеком от примитива обществе родственные узы все еще продолжают сохранять свое первостепенное значение как важнейший организационный принцип, действующий в социальной и политической-жизни общины⁸⁶.

Конечно, наряду с родственными отношениями социальное поведение гомеровских героев могут определять и различные другие факторы. Важнейшим из них является чувство дружеской привязанности, соединяющее людей независимо от их родовой и даже этнической принадлежности. Хорошо известно, какую роль играют отношения этого рода в развитии сюжета первой гомеровской поэмы. Центральная тема «Илиады» — мотив мести героя за погибшего друга — многократно повторена и усилена в целой серии малых «вендетт», занимающих немало места в батальных сценах поэмы. Месть за родственника или свойственника перемежается в них с мстостью за гибель «милого друга», из чего следует, что дружба и чувство семейной привязанности стоят в гомеровской шкале этических ценностей практически рядом⁸⁷.

Особый интерес представляют те нередкие в эпосе случаи, когда узы дружбы выходят за рамки интимного союза двух героев, простираясь на более широкий круг лиц, и приобретают, так сказать, институционный характер. В поэмах фигурируют два основных типа такого сообщества, судя по всему, близко родственных между собой и иногда незаметно переходящих друг в

⁸⁶ Ср. Finley M. I. The world... P. 104 f; Andrewes A. Phraties... S. 137; Свенцицкая И. С. Некоторые проблемы... С. 61.

⁸⁷ Ср. Od. VIII, 585 sq. В связи с этим следует обратить внимание на этимологическую и смысловую близость терминов *ἔτης* и *εταῖρος*. См.: Solmsen F. Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre. Straßburg, 1901. S. 203 f; Chantraine P. Grammaire homerique. Paris, 1942. P. 150, 157, 184. Ср.: Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg, 1960: s.v. *της*.

друга: это — дружина и мужской союз⁸⁸. Оба они обозначаются одним и тем же термином *εταῖροι*. Встречающиеся в эпосе объединения *εταῖροι* довольно заметно различаются между собой по своей внешней форме и организационной структуре. В одном только ахейском лагере под Троей мы находим, по крайней мере, две разновидности такого объединения. С одной стороны, какое-то подобие дружеского союза типа позднейшей гетерии составляют главные ахейские герои — предводители отдельных ополчений⁸⁹. Поэтому Аякс, сетуя на непреклонность Ахилла (II. IX, 630 sq.), говорит, что он ни во что не ставит дружбу своих товарищей (*εταῖροι*), имея в виду себя и других ахейцев. (См. также II. IV, 266; XI, 461; XIII, 477; XVII, 273, 507, 532, 640; XIX, 305; XXIII, 556). Основой этого союза является, по всей видимости, клятва верности, которую перед началом похода принесли Агамемнону как главному предводителю в этом предприятии другие ахейские вожди (см. о ней II. II, 286 sqq., 341). Сражаясь плечом к плечу на поле брани, члены союза собираются после боевого дня в палатке одного из них и устраивают общую трапезу либо в складчину (II. X, 214 sqq.), либо за счет «хозяина дома» (II. IX, 70 sqq., 225 sqq.). В роли председателя на этих пиршествах выступает обычно глава гетерии Агамемнон (обеда чаще всего устраиваются именно в его шатре, так как он намного богаче других ахейских царей — II. IX, 70 sqq.). Он распределяет почетные доли вина и мяса между особо отличившимися воителями и сам получает причитающуюся ему «председательскую» порцию (II. IV, 257 sqq.)⁹⁰. Другие герои, очевидно, признают первенство Агамемнона и даже в определенной мере свою зависимость от него. Однако

⁸⁸ См. о них: *Finsler G.* 1) *Das homerische Königtum* // *Neue Jahrb. kl. Alt.* 1907. Bd. XIX. S. 314 f.; 2) *Homer. T. I. Der Dichter...* S. 191 f.; *Jeanmaire H.* *Couroi et...* P. 85 ss.; *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в поэмах Гомера // *ВДИ.* 1964. № 4.

⁸⁹ *Finsler G.* *Das homerische Königtum.* S. 316 ff.

⁹⁰ Гетерия в данном случае совпадает с правящей коллегией ахейских басилеев, или старцев. Поэтому их обеда, которые являются в то же время и заседаниями совета (*βουλή*), могут устраиваться и за счет общины, на народные средства (*δήμια* — см. II. XVII, 248 sqq.; ср. IV, 343 sq.; VIII,

эта зависимость едва ли может быть отождествлена со средневековым вассалитетом, так как носит лишь временный характер (ахейская коалиция создана только на время похода) и основана на добровольном подчинении всех участвующих в походе царей одному «самому царственному» из всех⁹¹.

В то же время почти все главные греческие герои имеют свои собственные дружины (в тексте поэмы они могут обозначаться терминами: *εταῖροι*, *χοῦροι*, *λαός* или *λαοί*). В каждой такой дружине есть люди, связанные с героем-предводителем узами личной зависимости как его *θεράποντες* (слуги), а иногда и самой нежной дружбы⁹². Практически оба понятия «слуга» и «друг» здесь совпадают, хотя социальная дистанция, отделяющая друга-слугу от друга-хозяина, вполне сознается как теми, так и другими. Не случайно, Менэтий, отец Патрокла, напутствуя сына перед троянским походом, дипломатично напоминает ему, что он должен знать свое место как слуга, а не только как друг Ахилла, который, во-первых, знатнее его родом (*γενεῇ μὲν ὑπέρτερος ἐστίν*), а, во-вторых, гораздо сильнее физически (II. XI, 786 sq.). Определяя социальный статус *θεράποντες*, Финли пишет: «Эти люди не были ни рабами, ни крепостными. Они были слугами (*retainers*), получившими в обмен за свою службу подобающее место в основной социальной единице — домохозяйстве. Их членство (в ойкосе) было, несомненно, второсортным, но оно давало им как материальную обеспеченность, так и связанные с принадлежностью к семье психологические ценности и удовлетворение»⁹³. Типичный эпический слуга — это изгой, человек, поставленный силой обстоятельств вне общины.

161 sqq.). Аналогичный характер носят, по-видимому, обеда феакийских царей и итакийских судей в «Одиссее». Ср.: *Fanta A.* *Der Staat...* S. 72 f.; *Jeanmaire H.* *Couroi et...* P. 85 s.; *Nilsson M. P.* *Homer...*; P. 230 f.

⁹¹ Ср.: *Nilsson M. P.* *Homer...* P. 229 f.; *Jeanmaire H.* *Couroi et...* P. 102 s.

⁹² Сторонники феодальной концепции гомеровского общества придают этому тождеству понятий особое значение, усматривая в нем типичное для развитого феодализма соединение эгалитарного принципа с иерархическим. См.: *Nilsson M. P.* *Homer...* P. 232.

⁹³ *Finley M. I.* *The world...* P. 58.

Патрокл бежит из Опунта, где он убил во время игры в бабки одного из своих сверстников, во Фтию. Пелей принимает его в свой дом и делает слугой и товарищем Ахилла (II. XXIII, 85 sqq.). Точно также Ликофрон, слуга Аякса Теламонида, в прошлом убийца, бежавший с Киферы, спасаясь от кровной мести (II. XV, 430 sqq.). Феникс, оруженосец (δράων) Пелея, приходит к нему, покинув родину после ссоры с отцом (II. IX, 480 sqq.; XXIII, 360). Во всех этих случаях беглец, очевидно, принимается в дом на правах младшего члена семьи. На него распространяются основные принципы, действующие в кругу лиц, связанных кровным родством. За его смерть надлежит мстить как за смерть родственника. Его тело нельзя оставить врагам или бросить без погребения. Отношения между Ахиллом и Патроком достаточно ярко характеризуют эти нормы гомеровской этики. Слуга может жить под одним кровом со своим покровителем, питаться за его столом и в то же время оказывать ему необходимые повседневные услуги: готовить пищу, накрывать на стол, разливать вино и т. д. (с м. II. XXIV, 621 sq.; Od. I, 109; IV, 22 sqq., 38, 217). Возможен, однако, и другой вариант: слуга получает от патрона участок земли, дом и живет сам по себе, своим хозяйством, готовый, однако, по первому зову явиться на помощь к своему благодетелю⁹⁴. По такой схеме строятся в «Илиаде» отношения между Пелеем и Фениксом (см. II. IX, 480 sqq.), хотя здесь, по-видимому, хорошо знакомая поэту житейская ситуация переведена в плоскость сказочной гиперболы, благодаря чему бездомный скиталец, ищущий приюта, получает от своего радушного гостеприимца уже не скромный надел, а целую страну с населяющим ее народом⁹⁵.

Верность слуги своему патрону и благодетелю испытывалась прежде всего в бою. Во время сражения *εταίροι* неотступно следуют за героем, держат наготове его собственных лошадей и

⁹⁴ Такую награду может получить не только принятый в дом чужеземец, но и раб, доказавший свою преданность господину. См.: Od. XXI, 215 sq.

⁹⁵ Феникс — не только слуга, но и типичный «кормилец» героя. О социальной сущности обычая «кормильства» см.: Косвен М. О. Аталычество // Этнография и история Кавказа. М., 1961.

угоняют с поля захваченных им вражеских коней, принимают у него щит, когда он устает и окружают его в случае ранения⁹⁶. Друзья-слуги ни на минуту не покидают героя и после боя по возвращении в лагерь. Они прислуживают ему за трапезой, стелят ему и его гостям постель и сами спят с ним под одним кровом или где-нибудь поблизости. Обязанности такого рода выполняют, например, друзья Ахилла: Патрокл, Автомедон, Алкимедон, Эпигей (II. IX, 205 sqq., 658 sqq.; XXIV, 621 sqq., 643 sqq.). Показательно, что все они считаются *εταίροι* не только по отношению к своему вождю и покровителю, но и по отношению друг к другу. Так, Автомедон назван «другом» Патрокла (II. XVII, 459), Патрокл — «другом» Алкимедон — «другом» Автомедона (там же, 466, 500) и Эпигей — «другом» Патрокла (II. XVI, 581)⁹⁷.

Домочадцы Ахилла вроде Патрокла или Автомедона составляют ядро его мирмидонской дружины, ее элиту. Но кроме них в состав дружины входят и другие, рядовые ратники, которые также считаются друзьями и слугами героя, но не постоянными, а временными⁹⁸. Образ одного из них принимает Гермес, встретивший Приама на его пути в лагерь Ахилла (II. XXIV, 396 sqq.). Представляясь Приаму, он называет себя слугой Ахилла, сыном богатого мирмидонца — старца Поликтора. У Поликтора было семь сыновей. Одному из них выпал жребий идти вместе с Пелидом под Трою. Этого мирмидонского воина, как видно из его рассказа, не связывают с Ахиллом узы личной дружбы, он не имеет, вероятно, никакого отношения к ойкосу Пелея и идет на войну, повинувшись скорее житейской необходимости, чем чувству долга перед своим патроном. Сын Поликтора — фигура типичная для всего ахейского войска. С подобными ему «жертвами рока» мы сталкиваемся и в дружинах других героев. Так, среди

⁹⁶ См. подборку мест у Жанмэра (*Jeanmaire H. Courois et...* P. 98 s.).

⁹⁷ Ср.: *Stagakis G. Therapontes and hetairoi in the Iliad* // *Historia*. 1966. Bd. XV. N. 4. P. 410 f.

⁹⁸ Так, в II. XVI, 269 sqq. Патрокл, обращаясь к мирмидонцам, называет их «друзьями и слугами Ахилла». Ср. Od. XIII, 265 sq.

дружинников Агамемнона, сложивших свою голову под стенами Трои, поэт называет коринфянина Евхенора, сына прорицателя Полиида (II. XIII, 663 sqq.). Его отец предсказал ему, что он погибнет, если пойдет на войну, или исчахнет от тяжелой болезни, если останется дома. Евхенор предпочел первое, но не только потому, что не хотел медленно умирать под родительским кровом, но и опасаясь, что ахейцы подвергнут его как дезертира тяжелой пене (τό ρ' ἔχμα τ' ἀργαλέην θωήν ἀλέεινεν Αἰαίων). Оказавшийся в аналогичной ситуации богатый сикионец Эхепол дарит Агамемнону кобылицу Эфу, чтобы избавиться от обязанности участвовать в походе (II. XXIII, 296 sqq.)⁹⁹. Эпизоды такого рода показывают, что в основной своей части, за исключением численно, по-видимому, небольшого ядра близких друзей и слуг предводителя, дружина не существовала как некое постоянное, всегда готовое к бою целое. Дружинников нужно было собирать перед началом очередного похода и снова распускать после его окончания (выражение εταίρους ἀγείρειν дважды встречается в «Илиаде», см. III, 47; XIII, 778). В этом отношении ахейская дружина существенно отличается от военных союзов, подобных галльским амбактам или германскому комитатусу. Лишь ее ядро, состоящее из домочадцев предводителя, может расцениваться как зачаточная форма постоянного объединения такого типа¹⁰⁰.

⁹⁹ Согласно «Каталогу кораблей», Коринф и Сикион входили в состав владений Агамемнона (II. II, 570, 572). Эхепол и Евхенор, следовательно, принадлежат к тем бесчисленным подданным — λαοί, на которых непосредственно простирается власть Агамемнона. Однако этот вид зависимости, судя по всему, не вполне ясен для самого Гомера, и он его переосмысливает на свой лад. Упоминание штрафа (θωή), который налагается на человека, уклонившегося от военной службы, не царем, а народом (ахейцами), переносит нас (в эпизоде с Евхенором) в атмосферу обычного гомеровского полиса с его «демократическими» институтами (ср. ссылку на δῆμον φημι в Od. XIV, 239). Также и дар Эхепола можно понять не как «отступное», выплаченное «вассалом» своему повелителю за нарушение обета верности, а как обычную взятку военачальнику. Ср.: Nilsson M. P. Homer... P. 229; Jeanmaire H. Courois et... P. 61 s.

¹⁰⁰ Ср.: Chadwick H. M. The Heroic... P. 361 ff.; Nilsson M. P. Homer... P. 229 f.; Jeanmaire H. Courois et... P. 97 s.; Deger S. Herrschaftsformen bei Homer. Wien, 1970. S. 92, Anm. 406.

Однако в той же «Илиаде» мы сталкиваемся и с другой, судя по некоторым признакам, более прочной и устойчивой формой товарищеского союза. Примером может служить корпорация сотрапезников и вместе с тем боевая дружина, которую составляют троянские герои, группирующиеся вокруг Гектора, как его εταίροι¹⁰¹. В составе этой корпорации мы видим и родных братьев Гектора: Париса, Деифоба, Гелена (II. XIII, 780) и «кузена» Энея (там же, 489) и лиц, вообще не связанных с ним родством: Полидаманта, сына Пантоя (XVIII, 251); Подеса, сына Этиона (XVII, 577); Агенора, сына Антенора (XIII, 489). Все эти лица считаются «друзьями» не только по отношению к Гектору, но и по отношению друг к другу (с м. II. XIII, 489, 780). Все члены корпорации принадлежат, по-видимому, к одной возрастной группе (старше класса «юношей» и младше «старцев») и, таким образом, весь союз покоится на принципе сверстничества. О Полидаманте, например, прямо сказано, что он был товарищем Гектора, потому что они обородились в одну и ту же ночь (II. XVIII, 251). Обычное времяпрепровождение — в пирах и попойках. О Подесе, убитом Патроком, поэт замечает, что Гектор особенно ценил его как «любезного друга-товарища пиров» (II. XVII, 577: ἐπεὶ οἱ εταῖρος ἐν φίλος εἰλαπιναστής). Особый интерес в этой связи представляет отрывок из «плача Андромахи», в котором она описывает горькую участь лишившегося отца маленького Астианакта (II. XXII, 490 sqq.): «День сиротства совершенно лишает ребенка сверстников. Всегда с поникшей головой, щеки заплаканы. В нужде приходит мальчик к товарищам отца (ἐς πατρός εταῖρους). Одного тащит за плащ, другого — за хитон. Кто-нибудь сжалится и протянет малую чашу — только губы смочить, для неба же не хватит. А то и прогонит его с обеда счастливцев, у которого и отец есть и мать, ударами и бранью осыпав: убирайся, ведь твой отец не обедает с нами. Плача, мальчик приходит к матери-вдове. Астианакт, который прежде на коленях своего отца ел только мозг и жир

¹⁰¹ Finster G. 1) Homer. T. I. Der Dichter... S. 191; 2) Das homerische Königtum. S. 315.

бараний». Эта выразительная сценка включает в себе ценнейшую историческую информацию. Во-первых, мы узнаем отсюда, что товарищи Гектора как ни в чем не бывало продолжают собираться на свои обеды и после его смерти. Таким образом, имеется в виду совершенно самостоятельный мужской союз, объединяющий группу сверстников и существующий безотносительно к личности того или иного героя, что резко отличает его от ахейских дружин, основанных, как мы уже видели, на принципе личной зависимости. Далеко не каждый может стать членом такого союза, имеющего все признаки замкнутой аристократической корпорации, а только человек, владеющий достаточной собственностью. Несомненно, прав Финзлер¹⁰², указывающий, что цитированные выше строки логически вытекают из предшествующих слов Андромахи (там же, 489): «Ведь чужие отнимут поле». Лишившись отцовского надела, Астианакт лишается вместе с тем и возможности принимать участие в дружеской складчине, так как ему не из чего вносить свою долю к общему столу. Любопытна и внешняя сторона этих обедов: маленькие мальчики участвуют в трапезе, сидя на коленях своих отцов, которые сами их кормят. Сходная форма общей трапезы взрослых и детей прослеживается в некоторых районах Греции, например на Крите и в Аркадии, и в гораздо более позднее время (Athen. IV, 143 e, 149 c).

Аналогичные товарищества сотрапезников хорошо известны и автору «Одиссеи». Как и в «Илиаде», эти союзы объединяют в своем составе главным образом сверстников, практически совпадая с возрастными классами юношей, взрослых мужей и старцев¹⁰³. На Итаке последний из этих трех классов представляют цари старшего поколения: Одиссей¹⁰⁴ и его друзья Ментор и Галитерс (этих двоих поэт несколько раз называет «отцовскими товарищами» Телемаха — см. Od. II, 252 sq.: οἱ τέ οἱ ἐξ ἀρχῆς πατρώϊοι εἶσιν ἐταῖροι; II, 286; XVII, 68; XXII, 208), к которым,

¹⁰² Finster G. Das homerische Königtum. S. 314.

¹⁰³ Ср. Jeanmaire H. Couroi et... P. 37.

¹⁰⁴ Одиссей назван «старцем» уже в «Илиаде» (XXIII, 790 sq.).

вероятно, присоединяются и родители женихов, например Евпейт, «герой Египтий» и др. Союз старцев продолжает собираться на свои трапезы и в отсутствие Одиссея, причем его место за общим столом принадлежит теперь Телемаху, который, конечно, не по возрасту, но по своему общественному положению, как самостоятельный домохозяин и глава семьи, может считаться одним из итакийских старейшин-судей (Od. XI, 185 sqq.)¹⁰⁵.

Мудрым и чинным старцам противостоит во второй гомеровской поэме буйная толпа юношей-женихов Пенелопы (χοῦροι — постоянное их обозначение в поэме, см.: II, 96; XVI, 248; XVII, 174; XIX, 141; XXII, 20; XXIII, 122; XXIV, 131). Женихи — отнюдь не случайное сборище претендентов на руку Пенелопы, но союз, имеющий определенную внутреннюю организацию, определенный регламент и т. д.¹⁰⁶ На это указывает перечисление женихов в Od. XVI, 247 sqq. (Телемах подсчитывает врагов, желая показать отцу, насколько трудным будет задуманное им предприятие): «С Дулихия пятьдесят два избранных юноши и с ними шесть слуг' (δρῶσθ' ἄνδρες). С Самы пришли двадцать четыре человека. С Закинфа двадцать ахейский юношей. С самой Итаки двенадцать, и все лучшие. И с ними вестник Медонт, божественный певец и двое слуг, сведущих в разрезании мяса». На сто восемь женихов приходится, таким образом, только десять слуг, если причислить к ним также глашатая и певца. Такое соотношение наводит на мысль о том, что слуги, о которых говорит Телемах, не являются слугами отдельных женихов, а принадлежат всей компании в целом (или, может быть, отдельным их группам, прибывшим с разных островов)¹⁰⁷. Иначе говоря, это — слуги союза, специализирующиеся на приготовлении и обслуживании коллективных обедов (Телемах подчеркивает это, говоря о двух δαίτροι

¹⁰⁵ Другие толкования этого места см.: Fanta A. Der Staat... S. 73 f; Jeanmaire H. Couroi et... P. 91.; Finster G. Das homerische... S. 314. Употребленный поэтом глагол λεγύνω показывает, что участники обеда не только вкушают его, но и сами готовят (ср. Od. IV, 641 sqq.; XVII, 175 sq.).

¹⁰⁶ См.: Андреев Ю. В. Мужские союзы... С. 44 слл.

¹⁰⁷ Ср. Od. XVIII, 291; XIX, 135.

итакийских женихов). В качестве аналогии можно сослаться на слуг в критских сисситиях (в каждой гетерии их было от десяти до тринадцати человек — Athen. IV, 143 b) или на потомственных поваров в спартанских фидитиях (Hdt. VI, 60).

«Гордыня» (ῥῆρις) женихов проявляется прежде всего в их обжорстве, в уничтожении ими чужого имущества (обжорство и насилие над рабынями Одиссей делает первым пунктом своей короткой обвинительной речи в XXII, 36 sq.). Как посягнувшие на священное право собственности они расплачиваются за это своей кровью. Имущественный вопрос фактически становится центром тяжести в том конфликте, на котором строится сюжет поэмы. Безусловно, правы те исследователи, которые видят в обедах женихов злоупотребление каким-то обычаем, а не просто произвол, творимый шайкой насильников в доме беззащитной вдовы, которую они таким путем пытаются принудить к ненавистному ей браку¹⁰⁸. Но что это за обычай? Ключом к правильному пониманию взаимоотношений семейства Одиссея с женихами может служить, по нашему мнению, речь Телемаха в Od. II, 138 sq. (ср. I, 374 sq.): «Если ваша душа стыдится этого, уйдите из моего дома, устраивайте другие обеды, проедая свое имущество, чередуясь домами (ἀλλεῖβόμενοι κατὰ οἴκους). Если же вам кажется желанней и лучше оставаться и губить безвозмездно имущество одного человека, жрите!» В чем смысл этих слов Телемаха? Он не пытается доказать, что женихи вообще не имеют права обедать в его доме, хотя, казалось бы, именно с этого и нужно было бы начать, он лишь протестует против того, что ему одному приходится нести все бремя расходов в устройстве этих обедов.

108 В отношении того, каким именно обычаем злоупотребляют женихи, мнения ученых расходятся. Так, Нильссон (*Nilsson M. P. Homer...* P. 230) склонен думать, что женихи, будучи вассалами Одиссея, в его отсутствие самовольно присвоили право обедать в его доме, которым они раньше пользовались по обычаю. В свою очередь, Леви видит в женихах «нечестных гостей», которые злоупотребляют оказанным им гостеприимством и доводят до нищеты своего хозяина (*Levy H. L. Odyssean suitors and the host-guest relationship // TAPhA. 1963. Vol. 94. P. 147*). Ср.: *Codino F. Einführung in Homer. Berlin, 1970. S. 126 ff.*

Острота конфликта, однако, еще более усугубляется, если учесть, что Телемах и женихи находятся далеко не в равном положении по отношению друг к другу. В то время как сын Одиссея, лишившись отца, по необходимости стал главой семейства и полновластным хозяином всех принадлежащих ему богатств (см. Od. I, 397 слл.: αὐτὰρ ἐγὼν οἴοιο ἀναξέεσσι ἡμετέροιο...), женихи все еще остаются на положении несовершеннолетних юношей при своих родителях и старших братьях. Типичен в этом отношении Еврином, сын старца Египтия, который, как и все женихи, проводит время в попойках, в то время как два его старших брата, вероятно, уже женатых, трудятся в отцовском хозяйстве (εἶπον πατρώϊα ἔργα — Od. II, 15 sq.). Устройство обедов на началах взаимного гостеприимства для женихов в этом случае, очевидно, исключено: у них нет ни имущества, ни домов, куда бы они могли пригласить друг друга. Вместе с тем их союз объединяет в своих рядах цвет итакийского юношества, отборных молодых воинов, из которых можно было бы сформировать первоклассную дружину. Можно допустить, что на Телемахе также, как и на всех прочих гражданах Итаки, лежит бремя содержания этой ἐργα πόλιος («опоры города», как называет уже убитых женихов Одиссей в Od. XXIII, 121). Весь ужас положения Телемаха в том, что женихи едят и пьют в его доме безвозмездно (νῆλοινον). Он ничего не может потребовать ни с них самих, потому что у них нет своего имущества, ни с их родителей, потому что они не отвечают за действия союза. Затруднительная ситуация, в которой оказался сын Одиссея, вынуждает его обратиться к собравшемуся на агоре народу с довольно странным, на первый взгляд, предложением (Od. II, 74 sq.): «Мне было бы выгодней, если бы вы (сами) проели мое имущество, движимое и недвижимое (κεῖν' ἔμμεν τε πρόβαίν τε), так как, если бы вы проели, я быстро получил бы плату (τίσις). Мы бы до тех пор ходили по городу, выпрашивая имущество, пока все не было бы отдано». Место кажется непонятным, так как скрытый в нем поворот примитивного правового мышления трудно уловим для невооруженного глаза современного читателя. Слова Телемаха — не просто жест отчаяния. В них есть

трезвый, хотя, может быть, и несколько наивный расчет. Телемах предпочитает отдать свой дом на поток и разграбление отцам грабителей, с которых он затем, как с полноправных собственников, взыщет сполна весь ущерб, опираясь в сущности на тот же самый обычай поочередного гостеприимства (отдаривания), на котором основываются обеды итакийских *δῖκαστοί* (ср. Od. XI, 185 sqq.)¹⁰⁹.

Характеризуя женихов как шайку молодых грабителей, опустошающих дом Одиссея и притесняющих его близких, Гомер, безусловно, опирался на очень древнюю мифологическую традицию, уходящую своими корнями в глубины первобытной эпохи. У многих примитивных народов юноши, достигшие половой зрелости и прошедшие или только еще собирающиеся пройти через обряд инициации, освобождаются от работы в хозяйстве их родителей и на значительный срок совершенно обособляются от общины, образуя замкнутый (иногда строго засекреченный) союз¹¹⁰. Нередко молодежные объединения этого типа выполняют определенные общественно-полезные функции военного или мирного характера (совершают набеги в земли соседей, угоняя оттуда скот, и в то же время несут охрану племенной территории, пасут скот, прокладывают дороги и т. д.). В свою очередь, община добровольно берет на себя издержки по содержанию союза. Время от времени молодые люди, живущие обычно в особом лагере или в мужском доме где-нибудь в лесу, появляются в деревне и один за другим обходят

¹⁰⁹ Молниеносное проедание запасов «гостеприимна» и столь же быстрое их восстановление — явление, весьма характерное для общества с неокрепшей еще частной собственностью. Типичный пример дает так называемый «потлач» у индейцев западного побережья Северной Америки. См.: *Аверкиева Ю. П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961. С. 34 сл., 115 сл., 179 сл., 225 сл.

¹¹⁰ *Schurtz H.* Altersklassen und Männerbünde. Berlin, 1902. S. 319 f.; *Merker M.* Die Masai. Berlin, 1904. S. 60 f.; *Krige E. J.* Social system of the Zulus. New York—London, 1936. P. 36 f.; *Schlesier E.* Die Erscheinungsformen des Männerhauses und Klubwesens in Mikronesien. S. Gravenhage, 1953. S. 155 ff.

дома. Каждый хозяин в случае такого визита должен накормить гостей обедом¹¹¹. Не всегда, однако, эти посещения проходят так мирно. Во многих местах, например в некоторых районах Африки и Меланезии, члены тайных союзов по ночам покидают свои лесные убежища и замаскированные под «живых мертвецов» врываются в деревни, наводя ужас на женщин и детей и хватая все, что попадает под руку¹¹². Узаконенное воровство в спартанских агелах, о котором рассказывают Ксенофонт и Плутарх, несомненно, принадлежит к тому же кругу обычаев¹¹³.

Этот краткий экскурс в область сравнительной этнографии позволяет лучше понять существо ситуации, сложившейся на Итаке в отсутствие Одиссея, и дает, как нам кажется, наиболее убедительную мотивировку поведения женихов. Их бесконечные пиры в насильственно захваченном чужом доме, истребление чужого вина и скота есть ничто иное, как злоупотребление обычаем, который ставит их как надежду и опору общины в особое привилегированное положение, разрешая бесчинствовать, грабить, жить за чужой счет, но все это, конечно, только до определенного предела¹¹⁴. Женихи переступили через предел дозволенного и несут за это заслуженную кару. Разумеется, в «нашей» «Одиссее» эта архаическая сюжетная коллизия во мно-

¹¹¹ См., например, *Wilson M.* Good company. London—New York, 1951. P. 20 f. об обычаях племени Ньякиуса (Восточная Африка).

¹¹² *Frobenius L.* Die Masken und Geheimbünde Afrikas. Halle, 1898. S. 44 f.; *Westermann D.* Die Kpelle. Göttingen—Leipzig, 1921. S. 246.

¹¹³ Ср. колядование в русских и украинских деревнях. О нем: *Чичеров В. И.* Зимний период русского земледельческого календаря. М., 1957. С. 126 сл.; *Пронн В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 46. Мотив угрозы и вымогательства отчетливо звучит в единственной дошедшей до нас древнегреческой «колядке» — родосской «Песне Ласточки» (PMG, Carm. p. 2 [848], 7 sqq.).

¹¹⁴ На другие «инициационные» мотивы в «Одиссее» указывают: *Лурье С. Я.* Дом в лесу // Язык и литература. Вып. VIII. 1932. С. 177; *Пронн В. Я.* Мужской дом в русской сказке // УЗ ЛГУ. 1939. № 20. Сер. филол. наук. С. 194 сл.; *Germain G.* Essai sur les origines de certains thèmes Odysséens et sur la genèse de l'Odyssée. Paris, 1954. P. 1 ss.

гом уже переосмыслена и переориентирована на социальную среду совсем иного рода, чем это было в далекой праоснове мифа. Окруженный глубокой тайной и ореолом религиозного могущества, союз «лесных братьев»¹¹⁵ (таково, как нам думается, первоначальное, уже забытое самим поэтом значение этого коллективного образа) уступает теперь свое место типичной компании «золотой молодежи», наделенной всеми пороками современной Гомеру ионийской аристократии¹¹⁶. Следует, однако, заметить, что этот переход с одного смыслового уровня на другой облегчался тем, что сама традиция мужских союзов, по-видимому, была еще жива в то время, когда создавалась «Одиссея», напоминая о себе постоянными бесчинствами аристократических гетерий, в которых дозволенные обычаем и даже освященные религией проявления удали подрастающего поколения граждан перемежались с кровавыми распрями, угрожающими самим устоям полисного строя.

Любопытные изменения претерпевает во второй гомеровской поэме дружина. Категория ближних гетеров, или друзей-слуг, занимающая столь видное место в сюжетных перипетиях «Илиады», в «Одиссее» практически исчезает со сцены. «Проворные слуги» (ὄτρηροί θεράποντες), фигурирующие в пиршественных сценах этой поэмы (см. I, 109; IV, 23, 38, 217), — это всего лишь домашняя челядь, годная только для прислуживания за столом, но отнюдь не боевые друзья и соратники главных героев, какими предстают перед нами Патрокл или Автомедон. В индивидуальных образах этих людей, если поэт находит нужным обратить на них внимание слушателей, трудно уловить хоть что-нибудь героическое. Даже рабы в критических ситуациях

¹¹⁵ Религиозная практика тайных союзов имеет, как правило, ясно выраженную тотемистическую окраску. Их члены одеваются в звериные шкуры, носят звериные имена, воспроизводят в своих плясках повадки диких животных и вообще считаются «оборотнями». Отголоском первобытного оборотничества можно считать сцену безумия женихов в Od. XX, 345 sq. Ср.: Weiser L. Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbünde. Baden, 1927. S. 45 f.; Jeanmaire H. Couroi et... P. 550 s.

¹¹⁶ Whitman C. H. Homer and the heroic tradition. Cambridge, 1958. P. 306.

(или лавагетов?) набирались преимущественно из представителей военной знати, составлявших постоянное окружение царя как во время войны, так и во время мира (возможно, это было сословие экетов, о которых неоднократно упоминают таблички Пилосского архива)¹²⁰. Несмотря на занимаемое ими высокое общественное положение, эти люди считались, по всей вероятности, царскими слугами и, подобно придворным средневековых европейских королей, выполняли различные приличествующие этому званию поручения вплоть до прислуживания за столом и в опочивальне¹²¹. Изображая слуг в «Илиаде» героями и аристократами почти такими же, как и те, кому они прислуживают, подчеркивая их неизменную верность и преданность своему повелителю, Гомер, по-видимому, отдает дань традиции, в которой отголоски микенской дружинной этики были еще достаточно сильны. Не случайно, типичный слуга в «Илиаде» — это, прежде всего, возница, стоящий рядом с героем на колеснице или поджидающий его с лошадьми на месте сражения. Таковы Автомедон, Сфенел, Мерион. Как известно, колесница была главной боевой силой на полях сражений в микенскую эпоху, но утратила свое значение в собственно гомеровский период¹²². При всем этом между слугами «Илиады» и слугами «Одиссеи» нет, как нам думается, непроходимой исторической грани. Отношения между Ахиллом и Патроком при всей их возвышенности все же укладываются в довольно обычную для времени самого поэта житейскую схему: бездомный странник, принятый в дом «богатого мужа», становится, хотя и на положении слуги, своим человеком в семье, ибо к нему «прирастает»

¹²⁰ Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. London, 1958. P. 11 f., 98 f.; Palmer L. R. The Interpretation... P. 87 f.

¹²¹ Некоторые из них и сами могли быть царями, хотя, конечно, низшего ранга. Среди героев «Илиады» лишь трое: Феникс, Мерион и Сфенел могут быть причислены к этой, по-видимому, давно забытой разновидности «царственных» слуг.

¹²² Webster T. B. L. From Mycenae... P. 103 f.; Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare. Cambridge, 1973. P. 1 ff.

сердце хозяина. В конечном счете, образы друзей-слуг в «Илиаде» столь же сложны и синкретичны, как и образы царей, которым они прислуживают. Величественная фигура благородного слуги Патрокла может в равной степени представлять в эпосе две совершенно различные социальные категории: давно сошедшую со сцены служилую знать — колесничих микенской эпохи и скромных *θεράποντες* — клиентов, составлявших наряду с рабами (*δούλος*) прислугу в домах современной поэту ионийской знати.

Из всех этих наблюдений вытекает совершенно определенный вывод: если оставить в стороне встречающиеся в поэмах (особенно в «Илиаде») реминисценции военного быта микенского времени, то мы должны признать, что дружина в точном значении этого слова как постоянное объединение профессиональных воинов, связанных клятвой верности со своим предводителем и живущих за его счет в его доме, Гомеру практически неизвестна¹²³. В социально-экономических условиях реального гомеровского периода, а не вымышленного «героического века» дружина могла быть только временным и в значительной степени, по-видимому, случайным сборищем смельчаков, добровольно последовавших за тем или иным аристократом в каком-нибудь опасном предприятии. Следует иметь в виду, что материальные ресурсы гомеровских басилеев были крайне ограничены. Содержать при своем «дворе» в течение длительного времени массу вооруженных людей было бы слишком большой роскошью даже для самых богатых и могущественных из них¹²⁴. Поэтому в случае необходимости, если, например, затевалась очередная пиратская экспедиция или готовилась месть за погиб-

¹²³ Ср. *Chadwick H. M. The Heroic... P. 361 ff*; *Nilsson M. P. Homer... P. 239*; *Jeanmaire H. Couroi et... P. 97 ss*.

¹²⁴ Нельзя не согласиться с Чедвиком (*Chadwick H. M. The Heroic... P. 363*), который связывает сравнительно слабое развитие института дружин в гомеровском обществе с недостаточной развитостью царской власти, разделенной между несколькими или даже многими аристократическими семьями (см. ниже, с. 323).

шего сородича, в действие обычно приводился сложный механизм родственных, товарищеских¹²⁵ и клиентских¹²⁶ связей, что позволяло в короткий срок поднять на ноги достаточное число приверженцев, на которых можно было положиться в предстоящей борьбе. Как только дело было сделано и поставленная цель достигнута, дружина расходилась по домам, чтобы возникнуть снова в другом месте и, может быть, в другом составе, когда в ней появится нужда. Таким образом, гомеровская дружина остановилась на той стадии развития, которую германская *Gefolgschaft* прошла уже во времена Юлия Цезаря (см. *Bell. Gall. VI, 23*), — стадии эпизодически возникавших и столь же быстро распадавшихся «военных партий» (*Heerhaufen*), предназначенных в основном для кратковременных набегов в земли соседей¹²⁷. Более стабильная форма этого института, предполагающая более высокий уровень военного профессионализма, а также более прочную связь дружинников со своим предводителем (см. ее характеристику у Тацита, *Germ. XIII-XIV*), по-видимому, так и не привилась на греческой почве¹²⁸.

¹²⁵ Определенную роль в формировании этих котерий, вероятно, играли уже существующие мужские союзы и возрастные классы. Однако абсолютное тождество дружины и возрастного класса (обычное явление во многих примитивных обществах) для общественной жизни гомеровского периода уже не характерно.

¹²⁶ Под «клиентами» мы имеем в виду в данном случае не только домашних слуг предводителя дружины, но и всех вообще зависимых от него людей, среди которых могли быть, например, мелкие арендаторы вроде позднейших афинских тектеморов или обедневшие сородичи и фратеры, добровольно отдававшиеся под покровительство «сильного человека». Неоднородность социального состава была отличительной чертой первичной формы дружины не только в Греции. Ср. так называемые «крестьянские дружины» (*bäuerliche Gefolgschaft*) исландских хавдингов (*Kuhn H. Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft // Zeitschr. d. Savigny — Stiftung für Rechtsgeschichte. 1956. Bd. 73. S. 4 f.*).

¹²⁷ *Kuhn H. Die Grenzen... S. 4 f*; *Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Köln, 1961. S. 347 f.*

¹²⁸ Ср.: *Deger S. Herrschaftsformen... S. 92, Anm. 406*. В виде исключения можно указать только на македонский корпус гетеров, генетически, по-видимому, связанный с дружинами гомеровского времени.

Суммируя все изложенное выше, мы можем охарактеризовать гомеровскую общину как социальный организм, имеющий своей структурной основой более или менее сложный конгломерат патриархальных семей — ойкосов. Внутри общины как сами ойкосы, так и входящие в их состав индивиды группируются либо по принципу кровного родства (иногда подлинного, а иногда, возможно, фиктивного), либо по принципу товарищества или сверстничества. В соответствии с этим мы встречаем в эпосе две основные формы ассоциации: 1) гентильные (или, может быть, в некоторых случаях квазигентильные) объединения ойкосов (сюда относятся группы семей агнатического или патронимического характера, обычно обозначаемые терминами *κασίγνητοι* и *εταί*, и более крупные сообщества типа фратрий и фил) и 2) постоянные товарищеские союзы типа позднейших гетерий и эпизодически возникающие дружины. Некоторые из этих объединений, по-видимому, выходили за рамки отдельной общины и могли иметь свои «филиалы» одновременно в нескольких различных местах¹²⁹. В составе других союзов, например, в дружинах, мы видим наряду с полноправными общинниками также зависимых людей (*θεράποντες*), стоящих практически вне общины.

Почти все фигурирующие в эпосе формы социальной организации преемственно связаны с теми или иными институтами эпохи расцвета родового строя. Правда, сам первобытный род в его чистом виде в поэмах как будто не встречается. Гомеру, однако, известны такие виды сообществ, которые могут расцениваться либо как результат распада древнего рода (объединения *κασίγνητοι* и *εταί*), либо как следствие его позднейшей модификации и перестройки (фратрии и филы). В глубины первобытной эпохи уходят своими корнями также и типичные для

¹²⁹ Примером такого сегментированного союза служит в эпосе корпорация женихов Пенелопы. Впрочем, аналогичную структуру имели, по-видимому, и многие гентильные объединения. Еще и в классический период ионийские, дорийские и пр. филы существовали одновременно в целом ряде полисов.

гомеровского общества формы внеродовых объединений (гетерий и дружины), в которых еще угадываются отдельные черты древних мужских союзов и возрастных классов. Во всех этих случаях, однако, архаичная форма института скрывает за собой вполне современное содержание, насквозь пронизанное тенденциями, характерными для эпохи становления классов и распада родового строя. Так, агнатические объединения ойкосов и, по-видимому, тесно связанные с ними дружины выступают в эпосе в качестве главной опоры аристократических семей в их междоусобной борьбе за власть и влияние в общине. Союзы друзей (*εταίροι*) в их гомеровском варианте явно тяготеют к превращению в замкнутые корпорации знати, базирующиеся на имущественном принципе (типологически им наиболее близки, как нам кажется, так называемые «тайные союзы» Меланезии и тропической Африки и «клубы» североамериканских индейцев)¹³⁰. Особенно же важен тот факт, что все эти виды ассоциаций и в своей структуре, и в своих организационных принципах так или иначе ориентируются на самодовлеющее домохозяйство патриархальной семьи, что свидетельствует о глубоком разрыве с коллективистскими традициями первобытнообщинного строя. Все это позволяет считать гомеровскую общину одним из вариантов позднеродового, или предклассового общества¹³¹, уже вступившего на стадию классового образования.

¹³⁰ См. о них: *Schurtz H. Altersklassen...* S. 347 ff; *Webster H. Primitive secret societies.* New York, 1932. P. 106 ff.

¹³¹ О термине «предклассовое общество» см.: *Семенов Ю. И. Первобытная коммуна...* С. 85.

ГЛАВА V

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ГОМЕРОВСКОЙ ОБЩИНЫ. НАРОД И ЗНАТЬ

Уяснение основных принципов внутренней структуры гомеровского общества сильно затрудняет царящая в поэмах иллюзия всеобщей социальной гармонии и благополучия, при которых практически не остается места для каких бы то ни было классовых конфликтов¹. Вообще мысль о биологической и, следовательно, также социальной неравноценности людей отнюдь не чужда Гомеру и, более того, можно сказать с уверенностью, принадлежит к числу фундаментальных идей, определяющих собой мировоззрение создателя героического эпоса. Поэт твердо убежден в том, что все человечество искони делится на две обособленные и никогда не смешивающиеся между собой породы: «доблестных», «добрых» (αγαθοί) и «скверных», «низких» (χαχοί) или, согласно другому лексическому ряду, «лучших» (ἀριστοί, ἀριστήες) и «худших» (χέρηες)². Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно

¹ Тронский И. М. Проблемы гомеровского эпоса // Гомер. Илиада. М.—Л., 1935. С. XLII.

² Разумеется, гомеровские эпитеты типа αγαθός, ἀριστός и т. п. не могут быть приравнены к специальным терминам, используемым в исторической или юридической литературе, уже в силу того, что они являются стандартными элементами эпической лексики и, как правило, применяются для характеристики идеальных героев, а не обычных людей. Однако едва ли правы и те авторы, которые, протестуя против формально-социологического подхода к языку Гомера, в конце концов приходят к абсолютному отрицанию социальной значимости оценочных эпитетов, утверждая, что они не имеют никакого отношения к внутренним градациям эпического общества. См.: Calhoun G. M. Classes and masses in Homer // CPh. 1934. Vol. 29, 3. P. 196 ff.; Толстой И. И. Аэды. М., 1958. С. 44 сл.

вспомнить хотя бы подчеркнуто резкое противопоставление «царей и превосходных мужей» (βασιλήα καὶ ἐξοχὸν ἄνδρα) «мужам из народа» (δῆμον ἄνδρα) в «Диапейре» II песни «Илиады» (188 sqq., 198 sqq.)³. Нельзя, однако, не заметить, что столь ясно выраженные в этом эпизоде социальные симпатии и антипатии поэта не играют сколько-нибудь серьезной роли в развитии сюжета как той, так и другой гомеровской поэмы. Если оставить в стороне такие единичные пассажи, как знаменитая сцена «посрамления Терсита», да, может быть, еще столкновение Одиссея с «царем нищих» Иром, то придется признать, что открытые проявления аристократической демофобии в эпосе почти не встречаются. Таким образом, мысль о извечном антагонизме между «лучшими» и «худшими», хотя и достаточно отчетливо осознается поэтом, в целом остается где-то за пределами житейской практики его героев, воспринимаясь, скорее, как некий отвлеченный теоретический постулат, не находящий конкретного воплощения в художественной ткани «Илиады» и «Одиссеи».

Как давно уже было замечено, основные сюжетные коллизии

Следует иметь в виду, что в большинстве случаев прилагательные типа αγαθός используются в социологически нейтральном контексте, например в батальных эпизодах «Илиады», вследствие чего их социальный смысловой аспект остается скрытым от читателя. Вместе с тем как в «Илиаде», так и в «Одиссее» имеется целый ряд мест, в которых именно этот аспект интересующих нас эпитетов выступает на первый план. См.: Hoffmann M. Die ethische Terminologie bei Homer, Hesiod und den alten Elegikern und Jambographern. Tübingen, 1914. S. 73 ff.; Snell B. (Hrsg.) Lexicon des frühgriechischen Epos. Liefer. 1,8. Göttingen, 1955 (1976): s.v. αγαθός, ἀριστεύς, ἀριστός; Wroblewski W. Pojecie ἀριστός i ἀρετή w poematach Homera // Eos. 1972. Roc. 60, f. 1.

³ Это — единственный во всем эпосе случай, когда слово δῆμος имеет подчеркнуто пейоративный оттенок социальной приниженности. Как правило, выражаемое этим термином понятие охватывает всю общину без разделения ее на знать и простолюдины, за исключением одного или нескольких царей. См.: Donlan W. Changes and shifts in the meaning of Demos in the literature of the Archaic Period // La Parola del Passato. 1970. F. 25. P. 383 ff. Ср.: Ebeling H. Lexicon Homericum. Leipzig, 1880-1885, s.v. δῆμος; Fanta A. Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck, 1882. S. 13; Jeanmaire H. Couroi et couretes. Lille, 1939. P. 49 s.

обеих поэм развиваются в социально однородной и при том типично аристократической среде⁴. В любых ситуациях главные действующие лица остаются среди людей своего круга, таких же царей и героев, как и они сами, почти не соприкасаясь с выходцами из низших слоев общества⁵. В том единственном во всем эпосе случае, когда герой (Одиссей), опустившись на самое дно общества, оказывается в окружении рабов и нищих бродяг, его вынуждают к этому чрезвычайные обстоятельства и, прежде всего, задуманный им план мести⁶. В остальном иллюзия однородности эпического общества выдерживается довольно строго. Так, если подвергнуть просопографическому анализу батальные сцены «Илиады», то окажется, что почти все участвующие в них персонажи берутся поэтом из одного и того же достаточно узкого общественного круга «лучших» (ἑσθλοί, ἀρίστοι) или «доблестных», «добрых» (ἀγαθοί) людей. Даже среди так называемых «малых воителей», которым обычно отводится неблагодарная роль «пушечного мяса» для подвигов главных героев⁷, мы не найдем ни одного человека, за исключением, быть может, только Долона, которого с уверенностью можно было бы отнести к категории *ἰαχοί*, поставив в один ряд с Терситом. Большинство из них составляют цари и царские друзья (ἐταίροι), несколько меньшую часть сыновья жрецов и прорицателей, наконец, просто дети богатых и знатных родителей. Логика, которой руковод-

⁴ Едва ли можно считать оправданными попытки отдельных авторов выдать эти коллизии, например столкновение Ахилла с Агамемноном или же противоборство Одиссея с женихами, за проявление классовой борьбы в гомеровском обществе. См.: Сахарный Н. Л. Илиада. Разыскания в области смысла и стиля гомеровской поэмы. Архангельск, 1957. С. 74 сл.; Codino F. Einführung in Homer. Berlin, 1970. S. 131; Rose P. W. Class ambivalence in the Odyssey // Historia. 1975. Bd. XXIV. H. 2. P. 141 ff. Ср.: Ярхо В. Н. Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 1962. № 2. С. 24.

⁵ Аналогичная тенденция прослеживается и в эпической поэзии других стран и народов. См.: Chadwick H. M. and Chadwick N. K. The growth of literature. Vol. I. Cambridge, 1932. P. 64 ff.

⁶ Ср.: Rose P. W. Class ambivalence... P. 141.

⁷ См. ОНИХ: Straßburger H. Die Kleinen Kämpfer in der Ilias. Frankfurt, 1954.

ствуется поэт при таком отборе, понятна: эпическая «табеля о рангах» требует, чтобы каждый герой имел дело только с достойным его противником⁸.

В сущности каждая отдельно взятая гомеровская община представляет собой конгломерат из нескольких патриархальных семей (ойкосов), в социальном и экономическом положении которых трудно уловить какие бы то ни было различия. Так, почти все известные нам по именам троянцы (около семидесяти пяти персонажей) так или иначе связаны всего с девятью такими ойкосами, в число которых входят огромная семья Приама, семьи его братьев: Клития, Гикетаона, Лампа и Тимоэта и семьи четырех других троянских старцев: Пантоя, Антенора, Укалегона и Анхиза⁹. Из этого круга лиц поэт, смотря по обстоятельствам, выбирает актеров для участия в политической игре, которая разыгрывается на троянской агоре и под стенами города попеременно со сценами сражений. Так, Приам и его сыновья выступают обычно в роли царей, иногда добрых и справедливых, иногда неправедных. Другие знатные троянцы изображают противостоящий им демос. Один из них Полидамант, сын Пантоя сам называет себя в беседе с Гектором (II. XII, 211 sq.) «человеком из народа» или, может быть, «народным человеком» (δῆμον ἑόντα), хотя в чисто социальном плане он, по-видимому, лишь немногим уступает сыновьям Приама и в общем принадлежит к тому же общественному кругу, что и они. Поэт подчеркивает это, называя его товарищем и сверстником Гектора (они даже родились оба в одну и ту же ночь — см. II. XVIII, 251). В словах Полидаманта нет ни капли самоуничижения. Напротив, в них отчетливо звучит

⁸ Ср.: Kirk G. S. War and the warrior in the Homeric poems // Problemes de la guerre en Grece ancienne / Ed. / P. Vernant. Paris, 1968. P. 112.

⁹ Троянцы, не имеющие прямого отношения к этим центральным персонажам, упоминаются лишь эпизодически. Примерами могут служить жрецы: Дарес, Долопион, Онетор и их дети (II. V, 9 sq., 77 sq.; XVI, 604 sq.). Все они, вероятно, также относятся к троянской знати, хотя, возможно, несколько более низкого ранга, чем Приам и окружающие его старцы. Исключение составляет, пожалуй, только один Долон, которого сближает с *ἰαχοί*, например с Терситом, его безобразие и трусость (II. X, 314 sq.).

гордость человека, вполне сознающего свою социальную ценность и почитающего своим гражданским долгом противодействовать Гектору в его военных авантюрах и притязаниях на единовластие («не пристало человеку из народа говорить неправду, увеличивая все время твое могущество»). Поэтому δῆμος здесь, скорее всего, следует понимать как «гражданин», «член общины»¹⁰, в отличие от δῆμος ἀνὴρ в II. II, 198, где это выражение явно означает простолюдина, плебея в противовес знати¹¹.

Как социально однородная группа аристократических семей демос предстает перед нами также и в «Одиссее», в сценах на Итаке и на острове феаков. Особенно показательна в этом плане сцена народного собрания итакийцев в заключительной песни поэмы (Od. XXIV, 413 sqq.). Здесь выясняется, что «большую половину» итакийского демоса составляют родственники погибших женихов, очевидно, так же, «как и они сами, принадлежащие к местной знати (436 sq, 456 sq. и 463 sq.). Все они устремляются вслед за Евпейтом (отцом Антиноя) к дому Лаэрта, чтобы отомстить Одиссею за гибель сыновей и братьев. Меньшая часть собрания, возглавляемая Ментором и Галитерсом, друзьями Одиссея, остается, однако на месте. Поэт, конечно, ни на минуту не допускает и мысли, что среди этих «благонамеренных» граждан, которым он всецело сочувствует, есть хоть один человек, принадлежащий к черни (κακός). «Лучшие», очевидно, — и на той, и на другой стороне. «Лучшие» восстают против «лучших». Бесспорно, картина эта алогична и парадоксальна в своей основе. Если в общине есть «лучшие» люди, то, видимо, должны быть и «худшие», но о них Гомер как будто ничего не хочет знать¹².

¹⁰ Переводы типа «one of vulgar» (Leaf W. The Iliad. Vol. I. London, 1900, ad loc.) или «being a commoner» (Liddell H. G. and Scott R. A. Greek-English Lexicon. Oxford, 1953, s.v. δῆμος), как нам кажется, не передают смысл этого словосочетания. Ближе к истине перевод Гнедича, который предлагает вариант «быв гражданин» (Илиада XII, 213).

¹¹ Ср.: Jeanmaire H. Couroi et... P. 50; Donlan W. Changes and shifts... P. 384.

¹² Ср.: Calhoun G. M. Classes and masses... P. 308.

Итак, основной социологический парадокс гомеровской поэзии состоит в том, что аристократия в ней практически подменяет собой общину и, если можно так выразиться, уподобляет ее себе¹³. Поэтому как в «Илиаде», так и в «Одиссее» масса рядовых воинов или граждан (в сценах мирной жизни) нередко оказывается состоящей из людей, которых поэт называет ἀριστοί, ἑσθλοί, ἥρωες. По этой же причине аристократы выступают обычно от лица народа как выразители его чаяний и настроений, а собственные аристократии формы социальной организации (патриархальная большая семья, мужской союз — гетерия и являющаяся его коррелятом в военное время дружина) безраздельно доминируют в эпосе, оттесняя на задний план все другие виды общественных связей.

Для того, чтобы еще более утвердить в сознании своей аудитории эту иллюзию «всеобщей знатности», Гомер даже слуг и рабов превращает в аристократов, по крайней мере, по происхождению (примерами могут служить Патрокл, Евмей и некоторые другие персонажи)¹⁴. Мир, находящийся за пределами аристократического ойкоса, оказывается практически и вне поля зрения поэта, лишь время от времени напоминая о себе бегло очерченными фигурами «маленьких людей»: пастухов, пахарей, лесорубов, ткачей и пр., встречающимися в сравнениях или в незначительных проходных эпизодах¹⁵. Отвлекаясь от всей этой «житейской прозы», Гомер уходит мыслью в воображаемый мир героического прошлого, который рисуется ему как правильно

¹³ Уподобление это, однако, не следует понимать как полное отождествление. Гомеровская концепция народной массы отличается внутренней противоречивостью (возможно даже, следовало бы говорить о сосуществовании в эпосе двух таких концепций — см.: Andreev J. V. Volk und Adel bei Homer // Klio. 1975. Bd. 57. H. II. S. 284 ff.). Поэтому иногда народ предстает перед нами в поэмах в своей плебейской ипостаси, иногда же, напротив, в аристократическо-героической. Ср.: Лосев А. Ф. Гомер. М., 1960. С. 171.

¹⁴ Bowra C. M. Homer. London, 1972. P. 166.

¹⁵ О социальном содержании гомеровских сравнений см.: Severyns A. Homere. T. III. L'artiste. Bruxelles, 1948. P. 161 s.

устроенная аристократическая община, еще не знающая классовых антагонизмов, борьбы между знатью и «худородными» и т. п. «презренных материй»¹⁶. И лишь гротескная фигура Терсита, в первый и в последний раз появляющаяся на эпической сцене во II песни «Илиады», вносит чуждую ноту в этот хорошо налаженный ансамбль.

Выступление Терсита настолько неожиданно, настолько контрастирует с царящим в поэмах духом аристократического благочиния и высокой патетики, что воспринимается, как какой-то внезапный прорыв в ту историческую реальность гомеровской эпохи, о которой в других местах мы лишь догадываемся по отрывочным и неясным намекам¹⁷. Социальная заданность сцены «посрамления» очевидна. С появлением Терсита лишь бегло очерченная поэтом в предшествующем эпизоде умиротворения ахейского войска фигура «крикуна из народа» (с м. II. II, 198: δῆμον ἄνδρα... βοῶντά) вырастает в отталкивающий, но по своему весьма выразительный (можно даже сказать, монументальный) образ демагога. Язвительная характеристика смутьяна, заключенная в обращенных к нему словах Одиссея: «невоинственный и бессильный, ничего не значащий в делах войны и совета...» (там же, 200 sq.: ...σὺ δ' ἀπτόλεμος καὶ ἀναλκις, οὔτε ποτ' ἐν πολέμῳ ἐναρίθμιος οὔτ' ἐνὶ βουλῇ), конкретизируется в этом образе с предельной для эпической поэтики наглядностью и убедительностью.

И речи Терсита, и сам его облик (остроконечная голова) свидетельствуют не только о его физическом ничтожестве, но и об умственной неполноценности. Говоря о нем, поэт не скупится на уничижительные эпитеты. Он — «презреннейший из всех,

¹⁶ Ср.: *Straßburger H.* Homer und die Geschichtsschreibung. Heidelberg, 1972. S. 35.

¹⁷ *Тронский И. М.* Проблемы... С. XLII. Некоторые авторы ставят под сомнение авторство Гомера в эпизоде с Терситом, относя его к числу позднейших дополнений к основному тексту «Илиады». Так, *Munding H.* Hesiods Erga in ihrem Verhältnis zur Ilias. Frankfurt, 1959. S. 110 ff. Нам кажется, что в такой передатировке сцены «посрамления» нет никакой необходимости. При всей ее необычности она, вне всякого сомнения, тесно связана с тем общим взглядом на общество, которым определяется мировоззрение создателя «Илиады».

кто пришел под Илион» (II. II, 216), «бессвязный болтун» (там же, 246: ἄκριτόμυθος), «изрыгающий хулу» (там же, 275) и пр. и пр. Он настолько жалок, что не заслуживает даже хорошего удара мечом (Одиссей поэтому в расправе с ним ограничивается палкой). Все эти штрихи складываются в портрет, столь убедительный в своей конкретности, что его можно было бы принять за шарж, изображающий какое-то реальное лицо¹⁸. Между тем, при всей своей гиперболичности этот портрет, несомненно, воплощает в себе черты, типичные, с точки зрения греческого аристократа, для всякого простолюдина: наглость и бахвальство, смешанные с трусостью, зависть к чужому богатству, инстинктивная ненависть к «лучшим людям».

Ненависть к Агамемнону, звучащая в речи Терсита, как будто ничем не мотивирована. Ее нельзя свести к каким-то личным счетам, как в случае с Ахиллом. Очевидно, это чувство — органично: оно коренится в самой плебейской натуре Терсита, страдающего, как и всякий плебей, от сознания собственной неполноценности. Кроме того, вражда Терсита — универсальна. Она направлена на всех, кто стоит выше него. Он ненавидит не одного только Агамемнона, но и всех других ахейских царей и в особенности Ахилла и Одиссея (см. там же, 220). Он постоянно спорит с царями на собраниях, оскорбляет их и всячески поносит (там же, 214, 247, 277). Учитывая все это, трудно согласиться с мнением проф. Лосева, утверждающего, что в лице Терсита поэт хотел вывести на сцену своей эпопеи вовсе не представителя низов, человека толпы, как принято обычно считать, а «разложившегося аристократа». Сама сцена «посрамления» является, в понимании того же автора, ярким выражением антиаристократической тенденции, будто бы присущей всей гомеровской поэзии¹⁹. На наш взгляд, если вообще в данном случае

¹⁸ Ср.: *Leaf W.* (ed.) The Iliad. Vol. I: ad loc; *Mireaux E.* Les poemes homeriques et l'histoire grecque. Vol. II. Paris, 1949. P. 173; *Munding H.* Hesiods Erga... S. 110 ff.

¹⁹ *Лосев А. Ф.* Гомер. С. 100, 108. См. также: *Calhoun G. M.* Classes and masses... P. 305; *Сахарный Н. Л.* Илиада. Разыскания... С. 86 слл.

и может идти речь о какой бы то ни было тенденции, то только об антидемократической.

Терсит — пожалуй, единственный во всем ахейском войске, если не во всей «Илиаде», человек без родословной. Гомер не только не называет имени его отца, но даже не упоминает, откуда он был родом, что странно не вяжется с исключительной для эпической поэтики обстоятельностью характеристики этого персонажа²⁰. Между тем именно родословная играет в поэмах роль важнейшего мерила человеческой ценности, являясь основной детерминантой, определяющей собой не только поступки героя и его образ мыслей, но также его внешний облик, осанку, манеру держать себя и т. п. Человека знатного и особенно царского рода можно легко узнать по его внешнему виду, даже если он еще не произнес ни одного слова. Отсюда уверенность, с которой Менелай обращается к Телемаху и Пизистрату, только что вошедшим в его покои: «(Вижу), что порода их родителей еще не зачахла. Уж, конечно, вы из рода вскормленных Зевсом скиптродержцев-царей, ибо люди низкие таких (как Вы) не могли бы произвести на свет» (Od. IV, 62 sqq.; ср. XXIV, 253). Вместе с благородной внешностью отпрыск знатного рода на-

²⁰ Послегомеровская мифологическая традиция (Ферекид, Прокл, Квинт Смирнинский) связывает Терсита с этолийским царским домом, а через него с Диомедом. Едва ли эта родословная была известна Гомеру (*Van der Valk M. Researches on the Text and scholia of the Iliad. Vol. II. Leiden, 1964. P. 33 f.; ср.: Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. London, 1958. P. 251; Kullmann W. Die Quellen der Ilias. Wiesbaden, 1960. S. 146 f.; Eberl J. Die Gestalt des Thersites in der Ilias // Philologus. 1969. Bd. 113. H. 3/4. S. 168 f.*). Однако, даже если это так, следует полагать, что, вводя Терсита в круг действующих лиц «Илиады», поэт подверг его образ коренной переработке и при этом не только усилил в нем, возможно, и прежде (в догомеровской поэтической традиции) присущие ему черты эпического шута-трикстера, но и придал этим чертам совершенно новую социальную окраску. Упоминание о происхождении Терсита в этом случае следует считать сознательным приемом: как простолюдин в самом худшем смысле этого слова он считается человеком «без роду-племени» и именно в силу этого лишен какой бы то ни было защиты, как божеской, так и человеческой. Ср.: *Rankin H. D. Thersites the Malcontent, a Discussion // Symbolae Osloenses. 1972. F. 47. P. 49 ff.*

следует от своих родителей и многие другие признаки: житейскую мудрость, красноречие, физическую силу и крепость и, наконец, что особенно важно, воинскую доблесть, ибо только она одна способна сделать человека настоящим героем. Именно знатность рода обязывает «лучшего мужа» быть первым в бою, дабы не посрамить славы и доблести предков, как об этом говорит Главк в своей пространной речи, обращенной к Диомеду (Il. VI, 207 sqq.; ср. Od. XXIV, 506 sqq.). Диомед, в свою очередь, оправдывает свое выступление на совещании ахейских *ἡγήτορες* тем, что он, хотя и младший по возрасту среди присутствующих, но тем не менее ведет свое происхождение от доблестного отца (*πατὴρ δ' ἐξ ἀγαθοῦ καὶ εὐφ' γένος εὐχομαι εἶναι*) и от не менее доблестного деда (Il. XIV, 113 sqq.)²¹.

Сравнительная значимость отдельных индивидов нередко ставится поэтом в прямую зависимость от их происхождения²². Особенно показателен в этом смысле один эпизод из «Илиады» (XIV, 471 sqq.). В отместку за гибель Протоэнора, павшего от руки Полидаманта, Аякс Теламонид сражает троянца Архелоха, одного из сыновей старца Антенора. Убедившись, что брошенное им копье достигло цели, он, ликуя, кричит Полидаманту: «...Разве этот муж не достоин быть мздой за Протоэнора? Он кажется мне не презренным человеком и не из презренного рода (*οὐ μὲν μοι κακὸς εἶδεται οὐδὲ κακὸν ἐξ*). Наверное, он брат или сын укротителя коней Антенора, ибо к нему он ближе всего по роду».

²¹ Как исключение, лишь подтверждающее общее правило, поэт отмечает тот случай, когда доблестный сын происходит от трусливого отца (Il. XV, 638 sqq.: *τοῖ γένει' ἐκ πατρὸς* сыне Копрея, прислужника Еврисфея).

²² Кэльхаун обращает внимание на отсутствие в эпическом лексиконе таких типичных для более поздней греческой литературы обозначений благородного происхождения, как *εὐγενής, γενναῖος, ευπατρίδης* и т. п. (*Calhoun G. M. Classes and masses... P. 197*). Вся эта терминология была тесно связана с ростом аристократических родов и, по-видимому, еще не успела широко распространиться в гомеровское время, хотя близкие по смыслу идиомы время от времени встречаются в поэмах, например, *πατὴρ δ' ἐξ ἀγαθοῦ* (Il. XIV, И3; XXI, 109, 335) или *αἵματι*

Ценность индивида, таким образом, определяется тем, к какому роду он принадлежит, так как все качества рода переносятся на каждого из его членов, хотя само понятие рода в данном случае, как, впрочем, и почти во всех других, ограничено рамками одной семьи (см. также II. XI, 786; XIV, 126; Od. IV, 62; VI, 35 и др.)²³. Значение и престиж рода, в свою очередь, находится в прямой зависимости от того, кто считается его родоначальником. Так, потомки Зевса по всем статьям превосходят героев, ведущих свое происхождение от низших богов, например речных божеств, не входящих в круг олимпийцев. Эта вполне первобытная концепция с предельной ясностью выражена в словах Ахилла, которые он произносит над телом павшего от его руки Астеропея, сына речного бога Аксия: «Насколько Зевс могущественнее текущих в море рек, настолько потомок Зевса сильнее рожденного рекой» (II. XXI, 184 sq.; см. также II. V, 635 sq.; XIX, 105, 124)²⁴.

Наряду с благородным происхождением важнейшими показателями высокого социального статуса считаются в поэмах такие признаки, как богатство и власть. Так, Одиссей может быть назван «первым среди героев Итаки и близлежащего материка» не только по причине его необыкновенной доблести и знатности его рода, но и благодаря принадлежащим ему огром-

²³ В некоторых эпизодах поэм понятие знатности рода тесно смыкается с понятием «царственности». См. II. IX, 160 sq.; X, 235 sq.; Od. XV, 533 sq. Очевидно, именно родовые вожди — базили вместе с их семьями составляли в гомеровском обществе основное ядро той категории знати, которая может быть названа «знатью в собственном значении этого слова» или «знатью по рождению». Ср.: *Calhoun G. M. Classes and masses...* P. 207.

²⁴ В некоторых местах «Одиссеи» мы сталкиваемся с иной, по-видимому, более поздней доктриной, согласно которой Зевс является общим прародителем всех царей (см. Od. IV, 26 sq., 63 sq.; XX, 201 sq.; ср.: II. XIX, 105, 124). Аналогичный смысл, вероятно, имеет и используемая в обеих поэмах формула διότρεφε ε βασιλ ες (II. I, 176; II, 98; Od. III, 480 и др.). За всем этим, возможно, скрывается тенденция к унификации и систематизации аристократических родословных в целях внутренней консолидации правящей прослойки. Ср.: *Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. III. Stuttgart, 1937. S. 284.*

ным стадам крупного и мелкого скота, в численности которых с ним не может сравниться никто из окрестных богачей (Od. XIV, 96 sq.). Только большое богатство, состоящее из земли, скота, металла, рабов и других ценностей, дает эпическому герою возможность постоянно участвовать в товарищеских пирах и играх, принимать друзей в своем доме, обмениваться с ними дарами и вообще вести тот образ жизни, который подобает настоящему αγαθός²⁵. Не случайно, само это прилагательное несколько раз встречается в эпосе в сочетании со словом ἀφνειός, составляя вместе с ним единую формулу ἀφνειός τ' αγαθός, которая, судя по всему, заключает в себе исчерпывающую, с точки зрения Гомера, характеристику «порядочного человека» (с м. II. XIII, 664; XVII, 576; ср. V, 9; Od. XVIII, 276). Обе части этой формулы логически тесно увязаны между собой, причем связь эта носит обоюдосторонний характер: для того, чтобы считаться знатным и доблестным (αγαθός), человек должен быть, в понимании поэта, достаточно богат, однако, с другой стороны, само принадлежащее ему богатство может быть нажито только посредством воинской доблести (за счет участия в пиратских набегах и войнах с соседями), так как все другие способы приобретения имущества в поэмах либо безоговорочно осуждаются, либо просто обходятся молчанием (см. ниже, с. 282 сл.)²⁶.

Подобным же образом эпитеты ἀριστεύς и ἀριστος (обычно в субстантивной форме множественного числа) нередко ассоциируются в поэмах с глаголами и существительными, обозначающими власть (как правило, по-видимому, царскую). Примером может служить формула, характеризующая женихов Пенелопы

²⁵ Утрата богатства обычно влечет за собой резкое снижение социального статуса: человек из «лучшего» становится «худшим». Примером такой деградации может служить участь, ожидающая маленького Астианакта (II. XXII, 490 sq.).

²⁶ Ср.: *Busolt G. Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München, 1920. S. 341: «Как правило, знатный человек являлся одновременно и богачом, а богач был в то же время и знатным». Богатство как показатель высокого общественного положения см.: II. V, 544; VI, 14; XVI, 596; XXIV, 398, 535 sq.; Od. XIV, 205.*

как самых могущественных людей Итаки и соседних с ней островов: σοοὶ γὰρ νῆσοισιν ἐπικρατέουσιν ῥῆστοι... и т. д. (Od. I, 245 sqq.; XVI, 122 sqq.; XIX, 130 sqq.)²⁷. Как и в предыдущем случае, обе части формулы здесь логически взаимосвязаны и дополняют друг друга. Поэт, по-видимому, хочет сказать, что женихи потому и властвуют над островами, что считаются «лучшими» (т. е. самыми доблестными и знатными мужами во всей округе). Возможно, конечно, и иное, прямо противоположное толкование (в применении к женихам оно кажется более оправданным): они потому и считаются «лучшими» (т. е. самыми знатными, хотя и не обязательно самыми доблестными), что им принадлежит власть над островами. Однако если рассматривать эту формулу вне ее связи с данным конкретным контекстом²⁸, то более предпочтительной следует признать все же первую интерпретацию, так как она лучше согласуется с общим духом эпической поэзии, с ее нравственными нормами, требующими от носителя высокого общественного статуса постоянной героической активности.

Понятия богатства и власти стоят в эпической шкале социальных ценностей практически рядом, образуя, по существу, единый семантический комплекс. С одной стороны, любая власть уже сама по себе является источником богатства. Об этом с простодушным цинизмом говорит Телемах, прямо связывая почет, которым окружают басыля подвластные ему люди с его материальным благополучием (Od. I, 392 sq.: ἀψά τέ ο δ' ἄφνειν ν πέλεται καὶ τιμῆστερος αὐτός. Ср. II. IX, 155 sqq.). С другой стороны, всякое богатство есть в то же время и власть. Размеры

²⁷ Практически слово ἄριστοι заменяет здесь βασιλῆς, не будучи его действительным синонимом. Другие примеры подобного сближения см.: II. IX, 396; X, 214, 300. Однако в целом значение ἄριστοι, как и ῥῆστοι, шире, чем значение βασιλῆς. Цари составляют лишь определенную часть «лучших мужей». Так можно истолковать слова Одиссея, обращенные к Антиною (Od. XVIII, 415): «Ты кажешься мне не худшим из ахейцев, но лучшим, ибо подобен царю». Ср. II. IX, 334.

²⁸ На возможность такого подхода указывает одно сходное место в «Илиаде» (X, 214): δοσοὶ γὰρ νῆσοισιν ἐπικρατέουσιν ἄριστοι.

состояния и влияние, которым пользуется его владелец, зависят прежде всего от того, сколько у него подвластных людей. Так, Агамемнон богаче всех других ахейских вождей, ибо он — «самый царственный» среди них (βασιλεὺς τῶτος) и «над многими властвует» (πολλέεσσι δ' ἐν σάει). Поэтому именно на нем лежит обязанность первоочередного устройства обедов для старцев (II. IX, 69 sqq.).

В принципе у каждого человека, претендующего на то, чтобы считаться ἀγαθός, должны быть подвластные ему люди, хотя бы ими были всего лишь домашние рабы и слуги. Сообщая Евмею о своем намерении пойти в услужение к женихам, Одиссей мотивирует это свое решение тем, что сам Гермес одарил его необыкновенной способностью к приготовлению пищи и прислуживанию за столом, т. е. к той работе, — поясняет он, — «которую (обычно) низшие выполняют для знатных» (Od. XV, 324: ο ἅ τε τοῖς ἀγαθοῖσι παραδρῶσι χέρηες). Ἀγαθοί и χέρηες здесь явно противостоят друг другу как две категории лиц с различающимся социальным статусом, одна из которых всегда и при всяких обстоятельствах должна прислуживать другой, а другая принимать ее услуги²⁹. Главное, что отличает «знатного» от «низшего» в этой ситуации — это, безусловно, принадлежащее ему богатство («низший» потому и идет в услужение к «знатному», что, будучи бездомным бродягой, человеком без собственности, не может сам обеспечить себя пропитанием). Практически «знатным» здесь может оказаться любой зажиточный крестьянин, имеющий достаточно средств для того, чтобы содержать рабов или поденщиков.

Хорошо сознавая, что все люди различаются между собой по степени богатства и обычно сопутствующего ему могущества, Гомер очевидно, допускает, что среди самой знати могут существовать определенные градации, или ранги. Действительно, среди тех, кого он называет ἀγαθοί или ῥῆστοι, можно встретить как людей, определенно власть имущих (их общее обозначение в эпосе — ἡγήτορες ἢ δὲ μέδοντες; см.: II. IX, 17; X, 533; XI, 276 и др.), так

29 Ср.: Calhoun G. M. Classes and masses... P. 201.

и подвластных, хотя последние встречаются много реже, чем первые. В «Илиаде» к этой второй категории, безусловно, принадлежат друзья (εταίροι) главных героев. Как мы уже говорили, среди них могут быть и люди в полном смысле слова зависимые, например, слуги Ахилла — Патрокл и Автомедон, и те, кто живут своим домом, владеют большим имуществом и, следовательно, сами могут иметь подвластных им людей: рабов и слуг. Таковы уже известные нам «малые воители»: коринфянин Евхенор (II. XIII, 663 sq.), сикионец Валтор (II. XXIV, 296 sq.), безземельный мирмидонский ратник, сын старца Поликтора (II. XXIV, 396 sq.) в ахейском войске, товарищ Гектора Подес (II. XVII, 577) в лагере троянцев и некоторые другие второстепенные персонажи³⁰. Общими признаками всей этой группы действующих лиц можно считать: 1) отсутствие царского титула; 2) большое богатство, которое, возможно, в какой-то мере призвано компенсировать недостаток подлинной знатности; 3) то, что почти все они выполняют в поэме, так сказать, «страдательную» функцию, являясь жертвами других (главных) героев и уступая им либо жизнь, либо что-нибудь вместо нее, как, например, Эхепол. В совокупности все это создает представление об определенной социальной приращенности этой категории αἰθαοί, несмотря на то, что некоторые из них вхожи в круг царей и ведут тот же самый образ жизни (примером может служить друг Гектора Подес). Их положение кажется двойственным, так как, с одной стороны, не будучи царями, они, несомненно, являются частью демоса, т. е. подвластного населения общины, хотя, с другой стороны, их богатство и доблесть выделяют их из общей массы этого населения, позволяя считаться тоже знатью, однако несколько низшего разряда, нежели цари и их ближайшие сородичи³¹.

³⁰ К этой же группе, возможно, следует отнести и Полидаманта. Однако полной ясности здесь нет, так как этот герой, по крайней мере, в одном случае носит царский титул βαξ (II. XV, 453) и вместе с Гектором предводительствует троянским ополчением.

³¹ Факты такого рода прямо говорят против тезы Кэ́льхауна (*Calhoun G. M. Classes and masses...* P. 303 f.), согласно которой единственным видом социального различия, известным Гомеру, было (если не считать различия

Можно предположить, что эта схема социальной стратификации воспроизводит, конечно, лишь в самой условной и обобщенной форме реальную структуру верхушки греческого общества IX—VIII вв. Наряду с представителями старинной родовой знати эта прослойка могла включать в свой состав также и разбогатевших выходцев из простонародья. В число этих ἀνθρωποι πολύκλῃροι, как их называет сам Гомер (Od. XIV, 211), по-видимому, входили лица, имущественный достаток которых превышал порог (II. XXIV, 296 sq.) безземельных или скотом. В совокупности они составляли как бы промежуточный (буферный) слой между массой рядовых общинников и знатью в собственном значении этого слова, т. е. вождями гентильных объединений (басилеями, геронтами и пр.). В отличие от этих последних «многоклерные мужи», очевидно, не имели доступа к наследственным должностям во фратриях и филах и поэтому считались подвластными людьми (λαοί). Вместе с тем их богатство давало им право претендовать на особое положение в общине и домогаться подобающих такому положению почета и уважения³².

Разумеется, созданный Гомером «групповой портрет» греческой аристократии весьма далек от своего настоящего оригина-

между свободным и рабом) различие между царем-басилеем и рядовым общинником. В действительности, структура гомеровского общества была много сложнее. Ср.: *Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece 800-500 B. C.* New York, 1977. P. 123 ff.

³² Аналогичное разграничение между знатью по рождению и знатью по имущественному состоянию прослеживается во многих «варварских» обществах. Так, в Норвегии IX—X вв. вся общественная верхушка делилась на две категории: родовую знать (ярлов и херсиров) и богатых общинников (могучих бондов или хольдов). См.: *Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии.* М., 1967. С. 18 сл. Скандинавское «хольд» (букв. «герой») во многом созвучно гомеровскому использованию слова ρως, которое может обозначать в эпосе не только великого воителя, полубога, как в более позднее время, но и любого человека, пользующегося уважением в своей общине благодаря либо своему богатству, либо каким-нибудь другим достоинствам (так, в Od. II, 15, 157; VII, 156; VIII, 483; XIV, 96 sq.; XVIII, 423; XXIV, 451). В этом последнем смысле «героями» могут именоваться целые племена и общины, например феаки, которые ни с кем не ведут войн (Od. VII, 44). Ср.: *Fanta A. Der Staat...* S. 16 ff.

ла. На страницах «Илиады» и «Одиссеи» аристократия предстает перед нами такой, какой она, вероятно, хотела бы казаться окружающим, но отнюдь не такой, какой она была на самом деле. Поэтому основным признаком, выделяющим «лучшего мужа» среди толпы простых смертных, поэт считает не власть и не богатство, но воинскую доблесть и силу, в которых более, чем в каком бы то ни было ином качестве души или тела, проявляется благородство его происхождения. В каждом из своих героев Гомер стремится показать прежде всего искусного и неустрашимого воина, одинаково отважного в бою, в разведке, в засаде, способного на самое рискованное предприятие. Труслив и немошен только Терсит, единственный во всей «Илиаде» человек из низов, названный прямо по имени. В этом смысле он являет собой прямую антитезу эпическому идеалу подлинно героической личности и, по-видимому, может считаться типичным представителем тех бесчисленных *οὐτίδανοί* в войске Агамемнона, о которых с таким горьким сарказмом говорит Ахилл (II. I, 231). Как и все они, он — «невоинственен и бессилен и (поэтому) ничего не значит в делах войны и совета». Эти слова Одиссея, обращенные к «мужу из народа» (II. II, 200 sq.), ясно дают понять, что в ахейском лагере под Троей, как, по-видимому, и повсюду в других местах, такие исконно героические качества характера, как отвага в бою, мудрость и рассудительность во время совещаний, считаются исключительной привилегией узкого круга басилеев и «превосходных мужей», тогда как вся остальная масса рядовых ратников к ним абсолютно непричастна³³. Косвенным подтверждением этой идеи служит вся система образов «Илиады» и «Одиссеи». Среди фигурирующих в поэмах великих воителей и мужей совета мы не найдем ни одного

³³ Кэльхаун не находит в этом эпизоде ничего похожего на «классовый антагонизм» (*Calhoun G. M. Classes and masses...* P. 304; ср.: *Шталь И. В.* Гомеровский эпос. М., 1975. С. 88 сл.). Тем не менее древние очень хорошо ощущали именно социальную заостренность сцены испытания войска. Подчеркнуто грубое обращение Одиссея с «мужем из народа» вызывало возмущение у многих читателей «Илиады» в демократических Афинах (см. Хеп. Мем. I, 2, 9).

человека презренного рода, ни одного с ясно выраженными признаками социальной неполноценности.

В понимании Гомера, высокий социальный статус, показателями которого обычно служат в поэмах богатство и власть, логически дополняет весь набор высоких личных качеств идеального героя как достойное воздаяние за его доблесть. С предельной ясностью эта мысль выражена в известном обращении предводителя ликийцев Сарпедона к своему другу и соратнику Главку (II. XII, 310 sq.): «Сын Гипполохов! За что перед всеми нас отличают местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей в царстве ликийском и смотрят на нас, как на жителей неба? И за что мы владеем при Ксанфе уделом великим, лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей? Нам, предводителям, между передних героев ликийских должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться» (пер. Н. И. Гнедича)³⁴. По существу, личные качества идеального героя органически слиты с его социальными признаками, характеризующими его как представителя определенной категории или породы людей, и составляют вместе с ними единый нравственно-эстетический идеал, во многом приближающийся к позднему понятию калокагатии. В соответствии с этим такие обычно используемые для характеристики героя эпитеты, как *ἀριος*, *ἀριστεύς*, *αγαθός* и т. п., могут иметь двоякое значение «доблестный и знатный»³⁵. В зависимости от контекста на первый план выступает то один, то другой из этих двух смысловых оттенков.

³⁴ Звучащее в этих строках нравственное оправдание привилегированного положения царей характерно для зрелых форм эпоса, к которым, несомненно, может быть отнесена «Илиада». Однако на более ранних стадиях развития эпической поэзии потребность в таком оправдании, по-видимому, отсутствовала. В первобытном обществе богатство и могущество вождя считаются столь же естественными проявлениями его жизненной силы, как и его воинская доблесть. См.: *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М., 1964. С. 341 слл. Ср.: *Ярхо В. Н.* Вина и ответственность... С. 8.

³⁵ По Гофману, обычное значение *αγαθός* в эпической речи — «*tapfer-adelig*» (*Hoffmann M.* Die ethische Terminologie... S. 73). Ср.: *Gerlach J.* Ἀνὴρ ἀγαθός. München, 1933. S. 16; *Snell B.* Lexicon..., s.v. *αγαθός*.

Сам поэт обычно едва ли задумывается над тем, что первично и что вторично в этом сочетании знатности и доблести, социального и асоциального начала (по-видимому, как то, так и другое для него, если прибегнуть к философской терминологии, лишь две разные акциденции одной и той же субстанции). Однако если такой вопрос все же возникает, решительное предпочтение отдается доблести. Именно в таком плане разрешается, как известно, основная сюжетная коллизия «Илиады». После ряда драматических перипетий посрамленные знатность и могущество (Агамемнон) признают свое поражение в состязании с силой и доблестью (Ахилл)³⁶.

Как высшее проявление жизненной силы героя, воплощающее в себе наиболее активную, динамическую сторону его натуры, воинская доблесть, безусловно, доминирует над всеми другими чертами и признаками «лучшего мужа». Более того, именно она связывает в единое органическое целое всю совокупность этих признаков. Только с ее помощью герой способен оправдать свое происхождение и в то же время добиться такого положения в обществе, которое достойно настоящего ἀρίστος. В этом смысле типичным образом «героической карьеры» может служить история Беллерофонта, рассказанная в VI песни «Илиады» (155 sqq.). Изгнанный из Аргоса по клеветническому навету и посланный на верную гибель в Ликию, он не только счастливо избежал смерти, но и совершил выдающиеся подвиги, чем убедил ликийского царя в божественности своей породы, заставив его отдать ему половину своей царской почести вместе с рукой дочери.

В том условном воображаемом мире, в котором живут и действуют персонажи гомеровских поэм, вполне достаточно одного героического усилия для того, чтобы преодолеть огром-

³⁶ Источник конфликта в том, что доблесть Ахилла намного превосходит его политическое могущество. Напротив, порожденные огромной властью амбиции Агамемнона не соответствуют его личному боевому потенциалу. На это дипломатично намекает Нестор в своем обращении к Ахиллу (II. I, 280 sq.): «Хоть ты и сильнее (καρτερός ἐσσι), ведь ты рожден матерью-богиней, он все же могущественнее тебя (φείρτερός ἐστιν), ибо над многими властвует (ἐλεῖ πλεόνεστον ἀνάσσει). Ср. II. I, 178, 186 и IX, 160 sq.

ное расстояние, отделяющее высшую точку эпической социальной системы от ее основания. Так, нищий бродяга, сумевший натянуть богатырский лук отсутствующего героя и выпустить из него стрелу, может тут же сделаться царем (разумеется, лишь при том условии, что он с самого начала был царем, только на время притворившимся бродягой). Однако в реальной жизни, абсолютно во всем противоположной эпической действительности, все обстоит совсем по иному. Гомер достаточно ясно показывает это в той же кульминационной сцене натягивания лука. Уговаривая женихов позволить чужеземцу испытать свои силы в устроенном ею состязании, Пенелопа мотивирует это тем, что он, во-первых, высок ростом и «крепко сколочен», во-вторых, же, происходит от «доблестного отца» (Od. XXI, 334 sqq.: πατρός δ' ἐξ ἀγαθοῦ γένος εὔχεται εἶμεναι υἱός). Сама она при этом ни на минуту не допускает даже и мысли о том, что бездомный бродяга может стать одним из претендентов на ее руку наравне со знатными женихами (ibid., 314 sqq.). Самое большее, на что он может надеяться в том случае, если ему все же удастся натянуть лук Одиссея и пропустить стрелу через двенадцать железных колец, это — пара платья, сандалии, меч и копье для защиты от собак и разбойников (ibid., 338 sqq.). Женихи, со своей стороны, более всего боятся позора, который неминуемо их постигнет, если дерзкий нищий сумеет сделать то, что не удалось ни одному из них (ibid., 323 sqq.)³⁷. Мысль о том, что Пенелопа может остановить на нем свой выбор, нико-

³⁷ В обрисовке женихов в поэме чувствуется известная двойственность. В одном случае сам Одиссей презрительно третирует их как жалких и ничемных людишек, называя их παῖροι καὶ οἵη ἀγαθοί (Od. XVIII, 382 sq.; ср. XXI, 325 sq.). Этому противоречат, однако, его же собственные слова (XXIII, 121 sq.): «Ведь мы перебили опору города, лучших юношей на Итаке». Едва ли правы те авторы, которые усматривают в антипатии поэта к женихам одно из проявлений его вражды к аристократии в целом (см.: Rose P. W. Class ambivalence... P. 137). В действительности Гомер лишь показывает на этом примере, что такое дурные аристократы (тираны или олигархи), отнюдь не ставя под сомнение права и привилегии всего правящего «класса»: Straßburger H. Die soziologische Aspekt der homerischen Epen // Gymnasium. 1953. Bd. 60. S. 113; Jaeger W. Paideia. Bd. I. Berlin, 1959. S. 44 f.).

му из них не приходит в голову. Такое совмещение в одном эпизоде условно-героического и конкретно-бытового (реалистического) планов имеет чрезвычайную ценность для историка. Благодаря ему мы получаем возможность убедиться в том, насколько существенно действующая в поэмах система социальных оценок отличается от тех реальных критериев, которые определяли социальный статус человека в греческом обществе гомеровской эпохи. Изображая поведение своего героя в роли мнимого нищего и реакцию на него со стороны окружающих, поэт ясно дает понять, что главенствующее место среди этих критериев отводилось отнюдь не воинской доблести и даже не благородному происхождению, но таким объективным показателям жизненного преуспевания, как богатство и обычно сопутствующие ему могущество и влияние.

Говоря о используемых в эпосе критериях общественного престижа, нельзя не коснуться и вопроса о так называемом «героическом образе жизни». Как было уже замечено, единственным достойным «лучшего мужа» способом обогащения Гомер считает войну, приносящую его героям как непосредственный доход в виде захваченной добычи, так и косвенные выгоды в виде «почестей», которыми благодарный народ вознаграждает своих царей и военачальников за их ратный труд. Занятие торговлей, по крайней мере, в одном случае (Od. VIII, 159 sqq.) прямо осуждается как дело недостойное «порядочного человека»³⁸. О какой-либо трудовой деятельности своих героев

³⁸ Противопоставление атлета корабельщику в этом эпизоде имеет явно иронический подтекст. В конце концов настоящим атлетом в самом высоком героическом значении этого слова оказывается измученный скитаниями корабельщик (Одиссей), а не кичащийся своей тренированностью феакийский аристократ Евриал. Тем не менее, никто из героев поэм торговлей, действительно, не занимается. В виде исключения можно сослаться лишь на двух второстепенных персонажей: царя Лемноса Евнея (II. VII, 474) и вождя тафийцев Ментеса (Od. I, 183). Искусственность этой схемы совершенно очевидна, если учесть, что пиратство и торговля были в ту эпоху, по сути дела, лишь двумя сторонами одной и той же профессии. Ср.: *Finley M. I. The world of Odysseus*. New York, 1978. P. 68 ff.; *Hasebroek J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit*. Tübingen, 1931. S. 31 f.

поэт, как правило, умалчивает³⁹. Может показаться, что почти непрерывное чередование походов и битв не оставляло аристократу гомеровской эпохи времени для каких-либо иных занятий, кроме пиров и атлетических состязаний в краткие часы досуга, выпадающие между сражениями. Именно эта иллюзия непрерывного ратоборства нередко дает повод для сближения гомеровской знати с феодальной аристократией европейского средневековья⁴⁰.

В действительности, повседневная жизнь верхушки раннегреческого общества едва ли существенно отличалась от жизни и быта его основной в то время по преимуществу крестьянской массы. Безусловно, военные походы и практически ничем не отличающиеся от них пиратские набеги играли немалую роль в житейском укладе этой прослойки и служили для нее важным хозяйственным подспорьем и средством обогащения. Можно предполагать, что в среде аристократии мобильность отдельных индивидов, а в равной степени и их склонность ко всякого рода авантюрам в среднем были выше, чем в среде рядовых общинников, многие из которых не располагали ни достаточными средствами, ни необходимым досугом для устройства военных экспедиций. Отсюда, однако, еще далеко до настоящего военного профессионализма средневековых баронов и рыцарей. В отличие от этих последних, гомеровские *ἀριστοί*, по-видимому, совмещали военные предприятия с занятиями земледелием и скотоводством, причем для большинства из них такого рода хозяйственная деятельность служила главным ис-

³⁹ В «Илиаде» эпизодически упоминаются сыновья Приама и других царей, которые пасут за городом в горах отцовские стада или занимаются какой-нибудь другой работой (XI, 105; XXI, 36 sqq.; XXIV, 29; ср. VI, 25, 423 sq.; XX, 188). В «Одиссее» нечто подобное делают сыновья старца Египтия, о которых сказано, что они *αἶψά γ' ὅν πατρὶα ῥυα* (II, 22; ср. там же, 252). Эти разрозненные эпизоды показывают, что вопреки господствующей в поэмах концепции героического *modus vivendi* физический труд не был совершенно чужд высшему слою гомеровского общества.

⁴⁰ *Pohlmann R. von. Aus Altertum und Gegenwart*. München, 1911. S. 153 ff.; *Hasebroek J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte...* S. 18 f.; *Schachermeyr Fr. Griechische Geschichte*. Stuttgart, 1960. S. 83 ff. Ср.: *Straßburger H. Die soziologische Aspekt* S. 99 ff.

Интересно сравнить с только что цитированным отрывком другое место из той же «Одиссеи» (XVIII, 366 sqq.). В ответ на оскорбительную выходку Евримаха, попрекающего нищего странника ленью и дармоедством, Одиссей вызывает спесивого предводителя женихов на соревнование в косье и пахоте. Горделиво повествуя о своем искусстве во всех этих видах крестьянского труда, он тут же присовокупляет, что никому не уступил бы и в сражении, «если бы Кронион вдруг сейчас возбудил войну». Как мы видим, трудолюбие крестьянина и воинская доблесть аристократа — эти две, казалось бы несоединимые, в глазах эпического поэта, добродетели здесь поставлены рядом как вполне равноправ-

⁴¹ В «Одиссее» мы сталкиваемся уже с прямым осуждением пиратства как ремесла, недостойного порядочного человека. По крайней мере, в одном случае (XIV, 85 sqq.) пираты характеризуются поэтом, как «люди злонамеренные» (*δυσημενές καὶ ὑάρσιοι*). Аналогичный смысл имеет, по-видимому, и стандартный вопрос, с которым береговые жители обращаются к мореплавателям, желая выяснить, не морские ли они разбойники (Od. III, 71 sqq.; IX, 252 sqq.; Hymn. Apoll. Pyth., 452 sqq.).

Греция к концу VIII в. до н.э.

ванное прошлое, которое вместе с тем мыслилось и как прообраз желаемого будущего⁴⁵. Как поэт, нашедший оптимальную художественную форму для воплощения пробуждающегося классового сознания общественной верхушки, Гомер, безусловно, заслуживает того, чтобы быть названным не только идеологом, но и великим воспитателем греческой аристократии⁴⁶.

Учитывая все это, современный исследователь должен, по возможности, четко разграничивать в созданной воображением Гомера картине «героического века» привнесенные туда элементы современной поэту действительности и утопические мечты об идеальном аристократическом полисе. В противном случае

⁴⁵ Определенную роль в формировании гомеровского аристократического этоса, по-видимому, сыграли элементы микенской поэтической традиции, еще не совсем изжитые в греческом эпосе IX—VIII вв. Однако основной импульс исходил, безусловно, из социальной среды, окружавшей самого поэта. Ср. противоположные суждения по этому вопросу в работах Кёрка и Гринхалла (*Kirk G. S. War and the warrior... P. 101 f.; Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare. Cambridge, 1973. P. 165 f.*)

⁴⁶ Вопреки широко распространенному мнению аристократизм гомеровской поэзии не исключает ее народности (если, конечно, не смешивать народность с простонародностью). В своем творчестве эпический поэт, несомненно, обращался к самой массовой, поистине всенародной аудитории (у нас нет никаких оснований считать его «придворным певцом», который улаждал своим пением только «вскормленных Зевсом царей» и их ближайшее окружение). Не следует, однако, забывать о том, что сама эта аудитория была организована по иерархическому принципу, что основным ее ядром была влиятельная прослойка родовой знати, политически и идеологически главенствовавшая над массой рядовых общинников. Именно поэтому аристократия, ее мораль, ее жизненные принципы оказались в центре внимания создателя (или создателей) «Илиады» и «Одиссеи», вследствие чего обе поэмы приобрели ясно выраженный отпечаток «классовой» тенденциозности. Ценные суждения о социальной природе гомеровской поэзии см. в работах: *Тронский И. М. Проблемы... С. XLII; Ярхо В. Н. Вина и ответственность... С. 6 слл.; Kirk G. S. The Songs of Homer. Cambridge, 1962. P. 137 ff.; Bowra C. M. Homer. P. 166 f.; Ritook L. Stages in the development of Greek Epic // Acta antiqua Acad. Scient. Hungar. 1975. T. XXIII, f. 1-2. P. 133 ff.; Finley M. I. The world... P. 112. Ср.: Сахарный Н. Л. Илиада. Разыскания... С. 74 слл.; Толстой И. И. Аэды. С. 52 слл.; Лосев А. Ф. Гомер. С. 108 слл., 173; Donlan W. The Tradition... P. 151 ff.; Rose P. W. Class ambivalence... P. 148.*

мы рискуем впасть в довольно обычное для западных историков заблуждение, уподобив примитивную гомеровскую общину вполне сложившемуся классовому обществу с четко оформленной системой сословий. Не следует забывать о том, что во времена создания «Илиады» и «Одиссеи» процесс классовообразования в Греции только еще начинался и разрыв между высшими и низшими слоями общества не мог быть особенно большим. Правда, мы нигде не находим в эпосе и абсолютного или почти абсолютного равенства, характерного для первобытной общины. Все доступные нам данные свидетельствуют о глубоком имущественном и социальном расслоении массы общинников, о выделении в их среде влиятельной группы аристократических семей. Некоторые из этих фамилий, отличавшиеся особенным могуществом и богатством, уже владели наследственными привилегиями, причитающимися им как родовым или племенным вождям и жрецам (впрочем, сама наследственность этих привилегий, как будет показано далее, еще долгое время оставалась весьма относительной). По существу, в их руках сосредотачивалась вся реальная политическая, военная и судебная власть в общине.

Ранее мы уже говорили, что род как особая форма социальной организации практически обходится в эпосе молчанием. Очевидно, древний отцовский род ко времени создания поэм уже успел утратить свое значение. Новые аристократические кланы (γένη) типа коринфских Бакхиадов или афинских Алкмеонидов в то время еще, по-видимому, только начинали формироваться и по этой причине остались «незамеченными» Гомером⁴⁷. Тем не менее, как показывает использованный нами материал, тенденция к генеалогическому размежеванию между знатью и простонародьем уже достаточно ясно выражена в обоих гомеровских поэмах. Потребность в таком размежевании должна была быть тем более острой, что испокон веков семьи знати и семьи рядовых общинников входили в состав одних и тех же

⁴⁷ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. III. S. 283 ff.; Ferguson W. S. The Athenian Phratries // CPh. 1910. Vol. 5. P. 278 ff.; Busolt G., Swoboda ff. Griechische Staatskunde. Hauptteil II. München, 1926. S. 771. Ср.: Bourriot F. Recherches sur la nature du Genos. T. 1. Lille-Paris, 1976. P. 236 ss.

гентильных коллективов (фратрий и фил) и, следовательно, по крайней мере, «теоретически» должны были считаться людьми «одной крови» и иметь общих предков⁴⁸. Правда, по традиции самыми знатными, вероятно, считались представители старшей ветви данной фратрии или филы, в силу этого претендовавшие на прямое происхождение от героя или бога-родоначальника. Представители младших или боковых ветвей соответственно зачислялись в разряды низшей знати или простых свободных⁴⁹. Два фактора, однако, должны были рано или поздно вывести из равновесия этот издревле заведенный порядок: во-первых, естественное разрастание самих аристократических фамилий и, во-вторых, появление на сцене разбогатевших выходцев из просто-народья, претендовавших так же, как и знать, на особое положение в общине. Обе эти тенденции должны были до крайности обострить борьбу за первенство внутри родовых объединений, что и привело со временем к образованию в их составе замкнутых корпораций знати гентильного или квазигентильного типа.

Однако в период, который мы считаем собственно гомеровским, этот процесс, по-видимому, еще не успел зайти очень далеко и между знатью и рядовыми общинниками еще не возник тот непроходимый барьер, который разделял эти две социальные группы в более поздние времена⁵⁰. Несмотря на особое, можно сказать, привилегированное положение, занимаемое ею внутри

⁴⁸ Calhoun G. M. Classes and masses... P. 308.

⁴⁹ Сходные формы социальной организации засвидетельствованы у многих народов, находившихся на стадии разложения первобытно-общинного строя. См.: Крюков М. В. Социальная дифференциация в древнем Китае (опыт сравнительно-исторической характеристики) // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 208 слл.; Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1975. С. 121; Andreev J. V. Die homerische Gesellschaft // Klio. 1988. Bd. 70. H. 1. S. 76. Anm. 223.

⁵⁰ Переход из одной социальной категории в другую, более высокую, уже и в те времена, разумеется, не был ни простым, ни легким. Тем не менее поэт не исключает такую возможность, показывая на примере уже известного нам сына Кастора (Od. XIV, 204 sqq.), как человек, оказавшийся на грани социальной деградации, мог прославиться и разбогатеть благодаря своей энергии и предприимчивости. Ср.: Finley M. I. The world... P. 53.

общины, и попытки еще более углубить эту обособленность с помощью генеалогических выкладок, доказывающих высокое благородство ее происхождения, знать сохраняла достаточно тесную связь с народной массой. Ее объединяла с ней и принадлежность к одним и тем же гентильным союзам, в которых «лучшие» люди по традиции выполняли функции предводителей «пастырей народа», простые же общинники довольствовались ролью их послушной паствы, и общность взглядов и убеждений (особая аристократическая идеология только еще начинала складываться), и не в последнюю очередь все еще весьма значительное сходство в образе жизни. По существу, аристократические фамилии составляли в гомеровском обществе лишь верхушечную часть демоса, прослойку наиболее зажиточных крестьян, еще не отделившуюся окончательно от основной массы свободных земледельцев. Именно этим объясняется, на наш взгляд, та свойственная эпосу зыбкость, нечеткость грани, отделяющей понятие знати от понятия народа, при которой одни и те же персонажи, например, Полидамант в «Илиаде», женихи в «Одиссее», выступают подчас в ролях, казалось бы, диаметрально противоположного социального плана. В обществе с устоявшейся системой сословного деления такие перевоплощения едва ли были бы возможны даже в условном мире эпической поэзии.

В чисто экономическом плане и аристократический ойкос, и семья рядового общинника («мужа из народа») были вполне однотипными образованиями. Различие между ними состояло не в методах ведения хозяйства и не в источниках обогащения, а лишь в масштабах их применения. Материал эпоса не дает никаких оснований для того, чтобы говорить о систематической эксплуатации знатью свободного населения общины (в этом наш взгляд на гомеровское общество опять-таки расходится со взглядами сторонников пресловутой «феодальной концепции»). Так называемые «дары» и другие подобные им поборы, по-видимому, должны быть отнесены к «скрытым» формам эксплуатации, характерным для эпохи классообразования⁵¹. Судя по

⁵¹ Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя... С. 116, 120.

всему, они еще не успели приобрести характера регулярной повинности и к тому же были доступны не всей знати, а только ее верхнему слою — басилеям и их семьям⁵². В нашем распоряжении нет также никаких данных, которые позволили бы говорить о функциональной стратификации гомеровской общины и о превращении знати в замкнутую касту профессиональных воинов или жрецов, как это было, например, в микенских дворцовых государствах. Из всего этого следует, что знать в гомеровском обществе еще не успела стать ни сословием, ни, тем более, классом в том значении этого слова, которое вкладывает в него марксистская историческая наука. Скорее можно было бы определить ее как высший слой или разряд (ранг) свободных общинников, заключающий в себе лишь зачатки будущего класса или сословия⁵³. Иными словами, в поэмах Гомера зафиксирован тот переходный исторический момент, когда, по выражению А. М. Хазанова, «родо-племенная аристократия давно уже перестала быть „слугой“ общества, но еще не стала его полновластным господином»⁵⁴.

⁵² Гораздо шире были распространены и, несомненно, носили более систематичный характер различные формы эксплуатации, практиковавшиеся внутри домохозяйства отдельной семьи либо под прикрытием традиций патриархальной опеки, либо без него. Сюда можно отнести использование труда рабов, принятых в дом слуг, отдельно живущих клиентов, наконец, наемных батраков и поденщиков (фетов). Однако во всех этих случаях, за исключением, может быть, только клиенты, объектом эксплуатации становились, как правило, лица, лишенные собственности и стоящие в силу этого вне рамок общины.

⁵³ О социальных слоях или разрядах в предклассовом обществе см.: Fried H. M. The Evolution of political Society. New York, 1967. P. 186 ff.; Гуревич А. Я. Свободное крестьянство... С. 18 сл.; Крюков М. В. Социальная дифференциация... С. 244 сл.; Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя... С. 118 сл.

⁵⁴ Хазанов А. М. Там же. С. 128.

ГЛАВА VI

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОМЕРОВСКОЙ ОБЩИНЫ

1. Цари и царская власть

Как правило, система управления «нормального» эпического полиса складывается из трех основных элементов: царя или царей (обычный, хотя, по-видимому, и не вполне правильный перевод гомеровского термина βασιλεύς или resp. βασιλῆες) ¹, вета старцев и народного собрания. Наименее постоянной и поэтому с наибольшим трудом поддающейся точной идентификации величиной в этой троичной формуле является, безусловно, царская власть. Специфика гомеровской бацилеи может быть понята лишь в том случае, если мы с самого начала твердо уясним себе, что и сами образы царей в поэмах и те prerogative, которыми их наделяет поэт, по существу, заведомо анахронистичны.

Из своих фольклорных источников Гомер мог, по-видимому, почерпнуть лишь весьма приблизительное представление о власти и могуществе ахейских владык микенского времени. Однако, творчески перерабатывая древние мифы о ванактах «златообильных Микен», Пилоса, Спарты, переводя их на язык, понятный его аудитории, поэт неизбежно должен был вступить на

¹ Об этом термине так же, как и о других гомеровских терминах власти, см.: *Marat K.* Basileus // *Acta antiqua Acad. Scient. Hung.* 1962. T. X. P. 175 ff.; *Puhvel J.* Helladic Kingship and the gods // *Minoica*. Berlin, 1958. P. 328 ff.; *Gschnitzer Fr.* Βασιλεύς. Ein terminologischer Beitrag zur Frühgeschichte des Königtums bei den Griechen // *Festschrift L. C. Franz*. Innsbruck, 1965. S. 102 ff.; *DegerS.* Herrschaftsformen bei Homer. Wien, 1970. S. 44 ff.; *Maddoli G.* Damos e basilees // *SMEA*. 1970. F. XII. P. 51 sgg.; **Andreev J. V.* Könige und Königsherrschaft in den Epen Homers // *Klio*. 1979. Bd. 61. H. 2. S. 361-384.

путь той наивной модернизации прошлого, к которой прибегали в своих картинах средневековые художники-примитивы, изображая библейских царей и римских императоров в одежде и с атрибутами современных им королей и герцогов. С помощью такого приема традиционные для героической поэзии фигуры «рожденных Зевсом царей», облеченных неограниченной, монархической по своей природе властью, переводятся в совсем иную историческую плоскость — в чуждый для них, но привычный для самого поэта и его слушателей микрокосм архаического ионийского полиса. Лишь в редких случаях политические ситуации, свойственные микенской эпохе, предстают перед нами в поэмах, если и не в своем подлинном, первоначальном виде, то, во всяком случае, в достаточно большом приближении к нему, не растворяясь почти без остатка в позднейших напластованиях, как это бывает обычно.

Наиболее насыщен политическими реминисценциями микенского времени, безусловно, сюжет «Илиады», в которой элемент саги, исторического рассказа о подлинных событиях вообще выражен намного сильнее, чем во второй гомеровской поэме. Конечно, реальная коалиция ахейских государств, принимавших участие в походе на Трою в середине XIII в. до н. э., могла сильно отличаться от той панэллинской «армады», которую изображает Гомер, да и в его рассказе о перипетиях похода должно быть примешано немало поэтического вымысла и произвола, что было отмечено уже Фукидидом (1, 10, 3). Тем не менее наличие определенного исторического зерна в предании, положенном в основу сюжета «Илиады», отрицать трудно².

Разумеется, даже и при самом богатом воображении создатель «Илиады» едва ли был бы способен представить себе микенскую бюрократическую монархию во всей сложности ее внут-

² В целом по вопросу см.: *Carpenter R.* Folk tale, fiction and saga in the Homeric epics. Berkeley-Los Angeles, 1956. P. 45 ff.; *Page D. L.* History and the Homeric Iliad. Berkeley, 1959; *Finley M. I., Caskey S. L., Kirk G. S., Page D. L.* The Trojan War // *JHS*. 1964. Vol. 84; *Geiss H.* Troia-Streit ohne Ende // *Klio*. 1975. Bd. 57. H. 1; *Finley M. I.* The world of Odysseus. New York, 1978. P. 159 ff.

ренной организации, как мы представляем ее теперь на основании документов дворцовых архивов. И в этом смысле нельзя не согласиться с М. Финли, сказавшим о поэтах гомеровского круга: «Они знали из унаследованных ими формул о существовании великих правителей в Микенах, Пилосе и других «доисторических» центрах, но они реально не представляли себе, чем был этот великий микенский правитель, как он должен был себя вести и на чем основывалась его власть»³.

Среди фигурирующих в эпосе ахейских государств поэт, естественно, наибольшее внимание уделяет державе Агамемнона, самого могущественного из эллинских царей, верховного предводителя всей ахейской армии. Представления Гомера об этом государстве, если брать их, как нечто целостное, отличаются крайней неопределенностью и противоречивостью. Основная трудность состоит в том, что гомеровский текст не позволяет определить с достаточной ясностью то положение, которое занимает Агамемнон во главе ахейской коалиции, осаждающей Трои, характер его власти и его отношений с другими греческими героями⁴.

Сам «пастырь народов» ведет себя на протяжении поэмы в высшей степени непоследовательно, превращаясь из самодержавного деспота, почти тирана, каким мы видим его в I песни, особенно в сцене ссоры с Ахиллом, в мягкого и уступчивого «конституционного монарха» других эпизодов (см., например, II. VII, 407; IX, 17 sqq.; XIV, 103 sqq.). Другие герои, даже прекословя Агамемнону и с неопозволительной в подлинно монархическом государстве свободой поучая его, все же признают его первым среди них, «самым царственным» (βασιλεύτατος — см. II. IX, 69, ср. 160). Вообще «царственность» является такой же специфической, характерной чертой его образа, как хитроумие Одиссея, мудрость и житейский опыт Нестора, храбрость и сила Ахилла. Однако внутреннее

³ Finley M. I. Homer and Mycenae: Property and Tenure // Historia. 1957. Bd. VI. H. 2. P. 146.

⁴ Основные мнения по этому вопросу приведены у Дергера (Deger S. Herrschaftsformen... S. 63 f.).

содержание и масштабы этого понятия постоянно меняются, приспособляясь к конкретным перипетиям эпического рассказа. Если в одних случаях царственность Агамемнона вырастает до колоссальных размеров великой панэллинской державы, то в других она сужается до довольно заурядного «персонального лидерства» полководца, предводителя дружины, наконец, просто магистрата аристократического полиса⁵.

Во всем блеске своей славы и могущества, как великий владыка «всего Аргоса и множества островов», Агамемнон предстает перед нами в известном эпизоде со скипетром (II. II, 100 sqq.). В свое время Эд. Мейер высказал догадку, принятую за истину многими другими учеными: пассаж о скипетре является отголоском былого господства микенской династии над всем Пелопоннесом и ближайшими к нему островами или даже, как полагают некоторые последователи Мейера, над всей Балканской Грецией (выбор одного из этих двух вариантов зависит от того, как понимать название Аргос, которое встречается у Гомера как в том, так и в другом значении)⁶. Дешифровка Вентриса не обнаружила, однако, никаких следов этого гипотетического mykenische Grosskönigtum в документах дворцовых архивов Пилоса и Кносса. Среди табличек пилосского архива, например, не удалось найти пока ни одной, где говорилось бы о какой-то зависимости ванакта Пилоса от верховной власти «великого царя» Микен (последний вообще ни разу не упоминается в документах

⁵ Ср.: Finsler G. Das homerische Königtum // Neue Jahrb. f. kl. Alt. 1907. Bd. XIX. S. 401 f.; Deger S. Herrschaftsformen... S. 67-108; Codino F. Einführung in Homer. Berlin, 1970. S. 82 ff.; Гордезиани П. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. С. 335 сл.

⁶ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. II, 1. Stuttgart, 1928. S. 249; Leaf W. Homer and History. London, 1915. P. 191 f.; Nilsson M. P. Homer and Mycenae. London, 1933. P. 217 f.; Desborough V. R. d'A. The last Mycenaeans and their successors. Oxford, 1964. P. 218 f.; Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.-Л., 1957. С. 215 сл.. Ср.: Bethe E. Troia, Mykene, Agamemnon und seine Großkönigtum // Rheinisches Museum. 1931. Bd. 80. H. 3. S. 299 f.; Page D. L. History and the Homeric Iliad. P. 127; Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago, 1964. P. 265.

архива)⁷. К тому же в «Каталоге кораблей», т. е. в той части эпоса, которая, согласно широко распространенному мнению, наиболее точно воспроизводит политическую карту ахейской Греции, царство Агамемнона занимает сравнительно небольшую территорию в северо-восточном углу Пелопоннеса с главным центром в Микенах (II. II, 569 sq.). Большая часть Аргολиды с Тиринфом и собственно Аргосом остается за пределами этого домена⁸. Не означает ли это, что великая панаргосская держава Агамемнона представляет собой всего лишь продукт поэтического вымысла, ein Königtum von Dichters Gnaden, по остроумному определению Г. Яхманна?⁹ Возможность микенского происхождения предания о скипетре Агамемнона, тем не менее, остается. Сам Агамемнон в этом отрывке мало похож на рядового гомеровского басилея, все помыслы которого сосредоточены на его темене и кладовой, в которой хранятся его запасы бронзы и железа, а власть не выходит за рамки небольшой городской общины. Власть Агамемнона в пассаже о скипетре простирается на огромную территорию со множеством городов. Она покоится на божественном избранничестве царя, символом которого является «отеческий нетленный скипетр» Агамемнона, полученный его дедом Пелопсом от самого Зевса. Все эти признаки складываются в обобщенный и, конечно, в немалой степени идеализированный образ «харизматического» монарха микенской эпохи¹⁰. Гомер воспроизводит его в своей эпопее, вероятно, чисто автоматически, следуя какой-то давней и уже не вполне понятной ему традиции.

Со скипетром у Гомера в ряде случаев ассоциируется понятие «священного закона» (θέμις или чаще pl. θέμιτες), который также

входит в состав царской харизмы как передающийся по наследству дар богов их избраннику¹¹. В II. IX, 96 sqq. Нестор обращается к Агамемнону с такими словами: «Славнейший Атрид, владыка мужей Агамемнон, тобой я закончу речь, но с тебя же и начну, ибо над многими людьми ты властвуешь и тебе Зевс вручил скипетр и законы, дабы им советовать». Вырисовывающийся в этих строках (ср. II. IX, 156 и II, 206) образ боговдохновенного царя-законодателя, являющегося единственным проводником и истолкователем божественной воли, находит немало аналогий в литературе и изобразительном искусстве Древнего Востока. Несомненно, прав Уэбстер, который видит в теме «скипетра и законов» идеологический реликт микенской эпохи, усвоенный Гомером из предшествующей ему поэтической традиции¹². Угодливый тон речи Нестора выдает в нем опытного царедворца. Превознося Агамемнона как единственного в своем роде царя par excellence, он сам как бы забывает о своем собственном царском достоинстве. Та же логика, но уже с негативным оттенком и в известной инвективе Ахилла в I песни (231): «Царь, пожирающий народ, потому что властвуешь над ничтожествами...» (δημόβροτος βασιλεύς, ἐλεῖ οὐτιδανοῖσιν ἀνάσσεις). В этих и других аналогичных по смыслу эпизодах «Илиады» раскрывается конкретное политическое содержание таких эпитетов, сопровождающих имя Агамемнона, как ποιμήν λαῶν или ἀναξ ἀνδρῶν. Он, действительно, «пасет народы» Аргоса и «властвует над мужами» как самодержавный, неограниченный повелитель. Другие ахейские герои противопоставляются ему как его подданные (бесправный демос), или в лучшем случае, как вассалы и придворные. Как настоящий деспот Агамемнон способен открыто пренебречь волей народа и навлечь неисчислимые беды на целую армию ради своей единственной прихоти, как в инци-

⁷ Ср.: *Stella L. A.* La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965. P. 51; *Лурье С. Я.* Язык и культура... С. 216.

⁸ *Page D. L.* History and the Homeric Iliad. P. 127.

⁹ *Jachmann G.* Der homerische Schiffskatalog und die Ilias. Köln, 1958. S. 97. См. также: *Bethe E.* Homer. Bd. III. Leipzig, 1927. S. 11, 50; *Cauer P.* Grundfragen der Homerkritik. Bd. I. Leipzig, 1923. S. 274 ff.

¹⁰ *Deger S.* Herrschaftsformen... S 75 f.; ср.: *Bethe E.* Troia, Mykene... S. 229.

¹¹ Об этом понятии см.: *Ehrenberg V.* Die Rechtsidee im frühen Griechentum. Leipzig, 1921. S. 3 f.; *Vos H.* Θέμις. Utrecht, 1956; *Frisk H.* Die Stammbildung von Θέμις // *Eranos*. 1950. Bd. 48. H. 1.

¹² *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. London, 1958. P. 25 f.; *Deger S.* Herrschaftsformen... S. 83.

денте с Хризом в начале поэмы. Опять-таки из чистого каприза он может лишиться своего вассала его законной добычи, но он же может и щедро вознаградить его за понесенную потерю.

Примирительное послание Агамемнона Ахиллу в IX песни «Илиады» включает в себя одну из наиболее интересных микенских реминисценций во всем гомеровском эпосе. Чтобы смягчить разгневанного Пелида, Агамемнон предлагает ему в виде компенсации-за прежнее бесчестие наряду с другими дарами еще и руку одной из своих дочерей, а вместе с ней как приданое семь приморских городов на границе с «песчаным Пилосом» (149 sqq.). Их жители (ἀνδρες... πολύρρηδες πολυβοῦται) будут «дарами чтить» своего повелителя, «как бога» и, повинуясь его скипетру, исполнят установленные им «блестящие законы» (καὶ οἱ ὑπὸ σκήπτρῳ λιπαράς τελέουσι θέμιστας). Здесь снова Агамемнон предстает перед нами, как древний «харизматический» монарх, причем выясняется, что часть своей харизмы, или, как выражается сам Гомер, «чести» (τιμή) — власть над целым краем с населяющими его людьми и со всем их имуществом — он может уступить другому лицу в качестве примирительного дара и вместе с тем приданого к предстоящей свадьбе. По существу, эпизод этот логически развивает мысль, достаточно ясно выраженную поэтом уже в пассаже о скипетре. Только как владыка всего Пелопоннеса, Агамемнон мог подарить своему будущему зятю семь городов, расположенных довольно далеко от его главной резиденции в Микенах, на побережье Мессенского залива (на карте «Каталога кораблей» они должны были занимать место где-то на стыке между царствами Нестора и Менелая)¹³. Сам мотив дарения городов, крайне редко встречающийся у Гомера¹⁴, восходит,

¹³ Jachmann G. Der homerische Schiffskatalog... S. 98; Лурье С. Я. Язык и культура... С. 194 сл.

¹⁴ В параллель с этим отрывком можно поставить еще лишь два места: II. IX, 483 sq. и Od. IV, 174 sqq. Некоторые авторы видят в них свидетельство существования феодальных отношений в гомеровском обществе. См.: Nilsson M. P. Homer... P. 236 f.; Jeanmaire ff. Couroi et couretes. Lille, 1939. P. 109; Webster T. B. L. From Mycenae... P. 106; Will Ed. Aux origines du

вне всякого сомнения, к древнейшим (микенским) пластам эпической традиции. Трудно себе представить, чтобы во времена всеобщего оскудения и упадка, полнейшей политической дезинтеграции, царивших в Греции после так называемого «дорийского завоевания», здесь нашелся хотя бы один правитель, который был бы в состоянии без большого ущерба для себя подарить кому бы то ни было целый город. Рядовому гомеровскому бацилею такого рода «царственная щедрость» была бы явно не по карману. Его богатство, за счет которого он мог обмениваться дарами с другими бацилями, устраивать пиры для друзей и предпринимать пиратские экспедиции в чужие края, исчислялось в бронзовых котлах и треножниках, штуках носильного платья и в головах крупного и мелкого скота, но никак не в подвластных ему городах. О великих царях, которым прислуживали другие цари и которые были способны награждать своих слуг и друзей, вручая им целые области со всем их населением, и сам поэт и его слушатели знали, вероятно, только понаслышке.

Напротив, в условиях квазифеодальной микенской монархии с ее сложной иерархической структурой и весьма значительной, в сравнении с позднейшим греческим полисом территорией, такой акт щедрости был бы естественным проявлением могущества и авторитета главы государства. Насколько можно судить по данным табличек линейного письма. Б, типичное микенское царство представляло собой конгломерат небольших городков (полисов), группировавшихся вокруг дворца-цитадели, резиденции ванакта. Правители этих городков (скорее всего, это были бацили — ra-si-re-u, упоминающиеся в табличках пилосского и кносского архивов)¹⁵ считались, судя по всему, подцан-

regime foncier grec: Homere, Hesiodé et Garnère plan mycénien // REA. 1957. T. 49. P. 45. Против этой трактовки: Finley M. I. Homer and Mycenae... P. 139 f.; Deger S. Herrschaftsformen... S. 89, Anm. 379, 111.

¹⁵ См. О них: Webster T. B. L. From Mycenae... P. 15; Stella L. A. La civiltà micenea... P. 54 sg.; Pugliese Carratelli G. Dal regno miceneo alla Polis // Dalla tribù alio stato. Roma, 1962. P. 178 sgg.; Maddoli G. Damos... P. 52 sg.; Лурье С. А. Язык и культура... С. 220 сл.; Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура пилосского общества. М., 1978 С. 224 сл.

ными (вассалами) династа — владельца цитадели. Можно предположить, хотя прямых указаний на это в документах линейного письма Б мы не находим, что в определенных случаях ванакт имел право передать один или даже несколько подвластных ему городов тому или иному лицу в качестве «кормления», подобно тому, как это делали в более позднее время, например, персидские цари, одаривая своих друзей¹⁶.

Нетрудно убедиться в том, что концепция неограниченной «милостью божьей» дарованной царской власти Агамемнона нигде в «Илиаде» не проводится с достаточной последовательностью и полнотой. Отдельные эпизоды, вроде пассажей о скипетре или о семи мессенских городах, в которых эта концепция очерчена наиболее рельефно, производят впечатление разрозненных семантических узлов древнего предания, скорее механически, без достаточного понимания, включенных Гомером в совершенно новый исторический контекст. Сам этот контекст довольно сложен и совмещает в себе, по крайней мере, два разнородных плана. С одной стороны, ахейская коалиция представляется поэту каким-то подобием дружины Агамемнона, временным объединением его друзей (ἑταῖροι), добровольно последовавших за ним под Трою, причем некоторых пришлось даже упрашивать (Il. XI, 768 sq.; Od. XXIV, 116) и связанных с ним только клятвой во взаимной верности (об этой клятве упоминают в разных местах Одиссей, Нестор, Идомей — см. Il. II, 286 sq., 339 sqq.; IV, 266; ср.: I, 153 sqq.). С другой стороны, некоторые характерные детали в изображении ахейского лагеря, например, наличие в нем специального места для судебного разбирательства (Il. XI, 807) или совершенно необязательный в военной обстановке совет «старцев» при Агамемноне, в котором единственным настоящим старцем является Нестор (Il. II, 53; IX, 70), позволяют видеть в нем своеобразный полис, возникший на вражеской территории. Управление этим полисом — дружиной носит скорее коллегиальный, чем единоличный ха-

рактер. Функции верховного органа власти здесь выполняет корпорация басилеев [они же — старцы (γέροντες), советники (βουλευφόροι), наконец, судьи (δικαστοί)], в составе которой Агамемнон как первый среди равных занимает место президента или регента (Терсит определяет его статус вполне республиканским термином — ἄρχος, см. Il. II, 234)¹⁷. Как тесно сплоченная группа власть имущих, ахейские басилеи противостоят массе рядовых воинов, например, в сцене испытания войска («Диапейра») во II песни «Илиады». Оскорбительные выпады Терсита в адрес Агамемнона они принимают и на свой счет. Поэтому Одиссей, выступающий здесь в роли главного поборника аристократического благозакония, требует от демагога, чтобы он прекратил препираться с царями и всеу поминать их имена, разглагольствуя перед народом (с м. Il. II, 247, 250).

Интересные метаморфозы претерпевает в этой сцене «нетленный отеческий скипетр» Агамемнона. Почти сразу вслед за открывающим сцену апофеозом «владыки мужей», в котором, как мы уже видели, ему отводится столь важное место, скипетр в наступившей смуте запросто переходит из рук своего законного владельца в руки Одиссея (эта деталь уже должна насторожить внимательного читателя). Этот последний использует его самым прозаическим образом — как простую палку для восстановления порядка в собрании и затем в эпизоде «посрамления Терсита» снова пускает его в ход как последний и решительный аргумент в споре с демагогом (см. *ibid.*, 185 sqq., 199, 265 sqq.). Все эти перипетии убеждают нас в том, что Гомер в общем далек от понимания подлинной природы царского скипетра. Он явно смешивает здесь две совершенно различные вещи: «священный скипетр» «священного царя», являющийся в одно и то же время символом и гарантией прочности и наследственности его власти (никогда и ни при каких обстоятельствах он не мог быть передан другому лицу, кроме законного наследника престола), и оратор-

¹⁶ См. Webster T. B. L. From Mycenae... P. 13 со ссылкой на восточные параллели.

¹⁷ Finster G. Das homerische Königtum. S. 401 f. Уже античные критики гомеровского текста оценивали политический режим в ахейском лагере как «аристократию». См.: Schol. ad Iliad. T 390.

ский жезл, переходивший во время народного собрания от одного выступающего к другому вместе с правом держать речь перед народом¹⁸. Этот скипетр в отличие от первого принадлежит не одному «избраннику божию», а всей правящей корпорации в целом и связанная с ним харизма распространяется соответственно на всех ее членов¹⁹.

Знаменитая тирада Одиссея о вреде «многоначалия» (πολυκρανίη) и необходимости единовластия (ibid. 203 sqq.) не вносит существенных изменений в общее впечатление, производимое сценой «испытания». Как замечает Морган, «у Улисса не было повода разбирать или защищать какую-либо форму правления, но у него было достаточно основания призывать к подчинению одному командующему войском перед лицом осажденного города»²⁰. В общем контексте II песни сентенции такого рода создают впечатление скорее демагогического камуфляжа, чем настоящего политического кредо. Призывая толпу повиноваться «одному предводителю, одному царю, коему это дано сыном хитроумного Крона», Одиссей сам, конечно, вовсе не собирается отказываться от власти, принадлежащей ему так же, как и всем другим ахейским басилеям. Его слова продиктованы сознанием

¹⁸ Finsler G. Das homerische Königtum. S. 407; Deger S. Herrschaftsformen... S. 84.

¹⁹ Так, скипетр, которым Ахилл скрепляет свою клятву в I, 237 sqq., принадлежит, по его словам, «сынам ахейян — судьям, которые хранят законы, полученные от Зевса» (νῦν αὐτὲ μὲν υἱὰς Ἀχαιῶν ἐν παλάμῃς φορέουσι διασπύλοι οἱ τε θέμιστας πρὸς Διὸς εἰρύαται). Древний семантический комплекс «скипетр и законы» здесь, таким образом, в корне переосмыслен поэтом. Διασπύλοι, о которых говорит Ахилл, по всей видимости, все те же ахейские басилеи, к числу которых принадлежит и сам Ахилл, и Агамемнон, и другие герои. Скипетр является здесь символом их общей судебной власти. В сцене суда, изображенной Гефестом на щите Ахилла (II. XVIII, 497 sqq.), скипетр переходит поочередно от одного старца-судьи к другому. Получив скипетр из рук вестника, каждый из них встает со своего места и изрекает приговор. Интересно, что царь в этом эпизоде вообще не упоминается. Но царями могут быть сами старцы (в «Одиссее» старцы-басилеи окружают Алкиноя так же, как в «Илиаде» Агамемнона).

²⁰ Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934. С. 144. См. также: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 106.

того, что дискредитировавший себя как диктатор Агамемнон все же нужен ахейской элите хотя бы в роли верховного главнокомандующего или, говоря иначе, как фетиш, с помощью которого она надеется удержать в повиновении непокорный демос²¹. Все эти наблюдения убеждают нас в том, что и царство Агамемнона и другие великие державы «Героического века» были для Гомера скорее абстрактными понятиями, лишенными реального исторического содержания и не находящими никаких аналогий в его собственном политическом и житейском опыте. За исключением стоящего особняком «Каталога кораблей», в которых политические отношения ахейского прошлого приведены в какое-то подобие системы и угадываются хотя бы общие очертания мифических и полумифических государств времен Троянской войны²², как в «Илиаде», так и в «Одиссее» встречаются лишь

²¹ Возможна, однако, и другая интерпретация этого места, если предположить, что вся сцена «испытания войска» подверглась позднейшей «редакторской правке» (см.: Leaf W. Introduction to the II song // Leaf W. (ed.). The Iliad. Vol. II. London, 1902. P. 47 f; Von der Mühl P. Kritisches Hypomnema zur Ilias. Basel, 1952. S. 32). В результате этой правки, возможно, инспирированной кем-то из тиранов архаической эпохи, первоначальная проаристократическая тенденция «Диапейры» могла быть приглушена и на первый план выступили «роялистские» мотивы. Ср.: Mireaux E. Les poemes homériques et l'histoire grecque. T. II. Paris, 1949. P. 158 ss.

²² Не вдаваясь в детальное рассмотрение дискуссионного вопроса о характере и датировке «Каталога», заметим лишь, что отстаиваемая целым рядом авторов теза о микенском происхождении этого любопытного текста (см.: Allen T. W. The Homeric catalogue of the ships. Oxford, 1921; Burr V. Νεὼν κατάλογος. Untersuchungen zum homerischen Schiffskatalog // Klio. 1944. Beiheft 49; Page D. L. History and the Homeric Iliad. P. 118 ff; Гопдезиани P. B. Проблемы... С. 171 слл., 328 сл.; Hope Simpson R. A. and Lazenby J. F. The Catalogue of the Ships in Homer's Iliad. Oxford, 1972) представляется нам недостаточно обоснованной. Элементы микенской исторической традиции, несомненно, присутствуют в «Каталоге», как, впрочем, и вообще в «Илиаде», причем не исключено, что процент их здесь несколько выше, чем в других частях поэмы, что можно объяснить специфической «антикварной» направленностью интересов его автора. Тем не менее, судя по ряду признаков, текст этот едва ли мог быть составлен ранее конца VIII в., а, возможно, даже и еще позднее. См.: Jachmann G. Der homerische Schiffskatalog... S. 34; Hampl Fr. Die Ilias ist kein Geschichtsbuch // Serta

случайные и отрывочные упоминания о больших царствах ми-кенского типа, по всей видимости, автоматически перенесенные в эпос из предшествующей поэтической традиции. Совершенно очевидно, что само понятие царства, равно, как и тесно связанная с ним концепция самодержавной деспотической власти царя «милостью божьей», чужды сознанию Гомера как наследие давно угасшей культуры. Объяснение этому факту найти нетрудно. Не приходится сомневаться в том, что в мире, окружающем поэта, доминирующей политической реальностью был единичный самодовлеющий полис, во многом уже приближающийся к обычному типу греческого города-государства. В соответствии с этим именно полис, а не какая-нибудь иная форма политической организации занимает центральное место в основных сюжетных коллизиях обеих гомеровских поэм²³.

Типичный гомеровский полис, будь то Троя, Итака, город феаков или, скажем, город, изображенный на щите Ахилла, обычно бывает наделен всеми признаками свободной, самоуправляющейся общины. В нем обязательно имеется в наличии агора — место для судебных тяжб и народных собраний и царский дворец, в котором пируют и совещаются о «государственных делах старцы народные». Сами понятия общины и города в их эпическом употреблении тесно между собой связаны²⁴. На

Philologica Aenipontana. Innsbruck, 1962. S. 61; *Finley M. I. et al. The Trojan War*. P. 7 f; *Giovannini A. Etude historique sur les origines du Catalogue des Vaisseaux*: Berne, 1969. См.: *Андреев Ю. В. Политическая география гомеровской Греции* (К вопросу о датировке «Каталога кораблей» в «Илиаде» // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 128—152; *Anderson J. K. The Geometric Catalogue of Ships // The Ages of Homer / Eds. J. B. Carter, S. P. Morris. Austin, 1995. P. 181-192.*

²³ *Hoffmann W. Die Polis bei Homer // Festschrift B. Snell. München, 1956. S. 154; Micknat G. Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte. I: Homer. Wiesbaden, 1954. S. 571 ff.; ср.: Gschnitzer Fr. Stadt und Stamm bei Homer // Chiron. 1971. Bd. 1. S. 15 ff.*

²⁴ Трудно согласиться с теми авторами, которые отказывают гомеровскому понятию полиса в каком бы то ни было политическом значении. Так, *Keil B. Griechische Staatsaltertümer // Einleitung in die Altertumswissenschaft / Hrsg. von A. Gercke und Ed. Norden. Bd. III. Leipzig-Berlin, 1912. S. 305;*

это указывают, например, формулы типа πῆμα (или *invers. χάρμα*) πόλῃ τε παντὶ τε δήμῳ (II. III, 50; XXIV, 706). Говоря о человеке, проводящем время в городе, Гомер употребляет характерный глагол ἐπιδημεύειν («находиться среди людей, среди народа» — Od. XVI, 29), давая тем самым понять, что именно полис является, в его глазах, важнейшим жизненным центром общины, ее главной резиденцией. По существу, община (демос) кончается там, где начинается «поле» соседнего полиса. Даже города, расположенные в близком соседстве друг от друга и заселенные одним и тем же народом, ведут, как правило, совершенно замкнутое, обособленное существование, почти не вмешиваясь в дела соседей. Лишь в случае общей опасности со стороны внешнего врага они объединяются в какое-то подобие временной симмахии, которая распадается сразу же, как только угроза извне минует. Примером такого аморфного сообщества полисов могут служить города Трояды. В II. IX, 328 sqq. Ахилл насчитывает двадцать три троянских полиса, взятых им с суши и с моря за десять лет войны. По-видимому, все они имеют своих собственных царей, причем нигде в «Илиаде» не говорится о какой бы то ни было зависимости этих «Stadtfürsten» от Приама, хотя некоторые из них связаны с ним и с его родом через посредство династических браков²⁵. Ни о какой иной форме политического единства, кро-

Hammond N. G. L. A History of Greece to 322 B. C. Oxford, 1959. P. 67; Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization, 1100-650 B. C. New York, 1961. P. 125. Ср.: Fanta A. Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck, 1882. S. 45; Thomas C. G. Homer and the Polis // La Parola del Passato. 1966. F. 21. P. 7; Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971. P. 435; Sarkady J. Outlines of the development of Greek society in the period between the 12th and 8th cent. B. C. // Acta Antiqua Acad. Scient. Hungar. 1975. T. XXIII, f. 1-2. P. 123; Luce J. V. The Polis in Homer and Hesiod // ProcIrishAc, Section C. 1978. P. 8 f.

²⁵ Так, Андромаха, супруга Гектора, происходит из Фив Киликийских (один из городов Трояды), принадлежавших до того, как город был разрушен Ахиллом, ее отцу, царю Эетиону (II. VI, 414 sqq.; ср. I, 336; II, 691; IX, 188; XXIII, 286). Лаотоя, одна из жен Приама, мать Ликаона, названа дочерью Альтеса, царя Педаса (II. XXI, 85 sqq.). Своих царей имеют также Лирнеес (II. II, 690 sqq.; ср. XIX, 296), Скирос (IX, 668), вероятно, также Зедея, Адрестея, Перкот и другие города Трояды, перечисленные в «Троянском Каталоге» (II. II, 824 sqq.). Ср. II. I, 163 sq.

ме, пожалуй, достаточно эфемерного военного союза нескольких городских общин здесь говорить не приходится.

Среди городов, о внутренней жизни которых поэт информирует нас более или менее обстоятельно, наиболее цельное и определенное впечатление в политическом плане производит, пожалуй, Троя. Приам скорее, чем кто бы то ни было из гомеровских царей, может быть признан единоличным правителем своего полиса, хотя и не обязательно в чисто монархическом смысле. Несмотря на свою старость и немощность, он является признанным главой общины. Не случайно сама Троя названа в «Илиаде» «великим городом владыки Приама» (VII, 296; XVII, 160; XXI, 309; Od. III, 107): *αστυ μέγα Πριάμοιο ἀναχτος* или *πόλις Πριάμοιο ἀναχτος* (II, 373; IV, 18, 290; XII, 11; XIII, 14; XVIII, 288; XXII, 165). Конструкции такого рода (*nomen urbis cum genetivo nominis regis*) — достаточно редкое явление в языке эпоса²⁶. Это обстоятельство, а также явно микенский титул Приама — *ἀναξ* — говорят о том, что перед нами очень древняя формула, выражающая тесную, можно даже сказать, кровную связь царя с его городом и народом. В том же направлении указывает и знаменитое пророчество о гибели Трои: *τίεσθε τοῖσιος ἱρή και Πριάμος και λαός εὐμμελίω Πριάμοιο* (II. IV, 46 sq.; VI, 449; VIII, 552; ср. XXIV, 27 sq.).

Кроме Приама, царские титулы (*βασιλεύς* или *ἀναξ*) носят его сыновья, например, Парис и Гелен (II. IV, 96; XIII, 582). Интересно, что Гектора поэт ни разу не называет «царем», хотя именно он является фактическим регентом при уже неспособном к реальному управлению Приаме и, очевидно, законным наследником его власти. Об этом достаточно красноречиво говорит имя или, скорее, прозвище маленького сына Гектора — *Ἀστυάναξ*, которое, по словам поэта (VI, 403), дали ему благодарные троянцы за то, что его отец один защищал Трою от врагов.

²⁶ В трех случаях из семи конструкция этого типа относится к другим троянским городам, помимо Трои. Так, Фивы Киликийские — священный «город Этиона» (II. I, 366); Лирнесс — «город Минеса» (II. XIX, 296); Скирос — «город Эниэя» (II. IX, 668). См. также II. II, 677, 730; XIV, 230; Od. III, 4; ср. X, 81. Показательно, что такие города «Одиссеи», как Итака и Схерия, ни разу не названы по имени своего царя.

Царская власть принадлежит Приаму и его детям как представителям старшей ветви рода Дарданидов, с незапамятных времен правящего Троей (см. его родословную в II. XX, 215 sqq.). Однако претенденты на престол имеются и в других побочных ветвях этого же рода. Одному из них — Энею суждено царствовать над троянцами, после того как погибнет ненавистное Зевсу «племя Приама» (об этом говорит Посейдон в II. XX, 302 sqq.). Ахилл, по-видимому, тоже что-то знающий об этом пророчестве, пользуется им как поводом для насмешек над Энеем, с которым он встретился на поле брани (*ibid.* 180 sqq.): «Или душа побуждает тебя сразиться со мной в надежде стать хозяином чести Приама среди троянцев, укротителей коней? Однако, если даже ты и снимешь с меня доспехи, Приам не передаст тебе свою почесть ради этого. Ведь у него есть сыновья...». Из этих слов следует, что Приам сам волен распоряжаться своей властью (поэт называет ее сначала *τιμή*, затем *ῥέρας*), которую он может передать (букв. «вложить в руку») кому угодно.

Рядом с Приамом мы видим совет, состоящий из семи «старцев народных» (*δημογέροντες*). Все они названы поименно в сцене «Тейхоскопии» (II. III, 146 sqq.). Среди них — три брата Приама: Ламп, Клитий и Гикетаон (ср. II. XX, 237 sq.) и еще четыре старца (Пантой, Тимоэт, Укалегон и Антенор), возможно, состоящие с ним в каком-то более отдаленном родстве, хотя прямо об этом нигде не говорится (интересно, что Анхиз, отец Энея в эту корпорацию не входит). Функции троянского совета не вполне ясны, хотя из одного места «Илиады» (XV, 722) видно, что власть его была довольно значительной и при случае старцы могли навязать свою волю даже «верховному главнокомандующему» Гектору.

В целом существующий в Трое политический режим можно охарактеризовать как один из вариантов примитивной монархии²⁷. Власть Приама в основе своей есть нечто иное, как *patria*

²⁷ Мы сознательно используем здесь этот пока еще мало употребительный термин, чтобы показать, что, несмотря на известное внешнее сходство с монархией, власть Приама представляет собой явление принципиально

potestas главы семейной общины в сочетании с верховным авторитетом родового вождя. Сам троянский демос, по-видимому, мыслится поэтом как единый разросшийся род потомков Дардана, в котором Приам вместе с его детьми занимает по праву старшинства главенствующее место. Все другие троянцы находятся как бы под его отеческой опекой и поэтому именуются «народом копьеносца Приама», а сама Троя «городом владыки Приама». Можно предположить, что с этим исконным архетипом патриархальной родовой общины в описании «троянской конституции» соединены и более поздние впечатления, вынесенные поэтом из наблюдения над современными ему политическими режимами типа родовых олигархий или династий таких, например, как режим Бакхиадов в Коринфе или режим Пентилидов в Митилене²⁸. Однако эти добавочные штрихи, если они действительно имеют место, достаточно органично вписываются в традиционную схему отеческой власти Приама, не нарушая ее целостности и законченности.

Гораздо более сложной и запутанной выглядит ситуация, сложившаяся на Итаке в связи с длительным отсутствием Одиссея. Изображая ее, поэт в какой-то мере исходил из традиционного представления об Одиссее как единственном и, очевидно, полновластном царе города и острова. Отголоски этой традиции проскальзывают в сетованиях Ментора и Пенелопы на неблагодарность граждан Итаки, забывших своего доброго царя и не заботящихся о его семье (Od. II, 230 sqq.; IV, 687 sqq.). Даже женихи признают Одиссея, хотя и против воли, своим законным государем. Евримах, пытаясь остановить уже начавшееся избие, молит Одиссея «пощадить свой народ» (XXII, 54 sq.). Принуждая Пенелопу к ненавистному ей браку, женихи, очевидно, рассчитывают, что ее избранник станет царем Итаки вместо

иного порядка. Моноκρατία — понятие более широкое, нежели монархия в обычном значении этого слова. В отличие от последней она охватывает и такие формы личной власти, которые могут существовать в бесклассовом обществе, например, власть родовых и племенных вождей. См.: La monocratie. Vol. 1. Bruxelles, 1970.

²⁸ Ср.: Deger S. Herrschaftsformen... S. 121 f.

Одиссея (XV, 519 sqq.; XXII, 50 sqq.). Здесь перед нами, несомненно, очень древний мифологический мотив: рука жены или дочери царя служит гарантией власти для его преемника²⁹. Для того, чтобы расчистить себе дорогу к престолу, женихи замышляют убийство Телемаха, надеясь в его лице погубить весь род Аркесиадов (XIV, 182; ср. XVI, 372 sqq.; XV, 533 sq.). Возможно, к еще более глубоким пластам мифологической традиции восходит кровавая развязка поэмы, в которой Одиссей доказывает свое право на власть физическим истреблением всех своих соперников³⁰.

Однако в общем контексте «Одиссеи» мотивы такого рода, как бы ни были они интересны, сами по себе, звучат достаточно приглушенно и воспринимаются как обрывки какой-то полузабытой сюжетной линии, восходящей к давней предыстории поэмы. Основной конфликт, вокруг которого строится фабула «нашей» «Одиссеи», — отнюдь не политического свойства. Главное для поэта — это борьба «богатого мужа» с грабителями, захватившими его дом и притесняющими его жену и сына. Не случайно, в узловой с точки зрения развития сюжета сцене народного собрания во II песни мотив узурпации престола не всплывает ни разу. Телемах, выступая перед народом, жалуется на бесчинства, которые женихи творят в его доме, ни словом не упоминая о том, что они по сути дела лишили власти его, законного наследника Одиссея. Да и сам Одиссей как будто совсем не замечает преступных поползновений женихов. Краткая обвинительная речь, с которой он обращается к ним, прежде чем начать избие, (XXII, 35 sqq.), состоит всего из трех пунктов: 1) женихи разграбили имущество Одиссея; 2) они принуждали к сожительству его рабынь; 3) и наконец, пытались

²⁹ Finley M. I. The world... P. 90 f.

³⁰ Germain G. Essai sur les origines de certains themes Odysseens et sur la genese de l'Odysee. Paris, 1954. P. 1 ss. Этот же мотив в еще более акцентированной форме повторяется в финальной сцене «Одиссеи» (XXIV, 522 sqq.), где старец Лаэрт, внезапно обретший с помощью Афины юношескую бодрость и силу, убивает своего главного врага, Евпейта, и тем доказывает, что его род, действительно, «самый царственный» на Итаке.

принудить к незаконному браку его жену. Итак, в вину женихам ставится лишь их покушение на права собственника и супруга, отнюдь не измена главе государства и претензии на его власть, хотя с этого, казалось бы, следовало начать.

Прямо вопрос о власти Одиссея ставится в поэме лишь дважды. В первой песни (368 sqq.) мы становимся свидетелями любопытной беседы Телемаха с предводителями женихов — Антиномом и Евримахом. Раздраженный смелыми словами юноши, направленными в их адрес, Антином грозит, что «Зевс никогда не позволит ему стать царем на волнообъятной Итаке, хотя это право и принадлежит ему по рождению» (386 sq.). На грубый нажим Антинома Телемах отвечает в тоне притворного смирения и равнодушия, хотя и не без некоторой иронии: «Я хотел бы получить это (т. е. царскую власть), если бы Зевс дал. Или, может быть, ты скажешь, что это — худшее из того, что может случиться среди людей? Неплохо быть царем. Ведь дом его становится богатым, а сам он пользуется большим почетом. Но много и других царей ахейских на волнообъятной Итаке, молодых и старых. Кто-нибудь из них, пожалуй, получит это, раз уж умер божественный Одиссей» (390 sqq.). Концовка этой речи звучит неожиданно твердо (Телемах как бы сбрасывает с себя маску простоватого недоросля): «Я же останусь господином (ἀναξ) нашего дома и рабов, которых добыл для меня (μοι ληϊσσομένο) божественный Одиссей» (397 sq.). Столь стремительный переход от чистой политики (вопрос о власти) к не менее чистой экономике (вопрос о собственности) весьма характерен для сугубо прагматической психологии гомеровских героев. Впрочем, внимательный наблюдатель, вероятно, заметит, что и к проблемам политического свойства участники беседы подходят скорее с хозяйственной меркой.

В самой царской власти Телемах, вероятно, так же как и его противники, видит прежде всего источник доходов и всяческого материального благополучия («дом его тотчас становится богатым»). Быть царем не менее, а может быть даже и более прибыльное дело, чем война, пиратство, торговля и т. д. Настоящий наследник престола, «принц крови», конечно, не мог бы так

рассуждать. Но Телемах и не настаивает на своем исключительном праве на царский сан. Он охотно (или это только так кажется?) допускает, что место, освободившееся после смерти его отца, займет кто-нибудь другой из уже имеющихся на острове претендентов на власть, но при этом весьма решительно заявляет, что никто не может лишить его отцовского имущества и рабов. При такой расстановке акцентов невольно возникает впечатление, что дом и рабы занимают в душе Телемаха гораздо больше места, чем скипетр и трон, что сама царская «почесть» воспринимается им, как какой-то не столь уж важный придаток к его богатствам, без которого в общем вполне можно обойтись. Даже если сделать скидку на искусное притворство юного отпрыска Одиссея, на его игру в незаинтересованность, все же остается совершенно ясным, что речь здесь не может идти о настоящей наследственной царской власти, что обе стороны имеют в виду скорее всего какую-то магистратуру, которая может переходить из рук в руки, минуя прямого наследника и, может быть, даже дается только на время, хотя уже и это хорошо, так как за это время можно сделаться богачом.

Особое внимание привлекают к себе в речи Телемаха три строки (394 sqq.): ἀλλ' ἢ τοι βασιλῆες Αἰχαιῶν εἰσὶ καὶ ἄλλοι πολλοὶ ἐν ἀμφιάλῳ Ἰτᾶκῃ, νέοι ἤδ' ἐπαλαιοί, τῶν κεν τις τόδ' ἔχῃσιν, ἐπεὶ Θάνατος Ὀδυσσεύς.

В сопоставлении со всем остальным текстом этого пассажа они производят впечатление логической ошибки, какой-то незаконной и необоснованной «подмены тезиса». В самом деле, и Антиномом, и сам Телемах, и отвечающий ему Евримах (см. там же, 400 sqq.) явно имеют в виду только одно вакантное царское место, которое может занять, а может и не занять Телемах. Но кто же тогда эти «молодые и старые цари ахейцев»? Рассуждая логически, они могут быть только претендентами на власть, просто итакийскими аристократами, но никак не властью имущими³¹. Мы не знаем, однако, ни одного случая ни у Гомера, ни у

³¹ Так, Стэнфорд переводит βασιλεὺς в 386 стрк. «king»; βασιλῆς в 394 стрк. «prince, person of royal rank» (Stanford W. B. (ed.) The Odyssey of Homer.

других авторов, где бы термин βασιλεύς (в единственном или множественном числе — безразлично) обозначал претендента на власть, а не лицо, уже облеченное властью. Ни в одном из известных нам греческих государств этот термин не употреблялся для обозначения всей вообще знати, просто аристократии, ограничиваясь всегда узким кругом должностных лиц с сакральными или судебными полномочиями (см. ниже, с. 324 сл.). К тому же, логически развивая эту мысль, мы приходим к явной бессмыслице: человек, уже являющийся басилеем, претендует на то, чтобы стать басилеем.

Не следует, однако, забывать о том, что поэтическая, особенно же гомеровская логика отнюдь не тождественна обычному здравому смыслу. Гомеровское мировосприятие дискретно по своему характеру. Каждая отдельная вещь или ситуация существует в эпическом рассказе сама по себе. Связи между отдельными фактами поверхностны и непрочны, имея вторичное значение по сравнению с самими фактами. Во многом такому взгляду на мир способствует, конечно, формульная структура самого гомеровского стиха. Выбор слова в стихе почти всегда диктуется либо размером, либо конкретной сиюминутной художественной задачей, иногда не выходящей за пределы одной строки. Возникающие при этом логические противоречия и неувязки, естественно, остаются в тексте, так как поэт либо просто не обращает на них внимания, либо только слегка приглушает³². Так и в данном случае Гомер явно сталкивает две противоположные логические посылки, почти не заботясь об их

согласовании. Согласно одной из них, Одиссей является единственным царем Итаки и после его смерти или исчезновения островом должен править также один человек. Согласно другой (она появляется в тексте чисто случайно: поэту просто хочется сильнее подчеркнуть действительную или наигранную скромность Телемаха), на острове много царей, все они правят сообща и Телемах может стать одним из них. «Мостик» между этими двумя посылками образуют не очень ясные по смыслу (неясность, очевидно, нарочитая) слова: τὸν κέν τις τόδ' ἐχθρὸν, ἐπεὶ ὅαντες δῖος Ὀδυσσεύς, из которых обычно и заключают, что «молодые и старые цари» Итаки это — претенденты на престол Одиссея.

Мысль о «многоцарствии» (поликойрании, ср. II, II, 204), по-видимому, случайно возникшая в этом месте, для всей «Одиссеи» — явление отнюдь не случайное, а, напротив, тесно связанное с ее сюжетом и системой образов. Не так уж трудно догадаться, кого конкретно имеет в виду Телемах, говоря о «молодых и старых царях ахейцев». Прежде всего, это, конечно, сами женихи и их родители. Правда, как это уже отмечалось, кое-где они еще признают себя подданными Одиссея. Однако в XVIII песни (64) Телемах прямо называет «царями» предводителей женихов — Антиноя и Евримаха (см. также XXIV, 179). Говоря о могуществе и всевластии женихов на Итаке и соседних с нею островах, поэт несколько раз употребляет глаголы κρατεῖν, κοιρανέειν, κραίνουσι (см. I, 247; XV, 510; XVI, 124; XXI, 346), которые, как правило, ассоциируются у Гомера с царской властью. Да и на практике женихи ведут себя, как власть имущие и подлинные хозяева острова. Именно к ним обращается Телемах с просьбой дать ему корабль для розысков отца (II, 212 sqq.; ср. 306 sqq.). Они пользуются правом производить выборы среди народа опять-таки, как настоящие цари (XXII, 55 sqq.). Известная сцена разгона женихами народного собрания во II песни невольно вызывает в памяти слова приложения к «Ликурговой Ретре»: «Если народ постановит неверно, старейшинам и царям распустить» (Plut. Лус., 6). Чисто формальный момент во всех этих случаях едва ли всерьез интересует поэта. Во всяком случае, он нигде не говорит, что женихи присвоили себе не принадлежа-

Vol. I. London, 1965, ad loc). См. также: *Fanta A.* Der Staat... S. 19 f.; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München, 1920. S. 321, Anm. 1; *Glotz G.* La cite grecque. Paris, 1928. P. 47; *Deger-S.* Herrschaftsformen... S. 59. Ср.: *Gschnttzer Fr.* Βασιλεύς. Ein terminologischer Beitrag... S. 102, Anm. 18; *Rose P. W.* Class ambivalence in the Odyssey // *Historia*. 1975. Bd. XXIV. H. 2. P. 138 f.

³² Об этой особенности гомеровской поэтической техники, выражающейся в принципе «one thing at a time», см.: *Bowra C. M.* Homer. London, 1972. P. 33 f.; *Perry B. E.* The early Greek capacity for seeing things separately // *TAPhA*. 1937. Vol. 68.

щую им по закону власть ³³. Ясно, что в его представлении они ведут себя так, как подобает вести себя дурным царям, притеснителям народа, но все-таки именно царям.

Еще раз вопрос о судьбе царской «почести» Одиссея возникает в «Некии». Его задает сам герой, обращаясь к тени своей матери Антиклей, которую он узнал среди сонма мертвых (XI, 174 sqq.). На вопрос Одиссея: «Скажи мне об отце и о сыне, которого я оставил, все ли у них еще моя почесть или кто-нибудь другой из мужей уже владеет ею; обо мне же говорят, что я не вернусь более?» — Антиклей отвечает: «Никто еще не завладел твоею прекрасной почестью, но Телемах спокойно владеет темном и участвует в равных пирах, которые пристало устраивать мужу-судье (ας ἐπέοικε δικάσθλον ἄνδρ' ἀλεγύνειν), ведь все его приглашают». Мысль заключенная в этих строках, как будто ясна: в отсутствие Одиссея его «почесть» может быть закреплена за его родственниками, но может быть передана и другому лицу, имеющему на это право, очевидно, кому-то из итакийской знати. Право решения этого вопроса принадлежит, по всей вероятности, народу или совету «старцев». Сама «почесть» складывается из двух элементов — темена и права участия в обедах судей, — причем одно здесь вытекает из другого: Телемах потому и участвует в обедах судей, что у него есть темен, за счет доходов которого он может покрыть все издержки по устройству пиршества. Из всего этого с очевидностью следует, что Телемах и сам входит в состав коллегии итакийских δικάσθλοι, занимая в ней то место, которое прежде принадлежало его отцу³⁴. В свою очередь, это означает, что Одиссей в глазах поэта в данном

³³ Правда, в Od. XXII, 50 sqq. Евримах «открывает глаза» Одиссею, сообщая, что Антиной (в этот момент уже убитый) не только покушался на брак с Пенелопой, но и хотел сам царствовать на Итаке, убив предварительно Телемаха. Однако в других местах женихи не помышляют ни о чем подобном, думая лишь о разделе имущества Одиссея (см. Od. II, 335 sq.; XVI, 384 sq.).

³⁴ Ср.: Finster G. Das homerische Königtum. S. 314, а также разбор этого места в нашей статье: Андреев Ю. В. Мужские союзы в поэмах Гомера // ВДИ. 1964. № 4. С. 43 слл.

случае, как, вероятно, и во многих других, вовсе не является единоличным и полновластным правителем Итаки, а всего лишь одним из многих царей-судей, управляющих островом (термин δικάσθλος здесь, как и в II. 1, 237 sqq., несомненно, синонимичен термину βασιλεύς).

Итак, было бы неправильно расценивать обстановку, сложившуюся на Итаке, в отсутствие Одиссея как обычную анархию. На острове есть законное правительство, и хотя установленный женихами режим живо напоминает олигархию или тиранию, их противники, включая и самого Одиссея, все же не решаются оспаривать принадлежащее им право на власть. Противозаконный характер носят как раз действия Одиссея, истребившего цвет итакийской знати, хотя поэт старается привлечь внимание слушателей на этом неприятном моменте не заострять³⁵.

В своем идеальном варианте гомеровская поликоидия предстает перед нами в феакийских песнях «Одиссеи». Особый интерес представляют строки 390 sq. VIII песни. Алкиной, предлагая щедро одарить гостя, напоминает присутствующим: «12 славных царей властвуют (здесь) среди народа, я сам тринадцатый» (δῶδεκα γὰρ κατὰ δ' μὲν ἀντρεπέες βασιλῆες ἄρχοι κραίνουσι, τρισκαίδεκα δ' ἐγὼ αὐτός).

Каждый из тринадцати должен преподнести Одиссею хитон и фарос и в дополнение к этому талант золота. Само это замечание носит чисто случайный характер и продиктовано лишь стремлением поэта к точности: слушатель должен знать, сколько именно пар платья и талантов золота получил Одиссей от феаков. Тем более важной и ценной должна казаться заключенная в этих строках информация. Режим «многоцарствия», о котором в других местах нам приходится лишь догадываться по косвенным наме-

³⁵ Заключительная сцена поэмы (обмен клятвами между Одиссеем и итакийцами — Od. XXIV, 546) может быть истолкована в двояком смысле: как примирение убийцы с родственниками убитых и как возобновление «полномочий» свергнутого царя. Это не означает, однако, что Одиссей впредь будет единственным царем Итаки. Ср.: Busolt G. Griechische Staatskunde. I. S. 321 f.; Codino F. Einführung... S. 126 ff.; Rose P. W. Class ambivalence... P. 138 f.

кам, здесь обрисован, хотя и бегло, но зато совершенно определенно, как нечто вполне нормальное, само собой разумеющееся. 12 «славных басилеев» неизменно сопутствуют Алкиною почти во всех основных сценах феакийских песен. Как театральные статисты, они постоянно меняют свое амплуа, выступая то в роли совета и сотрапезников Алкиноя, пьющих свое *ἑρποῖον οἶνον* в его палатах (XIII, 7), то изображая толпу на площади, к которой Алкиной обращается с речами (VIII, 41; ср. VI, 54; VII, 49). Но во всех этих случаях они остаются лицами без речей и почти без телодвижений. Говорит и действует один Алкиной, и лишь один раз в виде исключения — VII, 155 sq. — подает голос старец и герой Эхеней, очевидно, один из двенадцати.

Слова Алкиноя в VIII, 390 — «Двенадцать славных басилеев властвуют здесь среди народа...» — могут быть поняты лишь в том смысле, что все цари сообща управляют островом. Своим добавлением: «Я сам тринадцатый» Алкиной скорее присоединяет себя к ним, нежели противопоставляет. В чисто правовом отношении 12 басилеев как будто ничем не отличаются от Алкиноя. Как и он, они владеют каждый в отдельности теменом, полученным в дар от народа, с правом передавать его по наследству своим детям (VII, 149 sq.). Так же, как и он, они пользуются правом собирать с народа (*κατά δήμον*) дары (XIII, 8 sqq.). Так же, как и он, носят скипетр (VIII, 41). Тем не менее Алкиной занимает среди феакийских царей особое положение. Он сам подчеркивает это, гордо заявляя, что ему принадлежит вся сила и власть среди феаков (Od. XI, 352. Ср. 346; VI, 197). По некоторым намекам в тексте поэмы можно понять, что сила, которой наделен Алкиной, — не простая, а магическая. На это указывает, например, необычный эпитет, сопровождающий его имя, «священная сила» (*ἱερός μένος* — VIII, 4). Эта любопытная деталь позволяет отнести Алкиноя к разряду так называемых «священных царей». От его силы непосредственно зависит благополучие и процветание его народа³⁶. Очевидно, именно так, а не просто

³⁶ Deger S. Herrschaftsformen... S. 166 f; ср.: Finster G. Das homerische Königtum. S. 334.

в политическом смысле, как претензию на неограниченную царскую власть, следует понимать его слова: «*τοῦ γάρ κράτος ἐστ' ἐνὶ δήμῳ*» (Od. XI, 353).

Как «священный», единственный в своем роде царь феаков, каким он и был, вероятно, в первоначальном, догомеровском варианте предания, Алкиной, естественно, должен был обходиться без всяких соправителей. Из этой праосновы мифа в «Одиссею» пришел и сказочный дворец Алкиноя, в котором он весело пирует вместе со своим народом и щедро угощает заброшенных на его остров чужеземцев. Двенадцать «славных басилеев» появились в феакийской сказке лишь тогда, когда поэту пришла в голову мысль углубить и модернизировать фон, на котором развиваются события в этой части поэмы, подчинив его общему ионийскому колориту «Одиссеи». В результате этого усложнения первоначальной сюжетной линии сам Алкиной из единоличного властителя феаков превратился в регента аристократической республики, как характеризует его Финзлер, председателя коллегии басилеев³⁷.

Для того, чтобы осмыслить весь эпический материал, подобраный в настоящем разделе, необходимо представлять, хотя бы в самых общих чертах, как шло политическое развитие греческого мира в рамках того периода, который мы именуем гомеровским. Традиционная схема «от монархии к аристократической республике», бытующая во многих как общих, так и специальных трудах по истории Греции³⁸, как нам кажется, не только сильно упрощает, но во многом и искажает реальные очертания этого процесса. Основной ее дефект заключается в неясности исход-

³⁷ Finsler G. Das homerische Königtum. S. 320; ср. Deger S. Herrschaftsformen... S. 165 f.

³⁸ См., например, Busolt G. Griechische Staatskunde. I. S. 346 f; Glotz G. La cite... P. 71 ss.; Nilsson M. P. Homer... P. 240 f; Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Zürich-Stuttgart, 1965. S. 58; Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 220 слл. Ср.: Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization... P. 125 ff., 326 f; Gschnitzer Fr. Βασιλεύς. S. 106 f; Pugliese Carratelli G. Dal regno... P. 184 sg.; Sarkady J. Outlines of the development... P. 124 f.

ной посылки. Авторы, придерживающиеся этой схемы, обычно забывают уточнить, какая именно форма монархии была той отправной точкой, с которой началось развитие греческой государственности в почти неразличимых сумерках, скрывающих от нас события XI—IX вв. до н. э. Была ли эта микенская теократия, известная нам по табличкам линейного Б письма, или же какая-то пережиточная ее форма, уцелевшая в смутную пору нашествий и передвижений племен, или, наконец, примитивная «племенная» монархия, которую принесли с собой в Грецию завоеватели-дорийцы? Между тем имеющиеся в нашем распоряжении источники: данные исторической традиции, а также археологический материал при всей их скудности и фрагментарности допускают, как нам кажется, совсем иное решение вопроса.

Исторический срок, в течение которого в Греции существовала и развивалась микенская бюрократическая монархия, был непродолжителен. Он едва ли насчитывает более трех столетий. По всем признакам «эпоха больших царств» завершается где-то вскоре после страшной катастрофы, обрушившейся на ахейскую Грецию на рубеже XIII—XII вв. до н. э. Выживание монархии микенского типа в каком-нибудь из уголков греческого мира, за исключением, может быть, только Кипра, представляется нам вещью, выходящей за пределы реальных возможностей политического развития в период миграций (XII—X вв. до н. э.)³⁹. Что же касается так называемых «племенных государств» (*Stammstaat*), возникавших, как думают некоторые историки, в Балкан-

³⁹ Как замечает Уэбстер (*Webster T. B. L. From Mysenae...* P. 143 f.), «даже в Афинах, городе, наименее затронутом дорийским вторжением, божественный Царь (т. е. Микенский ванакт) не надолго пережил микенское время». Эмигранты, отправлявшиеся через Афины на Восток в малоазийские колонии, «взяли с собой за море уже новый вид царской власти». С этим согласится и мнение Хайнетта (*Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C. Oxford, 1962. P. 35*) о том, что единое микенское государство, охватывавшее всю Аттику, неизбежно должно было распасться в период миграций, вследствие чего «работу по объединению страны пришлось повторить снова в VIII в.» Ср.: *Sarkady J. Attica im 12. bis 10. Jh. // Acta Classica Universitatis Scientiarum. Debrecen, 1966. T. II. S. 12 f.*

ской Греции по мере продвижения и оседания на ее территории дорийцев, беотийцев, фессалийцев и других пришлых народов⁴⁰, то они едва ли существенно отличались и по своей природе и по внутренней структуре от таких этнических сообществ более позднего времени, как эпироты, акарнаны, этолийцы (до образования симмахии), элидяне, аркадяне и т. п. Подобно всем этим объединениям «племенное государство» эпохи миграций не могло быть ничем иным, кроме достаточно рыхлого и аморфного конгломерата мелких первичных общин, связанных в какое-то подобие единого целого лишь общностью происхождения, языка и важнейших культов⁴¹. Столетия, следующие непосредствен-

⁴⁰ *Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. III. Stuttgart, 1937. S. 297 ff.; Busolt G. Griechische Staatskunde. I. S. 129; Wilamowitz-Moellendorf U. von und Niese B. Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer. Berlin-Leipzig, 1910. S. 42 f.; Gschnitzer Fr. Stammes- und Ortsgemeinden im alten Griechenland // Wiener Studien. 1955. Bd. 68. S. 137 ff. Ср.: Keil B. Griechische Staatsaltertümer... S. 321; Starr Ch. G. The Origins... P. 126 f.; Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. S. 9.*

⁴¹ *Kuhn E. Entstehung der Städte der Alten. Leipzig, 1878. S. 197 f.; Swoboda H. Κόμη // RE. Suppl. IV. Stuttgart, 1924. S. 951.* Как мы уже говорили, само «дорийское завоевание» осуществлялось путем медленного просачивания небольших групп пришельцев на территорию уже распавшихся к тому времени микенских государств. Археологический материал не содержит в себе никаких указаний на организованные вторжения крупных варварских орд после катастрофы, постигшей ахейскую Грецию в конце XIII в. Данные местной традиции позволяют предполагать, что образование большинства дорийских городов Пелопоннеса, Крита и других островов южной Эгеиды шло путем постепенного отпочковывания новых общин от уже существующих. Так, метрополией почти всех дорийских полисов Северного Пелопоннеса был Аргос. В Лаконии ту же роль сыграла Спарта (основной материал источников собран у Бузольта: *Busolt G. Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironeia. Bd. I. Bis zur Begründung des Peloponnesischen Bundes. 2te Aufl. Gotha, 1893. S. 203 f.* Как и в эпоху Великой колонизации, связи между колониями и метрополиями в этот период ограничивались, по всей видимости, преимущественно сферой культа. Таким образом, расселение дорийцев не могло привести сразу же к образованию «племенных государств». В противном случае, нам трудно было бы объяснить ту длительную и упорную борьбу, которую впоследствии пришлось вести Спарте за власть над Лаконией, а Аргосу соответственно за господство над Арголидой.

но за так называемым «дорийским завоеванием» (X—IX вв. до н. э.), проходят под знаком полнейшей политической дезинтеграции, абсолютного распада ранее существовавших централизованных государств, низведения всех основных видов общественных связей на уровень отдельной изолированной общины⁴². Эти процессы наложили неизгладимый отпечаток на всю последующую историю Греции, сделав ее на долгие годы страной карликовых государств, разбросанных по островам и горным кантонам. Такой, по-видимому, и застал ее Гомер⁴³.

Красноречивые свидетельства крайнего измельчания политических структур и торжества центробежных сил над центростремительными в период после дорийского вторжения дает прежде всего археология. За весь промежуток времени с XI по VIII вв. в Греции не удалось найти ни одного памятника, который по своим масштабам и монументальности приближался бы к сооружениям микенской эпохи⁴⁴. Между тем настоящая монархия даже в ее, так сказать, «военно-демократическом варианте», непременно должна была оставить после себя какие-то материальные, физически осязаемые следы своего существования вроде скифских курганов или микенских шахтовых могил. Непосредственным результатом распада ахейских держав, который стал совершившимся фактом, очевидно, уже к концу XII в., было образование множества мелких «уделов», принадлежавших отдельным общинам, а в некоторых случаях, возможно, просто случайным объединениям больших и малых семей, возникшим

в процессе миграций. Опорным пунктом каждой такой общины был укрепленный поселок — полис, власть над которым по праву основателя (ойкиста) принадлежала родовому вождю — бацилею. Сам этот титул, как было уже замечено, достаточно древнего происхождения. Он встречается уже в архивных документах микенского времени, обозначая там каких-то представителей местной власти, противостоящих центральной дворцовой администрации. Функции этих *pasireu* не вполне ясны, так же как и их политический статус. Тем не менее кажется довольно вероятным, что первоначально бацилеи были вождями самостоятельных родовых общин, постепенно вовлекавшимися в орбиту притяжения крупных дворцовых центров и становившимися их данниками и вассалами⁴⁵. Крах бюрократической системы управления, сопровождающийся физическим истреблением и вынужденной эмиграцией правящей элиты микенских государств, снова выдвинул на авансцену политической жизни, дотоле весьма скромную фигуру бацилея⁴⁶. Этот коренной сдвиг в развитии греческого общества, означавший почти полный разрыв с традициями микенской государственности, нашел свое отражение в политической терминологии гомеровского эпоса, в которой титул бацилея занимает гораздо более видное место, чем старый царский титул микенской эпохи «ванакт»⁴⁷. Бацилеям принадлежит теперь решающая инициатива во всех жизненно важных

⁴² См. *Паназоглу Ф.* К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции // ВДИ. 1961. № 1. С. 40; *Starr Ch. G.* The Origins... P. 125 f. Ср.: *Gschnitzer Fr.* 1) Stammes- und Ortsgemeinden... S. 131 ff.; 2) *Βασιλεύς*. S. 107; *Maddoli G.* Damos... P. 40 sgg.

⁴³ Начало объединительного движения в отдельных районах греческого мира (Аттика, Арголида, Лакония), наметившееся, очевидно, уже в VIII в. до н. э., не меняет существа общей ситуации, сложившейся в этот период.

⁴⁴ Единственное царское погребение за весь период с XII до VIII в. до н. э. обнаружено сравнительно недавно вблизи Саламина Кипрского (*Karageorghis V.* Salamis in Cyprus Homeric, Hellenistic and Roman. London, 1969), но это — исключение, скорее, подтверждающее правило.

⁴⁵ Так интерпретируют этот термин, например, *Паназоглу Ф.* К вопросу о преемственности... С. 38; *Pugliese Carratelli G.* Dal regno... P. 178; *Maddoli G.* Damos... P. 52. Ср.: *Deger S.* Herrschaftsformen... S. 55; *Gschnitzer Fr.* *Βασιλεύς*. S. 111; *Stella L. A.* La civiltà micenea... P. 54, №. 24.

⁴⁶ *Finley M. I.* Homer and Mycenae... P. 142; *Webster T. B. L.* From Mycenae... P. 156; *Starr Ch. G.* The Origins... P. 126; *Thomas C. G.* The Roots of Homeric Kingship // *Historia*. 1966. Bd. XV. H. 4. P. 393; *Snodgrass A. M.* The Dark Age... P. 387. Ср.: *Sarkady J.* Outlines of the development... P. 116 f.

⁴⁷ Едва ли случайно, что весь набор эпитетов, с помощью которых поэт характеризует своих царей: *θείος*, *θεοεικέλος*, *διοτρεφής*, *διογενής*, *σηπτοχυος* и пр. комбинируется в эпосе только со словом *βασιλεύς* и никогда с *vanax*. См.: *Wackernagel J.* Sprachliche Untersuchungen zu Homer // *Glotta*. 1916. Bd. VII. S. 209 f.; *Pritzwalde-Stegmann F.* Zur Geschichte der Herrscherbezeichnung von Homer bis Plato. Jena, s. a. S. 34 f.

делах общины. В их руках находится высший контроль над ее материальными и людскими ресурсами. Единовластие басилея, вероятно, заметно усиливалось во время войны или в случае переселения его народа на новые места. И все же эта форма политического господства еще очень далека от настоящей монархии⁴⁸. Слишком мизерно поле административной и судебной деятельности басилея. Слишком велика, добавим, его зависимость от возглавляемой им общины. Не считаться с интересами народа значило погубить его и погибнуть самому. Эта мысль символически воплощена в трагической фигуре старца Приама, представляющего в эпосе весьма типичную для того времени, о котором мы сейчас говорим, категорию «городских царей». Жертвуя благом других троянцев ради прихоти своего беспутного сына, он невольно обрекает на гибель и себя самого и весь свой народ.

Дальнейшее развитие греческого государства шло, как можно догадаться, по линии интеграции мелких сельских общин в более крупные образования — полисы (само это слово меняет теперь свое значение, приближаясь к классическому понятию города-государства). По всей вероятности, этот важный скачок в новое качество наметился уже в рамках гомеровского периода, но не ранее VIII в. до н. э. Становление полиса могло идти разными путями в зависимости от местных условий и целого ряда приводящих обстоятельств. Наиболее типичным из этих путей был, по-видимому, так называемый «синойкизм», т. е. совместное поселение жителей нескольких деревень или первичных полисов, что практически одно и то же, в новом городском центре. Внутри полиса вожди влившихся в него общин образовывали правящую аристократическую элиту басилеев.

⁴⁸ См. *Starr Ch. G. The Decline of the Early Greek Kings* // *Historia*. 1961. Bd. X. N. 2. P. 129: «Чтобы понять его (басилея) природу, нам следовало бы избегать используемого обычно эквивалента „царь“, так как это неизбежно вызывает у современного читателя мысль о положении, связанном с большим могуществом и обширными владениями». Ср.: *Oliva P. Πατρική βασιλεία* // *Γέρας*. Studies Presented to G. Thomson. Prague, 1963. P. 174 f; *Παναζογλου Φ.* К вопросу о преемственности... С. 38.

Таково, на наш взгляд, наиболее рациональное объяснение давно уже смущающего историков факта множественности носителей этого титула в гомеровском полисе⁴⁹. Заметим, кстати, что свидетельство Гомера подтверждается и другими, внеэпическими источниками. Вспомним хотя бы «царей-дароядцев», алчность которых обличает в «Трудах и днях» (248, 261, 263) Гесиод, аналогичные мотивы не редкость и у Гомера. Коллегии басилеев фигурируют в некоторых достаточно древних памятниках греческого права, например, в законе Драконта о непредумышленном убийстве (*Sylloge*³, 111), также в законе Солона об амнистии (см.: *Plut. Solon*, 19), в древнейших законах Хиоса (*SGDI*, III, 5, 653), в одной из элейских ретр (*Olympia*, V, *Inscr.* № 2)⁵⁰. Все эти факты объясняются обычно очень просто. Выдвигается предположение, что в какой-то неизвестный нам момент царский титул был узурпирован знатью и стал доступен практически любому аристократу. Гомеровские поэмы, согласно этой гипотезе, отражают некую переходную стадию политического развития, на которой еще неизжитая окончательно единоличная царская власть начинает постепенно уступать свое место растущему могуществу аристократии и одному настоящему царю противо-

⁴⁹ Сходную мысль высказывал уже Уибли (*Whibley L. M. A. Greek oligarchies. Their character and organisation*. London, 1896. P. 69). В дальнейшем она была развита, но при этом слишком утрирована Г. Глоцем (*Glötz G. La cite...* P. 46), в понимании которого гомеровское общество образует некое подобие феодальной иерархии со своим сюзереном (царем города) и вассалами (царями фил и фратрий). Ближе к правильному пониманию реального положения вещей в раннегреческом полисе стоят, как нам кажется, *Calhoun G. M. Classes and masses in Homer* // *CPh*. 1934. Vol. 29, № 3. P. 312 f; *Gschnitzer Fr. Βασιλεύς*. S. 102; *Starr Ch. G. The Decline...* P. 131; *Pugliese Carratelli G. Dal regno...* P. 183 sg. Очевидно, следует признать, что расширенное употребление термина *βασιλεύς* для обозначения не одного царя, а целой группы власть имущих было изначальным. Из этого большого числа басилеев с течением времени выделяются один, иногда два или несколько высших магистратов полиса, отмеченных особыми титулами архонта, архагета, притана и т. д. Ср.: *Maddoli G. Damos...* P. 52; *Webster T. B. L. From Mycenaean...* P. 108.

⁵⁰ *Busolt G. Griechische Staatskunde*. I. S. 351; *Glötz G. La cite...* P. 72 s.

стоит множество так называемых «царей»⁵¹. При всей кажущейся ее самоочевидности эта догадка должна быть признана чисто умозрительной конструкцией, не находящей никакого подтверждения в источниках. Ни один античный автор не говорит прямо о присвоении знатью первоначально не принадлежавшего ей царского титула. Свидетельство же Гомера, как мы видели, может быть истолковано прямо противоположным образом.

Не лучше обстоит дело и с другой версией той же теории, согласно которой по мере упадка и ослабления царской власти первоначально единая царская *αρχή* постепенно расплывалась: административные, военные, религиозные и всякие другие функции, входившие в ее состав, дробились между многочисленными магистратами аристократического полиса⁵². Суждения такого рода базируются, главным образом, на одном единственном фрагменте «Афинской политики» Аристотеля (Arist. Ath. Pol., fr. 3,1), в котором говорится о замене царской власти в Афинах архонтатом. Предание, сохраненное Аристотелем, отличается грубым схематизмом, выдающим руку какого-то позднего доктринара, и, как нам кажется, не заслуживает того доверия, которым оно пользуется⁵³. Вообще теория упадка царской власти в ранней Греции теряет всякий смысл, если вспомнить, что представляла собой сама греческая *басилейя* в ее древнейшем варианте. Выше мы уже говорили, что власть *басилеев* послемиграционного периода была слишком слаба и ограничена в своих возможностях. По сути дела, ей просто неоткуда было падать. Правда, до нас дошли предания о свержении царских родов: Бакхиадов в Коринфе (Nic. Dam. fr. 58, ср.: Paus. II, 4,4); Басилидов в Эфесе (Suid. Πυθαγόρας); Нелеидов в Милете (Nic.

⁵¹ Fanta A. Der Staat... S. 23; Finsler G. Das homerische Königtum. S. 320 f.; Nilsson M. P. Homer... P. 241; Deger S. Herrschaftsformen... S. 151; Codino F. Einführung... S. 125 f.

⁵² Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. III. S. 314 ff; Busolt G. Griechische Staatskunde. I. S. 346 f.; Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. S. 79.

⁵³ См.: Wilamowitz-Moellendorf U. von. Aristoteles und Athen. Bd. II. Berlin, 1893. S. 131 f.; Finsler G. Das homerische Königtum. S. 395 f.; Starr Ch. G. The Origins... P. 329, п. 1.

Dam. fr. 54) и др. Ни в одной из этих легенд нет, однако, и намека на столкновение противоположных политических принципов: монархического и республиканского⁵⁴. Как правило, речь в них идет всего лишь о борьбе за власть внутри правящего рода, которая увенчивается свержением режима олигархии и установлением тирании. В этой связи уместно напомнить, что Фукидид в своем очерке ранней истории Греции (см.: I, 13) помещает «отеческую царскую власть» (πατρική βασιλεία) непосредственно перед тиранией, как бы совершенно игнорируя разделяющий две эти формы государственного устройства — так принято думать в наше время — период олигархии, или господства знати. Объяснить это можно только тем, что под πατρική βασιλεία в данном случае как раз и подразумевается какая-то форма господства знати, а вовсе не царская власть в обычном понимании этого слова. Ближайшую аналогию этому режиму представляет, как нам кажется, тот тип олигархии, который поздние греческие авторы, например Аристотель (Pol. IV, 1292a), называют *δυναστεία*, указывая, что при такой форме правления определенные должности обычно закрепляются за определенными семьями и передаются, таким образом, по наследству⁵⁵.

Все сказанное не означает, что образы царей в поэмах Гомера были для самого поэта и для его аудитории лишь призраками прошлого, не насыщенными конкретным жизненным содержанием. Феномен личной власти был, несомненно, хорошо изве-

⁵⁴ Finsler G. Das homerische Königtum. S. 393 f.; ср.: Huxley G. L. The Early Ionians. London, 1966. P. 48 f.; Starr Ch. G. The Origins... P. 329.

⁵⁵ О «династии» см.: Whibley L. M. A. Greek oligarchies... P. 24, 124. В гомеровский период еще не установилась типичная для развитого аристократического полиса дифференциация магистратур в составе правящей коллегии. Круг обычных полномочий гомеровского *басилея* ограничивался, по всей видимости, судебными и ритуальными функциями. Лишь в экстренных случаях один или несколько *басилеев* могли оказаться избранными на должность военачальника, иногда даже вопреки своей воле (так, в Od. XIV, 237 sq.). Конечно, в таком избрании не было необходимости, когда царь отправлялся в пиратский набег во главе набранной им самим дружины. Ср.: Finsler G. Das homerische Königtum. S. 328; Fanta A. Der Staat... S. 60; Busolt G. Griechische Staatskunde. I. S. 326.

стен Гомеру и, скорее всего, не только по слухам. Он охотно признает право сильной героической личности на первенство в общине. Таков, например, своеобразный принципат Агамемнона среди ахейских вождей или Алкиноя среди феакийских басилеев⁵⁶. Вместе с тем поэт безоговорочно осуждает любые проявления деспотизма, любые попытки разрыва с традиционной формой аристократического коллегиального управления. Так, например, устами Ахилла осуждаются тиранические поползновения Агамемнона (Il. I, 288 sq.). В другом случае Полидамант, ближайший друг Гектора, порицает его за его диктаторские замашки (Il. XII, 211 sq.). Протестуя против насилия и беззакония, творимого «вскормленными Зевсом царями», Гомер, безусловно, отталкивался опять-таки от современной ему действительности. Нормальным состоянием греческого полиса в гомеровскую эпоху была «борьба всех против всех» (мирные обеды феакийских царей в палатах Алкиноя, их трогательное единодушие, когда один говорит, а все делают — всего лишь идиллия, ни в коей мере не отражающая реального положения вещей). Прежде всего это была борьба за власть и влияние между враждующими знатными родами, каждый из которых стремился отнять у других принадлежащие им «почести». Переход привилегий, связанных с царским саном, из одних рук в другие был в политической практике гомеровской эпохи, по-видимому, обыденным явлением. Царь слабый, неспособный отстоять свою «почесть», тотчас ее лишался иногда вместе с жизнью. Типичной в этом смысле может считаться судьба старика Пелея, о котором с тревогой спрашивает Одиссея тень Ахилла во время их свидания в Аиде (Od. XI, 496 sq.): «Сохраняет ли он еще свою честь среди многочисленных мирмидонцев, или же уже не чтят его Эллада и Фтия?» Было бы, конечно, праздным любопытством спрашивать, законно или незаконно

⁵⁶ Как тот, так и другой по своему положению могут быть приравнены к председателю правящей коллегии должностных лиц вроде архонта-эпонима в Афинах (см.: *Finler G.* Das homerische Königtum. S. 320 f.), хотя, на наш взгляд, такая формализация «живого» материала эпического рассказа вовсе не обязательна.

такое лишение чести. Время, о котором мы говорим, всегда ставило силу впереди права⁵⁷.

Оборотной стороной этой же медали было появление в среде правящей элиты басилеев «сильных людей», одержимых жадной самоутверждения и претендующих на единовластие. Можно с уверенностью утверждать, что еще задолго до великих тиранов архаической эпохи в греческих городах происходили постоянные взлеты и падения всякого рода мелких узурпаторов. Некоторым из них, вероятно, удавалось на время возвыситься, подчинив себе общину и других «царей». Типичным примером такого гомеровского «тирана» может служить Эгисф, который в отсутствие Агамемнона «запряг в ярмо» народ Микен (Od. III, 305: δέδμητο δέ λαός ὑλ' αὐτῷ). В целом, однако, эта «предтирания» носила, по всей видимости, достаточно эфемерный характер. Не следует забывать, что материальные ресурсы даже самых богатых и могущественных басилеев того времени были весьма ограниченными, а их власть не выходила за рамки одного, чаще всего небольшого города-государства⁵⁸. Этим объясняется, по-видимому, тот факт, что в Греции не привился институт военных дружин, сыгравший столь важную роль в становлении средневековой феодальной монархии.

Из всего изложенного выше следует, что в гомеровский период монархия, как сложившийся и нормально функционирующий институт, в Греции еще не существовала. Политические отношения этой эпохи можно определить, в лучшем случае, как преддверие монархии, иначе говоря, как ту фазу общественного

⁵⁷ *Finley M. I.* The world... P. 84. «Теоретически» темен и другие привилегии, которыми пользовались цари, считались пожалованием народа (см. Il. IV, 193 sq.; IX, 578; XII, 313 sq.; Od. VII, 150). Вручение бацилею его «почести» имело, по-видимому, форму договора, заключаемого между ним и народом. Так можно понять заключительную сцену «Одиссеи» (XXIV, 546 sq., свидетельство Гомера здесь подтверждает известное высказывание Фукидида — I, 13 — ο ἥντα ὑέματα древних царей). Однако обращение к народу в таких случаях носило скорее формальный характер, так как само народное собрание было лишь ареной, на которой разворачивалась борьба соперничающих аристократических кланов (см. ниже, с. 355 сл.).

⁵⁸ *Starr Ch. G.* The Decline of the Early Greek Kings... P. 130 f.

развития, на которой ростки личной власти только еще начинают пробиваться сквозь толщу древних родоплеменных обычаев⁵⁹. К своему реальному осуществлению монархическая идея в Греции приблизится лишь в VII в. до н. э. с возникновением первых династий тиранов в Коринфе, Сикионе, Милете и других местах⁶⁰.

⁵⁹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 106: «Мы находим... у греков... первый зародыш будущего наследственного предводительства, или монархии». Аналогичные гомеровской поликойрании формы коллегиального правления группы родовых вождей или старейшин можно встретить у многих народов, стоящих на пороге перехода к классовому обществу и государству. Аристократические республики, близко напоминающие по своему политическому устройству гомеровский полис, были обычным явлением среди галлов и германцев в эпоху Цезаря и Тацита. Реальная власть в каждой из таких общин сосредотачивалась в руках группы так называемых «*princeps*» (термин, столь же плохо поддающийся переводу, как и гомеровское βασιλεύς: его значение колеблется где-то между «князем» и «родовым старейшиной», см.: *Frahm Fr. Cäsar und Tacitus als Quellen für die altgermanische Verfassung* // Hist. Vierteljahr. ГЭ>28. Bd. XXIV, H. 2. S. 177). Единоличная царская власть встречается как у галлов, так и германцев сравнительно редко и скорее в виде исключения. Как заметил уже Фюстель де Куланж (*Фюстель де Куланж И. Д. История общественного строя древней Франции*. Т. I. СПб., 1901. С. 18), само понятие, выражаемое термином *regnum*, у Тацита и особенно у Цезаря граничит с понятием тирании. К явлениям того же порядка, что и гомеровская бацилейя, можно отнести также исландскую систему годордов (см. о ней: *Boden Fr. Zur isländischen Regierungsgewalt in der freistaatlichen Zeit*. Breslau, 1905), разнообразные формы власти племенных вождей, бытовавшие до недавнего времени среди североамериканских индейцев (см.: *Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII-XIX вв. М., 1970. С. 143 сл.*). Специфические черты гомеровского «многовластия», отличающие его от других сходных разновидностей общинного самоуправления, как нам кажется, были обусловлены тем, что здесь этот режим сложился и окреп в новой городской среде, что должно было привести к более раннему и интенсивному росту республиканских идей и институтов.

⁶⁰ Впрочем, нельзя исключить того, что уже и в VIII в., т. е. в конце гомеровского периода, в отдельных местах предпринимались попытки легализовать существовавшую там «предтиранию» и превратить ее тем самым в настоящую монархию. В этом плане исключительный интерес представляет фигура знаменитого Фидона Аргосского, которого одни авторы называют царем, другие — тираном (см.: Hdt. IV, 127; Strabo VIII, 358).

2. Политические функции народного собрания.

К вопросу о «военной демократии»

В работах советских историков представленная в эпосе система политических отношений обычно определяется термином «военная демократия». Как известно, этот термин впервые был введен в научный обиход Л. Г. Морганом в 1878 г. Сама концепция «военной демократии» возникла как современная и в значительной мере оправданная реакция на господствовавшую в европейской науке на протяжении всего XIX столетия доктрину, согласно которой исходной точкой политического развития Древней Греции была «патриархальная монархия». Полемизуя по этому вопросу с авторитетнейшим английским историком Дж. Гротом, Морган писал на страницах своего «Древнего общества»: «Грот утверждает, что „примитивный греческий строй был чисто монархическим, покоясь на личных чувствах и божественном праве..." Истинная характеристика греческого строя, как это представляется американцу, прямо противоположна взгляду Грота. А именно, первоначальный образ правления греков был чисто демократическим, покоясь на родах, фратриях и племенах, организованных в качестве самоуправляющихся единиц, а равно на принципах свободы, равенства и братства»⁶¹. Брошенные как бы вскользь слова «как это представляется американцу» придают полемике между Морганом и Гротом, несмотря на ее сугубо специальный антикварный характер, оттенок политической злободневности. Хорошо известно, что антитеза «европейская деспотия — американская демократия» была общим местом в публицистике США, начиная со времени провозглашения независимости. С умыслом или без него концепция Моргана утверждала исторический приоритет молодой американской конституции над монархическими режимами одряхлевшей Европы. Известная доля политического субъективизма, свойственная ис-

⁶¹ Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934. С. 143; 'Andreev J. V. Die politischen Funktionen des Volksversammlung im homerischen Zeitalter. Zur Frage des «militärischen Demokratie» // Klio. 1979. Bd. 61. H. 2. S. 385-405.

торическим построениям американского этнографа, очевидно, помешала ему осознать тот простой факт, что на место выдвинутой им альтернативы «монархия или демократия» легко можно подставить другую «монархия или олигархия (или аристократия)», поскольку демократия отнюдь не является единственно возможным эквивалентом той формы общинного самоуправления, которая существовала у греков гомеровской эпохи⁶².

Характеризуя типично варварское общество, изображенное Гомером, как царство всеобщей свободы, равенства и братства, Морган впадает в явную идеализацию. Рассуждая таким образом, он попросту игнорирует совершенно очевидный для каждого современного историка или этнографа факт глубокого социально-экономического расслоения общины, выделение внутри нее влиятельной и могущественной прослойки родовой знати, подчиняющей себе рядовых общинников и другие черты и признаки, указывающие на достаточно далеко продвинувшийся процесс классообразования⁶³. Что касается самого термина «военная демократия», то его, как уже указывалось в нашей научной печати, нельзя признать вполне удачным, а главное вполне адекватным определением политической надстройки, характерной для эпохи перехода от родового строя к государству⁶⁴. Вме-

⁶² В понимании Моргана, аристократический образ правления был глубоко чужд политическому сознанию древних греков. Господства знати в его чистом виде ни Афины, ни другие греческие государства никогда не знали. Демократия всегда была магистральной линией их политического развития, начиная с мифических времен и кончая эпохой Перикла (там же, с. 147, 158).

⁶³ С этим непосредственно связан другой важный недостаток исторической схемы Моргана: он явно смягчает катастрофический революционный характер процесса становления греческого «политического общества», сводя его к серии реформ, следующих друг за другом в спокойном чередовании (см. там же, с. 148 слл.). Эти дефекты моргановской доктрины в значительной степени удалось преодолеть Ф. Энгельсу в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 108 слл.).

⁶⁴ См.: Потехин И. И. Военная демократия Матабеле // Родовое общество. Труды ИЭ, 1951. Н. с. Т. 14. С. 235; Томсон Дж. Письмо в редакцию //

сте с тем моргановская концепция, безусловно содержит в себе и определенное рациональное зерно, которое не позволяет отвергнуть ее а limine, без дальнейшего обсуждения. При внимательном изучении в системе управления гомеровского полиса, как, впрочем, и в «конституции» любой другой варварской общины, можно обнаружить элементы своеобразного примитивного демократизма⁶⁵, которые в дальнейшем при благоприятных условиях могут развиваться и в настоящую демократию. Укажем на наиболее значительные из них.

Понятия «община» («государство») и «народ» в гомеровском лексиконе практически совпадают и выражаются одним и тем же термином δῆμος (см. выше, с. 201 слл.). Народное собрание (агора) фигурирует в поэмах как твердо установленный обычай и освященный религиозной традицией политический институт, без которого поэт не представляет себе нормальную человеческую жизнь. Отсутствие агоры у циклопов есть в его глазах признак величайшей дикости (Od. IX, 112: τοῖσιν δ' οὐτ' ἀγοραί βουλῆφοροι οὔτε θέμις τε)⁶⁶. Прекращение народных собраний на

ВДИ. 1953. № 4. С. 108; Косвен М. О. К вопросу о военной демократии // Труды ИЭ, 1960. Н. с. Т. 54. С. 245. В последней работе указывается также, что «военная демократия» исторически не универсальна и этим отличается от патриархата и матриархата. Эту мысль развивает также А. М. Хазанов (Хазанов А. М. 1) Военная демократия и эпоха классообразования // ВИ. 1968. № 12; 2) Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1975. С. 126 слл.), предлагая расценивать «военную демократию» лишь как частный эпизод в истории человечества, который многие народы просто миновали в своем развитии. Тем не менее этот термин все еще продолжает использоваться в научной литературе, очевидно, как дань традиции или просто по инерции. См.: Аверкиева Ю. П. О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки // СЭ. 1970. № 5; Авдиев В. И. Военная демократия и классовый характер древнейшего государства // ВИ. 1970. № 1; Хмелинский В. М. О понятии «военная демократия» // СЭ. 1973. № 4.

⁶⁵ Это определение принадлежит итальянскому историку Кодино (Codino F. Einführung in Homer. Berlin, 1970. S. 12, 82, 92 ff.).

⁶⁶ Оба термина γορ («собрание») и θέμις («закон», «судоговорение») объединены также в описании ахейской агоры (Il. XI, 807) и это, по-видимому, не случайно, ибо именно судопроизводство составляет важней-

Итак в связи с двадцатилетним отсутствием Одиссея также расценивается, как отступление от нормы, нарушение издавна заведенного порядка вещей (Od. II, 62 sqq.). В жизни гомеровских героев словопрения на агоре занимают далеко не последнее место. В ряду доблестей, отличающих идеального героя, красноречие стоит сразу вслед за воинской отвагой. Не случайно эпитет *κυδίαντρα* («прославляющая мужей») прилагается в равной степени и к битве и к собранию (II. I, 490; ср. IX, 441). Характеризуя этолийского героя Тоанта (II. XV, 283 sq.), поэт особо отмечает, что «на агоре лишь немногие ахейцы могли бы превзойти его, когда юноши пускаются в словесные препирательства». Вообще спор, свободный обмен мнениями, допускающий критику и возражения в адрес любого из предыдущих ораторов, считается неотъемлемой принадлежностью народного собрания. На это право, как на освященный веками обычай, ссылается, например, Диомед, выступая с гневной отповедью пораженческим настроениям Агамемнона (II. IX, 32 sq.)⁶⁷.

шую функцию гомеровского народного собрания. Воплощая в себе понятие *θεῖς* богиня Фемиды выступает у Гомера в качестве верховной блюстительницы народных собраний, которые она созывает и распускает в положенное время (Od. II, 68 sq.; ср. II. XX, 4).

⁶⁷ В процедуре собрания многое остается неясным. Нельзя сказать с уверенностью, кто имел право выступать перед народом: только ли лица, облеченные властью (цари и геронты), или же также и рядовые граждане. Как правило, держат речи в собрании представители первой из этих двух категорий, хотя некоторые из них, вероятно, могли в случае необходимости изображать и «людей из народа». Так, Полидамант (II. XII, 213), Диомед (II. VII, 406 sq.), возможно, даже Ахилл в I песни. Единственный во всей гомеровской поэзии случай, когда слово в собрании берет подлинный представитель народной массы это — выступление Терсита (ср. II. X, 314 sqq.; Od. XXIV, 442 sqq.). Поэт, однако, вводит этот эпизод в свое повествование лишь для того, чтобы показать бессилие демагога-простолюдина в хорошо устроенном аристократическом обществе. Выступление Терсита может расцениваться как непредусмотренная регламентом собрания реплика с места, вопиющее нарушение этикета, за которое крикун тут же расплачивается своей спиной. Поэт подчеркивает это, называя речи Терсита *ἀνοσση...* *οὐ κατὰ νόμον* (II. II, 213), а его самого *αἰετοεπής* (там же, 212). Удел «мужей из народа», как об этом сказано несколькими

Несмотря на то, что оба понятия *δήμος* и *κράτος*, которые впоследствии составят слово «демократия», в эпосе употребляются только порознь без всякой связи друг с другом, представление о народном суверенитете не чуждо Гомеру⁶⁸. На своих собраниях народ принимает решения, которыми в значительной степени определяется вся внутренняя жизнь общины⁶⁹. В ком-

строками выше (там же, 200 сл.), — «спокойно сидеть на своих местах и внимать тому, что скажут другие, лучшие, чем они». Еще одна немаловажная деталь: Терсит, вопреки обыкновению гомеровских ораторов, говорит без скипетра, вероятно, не имея права держать его в руках. В то же время скипетр является орудием наказания за его проступок. Некоторые авторы усматривают в этом своеобразную политическую символику (*Glötz G. La cite grecque. Paris, 1928. P. 61; Finley M. I. The world of Odysseus. New York, 1978. P. 112*). Вместе с тем Терсит охарактеризован Одиссеем, хотя, вероятно, не без оттенка иронии, как завзятый оратор (там же, 246: *λύγος ἄγορῆτις*). Он уже не в первый раз выступает перед народом с нападками на царей (там же, 213 сл.). Вся сцена «посрамления» может быть истолкована как отклик на политическую «злобу дня». Вероятно, в то время, когда создавалась «Илиада», такие нарушения искони заведенного порядка в собрании стали обычным явлением, в дальнейшем же постепенно перешли в систему, открыв дорогу на ораторскую трибуну выходцам из простонародья наравне с природной знатью. Поэт и его слушатели, однако, еще хорошо помнят то время, когда основная масса демоса либо вообще была лишена права голоса, либо обладала им лишь в ограниченной степени, например, могла отвечать на прямо к ней обращенные вопросы, как об этом говорит Тиртей в своем переложении «Ликурговой ретры» (Tyr. fr. 3a: *ἐπειτα δὲ δημότας νόρας εὐθέην ρήτρας ἀνταπειβοῖ νόος*). Как остроумно заметил Вилламовиц (*Wilamowitz-Moellendorf U. von. Die Ilias und Homer. Berlin, 1920. S. 272*), говоря о сцене с Терситом, «Конституция здесь еще спартанская, но дух уже всецело ионийский». Ср.: *Busolt G. Griechische Staatskunde. LS. 336; Griffith G. T. Isegoria in the assembly at Athens // Ancient society and institutions. Studies pres. to V. Ehrenberg. Oxford, 1966. P. 177 f; Codino F. Einführung... S. 92 f.*

⁶⁸ *Fanta A. Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck, 1882. S. 87; Moreau F. Les assembles politiques d'après l'Iliade et l'Odysee // REG. 1893. T. 6. P. 204 s.; Finsler G. Homer. T. I. Der Dichter und seine Welt. Leipzig-Berlin, 1914. S. 203, 206, 215; Codino F. Einführung... S. 95 f. Ср.: Grote G. A history of Greece. Vol. 2. London, 1869. P. 67 f; Busolt G. Griechische Staatskunde. I. S. 335.*

⁶⁹ Сама процедура принятия решения нигде не обрисована с достаточной ясностью. Собрание обычно заканчивается криками народа, который

петенцию народного собрания входят, например, различные вопросы «финансового» характера, в том числе раздел военной добычи, распределение земельных участков, устройство коллективных пиршеств и т. п. Каждая из этих операций включает в себя выделение особой почетной доли (земли, добычи, вина или мяса), предназначенной в награду царям и особо отличившимся героям. Интересно, что сами цари расценивают эти дары именно как пожалование народа за их воинскую доблесть и другие заслуги перед общиной. Характерным образчиком этой «рыцарской» психологии гомеровского аристократа является уже цитированное обращение Сарпедона к Главку (II. XII, 313 sqq.): «Сын Гипполохов! За что перед всеми нас отличают местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей в царстве ликийском и смотрят на нас, как на жителей неба?...» (пер. Н. И. Гнедича). Также и Ахилл обвиняет Агамемнона в том, что он хочет лишить его «почести» (ῥέρας), которую даровали ему ахейцы как награду за тяжкие труды (II. I, 162; ср. там же, 123 sqq., 276). Сам «пастырь народов», напротив, злоупотребляет щедростью ахейцев, которые и без того отдают ему всегда лучшую долю добычи (за это его поносит Терсит в II. II, 225 sqq., ср.: 255 sq.; см. также IX, 578; XX, 184; Od. VII, 150)⁷⁰.

таким способом выражает свое одобрение или неодобрение речи очередного оратора (с м. II. II, 394; VIII, 543; XVIII, 310; Od. XXIV, 463), хотя по определениям крика, которые дает Гомер, не всегда можно понять, что именно чувствует толпа и на чьей она стороне. В некоторых случаях участники собрания расходятся молча, хотя решение все равно считается принятым (II. VII, 379; Od. VIII, 46). Голосование путем поднятия рук в эпосе не упоминается ни разу (ср.: *Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 142). Можно предположить, однако, что Гомеру была уже известна процедура «расстановки» собрания (δι' ὅσους), практиковавшаяся в более позднее время в некоторых греческих государствах. Так может быть истолкована, например, сцена народного собрания в заключительной части «Одиссеи» (XXIV, 463 sqq.; см. также: Od. III, 150 sqq.; ср.: VIII, 505 sqq.). Ср.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. I. S. 337; *Glötz G.* La cite... P. 65, 69; *Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. Paris, 1951. P. 34.

⁷⁰ Правда, в II. IX, 333 sq. раздел добычи осуществляет сам Агамемнон. Противоречия здесь, однако, нет, так как поэт, вероятно, подразумевает, что он делает это с согласия других ахейцев. Ср. II. XI, 685 sqq.

В отдельных эпизодах поэм народ выступает на сцену как реальная политическая сила, заставляющая считаться с собой наиболее могущественных людей общины. В «Одиссее» (XVI, 424 sq.) рассказывается о том, как Евпейт, отец Антиноя, принял участие в набеге тафийских пиратов на дружественных Итаке феспротов, чем вызвал страшный гнев народа. Толпа порывалась убить предателя и разорить его дом. Спасло Евпейта лишь заступничество Одиссея. Этот эпизод, очевидно, должен показать, что открыто выраженная воля народа есть закон, которым даже самый своевольный индивид не способен пренебречь без риска понести тяжелое наказание. Страх перед гневом народа иногда вводится поэтом в повествование как мотивировка, объясняющая поведение того или иного персонажа в затруднительной ситуации. Он может, например, удержать преступника от выполнения его злодейских замыслов. Так, женихи опасаются, что народ Итаки, узнав о их неудавшемся покушении на Телемаха, изгонит их с острова (Od. XVI, 375 sqq.). «Мнение народное» (δῆμον φῆμις), как сказано в «Одиссее» (XIV, 237 sqq.), «тяжело ложится» даже на царей. Критские цари, избранные предводителями в походе на Трою, отправляются на войну против своей воли лишь потому, что боятся ослушаться народа⁷¹.

Все эти факты, сколь бы интересны и значительны они ни были сами по себе, все же не складываются у Гомера в целостную и законченную картину первобытного народовластия. В общем балансе политических сил, действующих внутри гомеровской общины, удельный вес элементов демократии не столь уж велик. Главную роль как в «Илиаде», так и в «Одиссее» играет отнюдь не народная масса, а сильная героическая личность, нередко вступающая в открытый конфликт с общиной и подчиняющая ее себе. Гомеровские цари и герои с их непомерным честолюбием

⁷¹ Нетрудно заметить, что эпизоды такого рода группируются преимущественно в «Одиссее» — более поздней из двух гомеровских поэм. Возможно, в этом сказывается определенное усиление демократических тенденций в жизни греческого общества в конце гомеровского периода в связи с начавшимся формированием полисного строя. См.: *Glötz G.* La cite... P. 69; *Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. P. 32 sq.

ем, жадой богатства и власти, обостренным чувством социальной дистанции, отделяющей их от простых смертных, мало похожи на выборных магистратов, «слуг народа» в обычном понимании этого слова. С другой стороны, и сам демос в тех случаях, когда поэт находит нужным вывести его на сцену, ведет себя совсем не так, как подобает народу-суверену в подлинно демократическом обществе, напоминая скорее безликую и бессловесную толпу театральных статистов, на фоне которой еще более мощно и рельефно вырисовываются фигуры главных действующих лиц. Поражает крайняя пассивность демоса в центральных, наиболее острых и драматически напряженных эпизодах поэм, таких как сцена «ссора царей» в I песни «Илиады», сцена «испытания войска» в следующей песни той же поэмы, сцена народного собрания на Итаке во II песни «Одиссеи» и др. В понимании самого Гомера, эта пассивность толпы коренится в самой ее природе, низменной и инертной, чуждой всего героического. Ее удел поэтому — слепое повиновение приказам «лучших людей», т. е. царей и героев⁷². Эта мысль с предельной откровенностью выражена в уже упоминавшемся обращении Одиссея к «мужу из народа» во II песни «Илиады» (200 sqq.): «Несчастный, сядь спокойно и внимай слову других, которые лучше тебя. Ведь в тебе нет ни отваги, ни воинского духа, и ты ничего не стоишь ни в бою, ни в делах совета». Непосредственно следующая за этой сентенцией сцена «посрамления Терсита» служит как бы наглядной иллюстрацией к ней, демонстрируя полное превосходство героя-аристократа над человеком толпы,

⁷² Во всем этом проявляется определенная внутренняя противоречивость и непоследовательность гомеровских воззрений на роль народной массы. Подымая демос в социальном плане на уровень аристократии и всячески облагораживая его (см.: *Andreev J. V. Volk und Adel bei Homer // Klio. 1975. Bd. 57. H. 2. S. 281 ff.*), Гомер в то же время достаточно низко оценивает его политические возможности, третируя его как ни на что не годную массу простонародья. См.: *Кагаров Е. Г. Общественный строй греков гомеровской эпохи // СЭ. 1937. № 4. С. 56: «Миссия народа — пассивная и чисто декоративная: он лишь выслушивает решения базилевса и его советников, принимая их к сведению и беспрекословному исполнению»*. Ср.: *Codino F. Einführung... S. 139.*

демагогом и выскочкой как в умственном, так и в физическом отношении.

Правда, как было уже замечено, Терсит не может считаться типичным представителем гомеровского демоса. Как правило, от лица народа в поэмах выступают люди благородного происхождения и с достаточно высоким общественным статусом. Однако существа дела это не меняет. Уже известный нам птицегадатель Полидамант, представляющий в «Илиаде» троянский демос, выступает в поэме в той же самой неблагоприятной роли «пророка, непризнанного в своем отечестве», что и Терсит, несмотря на его несходство с последним. Подобно Терситу он вступает в спор с военачальником, и ему точно также инкриминируют пораженческие настроения и зажимают рот, угрожая физической расправой, хотя до самой расправы дело здесь не доходит (с м. II. XII, 230 sqq.). Наконец, от Полидаманта, как и от Терсита, отворачивается та самая масса, от лица которой он пытается говорить. В XVIII песни (310 sqq.) троянцы, повинувшись Гектору, отказываются последовать совету Полидаманта, который предлагает им отойти за городские стены ввиду появления Ахилла. Поэт видит в этом явный признак безумия, ведущего к гибели целый народ, «ибо они восхваляли Гектора, советовавшего дурное, Полидаманта же никто не похвалил, хоть он и лучший давал совет». В конце концов оба: и Полидамант, и Терсит при всем различии этих двух персонажей сходятся в том, что представляют общину-демос в моменты ее бессилия перед произволом «больших людей». Для существа конфликта не столь уж важно, что один из них (Полидамант) воплощает в своем лице «лучшую», аристократическую часть общины, другой же (Терсит) выступает как выразитель интересов и настроений ее плебейских низов, ибо исход в обоих случаях — один и тот же.

Тема бессилия демоса перед своеволием сильной личности, ее необузданной жадой самоутверждения своеобразным лейтмотивом проходит через весь эпос. Она возникает уже в первых строках первой песни «Илиады». Агамемнон, вопреки ясно выраженной воле всего войска, отказывается вернуть Хризу его дочь (I, 22 sq.) и ахейцы ничего не могут сделать для того, чтобы

заставить его выполнить их решение⁷³. Только вмешательство божества вынуждает «пастыря народов» пойти на уступки. Но и поставленный перед необходимостью отказаться от своей добычи, он снова бросает вызов общественному мнению, требуя, чтобы взамен утраченной наложницы ему дали другую из добычи Ахилла или какого-нибудь другого героя. Агамемнона несколько не смущает то, что его претензии фактически аннулируют уже принятое прежде и теоретически, по-видимому, не подлежащее пересмотру решение народа (II. I, 123 sqq., 276). Сам народ, однако, никак не реагирует на нанесенное ему оскорбление. На протяжении всей сцены «ссоры царей» он упорно молчит, чем вызывает у Ахилла его знаменитую реплику (231 sq.): «Царь-пожиратель народа, покуда царишь над ничтожествами. Ведь иначе, Атрид, это было бы твое последнее оскорбление» (δημόβορος βασιλεὺς, ἐπεὶ οὐτιδανοῖσιν ἀνάσσεις...).

Если ахейцы неспособны обуздать гордыню Агамемнона, то их враги-троянцы оказываются в точно таком же положении, столкнувшись со своеволием Париса, этой πῆμα πόληι как называет его Гектор. Его проделки, навлекшие неисчислимые беды на город и всех граждан, остаются безнаказанными. Когда на народном собрании троянцев ставится вопрос о выдаче Елены (II. VII, 345 sqq.), Парис при молчаливом попустительстве других Приамидов и самого Приама без особого труда затыкает рот единственному представителю оппозиции — старцу Антенору, категорически отказываясь вернуть Менелая похищенную у него жену. Народ опять-таки безмолвствует и в конце концов расходится, так и не приняв никакого решения. Молчат и граждане Итаки, которых Телемах созвал на площадь для того, чтобы пожаловаться им на разбой и произвол, чинимые в его доме

⁷³ В понимании Фанты (*Fanta A. Der Staat...* S. 87), Агамемнон здесь использует принадлежащее ему в отношении народного собрания право veto. С этим, однако, трудно согласиться. Строго говоря, Агамемнон в этом эпизоде не налагает запрет на решение народа, а просто отказывается его выполнить, поскольку оно касается лично его. Точно также поступает и Парис, отказываясь выдать Елену (II. VII, 362 sqq.). Ср.: *Moreau F. Les assemblies...* P. 232.

женихами Пенелопы (Od. II, 81 sqq.). В душе народ, как мимоходом замечает поэт, сочувствует Телемаху и жалеет его, но по каким-то причинам не решается встать на его защиту. По первому же требованию одного из женихов Леокрита собрание безропотно расходится, так ничего и не предприняв. Показательно, что во всех этих случаях о способности демоса к решительным действиям против своевольного индивида или индивидов говорится в сослагательном наклонении, как о чем-то весьма гипотетическом. Ахейцы могли бы обуздать Агамемнона, если бы они не были οὐτιδανοί, как их называет Ахилл. В том же духе высказывается и Гектор о своих согражданах (II. III, 56 sq.): если бы троянцы не были так робки, они бы давно уже побили камнями Париса за его преступления. Также и граждане Итаки могли бы, как говорит Ментор (Od. II, 239 sqq.), при их явном численном перевесе над женихами без особого труда вышвырнуть их из дома Одиссея, но то ли бояться, то ли просто не хотят⁷⁴ сделать это.

Впрочем, даже и в те редкие моменты, когда народ пробуждается от своей обычной апатии к политической активности, он напоминает гораздо больше взбунтовавшуюся толпу, чем державного суверена общины. Самое большее, на что способен демос, такой, каким его изображает Гомер, — это вспышка дикой стихийной ярости, разрешающаяся судом Линча над человеком, вызвавшим его гнев. Толпа разоряет движимое и недвижимое достояние «врага общества», а у него самого «вырывает из груди милое сердце» — именно это разгневанные итакийцы хотели сделать с Евпейтом, если бы им не помешал Одиссей.

⁷⁴ Во всех этих случаях Гомер, безусловно, осуждает «тирана» (или «тиранов») и жалеет народ как жертву «сильных мира сего». Но в то же время он показывает, что обуздать гордыню тиранической личности может лишь равный ей по силе и значению индивид, отнюдь не народ. По существу, своим молчанием демос поддерживает «врага общества» и внушает ему уверенность в том, что его деяния останутся безнаказанными. Не случайно Телемах подозревает граждан Итаки в том, что они за что-то ненавидят его отца и поэтому нарочно подстрекают женихов грабить его дом (Od. II, 71 sqq.).

В заключительной сцене поэмы герои меняются ролями и мы видим, как неистовый, обезумевший от скорби Евпейт возглавляет толпу итакийцев, направляющихся к дому Лаërта с твердым намерением расправиться с Одиссеем и искоренить весь род Аркесиадов (см. Od. XXIV, 463 sqq.; параллелизм этих двух эпизодов, конечно, не случаен).

Стремительный переход массы от продолжительной пассивности и безучастия к бурной энергии мятежа находит свое естественное объяснение в том, что Евпейт выражает общие чувства, владеющие гражданами Итаки — боль за убитых сородичей и жажду мести. Однако в понимании самого поэта это состояние граничит с безумием и, как всякое безумие, является результатом постороннего внушения: Евпейт, сам уже безумный, заражает своим безумием народ (его имя *Ἐυπείθερ* звучит в этом контексте с явным оттенком иронии — «хорошо убеждающий на дурное», к тому же отец «безрассудного» Антиноя). Необходимо отрезвляющее вмешательство богов в финале поэмы, чтобы сознание массы прояснилось и она поняла всю бессмысленность и гибельность своего поведения.

Народ, таким образом, представляется Гомеру загадочным существом, подверженным внезапным приступам стихийного гнева, в остальном же пассивным, безмолвным, ни во что не вмешивающимся⁷⁵. Его поведение почти всегда немотивировано. Его поступки трудно предугадать. Иногда создается впечатление, что у него нет своей воли, своих убеждений, что он не знает даже, что хорошо и что плохо для него самого. Поэтому он с такой легкостью поддается самым разнородным, а подчас и прямо противоположным внушениям. Во II песни «Илиады» все ахейское воинство, не рассуждая, бросается к кораблям по первому же призыву Агамемнона. Ахейцы, в том числе и самые знатные, не подозревают, что это — всего лишь провокация, задуманная «пастырем народов» для того, чтобы испытать свое войско. Всеми владеет одна лишь мысль о скорейшем возвраще-

нии на родину. Но вот ситуация меняется. Одиссей с помощью Афины успокаивает охваченную паникой армию и восстанавливает порядок в собрании. Почти мгновенно проделав все это, он разыгрывает затем эффектную сцену усмирения демагога-одиночки Терсита. Толпа, наблюдающая за этим «подвигом» Одиссея, подбадривает его одобрительными репликами и насмехается над Терситом (Il. II, 270 sqq.). Разумеется, подходя к этой сцене с позиций обычного (не эпического) реализма, мы могли бы упрекнуть Гомера в том, что он чересчур легко и просто снимает все трудности, стоящие на пути его героя, что психологически немыслим столь стремительный переход от всеобщего возмущения к всеобщему же успокоению, что, наконец, едва ли расправа с защитником интересов народа, а Терсит, несомненно, является рупором народного мнения⁷⁶, обошлась бы так дешево для Одиссея, вызвав к тому же общее сочувствие и поддержку всех присутствующих⁷⁷. Признавая упрощенность и некоторую искусственность в поэтическом решении этого эпизода, мы не можем не заметить в то же время — на это обратил внимание уже Виламовиц⁷⁸ — того глубокого проникновения в психологию человеческой массы, которое обнаруживает здесь Гомер. В его понимании, Терсита постигает обычная участь всех демагогов. Вчерашний «громогласный вития» (см. 246: *λιγύς... ἄγορητής*), снискавший себе популярность в народе своими насмешками над царями, теперь сам стал для него посмешищем. Толпа, как всегда, держит сторону того, кто сильнее, — очевидно, именно это хочет сказать нам поэт. Поэтому достаточно примерного наказания одного смутьяна, чтобы целая армия совсем уже было вышедшая из повиновения, деморализованная

⁷⁶ Это хорошо понимает сам «укротитель» смутьяна Одиссей. См. там же, 284 слл.

⁷⁷ См.: *Петрушевский Д. М.* Общество и государство у Гомера. М., 1913. С. 11: «Изобразить все это было во власти поэта, но едва ли было во власти Одиссея все это вызвать в действительности». Ср.: *Mireaux E.* Les poemes homeriques et l'histoire grecque. T. II. Paris, 1949. P. 158 ss.

⁷⁸ *Wilamowitz-Moellendorf U. von.* Die Ilias... S. 272. Ср.: *Лосев А. Ф.* Гомер. М., 1960. С. 100.

⁷⁵ Ср. *Finley M. I.* The world... P. 92 f.

и разложившаяся, снова преисполнилась боевого духа и стройными рядами двинулась на врага.

Терсит нужен Гомеру как своеобразная жертва, принесенная на алтарь общественного спасения. Своим унижением он искупает грехи всего ахейского войска и в следующем эпизоде мы видим его уже очистившимся от скверны мятежа и анархии и во всеоружии готовым вступить в бой. В основе своей избиение Терсита, как это показал Узенер, есть ничто иное, как магическая операция очищения войска⁷⁹. Однако для самого Гомера эта сцена имеет, конечно, и вполне определенный политический смысл. Поэт хочет показать, что предоставленный самому себе народ превращается в слепую нерассуждающую силу, чуждую закону и порядку, которую только другая, высшая сила может принудить к повиновению. Сам народ неспособен управлять собой. Следовательно, он нуждается в вожде — вот вывод, к которому подводит нас Гомер всей логикой своего повествования во II песни «Илиады». Только так, очевидно, можно понять тираду Одиссея о вреде многовластия и необходимости единоначалия (II. II, 203 sqq.). Заключенная в этих строках апология личной власти в целом, как было уже указано, не характерна для политических взглядов Гомера. Нормальной, в его представлении, является республиканская форма правления. Однако гомеровский республиканизм — особого рода. Он не исключает, а, наоборот, предполагает строжайшую субординацию в отношениях между народом и «вождями», концентрацию всей власти в руках немногих.

Идеальная община в понимании Гомера, это — община, управляемая небольшой группой «лучших людей». Народ в ней знает «свое место» и ни во что не вмешивается. Образцовой в этом смысле может считаться морская республика феаков, все граждане которой послушно и беспрекословно выполняют приказы Алкиноя, выражающего общую волю тринадцати «славных басилеев», управляющих островом. Отсюда не следует, что народная масса вообще исключается Гомером из числа участников

⁷⁹ Usener H. Kleine Schriften. Bd. IV. Leipzig-Berlin, 1914. S. 239 f.

«общественного договора», на котором зиждется идеальный полис. Напротив, основой самого этого договора является гармония взаимоуравновешивающих друг друга интересов народа и «вождей». «Вожди» защищают народ и поддерживают среди него добрые обычаи и справедливость. Народ платит им за это дарами, почестями и повиновением⁸⁰. Идеальный герой, например Гектор или Сарпедон, печется больше о благе народа, чем о своей собственной жизни. Напротив, пренебрежение к интересам народа, проявляемое такими персонажами, как Агамемнон, Парис, Ахилл и др., безоговорочно осуждается поэтом⁸¹.

Правящая элита гомеровского полиса включает в свой состав наиболее влиятельных граждан из аристократической прослойки. Это — те люди, которых поэт называет «вождями и советниками» (ἡγήτορες ἡδὲ μέδοντες)⁸². В их число входят, судя по всему, цари-басилеи и «старцы народные» (δημογέροντες), хотя четкую грань между теми и другими далеко не всегда удастся провести. ἡγήτορες образуют интегральную и вместе с тем наиболее активную часть народного собрания. Обыкновенно оратор, открывающий собрание, обращается с речью именно к ним, как бы игнорируя всех прочих (см. например, II. IX, 17: Ἀργείων ἡγήτορες ἡδὲ μέδοντες; Od. VIII, 11: Φαίηκων ἡγήτορες ἡδὲ μέδοντες). Основная масса демоса лишь присутствует при словопрениях «вождей», составляя, по выражению Бузольта, их Umstand, наподобие толпы зрителей или болельщиков на играх⁸³. Такое распре-

⁸⁰ «Теоретически» Гомер, по-видимому, признает, что все это народ делает добровольно, из одного лишь пиетета перед царями (на это указывает формула «θεός δ' ὡς τίετο δῆμον» — см. II. V, 78; X, 33; XI, 58; Od. XVI, 605). В то же время он прекрасно понимает, что власть невозможна без применения силы, которое в некоторых случаях, как например в сцене умиротворения войска в «Илиаде», выливается в прямое насилие над массой. Ср.: Finley M. I. The world... P. 83 ff.

⁸¹ Hoffmann W. Die Polis bei Homer // Festschrift B. Snell. München, 1956. S. 157 ff.; Finley M. I. The world... P. 97 f.

⁸² Они же — βουλευφόροι, ἀγορηταί, δικασπόλοι и т. д.

⁸³ Busolt G. Griechische Staatskunde. I. S. 335. В сущности гомеровское народное собрание есть ничто иное, как открытое заседание совета старцев

деление ролей мы наблюдаем в типичных сценах раздела военной добычи, судебной тяжбы, жертвоприношения и т. п. (с м. II. XI, 685 sqq.; XVIII, 497 sqq.; Od. III, 5 sqq.). Всюду цари и старцы говорят и действуют перед народом и, очевидно, от его лица, народ же самым своим присутствием как бы санкционирует их действия, хотя сам не принимает в них непосредственного участия⁸⁴. Естественно, что в таких условиях подлинная воля народа легко могла быть фальсифицирована «вождями»⁸⁵.

Нередко мы видим, как цари решают важные вопросы в своем кругу, даже не спрашивая у народа о его согласии, хотя формально очевидно считается, что они и в этих случаях действуют от его имени⁸⁶. Так, решение об отправке посольства к Ахиллу принимается не в собрании, а на совете, в узком кругу

(βουλῇ), на котором могут присутствовать, а в некоторых, предусмотренных обычаем случаях также и подавать голос рядовые члены общины. На это указывает довольно обычное у Гомера смешение понятий совета и собрания (так в II. II, 202; XII, 211 sqq.; Od. IX, 112). См.: *Glotz G.* La cite... P. 54; *Петрушевский Д. М.* Общество и государство... С. 18, 25; ср.: *Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 142.

⁸⁴ См.: Schol. ad II. IX, 17 (со ссылкой на Аристотеля): «Народ имел право только слушать, предводители же могли и действовать».

⁸⁵ *Лурье С. Я.* История Греции. Л., 1940. С. 83.

⁸⁶ Впрочем, представление о народе как единственном источнике и гаранте всякой общественной власти, обычное в современной теории государства, Гомеру, по всей вероятности, было чуждо. Немецкие историки старой юридической школы (Фанта, Бузольт, Финзлер и др.) неизбежно впадают в заблуждение, пытаясь найти в эпосе иерархию властей, в которой одна единственная власть, единоличная или, наоборот, коллективная рождает из себя все остальные. Гомеровские цари не были магистратами в обычном понимании этого слова, т. е. избранными на определенную должность представителями народа. Их власть не вручена им народом, а дана свыше (народ может даровать царю лишь его семен, так как он является частью общинного имущества). В «теории» царь (или цари) и народ являются двумя равноправными суверенами общины и должны действовать в добром согласии друг с другом. На это указывают встречающиеся в поэмах образцы «официальной» фразеологии. Так, принося клятву перед поединком Менелая с Парисом (II. III, 276 sqq.), Агамемнон говорит в одно и то же время и от своего лица и от лица всех ахейцев. Ср. II. VII, 386; Od. VIII, 157.

ахейских вождей. Остальные ахейцы вообще ничего не знают об этом. Тем не менее Одиссей и Аякс, ведущие переговоры в ставке Ахилла, представляются ему как посланцы всего войска (II. IX, 640 sq.: ὑπορόφοι δὲ τοῖ ἐμὲν πληθὺς ἐκ Δαναῶν,...). Прикрываясь фикцией народного суверенитета, цари и старцы, по сути дела, бесконтрольно распоряжаются общинной собственностью, награждая друг друга наделами, вырезанными из общинной земли, устраивая совместные трапезы на средства, взятые у народа (δημῖα, δημόθεν), одаривая опять-таки за счет народа знатных чужеземцев. В сцене прощания Одиссея с феаками (Od. XIII, 13 sqq.) Алкиной, обращаясь к другим феакским басилеям, предлагает им одарить гостя бронзовыми котлами и треножниками. Их собственное богатство при этом несколько не пострадает, — замечает он тут же, — «мы тотчас же возместим (все это) сборами с народа» (κατὰ δῆμον). Алкиной ничуть не сомневается в том, что послушный народ даст все, что от него потребует, ибо он, будучи «добрым царем», берет только то, что установлено обычаем⁸⁷. Нетрудно догадаться, что в иных местах и иных условиях эти «теоретически» считающиеся добровольными пожалования царям от народа могли служить удобным прикрытием и оправданием для хищничества и вымогательств δημοβόροι βασιλῆες (ср. обвинения алчности Агамемнона в речах Ахилла и Терсита в первых двух песнях «Илиады», также II. XXIV, 262; инвективы Гесиода в адрес «царей-дароядцев» — Орега, 39, 221). Учитывая все это, едва ли стоит принимать за «чистую монету» встречающиеся в поэмах выражения такого типа, как δῆμον φῆμις или δῆμος ἔδωκε. По-видимому, это — всего лишь демократическая фразеология, скрывающая от нас политическую действительность, весьма далекую от подлинной демократии.

Итак, формальное народовластие при фактическом господ-

⁸⁷ Также этолийские старцы обещают Мелеагру в виде награды большой надел лучшей земли, если он отразит от города врагов—куретов, не спрашивая народ о его согласии (II. IX, 574 sqq.; ср. XXII, 119 sq.). Ср.: *Finley M. I.* The world... P. 95 f.

стве верхушки родовой знати — вот, пожалуй, наиболее точное определение существа той системы политических отношений, которую изображает Гомер в своих поэмах. Но вынося этот приговор, мы не должны, конечно, забывать об одном немаловажном обстоятельстве. Перед нами — не документ, а художественное произведение, в котором подлинная картина политического быта раннегреческого полиса могла подвергнуться сильному искажению либо в угоду политическим взглядам самого автора и его аудитории, либо потому что этого требовали его эстетические вкусы и поэтические приемы. Политическая тенденциозность гомеровской поэзии не вызывает сомнений⁸⁸. Сам поэт отнюдь не скрывает своих проаристократических симпатий. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть «Илиаду» хотя бы на сцене «посрамления Терсита». Но политическая пристрастность Гомера еще более усугубляется общей для всей эпической поэзии тенденцией к всемерному возвеличению сильной героической личности за счет столь же интенсивного принижения роли коллектива, народной массы⁸⁹. К этому присоединяется также и вполне понятное стремление поэта избежать загромождения эпической сцены лишними действующими лицами, тем более целыми их группами, что могло бы привести к неоправданному усложнению сюжетной линии поэм. Представим себе на минуту, что граждане Итаки преодолели свой страх перед женихами, вняли уговорам Ментора и Галитерса и заступились за Телемаха. К чему свелась бы тогда вся столь эффек-

⁸⁸ Ср.: *Косвен М. О.* К вопросу... С. 256: «... если эпос усиленно подчеркивает господствующее положение знати, то все это отражает не столько действительные общественные отношения, сколько тот социальный заказ, во исполнение которого слагались и исполнялись гомеровские песни».

⁸⁹ См.: *Тронский И. М.* Проблемы гомеровского эпоса // Гомер. Илиада. М.-Л., 1935. С. XLVIII: «Хозяйственная мощь индивида начинает прева-лироваться над его значением как носителя мощи рода...». Ср.: *Лосев А. Ф.* Гомер. С. 170 сл.; *Ярхо В. Н.* Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 1962. № 2. С. 10 сл. О индивидуалистической тенденции в эпосе см.: *Chadwick H. M. and Chadwick N. K.* The growth of literature. Vol. I. Cambridge, 1932. P. 80 f.

ная развязка поэмы: тайное возвращение Одиссея и его расправа над женихами?

Учитывая все это, мы вправе допустить, что подлинные возможности первобытного народовластия попросту не нашли в эпосе вполне адекватного раскрытия и воплощения. Изображая народ бессловесным и пассивным человеческим стадом, не способным даже к членораздельному выражению своих мыслей и чувств, Гомер, несомненно, слишком сгущает краски, что ведет к известному искажению реальных пропорций политической структуры раннегреческого общества. В конце концов он и сам противоречит себе, показывая хотя бы в отдельных случаях, что при всей своей беспомощности и инертности народ способен внушать страх и уважение, может заставить считаться с собой и людей, весьма влиятельных и могущественных. Пренебрежение к толпе, столь часто выказываемое героями поэм, не мешает им заигрывать с ней, убеждать и склонять на свою сторону пространственными речами, построенными по всем правилам ораторского искусства. Тем самым поэт дает нам понять, что вопреки своему, быть может, и типичному эпизоду расправы с Терситом язык палки отнюдь не был единственным способом общения «больших людей» с народом⁹⁰.

Безусловно, перенесение сюжетных коллизий гомеровского эпоса на реальную историческую почву раннегреческого полиса сопряжено с известным риском и требует от исследователя максимальной осторожности и гибкости. Понимая это, мы не можем, однако, просто отбросить в сторону такие эпизоды, как тот же инцидент с Терситом или разгон женихами народного собрания итакийцев во II песни «Одиссеи», признав их всего лишь данью сословным предрассудкам Гомера и его слушателей или же уступкой требованиям героической поэтики. Слишком

⁹⁰ См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 105 (со ссылкой на Шёмана): «Когда идет речь о деле, для выполнения которого требуется содействие народа, Гомер не указывает нам никакого способа, которым можно было бы принудить к этому народ против его воли». См.: также: *Moreau F.* Les assemblies... P. 230; *Петрушевский Д. М.* Общество и государство... С. 8.

настойчиво поэт возвращается к намеченной уже в первых строках «Илиады» теме конфликта между народом и «неправедным» царем (или царями), конфликта, в котором победа неизменно остается на стороне последнего. Едва ли случайно также, что сам этот конфликт неизменно облекается в «конституционную» форму ожесточенных прений в народном собрании. При всей условности приемов, с помощью которых Гомер строит свои сцены на агоре, при всей традиционности участвующих в них персонажей нельзя не видеть в них горький итог наблюдений самого поэта над исторической действительностью его эпохи⁹¹. Всевластие «царей-мироедов» и беспомощность противостоящего им демоса, столь ярко, хотя, вероятно, и в несколько утрированной форме, обрисованные в поэмах, несомненно, можно отнести к наиболее типичным чертам политической жизни раннегреческого общества. В этом сходятся показания двух столь не похожих друг на друга, хотя, по всей вероятности, хронологически достаточно близких между собой поэтов, как Гомер и Гесиод⁹². Для каждого из них могущество знати и логически дополняющие его приниженность и пассивность народной массы являются непреложным фактом, хотя оценка этому факту дается в их произведениях с прямо противоположных позиций.

Итак, бессилие и политическую апатию демоса, с которыми мы сталкиваемся в центральных эпизодах «Илиады» и «Одиссеи», нельзя считать продуктом поэтического вымысла. Как в том, так и в другой находит свое естественное выражение внутреннего слабость первобытной общины, уже вступившей в ста-

⁹¹ Если не во всех, то, по крайней мере, в некоторых из этих эпизодов современный материал накладывается, как это нередко бывает у Гомера, на традиционную, возможно, еще микенскую основу. Однако выявить этот поэтический архетип в данном случае нам едва ли удастся, так как мы практически ничего не знаем о политическом статусе и функциях народного собрания в микенских государствах. Ср. *Лурье С. Я.* 1) Язык и культура... С. 223 сл.; 2) К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе // ВДИ. 1957. № 2. С. 10; *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция. М., 1966. С. 160.

⁹² См.: *Lesky A.* Homeros-// RE. Suppl. XI. Stuttgart, 1968. S. 693.

дию своего разложения. Как было указано выше, греческое общество гомеровской эпохи еще сохраняет в своей структуре многие элементы родового строя, хотя сам род и другие гентильные организации уже находятся здесь в состоянии внутренней ломки и брожения. Такова же и исходная посылка Моргана, из которой он делает, однако, неверные выводы. Народовластие «героического века» понимается им как выражение совокупной воли всех родов, составляющих общину. Но уподобляя позднеродовое гомеровское общество современному федеративному государству с двухпалатным парламентом (совет старцев и народное собрание)⁹³, Морган недооценивает силу действующих в этом обществе изоляционистских, центробежных тенденций, превращающих каждый гентильный коллектив в самодовлеющий замкнутый мирок, враждебный всему остальному миру. Отнюдь не братская солидарность и мирное сотрудничество являются основными факторами, направляющими внутреннее развитие варварской общины. Всякому, кто изучал родовой строй на поздней, заключительной стадии его развития, будь то общество исландцев эпохи независимости или кавказских горцев, монголов джунгарского периода или шотландских кельтов, хорошо знакомы такие явления, как кровная месть, передающаяся из поколения в поколение, опустошительные межродовые войны из-за земли и пастбищ для скота, наконец, бесконечное соперничество и борьба за власть и престиж между родовыми вождями. Общество греков гомеровского периода едва ли составляет в этом смысле какое-то исключение из общего правила и, конечно, не может претендовать ни на особенное миролюбие, ни на из ряда вон выходящее чувство коллективизма и товарищеской спайки.

Узы кровного родства, связывающие гомеровского героя с его семьей и родом, значат для него гораздо больше, чем гражданская солидарность⁹⁴. Даже в душе Гектора, этого стойкого и, ка-

⁹³ *Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 142.

⁹⁴ *Finley M. I.* The world... P. 116 f.; *Straßburger H.* Der Einzelne und die Gemeinschaft im Denken der Griechen // Zur griechischen Staatskunde /

залось бы, бескомпромиссного патриота, жертвующего жизнью ради города и сограждан, голос крови в отдельные моменты все же пересиливает чувство долга перед общиной. Об этом свидетельствует хотя бы его молчание в ключевой сцене собрания на троянской агоре (Il. VII, 345 sqq.). Подобно всем остальным Приаидам, Гектор не оказывает никакой поддержки Антенору, предлагающему выдать Елену ахейцам, и не пытается урезонить совершенно зарвавшегося Париса, хотя одно его слово, вероятно, могло бы решить исход прений. Вообще род в понимании Гомера противостоит общине, как враждебная сила, разлагающая ее изнутри, а иногда даже ведущая к гибели. Опираясь на поддержку и сочувствие сородичей, человек может решиться на самое тяжелое преступление. Одиссей говорит, обращаясь к пирующим в его доме женихам (Od. XVIII, 139 sq.): «Некогда и я кичился своим богатством среди людей и много совершил незаконного, подстрекаемый силой и властью и полагаясь на отца и братьев моих». Эти слова звучат прямым намеком на то, что за спиной женихов стоят их родители и старшие братья, которые своим попустительством, а, может быть, и прямым наущением толкают их на разбойные дела (та же мысль проскальзывает и в некоторых других местах, см. II, 71 sqq; XXIV, 455 sqq.). Тайное становится явным в финальной сцене поэмы. Речь Евпейта, призывающего отомстить за погибших женихов, находит бурный отклик в сердцах собравшихся на площади итакийцев. Механизм кровной мести срабатывает безотказно, и собрание в мгновение ока раскалывается на две враждебные партии (Od. XXIV, 463 sqq.). Эта сцена наглядно демонстрирует внутреннюю слабость, непрочность гомеровского полиса. Родовое центробежное начало здесь явно преобладает над центростремительным общинным. Достаточно малейшего толчка, какой-нибудь гражданской распри или смуты, чтобы ис-

чезла даже та эфемерная видимость политического единства, которая придает гомеровской общине сходство с «нормальным» полисом⁹⁵.

Нет ничего удивительного в том, что рыхлая раздираемая непрерывными внутренними противоречиями масса демоса сплошь и рядом обнаруживает свою полную беспомощность в столкновении с любой мало-мальски организованной силой, будь то знатный влиятельный род (Приамиды в «Илиаде»), аристократическая гетерия (женихи в «Одиссее») или просто сильный человек, опирающийся на поддержку своих рабов и клиентов (Агамемнон, Одиссей). Вражда, недоверие, страх, разъедающие изнутри родовое общество, парализуют демос, делают его неспособным к сопротивлению. Ведь даже если он и может принять на своей сходке то или иное решение, то у него чаще всего не находится нужных средств для того, чтобы провести это решение в жизнь. Как пишет Г. Глоц, «в ту эпоху, когда не существовало ничего, что соответствовало бы разделению властей в делах, которые мы называем судебными также, как и во всяких других, народ не имел никакого другого средства действовать, кроме как простое выражение или революционный взрыв коллективного чувства»⁹⁶. Поэтому самостоятельные выступления народа в эпосе носят обычно столь стихийный, импульсивный характер. Вспыхивая внезапно, подобно пожару или землетрясению, они столь же быстро идут на убыль. По этой же причине власть народа не является в понимании поэта настоящей властью. Для этого она — слишком непостоянна, неустойчива, слишком зависит от благоприятного стечения обстоятельств⁹⁷.

⁹⁵ «Рыхлым союзом равноправных и юридически, а также фактически почти независимых от общины магнатов» называет гомеровский полис Эд. Мейер (*Meyer Ed. Geschichte... Bd. III. S. 282*). Ср.: *Петрушевский Д. М. Общество и государство... С. 20* слл.

⁹⁶ *Glötz G. La cite... P. 66.*

⁹⁷ В системе управления гомеровского полиса агора выполняет главным образом функцию индикатора общественного мнения, к которому должны прислушиваться, но с которыми не всегда обязаны считаться цари. Лишь при условии абсолютного единодушия в своей среде народ бывает спосо-

Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969. S. 104 f.; ср.: *Ярхо В. Н. Вина и ответственность... С. 18; Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare. Cambridge, 1973. P. 168.* Термин «род» здесь, как и в последующем изложении, употребляется условно для обозначения круга родственников, связанных взаимными обязательствами в случае кровной мести и т. п. ситуациях.

Настоящей властью (*крáτος*) в собственном значении этого слова, соединяющей в себе как законодательные, так и исполнительные прерогативы обладают только цари⁹⁸. Но они, как мы уже видели, отнюдь не склонны считать себя магистратами, слугами народа и обычно используют свою власть прежде всего в своих собственных интересах или в интересах своего рода. Более того, именно цари являются главными носителями тех центробежных, разлагающих общину тенденций, о которых мы только что говорили. Являясь фактическими правителями полиса, они, судя по всему, не были расположены к мирному сосуществованию и постоянно враждовали между собой. Да это и понятно: в недавнем прошлом совершенно самостоятельные родовые вожди, каждый со своей свитой сородичей и приверженцев, со своей, вероятно, укрепленной загородной усадьбой, они, конечно, и теперь в новых для них условиях городской жизни продолжали упорно бороться за первенство, вовсе не собираясь умеривать свое честолюбие и жажду власти ради высших интересов общины. Скорее можно ожидать, что оказавшись в столь близком соседстве, стиснутые кольцом городских стен или прижатые к подножию акрополя, эти магнаты должны были еще более рьяно отстаивать свои права, не ограничивая себя в выборе средств. Кровавые распри знатных родов, непрерывное соперничество и борьба за власть между их предводителями создавали в городе накаленную атмосферу, пронизанную духом взаимной вражды и ненависти (нечто подобное мы наблюдаем в итальянских феодальных городах эпохи средневеко-

бен навязать царю или царям свою волю. См.: *Busolt C. Griechische Staatsunde. I. S. 336*: «Общественное мнение было силой, и считалось неразумным действовать вопреки ясно выраженной воле народа». *Glötz G. La cite... P. 62 f*; *Grote G. A history... P. 66 f.* Ср.: *Moreau P. Les assembles... P. 229 s.*; *Finsler G. Das homerische Königtum. S. 321 f*; *Martin R. Recherches... P. 25 s.*

⁹⁸ Власть царя, хотя она и далека от того, чтобы быть признанной абсолютной монархией, ограничена не столько контролем со стороны народного собрания, сколько соперничеством других царей. Ср.: *Moreau F. Les assembles... P. 320 s.*

вья с их бесконечными раздорами между гвельфами и гиббелитами и им подобными)⁹⁹.

В конечном счете, исход борьбы родовых группировок зависел от того, на чью сторону встанет demos, т. е. основная часть граждан общины, до поры до времени сохраняющая нейтралитет. Как мы уже видели, раскатить эту инертную массу было нелегко, но иногда это все же удавалось, неуклюжий, архаичный механизм варварского государства начинал действовать, и demos превращался в ту грозную карающую силу, с которой мы изредка сталкиваемся на страницах гомеровских поэм. Разумеется, вовсе не обязательно видеть в такого рода политической активности демоса непосредственную реакцию самой народной массы на обращенный к ней призыв о помощи. В обществах такого типа, как гомеровское, строящихся по строго иерархическому принципу, рядовые общинники занимают обычно «нижние этажи» гентильных коллективов, возглавляемых родовой знатью, и уже в силу этого редко бывают способны к самостоятельным политическим выступлениям. К этому следует добавить многообразные формы клиентской зависимости, связывавшие простонародье с аристократическими ойкасами¹⁰⁰. Как клиенты аристократов или как их фратеры и сородичи низшего ранга, простые общинники сопровождали своих вождей и покровителей на народные собрания, дабы в случае необходимости поддержать их криком, а коли будет надобность, то и оружием. В этих условиях прямое обращение к народу через головы «лучших людей» едва ли могло бы иметь успех. Именно знать была здесь

99 См.: *Hasebroek J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931. S. 125*; *Mazzarino S. Fra Oriente e Occidente. Firenze, 1947. P. 225 sg.*; *Huxley G. L. The Early Ionians. London, 1966. P. 47 f.*

100 Это не означает, конечно, что основная масса населения полиса находилась на положении «слуг» или фетов в домах знати. Для большинства рядовых общинников их зависимость от царей выражалась лишь в эпизодических подношениях «даров» и участии в их военных и политических авантюрах. Во всем остальном они были вполне свободными и правоспособными людьми. См.: *Hasebroek J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte... S. 20 f.*

главной выразительницей того, что мы могли бы назвать «общественным мнением». Поэтому Гомер чаще всего игнорирует простой народ, делая вид, что не замечает его присутствия на агоре и вообще в городе.

Впрочем, описанная здесь ситуация не оставалась неизменной. Начавшееся еще в микенскую эпоху расшатывание жестких архаических форм гентильной организации к концу гомеровского периода уже успело пройти достаточно далеко. Хозяйственные неурядицы, гражданские распри, колонизация влекли за собой непрерывные перетасовки во внутреннем составе фратрий и фил, а также частичный их распад. В связи с этим происходит высвобождение определенной части рядовых общинников из-под влияния и опеки родовой знати. Об этом свидетельствует такой эпизод, как выступление Терсита во II песни «Илиады». Под уродливой личиной Терсита уже угадываются черты политического деятеля нового типа — демагога, выдвинутого народной массой из ее собственной среды в противовес ее старым аристократическим лидерам. Очевидно, эта фигура вожака толпы хорошо знакома и поэтому так ненавистна как самому поэту, так и его слушателям. Разумеется, по одному этому эпизоду невозможно судить о размахе поднимающегося в недрах гомеровского общества народного движения, о его массовости и результатах. Не подлежит сомнению, что процесс высвобождения массы демоса был достаточно длительным и потребовалось не одно столетие для того, чтобы греческое крестьянство окончательно разорвало узы родовой солидарности, связывавшие его со знатью, и осознало себя как класс со своими особыми интересами¹⁰¹.

Вспышки классовой вражды, подобные инциденту с Терси-

¹⁰¹ Освобождение от родовой опеки не означало, конечно, немедленного улучшения положения крестьянства. Во многих случаях имела место как раз противоположная тенденция, так как не связанный с родовым коллективом и, следовательно, не пользующийся его защитой и покровительством мелкий землевладелец становился легкой добычей для окружающих его хищников и вымогателей, что нередко снова вынуждало его искать себе патрона среди «сильных людей». См.: *Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization*. New York, 1961. P. 313 f.

том, не могли сразу и всерьез поколебать политическое могущество старинной знати. И в меняющемся обществе она продолжала оставаться ведущей политической силой. Однако для того, чтобы сохранить и упрочить свое положение, знати приходилось существенно менять и совершенствовать используемые ею методы управления. Непосредственное руководство массой через каналы родоплеменных институтов, хотя и не было изжито сразу и окончательно, в значительной мере перестало оправдывать себя ввиду того, что для многих свободных общинников узы, связывавшие их с той или иной фратрией или филлой, теперь утратили свою обязательность и стали возможны переходы из одной гентильной организации в другую¹⁰². В ионийских городах-колониях, где процесс разложения родового строя шел в силу понятных причин особенно быстро, такие переходы приобрели, надо думать, массовый характер. Борьба за эту колеблющуюся, ускользающую из рук массу простонародья стала жизненной необходимостью для каждого аристократа, претендующего на высокое положение и престиж в своей общине¹⁰³.

Главной ареной борьбы за демос, естественно, должна была стать агора, освященная традицией средоточие всей общественной жизни гомеровского полиса. Именно здесь лицом к лицу сталкивались приверженцы враждебных кланов и в бурных дебатах, а иногда и в кровопролитных схватках, разрешались аристократические усобицы, тянувшиеся уже не одно поколение. Само собрание превращалось, таким образом, в своеобразный

¹⁰² На это указывает, с одной стороны, выделение в составе аттических фратрий вне родовых объединений тиасотов и оргеонов, с другой же, обособление от общей массы фратеров замкнутых аристократических *γένη*. См.: *Busolt G. Griechische Staatskunde*. I. S. 252 f; *Ferguson W. S. The Athenian Phratry*// CPh. 1910. Vol. 5. P. 262 f; *Andrewes A. Philochoros on Phratry*// JHS. 1961. Vol. 81. P. 2 f.

¹⁰³ Эта необходимость усугублялась, с одной стороны, отсутствием постоянных дружин, с другой, массовым вооружением самого демоса. Факт всеобщего вооружения народа, на который обращает особое внимание Энгельс (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.* Т. 21. С. 105), подтверждается материалом захоронений раннежелезного века.

агон знатных родов и фамилий, исход которого должен был выявить сильнейшего — того, кто по праву мог бы считаться «первым человеком» в общине. Каждый из участников этого состязания старался склонить на свою сторону «молчаливое большинство» собрания, не принимающее непосредственного участия в распре. Поддержка народа обеспечивала ощутимые преимущества тому, кто сумел бы ее добиться. Во-первых, перед ним открывалась возможность выдать свои притязания за «волю народа», что давало в его руки мощное средство психологического давления на противников. В случае необходимости та же фикция могла быть использована и как «правовое основание» для физической расправы со сторонниками враждебной группировки (для этого достаточно было объявить их «лицами, стоящими вне закона»). Наконец, если дело доходило до вооруженного столкновения, демос мог вмешаться в него на стороне той партии, которой удалось завоевать его сочувствие. Конечно, во всех этих конфликтных ситуациях поведение толпы трудно было предугадать заранее, так как оно зависело от множества различных обстоятельств. Если демос не склонен был ввязываться в борьбу, а предварительная психологическая обработка не приводила к желаемому успеху, это могло оказать отрезвляющее действие на враждующие партии и вынудить их к лавированию и поискам мирных средств решения конфликта. Но можно представить и другую ситуацию: путь мирного урегулирования в силу каких-то причин закрыт, напряженность продолжает усиливаться. В этом случае демос в конце концов оказывался перед необходимостью или поддержать одну из борющихся сторон, или, если в его рядах не было необходимого единомыслия, самому расколоться на два враждебных лагеря, стоящих друг против друга с оружием в руках, как мы наблюдаем это в заключительной сцене «Одиссеи».

Из всего сказанного следует, что народное собрание выполняло в политическом механизме гомеровской общины двойную функцию, являясь в одно и то же время основным инструментом управления, находящимся в руках родовой знати, и своеобразным средством урегулирования конфликтов в среде самой пра-

вляющей элиты. Последнее особенно важно, ибо «борьба всех против всех» была, как мы уже говорили, нормальным состоянием раннегреческого полиса, и община аристократических родов, являвшаяся фундаментом полисной общины, нуждалась в периодическом возобновлении.

Использованный нами материал крайне фрагментарен. Гомер многого не договаривает, о многом говорит намеками. Некоторые из недостающих в нашей картине деталей мы можем восстановить, прибегнув к сравнительно-историческому методу и используя доступную нам информацию о политической жизни других народов, стоящих примерно на том же уровне развития, что и гомеровские греки¹⁰⁴. Кое-что здесь могут дать, например, свидетельства Цезаря и Тацита о галлах и германцах¹⁰⁵. Но особенно богатый материал, позволяющий представить в огромном множестве вариантов те политические ситуации, которые лишь намечены в «Илиаде» и «Одиссее», мы находим в исландских сагах. В мельчайших подробностях воспроизводят они жизнь этой северной страны в течение первых трех столетий (X—XII вв.), следующих за ее заселением норвежскими викингами. Материал саг представляет для нас тем большую ценность, что, несмотря на большую историческую и географическую дистанцию, отделяющую Исландию от ионийских полисов Малой

¹⁰⁴ На сопоставлениях такого рода основана интересная и во многом до сих пор еще не утратившая своего значения книга Чедвика «Героический век» (*Chadwick H. M. The Heroic Age. Cambridge, 1912*, особенно важны гл. XVI–XVII).

¹⁰⁵ Политическое господство знати достаточно ясно очерчено как в «Записках о галльской войне», так и в «Германии». Так, Цезарь категорически утверждает, что «народ (plebs) у галлов находится почти в рабском положении, сам по себе ни на что не отваживается и не принимает участия ни в каких совещаниях» (Bell. Gall. VI, 13). Народное собрание, правда, существовало у большинства галльских племен и, как кажется, пользовалось определенным авторитетом. Не случайно, честолюбцы, помогающие царской власти вроде Оргеторига у гелльветов, Думнорига у эдуев, Верцингеторига у арвернов всеми средствами (лестью, подкупом, угрозами) пытаются привлечь народ на свою сторону. Во всех этих случаях, однако, едва ли имеется в виду прямое обращение к народу через головы его «вождей» из знати.

Азии, между этими двумя районами можно найти немало общего даже при беглом сопоставлении. И там, и здесь мы видим примитивное варварское общество, сложившееся в особых историко-географических условиях — на колониальной почве, вдали от метрополии и поэтому свободное от некоторых традиционных для нее институтов, таких, например, как царская (resp. королевская) власть. И там, и здесь неблагоприятные природные условия и близость моря обусловили исключительную мобильность населения, быстрое расшатывание основ родового строя, особенно его экономической базы — коллективного землевладения. И там, и здесь результатом всего этого было возникновение своеобразной политической организации, известной под именем «народовластия» (термин, принятый в исландской научной литературе), или «военной демократии»¹⁰⁶.

Средоточием исландского «народовластия» был тинг или альтинг. Подобно гомеровской агоре, тинг собирался главным образом для разбора судебных тяжб, хотя попутно здесь же могли приниматься новые законы и всякие другие решения. Как и у Гомера, активное участие во всех этих делах принимали лишь представители родовой знати — хавдинги. Рядовые общинники — бонды составляли лишь необходимый фон для их словопрений. К тингу готовились заранее, как к сражению или турниру. Каждый участник тяжбы старался собрать как можно больше сторонников, подымая на ноги своих сородичей, друзей, зависимых людей со всей Исландии (так в «Саге о Храфнкеле, годи Фрейра», VIII, IX)¹⁰⁷. На поле тинга эти котерии выстраивались друг против друга с оружием в руках и в боевом порядке. Нередко судебное разбирательство, начавшееся самым заурядным образом, перерастало затем в кровопролитное сражение («Сага о Ньяле»,

¹⁰⁶ Об исландском «народовластии» см.: *Ольгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии. М., 1957; *Sveinsson E. O.* The Age of the Sturlungs. New York, 1953. P. 9 f; *Гуревич А. Я.* Колонизация Исландии // УЗ Калининского пед. ин-та. 1963. Т. 35. С. 237 слл.

¹⁰⁷ Ссылки даются по изд.: «Исландские саги. Ирландский эпос». М., 1973.

CXLII слл.). Когда же тинг вопреки ожиданиям оканчивался мирно, это отмечалось, как нечто необыкновенное («Сага о Ньяле», XLVIII). Главной целью каждого из участников тяжбы было добиться объявления противной стороны поставленной вне закона, ибо, по существу, это означало, что у него развязаны руки для расправы с врагами. Будучи высшим законодательным и судебным органом всей страны, тинг не располагал какой-либо исполнительной властью, и приведение в исполнение вынесенного им приговора считалось обычно частным делом и зависело от возможностей и желания стороны, выигравшей тяжбу («Сага о Храфнкеле», XIII; также конец «Саги о Херде и островитянах»). Естественно, что в этих условиях реальную победу на тинге мог одержать только тот, кто располагал достаточным числом приверженцев, связанных с ним узами родства или зависимости. «На практике, — пишет А. Я. Гуревич¹⁰⁸, — торжествовало право сильного: кто имел больше сородичей и зависимых людей, был богаче и влиятельнее, тот мог навязать свою волю соседям и участникам тинга. Самоуправство наиболее могущественных и богатых людей, имевших средства заставить считаться с собой всех окружающих, уже тогда не знало границ».

Сопоставление материала исландских саг с данными гомеровских поэм еще раз убеждает нас в справедливости наших предположений в отношении подлинного характера так называемой «военной демократии». Приведенные факты показывают, что скрывающийся за этой моргановской формулой политический режим в действительности весьма далек от подлинного народовластия и в основе своей представляет собой нечто иное, как непрочную, нестабилизированную форму господства знати, или примитивную аристократическую республику. Аристократия здесь еще не успела консолидироваться как правящая элита¹⁰⁹. Ее раздражают бесконечные внутренние распри, возника-

¹⁰⁸ *Гуревич А. Я.* Походы викингов. М., 1966. С. 24.

¹⁰⁹ Сам этот режим, очевидно, еще нельзя назвать «олигархическим», хотя олигархия так же, как и тирания, могут зародиться в его недрах. Ср.: *Calhoun G. M.* Classes and masses in Homer // CPh. 1934. Vol. 29, 3. P. 308.

ющие на почве межродовой кровной мести или борьбы за власть. Невольным участником этих столкновений с самого начала становится простой народ, т. е. основная масса рядовых свободных общинников. Находясь в политической, религиозной, а нередко и в экономической зависимости от знати, простонародье пока еще лишено своего политического лица, у него нет своей программы, лозунгов, организации и т. д. Разобщенные и связанные тысячью уз со своими «вождями» рядовые общинники вынуждены были слепо следовать за ними, служа, таким образом, пассивным пьедесталом для той яростной борьбы за первенство между знатными родами, которая составляет отличительную черту политической истории ранней Греции на протяжении всей архаической эпохи. Именно такую ситуацию мы застаем, например, в Афинах как в досолоновский период (Килонова смута), так в значительной мере еще и в последующее время (смуты и борьба партий перед тиранией Писистрата)¹¹⁰. Конечно, вовлекая народ в свои усобицы в качестве вспомогательной вооруженной силы, знать, сама того не желая, пробуждала его самосознание и, таким образом, ускоряла его политическое развитие. Очевидно, уже в конце гомеровского периода (рубеж VIII—VII вв. до н. э.) в наиболее передовых полисах ионийского побережья Малой Азии так же, как и в отдельных местах Балканской Греции, возникают первые ростки того широкого демократического движения, которое со временем приведет к коренной перестройке всего греческого общества на совершенно новых началах. Об этом свидетельствуют и антиаристократические выпады Гесиода и показания таких документальных источников, как «Ликургова ретра», и, не в последнюю очередь, отдельные эпизоды в самих гомеровских поэмах (прежде всего, выступление Терсита). Однако для реального воплощения в жизнь этих зачатков будущей античной демократии нужны были столетия экономического, культурного и политического развития, на самом пороге которого стоят Гомер и его герои.

¹¹⁰ См. *Wade-Gery H. T. Studies in the structure of Attic society. II // CQ. 1933. Vol. 27, № 1. P. 22 f.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги нашего исследования, попытаемся еще раз окинуть одним общим взглядом весь долгий и сложный путь, пройденный греческим обществом за первую тысячу лет его истории. Путь этот был, в полном смысле слова, путем проб и ошибок. Теперь мы знаем, что первая попытка утверждения системы классового господства на территории Греции, предпринятая еще в догомеровские времена, не увенчалась успехом. Возникшая в результате этой попытки микенская цивилизация, судя по всему, не обладала достаточным запасом внутренней прочности и при первом же серьезном потрясении сошла с исторической сцены.

Нежизнеспособность этой первой в истории Греции формы классового общества находит свое объяснение в крайней примитивности и вместе с тем непрочности того социально-экономического фундамента, на котором она была воздвигнута¹. Не следует забывать о том, что процесс классообразования шел в микенских обществах кратчайшим из всех возможных путей².

¹ Как указывал уже Г. Чайлд, само существование эгейских цивилизаций было во многом обусловлено той благоприятной экономической конъюнктурой, которая сложилась в восточном Средиземноморье во II тыс. в связи с интенсивным обменом бронзой и другими дефицитными видами сырья между районами, производящими металл и потребляющими его. См.: *Childe G. The Prehistory of European Society. London, 1958 P. 150 ff. Ср.: Renfrew C. The Emergence of Civilization. The Cyclades and the Aegean in the third millenium B. C. London, 1972. P. 471 ff.*

² Мы имеем в виду, разумеется, лишь ту ведущую форму эксплуатации, которой была в микенскую эпоху эксплуатация «свободного» населения подвластных общин. Рабский труд, несмотря на его широкое применение в дворцовых хозяйствах, играл, как нам думается, лишь вспомогательную роль в существовавшей в то время системе производственных отношений. Ср.: *Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.-Л., 1957. С. 284 сл.; Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 188 сл.*

Ахейские государства постепенно поглощали мелкие родовые или территориально-родовые общины, попавшие в орбиту их притяжения, и, почти «не переваривая», делали их объектом всесторонней эксплуатации в системе централизованного дворцового хозяйства. В большинстве случаев эта эксплуатация, по-видимому, не выходила за рамки слегка модифицированных даннических отношений, что способствовало длительной консервации основных элементов первобытнообщинного строя среди массы трудящегося населения микенских государств в непосредственной близости от их главных экономических и культурных центров. Представляя собой всего лишь сумму замкнутых социальных организмов, экономически очень слабо между собой связанных, дворцовые государства таили в самих себе источник своей гибели. Начавшийся на рубеже XIII—XII вв. распад микенской социально-экономической системы вернул общины, подвластные ванакам Микен, Тиринфа, Пилоса и других ахейских держав, в их первоначальное состояние абсолютной политической обособленности. Грецию снова надолго захлестнула косная стихия первобытности.

Однако, как было уже замечено, новый вариант бесклассового общества, возникший на руинах микенских дворцов и цитаделей в течение XII—XI вв., едва ли может считаться простым возвращением вспять, к тем примитивным социальным структурам среднеэлладской эпохи, из которых когда-то выросли первые ахейские государства. Скорее, это было повторение опыта прошлого, но на качественно ином, в целом более высоком уровне общественного развития. Об этом с достаточной ясностью свидетельствует ситуация, сложившаяся в Греции в рамках того хронологического отрезка (IX—VIII вв.), который, по нашему убеждению, может и должен именоваться «собственно гомеровским периодом». По крайней мере, два существенно важных момента отличают эту ситуацию от той, которая предшествовала зарождению микенской цивилизации. Это — далеко зашедшая индивидуализация хозяйственной жизни греческого общества и логически дополняющая ее атомизация всей его внутренней структуры. В связи с этим в экономической сфере на первый

план решительно выдвигается автономное хозяйство патриархальной семьи. В правовой сфере этому соответствует достаточно четко фиксированный (несмотря на формально все еще признаваемый суверенитет общины) режим частной собственности. Парадоксальное соединение этой новой формы собственности с отсутствием настоящего классового деления и все еще очень сильными пережитками родового строя составляет основную специфическую особенность гомеровского общества³.

По-видимому, именно в IX—VIII вв. в Греции окончательно сложился тот широкий слой свободного крестьянства, которому суждено было стать в дальнейшем главной социальной опорой античного полиса. В этом, по нашему мнению, заключался основной социально-экономический итог гомеровского периода и вместе с тем его наиболее весомый вклад в развитие греческой цивилизации. Самодовлеющее крестьянское хозяйство столь живо и наглядно обрисованное в «Трудах и днях» Гесиода, несомненно, было хорошо известно также и Гомеру⁴. На это указывают не только характерные детали сельского быта, рассеянные по эпическим сравнениям и многочисленным вставным эпизодам, но и подробное описание хозяйственной деятельности и повседневной жизни таких персонажей, как, например Лаэрт или Евмей в «Одиссее». Различия в социальном статусе этих двух героев в данном случае не имеют существенного значения. Важен общий для них обоим, а в равной мере, вероятно, и для любого крестьянина той эпохи, хотя бы того же Гесиода, принцип ведения хозяйства, его ориентация на полное самообеспечение всем необходимым и столь же полную независимость от внешнего мира⁵.

³ Ср. *Sarkady J.* Outlines of the development of Greek society in the period between the 12th and 8th cent. B. C. // *Acta Antiqua Acad. Scient. Hungar.* 1975. T. XXIII, f. 1-2. P. 123.

⁴ *Richter W.* Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter // *Archaeologia Homerica.* Bd. II. Kap. H. Göttingen, 1968. S. 15 ff.

⁵ Разумеется, уже и в те времена абсолютная хозяйственная автаркия была практически недостижимым идеалом, к которому можно было толь-

В истории древней Греции, как и в истории любой другой страны, индивидуальное крестьянское хозяйство с характерными для него автаркическими тенденциями, безусловно, не может считаться чем-то изначально данным, существующим «от века»⁶. Так же, как и тесно связанная с ним средняя и мелкая земельная собственность, этот тип хозяйства является продуктом длительного исторического развития, начало которого следует искать, вероятно, еще в глубинах микенской эпохи. Решающим переломным моментом в этом процессе высвобождения частной хозяйственной инициативы был, по всей видимости, переходный период, т. е. XI—X вв. Как было уже указано, распад микенских государств в немалой степени способствовал экономической эмансипации патриархальной семьи. Только теперь она, наконец, полностью избавилась от тяжелого фискального гнета и неусыпного контроля со стороны дворцовой бюрократии. В то же время в обстановке всеобщего разброда и хаоса, среди почти непрерывных передвижений племен, которыми заполнены первые столетия после-микенской эпохи, должны были придти в окончательный упадок архаические формы гентильной организации, державшие семью в жестких шорах экономической зависимости от более крупных социальных организмов.

Ряд объективных факторов, и прежде всего широкое внедрение железа в греческую экономику, а в какой-то мере, возможно, и то состояние длительной изоляции от внешнего мира, в котором Греция пребывала в течение всего этого времени⁷, могли

ко стремиться. Как и всякий самостоятельный хозяйственный организм, гомеровский ойкос не мог существовать без связей с рынком, хотя бы эпизодических. Приобретались не только редкие виды сырья, но даже и рабочая сила (рабы), что в общем позволяет говорить о довольно высоком уровне товарности крестьянских хозяйств того времени. Ср. *Ленцман Я. А.* 1) О возникновении товарного производства в древней Греции // ВДИ. 1953. № 3. С. 59; 2) Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 254 слл.

⁶ *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 37 слл.

⁷ Ср. *Starr Ch. C.* The Origins of Greek Civilization, 1100-650 B. C. New York, 1961. P. 116 ff.

способствовать закреплению этого положения, сделав невозможным возвращение вспять, к изжившим себя экономическим системам эпохи бронзы. Конечно, в условиях послемикенского экономического застоя и непрекращающихся миграций потенции, заложенные в индивидуальном хозяйстве крестьянской семьи (ойкоса), еще не могли раскрыться по-настоящему. Лишь наметившийся с началом собственно гомеровского периода (конец X — начало IX вв.) переход греческих племен к прочной оседлости и сопутствовавшая ему переориентация сельского хозяйства страны с преимущественного развития скотоводства на земледелие, в особенности на такие его виды, как виноградарство и оливководство⁸, наконец, позволили ойкосной экономике твердо встать на ноги и привели процесс становления крестьянства как широкого слоя свободных средних и мелких собственников к его логическому завершению.

До определенного момента все эти важные социально-экономические сдвиги происходили в рамках традиционных, унаследованных от предшествующей исторической эпохи форм социальной организации. Важнейшей из этих форм была, по всей видимости, территориальная община — демос. Являясь основной ячейкой непрерывно меняющегося общества, сама община, естественно, также не могла оставаться неизменной. В течение всей послемикенской эпохи она постепенно эволюционировала, меняя как свою внешнюю форму, так и внутреннюю структуру.

Насколько позволяют судить имеющиеся данные, в гомеровском эпосе нашли свое отражение три последовательные стадии в развитии территориальной общины. 1) Сельская община, являющаяся структурной ячейкой (административно-податным округом) большого централизованного государства. Этот тип общины явно принадлежит к реминисценциям микенской эпохи и встречается лишь в немногих эпизодах поэм, занимающих изолированное положение в их общем историческом контексте

⁸ *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece: An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries B.C. Edinburgh, 1971. P. 378 ff. Ср. *Richter W.* Die Landwirtschaft... S. 87 f.

(примером может служить перечень семимессенских городов в II. IX, 149sq.). 2) И однако, внутриполитическая жизнь этого социального организма золированная самоуправляющаяся сельская кажется слишком сложной для небольшого поселка или деревни. Характерная для эпической общины форма коллегиального управления группы басилеев позволяет видеть в ней результат слияния нескольких или даже многих деревень и поселков, т. е. опять-таки примитивную форму города-государства.

Этот тип общины получил особенно широкое распространение после распада микенских дворцовых государств (хотя во многих районах Греции он, вероятно, существовал еще до этого) и оставался господствующей формой политического сообщества на протяжении всего периода так называемых «темных веков» (XI—IX вв.). 3) Самоуправляющаяся городская община, представляющая собой зачаточную форму города-государства. Имеющиеся в нашем распоряжении внеэпические источники (как письменные, так и археологические) дают основание полагать, что переход со стадии сельской общины на стадию города-государства начался в Греции где-то около середины VIII в., а в некоторых местах, возможно, и еще раньше. Этот важный исторический момент, естественно, не нашел прямого отражения в эпической поэзии. Лишь по некоторым косвенным намекам можно догадаться, что полис в его новом качестве города-государства был уже известен Гомеру.

В целом же поэт, по-видимому, не проводит сколько-нибудь четкого разграничения между двумя основными типами общинной организации, ориентируясь в изображаемых им житейских ситуациях на некую синкретическую модель общины вообще, соединяющую в себе признаки как того, так и другого типа. Рассматриваемый с чисто топографической точки зрения гомеровский демос воспринимается как обособленная сельская община, поскольку на его территории нет никаких других поселений, кроме одного единственного полиса, в котором сосредоточено почти все свободное население данного округа. В то же время сам полис, по крайней мере, в отдельных эпизодах поэм имеет достаточно ясно выраженные признаки поселения городского типа (важнейший из этих признаков — агора, являющаяся главным жизненным центром поселения и при этом не связанная непосредственно с царским дворцом). В социологическом плане демос представляет собой сообщество крестьян-земледельцев лишь с незначительной примесью ремесленников и торговцев, что опять-таки оправдывает его сближение с сельской общиной. Од-

Необходимо иметь в виду, что происходивший в VIII столетии процесс урбанизации был лишь начальной стадией так называемой «городской революции» и уже в силу этого носил весьма поверхностный, можно даже сказать, «предварительный» характер. Первые греческие города были по преимуществу военными, политическими и религиозными центрами подвластной им сельской округи. В чисто социологическом плане они и в то время, а многие из них и значительно позднее едва ли могли претендовать на нечто большее, нежели считаться «большими деревнями» или укрепленными (впрочем, тоже не всегда) земледельческими поселениями. Само отделение города от деревни нередко сводилось на этом этапе развития полиса к механическому перемещению массы населения либо из центра на периферию (внутрен-

няя колонизация), либо в противоположном направлении — с периферии в центр (синойкизм). Поэтому, как правило, переход со стадии сельской общины на стадию города-государства не сопровождался сколько-нибудь серьезными органическими изменениями в структуре и характере общества. Даже там, где этот переход принимал форму целенаправленного политического акта (наиболее очевидным примером здесь может служить так называемый «Тезеев синойкизм» в Аттике) внутренняя перестройка преобразующегося в полис племенного сообщества, по-видимому, не шла дальше известного упорядочения системы гентильных союзов и более четкого разграничения уже существующих социальных слоев и разрядов. Основные принципы социальной организации оставались при этом неизменными.

Подходя к раннегреческому гомеровскому полису с позиций современной исторической типологии, мы можем определить его как предклассовое варварское общество в его специфическом городском варианте⁹. Такие признаки, характерные для этой формации, как иерархическая структура общества в сочетании с системой гентильных объединений, политическое господство родовой знати, все еще очень сильный родовой партикуляризм, спроецированы здесь на не совсем обычный фон «преждевременного» (еще до образования классов) сформировавшегося города-государства. Мы еще раз повторяем и подчеркиваем, что речь в данном случае может идти лишь о зачаточной форме государства, которая только в потенции может считаться орудием классового господства, хотя практически еще не успела стать таковым ввиду отсутствия самих классов¹⁰. Вместе с тем

⁹ О варварском обществе см.: Гуревич А. Я. 1) Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 15 сл.; 2) Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 26 сл.; Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы) // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М., 1968. С. 596 сл.; Хазанов А. М. Военная демократия и эпоха классового образования // В. И. 1968. № 12. С. 93 сл.

¹⁰ Напомним, что Энгельс особо оговаривал в «Анти-Дюринге» возмож-

нельзя недооценивать то влияние, которое ранний полис уже самим фактом своего существования, предполагающим концентрацию значительной части населения страны в городах, мог оказать на только еще начинавшийся в то время процесс классового образования. В условиях тесного каждодневного общения больших масс людей, составляющего неотъемлемую черту городской жизни уже на самых ранних этапах ее развития, этот процесс должен был идти гораздо интенсивнее, нежели это было возможно в условиях разрозненных сельских общин. Именно городская полисная община стала той социальной средой, в которой в кратчайший исторический срок могла быть осуществлена коренная перестройка архаических структур варварского общества, чтобы тем самым подготовить почву для скорейшего вызревания основных классов нового рабовладельческого общества.

Ранняя урбанизация наложила весьма заметный отпечаток также и на дальнейшее политическое развитие греческого общества. Начиная с VIII столетия оно идет в основном по линии постепенного укрепления и возвышения республиканских институтов полисной общины, в первую очередь, совета и народного собрания. Одновременно с этим все более ограничиваются, а затем и совершенно сводятся на нет заложенные в самой природе общины потенции личного и родового могущества¹¹.

ность вызревания первичных форм государственной власти в обществе, по своей сути, еще бесклассовом (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 20. М., 1961. С. 152). В работах некоторых советских историков политические образования такого типа квалифицируются, как «варварские государства» или «предгосударства». См.: Неусыхин А. И. Дофеодальный период... С. 604; Хазанов А. М. 1) Военная демократия... С. 93 сл.; 2) Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1975. С. 129 сл.

¹¹ Пока еще остается весьма проблематичным вопрос о существовании в политическом развитии ранней Греции особой стадии «племенного государства», будто бы предшествовавшей возникновению полиса (см. выше, с. 318 сл.). Скорее всего, именно образование города-государства было для большинства греков первым шагом к утверждению внутривоспримного единства. С этим связано, как нам думается, сравнительно позд-

Судьба большинства тиранических и олигархических режимов архаической эпохи показывает, что развитие авторитарного государства так и не вышло в Греции из стадии экспериментов. Как известно, основным итогом эволюции полисного строя в течение архаического периода было установление в наиболее передовых районах греческого мира античной формы демократии. Сам полис успел превратиться за это время из эфемерного союза родовых вождей, каким он был вначале, в республику свободных и равноправных граждан, основанную на принципе народоправства. Разумеется, столь радикальная трансформация была бы невозможна без того бурного экономического и культурного подъема, который был пережит греческим обществом за два с половиной столетия Великой колонизации. Однако общее направление этому движению было задано, как нам кажется, уже на первой, самой ранней стадии «архаической революции», хронологически остающейся еще в пределах гомеровского периода (VIII в.). Начиная именно с этого момента, полис становится главным структурообразующим элементом греческой цивилизации и сохраняет это свое значение вплоть до самого конца античной эпохи.

нее и слабое развитие царской власти. Едва ли случайно, что в своей наиболее ясно выраженной форме монархические институты появляются лишь в тех районах греческого мира (Македония, Эпир, отчасти также Спарта), где практически не было настоящих городов и власть царя была необходима в качестве своего рода политической компенсации территориальной разобщенности племени.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдиев В. И.* Военная демократия и классовый характер древнейшего государства // ВИ. 1970. № 1.
- Аверкиева Ю. П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961.
- Аверкиева Ю. П.* Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970.
- Аверкиева Ю. П.* О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки // СЭ. 1970. № 5.
- Андреев Ю. В.* Мужские союзы в поэмах Гомера // ВДИ. 1964. № 4.
- Андреев Ю. В.* К вопросу о происхождении термина «демиург» // ВДИ. 1979. № 2.
- Андреев Ю. В.* Политическая география гомеровской Греции (К вопросу о датировке «Каталога кораблей» в «Илиаде» // Древний Восток и античный мир. М., 1980.
- Андреев Ю. В.* Об историзме гомеровского эпоса // ВДИ. 1984. № 4.
- Андреев Ю. В.* К проблеме послемикенского регресса // ВДИ. 1985. № 3. С. 9-29
- Андреев Ю. В.* История и миф в предании о Троянской войне // Шлиман. Петербург. Троя. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 1998.
- Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. II. Греция в эпоху темных веков. СПб., 2002.
- Блаватская Т. В.* Ахейская Греция. М., 1966.
- Блаватская Т. В.* — Ленцман Я. А. Греция XI—IX вв. до н. э. // История древней Греции. Под ред. В. И. Авдиева, Н. Н. Пикуса и А. Г. Бокшанина. М., 1972.

Блаватская Т. В. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976.

Богаевский Б. Л. Крито-микенская эпоха // История древнего мира. Под ред. С. И. Ковалева. Т. II. Ч. I. М., 1936.

Виппер Б. Р. Искусство древней Греции. М., 1972.

Георгиев Вл. История Эгейского мира во II тыс. до н. э. в свете минойских надписей // ВДИ. 1950. № 4.

Годелье М. Понятие азиатского способа производства и марксистская схема развития общества // Народы Азии и Африки. 1965. № 1.

Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978.

Гуревич А. Я. Колонизация Исландии // УЗ Калининского пед. ин-та. 1963. Т. 35.

Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.

Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.

Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

Гуревич А. Я. История и сага. М., 1972.

Дьяконов И. М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949.

Дьяконов И. М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. 1963. № 1.

Дьяконов И. М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., 3 // ВДИ. 1968. № 3/

Зайцев А. И. Избранные статьи. Т. II. СПб., 2003.

Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.

Кагаров Е. Г. Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев. М.-Л., 1937.

Кагаров Е. Г. Общественный строй греков гомеровской эпохи // СЭ. 1937. № 4.

Ковалевский М. М. Первобытное право. Вып. I. М., 1886.

Колобова К. М. К вопросу о структуре греческого рода в период образования афинского государства // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 7—8.

Колобова К. М. Рецензия на кн.: J. Evans. Time and Chance // ВДИ. 1947. № 4.

Колобова К. М. Греция XI—IX вв. до нашей эры. Л., 1956.

Колобова К. М. К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема «переходного» периода в Эгеиде // Из истории древнего мира и средних веков / УЗ ЛГУ. 1956. № 192. Серия ист. наук. Вып. 21.

Колобова К. М. Греция // СИЭ. М., 1963. Т. 4.

Колобова К. М. К вопросу о происхождении афинского государства // ВДИ. 1968. № 4.

Колпинский Ю. Д. Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. М., 1977.

Косвен М. О. К вопросу о военной демократии // Труды ИЭ. Н. С. 1960. Т. 54.

Косвен М. О. Аталычество // Этнография и история Кавказа. М., 1961.

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Крюков М. В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации // СЭ. 1967. № 6.

Крюков М. В. Социальная дифференциация в древнем Китае (опыт сравнительно-исторической характеристики) // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.

Леницман Я. А. О возникновении товарного производства в древней Греции // ВДИ. 1953. № 3.

Леницман Я. А. Греция XI—IX вв. до н. э. // Всемирная история. Т. I. М., 1955.

Леницман Я. А. Греция XI—IX вв. до н. э. (Гомеровский период) // История древней Греции. Под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса. М., 1962.

Леницман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.

Лосев А. Ф. Гомер. М., 1960.

Лурье С. Я. Дом в лесу // Язык и литература. Вып. VIII. 1932.

Лурье С. Я. История Греции. Л., 1940.

Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.-Л., 1957.

Лурье С. Я. К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе // ВДИ. 1957. № 2.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. М., 1968.

Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М., 1961.

Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934.

Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы) // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М., 1968.

Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1977.

Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии. М., 1957.

Папазоглу Ф. К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции // ВДИ. 1961. № 1.

Пёльман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910.

Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950.

Периханян А. Г. Агнатические группы в древнем Иране // ВДИ. 1968. № 3.

Периц А. И. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории // Труды ИЭ. 1960. Н. с. Т. 54.

Периц А. И., Хазанов А. М. (ред.). Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий. М., 1978.

Петрушевский Д. М. Общество и государство у Гомера. М., 1913.

Полевой В. М. Искусство Греции. М., 1970.

Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура пилосского общества. М., 1978.

Потехин И. И. Военная демократия Матабеле // Родовое общество / Труды ИЭ. 1951. Н. с. Т. 14.

Пропп В. Я. Мужской дом в русской сказке // УЗ ЛГУ. 1939. № 20. Сер. филол. наук.

Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.

Путилов Б. Н. Об историзме русских былин // Русский фольклор. Т. X. Специфика фольклорных жанров. М.-Л., 1966.

Сахарный Н. Л. Илиада. Разыскания в области смысла и стиля гомеровской поэмы. Архангельск, 1957.

Свенцицкая И. С. Некоторые проблемы землевладения по «Илиаде» и «Одиссее» // ВДИ. 1976. № 1.

Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976.

Сергеев В. С. История древней Греции. М., 1948, 1963.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964.

Толстой И. И. Аэды. М., 1958.

Томсон Дж. Письмо в редакцию // ВДИ. 1953. № 4.

Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Т. I. Доисторический Эгейский мир. М., 1958.

Томсон Дж. Исследование по истории древнегреческого общества. Т. II. Первые философы. М., 1959.

Тронский И. М. Проблемы гомеровского эпоса // Гомер. Илиада. М.-Л., 1935.

Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973.

Тюменев А. И. Гомеровская Греция и разложение родového строя // История древнего мира. Под ред. С. И. Ковалева. Т. II. Ч. I. М., 1936.

Тюменев А. И. К вопросу об этногенезе греческого народа // ВДИ. 1953. № 4.

Тюменев А. И. Передний Восток и античность // ВИ. 1957. № 6.

Тюменев А. И. Восток и Микены // ВИ. 1957. № 12.

Фюстель де Куланж Н. Д. История общественного строя древней Франции. Т. I. СПб., 1901.

Хазанов А. М. Военная демократия и эпоха классового образования // ВИ. 1968. № 12.

Хазанов А. М. Первобытная периферия античного мира // СЭ. 1971. № 6.

Хазанов А. М. Община в разлагающихся первобытных обществах // ВДИ. 1975. № 4.

Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1975.

Хазанов А. М. (при участии **Л. Е. Куббеля** и **С. А. Созиной**). Первобытная периферия докапиталистических обществ // Первобытное общество. М., 1975.

Хмелинский В. М. О понятии «военная демократия» // СЭ. 1973. № 4.

Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960.

Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949.

Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря. М., 1957.

Шепунова Т. В. В Академии наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре // ВДИ. 1940. № 2.

Шмидт Р. В. Спарта. Беотия. Фессалия. Крит // История древнего мира. Под ред. С. И. Ковалева. Т. II. Ч. I. М., 1936.

Шталь И. В. Гомеровский эпос. М., 1975.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М., 1961.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М., 1961.

Ярхо В. Н. Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 1962. № 2.

Adkins A. W. H. Homeric values and Homeric society // JHS. 1971. Vol. 91.

The Ages of Homer. A tribute to E. T. Vermeule / Eds. J. B. Carter and S. P. Morris. Austin, 1995.

Akurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin, 1961.

Akurgal E. Early period and Golden Age of Ionia // AJA. 1962. Vol. 66, 4.

Akurgal E. Alt-Smirna. I. Wohnschichten und Athenatempel. Ankara, 1983.

Alin P. Das Ende der mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland. Lund, 1962.

Allen T. W. The Homeric catalogue of the ships. Oxford, 1921.

Alsop J. From the silent earth. A report on the Greek Bronze Age. New York-London, 1964.

Ames K. Er. — Hentze C. (Hrsg.). Homers Odyssee. Bd. I. Leipzig, 1879.

The Ancient Greek City-State. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. I / Ed. M. H. Hansen. Copenhagen, 1993.

Anderson J. K. Greek chariot-borne and mounted infantry // AJA. 1975. Vol. 79, 3.

Anderson J. K. The Geometric Catalogue of Ships // The Ages of Homer. A tribute to E. T. Vermeule / Eds. J. B. Carter and S. P. Morris. Austin, 1995.

Andreev J. V. Volk und Adel bei Homer // Klio. 1975. Bd. 57. H. 2.

Andreev J. V. Könige und Königsherrschaft in den Epen Homers // Klio. 1979. Bd. 61. H. 2.

Andreev J. V. Die politischen Funktionen der Volksversammlung im homerischen Zeitalter. Zur Frage des «militärischen Demokratie» // Klio. 1979. Bd. 61. H. 2.

Andreev J. V. Die homerische Gesellschaft // Klio. 1988. Bd. 70. H. 1.
Andreyev Yu. V. Greece of the Eleventh to Ninth Centuries B. C. in the Homeric Epics // Early Antiquity / Ed. J. M. Diakonoff. Chicago—London, 1991.

Andrewes A. Phratries in Homer // *Hermes*. 1961. Bd. 89. H. 2.
 Andrewes A. Philochoros on Phratries // *JHS*. 1961. Vol. 81.
 Andronikos M. Ἡ «δωρική εισβολή» και τὰ αρχαιολογικά ευρήματα // *Hellenika*. 1954. T. 13.
 Andronikos M. Totenkult // *Archaeologia Homerica*. Bd. 3. Kap. W. Göttingen, 1968.
 Andronikos M. The «Dorian Invasion» and the archaeological evidence // *Actes du VIIe Congress International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques*. T. 2. Prague, 1971.
 Archaeologia Homerica. Die Denkmäler und das Frühgriechische Epos / Hrsg. von Fr. Matz und H.-G. Buchholz. Göttingen, 1967 и слл.
 Asheri D. Laws of inheritance, distribution of land and political constitutions // *Historia*. 1963. Bd. XII. H. 1.
 Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. I. Abt. 1. Straßburg, 1913.
 Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1969.
 Bennett M. The Euboeans and the West: Art, Epic Poetry and History // *Magna Graecia. Greek Art from South Italy and Sicily*. New York-Manchester, 2002.
 Berard V. Les pheniciens et l'Odysee. Paris, 1902.
 Bethe E. Homer. Bd. III. Leipzig, 1927.
 Bethe E. Troja, Mykene, Agamemnon und seine Großkönigtum // *Rheinisches Museum*. 1931. Bd. 80. H. 3.
 Blegen C. W. Two Athenian grave groups of about 900 B.C. // *Hesperia*. 1952. Vol. 21, 4.
 Blegen C. W. Troy and the Trojans. New York-Washington, 1964.
 Boardman J. Excavations in Chios, 1952—55. Greek Emporio // *BSA*. 1967. Suppl. VI.
 Boardman J. The Greeks overseas. The archaeology of their early colonies and trade. 2nd ed. Harmondsworth, 1973.
 Boardman J. The Greeks overseas: their early colonies and trade. London, 1988.
 Boardman J. Al Mina and History // *OxfJA*. 1990. 9.
 Boden Fr. Zur isländischen Regierungsgewalt in der freistaatlichen Zeit. Breslau, 1905.

Bol P. C. Protogeometrische-spätgeometrische Plastik // *Die Geschichte der antiken Bildhauerkunst. I. Frühgriechische Plastik* / Hrsg. von P. C. Bol. Mainz a. Rhein, 2002.
 Bourriot F. Recherches sur la nature du Genos. T. 1. Lille—Paris, 1976.
 Bouzek J. Homerisches Griechenland. Praha, 1969.
 Bowra C. M. Heroic poetry. London, 1952.
 Borns C. M. Homer and his forerunners. Edinburgh, 1955.
 Bowra C. M. Homeric epithets for Troy // *JHS*. 1960. Vol. 80.
 Bowra C. M. Homer. London, 1972.
 Broneer O. A Mycenaean fountain on the Athenian Acropolis // *Hesperia*. 1939. Vol. 8, 4.
 Buchner G. and Ridgway D. Pithekoussai. I. Rome, 1993.
 Buck E. J. The Mycenaean time of troubles // *Historia*. 1969. Bd. XVIII. H. 3.
 Burr V. Νεών κατάλογος. Untersuchungen zum homerischen Schiffskatalog // *Klio*. 1944. Beiheft 49.
 Busolt G. Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeronea. Bd. I. Bis zur Begründung des Peloponnesischen Bundes. 2^e Aufl. Gotha, 1893.
 Busolt G. Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München, 1920.
 Busolt G. — Swoboda H. Griechische Staatskunde. Hauptteil II. München, 1926.
 Calhoun G. M. Classes and masses in Homer // *CPh*. 1934. Vol. 29, 3.
 Cambitoglou A. et alii. Zagora. 1. Sydney, 1971.
 Carpenter R. Folk tale, fiction and saga in the Homeric epics. Berkeley-Los Angeles, 1956.
 Carpenter R. Discontinuity of Greek civilization. Cambridge, 1966.
 Cassola F. La Ionia nel mondo miceneo. Naples, 1957.
 Causer P. Grundfragen der Homerkritik. Bd. I. Leipzig, 1923.
 Chadwick H. M. The Heroic Age. Cambridge, 1912.
 Chadwick H. M. and Chadwick N. K. The growth of literature. Vol. I. Cambridge, 1932.
 Chamoux Fr. L'ecole de la grande amphore du Dipylon: etude sur la ceramique geometrique à l'epoque de l'Iliade // *RA*. 6 ser. 1945. T. 23.

Chantraine P. Grammaire homérique. Paris, 1942.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. I. Paris, 1968.

Childe G. What happened in history. London, 1942.

Childe G. The Prehistory of European Society. London, 1958.

Codino F. Einführung in Homer. Berlin, 1970.

Coldstream J. N. Greek Geometric Pottery. London, 1968.

Cook J. M. Old Smyrna, 1948-1951 // B SA. 1958-1959. № 53-54.

Cook J. M. The Greeks in Ionia and the East. London, 1962.

Cook J. M. Greek settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor// CAH. Vol. II. Pt. 2. Ch. XXXVIII. Cambridge, 1975.

Cook R. M. Greek painted pottery. London, 1960.

Davison J. M. Attic geometric workshops. New Haven, 1961.

De Sanctis G. Storia dei greci dalle origini alla fine del secolo V. Firenze, 1939.

Deger S. Herrschaftsformen bei Homer. Wien, 1970.

Deger-Jalkotzy S. Fremde Zuwanderer im spätmykenischen Griechenland. Wien, 1977.

Demargne P. La Crète Dédalique. Paris, 1947.

Desborough V. R. d'A. Protogeometric Pottery. Oxford, 1952.

Desborough V. R. d'A. The last Mycenaeans and their successors. Oxford, 1964.

Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. London, 1972.

Desborough V. R. d'A. The End of Mycenaean Civilization and the Dark Age. (a) The Archaeological Background // CAH. Vol. II. Pt. 2. Ch. XXXVI. Cambridge, 1975.

Deshayes J. Argos. Les fouilles de la Deiras// Etudes Péloponnésiques. IV. Paris, 1966.

Donlan W. Changes and shifts in the meaning of Demos in the literature of the Archaic Period // La Parola del Passato. 1970. Fasc. 25.

Donlan W. The Tradition of antiaristocratic thought in early Greek poetry // Historia. 1973. Bd. XXII. H. 2.

Drerup H. Griechische Architektur zur Zeit Homers//AA. 1964. H. 2.

Drerup H. Griechische Baukunst in geometrischer Zeit // Archaeologia Homerica. Bd. II. Kap. O. Göttingen, 1969.

Durante M. Etimologie greche. II // SMEA. 1970. Fasc. XL

Ebeling H. Lexicon Homericum. Leipzig, 1880-1885.

Ebert J. Die Gestalt des Thersites in der Ilias // Philologus. 1969. Bd. 113. H. 3/4.

Effenterre H. van. Inscriptions archaïques Crétoises // BCH. 1946. T. 70.

Effenterre H. van, Demargne P. Recherches a Dréros // BCH. 1937. T. 61.

Ehrenberg V. Die Rechtsidee im frühen Griechentum. Leipzig, 1921.

Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Stuttgart, 1965.

Ehrenberg V. Polis und Imperium. Beiträge zur alten Geschichte. Zürich, 1965.

Eitrem S. Phaiaken // RE. 1938. Hbb. 38.

Esmein A. La propriété foncière dans les poèmes homériques // Nouveau revue historique de droit français et étranger. 1890. T. 14.

Ewin M. New letters from Greece // AIA. 1968. Vol. 72, 4.

Fanta A. Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck, 1882.

Ferguson W. S. The Athenian Phratries // CPh. 1910. Vol. 5.

Finley M. I. Homer and Mycenae: Property and Tenure // Historia. 1957. Bd. VI. H. 2.

Finley M. I. The World of Odysseus. Harmondsworth, 1962.

Finley M. I. The Use and Abuse of History. New York, 1975.

Finley M. I. The World of Odysseus. New York, 1978.

Finley M. I., Caskey S. L., Kirk G. S., Page D. L. The Trojan War // JHS. 1964. Vol. 84.

Finsler G. Das homerische Königtum // Neue Jahrb. f. kl. Alt. 1907. Bd. XIX.

Finsler G. Homer. T. I. Der Dichter und seine Welt. Leipzig-Berlin, 1914.

Forbes R. J. Bergbau, Steinbruchtätigkeit und Hüttenwesen//Archaeologia Homerica. Bd. 2. Kap. K. Göttingen, 1967.

Frahm Fr. Cäsar und Tacitus als Quellen für die altgermanische Verfassung // Hist. Vierteljahr. 1928. Bd. XXIV. H. 2.

Francotte H. La polis grecque. Paderborn, 1907.

Fried M. H. The Evolution of political Society. New York, 1967.

Frisk H. Die Stammbildung von Θέμις // *Eranos*. 1950. Bd. 48. H. 1.

Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1960.

Frobenius L. Die Masken und Geheimbünde Afrikas. Halle, 1898.

Fustel de Coulanges N. D. Recherches sur le droit de propriété chez les Grecs. Nouvelles recherches. Paris, 1891.

Gallavotti C. Le origini micenei dell'istituto fraterico // *Parola del Passato*. 1961. T. XVI.

Geiss H. Troia - Streit ohne Ende // *Klio*. 1975. Bd. 57. H. 1.

Gerkan A. von. Griechische Städteanlagen. Berlin—Leipzig, 1924.

Geriach J. Ανήρ αγαθός. München, 1933.

Germain G. Essai sur les origines de certains thèmes Odysséens et sur la genèse de l'Odyssée. Paris, 1954.

Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Hague, 1965.

Giovannini A. Etude historique sur les origines du Catalogue des Vaisseaux. Berne, 1969.

Glötz G. La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. Paris, 1904.

Glötz G. Histoire grecque. T. I. Paris, 1925.

Glötz G. La cité grecque. Paris, 1928.

Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare. Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge, 1973.

Griffith G. T. Isegoria in the assembly at Athens // *Ancient society and institutions*. Studies pres. to V. Ehrenberg. Oxford, 1966.

Grote G. A history of Greece. Vol. 2. London, 1869.

Grumach E. The coming of the Greeks. II // *Bulletin of the J. Rylands Library*. 1969. Vol. 51.

Gschnitzer Fr. Stammes- und Ortsgemeinden im alten Griechenland // *Wiener Studien*. 1955. Bd. 68.

Gschnitzer Fr. Βασιλεύς. Ein terminologischer Beitrag zur Frühgeschichte des Königtums bei den Griechen // *Festschrift L. C. Franz*. Innsbruck, 1965.

Gschnitzer Fr. Stadt und Stamm bei Homer // *Chiron*. 1971. Bd. 1.

Guarducci M. L'instituzione della fratria nella Grecia antica e nelle

colonie greche d'Italia // *Memorie della Accademia nazionale dei Lincei*. 1937-1938. 6 ser. T. VI, fasc. 1; T. VIII, fasc. 2.

Guarducci M. Epigrafia greca. I. Roma, 1967.

Guiraud P. La propriété foncière en Grèce. Paris, 1893.

Hafner G. Geschichte der griechischen Kunst. Zürich, 1961.

Hägg R. Die Gräber der Argolis. Bd. 1. Uppsala, 1974.

Hainsworth J. B. Structure and content in epic formulae // *CQ*. 1964. Vol. 58.

Hainsworth J. B. The Flexibility of the Homeric formula. Oxford, 1968.

Hammond N. G. L. Prehistoric Epirus and the Dorian invasion // *BSA*. 1931/32. № 32.

Hammond N. G. L. A History of Greece to 322 B.C. Oxford, 1959.

Hammond N. G. L. Epirus. Oxford, 1967.

Hammond N. G. L. The End of the Mycenaean civilization and the Dark Age (b). The Literary Tradition for the Migrations // *CAH*. Vol. II. Pt. 2. Ch. XXXVI. Cambridge, 1975.

Hammond N. G. L. The Classical Age of Greece. London, 1975.

Hampl F. Die Chronologie der Einwanderung dergriechischen Stämme und das Problem der Nationalität der Träger der mykenischen Kultur // *Museum Helveticum*. 1960. Bd. XVII.

Hampl Fr. Die Ilias ist kein Geschichtsbuch // *Serta Philologica Aenipontana*. Innsbruck, 1962.

Hanffmann G. M. A. Ionia, leader or follower? // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1953. Vol. 61.

Hasebroek J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931.

Helbig W. Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. Leipzig, 1887.

Heubeck A. Gedanken zum griechischen λαός // *Studi linguistici in onore di V. Pisani*. Brescia, 1969.

Heuss A. Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche // *Zur griechischen Staatskunde* / Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969.

Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C. Oxford, 1962.

Hill Th. The Ancient City of Athens. London, 1953.

Hirvonen K Matriarchal survivals and certain trends in Homer's female characters. Helsinki, 1968.

Hoekstra A. Homeric modifications of formulaic prototypes. Amsterdam, 1965.

Hoffmann M. Die ethische Terminologie bei Homer, Hesiod und den alten Elegikern und Jambographern. Tübingen, 1914.

Hoffmann W. Die Polis bei Homer // Festschrift B. Snell. München, 1956.

Holland L. B. The Hall of the Athenian Kings // AJA. 1939. Vol. 43, 2.

Hood S. The Home of the heroes. The Aegean before the Greeks. New York, 1967.

Hooker J. T. Mycenaean Greece. London, 1976.

Hooker J. T. New Reflexions on the Dorian Invasion // Klio. 1979. Bd. 61. H. 2.

Hope Simpson R. A Gazetteer and Atlas of Mycenaean Sites. London, 1965.

Hope Simpson R. A., Lazenby J. F. The Catalogue of the Ships in Homer's Iliad. Oxford, 1970.

Hopper R. J. The Early Greeks. New York, 1977.

Huxley G. L. The Early Ionians. London, 1966.

Jachmann G. Der homerische Schiffskatalog und die Ilias. Köln, 1958.

Jacoby F. Die Einschaltung des Schiffskatalogs in die Ilias. Berlin, 1932.

Jaeger W. Paideia. Bd. I. Berlin, 1959.

Jeanmaire H. Couroi et couretes. Lille, 1939.

Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1961.

Judeich V. Topographie von Athen. München, 1931.

Kahane P. Die Entwicklungsphasen der attisch-geometrischen Keramik // AJA. 1940. Vol. 44.

Kahl-Fürtmann G. Wann lebte Homer? Eine verschollene Menschheit tritt ans Licht. Meisenheim am Glan, 1967.

Kampitoglou A., Coulton J. J. Ανασκαφαί Ζαγοράς "Ανδρου // Αρχαιολογική Έφημερίς. 1970.

Karageorghis V. Salamis in Cyprus Homeric, Hellenistic and Roman. London, 1969.

Keil B. Griechische Staatsaltertümer // Einleitung in die Altertumswissenschaft / Hrsg. von A. Gercke und Ed. Norden. Bd. III. Leipzig-Berlin, 1912.

Keller A. G. Homeric Society. London-Bombay, 1902.

Kiechle F. Lakonien und Sparta. München-Berlin, 1963.

Kimmig W. Seevölkerbewegungen und Urnenfelderkultur // Studien aus Alteuropa. Bd. I. Köln-Graz, 1964.

Kirk G. S. Objective dating criteria in Homer // Museum Helveticum. 1960. Vol. 17.

Kirk G. S. The Songs of Homer. Cambridge, 1962.

Kirk G. S. The Homeric poems as history // CAH. Vol. II. Pt. 2. Ch. XXXIX (b). Cambridge, 1965.

Kirk G. S. War and the warrior in the Homeric poems // Problemes de la guerre en Grece ancienne / Ed. J. P. Vernant. Paris, 1968.

Kirsten E. Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956.

Kirsten E. Heiligtum und Tempel der Artemis Orthia zu Sparta in ihrer ältesten Entwicklungsphase // BJb. 1958. H. 158.

Klaffenbach G. Griechische Epigraphik. Göttingen, 1957.

Kraiker W. Nordische Einwanderungen in Griechenland // Die Antike. 1939. Bd. 15.

Kraiker W., Kubier K. Kerameikos. Bd. I. Die Nekropolen des 12. bis 10. Jh. Berlin, 1939.

Kretschmer P. Demeter // Wiener Studien. 1902. Bd. 24.

Krige E. J. Social system of the Zulus. New York-London, 1936.

Kubier K. Kerameikos. Bd. IV. Neufunde aus der Nekropole des 11. und 10. Jh. Berlin, 1943.

Kubier K. Kerameikos. Bd. V. T. 1. Die Nekropole des 10. bis 8. Jh. Berlin, 1954.

Kuhn E. Entstehung der Städte der Alten. Leipzig, 1878.

Kuhn H. Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft // Zeitschr. d. Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 1956. Bd. 73.

Kulimann W. Die Quellen der Ilias. Wiesbaden, 1960.

Kunze E. Kretische Bronzereliefs. Berlin, 1931.

Kunze E. Die Kleinplastik aus Bronze // Olympia. Berichte VII. Berlin, 1961.

Lang A. Homer and his age. New York, 1906.

Latte K. Beiträge zum griechischen Strafrecht. I // Hermes. 1931. Bd. 66.

Latte K. Phratric // RE. Hbb. 39. Stuttgart, 1941.

Lawrence A. W. Greek Architecture. London, 1962.

Leaf W. (ed.). The Iliad. Vol. I—II. London, 1900-1902.

Leaf W. Homer and History. London, 1915.

Lejeune M. Le δᾶμος dans la société mycénienne // REG. 1965. T. 78. № 369-370.

Lesky A. Homeros // RE. Suppl. XI. Stuttgart, 1968.

Leveque P. L'aventure grecque. Paris, 1964.

Levi D. The recent excavations at Phaistos. London, 1964.

Levi D. Continuità della tradizione micenea nell'arte greca antica // Atti e Memorie del I Congresso internazionale di Micenologia — 1967. Roma, 1968.

Levy H. L. Odyssean suitors and the host-guest relationship // TAPhA. 1963. Vol. 94.

Liddell H. G., Scott R. A. Greek-English Lexicon. Oxford, 1953.

Long A. A. Morals and values in Homer // JHS. 1970. Vol. 90.

Lord A. B. The Singer of tales. Cambridge (Mass.), 1960.

Lorimer H. L. Pulvis et umbra // JHS. 1933. Vol. 53.

Lorimer H. L. Homer and Monuments. London, 1950.

Luce J. V. Homer and the Heroic Age. London, 1975.

Luce J. V. The Polis in Homer and Hesiod // ProcIrishAc. Section C. 1978.

Maddoli G. Damos e basilees // SMEA. 1970. F. XII.

Majewski K. La question du «mode de production Asiatique» dans la civilisation Egeenne a la lumiere des sources archeologiques. Warszawa, 1969.

Manessy-Guitton J. Temenos // Indogermanische Forschungen. 1966. Bd. 71.

Markman S. D. Building Models and the Architecture of the Geometric Period // Studies Presented to D. M. Robinson. I. Saint Louis, 1951.

Marot K. Basileus // Acta Antiqua Acad. Scient. Hung. 1962. T. X.

Martin R. Recherches sur l'agora grecque. Paris, 1951.

Martin R. L'urbanisme dans la Grèce antique. Paris, 1956.

Matz Fr. Geschichte der griechischen Kunst. Bd. I. Frankfurt am Main, 1950.

Mazzarino S. Fra Oriente e Occidente. Firenze, 1947.

McDonald W. A. The Political meeting places of the Greeks. Baltimore, 1943.

Merker M. Die Masai. Berlin, 1904.

Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte. Bd. I. Halle, 1892.

Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. II, 1 ; III. Stuttgart, 1928; 1937.

Micknat G. Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte. I: Homer. Wiesbaden, 1954.

Miller M. Greek Kinship terminology // JHS. 1953. Vol. 73.

Milojicic V. Die dorische Wanderung im Lichte der vorgeschichtlichen Quellen // AA 1948/49.

Mireaux E. Les poèmes homériques et l'histoire grecque. T. II. Paris, 1949.

Mireaux E. La vie quotidienne au temps d'Homere. Paris, 1954. La monocratie. Pt. 1. Bruxelles, 1970.

Moreau F. Les assemblées politiques d'après l'Iliade et l'Odyssée // REG. 1893. T. 6.

Mühl P. Von der. Kritisches Hypomnema zur Ilias. Basel, 1952.

Müller-Karpe H. Metallgegenstände der Kerameikos-Gräber // Jahrbuch d. deutschen Archäologischen Instituts. 1962. Bd. 77.

Munding H. Hesioda Erga in ihrem Verhältnis zur Ilias. Frankfurt, 1959.

Murakawa K. Demiourgos // Historia. 1957. Bd. VI. H. 4.

Murdock G. P. Social Structure. New York, 1965.

Mylonas G. E. Mycenae and the Mycenaean Age. Princeton, 1966.

Myres J. L. Who were the Greeks? Berkeley, 1930.

Myres J., Gray D. Homer and his critics. London, 1958.

Nicholls R. V. Old Smyrna: the Iron Age fortifications and associated remains on the city perimeter // BSA. 1958-1959. №. 53-54.

Nicholls R. V. Early Monumental Religious Architecture at Old Smyrna // *New Perspectives in Early Greek Art* / Ed. by D. Buitron-Oliver. Hanover—London, 1991.

Nilsson M. P. The Minoan-Mycenaean religion and its survival in Greek religion. Lund-Oxford, 1927.

Nilsson M. P. The Mycenaean Origin of Greek Mythology. Berkeley, 1932.

Nilsson M. P. Homer and Mycenae. London, 1933.

Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. München, 1976.

Oertel Fr. Anhang zur R. Pöhlmanns Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. Bd. II. München, 1925.

Oliva P. Πατρίκη βασιλεία// Γέρας. Studies presented to G. Thomson. Prague, 1963.

Page D. L. The Homeric Odyssey. Oxford, 1935.

Page D. L. History and the Homeric Iliad. Berkeley, 1959.

Pakkanen J. and P. The Toumba building at Lefkandi: some methodological reflections on its plan and function // BSA. 2000. № 95.

Palmer L. R. A Note on 'Heroic' land tenure // Μνήμη Χάριν. Gedenkschrift P. Kretschmer. II. 1957.

Palmer L. R. Mycenaean and Minoans. Aegean prehistory in the light of the Linear B tablets. London, 1961.

Palmer L. R. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxford, 1963.

Parry M. The Making of Homeric Verse. Oxford, 1971.

Pendlebury J. D. S. Lasithi in ancient times // BSA. 1936-1937. № 37.

Pendlebury H. W. and J. D. S., Money-Coutts M. Excavations in the Plain of Lasithi. III. Karphi // BSA. 1937-1938. № 38.

Perry B. E. The early Greek capacity for seeing things separately // TAPhA. 1937. Vol. 68.

Pisani V. Munera parva. I. Gedenkschrift Brandenstein. Innsbruck, 1968.

Pleiner K. R. Iron working in Ancient Greece. Praha, 1969.

Pöhlmann R. von. Aus Altertum und Gegenwart. München, 1911.

Popham M. Precolonization: early Greek contact with the East // The

Archaeology of Greek Colonization. Essays dedicated to Sir John Boardman / Eds. by Tsatskheladze G. R. and De Angelis Fr. Oxford, 1994.

Poulsen Fr. Die Dipylongräber und die Dipylonvasen. Leipzig, 1905.

Powell B. B. Homer and the Invention of the Greek Alphabet. Cambridge, 1991.

Praschniker G. Mykenai-Kreta-Dipylon // Wiener Jahrb. f. Kunstgeschichte. 1925. Bd. II.

Pritzwald-Stegmann F. Zur Geschichte der Herrscherbezeichnung von Homer bis Plato. Jena, s. a.

Pugliese Carratelli G. Dal regno miceneo alla Polis // Dalla tribu alio stato. Roma, 1962.

Puhvel J. Helladic Kingship and the gods // Minoica. Berlin, 1958.

Raaflaub K. A. Homer to Solon: The Rise of the Polis. The Written Sources. 2. The Early Polis (Eight/Early Seventh Centuries). // The Ancient Greek City-State / Ed. M. H. Hansen. Copenhagen, 1993.

Ramming G. Die Dienerschaft in der Odyssee. Erlangen, 1973.

Rankin H. D. Thersites the Malcontent, a Discussion // Symbolae Osloenses. 1972. F. 47.

Reichel W. Homerische Waffen. Wien, 1901.

Renard L. Notes d'architecture proto-geomdtrique et geometrique en Crete // L'Antiquite Classique. 1967. T. 36, f. 2.

Renfrew C. The Emergence of Civilization. The Cyclades and the Aegean in the third millenium B. C. London, 1972.

Richter W. Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter. // Archaeologia Homerica. Bd. II. Kap. H. Göttingen, 1968.

Ridgeway W. The Homeric Land System // JHS. 1885. Vol. 6.

Ritook L. Stages in the development of Greek Epic // Acta antiqua Acad. Scient. Hungar. 1975. T. XXIII, f. 1-2.

Roebuck C. The early Ionian league // CPh. 1955. Vol. 50.

Roebuck C. Ionian Trade and Colonization. New York, 1959.

Roebuck C. The World of Ancient Times. New York, 1966.

Rohde E. Psyche. Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. Bd. I. Tübingen, 1907.

Rose P. W. Class ambivalence in the Odyssey // *Historia*. 1975. Bd. XXIV. H. 2.

Rubinson L. The Dorian Invasion again // *Parola del Passato*. 1975. T. XXX.

Sakellariou M. P. La migration grecque en Ionie. Athens, 1958.

Sarkady J. Attica im 12. bis 10. Jh. // *Acta Classica Univers. Scient. Debrecen*. 1966. T. II.

Sarkady J. Heortologische Bemerkungen zur dorischen Urgeschichte // *Acta Classica Univers. Scient. Debrecen*. 1969. T. V.

Sarkady J. Outlines of the development of Greek society in the period between the 12th and 8th cent. B. C. // *Acta Antiqua Acad. Scient. Hungar.* 1975. T. XXIII, f. 1-2.

Schachermeyr Fr. Etruskische Frühgeschichte. Berlin-Leipzig, 1929.

Schachermeyr Fr. Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960.

Schachermeyr Fr. Pen, на κη.: *Cassola F.* La Ionia nel mondo miceneo // *Gnomon*. 1960. Bd. 32.

Schachermeyr Fr. Griechische Frühgeschichte. Wien, 1984.

Schadewaldt W. Von Homers Welt und Werk. Stuttgart, 1951.

Schleuer E. Die Erscheinungsformen des Männerhauses und Klubwesens in Mikronesien. S. Gravenhage, 1953.

Schuchhardt C. Hof, Burg und Stadt bei Germanen und Griechen // *Neue Jahrbuch, f. klassische Altertum*. 1908. Bd. XXI.

Schurtz H. Altersklassen und Männerbünde. Berlin, 1902.

Schweitzer B. Die geometrische Kunst Griechenlands. Köln, 1969.

Scranton R. L. Greek Walls. Cambridge, 1941.

Severyns A. Homere T. I. Le cadre historique; T. III. L'artiste. Bruxelles, 1945, 1948.

Severyns A. Grece et Proche-Orient avant Homere. Bruxelles, 1960.

Seymour Th. D. Life in the Homeric age. New York-London, 1907.

Sinos S. Die vorklassischen Hausformen in der Ägäis. Mainz am Rhein, 1971.

Skeat T. G. S. The Dorians in Archaeology. London, 1934.

Skia A. N. Πανάρχαια έλευσινιακή νεκρόπολις // Έφημερίς αρχαιο-λογική. 1898.

Snell B. (Hrsg.). Lexicon des frühgriechischen Epos. Liefer. 1, 8. Göttingen, 1955, 1976.

Snodgrass A. M. Barbarian Europe and Early Iron Age // *Proceedings of the Prehistoric Society*. 1965. Vol. 31.

Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece: An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries B.C. Edinburgh, 1971; New York, 2001.

Snodgrass A. M. An historical Homeric society? // *JHS*. 1974. Vol. 94.

Snodgrass A. M. The Rise of the Polis. The Archaeological Evidence // *The Ancient Greek City-State* / Ed. M. H. Hansen. Copenhagen, 1993.

Solmsen F. Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre. Straßburg, 1901.

Stagakis G. Therapontes and hetairoi in the Iliad // *Historia*. 1966. Bd. XV. H. 4.

Stanford W. B. (ed.). The Odyssey of Homer. Vol. I. London, 1965.

Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization, 1100-650 B.C. New York, 1961.

Starr Ch. G. The Decline of the Early Greek Kings // *Historia*. 1961. Bd. X. H. 2.

Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece, 800—500 B.C. New York, 1977.

Stella L. A. Il poema d'Ulisse. Firenze, 1955.

Stella L. A. La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965.

Stillwell A. N. The Potters quarter // *Corinth. The results of excavations*. Vol. 15. Pt. 1. Cambridge (Mass.), 1948.

Straßburger H. Die soziologische Aspekt der homerischen Epen // *Gymnasium*. 1953. Bd. 60.

Straßburger H. Die Kleinen Kämpfer in der Ilias. Frankfurt, 1954.

Straßburger H. Der Einzelne und die Gemeinschaft im Denken der Griechen // *Zur griechischen Staatskunden*/Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969.

Straßburger H. Homer und die Geschichtsschreibung. Heidelberg, 1972.

Styrenius O. G. The Vases from the Submycenaean cemetery on Salamis // *Opuscula Atheniensia*. 1962. T. IV.

Styrenius O. G. Submycenaean Studies. Lund, 1967.
Sveinsson E. O. The Age of the Sturlungs. New York, 1953.
Swoboda H. Κόμη // RE. Suppl. IV. Stuttgart, 1924.
Szanto E. Die griechische Phylon. Ausgewählte Abhandlungen. Tübingen, 1906.

Thomas C. G. Homer and the Polis // La Parola del Passato. 1966. F. 21.
Thomas C. G. The Roots of Homeric Kingship // Historia. 1966. Bd. XV. H. 4.
Thompson H. A. Buildings on the west side of the Agora // Hesperia. 1937. Vol. 6, 1.
Tomlinson R. A. Argos and the Argolid. Ithaca-New York, 1972.
Toynbee A. Some Problems of Greek History. Oxford, 1969.
Tritsch Fr. Die Stadtbildungen des Altertums und die griechische Polis // Klio. 1928. Bd. 22. H. 1/2.
Tritsch F. J. The 'Sackers of Cities' and the «movement of populations» // Bronze Age migrations in the Aegean. London, 1973.

Usener H. Kleine Schriften. Bd. IV. Leipzig-Berlin, 1914.

Valmin M. N. The Swedish Messenian expedition. Lund, 1938.
Van der Valk M. Researches on the Text and Scholia of the Iliad. Vol. II. Leiden, 1964.
Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1959.
Vermeule E. The Fall of the Mycenaean Empire // Archaeology. 1960. Vol. 13, 1.
Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago, 1964.
Vermeule E. The Decline and end of Minoan and Mycenaean Culture // A Land called Crete. A Symposium in Memory of H. Boyd Hawes. Northampton Mass., 1968.
Vitalis G. Die Entwicklung der Sage von der Rückkehr der Herakliden. Greifswald, 1930.
Vos H. Θέμις. Utrecht, 1956.

Wace A. B., Stubbings F. H. (eds.). A Companion to Homer. London, 1962.

Wackernagel J. Sprachliche Untersuchungen zu Homer // Glotta. 1916. Bd. VII.
Wade-Gery H. T. Studies in the structure of Attic society. II // CQ. 1933. Vol. 27, 1.
Webster H. Primitive secret societies. New York, 1932.
Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. London, 1958.
Weiser L. Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbünde. Baden, 1927.
Weiss E. Kollektiveigentum // RE. Bd. XI. Stuttgart, 1922.
Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Köln, 1961.
Westermann D. Die Kpelle. Göttingen—Leipzig, 1921.
Whibley L. M. A. Greek oligarchies. Their character and organisation. London, 1896.
Whitman C. H. Homer and the heroic tradition. Cambridge, 1958.
Wilamowitz-Moellendorff U. von. Aristoteles und Athen. Bd. II. Berlin, 1893.
Wilamowitz-Moellendorff U. von. Über die ionische Wanderung // Sitzungsber. d. Akad. Wiss. IV. Berlin, 1906.
Wilamowitz-Moellendorff U. von. Die Ilias und Homer. Berlin, 1920.
Wilamowitz-Moellendorff U. von., Niese B. Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer. Berlin—Leipzig, 1910.
Will Ed. Aux origines du regime foncier grec: Homere, Hesiod et l'arriere plan mycenien // REA. 1957. T. 49.
Willemsen F. Dreifusskessel von Olympia. Alte und neue Funde. Berlin, 1957.
Willets R. F. Cretan cults and festivals. London, 1962.
Wilson M. Good company. London—New York, 1951.
Winter F. E. Greek fortifications. London, 1971.
Woodhead A. G. The Study of Greek Inscriptions. Cambridge, 1967.
Wroblewski W. Pojecie ἀριστος i ἀρετή w poematach Homera // Eos. 1972. Roc. 60, f. 1.
Wundsam K. Die politische und soziale Struktur in den mykenischen Residenzen nach den Linear B Texten. Wien, 1968.

Zervos Chr. La civilisation hellenique. T. I. Paris, 1969.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник Древней Истории
ВИ	— Вопросы Истории
СИЭ	— Советская историческая энциклопедия
СЭ	— Советская Этнография
Труды ИЭ	— Труды Института Этнографии
УЗЛГУ	— Ученые записки Ленинградского государственного университета
AA	— Archäologischer Anzeiger
AJA	— American Journal of Archaeology
BCH	— Bulletin de Correspondance Hellenique
BJb	— Bonner Jahrbücher
BSA	— Annual of the British School at Athens
CAH	— Cambridge Ancient History
CPh	— Classical Philology
CQ	— Classical Quarterly
IG	— Inscriptiones Graecae. B., 1873 —
Jdl	— Jahrbuch des deutschen Archäologischen Instituts
JHS	— Journal of Hellenic Studies
NRH	— Nouveau revue historique de droit francais et etranger
OxfJA	— Oxford Journal of Archaeology
PdP	— Parola del Passato
PMG	— Poetarum melicorum graecorum fragmenta. Ed. D. L. Page. Oxonii, 1962
ProcIrishAc.	
Section C	— Proceedings of the Royal Irish Academy, Section C
RA	— Revue Archeologique
RE	— Pauly A., Wissowa G, Kroll W. Realencyclopädie

der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1893-1978

REA	— Revue des Etudes anciennes
REG	— Revue des Etudes grecques
RhM	— Rheinisches Museum für Philologie
SGDI	— H. Collitz und F. Bechtel (Hrsg.) Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften. Bd. I—IV. Göttingen, 1884-1915
SMEA	— Studi Micenei ed Egeo-Anatolici
Sylloge ³	— W. Dittenberger (Ed.). Sylloge inscriptionum graecarum. 3ed. Vol. I-IV, Lpz., 1915-1924
TAPhA	— Transactions and Proceedings of the American Philological Association
ZSav	— Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Керамика из субмикенских погребений.
Ок. 1125-1050/1025 гг. до н. э.: 1 - Керамик;
2 — Лефканди; 3 — Микены.....67
2. План поселения в Карфи. Вост. Крит.....73
3. Афинский Керамик: / — план раскопок;
2 — протогеометрические могилы южнее Эридана .. 96-97
4. Протогеометрические амфоры и детская игрушка (олень)
из музея Керамика в Афинах. Ок. 1000-900 гг. до н. э. 101
5. Лефканди. Героон. Ок. 1000-950 гг. до н. э. План и
реконструкция (по Коултону).....102
6. Протогеометрическая керамика из Лефканди. Эретрия.
Музей.....103
7. Бронзовые статуэтки из Олимпии. IX в. до н. э.
Олимпия. Археологический музей.....113
8. План и реконструкция храма в Дреросе. Вост. Крит 114
9. План храма в Фермоне. Этолия: 1 — прямоугольная
постройка В (частичная реконструкция); 2 — храм Апол-
лона, под ним строение В_115
10. Раннегеометрическая керамика из Аттики. 900-850 гг.
до н. э.: 1 — пиксида. Берлин. Государственные музеи.
Античное собрание; 2 — амфора из Керамика. 875—850 гг.
Афины. Музей Керамика; 3 — амфора из Керамика.
875—850 гг. Афины. Национальный музей.....117
11. Аттическая керамика «строного стиля». Вторая половина
IX в. до н. э.: 1 — амфора из Керамика. Афины. Музей
Керамика; 2 — амфора из Афин. Афины. Национальный
музей; 3 — кратер из Афин. Ок. 800 г. Париж. Лувр ... 118
12. Островные школы IX в. до н. э.: 1 — пифос из Кносса.
Ираклион. Археологический музей; 2 — кратер из Ками-
ра. Родос. Археологический музей; 3 — амфора из Ялиса.
Родос. Археологический музей.....119
13. Аттическая керамика первой половины VIII в. до н. э.:
1 — канфар из Керамика. Рубеж IX—VIII вв.; 2 — ойнохоя
из Афин. Первая четверть VIII в. Афины. Национальный
музей; 3 — коробочка с крышкой. Начало второй четвер-
ти. Афины. Музей Керамика; 4 — кувшин из Керамика.
Вторая четверть; 5 — амфора. Начало 50-х гг. Афины.
Музей Керамика; 6 — амфора из Аттики. Ок. 750 г.
Мюнхен. Античные собрания; 7 — пифос из Аргоса.
Ок. 750 г. Аргос. Музей.....124-127
14. Вазопись второй половины VIII в. до н. э.: 1 — чашка из
Керамика. Начало 40-х гг.; 2 — канфар из Керамика.
Вторая половина 40-х гг.; 3 — аск из Керамика. Рубеж
30-х гг.; 4 — канфар из некрополя Дипилона. Ок. 720 г.
Копенгаген. Национальный музей; 5 — треножник
(Геракл в борьбе со львом). Ок. 700 г. Афины. Музей
Керамика; 6 - роспись кратера из Питекусс (о-в Иския).
Ок. 725-700 гг.....128-129
15. Скульптура второй половины VIII в. до н. э.: 1 — глиня-
ная птица из детского погребения. Вторая половина
40-х гг. Афины. Музей Керамика; 2 — лань с олененком и
птицей. Бронза. Ок. 725-700 гг. Олимпия. Бостон. Музей
изящных искусств; 3 — птица на диске. Бронза.
Ок. 725-700 гг. Фокида. Копенгаген. Нью-Карлсбергская
глиптотека; 4 — голова из Амниса (близ Ираклиона).
Известняк. Ираклион. Археологический музей;
5 — терракотовая голова из Амикл, близ Спарты.
Ок. 700 г. Афины. Национальный музей; 6 — аэд. Бронза.
Конец VIII в. Ираклион. Археологический музей;
7 — сидящий («пьющий») мужчина. Бронза. Конец VIII в.
Храм Артемиды Орфии. Спарта. Музей.....130-133
16. Дипилонская амфора из Керамика. Ок. 750 г. до н. э.
Афины. Национальный музей. Сцена оплакивания. Деталь
росписи амфоры.....136-137

17. Кратер из Афин. Ок. 750—735 гг. Нью-Йорк. Метрополитэн музей. Сцена оплакивания. Деталь росписи кратера.....	138-139
18. Аристократические мотивы в вазописи и скульптуре конца VIII в. до н. э.: 1 — конная процессия. Фрагмент росписи аттического кратера. Лондон. Британский музей; 2 и 3 — две аттические амфоры. Ок. 710 г. Нью-Йорк. Метрополитэн музей; 4 — кратер из Аргоса. Ок. 700 г. Аргос. Музей; 5 — протокоринфский арибалл. Ок. 700 г. Лондон. Британский музей; 6 — воин из Кардицы. Фессалия. Бронза. Ок. 700 г. Афины. Национальный музей; 7 — бронзовый панцирь и шлем из позднегеометрического захоронения в Аргосе. Аргос. Музей; 8 — конь. Бронза. Афины. Национальный музей; 9 — воин в шлеме на коне. Бронза. Ок. 700 г. Додона. Эпир. Копенгаген. Нью-Карлсбергская глипготека; 10 — на корабле с рулевым. Глиняная табличка. Ок. 700 г. Афины. Национальный музей.....	141—145
19. Бронзовый треножник из Олимпии VIII в. до н. э. Олимпия. Археологический музей. Схватка за треножник. Фрагмент ножи.....	146
20. Предметы из богатых погребений конца VIII в. до н. э.: 1 — золотая лента из Керамика. Афины. Национальный музей; 2 и 3 — золотые фибулы и подвески. Лондон. Британский музей; 4 — голова из Перахоры. Кость. Ок. 700 г. Афины. Национальный музей.....	147
21. Смирна: 1 — древнейшие городские укрепления. Середина IX в. до н. э.; 2 — городская стена второй половины VIII в. до н. э.....	151
22. Смирна. Реконструкция домов и толоса. Вторая половина VIII в. до н. э. (по Р. В. Никользу).....	152
23. Загора на Андросе. План поселения с храмом в центре.....	155
24. Эмпорио на Хиосе. План поселения.....	157

25. Дрерос: 1 — план раскопок 1936 г.; 2 — остатки храма с прилегающими постройками.....	161-162
26. Лато: 1 — агора и западная улица. План раскопок; 2 — скамьи-ступени на агоре.....	164-165
27. Врулия на Родосе.....	167
28. Мальти-Дорион. План поселения Мальти III—IV.....	171
29. Тиринф. План дворца и южной части цитадели (по А. Лоуренсу).....	173
30. Троя: 1 — стена Трои VI. Середина XIII в. до н. э. Слева остатки юго-восточной башни; 2 — реконструкция гомеровской Трои (по М. Зиблеру).....	186-187

* * *

Портрет Гомера. Мрамор. Ок. 460/450 гг. до н. э. Мюнхен. Глипготека.....	43
--	----

* * *

Автограф Ю. В. Андреева.....	52-53
------------------------------	-------

Карты

1. Крит конца эпохи бронзы и начала I тысячелетия.....	160
2. Греция в конце VIII в. до н. э.....	288-289

* * *

На обложке: Троянский конь. Коринфский арибалл. Ок. 560 г. до н. э.	
На фор- и контрзаце: Прощание Гектора с Андромархой. Халкидский кратер. Мастер надписей. Ок. 540 г. до н. э. Вюрцбург. Университет. Музей Мартина Вагнера.	
Фетида вручает щит Ахиллу (?). Чернофигурная амфора круга Эксекия. Ок. 540/530 г. до н. э. Санкт-Петербург. Государственный Эрмитаж.	

Источники

Alcman 199	Paus. 107, 326
Arist.	Plut.
—Athen. Pol. 326	- Lyc. 315
- Pol. 327	- Sol. 325
Athen. 163, 250, 252	
	Sappho 199
Caes.	Solon 107
- Bell. Gall. 261, 359	Strabo 107, 176, 330
	Suid. 326
Hdt. 107, 108, 252, 330	
Hesiod.	Tacit.
- Opera 95, 195, 222, 325, 347	- Germ. 242, 261
—Scutum 195	Theogn. 199
—Theogon. 195	Thuc. 18, 60, 74, 107, 158, 176,
Hom.	295, 327, 329
- Il. 42, 140, 141, 181-185,	Tyrt. 335
191, 193, далее passim	
- Schol. in Il. 303, 346	Xen.
- Od. 141, 181-183, 185,	- Memor. 280
189—196, далее passim	
- Hymn. Apoll. Pyth. 286	PMG 255
Nic. Dam. 326, 327	SGDI 325
	Sylloge ³ 325

ГРЕЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ И ВЫРАЖЕНИЯ

γαθοί (γαθός) 264-266, 273,	δ 213
275, 277, 278, 281, 283	δ μια 209, 244, 347
γορ 191, 333	δημοεργός 208—210
γορηταί 345	δημοβόρος βασιλεύς (δημοβόροι
γροι ται 194, 195	βασιλ ες) 299, 340, 347
κληρος 220, 231	δημογέρων 208-210, 309, 345
ακρόπολις 185, 186	δ μοιο (δήμου) φ μис 204, 205, 207,
ν δ μον 203	248, 337, 347
ναξ 253, 278, 308, 312, 323	δ μον όντα 267
ναξ νδρ ν 299	δ μοc 176, 201, 203, 205-210, 212,
ανεψιοί 236, 237	213, 225, 265, 268, 307, 319,
νθρωποι πολύκληροι 219, 220, 279	333, 335, 345
ριστοι (ριστ ες) 197, 264-266,	δ μοc δωκε(ν) 207, 228, 230, 347
269, 275-277, 281, 282	δήμου νδρα (δήμου νήρ) 265,
ΡΧή 326	268, 270
ρχος 303	δικασπόλοι 254, 303, 304, 316, 345
cтy 180, 182, 183, 185	δμώc 257, 260
cтy μέγα Πρι μοιο νακτος 184, 308	δώματα 194, 196
cтyβo της 183	
	θνος 208
βασιλεύς (βασιλ ες) 265, 274, 276,	ν πόλει κρηι 185
294, 308, 313, 314, 317, 323,	ν πρ τουσιν 194
325, 330	πίξυнос (πιξύν ν ρούρη) 215
βασιλεύτατος 277, 296	ται 237, 238, 262
βουλή 244, 270, 346	εταίροι (τα ρος) 237, 240, 242—
βουληφόροι 303, 333, 345	250, 257, 263, 266, 278, 302
	εταίρους γείρειν 248
γείτονες 237	της 243
γένη 239, 290, 357	
γ νος 214, 238, 239, 245, 273, 283	γήτορες 277, 345
γέρας 207, 227, 228, 309, 336	ρως 279
γέρατα 224, 329	
γέροντες 303	
γερούσιος ο νος 318	θέμις (θ μιotes) 241, 298, 300, 304,
	333

θεράποντες (θεράπων) 245, 256—
258, 260, 262

θ ς 258

θ τες 257

θωή 248

Ιερός μένος 318

Ίλιος αίπεινή 182, 185, 186

και ο κος κα κλήρος ακήρατος 218

κακοί (κακός) 264, 266—268, 273

κασίγνητοι 236—238, 262

κατ δ μον 203, 317, 318, 347

κήρυκες 209

κλήρος 215, 219, 221

κούροι 197, 242, 245, 251

κράτος 319, 335, 354

λαοί (λαός) 183, 201, 206, 207, 209,

210, 212, 245, 248, 279, 308, 329

λαοί άγροιώται 194, 198

λαός υμμελίω При μοιο 210

λιγυς ... γορητ ς 343

μεταναστάσεις 74

ο κος 209, 218, 252, 253

όπάων 246

πάτρα 238

πατρική βασιλεία 18, 327

πόθι τοι πόλις 181

ποιμήν λαών 210, 212, 299

πόλις 181-183

πόλις κρη 185, 186

πόλις Приάμοιο νακτος 308

πολῖται 181, 194, 195

πολύκληροι νθρωποι (πολύκληρος)

220, 231

πολυκοιρανίη 304

πτολίεθρον 180-182, 197

πύργος 182, 183, 190

τέμενος 225, 229, 232

τέμενος τάμον 226

τέμενος ταμ σθαι 226

τιμή 225, 300, 309

ϋβρις 252

χ ρηες 277

χηρωσταί 219

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авдиев В. И. 333

Аверкиева Ю. П. 254, 330, 333

Автомедон 247, 256, 259, 278

Агамемнон 201, 239-241, 244,

248, 266, 271, 277, 280, 282,

296-300, 302-305, 328, 329,

334, 336, 339-342, 345-347,

353

Агенор 249

Алкимедон 247

Алкиной 190-192, 227, 228, 235,

304, 317-319, 328, 344, 347

Алкман 199

Алкмеониды 290

Альтес 307

Амфином 258

Амфион 182

Андреев Ю. В. 35, 56, 100, 111, 121,

163, 209, 244, 251, 306, 316

Андромаха 221, 222, 249, 250,

307

Антенор 235, 249, 267, 273, 309,

340, 352

Антиклея 227, 316

Антиной 194, 195, 257, 268, 276,

312, 313, 315, 316, 337, 342

Анхиз 267, 309

Аполлон 115, 185 _____

Аристотель 326. 327. 346>

Артагады 118Г2357311, 342

Архелок 273

Астеропей 274

Астианакт 221, 249, 250, 275, 308

Атрид 299, далее см. Агамемнон

Афина 183, 185, 311, 343

Афиней 163

Ахилл 181-185, 187, 191, 197,

198, 216, 217, 220, 225, 226,

244-247, 259, 266, 271, 274,

278, 280, 282, 296, 299, 300,

304, 306, 307, 309, 328, 334,

336, 339-341, 345-347

Аякс Теламонид 35, 37, 244, 246,

273, 347

Бакхиады 290, 310, 326

Басилиды 326

Беллерофонт 225, 226, 282

Блаватская Т. В. 27-29, 32, 39,

87, 90, 98, 170, 171, 350

Богаевский Б.Л. 24, 32, 170

Верцингеториг 359

Виппер Б.Р. 121, 359

Галитерс 250, 268, 348

Галлиен 59

Гезихий 237

Гектор 42, 140, 184, 185, 206, 217,

218, 221, 248-250, 267, 268,

278, 307-309, 328, 339-341,

345, 351, 352

Гекуба 185

Гелен 249, 308

Георгиев Вл. 62

Гера 70

Геракл 60

Гермес 247, 277

Геродот 60, 107-109
 Гесиод 95, 123, 195, 200, 222, 231, 286, 325, 347, 350, 362, 365
 Гефест 182, 216, 304
 Гиакинф 70
 Гикетаон 267, 309
 Главк 225, 273, 281, 336
Гнедич Н. И. 268, 281, 336
 Гомер 17, 33, 34, 36, 37, 39-45, 47, 49, 51, 54, 89, 123, 139, 154, 180-183, 187, 188, 191, 194, 195, 198, 199, 201, далее *passim*
Гордезиани Р. В. 35, 39, 40, 44, 297, 305
Грот Дж. 331
Гуревич А. Я. 45, 279, 293, 360, 361, 370

Дарданиды 309, 310
 Дарес 267
 Деифоб 249
 Деметра 213
 Демодок 185
 Диомед 272, 273, 334
 Долон 267
 Долопион 267
 Драконт 237, 239, 325
 Думнориг 359
Дьяконов И. М. 31, 230
Дюмезиль Ж. 22

Евмей 194, 195, 204, 219, 221, 257, 258, 269, 277, 365
 Евней 284
 Евпейт 251, 268, 311, 337, 341, 342, 352
 Евриал 284
 Еврикля 218
 Евримах 286, 310, 312, 313, 315, 316
 Еврином 235, 253

Еврисфей 273
 Евхенор 248, 278
 Египтий 208, 235, 251, 253, 285
 Елена 340, 352

Зайцев А. И. 134
Засулич В. 231
 Зевс 89, 272, 274, 295, 298, 299, 304, 309, 312

Зет 182
Зиблер М. 187

Идомений 302
 Иобат 225
 Ир 265
 Итимоней 194
 Ифитион 229

Кагаров Е. Г. 235, 338
 Кастор Гилакид 219, 291
 Квинт Смирнинский 272
 Клитий 267, 309
Ковалевский М. М. 239
Колобова К. М. 25, 26, 36, 50, 56, 77, 241

Колпинский Ю. Д. 121
 Копрей 273
Косвен М. О. 238, 246, 348
 Кронион 286, см. Зевс
 Крюков М. В. 291, 293
 Ксенофонт 255
Куббель Л. Е. 31

Ламп 267, 309
 Лаотия 307
 Лаэрт 196, 201, 223, 224, 268, 311, 342, 365
Ленцман Я. А. 17, 23-26, 28-30, 42, 48, 50, 56, 63, 64, 87, 91, 98, 100, 105, 140, 154, 236, 287, 319, 363, 366

Леокрит 341
 Ликаон 307
 Ликофрон 246
Лосев А. Ф. 269, 271, 289, 343, 348
Лоуренс А. 173
Лурье С. Я. 18, 24-26, 31, 39, 50, 88, 212, 213, 216, 217, 255, 297, 298, 300, 301, 346, 350, 363

Маркс К. 23, 94, 179, 231, 304, 330, 349

Медонт 251, 257
 Мелеагр 182, 225, 226, 347
 Менелай 272, 300, 340, 346
 Ментес 284
 Ментор 250, 268, 310, 341, 348
 Менэтий 245
 Мерион 37, 259
 Минее 308
Мишулин А. В. 26
Морган Л. Г. 236, 239, 241, 304, 331, 332, 336, 346, 351
 Мулий 258

Навзикайя 189
 Навситой 182, 215
 Нелеиды 326
 Нестор 35, 46, 57, 194, 235, 239-242, 282, 296, 299, 300, 302
Неусыхин А. И. 370, 371
Никифоров В. Н. 18
 Ноэмон 257

Одиссей 42, 154, 189-191, 195, 196, 198, 219, 221, 222, 224, 227, 228, 250, 252, далее *passim*
Ольгейрссон Э. 360
 Онетор 267
 Оргеториг 359

Пантой 235, 249, 267, 309

Папазоглу Ф. 19, 22, 25, 39, 87, 90, 232, 322-324
 Парис 308, 340, 341, 345, 346, 352
 Патрокл 140, 184, 198, 245-247, 249, 256, 259, 260, 269, 278
 Пелей 246, 328
 Пелид 247, см. Ахилл
 Пелопс 298
Пёльман Р. 214-217, 219, 220, 223, 226, 235
Пендлбери Дж. 74
 Пенелопа 218, 251, 262, 275, 283, 310, 316, 341
 Пентилиды 310
 Перикл 332
 Перифет 273
Периханьян А. Г. 238
Першиц А. И. 19, 31
Петрушевский Д. М. 206, 343, 346, 349, 353
 Пизистрат 272
 Писистрат 158, 362
 Плутарх 255
 Подес 249, 278
Полевой В. М. 116, 120
 Полидамант 249, 267, 273, 278, 292, 328, 334, 339
 Полиид 248
 Поликтор 247, 278
Полякова Г. Ф. 211, 212, 232, 233, 301
 Посейдон 190, 191, 193, 213, 309
Потехин И. И. 332
 Приам 184, 185, 187, 188, 191, 193, 195, 209, 235, 247, 267, 285, 307-310, 324, 340
 Приамиды 340, 352, 353
 Прокл 272
Пропл В. Я. 255
 Протоэнон 273
Путилов Б. Н. 47

Сарпедон 225, 281, 336, 345
 Сафо 199
Сахарный Н. Л. 266, 271, 289
Свенцицкая И. С. 206, 214, 216, 220, 223, 225-227, 243
Семенов Ю. И. 214, 263, 366
Сергеев В. С. 50
Созина С.А. 31
 Страбон 107, 176
 Сфенел 259

Тацит 261, 330, 359
 Телемах 195, 205, 209, 218, 227, 228, 250-254, 257, 272, 276, 311-316, 337, 340, 341, 348
 Терсит 265-267, 270-272, 280, 303, 334-336, 338, 339, 343, 344, 347-349, 356
 Тимоэт 267, 309
 Тоант 334
Токарев С. А. 281
Толстов С.П. 26
Толстой И. И. 264, 289
Томсон Дж. 98, 109, 209, 214, 216, 226, 239, 332
Тронский И. М. 40-42, 44-48, 121, 264, 270, 289, 348
Тюменев А. И. 18, 81, 82, 121, 216, 239, 287

Укалегон 267, 309

Фемида 334
 Феникс 182, 246, 259
 Феогайд Мегарский 199
 Ферекид 272
 Фидон Аргосский 330
 Филойтий 194, 257
 Фукидид 18, 60, 74, 107, 158, 176, 295, 327, 329
Фурумарк А. 65

Фюстель де Куланж Н. Д. 330

Хазанов А. М. 19, 31, 291-293, 333, 370, 371
Хмелинский В. М. 333
Хойслера. 47
 Хриз 339

Цезарь 261, 330, 359

Чайлд Г. 95, 198
Чичеров В. И. 255

Шепунова Т. В. 26
Шлиман Г. 34—36
Шмидт Р. В. 81
Шталь И. В. 205, 280

Эванс А. 36
 Эгисф 196, 201, 329
 Эетион 249, 307, 308
Энгельс Фр. 22, 23, 94, 304, 330, 332, 349, 357, 370
 Эней 225, 226, 249, 309
 Эниэй 308
 Эол 181
 Эпигей 247
 Эрехтей 210
 Эфор 60
 Эхеней 318
 Эхепол 248, 278

Ярхо В. Н. 48, 266, 281, 348, 352

Adkins A. W. H. 48
Akurgal E. (Акургал) 107, 150, 152, 153, 158, 178
Alin P. 57, 63
Allen T. W. 305
Alsop J. 58
Ameis K. Fr. 223

Anderson J. K. 46, 306
Andreev J. V. (Andreyev Yu.) 39, 203, 214, 234, 269, 291, 294, 331, 338
Andrewes A. (Эндрьюс) 237, 240-243, 357
Andronikos M. 58, 59, 70, 81
Asheri D. 231

Beloch K. J. 82
Bengtson H. (Бенгтсон) 56, 179
Bennett M. 134
Berard V. (Берар В.) 190, 191
Bethe E. 297, 298
Blegen C. W. 92, 188
Boardman J. (Бордмэн Дж.) 112, 134, 156, 158
Boden Fr. 330
Bol P. C. 111
Bourriot F. (Буррио Ф.) 236, 238, 239, 290
Bouzek J. (Боузек) 20, 57-59, 61, 65, 68-71, 76, 78-80, 82, 83, 92, 94, 98, 99, 104, 116, 123, 134, 177, 179
Bowra C. M. (Боура) 21, 36, 37, 40-42, 44-46, 188, 258, 269, 289, 314
Broneer O. 63
Buchner G. 134
Buck R. J. 58, 61, 82, 83
Burr V. 305
Busolt G. (Бузольт) 108, 148, 158, 176, 177, 183, 196, 199, 200, 207, 228, 238-241, 275, 290, 314, 317, 319, 321, 325-327, 335, 336, 345, 346, 354, 357

Calhoun G. M. (Кэल्хаун) 264, 268, 271, 273, 274, 277, 278, 280, 291, 325, 361

Carpenter R. (Карпенгер Р.) 38, 40, 58, 187, 188, 295
Caskey S. L. 35, 295
Cassola F. (Кассола) 106, 108, 109
Cauer P. 298
Chadwick H. M. (Чедвик) 242, 248, 260, 266, 348, 359
Chadwick J. (Чедвик) III, 212, 223
Chadwick N. K. 248, 348
Chamoux Fr. 135
Chantraine P. 213, 243
Childe G. (Чайлд Г.) 363
Codino F. (Кодиано) 40, 48, 252, 266, 297, 317, 326, 333, 335, 338
Coldsream J. N. 111, 112, 116, 123
Cook J. M. (Кук) 71, 106-109, 150, 153, 158, 167, 192
Cook R. M. 98, 111, 135
Coulton J. J. 154

Davison J. M. 135
Deger S. 61, 248, 261, 294, 296-299, 301, 304, 310, 314, 318, 319, 323, 326
Demargne P. (Демарнь) 123, 159, 162
De Sanctis G. 82
Desborough V. R. d'A. (Десборо В. Р.) 2α, 27, 50, 51, 56-66, 68-72, 74-76, 78-83, 92-94, 98, 99, 104-107, 149, 172, 297
Deshayes J. (Дешай) 80
Donlan W. (Донлэн) 203, 207, 265, 287, 289
Drerup H. 88, 111, 153, 154, 156, 167, 169, 175
Durante M. 213

Ebeling H. (Эбелинг) 203, 204, 26^c
Ebert J. 272

Effenterre H. van (Ван Эффентер) 159, 162
Ehrenberg V. 178,299,319,321,326
Eitrem S. 192
Ekschmitt W. 154
Esmein A. (Эсме́йн) 2\4, 216, 217, 226
Evans J. 36
Ewin M. 154

Yanta A. (Фанта) 207, 245, 251, 258, 265, 279, 307, 314, 326, 327, 335, 340, 346
Ferguson W. S. 290, 357
Finley M. J. (Финли М.) 35, 37-40, 45, 47-49, 55, 90, 202, 206, 207, 209, 214, 216, 217, 220, 223,224, 226-228, 231-234, 243, 245, 258, 284, 287, 289, 291, 296, 297, 301, 306, 311, 323, 329, 335, 342, 345, 347,351
Finsler G. (Финслер) 216,217,226, 228, 229, 234, 244, 249-251, 258, 297, 303, 304, 316, 318, 319, 326-328, 335, 346, 354
Forbes R. J. 92-94
Frahm Fr. 330
Francotte H. 177
Fried H. M. 293
Frisk H. 213, 243,299
Frobenius L. 255
Furtwängler Ad. (Футве́нглер А.) 2\Б
Fustel de Coulanges N. D. 214

Gallavotti C. 240
Geiss H. 35, 295
Gerkan A. von (Геркан А. фон) 152, 186, 187
Gerlach J. 281
Germain G. 255, 311

Gimbutas M. 61
Giovannini A. 306
Glotz G. (Глоу) 148, 177, 180, 183, 214, 219, 234, 236-239, 314, 319,325,336,337,346,353,354
Gray D. 21, 36
Greenhalgh P. A. L. (Гринхаль) 37, 46, 54, 55, 92, 140, 192, 259, 289, 352
Griffith G. F. 335
Grote G. 335, 354
Grumach E. 62
Gschnitzer Fr. 294, 306, 314, 319, 321-323, 325
Guarducci M. 134, 240
Guiraud P. (Гуро П.) 183,196,214, 216,219, 223

Hafner G. 87, 120
Hägg R. 69
Hainsworth J. B. 44
Hammond N. G. L. (Хэммонд) 59—61,68,76,78,80-82,179,307
Hampf F. 35,62, 305
Hanfmann G. M. A. (Ханфман) 108, 109, 153, 179
Hasebroek J. 178, 180, 196, 220, 284, 285, 355
Heibig W. (Гельбиг) 36
Hentze C. (Hrsg.) 223
Heubeck A. 212
Heuss A. 201
Hignett C. (Хайне́мм) 239, 320
Hill Th. 150
Hirvonen K. 234
Hoekstra A. 44
Hoffmann M. (Гофман) 265, 281
Hoffmann W. 180, 183, 196, 197, 306, 345
Holland L. B. 150
Hood S. 62

Hooker J. T. 60, 82
Hope Simpson R. 37, 39, 48, 57, 149, 305
Hooper R. J. 106-109
Huxley G. L. 106,108, 327, 355

Jachmann G. (Яхманн Г.) 2A2,298, 300, 305
Jacoby F. 242
Jaeger W. 283
Jeanmaire H. (Жанмэр А.) 22, 206, 208, 241, 244, 245, 247, 248, 250,251,256,260,265,268,300
Jeffery L. H. 134
Judeich V. 158

Kahane P. 78, 111
Kahl-Fürtmann G. 39
Kampitoglou A. 154
Karageorghis V. 145, 322
Keil B. 306, 321
Keller A. G. 219
Kiechle F. 76
Kimmig W. 61
Kirk G. S. (Кёрк) 20,21,35,37,39-41,46,48,49,51,267,289,295
Kirsten E. (Кирстен) 76,148-150, 152, 166, 170, 199-201
Klaffenbach G. 134
Kraiker W. (Крайкер В.) 66,69,77, 78, 87, 92, 100, 120
Kretschmer P. 213
Krige E. J. 254
Kubier K. 66, 69, 78, 92, 100, 116, 135, 145
Kuhn E. 177, 183,321
Kuhn H. 261
Kallmann W. 272
Kunze E. 112, 123

Lang A. 36

Latte K. (Ламме) 237, 240
Lazenby J. F. 37, 39,48, 305
Leaf W. 2i(-2\9,268,271,297,305
Lejenne M. (Лежен) 211-213
Lesky A. 21, 34, 35, 37, 39,40,44, 45, 49, 350
Leveque P. 178
Levi D. 75, 88
Levy H. L. (Леей) 252
Liddell H. G. 203, 268
Loeschke G. (Лешке Г.) 23
Long A. A. 48
Lord A. B. 40, 42
Lorimer H. L. (Лоример) 21, 35—37,41,42, 49, 78,79
Luce J. V. 21, 40, 189, 192, 197, 202, 307

Maddoli G. 90,211-213,294,301, 322, 323, 325
Manessy-Guitton J. 226
Markman S. D. 111
Maryl K. 294
Martin R. (Мартэн Р.) 148, 152, 158, 159, 163, 166, 184, 190-193, 336, 337, 354
Matz Fr. %1, 120
Mazzarino J. 355
McDonald W. A. 163, 190, 191
Merker M. 254
Meyer Ed. (Мейер Эд.) 108, 180, 196, 197, 274, 290, 297, 321, 326,353
Micknat G. 306
Miller M. 237
Milojeic V. (Милойич В.) 61,76,80
Mireaux E. 22, 271, 305, 343
Money-Coutts M. 72
Moreau F. 335, 340, 349, 354
Müller-Karpe H. (Мюллер-Карпе) 62, 66, 78, 80, 93

Munding H. 270, 271
Murakawa K. 209
Murdock G. 238
Mylonas G. E. 58, 61, 83
Myres J. L. 21, 36, 78

Nicholls R. V. (*Никколз*) 107, 150, 152, 153, 158
Meseß. 321
Nilsson M. P. (*Нильссон*) 22, 35, 36, 41, 79, 88, 89, 168, 216, 223, 245, 248, 252, 260, 297, 300, 319, 326

Oertel Fr. 214
Oliva P. 324

Fage D. L. (*Пейдж*) 21, 35, 40, 42, 46, 54, 295, 297, 298, 305
Pakkanen J. and P. 100
Palmer L. R. (*Палмер*) 22, 211, 212, 232, 259
Parry M. 40
Pendlebury H. W. and /. D. S. (*Пендлбери Дж.*) 72, 77
Perry B. E. 314
Pisani V. 212
Pleiner K. R. 68, 92-95
Pöhlmann R. von (*Пёльман Р.*) 22, 196, 285
Popham M. 100
Poulsen Fr. 135, 145
Powell B. B. 134
Praschniker G. 120
Pritzwald-Stegmann F. 323
Λ/g/ieje Carratelli G. 211, 212, 301, 319, 323, 325
Puhvel J. 294

Raaflaub K. A. 180
Rammig G. 258

Rankin H. D. 272
Reichel W. (*Рейхель*) 36
Renard L. 74, 75, 159
Renfrew C M. 170, 171, 363
Richter W. 183, 197, 198, 200, 214, 216-218, 220, 221, 223, 226, 231, 365, 367
Ridgeway W. (*Риджуэй*) 214-21&, 220, 226
Ritook L. 289
Roeback C 106, 109, 122
Rohde E. (*Роде Э.*) 79, 192
Rose P. W. (*Роз*) 46, 55, 266, 283, 287, 289, 317
Rubinson L. 62, 76, 82, 83

Sakellariou M. P. 108, 109
Sarkady J. 32, 59, 81, 231, 234, 307, 319, 320, 323, 365
Schachermeyr Fr. (*Шахермайр*) 61, 76, 106, 108, 121, 285
Schadewaldt W. (*Шадевальдт*) 36
Schlesier E. 254
Schuchhardt C. (*Шуххардт*) 148, 183-185, 193
Schurtz H. 254, 263
Schweitzer B. 78, 88, 94, 111, 116, 120, 135, 141
Scott R. A. 203, 268
Scranton R. L. 159
Severyns A. 40, 45, 46, 77, 269
Seymour Th. D. 184, 198, 234
Sinos S. 175
Skeat T. C S. 77
Skia A. N. 123
Snell B. (Hrsg.) 265, 281
Snodgrass A. M. (*Снодграсс*) 20, 27, 46-51, 54, 55, 57, 58, 61-66, 68, 70-72, 75, 78, 79-85, 87, 88, 92-95, 98-100, 104-106, 108, 111-113, 116, 122, 123,

134, 135, 140, 149, 176, 177, 179, 192, 202, 307, 323, 367
Solmsen F. 243
Stagakis G. 247
Stanford W. B. (ed.) 313
Starr Ch. G. (*Стар 4.*) 20, 22, 50, 74, 77, 82, 84, 87-90, 92, 98, 104, 106, 108, 109, 112, 113, 116, 120-122, 134, 135, 139, 140, 152, 158, 178-180, 197, 207, 279, 287, 307, 319, 321—327, 329, 356, 366
Stella L. A. 39, 211, 298, 301, 323
Stillwell A. N. 176
Straßburger H. (*Штрассбургер Г.*) 45, 46, 197, 266, 270, 283, 285, 287, 288, 351
Stubbings F. H. (ed.) 35, 232
Styrenius O. G. 65, 69, 70, 80
Sveinsson E. O. 360
Swoboda H. 200, 290, 321
Szanto E. 240

Thomas C G. 178, 187, 194, 307, 323
Thompson H. A. 72
Tomlinson R. A. 61, 76
Toynbee A. 56, 62, 109, 241
Tritsch F. J. (*Трим*) 58, 148, 152, 163, 174

Vsener H. 344

Yalmin M. N. 170
Van der Valk M. 272
Ventris M. (*Вентрис*) 211, 212, 223, 297

Vermeule E. (*Вермел Э.*) 38, 58, 60, 61, 77, 81, 83, 85, 88, 90, 170, 171, 297
Vitalis G. 82
Von der Mühl P. 305
Vos H. 299

Wace A. B. (ed.) 35, 232
Wackemagel J. 323
Wade-Gery H. T. 362
Webster T. B. L. (*Уэбстер*) 2\, 35, 36, 40, 41, 49, 98, 108, 135, 192, 259, 263, 272, 299, 300-302, 320, 323, 325
Weiser L. 256
Weiss E. 214, 226
Wenskus R. 261
Westermann D. 255
Whibley L. M. A. (*Уибли*) 325, 327
Whitman C. H. 256
Wilamowitz-Moellendoiff U. von (*Вилламовиц*) 108, 109, 321, 326, 335, 343
Will Ed. 22, 214, 216, 220, 222, 232, 233, 300
Willemsen f. 141
Willets R. F. 98
Wilson M. 255
Winter F. E. 159
Woodhead A. G. 134
Wroblewski W. 265
Wundsam K. 212

Zervos Chr. 20, 98, 112, 116, 123, 140, 141

УКАЗАТЕЛЬ ПОНЯТИЙ, ЭТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ПРОЧИХ НАЗВАНИЙ

агелы, спартанские 255
 Агора, афинская
   — СМ поселение 72
   — погребения ПГ периода 92
 агора
   — политический центр города, народное собрание 253, 267, 333, 356, 360, 368
 акарнаны 321
 Акрокоринф 177
 Акрополь, афинский 177
 албанцы 83
 алфавитное письмо 45
   — древнейшая греч. надпись, см. Питекуссы
 Аль-Мина (Al Mina), Сирия, устье р. Оронта
   — купеческий эмпорий к. IX в. до н.э. 123
   — геометр. Керамика 112
 Амиклы (Amyklai), Лакония 70
   — голова из А. 131
 Амнис (Amnisos), совр. окраина Кносса
   — святилище VI в. до н.э. 163
   — голова из А. 131
 Анатолия
   — греч. колонизация сер. VIII в. до н.э. 120
 Андрос, о-в 153, 166
   — см. Загорана А. 153
 арверны, галльское племя 359
 Аргонида 57, 71, 79, 80, 83, 99, 104, 105, 171, 174, 177, 298, 321, 322

Аргос 65, 282, 297-299
   — поселение СМ периода 74, 76
   — позднегеометрическое захоронение 144
   — Археологический музей 127, 143, 144
 Ареопаг 121
 аристократия (арист. семья, среда, община; знать) 135, 140, 141, 266, 268-270, 327, 328, 336, 338
   — признаки высокого социального статуса 272-284
   — повседневная жизнь верхушки раннегреческого общества, тенденция к генеалогическому размежеванию между знатью и простонародьем 285-293
   — аристокр. республика (политическое господство родовой знати) 319, 325, 345, 347, 350, 353-358, 361, 362
   — итакийская арист., см.: Итака
 Аркадия 105, 250
   — аркадяне 321
 архагет 325
 архонт 325
   — архонт-эпоним 328
 Аскитарио, Атика
   — поселение «полисного типа» в домикенской Греции 171

Атика 57, 58, 70, 71, 78, 104, 107, 110, 117, 126, 171, 174, 177-179, 200, 322, 370
 Афины 63, 65, 72, 74, 99, 104, 105, 107, 135, 149, 158, 174, 182, 210, 280, 320, 328, 332, 362
   — могилы аф. Керамика, см. Керамик
   — Агора, см. Агора
   — аф. школа ваз. живописи 65, 104, 105
   — аф. некрополи второй пол. VIII в. до н.э. 135, см. Диполон
   — Акрополь 177
   — Музей Керамика 101, 117, 118, 124, 125, 129, 130
   — Национальный музей 117, 118, 124, 131, 136, 143, 144, 147
 Африка, тропическая 255, 263
 Ахайя 58, 71, 105
 ахейцы 26, 59, 62, 83, 248, 276, 336, 339, 341, 342, 347, 352
   — ах. держава (ах. гос-ва, царства) 31, 294, 322, 364
   — ах. басилей, см. басилей
   — ах. лагерь под Троей, см. Троя
   — ах. агора 333
 Балканы 28, 77
 басилей 244, 293, 298, 324, 329, см. также царь
   — происхождение титула 294, 323
   — родовой вождь 274, 279, 290, 310, 323, 324, 330, 354
   — ахейские б. 280, 294, 298, 301, 303, 304, 306, 313, 314
   — феакийские б. 317, 319
   — в гомер. период 301, 326, 327

— зависимость б. от общины 324, 326
   — аристокр. элита басилеев (коллегии б.) 324, 325, 345, 369
 басилей 18, 294
 Беотия 57, 58, 60, 70, 71, 104, 200
   — беотийцы 321
 Берлин
   — Государственные музеи. Античное собрание 117
 Ближний (Передний) Восток 18, 31, 122, 178
 Бостон
   — Музей изящных искусств 130
 бронза 28, 93, 94, 363
   — бронзовый век (поселения эпохи бронзы на Крите) 30, 31, см. Крит
   — бр. котлы и треножники (бр. изделия) 92, 141, 146
 былины 47
 валахи 83
 ванакт 258-260, 294, 297, 301, 302, 324, 364
 Вейи (Veii), Этрурия
   — греч. керамика перв. четверти VIII в. до н.э. 123
 «Великая колонизация» 50, 105, 122, 372
 вестник 209, 258
 викинги, норвежские 359
 «внутренняя колонизация» 177, 199-201, 222-224, 369, 370
 «военная демократия» (народовластие)
   — историография вопроса 23, 331-333, 351
   — элементы демокр. в системе управления гомер. полиса:

- народное собрание (агора) и его компетенция 333–337
— героическая личность — главная роль в гомер. общине 337–341
— республиканизм Гомера 344–349
— противостояние рода общине 350–356
— процесс разложения родового строя и борьба аристократии за демос 356–358
— двойная функция народного собрания 358, 359
— общее в полит. жизни при сопоставлении с другими народами 359–362
- возрастные классы (группы) 249, 250, 261, 263
- Восток (Древний) 17, 68, 77, 93, 94, 299
- Врокастро (Vrokastro), Вост. Крит
— СМ и ПГ поселения 74
- Врулия (Vroulia), о-в Родос
— укрепленное поселение конца VIII — нач. VII вв. до н.э. 167
- галлы 330, 359
— галльский амбакт 248
- гектеморы 261
- гельветы, галльское племя 359
- геометрический стиль вазовой живописи ПО, 116, 288
— РГ 116, 117
— С П 118–122
— С Г П 124–127
— По Пи П 128–134
— дипилонская вазапись 135, см. Дипилон
- аристократические мотивы в греч. иск-ве к. VIII в. до н.э. 141–147
- германцы 242, 330, 359
— германский комитатус 248
- герой 207, 225, 240, 243–247, 249, 250, 259, 266, 267, 275, 278, 299, 338, 340, 351
— предводитель 210, 244, 245
— идеальный герой 281, 282, 291, 334, 345
— героич. личность 280, 328, 337
- «героический век» 22, 44, 46, 288, 289, 305
- «героический образ жизни» 284–287
- героический этос 288, 289
- геронт 279, 334
- гетерии 244, 263, 353
— гетеры 256, 261, 278
— дружина 240–242, 244, 245, 247–249, 253, 256, 257, 260, 261, 302, 357
— товарищества сотрапезников 249–251
— аристократическая гет. (союз женихов Пенелопы) 251–256, 353
— связь «Илиады» с микенской героической поэзией (дружина микенских ванактов) 258–260
- Гиссарлык, см. Троя 188
- Гла (Gla), Беотия 57
- Гомер 43, 55, 163, 190, 226, 234, 237, 238, 242, 248, 264, 270, 272, 278, 283, 329, 334, 336, 338, 341, 343, 345, 346, 350
— гомер. эпос (поэзия) 21, 40, 44, далее passim с гл. III, 2, см. также: гомеровский, эпос, «Илиада», «Одиссея»
- гомеровский период (геометрический период) 16, 23, 261, 291, 319, 329, 337, 351, 365, 369, см. геометрический стиль
— понятие 29
— хронология 50–55, 65, ПО
— начальный этап 111–122
— второй этап — сравнение начала и конца VIII в. до н.э. 122
— расширение контактов 123, 134, 222
— создание «Илиады» и «дипилонского стиля» (см. Дипилон) 135
— социальная дифференциация греч. общества 140–147, см. также общину гомеровскую
— происхождение греческого полиса 145, см. раннегреческий полис
- гомеровский эпос (гомер. поэзия)
— микенские реминисценции в гомер. эпосе 35–37, 40, 41, 211–213, 258–260, 289, 294–306, 350
— Гомер и археология 37–39
— «концепция устного поэтического творчества» 39–48
— хронология гомер. эпоса 49–55. Далее с гл. III, 2 passim
- гомеровское общество 20, 34
— характеристика в исторической науке 23, 24, 206, далее см. общину гомеровскую и раннегреческий полис
- город, изображенный на шите Ахилла 181–184, 187, 191, 306
- Гортина (Gortus), Крит 182
- государство
— ахейское (микенское), см. Микены
— переход от родового строя к гос-ву 332, 333, 335, 367–372, см. полис
- греческие колонии в Италии и Сицилии
— городской статус 178
- Греция 17–20, 27, 28, 49, 51, 57, далее passim
— ахейская 30, 84, 298, 320
- Гурния (Gourgia), Вост. Крит
— поселение эпохи бронзы, минойский «город» 75, 172
- «дарение городов» 300–302
- Делос 70
- Дельфийский оракул 45
- Дельфы 70
- демагог 343, 344
- демиург 209
- демократия 332, 333, 335
- демос
— гражданская община 203–209, 214, 367
— коллектив граждан 203, 267, 268, 278, 288, 299, 305, 307, 345, 350, 355, 357, см. также народ и народное собрание
- деревня 178, см.: кома и крестьянство
- «Диапейра», сцена испытания войска (II песнь «Илиады») 265, 303, 305
- Димини (Dimini), Фессалия
— поселение «полисного ти-

па» в домикенской Греции 171

Дипилон

- некрополь 129, 135, 145
- дипилонские вазы 135—139
- социальная ориентация дипил. вазописи 139, 140, 288

Додеканезы 68

Додоны (Dodona), Эпир

- бронзовая статуэтка воина 144

документы микенских архивов 17, 296, 324

- линейное письмо Б 20, 301, 302, 320
- табл. пилосского и кносского архивов 38, далее см.

Кнос и Пилос

дорийцы 60, 80, 82–84, 86, 106, 107, 109, 148, 149

- дорийское переселение и дор. культура 26, 45, 60, 61, 76–84, 321
- «возвращение Гераклидов» 82
- «дорийское завоевание» 301, 322

древнейшие греч. храмы 111

Дрерос (Dreeros), Вост. Крит

- древнейший греч. храм 113
- древнейший греч. памятник гражданской архитектуры — агора VIII в. до н.э. 159–163, 166, 176, 180, 192

дружина, см. гетерии

Дулихий, один из Эхинадских о-вов в Ионическом море 251

Европа Центральная 78

Египет 46, 135

железо

- внедрение и обработка 27, 28, 31, 68, 91–95, 198, 366

женихи Пенелопы (аристократическая гетерия) 224, 235, 251–256, 262, 275, 276, 283, 310–312, 315–317, 337, 341, 349, 352

Загора (Zagora), о-в Андрос

- укрепленное поселение гомеровского периода 153—156, 159, 166, 168, 169, 199

Закинф, о-в в Ионическом море 251

Запад

- основание новых колоний на 3.45

зона «полей погребальных урн» 61, 78

«Илиада» 23, 34, 35, 39, 46, 48, 49, 54, 55, 135, 139, 140, 181, 184, 187, 189, 194, 196, 198, 202, 206, 207, 215, 216, 225, далее passim

Илион, «священный Илион» 187, 271, см. Трою

илоты 201

индейцы зап. побережья Сев. Америки 330

- «потлач» у инд. 254
- «клубы» 263

инициация 254, 255

Иолк (Iolkos), совр. Волос, Фессалия 62

ионийцы 45, 62, 83, 84, 107–109

- «ионийская-колонизация»:

- основание ионийск. поселений ПГ периода (ион. миграция), «ион. двенадцатиградие» 48, 78, 79, 106–110
- ионийская (гомеровская) «аристократия» 256, 260, 263
- ион. полис 46, 178, 306, 359, 362

Ионический архипелаг 58, 71

Ионическое побережье, Иония 106, 109, 174, 178, 199, 200, 202

Ираклион

- Археологический музей 119, 131, 132

Иския, о-в, Неаполитанский залив 129

Исландия 359

- исл. саги 45, 359, 360
- исл. хавдинги 261, 360
- исл. система годордов 330
- родовое общество Исландии 351
- исл. «народовластие» 360

Истм 57, 178

Итака, совр. Фиакри, о-в между Кефаллинией и Эхинадскими островами в Ионическом море 182, 194, 235, 251, 253, 255, 257, 274, 276, 283, 306, 308, 311, 317, 337, 340, 342, 348

- народное собрание на И. 206, 268, 349, 352
- полис на И. 208, 306, 310—317
- итак, аристократия 313, 314, 316, 319, 334, 357

итакийцы 317, 341

кавказские горы 351

Кавуси (Kavousi), Вост. Крит

- СМ и ПГ поселения 74

Кадмея, Фиванская 177

Калидон (Calydon), Этолия 182, 225

Камир (Kamiroi), о-в Родос 119

Кардица (Karditsa), Фессалия

- бронз. статуэтка воина 143

Карфи (Karghi), Вост. Крит

- СМ и ПГ поселения 72—74
- поселение геометр, периода 166, 168, 172

«Каталог кораблей» 182, 210, 242, 248, 298, 299, 305

Керамик (Kerameikos), Афины

- СМ погребения 66—69, 77
- ПГ погребения 92–94, 97, 100, 101
- план раскопок 96
- керамика ПоГ периода 128, 129
- дипилонские сосуды 135, 136, 145
- золотая лента 147
- Музей, см. Афины

Кикладский архипелаг, Киклады 104

Килонова смута 362

киммерийцы 181

Кипр 58, 68, 71, 93, 94, 123, 135, 174, 320

Кифера (совр. Китира), о-в в заливе Лаконикос 246

Клазомены (Klazomenai), Ионийское побережье Малой Азии

- протогеом. керамика 106

классовое общество 290, 363

- становление кл. общества в послемикенской Греции, отличие от микенского общества 31—33
- классообразование 263, 292

—кл. сознание 289
 Кносс 119, 213
 —дворцовый архив 297
 Колофон (Kolophon), Малазий-
 ское побережье 192
 колядование
 —«колядка» (родосск. «Пес-
 ня ласточки») 255
 кома
 —взаимоотношения комы и
 полиса 193—201
 —становление комы и обо-
 собление ее от полиса 178,
 369, 370
 Копенгаген
 —Национальный музей 129
 —Нью-Карлсбергская глип-
 тотека 130, 144
 Кораку (Korakou), окрестность
 Коринфа
 —поселение РЭ — ПЭ III С
 периода 170
 Коринф 76, 104, 105, ПО, 177,
 310, 330
 —коринф. Керамик 176
 «кормильство» 246
 Кос, о-в, Южные Спорады 104
 кремация 37, 70, 78, 79
 крестьянство (крестьяне, крест,
 хоз-во, свободный, рядовой
 общинник, простонародье)
 197, 231, 277, 285-293, 356,
 365, 366, 368
 Крит 17, 58, 70, 114, 163, 200,
 250, 321
 —характеристика крито-ми-
 кенского общества 24, 26
 —поселения СМ и ПГ пери-
 одов 72-75, 78, 104, 105, 172
 —кремация на Крите 79
 —бронз, шиты из Идейской

пещеры 123
 —поселения гомер. периода
 159, см. Дрерос, Лато, Кар-
 фи, Фест
 —карта Крита 160
 —критские цари 337
 «кровная месть» 236, 351, 352
 Кумы (Kumai), Италия (Кампа-
 ния)
 —греч. керамика перв. чет-
 верть VIII в. до н.э. 123
 куреты 225, 347
 Лакония 57, 71, 79, 105, 321, 322
 Лато (Lato), Вост. Крит
 —раннегреческий полис, аго-
 ра и план города 163, 164, 166
 лаос 206
 Левант 135
 —греч. колонизация с сер.
 VIII в. до н.э.
 Лемнос, о-в 171, 284
 Лерна (Lerna), Арголида
 —поселение «полисного
 типа» в домикенской Гре-
 ции 171, 175
 Лесбос, о-в 171
 «лесные братья» 256
 лестригоны 181, 182
 Лефканди (Lefkandi), о-в Эв-
 бея 100
 —СМ погребения 67
 —СМ поселение 72, 74
 —ПГ керамика 99, 103
 —Героон 102
 ликийцы 225
 Ликия 282
 «Ликургова Ретра» 315, 335
 Лирнесс, «город Минеса», город
 Трояды 307, 308
 Локрида 105

Лондон
 —Британский музей 143, 147
 Македония 82, 372
 Малая Азия 71, 107, 108, 109,
 113, 150, 174, 178, 202
 Мальти-Дорион (Malti-Dorion),
 сев. Мессения (Трифилія)
 —поселение среднеэллад-
 ского (СЭ) периода 170-172,
 175, 188, 189
 Меланезия 255, 263
 Мелия (Melia), Иония
 —поселение ПоГ периода с
 укрепленным акрополем 169
 Месопотамия 135
 —расширение греч. связей с
 сер. VIII в. до н.э.
 Мессения 57, 71, 79, 105, 188
 Мессенский залив 299
 миграции («эпоха миграций»)
 49, 50, 56, 71, 72, 75, 83-86,
 322, 323, 367
 микенская цивилизация 38, 46,
 363, 364
 микенское государство (монар-
 хия, царство) 22, 30-32, 56,
 58, 61, 62, 87, 171, 295, 301,
 302, 320, 363, 364, 366
 —м. колесничная тактика 46
 —м. цитадель 171, 188, 364
 —лавос и дамо в мик. доку-
 ментах 211—213
 —дружины м. ванактов 258—
 260, 297, см. также ванакт
 —держава Агамемнона 294—
 306
 Микены 17, 35, 57, 59, 62, 63, 182,
 188, 189, 294, 298, 299, 329, 364
 —СМ погребения 67
 Милет 71, 79, 330

—микенское и СМ поселе-
 ния 71
 —ПГ керамика 106, 107
 —ионийский полис 109, 192
 мирмидонцы 247
 Митилена (Mytilene), о-в Лес-
 бос 310
 «многоцарствие» (поликойра-
 ния) 315, 317-319, 330, 344
 монархия 319, 320, 322, 324,
 329-332
 монголы дочингисхановского
 периода 351
 монархия 309, 310
 «муж из народа» 334, см. Терсит
 мужские («тайные») союзы 244,
 254, 255, 256, 263
 Мюнхен
 —Глиптотека 43
 —Государственные антич-
 ные собрания 126
 народ (народн. масса, рядовые
 общинники, население об-
 щины) 278, 291-293, 324,
 335, 337, 344, 362, см. также
 демос
 —пассивность и бессилие де-
 моса перед своеволием силь-
 ной личности 338—341, 349,
 350, 353
 —стихийное поведение мас-
 сы 342-344, 353
 —формальное народовлас-
 тие 344—348, см. «военную
 демократию»
 народное собрание 196, 204, 206,
 207, 345, 346, 350, см.: общи-
 на гомер., «военная демокра-
 тия», Итака, Троя, феаки
 «Некия» (XI песнь «Одиссеи») 316

Норвегия IX-X вв. 279
 «нордическая теория» 77, 87
 Нью-Йорк
   — Метрополитэн музей 138, 139, 142
 Ньякиуса, племя в Вост. Африке 255
 обеды (участие в обедах судей) 258
   — ахейских старцев 244
   — феакийский царей 245
   — итакийских судей 245, 251, 316
 община 30-32, 38, 75, 95, 286, 290-293, 322, 324, 351-356, 367-369
 община гомеровская
   — понятие общины
     — народ — община (демос) 203-209, 367
     — народн. (обществ.) мнение 204-208
     — народ—войско (лаос) 210, 211
   — связь гомер. терминов «демос» и «лаос» с микенскими 211—213
   — формы земельной собственности
     — историография вопроса 214-215
     — семейный надел (клер) 215 слл.
     — многонадельные и безнадельные 219—221, 279
     — борьба за землю 221—224
     — резервный фонд общинной собственности: содержание царей и «лучших мужей» 225—230, 347
     — рост частной собствен-

ности на землю 230, 231
   — соотношение гомеровской и микенской форм землевладения 232—234
 —структурные элементы
   — патриархальная семья и другие формы родовых объединений и их модификации 234—243, 262, 263, см., ойкос, филы, фратрии
   — внеродовые сообщества 243—263, см.: гетерии, слуга
   — система социальных оценок и реальный социальный статус человека
     — иллюзия социальной однородности («всеобщей знатности») 264—270, далее см. аристократию
 —политическая организация
   — система управления эпического полиса
     — политические реминисценции микенского времени: держава Агамемнона 294—306
     — типичный гомер. полис 306-319, 325, см. Троя, Итаку, феаков
   — политическое развитие греч. мира в гомер. период 319, 330
   — «военная демократия» 331, далее см.: «военная демократия»
 «Одиссея» 34, 35, 39, 46, 48, 49, 54, 55, 181, далее passim
 ойкист 324

ойкос (патриархальная семья) 234-239, 242, 245, 247, 262, 263, 267, 355, 365, 366
 олигархия 327, 332, 361
 Олимпийские игры 45
 Олимпия
   — бронзовые статуэтки из О. 112, 113, 130
   — Археологический музей 113, 146
 Опунт (Opus), Локрида 246
 орегоны, внеродовые объединения в Аттике 357
 ориентализирующий период (стиль) 111
 Орхомен (Orchomenos), Беотия 35, 189
 Палекастро (Palaikastro), Вост. Крит
   — поселение эпохи бронзы, минойский «город» 75, 172
 Париж
   — Лувр 118
 патриархальная семья 95, см. ойкос
 Пелопоннес 42, 58, 60, 74, 76, 81-83, 105, 107, 148, 188, 297-299, 321
 Перати (Perati), вост. побереж. Аттики
   — микен. некрополь пер. пол. XII в., до н.э. 78
 Перахора (Perachora), округ Коринфа 147
 «первобытнообщинный строй» (эпоха) 19, 22, 26, 32, 254, 263, 281, 290, 364, см. родовой строй
 Передняя Азия 31

«переходный период» 56
   — причины гибели микенской цивилизации 57 слл., 84, 85
   — «варварское вторжение» 58, 59, 60
   — «дорийское завоевание» 60, 61
   — «народы мира» 61, 62
   — агония микенских цитаделей 62—64
   — СМ период 65—91, см. субмикенский период
   — ПГ период 91-110, см. протогеометр. период
 «Песнь о Роланде» 47
 «Песнь о Нибелунгах» 47
 Пилос 17, 42, 63, 171, 182, 189, 213, 294, 364
   — пилосский дворец Нестора 57
   — пилосский архив
     — дамос и лаос в документах п. арх. 211—213
     — земельный кадастр п. арх. 232-234
 Питекуссы (Pithecusae), о-в Иския в Неаполитанском заливе 129, 134
   — древнейшая надпись из П. 134
 племя
   — «племенные государства» 320-321, 371
   — племенной вождь 290
 Подунавье 61, 78
 Полиохни (Poliochni), о-в Лемнос
   — поселение «полисного типа» в домикенской Греции 171

полис
 — понятие и происхождение 16, 17, 28, 51, 200, 301, 307
 — универсальность распространения п. 180, 181, 202
 — образ идеального полиса 181-183, 306, 344-349, 352
 — взаимоотношения города и деревни 193—199, см.: кома. Далее см. раннегреческий полис

послемикенская эпоха
 — историография вопроса 21-30
 — становление классового общества, отличие от микенского 31—33

«посрамление (усмирение) Терсита» 265, 270-272, 338, 343, 344, 348

«потлач» 254

протогеометрический период 91
 — хронология 65, 70
 — погребения ПГ периода 91
 — начало железного века 92—95
 — позитивные сдвиги ПГ периода:
   — гончарное ремесло 98, 99-101, 103
   — оживление контактов (распространение ПГ керамики) 100, 104, 105
   — «ионийская колонизация» 106-110, см.: «ион. колонизация»

«протополис» (поселение первичной сельской общины) 193, 199, см. Трою

Псира (Pseira), Вост. Крит
 — минойский «город» 172

раб (рабыня) 235, 246, 252, 256, 258, 260, 275, 277-279, 287, 293, 311-313

раннегреческий полис
 — первичная форма п. (см. «протополис»)
   — в свете археологии
     — п. по Кирстену 148, 149
     — памятники раннего градостроения 150-164, см. Смирну, Загару, Эмпорио, Дрерос и Лато
   — отличительные черты двух основных типов поселения (интравертного и экстравертного) 165-170
   — их генетическая связь с поселениями эпохи бронзы 170—175
   — характеристика первичного полиса 175—177

— эпический полис
   — гомер. Троя 184—187, см. Трою
   — город феаков 189—193, см.: феаки
   — различие между этими типами гомер. полиса 193-194
   — система управления эпич. полиса, см.: царь, совет старцев, народное собрание

— становление греч. полиса в качестве города-государства («городская революция») 177-180, 193, 198-202, 222-224, 324, 328-330, 337, 353,

359, 365, 368-372, см.: «военная демократия»

род 95, 214, 236, 238, 239

родовая община (общество) 32, 189, 194, 242, 263, 323, 364

родовой строй 262, 263, 332, 351, см.: «первобытнообщинный строй», возрастные классы, мужские союзы, филы и фратрии, «военная демократия»

Родос, о-в 26, 56, 77, 78, 104
 — Врулия на Р. 167
 — Археологический музей 119

сага о Ньяле 360, 361

сага о Херде и островитянах 361

сага о Храфнкеле, годи Фрейра 360, 361

Саламин, о-в в Сароническом заливе
 — некрополь 68, 69, 74

Саламин (Salamis) Кипрский
 — царские погребения к. VIII в. до н.э. 145, 322

Сама, один из Ионических островов, совр. Кефаллиния 251

Самос, о-в 70, 104
 — протогеометр. керамика 106

Сикион (Sicyon), Аргонида 248, 330

симмахия 307

синокизм 177, 200, 324, 370

Сирия 112

Сирое, о-в 171

скипетр 313, 318, 335
 — Агамемнона 297—300, 302, 303
 — Ахилла 304

Скирос, о-в 104

— «город Эниэя» (город Троады) 307, 308

слуга 235, 245-248, 251, 252, 256-261, 277, 278, 293, 355

Смирна (Old Smyrna), ионийское побережье Малой Азии, совр. Измир
 — поселение ПГ периода 104, 106, 107
 — укрепленное поселение гомер. периода 150-154
 — Смирна II 176, 199
 — Смирна III 176, 180, 192

совет старейшин («старцев народных») 294, 302, 309, 316, 345-347

Спарта (Sparta) 57, 131, 182, 294, 321, 371, 372
 — храм Артемиды Орфии 133
 — «несинойкизированный полис» 176, 200
 — Музей 133

среднеэлладская эпоха (культура) 68, 85-87, 364

Средиземноморье 28, 120, 223, 363

«ссора царей» (I песнь «Илиады») 338, 339, 340

субмикенский период (СМ) 65-91
 — СМ некрополи 66—69
 — СМ поселения 72—75
 — «эпоха миграций» 49, 50, 56, 71, 72
 — приход дорийцев на Пелопоннес 76, см. дорийцы
 — признаки сходства со СЭ культурой 85—87
 — выживание отдельных элементов микенской культуры 88, 89

—невозможность возврата к домикенскому status quo 90-91
 Схерия, о-вфеаков 192,194,308
 «тайные союзы», см. мужские союзы
 Таре (Tarsus), Киликийское побережье
 —геометр, керамика к. IX в. до н.э. 123
 «Тезеевсинойкизм» 176,179,370
 Тейхос Димайон (Teichos Dymaion), Ахайя 62
 «Тейхскопия», смотрение со стен (III песнь «Илиады») 309
 темен 316,318,225,226,227,228, 229, 232
 «темные века» 19, 30, 38, 48
 —хронол. 20, 50, 55
 —школы вазописа 65
 Теос (Teos), ионийское побережье Малой Азии
 —протогеометр. керамика 106
 Терапны, поселение неподалеку от Спарты 57
 Тетраполис марафонский
 —союз сельских общин 176
 тиасоты, внедровые объединения в Аттике 357
 тиран 330, 341
 тирания 361
 Тиринф 35,42, 57, 59, 63, 68,92, 188, 189, 298; 364
 —тиринф. дворец 171
 —цитадель Т. 171, 182
 —план Т. 173
 Троада
 —города Т. 307
 Троя 35, 40
 —гомер. Тр. 182-188,193,

194, 204
 —исторические прототипы гомер. Трои 187—189
 —ахейский лагерь под Трой 244, 247, 248, 280, 296, 302, 343, 344, 347
 —троянск. полис 306—310
 —троянск. демос 310
 Троянская война 23, 34
 —предание о троянской войне 35, 36, 40, 46, 60, 241,305
 «Троянский каталог» 307
 троянцы 225, 267, 309, 310, 324
 унитарии
 —школа ун. 48
 «урбанистическая революция» («городская революция») 369, см. раннегреческий полис
 феаки 192, 268, 347
 —город феаков и его исторические прототипы 182,189—193, 202
 —многоцарствие в феакийских песнях «Одиссеи» 347
 —«герои» 279
 —полис феаков 317—319,344
 Фера (Thera), на Санторине
 —раннегреч. полис 166
 Ферми (Thermi), о-в Лесбос
 —поселение «полисного типа» в домикенской Греции 171
 Фермона (Thermos), Этолия
 —древнейший греч. храм 115
 Фессалия 60, 104, 105, 171, 200
 —фессалийцы 321
 Фест
 —поселение СМ и ПГ периодов 75

—поселение геометр, периода 166
 фет 258, 293. 355
 Фивы (Theben), Беотия 174, 182, 189
 Фивы Египетские 182
 Фивы Киликийские 307, 308
 фила(ы) 239-243, 262, 279, 291, 325, 356,357
 финикийцы 37
 —финик, экспансия 112
 Фокея (Phokaia), ионийское побережье Малой Азии
 —протогеометр. керамика 106
 Фокида, область в Средней (Центральной) Греции 57,105,130
 фрaternity 237, 261, 357
 фратрия(и) 239, 241-243, 279, 291,325,356, 357
 Фтия, главный город мирмидонцев (царства Пелея) 246, 328
 Халандриани (Chalandriani), о-в Сирое
 —поселение «полисного типа» в домикенской Греции 171
 Хеттское царство 46
 Хиос, о-в 58, 156, 157, 168
 царь 207, 259, 266, 267, 278, 279, 281,283, 285, 289, 294, далее passim Гл. VI, 1,2, см. также: базилей
 —цари и противостоящий им демос 265, 267, 271, см. народ
 царская власть 260, 275, 294, 302, 309, 312, 313, 315, 325-327, 354
 —Агамемнона 296-306, 328

—Приама 308-310
 —на Итаке 310-317
 —у феаков 317-319, 328
 —«священные цари» 297,318, 319
 —«отеческая царская власть» 327
 —царская «почесть» (темен и участие в обедах судей) 224, 225, 227, 228, 282, 316, 328, 336
 циклопы 181
 шотландские кельты 351
 Эвбея, о-в 58, 72, 78,99, 178
 —эвб. поселение на о. Ис-кия, см. Питекуссы
 Эгеида 26, 68, 105,120, 174, 321
 —эгейский бассейн 109
 —Эгейское море 71,105,106, 108, 112, 113, 116, 178
 —эгейск. цивилизации 363
 Эгина, о-в 104
 —поселение «полисного типа» в домикенской Греции 171
 эдуи, галльское племя 359
 Элевсин (Eleusis), окрестность Афин
 —«могила Изиды» (вторая четверть VIII в.) 123
 Элида, область северо-западного Пелопоннеса 58
 —элидяне 321
 Эллада 328
 Эмпорио (Emporeios), о-в Хиос
 —городище (поселение) экстравертного типа VIII в. до н.э. 156-159, 168, 169, 176
 эолийцы 106, 109

Эпир, область в северо-западной
Греции 61, 82, 105, 144, 372
—эпироты 321
Эретрия
—Музей 103
Эрифры (Eriphrai), ионийское
побережье Малой Азии
—прогеометр. керамика 106
этолийские старцы 225, 347

этолийцы 225, 321
Этолия 115
Эфес 109, 163, 192

Ялис (Ialysos), о-в Родос 119
Ясос (Jasos), Кария
— поселение ПоГ периода с
укрепленным акрополем 169

**ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЗАЩИТЫ ДОКТОРСКОЙ
ДИССЕРТАЦИИ 15 НОЯБРЯ 1979 ГОДА.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ЛГУ**

***[Выступления официальных оппонентов и ответы
Юрия Викторовича Андреева на их отзывы]***

Председатель: «Перейдем к выступлениям официальных оппонентов. Слово имеет официальный оппонент академик Борис Борисович Пиотровский».

Отзыв

о работе Ю. В. Андреева «Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции в XI—VIII вв. до н. э.»

«Работа Ю. В. Андреева посвящена очень важному вопросу истории древнего мира — становлению греческой цивилизации.

Автор по-новому рассматривает т. н. „послемикенскую эпоху“, охватывающую четыре века (XI—VIII вв. до н. э.), причем особое внимание он уделяет второму ее периоду — „гомеровскому“ (IX—VIII вв. до н. э.).

Историки древнего мира по-разному подходили к определению формы социальной организации, утвердившейся в Греции после падения микенских государств, на основе которой зародился греческий полис.

По мнению автора памятники греческой культуры микенского времени II тысячелетия до н. э., в частности, архивы, свидетельствуют о том, что греческое общество того времени было

близким к древневосточному. Микенские дворцы-цитадели, бывшие и политическим и религиозным центром, разветвленный бюрократический аппарат со сложной системой учета, трудовые повинности населения отражают близость этой культуры к дворцово-храмовой цивилизации древнего Востока (с. 6)*.

В начале железного века, с XI в. до н. э., под натиском северных племен, вероятно, и не без участия „народов моря“ микенская монархия рухнула, не оставив следа, и Ю. В. Андреев вправе констатировать, что исторические пути Греции и стран Ближнего Востока разошлись.

Получается впечатление, что в культуре Греции наступила деградация, что после длительного перерыва в развитии наступило второе возникновение классов и становление государства, что „гомеровский период“ по сравнению с Микенами является временем упадка. Такова точка зрения многих историков античного мира, выдвигавших на первый план вопросы культурной преемственности и миграций и оставлявших в стороне социальные вопросы.

Ю. В. Андреев, используя мысли своих предшественников, как зарубежных, так и советских историков, дал новое объяснение этому явлению, указав на глубокие формационные сдвиги, сопутствовавшие падению микенской государственности и утверждению на ее развалинах новой античной цивилизации (с. 10).

Автор поддерживает мысль С. Я. Лурье о неравномерности социально-экономического развития отдельных районов греческого мира во II тысячелетии до н. э., а также мнение Ф. Папазоглу, которая полагала, что в микенское время связи центральной государственной власти с основным населением Греции, жившим в условиях первобытно-общинного строя, не были крепкими.

В послемикенское время, согласно Ю. В. Андрееву, особенно усилились древние общинные традиции ахейского населения (с. 16), но вместе с тем особенно четко проявляется принци-

альное различие путей становления классового общества в микенское и послемикенское время (с. 22).

Автор образно называет микенскую монархию „своеобразным паразитическим наростом“ на основе общинного субстрата раннегреческого общества, на котором возник новый тип государства — полис (с. 23-24).

Основная мысль рецензируемого труда — отсутствие „прямолинейного непрерывного развития греческой культуры конца II и начала I тысячелетия до н. э.“.

Это явление было обусловлено также политическими событиями, изолировавшими Грецию от других стран Средиземного моря (с. 17), но автор недостаточно раскрыл политическую обстановку того времени. Следствием такой изоляции объясняется нехватка олова для бронзы и переход на обработку железа. Но повсеместный переход в указанный период на железо объясняется не недостатком меди, а главным образом олова, необходимого для производства бронзы и доставлявшегося издалека. Переход к железу был связан со значительным развитием ремесла, с освобождением от зависимости металлов, получавшихся дальними путями, что тормозило широкое внедрение металла в жизнь.

Во „Введении“ к труду (с. 2-24) автор очень четко определил свою теоретическую позицию, которая представляется мне совершенно правильной.

Глава I (с. 25—46) рассматривает гомеровские поэмы как исторический источник. Автор указывает, что основная трудность заключается в том, что с полной уверенностью нельзя сказать, на какую историческую реальность ориентировался Гомер, изображая Троянскую войну. Сначала, при увлечении раскопками Шлимана Трои гомеровский эпос прямо связывался с микенской культурой. Но когда романтическая эпоха Шлимана прошла, то, по замечанию М. Финли, „Гомер и археология“ стали быстро расходиться и историко-филологическая критика гомеровских поэм выявила большие сложности в определении того строя общества, который был описан Гомером (с. 27—28), становилось очевидным, что микенская цивилизация была уже забыта.

* Ссылки на страницы здесь и далее даются по машинописи диссертации. — Л. Ш.

Ю. В. Андреев, следуя большинству историков, считает, что „Илиада" и „Одиссея" не могли сложиться ранее VIII в. до н. э., до начала „зрелого геометрического стиля" в искусстве и что в них переплетаются элементы материальной и духовной культуры, религиозные верования и политические воззрения разных эпох, но при всем этом наблюдается нарочитая архаизация (с. 32). В поэмах доминирующее положение, безусловно, занимают поздние элементы, либо современные Гомеру, либо относящиеся к недавнему прошлому, но для поэта, по выражению Ю. В. Андреева, прошлое „это то же настоящее, но улучшенное, облагороженное, приподнятое над житейской прозой современности" (с. 37).

Обычно в историографии Гомеровский период определяется XI—IX вв. до н. э. Ю. В. Андреев придерживается другого мнения и считает период продолжительностью в два с половиной столетия, от второй половины X в. до второй половины VIII в. до н. э., что в археологическом определении совпадает с периодом „геометрического стиля". Он полагает, что нельзя отказываться от использования „Илиады" и „Одиссеи" в качестве исторического источника, задача состоит в том, чтобы со всей осмотрительностью постараться выявить в поэме зерно исторической истины (с. 46). Этой задаче и посвящена рецензируемая, очень интересная работа, по-новому ставящая иногда вопросы изучения гомеровских поэм.

Глава II (с. 47—116) посвящена основным проблемам послемикенской эпохи (конец XII—VIII вв. до н. э.). Указывается, что на микенскую Грецию обрушилась страшная катастрофа, в результате которой из 44 микенских поселений на территории Аргониды уцелело лишь 19 (с. 48).

Волна разрушений объяснялась различно: варварским вторжением, междоусобными войнами, социальным переворотом и даже стихийным бедствием.

Ю. В. Андреев подчеркивает, что по археологическим данным изменений не произошло, материальная культура осталась прежней, и что к этим событиям дорийцы не имели никакого отношения, так как они появились после падения микенской

культуры. Автор замечает: „Теория дорийского завоевания в ее традиционном варианте нуждается в настоящее время в радикальном пересмотре" (с. 52). Это очень важный вывод. До недавнего времени все новшества, в частности, внедрение железа, появление геометрического стиля в вазовой живописи приписывались дорийцам.

Ю. В. Андреев дорийцев называет „каким-то призраком, прошедшим через всю Грецию и не оставившим на своем пути осязаемых следов" (с. 73). Он рассматривает дорийскую миграцию как постепенное просачивание небольших родо-племенных скотоводческих групп, стоявших на низком уровне развития, но по культуре не отличавшихся от культуры основного населения балканской Греции. В указанное время ни дорийцы, ни ионийцы еще не успели сложиться как определенные этносы (с. 77).

Процесс упадка и вырождения микенской цивилизации завершился к концу XII в. до н. э. и это привело в XI в. до н. э. к экономической депрессии Греции, исчезли или захирели дворцы, пропала письменность, их обслуживавшая, деградировало искусство, резко сократилось число иноземных предметов, особенно египетских и из стран Передней Азии, началась изоляция Эгейского бассейна (с. 56), справедливо замечание Я. А. Ленцмана, что неразрушенные дворцы уже не соответствовали новому укладу жизни, так как по археологическим данным население многих областей Греции вернулось к полукочевому и кочевому образу жизни.

Ю. В. Андреев указывает на то, что „модной гипотезой" является связь разрушения микенских твердынь с „загадочными народами моря", упоминаемыми египетскими текстами. И хотя этот вопрос достаточно темный, ему придется ими подробнее заняться, так как именно с ними связано временное прекращение сношений Египта с эгейским миром. А ведь с изоляцией Греции связаны изменения в материальной культуре, в частности, замена бронзы железом и интересно замечание диссертанта о том, что „уже в конце XI в. до н. э. железо настолько вытеснило бронзу, что из него стали делать булавки, фибулы, кольца, хотя бронза для этих изделий была более подходящей" (с. 87). С прек-

рашением сношений с другими странами перестал поступать металл, необходимый для бронзы, в частности, олово. Правда, железо стало дешевым материалом и при развитии техники его обработки качественным, это связано с широким ремесленным производством железных изделий.

Но мореплавание и морские контакты не прекращались, наиболее развитая культура наблюдается в прибрежной полосе Эгейского моря (с. 96).

Выделяются три провинции искусства протогеометрического стиля:

1) Аттика, Беотия, южные Киклады, о-ва Самос, Родос и Смирна, 2) прибрежная Фессалия, 3) Арготида, Коринф, о-ва Эгина и Кос. Особняком стоит Крит (с. 95).

Со второй половины X в. до н. э. греческая культура в своем развитии ориентируется в сторону малоазийского побережья.

В IX в. до н. э. наступает „гомеровский период“. В Греции в это время нет крупных городов, отсутствует письменность, на низком уровне скульптура и архитектура, в искусстве преобладает абстрактный орнамент над фигуративным, а главное, слабы контакты с соседями (с. 103). Но вместе с тем этот период характеризуется формированием греческой культуры, охватывающей балканскую Грецию, о-ва Эгейского моря и западное побережье Малой Азии, началом формирования греческой народности, сложением особого этнокультурного региона (с. 104—108).

Второй этап Гомеровского периода (VIII в.) характеризуется резким ускорением темпов развития, усиливается освоение морских путей, разрастается греческая колонизация, возникают первые города-государства, появляется письменность, заимствованная от финикийцев, наблюдается подъем экономики и культуры. Археологические данные свидетельствуют о далеко зашедшей имущественной и социальной дифференциации греческого общества.

К середине VIII в. до н. э. относится и создание „Илиады“.

Глава III (с. 117—169) рассматривает один из важнейших вопросов истории древней Греции — становление полиса. Ю. В. Андреев решительно отвергает точку зрения, считающую, что по-

лис возник с приходом первой волны „индогерманских“ племен, что совершенно не соответствует данным археологии (с. 118). Автор приводит подробное описание двух типов поселений в Греции, в IX—VIII вв. до н. э. и констатирует, что они были весьма далеки от микенской цитадели. Оба типа восходят к общему прототипу — укрепленному поселку, который в работе называется „протополис“ или „первичный полис“, и является местом обитания целой общины, а не резиденцией знати.

Хозяйственная в нем жизнь носила аграрный характер, ремесло в нем археологически пока не засвидетельствовано (с. 137).

Из этого можно заключить, что такой полис относится к догосударственному периоду, ко времени, когда господствующий класс еще не выделился из сферы производства и общины.

У меня возникает вопрос — когда и при каких обстоятельствах полис превратился в город-государство и в нем стал жить обособившийся господствующий класс, обраставший аппаратом, обеспечивающим его существование, а также обслуживающим его населением (ремесленники, земледельцы, слуги-рабы и др.).

Поздняя историческая традиция относит появление полиса ко второй половине VIII в. до н. э. (с. 142).

По Ю. В. Андрееву процесс становления полиса в его новом качестве „города-государства“ шел по двум основным направлениям: 1) политическая интеграция ряда первичных полисов и их слияние в один большой полис („синойкизм“), 2) постепенное разрастание первичного полиса. Вызванная перенаселением потребность в освоении новых земель, а в равной степени и непрерывные вспышки внутри- и межплеменной вражды толкали прежде разрозненные общины к объединению, к созданию общих опорных пунктов, каковыми и стали полисы (с. 142). Но в таком представлении о становлении полиса нет социальной основы. По моему убеждению, полисы были вызваны к жизни третьим крупным общественным разделением труда, по Ф. Энгельсу, приведшим к образованию государства. Полис как „город-государство“ являлся местом обитания господствующего класса, выделившегося из сферы непосредственного производства, а это основной признак государства, обраставшего бюрок-

ратическим аппаратом и органами, обеспечивающими его власть. Полис как „город-государство" выступает как закономерное явление, связанное со становлением государства, которое представляет длительный процесс в условиях классового общества, проходившего иногда очень долгий путь догосударственного состояния.

Переходя к гомеровскому полису, Ю. В. Андреев указывает на то, что „гомеровская концепция полиса в целом несет на себе печать глубокого архаизма, тяготея скорее к началу эпического периода, чем к его концу" (с. 168—169). Это небольшое компактно застроенное поселение, расположенное на возвышенности и обнесенное стеной.

Почти все герои поэм знатные горожане, простой люд, как рабы и пастухи, стоят вне закона, город тесно связан с сельским хозяйством.

В главе IV (с. 170—244), посвященной „гомеровской общине", рассматривается понятие общины („демос"), система землевладения и основные структурные элементы общины: семья, группа семей, фратрия, гетерия.

Структурной основой общины был сложный конгломерат патриархальных семей—„ойкосов", которые формировались по принципу кровного родства (иногда фиктивного), либо по принципу товарищества и сверстничества (с. 243). Агнатические объединения ойкосов и тесно связанные с ними дружины выступают в эпосе в качестве главной опоры аристократических фамилий в их междоусобной борьбе за власть и влияние в общине. Ю. В. Андреев приходит к выводу о том, что гомеровскую общину следует считать одним из вариантов позднеродового или предклассового общества, уже вступившего на стадию классового образования (с. 244), но этот вопрос подробно рассматривается в следующей главе V „Социальная стратиграфия гомеровской общины. Народ и знать" (с. 245—284).

В ней отмечается, что „основные сюжетные коллизии обеих поэм развиваются в социально однородной и притом типично аристократической среде" (с. 247), что „наряду с благородным происхождением важнейшим показателем высокого социально-

го статуса считаются в поэмах такие признаки, как богатство и власть" (с. 259).

„Одиссей был назван 'первым из героев' не только по причине его доблести и знатности его рода, но и благодаря принадлежавшим ему огромным стадам крупного и мелкого скота". („Одиссея" XIV, 96).

„Понятия богатства и власти стоят в эпической шкале социальных ценностей практически рядом, образуя, по существу, единый семантический комплекс" (с. 261). Приведенных высказываний достаточно для того, чтобы усомниться в том, что гомеровское общество стоит на грани классового образования. Это связано с представлением о том, что одновременно с классами возникает государство, представлением широко распространенным.

Усиление имущественной дифференциации и становление на этой основе классов по Ф. Энгельсу было связано с первым крупным общественным разделением труда — выделением скотоводов из общей массы варваров. И хозяйственная основа, способствующая становлению классов и государства, была иной, в первом случае скотоводство, во втором — ирригационное земледелие. Не случайно Ф. Энгельс связывает становление классов с первым крупным общественным разделением труда, а образование государства с третьим. Мы знаем много примеров классовых, преимущественно скотоводческих, обществ (скифы в древности, туареги по этнографическим данным), не имеющих основного признака для государства — выделения господствующего класса из сферы производства и территориального его обособления. Поэтический характер „Илиады" и „Одиссеи" значительно упростил описания социальных отношений героев и их связей с общиной, что и привело к архаизации общественных отношений в гомеровский период, что отразилось и в интерпретации гомеровского общества Ф. Энгельсом.

В настоящем отзыве я излагаю свою точку зрения, не совпадающую с традиционной, и Ю. В. Андреев имеет право ее не принять. Но мне представляется, что последняя глава VI работы „Политическая организация гомеровской общины" (с. 284—368) подкрепляет мою точку зрения.

„В отдельных эпизодах поэм идея наследственности и божественного происхождения царской власти выражена достаточно ясно" (с. 289). И хотя Ю. В. Андреев считает, что материал эпоса не дает никаких оснований для того, чтобы говорить о систематической эксплуатации знатью, правомерно встает вопрос — а кто же пас огромные стада Одиссея, кто обслуживал его хозяйство?

Разумеется, монархии в гомеровский период не было, следует согласиться, что идея ее возникла в Греции лишь в VII в. до н. э., но политические функции народного собрания (с. 328) не противоречат классовому состоянию, даже в государствах, где основой хозяйства было скотоводство (Хеттское царство) собрание старейшин долго играло важную роль. Ю. В. Андреев указывает на то, что на первый план в поэмах выдвигался не народ, а сильная личность (добавим — знатная), и народное собрание следует считать утвердившимся обычаем, на нем выступают лишь представители знати, которые и принимают решение (с. 337—338). На последних страницах рецензируемого труда автор пишет: „Поэмы Гомера не документ, а художественное произведение... Политическая тенденциозность их не вызывает сомнений. Сам поэт отнюдь не скрывает своих проаристократических симпатий" (с. 350).

Работа Ю. В. Андреева „Гомеровское общество" — крупное событие в нашей исторической науке. Работа написана на подробно анализированном громадном материале, разработанном с марксистско-ленинских методологических позиций, дано новое понимание общества Греции после падения микенских государств. Автор убедительно показал, что падение микенских центров древневосточного типа не нарушило развитие местных племен Греции, шедших по иному пути, автор по-новому оценивает роль „дорийского вторжения". Исторический анализ гомеровских поэм дан на высоком научном уровне, особенно ценно привлечение материалов археологии и истории искусства, а также этнографии.

Работа читается с громадным интересом, в ней хорошо обрисованы прогрессивные идеи советских исследователей и раскры-

тикованы методологически чуждые нам некоторые воззрения зарубежных ученых.

Нет сомнения в необходимости рекомендовать труд Ю. В. Андреева к печати, он будет полезен не только для ученых, но и для студентов, как с методологической, так и с методической стороны.

Автореферат полностью соответствует тексту диссертации. Все изложенное дает мне основание ходатайствовать перед Ученым советом исторического факультета Ленинградского Государственного Университета о присуждении Ю. В. Андрееву исковой степени доктора исторических наук».

*Доктор исторических наук, профессор
академик Б. Б. Пиотровский
17.08.79*

Председатель: «Слово для ответа на замечания, имеющиеся в отзыве официального оппонента, предоставляется соискателю».

Ю. В. Андреев:

«Я глубоко признателен академику Б. Б. Пиотровскому за ту объективную и вместе с тем доброжелательную оценку, которую он дал моей работе. Все суждения как позитивного, так и негативного характера, высказанные Борисом Борисовичем в его отзыве, наводят на самые серьезные размышления и имеют для меня чрезвычайную ценность.

Остановлюсь на некоторых положениях диссертации, показавшихся спорными моему уважаемому оппоненту. Основным пунктом, в котором наши взгляды на гомеровское общество расходятся, является, насколько я понял, стадийная оценка этой социально-экономической формации. Вопреки бытовавшим до недавнего времени в нашей науке представлениям Борис Борисович склонен видеть в ней уже сложившееся классовое общество. Я, со своей стороны, старался придерживаться более традиционной для советской историографии точки зрения, согласно которой Гомер изображает общество, по сути своей еще бесклассовое, хотя уже и вступившее на путь классовобразования:

Конечно, факты, на которые ссылается Борис Борисович в подтверждение своей особой позиции, взятые сами по себе, неоспоримы. Гомер, действительно, хорошо знает, что такое богатство и бедность, чем отличается знать от простолюдины и т. д. В моем понимании эти факты свидетельствуют о далеко зашедшей имущественной и социальной дифференциации эпического общества. Однако достаточно ли их для того, чтобы говорить о его классовом характере?

Если мы ответим на этот вопрос положительно, как это делает мой уважаемый оппонент, то перед нами сразу же встает другой, пожалуй, еще более трудный вопрос: к какому именно типу классовых обществ следует отнести социальные структуры, изображенные в „Илиаде“ и „Одиссее“? Считать их разновидностью рабовладельческого строя (но гомеровское рабство еще явно находится на крайне низком уровне развития) или же вариантом феодализма (но эта гипотеза советскими историками давно отвергнута) или, наконец, какой-то третьей еще неизвестной науке формацией? С этим вопросом тесно связан другой, не менее трудный: что считать основными антагонистическими классами гомеровского общества? Рабовладельцев и рабов? Но для этого, как мы уже видели, едва ли есть основания. Или другой вариант: аристократию и демос? Но в этом случае мне придется еще раз повторить то, о чем я писал в самой диссертации: Гомер ничего не говорит о систематической эксплуатации рядовых общинников представителями знати (время от времени упоминающиеся в поэмах эпизодические поборы в форме так называемых „даров“ едва ли могут быть подведены под это определение). Правда, в богатых и знатных семьях наряду с рабами трудились также и так называемые „феты“ (поденщики) и слуги (θεράπωντες). Однако, на основании отрывочных упоминаний о них в тексте поэм трудно сделать сколько-нибудь определенные выводы о численности этой категории зависимого населения. Едва ли, впрочем, она была настолько значительной, чтобы дать нам право видеть в фетах вполне сложившийся класс угнетенного и эксплуатируемого населения гомеровской общины.

Все эти соображения напоминают о том, что необходима очень

большая осторожность в подходе к вопросу о стадийном характере гомеровского общества. Она-то и вынуждает меня оставаться на традиционной позиции, не отказываясь вместе с тем от внесения в нее весьма существенных корректив. Таких корректив в диссертации довольно много, и я не буду сейчас все их перечислять. Укажу хотя бы на пересмотр вопроса о так называемой „военной демократии“ в заключительной VI главе моей работы. Это — тот пункт, в котором мои представления о гомеровском обществе, пожалуй, особенно далеко отходят от традиционных представлений.

Еще один спорный вопрос, на котором мне придется задержать ваше внимание, это — вопрос о происхождении греческого полиса в его основном качестве города-государства. Здесь мы как бы меняемся ролями. Борис Борисович отстаивает традиционный подход к этой проблеме с позиций экономического детерминизма, полагая, что зарождение полиса, как и города всякого иного типа, было непосредственно связано с третьим крупным общественным разделением труда, т. е. с выделением торговли из сферы производства и образованием особой торгово-ремесленной прослойки. В моем же представлении, эта достаточно широко распространенная теория не дает вполне убедительного объяснения тому скачку в новое качество, который был совершен греческим обществом где-то около середины VIII в., когда на Балканском полуострове и в Малой Азии появились первые полисы.

Судя по всему тому, что мы о них теперь знаем (замечу, что показания Гомера и археологии здесь во многом сходятся), эти древнейшие города-государства представляли собой укрепленные аграрные поселения с преимущественно крестьянским населением. Ремесло и торговля играли в их жизни отнюдь не главенствующую роль, ремесленники и торговцы составляли в общей массе их населения крайне незначительный процент. Главное, что отличало город от деревни в исторических условиях того времени, это — не столько его особые экономические функции, сколько особый политический статус столицы карликового государства и главного укрепленного пункта на его тер-

ритории. Кстати, многие греческие полисы сохраняли этот свой первоначальный характер города-деревни (Stadt-Dorf, как говорят немцы) еще и в гораздо более поздние времена (в классическую и даже эллинистическую эпохи). Это и вынуждает меня искать некую альтернативу для традиционной экономической теории происхождения полиса.

Основным стимулом, вызвавшим к жизни ранний полис, была, в моем понимании, потребность в объединении и концентрации сил и средств, принадлежавших отдельным общинам, в интересах совместной защиты и совместной же экспансии против враждебного внешнего мира. В той крайне напряженной демографической обстановке, которая сложилась в Греции накануне Великой колонизации, полис призван был стать своеобразным инструментом борьбы за существование, за выживание множества разрозненных сельских общин, для которых единственным путем к спасению от грозящей им гибели было объединение вокруг новых укрепленных центров.

Выдвигая это положение, которое многие, вероятно, сочтут парадоксом, я отнюдь не претендую на оригинальность. Здесь уместно вспомнить, что уже Маркс в своей незаконченной работе „Формы, предшествующие капиталистическому производству“ охарактеризовал греческий и вообще античный полис как организацию, созданную, прежде всего, для войны. „Война, — писал он, — является той важной общей задачей, той большой общей работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы этот захват сохранить и увековечить“. Свое упущение я вижу в том, что слишком резко разделил и противопоставил в этой части диссертации факторы военно-политические и демографические и факторы собственно экономического порядка, хотя, если вдуматься, то для того времени, о котором мы сейчас говорим, война по праву должна быть признана одним из важнейших видов хозяйственной деятельности (эта мысль, кстати сказать, совершенно отчетливо звучит в только что цитированном высказывании Маркса).

Борис Борисович находит также, что в моей концепции про-

исхождения полиса осталась нераскрытой социальная основа этого явления. Не могу сказать, что эта сторона проблемы осталась совершенно незатронутой в диссертации, хотя, возможно, сделанные мною выводы были недостаточно ясно сформулированы и поэтому ускользнули от внимания моего уважаемого оппонента. Во избежание дальнейших недомолвок хочу теперь указать, что в решении этого вопроса я опирался на известные слова Маркса о том, что „экономической основой классического общества в наиболее цветущую пору его существования“ было „мелкое крестьянское хозяйство и независимое ремесленное производство“. Поскольку время, о котором идет речь в диссертации, довольно далеко отстоит от того, что Маркс называет „цветущей порой“ в истории античного общества, и торгово-ремесленная прослойка еще не могла считаться сколько-нибудь значительной социальной силой, на первый план, естественно, должно было выдвинуться свободное крестьянство. Оно-то и было, в моем понимании, социальной основой раннего полиса или тем, что можно назвать применительно к условиям того времени основным градообразующим элементом.

Правда, уже в гомеровский период крестьянская масса была далеко неоднородной. В ее среде шел интенсивный процесс социального и имущественного расслоения. Из нее уже выделилась прослойка родовой знати, а также слой зажиточных, хотя и не родовитых общинников. Однако эти две социальные категории, составлявшие в совокупности первый зачаток будущего класса рабовладельцев, еще не были сколько-нибудь резко обособлены от основной массы населения полиса. Напротив, еще в течение долгого времени этот эмбрион существовал и развивался в материнском лоне крестьянской полисной общины, используя ее в своих интересах и вместе с тем находясь в постоянной от нее зависимости.

Мне трудно поэтому согласиться с той оценкой, которую Борис Борисович дает в своем отзыве греческому полису. В его понимании он был, в первую очередь, „местом обитания господствующего класса, выделившегося из сферы непосредственного производства... и обраставшего бюрократическим аппаратом и

органами, обеспечивающими его власть". На мой взгляд, это определение приложимо скорее к микенской цитадели, но едва ли к классическому греческому полису, если оставить в стороне такие отклонения от нормы, как Спарта, где действительно прослеживается нечто подобное территориальному обособлению господствующего класса от всей остальной массы общества.

Что же касается других замечаний Бориса Борисовича, то я их с благодарностью принимаю и постараюсь учесть и использовать в своей дальнейшей работе над этой темой».

Председатель: «Борис Борисович, Вы удовлетворены ответом Юрия Викторовича?»

Академик Б. Б. Пиотровский:

«Думаю, что наша дискуссия могла бы занять целую сессию. Соискатель призывает меня к осторожности, а я призываю к осторожности его. Может быть, и не надо так настаивать на гомеровской доклассовости. Ситуация VIII века показывает, что вряд ли там были доклассовые формы общества. Моя точка зрения не может считаться общепринятой, и я, воспользовавшись сегодняшней защитой, ее высказал. Однако она ни в коей мере не влияет на мою самую высокую оценку диссертации Ю. В. Андреева. А насчет полиса как города-государства, я остаюсь при своей точке зрения. На всем земном шаре первая форма выделения господствующего класса и государства это — город-государство. Шумер, Египет, Йорубские города, Мексика показывают, что это был один из закономерных процессов становления классового общества».

Председатель: «Слово имеет официальный оппонент доктор исторических наук Игорь Михайлович Дьяконов».

Оппонентский отзыв

о диссертации Ю. В. Андреева «Гомеровское общество.

Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции в XI—VI вв. до н. э.», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук

«Общеизвестно, какую громадную роль сыграла древняя Греция в социально-политическом и культурном развитии человечества. Создавая всеобщую историко-материалистическую теорию, К. Маркс и Ф. Энгельс придавали Греции исключительное значение. В то же время есть отрезки истории древней Греции, понимание которых еще и сейчас не достигнуто нашей наукой. Уже после основополагающих работ К. Маркса и Ф. Энгельса, касающихся отраженного в гомеровских поэмах периода позднего варварства в Греции, а также возникновения вслед за тем классового общества в этой стране, в ней была открыта целая самобытная раннеклассовая цивилизация — крито-микенская. А она предшествовала гомеровскому обществу и погибла на несколько столетий раньше него. Таким образом, оказывается, что классовое общество возникло в послегомеровской Греции вторично. Характеру крито-микенской цивилизации в советской науке была посвящена дискуссия 1940 г., в которой и мне довелось участвовать. Историки-марксисты согласились в том, что эта цивилизация была раннеклассовой. Таким образом, имел место редкий в истории процесс падения раннеклассовой цивилизации, восстановления варварского общинного строя и возникновения новой классовой цивилизации, но уже в ранее неизвестных человечеству формах античного полиса. До работы Ю. В. Андреева с историко-материалистических позиций это явление еще не подвергалось всестороннему монографическому исследованию. В этом бесспорная и незаурядная *актуальность* диссертации.

В своем исследовании Ю. В. Андреев опирается на собствен-

ное блестящее и всестороннее знание материала, на основополагающие труды классиков марксизма и на советскую научную традицию. Советские ученые много сделали для изучения частных, хотя нередко очень важных, аспектов греческого общества от падения Микен до образования античного полиса, однако, частные исследования, даже очень существенные, не могли нам дать достаточно полной, убедительной и всесторонне обоснованной фактами картины; имелись случаи и упрощения весьма сложной исторической действительности той эпохи. Впервые автор настоящей диссертации представил картину целостную и концепцию, глубоко обоснованную. Он нашел новый и, по моему убеждению, единственно правильный ключ к проблеме, и в этом *новизна* диссертации.

Нечего и говорить, что концепция автора может и должна найти *практическое* отражение в преподавании истории античного мира.

Теперь конкретно о содержании диссертации — или, вернее, о тех заложенных в ней идеях, которые показались мне наиболее важными, поскольку после вводного слова автора и выступления первого оппонента пересказывать ее Главы, каждую по отдельности, вряд ли необходимо. Итак, остановлюсь на том, что мне кажется главным в диссертации.

Введение к ней, помимо постановки проблемы и истории вопроса, содержит также новые предложения по периодизации послемикенского периода истории Греции. Прежде всего, Ю. В. Андреев иначе, чем его предшественники, определяет хронологические рамки так называемого „гомеровского периода“, а именно: от конца X по конец VIII в. до н. э. Хотя это находится в некотором противоречии с принятой археологической периодизацией, однако, историк вправе исходить из своих, собственно исторических критериев, и мне доводы автора кажутся убедительными. В самом деле, в течение X в. еще продолжались этнические передвижения и демографические изменения, вызванные впервые еще за двести лет до этого катастрофическим падением микенской государственности; с начала VII в. до н. э. начинаются новые этнические передвижения и демографиче-

ские изменения, связанные с завершением генезиса античного полиса и началом Великой колонизации. Именно эта эпоха, к концу которой, по общему сейчас мнению специалистов, относится время жизни автора или авторов „Илиады“ и „Одиссеи“, как показывает Ю. В. Андреев, и отразилась в эпосе наиболее непосредственно, в отличие от окаменелых традиционных элементов, сохранившихся в нем от микенского и субмикенского периодов; но кроме того, именно это был период наиболее стабильного существования архаического предполисного общества. Таким образом, вместо расплывчатой картины четырех или пяти столетий, гомеровские поэмы оказываются рисующими гораздо более определенные очертания всего двух столетий, а предшествующие периоды оказываются отраженными в них только отрывочно, в меру сохранности определенных древнейших эпических формул и пассажей.

К заслугам автора относится его бережное отношение ко всему ценному, что имеется в трудах его предшественников, даже тех, с кем он далеко не во всем согласен; к его заслугам относится также очень четкое доведение до сознания читателя того факта, что гомеровские поэмы — не документальный источник, а поэтическое произведение. Он наглядно показывает, в чем именно и почему преобразалась в поэзии историческая действительность; тем самым достоверность материала, отобранного историком из эпоса по ясно установленным принципам, заметно повышается (я имею в виду *первую главу* диссертации).

Вторая глава посвящена собственно истории всей послемикенской эпохи. В советской научной литературе столь полного и четкого изложения истории Греции „субмикенского“ и последующего периодов, как мне кажется, еще не было.

В этой главе развивается уже затронутая автором во введении центральная историческая идея диссертации. Передам здесь эту идею кратко и собственными, а не авторскими словами, так, как я ее понимаю. Надеюсь, что не искажу ее. Как мне кажется, ее можно изложить в виде нескольких пунктов.

1). Микенская цивилизация была, подобно цивилизациям древней Передней Азии III и II тыс. до н. э., двухсекторной и

состояла из централизованного, или дворцового сектора, и децентрализованного, или общинного сектора.

2). Как и в ряде ранних древневосточных цивилизаций, в общинном секторе классовое расслоение ощущалось весьма слабо, так что он может, с некоторым упрощением, условно рассматриваться внутри раннерабовладельческой экономической структуры как законсервированный первобытно-общинный уклад.

3). Разрушение микенской цивилизации привело к полному уничтожению централизованного, или дворцового, сектора при сохранении (в значительной мере) сектора общинного.

4). Классовое рабовладельческое общество вновь создается в Греции в гомеровский период, но уже на основе односекторной общинной экономики, что, конечно, наряду с некоторыми другими факторами, и позволило создаться античному полису, не знавшему централизованного (храмово-дворцового) сектора. (Из других факторов следует подчеркнуть бурное развитие товарного производства, в основном уже в послегомеровскую эпоху).

5). В условиях односекторной экономики развитие классовых отношений приводит к смене общинных связей полисными, что допускало широкое развитие частного, типично античного рабовладения в рамках полиса (а вместе с тем, опять-таки и товарного производства).

Я надеюсь, что я достаточно точно изложил идею автора диссертации. Мне такое решение проблемы представляется основательным с фактической стороны, простым, изящным, вполне убедительным и полностью соответствующим теоретическим положениям исторического материализма.

Мне кажется, можно несколько уточнить положение автора насчет уникальности всего этого процесса. Он действительно, пожалуй, уникален в том, что почти нигде больше не сложилась без внешнего влияния античная разновидность древнего полиса (и всего древнего общества). Однако гибель дворцового сектора при сохранении общинного, по-видимому, имела место и в Индии на грани III и II тыс. до н. э., и этот же сектор был близок к гибели около того же времени также и в Месопотамии. Неясно,

сохранился ли этот сектор в Финикии и Палестине после вторжения „народов моря” в XII в. до н. э.

Приведенные выше пять пунктов далеко не исчерпывают новизну и богатство идей Ю. В. Андреева, изложенных им как в этой, так и в следующей, *третьей главе*, посвященной начальным этапам становления архаического полиса. Весьма важны его соображения о временном сокращении контактов Греции с другими цивилизациями, как об одном из факторов, стимулировавших раннее развитие железного века в Греции; наблюдения о различных типах поселений в этом регионе, и т. д. и т. п.

Но особо следует выделить его мысль о том, что микенское укрепленное поселение и, тем более, прото-полис переходного периода „едва ли может считаться городом в собственном значении этого слова”, поскольку его жители были по преимуществу заняты в сельскохозяйственном производстве. В связи с этим, по мнению Ю. В. Андреева, образование полисного города-государства идет, с одной стороны, по линии политической интеграции более мелких прото-полисных структур, с другой же — по линии „внутренней колонизации”, т. е. расселения из полисного центра части его жителей, которые образуют более мелкие жилые скопления, зависящие от центрального полиса. Таким образом, полис, по существу, образуется либо из слияния нескольких прото-общин, либо из разрастания некоторой единой, более древней прото-общины. Эти прото-общины имели в том и другом случае выраженный сельско-общинный характер. Если раньше никаких поселений, кроме прото-полисов (прото-общин), не существовало, то с созданием полиса как города-государства впервые возникает собственно село, комэ, сельская община, как противостоящая городской общине, или собственно городу.

Думаю, что эту мысль автора следует всячески поддержать. Она подкрепляется многочисленными древневосточными аналогиями. В рассмотрении периода, предшествовавшего исследуемому, а именно микенского, диссертант неоднократно обращается к древневосточным аналогиям, но, по традиции, больше затрагивает такие классические, центральные ближневосточные

цивилизации, как Месопотамия и Египет. Уже здесь автор легко может найти подкрепление своих мыслей — хотя бы в том факте, что древняя Передняя Азия в течение всего периода от III до начала I тыс. до н. э. не знала терминологического различия, которое соответствовало бы античному противопоставлению: „полис — комэ“, или нашему: „город — деревня“ — во всех древних языках Западной Азии для таких понятий есть только *один* термин. К сожалению, Ю. В. Андреев не привлек, пожалуй, более близких к Греции хеттских и особенно хурритских аналогий: здесь он нашел бы наглядный, живой документальный материал о том, как функционировало общество, весьма похожее на микенское, а в этом общинном секторе — и на гомеровское, общество, главной хозяйственной ячейкой которого была большая патриархальная семья. Что сходство с самой ранней Грецией было особенно велико именно на периферии „речных цивилизаций“ — не удивительно: ведь и само крито-микенское общество тоже, несомненно, составляло прямую часть этой периферии.

Для востоковедов чрезвычайно ценна мысль Ю. В. Андреева о том, что в нашем распоряжении нет никаких данных о кастовой стратификации гомеровского общества. Думаю, что и в микенском обществе, вопреки общепринятому мнению, ни воины, ни жрецы не образовывали ничего подобного кастам. С легкой руки Дюмезиля и его учеников, базирующихся преимущественно на индо-иранском материале (хотя привлекающих также греческий и германский), сейчас модно искать кастовый строй уже у носителей индоевропейского праязыка, т. е. в позднем неолите. Как представляется, эти поиски основаны на ложных толкованиях имеющихся фактов, во всяком случае, за пределами индо-иранской цивилизации. Однотипные с микенским общества в Передней Азии II тыс. до н. э. знали (помимо рабов) только деление общества на *царских людей* и *общинных людей*, а жрецы даже в классических обществах Месопотамии не только не составляли касты, но были лишь чиновниками при божествах.

Я не стану здесь останавливаться подробно на главах с *четвертой* по *шестую*, посвященных собственно гомеровской пат-

риархальной общине, — в терминологическом, социальном и политическом плане. Скажу только, что с положениями автора, выдвинутыми в этих главах, я согласен. Согласен я и с тем, как Ю. В. Андреев характеризует во втором разделе шестой главы так называемую „военную демократию“ и, в частности, народное собрание эпохи военной демократии. В точности ту же картину мы видим на заре истории Шумера, да и всех других древних обществ Западной Азии. Я, правда, склонен к некоторому терминологическому консерватизму и мне кажется, что, коль скоро мы уже имеем ясное определение того, что в действительности кроется за понятием „военной демократии“, то нет особой необходимости отказываться от привычного термина, лишь бы он не вызывал недоразумений. Но с существом объяснения диссертанта я могу только согласиться.

Переходя к *заклучению*, я должен сказать, что диссертант, пункт за пунктом, убедил меня во всех своих выводах. К диссертации в целом я хотел бы сделать лишь несколько небольших замечаний или дополнений.

Ю. В. Андреев обладает ценнейшим для историка качеством: наглядно, конкретно видеть и показывать то, что он описывает. Диссертация читается с истинным увлечением. Но есть один пункт, в котором конкретное видение происходящего изменяет автору: это касается конкретного раскрытия сути описываемых им миграций. Напрасно в этой связи он вводит понятие кочевничества: термин этот имеет в истории Востока совершенно определенное содержание. Кочевничество предполагает регулярные сезонные перекочевки по кругу вместе со скотом. Мигранты „субмикенского периода“ никак не могут сравниваться с кочевниками. В то же время мы знаем, что миграция во все времена была весьма мало типична для оседлого земледельческого населения — разве, когда речь идет о бегстве от врага или насильственном выселении, но это не совсем миграция. Поскольку же автор поднял проблему морских и сухопутных миграций в контексте социального развития общества от микенского к архаическому периоду, желательно было бы если не ответить на вопрос о механизме этих миграций — это, вероятно, пока еще не-

возможно — то хотя бы поставить его. Без понимания экономического механизма миграций нельзя понять ни их темпа, ни последствий. Все упирается в экономическую цель и в экономическое обеспечение миграций. Здесь возникает множество вопросов, на которые — я хотел бы повторить — вряд ли кто сейчас решился бы ответить, но хотелось бы, чтобы автор не обходил эти трудности как бы незамеченными, а указывал бы, что они нуждаются в обдумывании и изучении.

Другое замечание относится не столько даже к самому автору диссертации, а вообще к нашим историкам древности. Железо дешевле и доступнее меди, но технологически как материал для орудий и оружия оно *не превосходит* меди или, тем более, бронзы. Превосходит ее лишь *сталь*. Стоило бы отметить, что производство именно стали описано уже в „Одиссее“. И если мы заговорили о металлах, то отмечу, что сейчас историки и археологи-востоковеды сомневаются в том, что медные рудники Кипра эксплуатировались уже во II тыс. до н. э.; медь этого времени происходит из восточной Малой Азии, с Синая, из Аравии, но, видимо, не с Кипра. С Кипром, кстати, обитатели эгейского бассейна вряд ли когда-либо и теряли контакт, а субмикенская керамика была занесены „народами моря“ не только на Кипр, но даже в Сирию и Палестину. Мне кажется, что потеряна была связь не с месторождениями меди, а с месторождениями олова и мышьяка, без чего медные изделия оказываются слишком мягкими. Испанское же олово было найдено финикийцами не ранее VIII в. до н. э.

Третье замечание: хотя археологи пока не нашли следов поселений на месте ионийских городов ранее XI в., однако, Милаваттас и Апасас, упоминаемые в хеттских источниках еще XIII в. до н. э. в качестве „городов“ Западной Малой Азии, все же, вероятно, являлись предшественниками Милета и Эфеса. Правда, это связано со сложной проблемой — что за царство хетты называли Аххиявой: ахейское или какое-нибудь другое? По этому вопросу много написано, но мы мало продвинулись вперед, в сторону какого-либо решения, и автор благоразумно делает, что оставляет всю аххиявскую проблему в стороне.

Больше замечаний у меня нет. Мне кажется, что перед нами прекрасная докторская диссертация, и мне доставляет удовольствие просить Ученый совет проголосовать в пользу присуждения ее автору искомой степени.

Автореферат полностью соответствует тексту диссертации».

Ст. н. с. ЛО ИВ АН СССР
Доктор исторических наук И. М. Дьяконов
1.11.1979

В дополнение к сказанному я позволю себе несколько вторгнуться в возникшую здесь дискуссию. Процесс классового или государственного образования есть процесс сложный. Очень трудно указать, где начинается государство и классовое общество, тем более что этот период бывает обычно плохо освещен документально. Мне кажется, что классовый антагонизм предполагает неравное распределение продуктов, а это невозможно без применения насилия со стороны господствующего класса и, следовательно, каких-то государственных форм. Поэтому для меня теория классового общества без государства представляется непонятной. Я не могу согласиться также с тем, что город-государство был прежде всего обиталищем господствующего класса. Я протестую от имени Шумера, который дает нам первый в истории образец города-государства. В шумерском городе жили все: и бедные, и богатые, и знать, и рядовые общинники.

Председатель: «Слово для ответа на замечания, имеющиеся в отзыве официального оппонента, имеет соискатель».

Ю. В. Андреев:

«Я считаю своей большой удачей то, что моя диссертация привлекла к себе внимание двух крупнейших наших востоковедов: Бориса Борисовича Пиотровского и Игоря Михайловича Дьяконова. Только в широком контексте истории всего Древнего Мира может быть по настоящему понята уникальность исторических судеб греческой цивилизации, уникальность обстоя-

тельств, ее породивших. И далеко не последнее слово в оценке этого феномена должно, по-моему, принадлежать представителям востоковедческой науки, обладающей сейчас такими огромными запасами информации о древнейших человеческих обществах, которые нам, античникам, едва ли когда-нибудь будут доступны.

Как известно, Игорь Михайлович, который по праву должен считаться одним из главных созидателей и хранителей этих богатств, обычно щедро делится ими со всеми, кто жаждет знания. Кое-что досталось сегодня и на мою долю, и я могу сейчас только выразить свою глубочайшую признательность за все те интересные параллели и аналогии, которыми Игорь Михайлович подкрепляет и дополняет отдельные положения моей работы.

Не меньшую ценность имеют для меня и некоторые критические замечания моего уважаемого оппонента, поскольку за каждым из них стоит богатейший опыт исследовательской работы, охватывающей чуть ли не всю тысячелетнюю историю Древнего Востока. Спорить с такими замечаниями, естественно, очень трудно, если не совершенно бесполезно. Поэтому я сразу же признаю, что, видимо, и в самом деле, все употребил термин „кочевники“, говоря о миграциях конца II тыс. Игорь Михайлович, безусловно, прав, полагая, что слово это, если использовать его в его строго научном значении, не передает существа происходивших в это время миграционных процессов. Откровенно говоря, я не знаю, чем было бы можно его заменить. Греки, например, Фукидид использовали применительно к таким ситуациям слово μεταναστώσις. Надо подыскать для него какой-нибудь подходящий синоним в русском языке. Я совершенно согласен также и с тем, что сам механизм миграций нуждается в более глубоком исследовании.

Что касается железа и стали, то здесь мне хотелось бы высказать одно встречное соображение: когда в IX столетии прерванные контакты между Грецией и Востоком возобновились и изделия из бронзы, в XI-X вв. почти совершенно вышедшие из употребления, появились снова, железо продолжало сохранять свое безраздельно господствующее положение в производстве

всех рубящих и режущих орудий, очевидно, окончательно доказав свое превосходство над бронзой. Отсюда можно заключить, хотя археология пока и не дает прямых подтверждений этой догадки, что производство стали или какого-то особо твердого железа было освоено еще в догомеровские времена, и Гомеру оставалось лишь констатировать это, как давным давно известный факт, избрав слово σίδηρος (железо) синонимом твердости. Соображения Игоря Михайловича по поводу возможных источников меди и олова в странах Восточного Средиземноморья во многом совпадают с тем, что уже говорил сегодня и Борис Борисович, и мне остается лишь с благодарностью их принять. Позволю себе в связи с этим одно маленькое уточнение: „народы моря“, если только это были они, занесли на Кипр, а также в Сирию и Палестину не субмикенскую керамику, а керамику так называемого Позднеэлладского III В и С стиля, датированного концом XIII—XII вв. В XI в., т. е. в субмикенский период, связи Греции с Кипром, возможно, еще сохранялись, но были очень слабо выражены, с Сирией же и Палестиной явно не было никаких связей.

По поводу того, что Милаваттас и Апасас в хеттских табличках могут считаться предшественниками ионийских Милета и Эфеса, у меня нет никаких возражений (на месте Милета, действительно, было открыто поселение микенского времени). Однако прямой связи между ними, по-видимому, не было (археология не дает пока никаких оснований для такой догадки) и оба эти города, вероятно, были основаны заново в XI или X вв.

В заключение я хочу поблагодарить Игоря Михайловича за ту поддержку, которую он оказал мне сейчас в моем споре с Борисом Борисовичем Пиотровским.

Председатель: «Игорь Михайлович, Вы удовлетворены ответом соискателя?»

Д. и. н. И. М. Дьяконов: «удовлетворен».

Председатель: «Слово для прочтения отзыва отсутствующего официального оппонента доктора исторических наук, профессора Георгия Львовича Курбатова имеет ученый секретарь»*.

Председатель: «слово для ответа на замечания, имеющиеся в отзыве официального оппонента, предоставляется соискателю».

Ю. В. Андреев:

«Прежде всего я должен выразить самую глубокую признательность моему оппоненту за то, что находясь в столь тяжелом положении, в ожидании серьезной операции, он все же нашел в себе силы для того, чтобы не только прочесть мою диссертацию, но и написать на нее обстоятельный и, вне всякого сомнения, хорошо продуманный отзыв. Мне кажется, что Георгий Львович очень верно уловил и прекрасно сформулировал почти все наиболее важные и интересные, с моей точки зрения, идеи диссертации. Такое глубокое проникновение в суть моей работы не может не радовать меня как автора. Очень ценна для меня также и высказанная Георгием Львовичем в его отзыве мысль о том, что отдельные положения моей диссертации могут оказаться полезными не только для историков античности, но и для представителей других смежных специальностей, в том числе и медиевистов.

Замечания Георгия Львовича по поводу некоторых уязвимых сторон моей работы в целом представляются мне справедливыми. Я совершенно согласен с моим уважаемым оппонентом в том, что научные труды таких известных западных историков, как Финли, Старр, Снодграсс и ряда других, заслуживали более обстоятельного разбора и оценки, нежели это сделано в моей диссертации. В свое оправдание могу сказать лишь то, что я был поставлен в крайне затруднительное положение действующими сейчас жесткими нормативами, определяющими максимальный объем докторской диссертации. Литература по истории так на-

зываемых „Темных веков» и гомеровской эпохи огромна. Подробный обзор одних только новейших исследований, опубликованных за последние годы, занял бы очень много места. Поэтому во введении мне пришлось ограничиться краткой характеристикой важнейших научных концепций гомеровского общества, получивших более или менее широкое распространение как в советской, так и в зарубежной историографии, сделав главный упор на отечественную литературу. В какой-то мере я пытался компенсировать этот вынужденный лаконизм своего историографического обзора с помощью кратких экскурсов в историографию основных проблем, рассматриваемых в последующих разделах диссертации.

Что касается вопроса о надежности устанавливаемых мною хронологических рамок послемикенской эпохи и гомеровского периода, то этот вопрос здесь уже сегодня достаточно подробно дискутировался, и я не буду снова к нему возвращаться. Конечно, все используемые мною даты весьма приблизительны и могут расцениваться только как более или менее правдоподобная гипотетическая конструкция. Отсюда, однако, не следует, что эти даты не имеют никакой реальной силы и могут быть легко и просто заменены какими-нибудь другими. В каждом отдельном случае я мог бы привести совершенно конкретные доводы в пользу той или иной принятой мною датировки, и сегодня я уже пытался это сделать, доказывая, например, что VIII век может и должен считаться интегральной частью гомеровского периода. Правда, в самой диссертации я в основном старался избегать сколько-нибудь пространных хронологических выкладок, руководствуясь отчасти все теми же соображениями о необходимости экономии места, отчасти же тем, что многое в этой области было уже сделано моими предшественниками. Поэтому во многих случаях я просто ограничивался ссылками на уже имеющуюся литературу.

Я согласен также и с тем, брошенным вскользь замечанием Георгия Львовича, что вклад микенской эпохи в общий процесс становления классового общества на территории Греции заслуживает более внимательного изучения и мог бы быть более ясно показан в диссертации. Могу сказать только, что меня этот воп-

* К сожалению, в стенограмме защиты, хранящейся дома, отзыв Георгия Львовича отсутствует. — Л.Ш.

рос занимает чрезвычайно, и я надеюсь, что мне еще удастся вернуться к нему в моей дальнейшей работе.

В заключение хочу еще раз поблагодарить Георгия Львовича за тот большой труд, который он вложил в свой отзыв о моей работе, и пожелать ему скорейшего выздоровления».

Председатель: «Слово имеет дополнительный официальный оппонент, доктор филологических наук, профессор Аристид Иванович Доватур».

Отзыв

о диссертации Ю. В. Андреева «Гомеровское общество (основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции в XI—VIII вв. до н. э.)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук*

«Задача, таким образом поставленная, вызывает у читателя определенные ожидания. Во-первых, требуется ответ на вопрос источниковедческого порядка: что представляет собой источник, каким пользуется историк. Во-вторых, что дает по теме работы этот источник и какие коррективы следует ввести в сообщения источника, принимая во внимание его характер. Третье требование — выяснение того, как социальные и политические особенности изучаемого периода относятся к особенностям предшествовавшего периода. Наконец, четвертое — из каких элементов изучаемого периода вырастают основные элементы последующего периода.

Ожидания читателя не остаются неудовлетворенными. Гомеровские поэмы, главный — наряду с археологическим материалом — источник для Ю. В. Андреева, на протяжении всей работы находится в поле зрения автора и служит основой для его суж-

дений. Автор нигде не упускает из виду самую природу своего источника, время от времени напоминает себе и читателям, что поэмы Гомера — не документальный источник, а художественное произведение. Другая сторона этого источника — его определенная социальная позиция, налагающая свою печать на все его изложение. Наконец, третье — стремление Гомера дать изображение блистательного прошлого, имея о последнем довольно смутные представления, в результате чего картины Гомера оказываются амальгамами из разнородных элементов прошлого и настоящего. Привлекая большое количество ученой литературы, новые и новейшие труды по истории и археологии, автор представленной работы, в результате тонкого анализа имеющихся данных извлекает из Гомера нужное ему изображение гомеровского общества. В должных местах он предупреждает нас о большей или меньшей прочности своего построения, о большей или меньшей его надежности в зависимости от количества и качества информации, доставляемой литературным или археологическим источником.

Автор — решительный противник теорий „прямолинейного непрерывного развития“, которые сравнительно недавно еще господствовали в нашей исторической науке и иногда дают себя знать и в настоящее время. Для него послемикенская эпоха — период регресса, обусловленный узостью социальной базы микенского общества. Микенская монархия с характерной для нее дворцовой культурой представляла собой, по словам автора, „своеобразный паразитический нарос на основном общинном субстрате раннегреческого общества“. В гомеровский период, т. е. в два последние столетия послемикенской эпохи (IX—VIII вв.) наблюдается, несмотря на глубокий упадок во всех областях жизни, внутреннее перерождение первобытно-общинного строя, появление нового типа государства — полис, возникший в конце гомеровской эпохи, знаменует собой рождение нового этапа в истории греческого народа и греческой цивилизации, которые не таили в себе зародышей своей гибели (как это было с дворцами микенской поры и их цивилизацией). Греческий полис вырос органически из самих основ жизни греческого народа.

* Благодарю Александра Николаевича Васильева за предоставление ксерокопии отзыва, хранящегося в архиве Аристида Ивановича Доватура в СПб. ИИРАН. - Л.Ш.

Под таким углом зрения рассматривает Ю. В. Андреев падение микенской цивилизации и историю Греции в переходный период.

Внешнюю историю падения микенских государств в настоящее время, по мнению автора, осветить невозможно; во многом неясен и последующий период. С интересом относится автор работы к имеющейся в настоящее время тенденции объяснять элементы культуры „темного века“ как результат возрождения полузабытых традиций местного населения. Любопытен рассуждения автора по вопросу о том „культурном багаже“, с которым в самом начале I тысячелетия греческое общество вступило в новую фазу своей истории (стр. 78 сл.). Проследив черты сходства культуры этого периода с культурой так называемого „среднеэлладского“ периода (XX-XVII вв. до н. э.), Ю. В. Андреев задается вопросом, не вернулась ли Греция в XI в. к тем исходным культурным позициям, с которых началось становление микенской цивилизации. Анализ имеющихся данных не позволил исследователю признать полное совпадение условий жизни обоих периодов. Регресс „темного периода“ не был полным и абсолютным. Два момента заслуживают особого внимания: во-первых, накопленный технический потенциал не был полностью утрачен (как бы ни были незначительны сами по себе сохраненные навыки — металлурги освоили технику выплавки и обработки железа); во-вторых, изменения в характере греческой земледельческой общины, произошедшие во время существования микенских государств, удержались, несмотря на все потрясения. Новый период истории греческого народа начинался не при тех же условиях, какие были в начале микенского периода. Широкое внедрение железа в ремесленное производство является важным симптомом нового пути развития, по которому пошла греческая культура.

Так смотрит Ю. В. Андреев на связь изучаемого им периода истории с предыдущим периодом. Что касается послегомеровского периода, то здесь теснейшая связь периодов обусловлена рождением той формы социального и политического быта греков, какой является полис. Опираясь в значительной степени на данные раскопок, производившихся в разных частях греческого

мира, автор работы прослеживает, насколько это возможно, типы первоначальных полисов; здесь — убедительная полемика против тех, кто хочет видеть в древнейших полисах место жительства аристократической элиты; полис состоял не из цитадели, а из поселений рядовых земледельцев, при чем от более ранних поселений полисы отличались лишь своим расположением на возвышенности и наличием примитивных укреплений (стр. 136). Источники дают автору работы опорные пункты для определения гомеровского демоса как одной из разновидностей территориальной сельской общины; для уяснения природы клера, который был когда-то участком, полученным по жеребьевке, но во времена Гомера был уже неотчуждаемой собственностью (стр. 185); для утверждения, что „семья, дом и надел выступают как неразрывное единство, как целостная хозяйственная ячейка“ (стр. 188 сл.); для анализа основных структурных элементов гомеровской общины (стр. 209 сл.). Наблюдения и замечания автора многочисленны и интересны. Нет ни надобности, ни возможности перечислять их, можно отметить лишь некоторые из них. Единственная боевая единица, которая выступает у Гомера как нечто реальное — „дружина“ (совет Нестора строиться по родовым единицам звучит на фоне всей „Илиады“ как архаизм — II, 362 сл.). Поведение женихов в доме Одиссея вызывает протест поэта не как чистый произвол, а как злоупотребление старинным обычаем (Одиссея, II, 138 сл.; стр. 234). Дружина — временное объединение добровольцев под командой начальника для какого-нибудь опасного предприятия. Городскую общину Ю. В. Андреев определяет как социальный организм, в основе которого был более или менее сложный конгломерат патриархальных семей (стр. 243). „Основной социологический парадокс гомеровской поэзии состоит в том, что аристократия в ней практически подменяет собой общину и, если можно так выразиться, уподобляет ее себе“ (стр. 251); „антиаристократическое выступление Терсита выглядит как какой-то внезапный прорыв в историческую реальность“ (стр. 252).

Феакийское общество, описанное в Одиссее — дает нам идеальную картину аристократического уклада. Разбирая глубоко

укоренившуюся в исторической науке схему — греческое общество идет от монархии к аристократии, автор работы находит ее ошибочной (стр. 314). Основная погрешность, допускаемая сторонниками этой формулы, та, что они не учитывают характера той монархии, о которой они говорят. Археология не знает ни одного памятника, поставленного древним басилеем, что само по себе уже свидетельствует об ограниченности средств, какими он располагал. Характерна для этих басилеев — их зависимость от возглавлявшейся ими общины. Специально разбирается в работе вопрос о народном собрании в гомеровское время (стр. 329 сл.). Констатируется совпадение понятий „община" и „демос". Народное собрание (агора), где царит свобода речи, решает важнейшие вопросы. Все же фактические гомеровские герои сильнее народа, народ пассивен, он лишь иногда поддается влиянию стихийных страстей. Идеальная община, в понимании Гомера, это община, руководимая небольшой группой „лучших людей". Пассивность и бессилие народа нельзя считать продуктом поэтического вымысла. Эта слабость — признак процесса распада общины (стр. 354). Главной ареной политической борьбы была agora (стр. 363).

Не все, о чем мы читаем в работе Ю. В. Андреева, можно назвать оригинальным. В ряде случаев он подхватывает чужие мысли или присоединяется к чужим мнениям. Однако, при этом никогда усвоение результатов чужих трудов не является у него механическим. Заимствованные положения всегда оказываются для него исходным пунктом для собственных размышлений: они у него углубляются, расширяются, обрастают доказательствами, дополнительными данными. Так чужое становится своим и уподобляется собственным оригинальным достижениям.

С полным основанием автор диссертации говорит о своеобразии исследуемого им периода греческой истории: мы наблюдаем здесь редкое явление в истории — повторное возникновение классов и государства после длительного перерыва в их развитии, когда греческое общество оказалось отброшенным назад на стадию первобытного строя. Учет специфических условий, в которых жило послемикенское общество, отличных от

условий микенского общества, позволил диссертанту найти свою принципиальную точку зрения на особенности изучаемого им периода. В конце гомеровского периода (IX-VIII вв.) возникает новый тип государства — полис как прямое порождение первобытной общины; ввиду этой своей особенности полис, в противоположность микенской монархии, отличается исключительной жизнеспособностью и избежал участи микенской монархии, не связанной органически с общинным субстратом раннегреческого общества. Трудно оспаривать эту основную точку зрения диссертанта, на которую он стал не априорно, а в результате длительного вдумчивого освоения исторических данных.

Общий вывод: широко поставленная задача решается самым основательным образом путем привлечения богатого разнообразного материала, критически продуманного и приведенного в надлежащих местах в качестве надежной аргументации. Работа представляет собой солидный научный труд и вполне достойна быть представленной в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Некоторые замечания, не затрагивающие общие достоинства работы, могут быть вызваны знакомством с ней.

Там, где автор говорит о вторжениях и переселениях племен, он оставляет без внимания свидетельства античных авторов о каких-то чуждых грекам этнических вкраплениях в Греции (так называемые пелазги; некоторые фракийские реликты). Может быть краткое упоминание о них (хотя бы в том смысле, чтобы предотвратить всякое подозрение об участии их в разрушении микенских дворцов) было бы не лишним.

Сближение тирании с монархией недостаточно обосновано в диссертации: действительно одни авторы называют царем Фидона, другие тираном, но серьезно считаться мы должны с Геродотом, который называет Фидона тираном. Вообще ранняя тирания — специфическое, притом довольно кратковременное явление, эпизод в борьбе демоса за свои права в полисе, а то, что нам о ней известно, не может быть основанием говорить о ней как о наличии монархии. Неустойчивость в наименовании тиранов у некоторых поздних авторов ничего не доказывает.

Все эти замечания, возникшие в процессе чтения диссертации, не имеют принципиального значения и не могут снизить общей оценки представленной Ю. В. Андреевым работы.

Труд, созданный Ю. В. Андреевым, несомненно, — ценный вклад в литературу о Гомере.

Автореферат полностью отражает содержание диссертации».

*Доктор филологических наук профессор
А. И. Доватур
26 октября 1979 г.*

Председатель: «Слово для ответа на замечания, имеющиеся в отзыве официального оппонента, представляется соискателю».

Ю. В. Андреев:

«Должен признаться, что я с особой тревогой ожидал того, что скажет о моей работе А. И. Доватур. Ведь в его лице здесь представлена сама классическая филология, т. е. та наука, в лоне которой уже много лет назад и зародился так называемый „гомеровский вопрос“. Я рад, однако, был убедиться в том, что в главном мнении Аристиде Ивановича о моей работе не разошлось с мнением других оппонентов. Я тем более благодарен Аристиду Ивановичу за его отзыв, что ему пришлось совершенно неожиданно для себя выступать в роли оппонента на сегодняшней защите. Это не помешало ему, однако, весьма основательно изучить диссертацию и сделать по ней ряд ценных замечаний.

Попытаюсь ответить на прозвучавшие в отзыве суждения критического порядка.

Вопрос, возникающий в связи с проблемой переселения племен: какую роль могли сыграть в драматических событиях, разыгравшихся в Греции в период падения микенской цивилизации, пелазги и фракийцы, о которых, правда, глухо и неясно упоминают некоторые античные авторы? Действительно, в науке уже предпринимались попытки переложить ответственность за катастрофу, постигшую микенские государства, на эти загадочные племена. Попытки эти, однако, производят не очень

убедительное впечатление. Поэтому я и не стал на них специально останавливаться.

Замечание Аристиде Ивановича, касающееся монархии, тирании и Фидона Аргосского, основано, как мне показалось, на недоразумении. Я отнюдь не утверждаю, что монархия и тирания были для древних вполне равнозначными понятиями или что вообще это — вещи совершенно идентичные. Все, что я хотел сказать в том месте, на которое обратил внимание Аристид Иванович, сводится к одной мысли: в гомеровскую эпоху настоящей монархии в Греции еще не было, хотя многие западные историки до сих пор уверены в обратном. Реальная возможность установления монархического режима появилась лишь в VII столетии, когда в Коринфе, Сикионе и ряде других городов к власти пришли первые тираны. Правда, настоящей институтированной монархией тирания так и не стала, но возможность такого перерастания, несомненно, существовала, и я думаю, что Аристид Иванович не будет это отрицать. Как бы ни поносили греческие философы тиранию и как бы ни противопоставляли ее подлинной легитимной монархии, их никогда не покидало сознание близкого родства этих двух форм единоличной власти так же, как и возможности их перехода друг в друга».

Председатель: «Аристид Иванович, Вы удовлетворены ответом соискателя?»

Д. филолог, н., проф. А. И. Доватур: «Вполне удовлетворен».

Председатель: «Продолжим дискуссию. Кто желает взять слово? Слово имеет доктор исторических наук, ст. н. с. Института Востоковедения АН СССР А. Г. Лундин».

Д. и. н. А. Г. Лундин:

«Работа Юрия Викторовича представляет собой важный вклад в марксистское антиковедение и в изучение истории древней Греции, о чем здесь много говорилось. Я хотел бы обратить внимание на тот интерес, который она представляет для историков

древнего Востока. Автор формулирует свою задачу как выяснение причин создания „неповторимого феномена“ античной цивилизации. Это неизбежно приводит к необходимости показать отличие этих причин от причин, действовавших в других, особенно в синхронных цивилизациях древнего Востока. Правда, в самой работе такое сравнение не проведено, что, впрочем, не обедняет работу: античная цивилизация, даже при отказе от европоцентризма остается эталоном истории Древнего Мира хотя бы в отношении обеспеченности источниками и уровня изученности.

Юрий Викторович выделяет, насколько я могу судить, два фактора, определивших своеобразие греческой цивилизации: широкое распространение железа и „крайне редко встречающийся в истории человечества феномен повторного возникновения классов и государства“. Однако можно найти и другую цивилизацию, в истории которой действовали эти два фактора. Это — иудейско-израильское царство, сложившееся на рубеже II-I тыс. до н. э. в условиях железного века и в условиях завоевания Палестины иудейско-израильскими племенами, находившимися еще на стадии доклассового общества и разрушившими существовавшие ранее государства, хотя, может быть, не столь основательно, как дорийское завоевание — микенскую культуру.

Нужно отметить, однако, что развитие этого общества при значительном сходстве с античным пошло все же по иному пути: там не возникли в таком количестве, как в Греции, суверенные города-полисы, хотя городская организация, в общем, была весьма близка к полисам.

Можно назвать еще одну древневосточную цивилизацию, синхронную греческой, которая может послужить образцом для сравнения — южно-аравийскую цивилизацию. Здесь также возникновение классов и государства происходило в начале I тыс. до н. э. (хотя и не повторное) и, вероятно, в условиях железного века (хотя недостаток археологических исследований не позволяет уверенно ответить на этот вопрос). И можно сказать, что южноаравийское общество обнаруживает, насколько можно судить, более значительное сходство с античной цивилизацией

(особенно в плане развития и роли городских общин). В частности, отчетливо прослеживается роль синойкизма в образовании города-государства.

В этой связи я позволю себе высказать пожелание по поводу дальнейшей работы диссертанта. При сравнении античной цивилизации с южноаравийской вызывают интерес надполисные организации идеологического и культового характера, играющие и какую-то политическую роль. В древней Греции они существовали: можно назвать дельфийский оракул, олимпийские игры и подобные им региональные игры. Они, конечно, слабо отразились в поэмах Гомера и соответственно совершенно обойдены в диссертации. Мне кажется, что этот сюжет заслуживает самого пристального внимания и исследования.

Утверждение диссертанта, что „переход со стадии сельской общины на стадию города-государства не сопровождался сколько-нибудь серьезными органическими изменениями в структуре и характере общества“ (Автореферат, стр. 35), вряд ли верно и противоречит тому, что сказано абзацем ниже: „полис уже с самого момента своего возникновения становится важнейшим структурообразующим элементом греческой цивилизации“.

Председатель: «Слово имеет кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии ЛГУ А. И. Зайцев».

К. филол. н., доц. А. И. Зайцев:

«Я свое мнение о работе Ю. В. Андреева имел возможность выразить в официальной форме, так как в свое время написал рецензию на монографию Юрия Викторовича по данной теме и могу подтвердить еще раз, что эта работа, при всей очевидной спорности и дискуссионности ряда положений, представляет собой важный вклад в исследование труднейшей проблемы. Для того, чтобы не быть голословным, с одной стороны, а с другой стороны, чтобы не затягивать заседания, я остановлюсь только на одном вопросе, вызвавшем дискуссию, на вопросе, в котором мне хочется встать на сторону соискателя. Обсуждается вопрос относительно периодизации эпохи, предлагаемой автором. Кос-

нусь только нижней границы этого периода, а не верхней, где все, как мне кажется, решить гораздо труднее. Речь идет о том, куда отнести VIII век: к гомеровской эпохе или к послегомеровской? Я должен сказать, что защитники точки зрения, которая выводит VIII век из гомеровской эпохи, не смогут провести свою точку зрения последовательно.

При всей теоретической справедливости того положения, что историческая периодизация должна основываться на динамике основных процессов эволюции общества, игнорировать характер наших источников при периодизации мы практически не можем. Вплоть до VIII в. история Греции остается социальной историей и историей материальной культуры, политическая история Греции начинается для нас с VII в., потому что в силу характера наших источников мы начинаем что-то узнавать о конкретных событиях с конца VIII в., когда появляются первые исторические даты. Следовательно, когда мы говорим об истории Греции VIII в., мы можем говорить о любых подходах к истории, только не о прагматической событийной истории.

А каковы наши источники, кроме археологических, для социальной и культурной истории Греции? Это те же эпические поэмы. Какую бы точку зрения ни защищал исследователь относительно периодизации, он не мог бы не использовать эпизоды с бунтом Терсита или сцены, изображенные на щите Ахилла, историю с мятежом итакийцев после гибели женихов Пенелопы. Это невозможно для историка.

Поэтому если исключить VIII в. из гомеровского периода, это значит причислить его к периоду последующему, а социальную историю его реконструировать все равно на основе в первую очередь поэм Гомера и затем Гесиода, которые хронологически относятся примерно к той же эпохе перед 700 г. до н. э., которая и представляется оптимальной границей для нашей периодизации, для конца гомеровской эпохи».

Председатель: «Слово имеет доктор исторических наук, профессор Э. Д. Фролов».

Д. и. н., проф. Э. Д. Фролов:

«Я хочу сказать несколько слов как коллега Юрия Викторовича.

Мы на кафедре истории Древней Греции и Рима очень подробно обсуждали диссертацию Юрия Викторовича, много спорили о ней и я не буду повторять весь этот большой научный диспут, возникший вокруг этой работы. Но вот что я хотел бы подтвердить здесь: с точки зрения кафедры и с моей личной точки зрения, тема работы выбрана автором великолепно. Это большая, принципиальная тема, связанная с оценкой целого периода в истории Древней Греции, древнегреческого общества, а если учесть значение греческой цивилизации в истории Европы, то такое большое значение, очевидно, можно придать и диссертации Ю. В. Андреева.

Кроме того, хочу отметить обстоятельность и добросовестность этой работы. На протяжении ряда лет мы слушали доклады Ю. В. Андреева по теме гомеровского общества. Эти доклады делались и на кафедре и в группе Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Эти доклады всегда вызывали большой интерес. Таким образом, эта работа делалась постепенно и очень основательно, и автор с успехом довел до конца этот капитальный труд.

Диссертация Ю. В. Андреева является в высшей степени фундаментальным исследованием, насыщенным целым рядом конкретных исторических выводов. В высшей степени ценным мне представляется убеждение диссертанта в том, что в поэмах Гомера содержится позитивная историческая информация. Эта позиция доверия к Гомеру как к источнику позволяет автору использовать материал гомеровских поэм для выполненной большого смысла исторической реконструкции.

Интересна далее точка зрения автора, которую именно он впервые исследовательски обосновал, о роли сельской общины, которая высвободилась из-под опеки микенских дворцов и стала исходным моментом последующего общественного развития. Эту общину автор считает первоисточником полиса, его важнейшим структурным элементом. Картина, которая предстает перед нами в диссертации, отнюдь не исчерпывается зрели-

шем регресса, постигшего Грецию после крушения микенской цивилизации. Как показано в работе, возникшие на ее обломках сельские общины представляли собой более прогрессивный тип социальной организации и поэтому были готовы к восприятию новых хозяйственных форм и новой техники.

Работа Ю. В. Андреева в высшей степени интересна; она вносит новый важный вклад в науку об античности.

Все, мною сказанное, не означает, однако, что спор невозможен, и я мог бы привести ряд положений, которые могли бы стать предметом дискуссии, — о нижней грани гомеровского периода (VIII в.), о демократической потенции гомеровской сельской общины и др. Можно было бы также пожелать автору диссертации более акцентировать значение революционного движения в архаическую эпоху для формирования полиса. Но главное не в этом; главное — в результативности и значимости выполненного Ю. В. Андреевым исследования в целом.

То, что выполнено, то, что лежит перед нами, это — капитальный труд, автор которого Ю. В. Андреев вполне заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук.

Председатель: «Есть ли еще желающие выступить? Нет. Заключительное слово предоставляется Юрию Викторовичу Андрееву».

Ю. В. Андреев:

«Что касается критических замечаний, высказанных А. Г. Лундиным, то нам уже приходилось неоднократно дискутировать с ним по поводу универсальности категории полиса, по поводу того, что этот вид социально-политической организации существовал не только в Греции послегомеровского периода, но и в других регионах древнего мира. И хочу сейчас добавить, что на примере городов древнего Йемена и Палестины, которые обнаруживают признаки известного типологического сходства с гомеровскими полисами, особенно ясно видно, что все-таки настоящими полисами восточные города-государства никогда не были.

Я поддерживаю точку зрения Эдуарда Давыдовича, что настоящий классический тип полиса формируется в эпоху архаической революции в VII—VI вв. до н. э. Гомеровский период дает лишь грубую предварительную основу для этого совершенно уникального исторического феномена. А по-настоящему полис начинает формироваться в связи с теми радикальными изменениями, которые претерпело греческое общество в связи с колонизацией и другими событиями. Абрам Григорьевич находит противоречивыми мои суждения о переходе от так называемого протополиса к собственно полису: с одной стороны, никаких ощутимых изменений в структуре и характере общества не произошло, с другой же, сам полис сразу же становится мощным фактором дальнейшего общественного развития. На мой взгляд, противоречия здесь нет. Для того, чтобы воздействие процесса урбанизации на структуру и характер греческого общества стало вполне очевидным, понадобился достаточно длительный исторический срок. Изменить сразу и непосредственно всю существующую социальную систему уже одним фактом своего появления ранний полис, естественно, не мог, хотя он, несомненно, должен был подготовить почву для таких изменений и способствовать их осуществлению хотя бы и в отдаленной исторической перспективе.

Я отнюдь не склонен к недооценке исторической значимости так называемой „архаической революции“, в чем, как мне показалось, готов был упрекнуть меня Эдуард Давыдович. Напротив, в диссертации постоянно отмечается и подчеркивается, что важнейшие сдвиги в развитии греческого общества, благодаря которым оно смогло перейти от варварства к цивилизации, в гомеровское время только еще намечались и носили сугубо предварительный характер, по настоящему же они были реализованы лишь в рамках следующего за гомеровским периодом греческой истории (VII-VI вв.). Моя концепция, таким образом, не только не умаляет значения „архаической революции“, но напротив еще больше его оттеняет и подчеркивает.

В заключение хочу поблагодарить всех выступавших за ту высокую оценку, которую они дали моей работе».

СПИСОК РАБОТ
ЮРИЯ ВИКТОРОВИЧА АНДРЕЕВА¹

1963

1. К вопросу о так называемых «вольноотпущенниках» на Крите // ВДИ. 1963. № 4. С. 116-127.

1964

2. Мужские союзы в поэмах Гомера // ВДИ. 1964. № 4. С. 37-49.

1967

3. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). Автореферат дисс... к. и. н. Л., ЛГУ, 1967. 18 с.

1969

4. Исократ. Эгинская речь. Против Лохита. Против Евтиноя [перевод и комментарии Ю. В. Андреева] // ВДИ. 1969. № 1. С. 245-258.
5. Спартанские «всадники» // ВДИ. 1969. № 4. С. 24-36.

1971

6. Рец. на кн.: Л. Г. Иоселиани. Гортинские законы // Историко-филологический журнал АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1971.

¹ Отмеченные знаком * работы не удалось просмотреть de visu. Их описание дано по списку работ Ю. В. Андреева из его личного дела.

1972

7. К вопросу об организации критских сисситий // Античный мир и археология. Саратов, 1972. Вып. 1. С. 56-65.

1973

8. Спарта как тип полиса // Вестник ЛГУ. Л., 1973. № 8. С. 48-56. См. также №№ 10 и 12.

1974

9. Раннегреческий полис // Античный мир и археология. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 3-23.

1975

10. *Ju. Andreev*. Sparta als Typ einer Polis // *Klio*. 1975. Bd. 57. Heft 1. S. 73-82.
11. *Ju. Andreev*. Volk und Adel bei Homer // *Klio*. 1975. Bd. 57. Heft 2. S. 281-291.
12. *Ju. Andreev*. Sparta come tipo di polis // *Rassegna sovietica*. 1975. № 6. P. 25-35.

1976

13. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., Изд. ЛГУ, 1976. 141 с.
Рец.: *Виноградов Ю. Г., Хазанов А. М.* Ю. В. Андреев. Раннегреческий полис. Л., 1976 // ВДИ. 1977. № 3. С. 193-198.
- Cl. *Masetti*. J. V. Andreev. Rannegreceskij polis [La piu antica città greca] Leningrad. Ed. LGU, 1976. 142 p. // *Rassegna sovietica. Rivista bimestrale di cultura*. 1977. 1. Gennaio-febbraio. P. 177—180.
14. Цари и царская власть в поэмах Гомера // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., ЛГУ, 1976. Вып. 3. С. 126—139.
15. Греческий полис и города-государства Востока (к проблеме типологии раннеклассовых государств) // XIV Международ-

ная конференция античников социалистических стран. Тезисы докладов. Ереван. 18-23 мая 1976. Ереван, 1976. С. 10-11.

1978

- *16. Начальные этапы становления греческого полиса // Основные проблемы развития рабовладельческой формации. Типология рабовладельческих обществ. ТДК. М., 1978.

1979

17. Античный полис и восточные города-государства // Античный полис. Л., ЛГУ, 1979. С. 8-27.
18. Греческий полис и восточные города-государства // Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV международной конференции античников социалистических стран «Ейрене». Ереван, 1979. С. 32-38.
19. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции в XI—VIII вв. до н. э. Автореф: дис. ... д-ра ист. наук. Л., ЛГУ, 1979. 36 с.
20. К вопросу о происхождении термина «демиург» // ВДИ. 1979, № 2. С. 110-117.
21. *Ju. Andreev. Könige und Königsherrschaft in den Epen Homers* // *Klio*. 1979. Bd. 61. Heft 2. S. 361-384.
22. *Ju. Andreev. Die politische Funktionen der Volksversammlung im homerischen Zeitalter* // *Klio*. 1979. Bd. 61. Heft 2. S. 385-405.

1980

23. Об историзме гомеровского эпоса // Историчность и актуальность античной культуры. Тезисы докладов научной конференции. Октябрь 1980. Тбилиси, 1980. С. 4-5.
24. Политическая география гомеровской Греции (к вопросу о датировке «Каталога кораблей» в «Илиаде») // Древний Восток и античный мир. М., МГУ, 1980. С. 128-152.
25. Труд в жизни гомеровских героев // Проблемы античной истории и классической филологии. Тезисы докладов Всесо-

юзной научной конференции 6-8 февраля 1980. Харьков, 1980. С. 86-87.

1981

26. Мужские союзы в структуре дорийского полиса // VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории» АН СССР. ТД. 1-3 июня 1981 г. М., 1981. С. 5-7.
27. Рец. на кн.: *P. Cartledge. Sparta and Laconien* // ВДИ. 1981. № 2. С. 200-206.

1982

28. Греция в XI-IX вв. до н. э. по данным гомеровского эпоса // История древнего мира. Ранняя древность. М., 1982. Кн. I. С. 298-316.
29. Греция в архаический период и создание классического греческого полиса // История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1982. Кн. II. С. 70-94.
30. К проблеме гомеровского землевладения // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., ЛГУ, 1982. С. 10-31.
31. К проблеме «Ликургова законодательства» // Проблемы античной государственности. Л., ЛГУ, 1982. С. 33-59.
32. Крито-микенский мир // История древнего мира. Ранняя древность. М., 1982. Кн. I. С. 278-297.
33. Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л., ЛГУ, 1982. С. 3-17.

1983

34. Греция в архаический период и создание классического греческого полиса // История древнего мира. Расцвет древних обществ. Изд. 2-е, испр. М., 1983. Кн. II. С. 69-93.
35. Спарта как тип полиса // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 194-216.

1984

36. Мужские союзы в структуре дорийского полиса // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., ЛГУ, 1984. С. 4-20.
37. Об историзме Гомеровского эпоса // ВДИ. 1984. № 4. С. 3—11.
38. Община в поэмах Гомера // Труды Тбилисского Государственного Университета. Тбилиси, 1984. Вып. 249. С. 131—148.

1985

39. Идеи К. Маркса о происхождении античного полиса и их значение для современной исторической науки // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Доклады и сообщения. М., 1985. Ч. I. С. 20-22.
40. К проблеме послемикенского регресса // ВДИ. 1985. № 3, С. 9-29.
- *41. Рец. на кн.: *И. В. Шталь*. Художественный мир гомеровского эпоса // Филологические науки. М., 1985. № 4.

1986

42. История Древней Греции. Учебник для студентов ВУЗов. М., Высшая школа, 1986. 382 с. (в соавторстве с *Г. А. Кошеленко*, *В. И. Кузицыным*, *Л. 77. Маринович*). Ю. В. Андреевым написаны главы III—V (С. 35-79) и VII. (С. 97-109).

1987

43. Архаическая Спарта: культура и политика // ВДИ. 1987. № 4. С. 70-86.
44. Археологические комментарии к мифу о Дедале // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Всесоюз. конференции. М., 1987. С. 22.
45. Греция на пороге железного века // КСИА. 1987. 192. С. 54—59.
46. Историческая специфика греческой урбанизации // Город и

государство в античном мире. Проблемы исторического развития. Л., ЛГУ, 1987. С. 4-34.

47. Ранние формы урбанизации // ВДИ. 1987. № 1. С. 3-18.
48. Ремесленники в составе населения Пилосского царства // Тезисы докладов научных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения А. И. Доватура (V Доватуровские чтения). Л., ЛОИИ СССР АН СССР, 1987. С. 1.

1988

49. Архаическая Греция // История Европы. С древнейших времен до наших дней. Том I. Древняя Европа. М., Наука, 1988. С. 217-259.
50. Дворец и «город» на Крите во II тыс. до н. э. // СА. 1988. № 4. С. 37-51.
51. Проблема становления города в свете марксистской исторической науки // *Studijne Zvesti. Archeologickeho Ustavu Slovenskej Akademie Vied*. Nitra, 1988. Т. 25. С. 67-72.
52. Спарта и эллинистический полис // III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов конференции. 18—22 мая 1988. Ереван, 1988. С. 8-10.
53. *Ju. Andreev*. The Dark Ages and Their Place in the history of Ancient Greek Society. On the Problem of the Sub-Mycenaean Regression (Summary) // *Familie, Staat und Gesellschaftsformation*. Berlin, 1988. S. 435.
54. *Ju. Andreev*. Die Homerische Gesellschaft // *Klio*. 1988. Bd. 70. Heft 1. S. 5-85.
55. Рец. на кн.: *А. И. Зайцев*. Культурный переворот в древней Греции VIII-V вв. до н.э. Л., 1985//ВДИ. 1988. № 3. С. 161-167.

1989

56. Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. Л., Наука, 1989. 231 с.
- Рец.: *L. Press*. *J. V. Andreev*. *Ostrovnye poselenija egejskogo mira*

- v epochu bronzы. Leningrad, 1989. 231 s. 38 planow i rysunkow // Archeologia. Warszawa, 1992. T. XLII. (1991). P. 154-155.
57. Гражданская община и государство в античности [Обсуждение статьи *Е. М. Штаерман*. К проблеме возникновения государства в Риме [ВДИ. 1989. № 2] // ВДИ. 1989. № 4. С. 71-74.
  58. Греческая цивилизация в системе варварских культур Евразии I тыс. до н. э. // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Ленинград. 14-17 марта 1989 г. Новочеркасск, Музей истории Донского казачества, 1989. С. 28-30.
  59. Греческая цивилизация в системе варварских культур Евразии I тыс. до н. э. // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., Наука, 1989. Вып. 2. С. 205-216.
  60. Греция в XI—IX вв. до н. э. по данным гомеровского эпоса // История древнего мира. Ранняя древность. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1989. Кн. I. С. 332-350.
  61. Греция в архаический период и создание классического греческого полиса // История древнего мира. Расцвет древних обществ. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1989. Кн. II. С. 70-94.
  62. Древняя Эллада. Культура и религия // Ноосфера. 1989. Вып. 3. С. 159-173.
  63. Крито-микенский мир // История древнего мира. Ранняя древность. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1989. Кн. I. С. 312-331.
  64. Миноийский Дедал // ВДИ. 1989. № 3. С. 29-46.
  65. О роли ремесленного производства на ранних этапах процесса урбанизации // Зоны и этапы урбанизации. ТД региональной конференции. (Теоретические аспекты проблемы «Город и процесс урбанизации в Средней Азии»). Наманган, 1989. С. 94-95.
  66. *Ju. Andreev*. Urbanization as a phenomenon of social history // Oxford Journal of Archaeology. Oxford, 1989. Vol. 8. № 2. P. 167-177.

1990

67. Поэзия мифа и проза истории. Л., Лениздат, 1990. 223 с. - (Культура и религия).
68. Судьба спартанского искусства // Історія і культура античності 3-ї наукові читання пам'яті проф. С. Я. Лур'є. Львів, 1990. С. 7-8.
69. Труд в жизни гомеровских героев // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., ЛГУ, 1990. С. 4-13.
70. Вместо заключения (Беседа критика с автором) // *И. М. Дьяконов*. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990. С. 176—189.

1991

71. Археологическая культура в контексте реального исторического процесса (на примере послемикенской Греции) // Археологические культуры и культурная трансформация. Л., 1991. С. 156-160.
72. Башенные жилища на Кикладах? (К интерпретации так называемой модели зернохранилища с острова Мелос) // КСИА. 1991. Вып. 203. С. 3-9.
73. Спартанский эксперимент: «община равных» или тоталитарное государство? // Античность и современность. ТД. М., 1991. С. 12-16.
74. *Yu. Andreyev*. The World of Crete and Mycenae // Early antiquity. / Ed. I. M. Diakonoff. London, 1991. P. 309-327.
75. *Yu. Andreyev*. Greece of the Eleventh to Ninth Centuries B. C. in the Homeric Epics // Early antiquity. / Ed. I. M. Diakonoff. London, 1991. P. 328-346.

1992

76. «Город» и природная среда — антитеза или единство? (Укрепленные и неукрепленные поселения Эгейского мира) // Социально-пространственные структуры в стадийной характеристике культурно-исторического процесса. ТД международной конференции. М., 1992. С. 11—12.

77. Коллапс микенской цивилизации и варварский мир Центральной Европы // Археологические вести. СПб., 1992. № 1. С. 165-174.
78. «Минойский матриархат» (Социальные роли мужчины и женщины в общественной жизни минойского Крита) // ВДИ. 1992. № 2. С. 3-14.
79. *Ju. Andreev*. The Aegean civilizations of the Bronze Age and the Aeneolithic protocivilisation of the South-East Europe (to the question about the lines of cultural continuity) // Symposia Thracologica. 1992. № 9. P. 243-245.

1993

80. В ожидании «греческого чуда» (Духовный мир микенского общества) // ВДИ. 1993. № 4. С. 14-33.
81. Кто изобрел греческую фалангу? // ПАВ. 1993. Вып. 7. С. 36-42.
82. Мотив интронизации в искусстве минойского Крита // Античный мир и археология. Саратов, 1993. Вып. 9. С. 4-22.
83. Эмансипация по-спартански // Социальные структуры и социальная психология античного мира. Доклады конференции Российской ассоциации антиковедов. М., 1993. С. 1-6.

1994

84. Греческий полис без бюрократии и литературы (письменность в жизни спартанского общества) // *Hesperoboreus*. Классическая филология и история. СПб., 1994. Т. I. Вып. 1. С. 9-18.
85. Закономерность и случайность в процессе становления древнейших цивилизаций Эгейского мира // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. Памяти Геннадия Николаевича Курочкина. СПб., 1994. С. 28-32.
86. Эгейский мир: природная среда и ритмы культурогенеза // ВДИ. 1994. № 3. С. 102-113.
87. *Ju. Andreev*. From the quasi-city to the real: city the early stages

of urbanization in the ancient world // Theme papers / World Archaeological congress-3. City & Society. New Delhi, 1994. 2 p.

1995

88. Эгейский мир: природная среда и ритмы культурогенеза. М., 1995. 25 с.
89. Закономерность и случайность в процессе становления древнейших цивилизаций Эгейского мира // Античное общество: проблемы истории и культуры. СПб., 1995. С. 3-7.
90. «Золотая осень» древней Эллады в Зимнем дворце (о выставке «Греческое золото») // Коммерсантъ-Daily. 1995. № 105. Четверг, 8 июня.
91. Историческая специфика греческой урбанизации. Полис и город // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 87-93.
92. Между Евразией и Европой (К вопросу об исторической специфике минойской цивилизации) // ВДИ. 1995. № 2. С. 94-112.
93. Русский человек между Христом и Дионисом (о книге Вяч. Иванова «Дионис и прадиионисийство») // Коммерсантъ-Daily. 1995. № 74. Суббота, 22 апреля.
94. Спартанская гинекократия // Женщина в античном мире. М., наука, 1995. С. 44-62.
95. Укрепления в архитектурно-пространственной структуре раннего полиса // Фортификация в древности и средневековье. Материалы методологического семинара ИИМК РАН. Памяти Игоря Николаевича Хлопина. СПб., 1995. С. 29-31.
96. Эгейский мир в преддверии цивилизации // ВДИ. 1995. № 1. С. 100-115.
97. *Ju. Andreev*. A conversation between a Critic and the Author (Instead of a conclusion) // *. Diakonoff*. Archaic Myths of the Orient and the Occident. Göteborg, 1995. P. 191-201.

1996

98. Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные ме-

тодологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ. 1996. № 1. С. 3-17.

99. История Древней Греции. Учебник для студентов ВУЗов. 2-е изд. М., Высшая школа, 1996. 382 с. (в соавторстве с Г. А. Кошленко, В. И. Кузицыным, Л. П. Маринович).

1997

100. В ожидании «греческого чуда» (Духовный мир микенского общества) // Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье. Избранные статьи из журнала «Вестник древней истории». 1937-1997. М., 1997. С. 389-407.
101. Из главы Ю. В. Андреева «Спарта как тип полиса» / Античная Греция. Т. 1. М., 1983 // Древняя Греция. История. Быт. Культура. Из книг современных ученых. Составитель Л. С. Ильинская. М., 1997. С. 90-95.
102. Из книги Ю. В. Андреева «Раннегреческий полис». Л., 1976 // Древняя Греция. История. Быт. Культура. Из книг современных ученых. Составитель Л. С. Ильинская. М., 1997. С. 35-37.
103. Из статьи Ю. В. Андреева «Архаическая Спарта: Культура и политика» / Вестник древней истории. № 4. 1987 // Древняя Греция. История. Быт. Культура. Из книг современных ученых. Составитель Л. С. Ильинская. М., 1997. С. 84-90.
104. Минойская тавромахия в контексте критского цикла мифов // ΜΟΥΣΕΙΟΝ. Профессору А. И. Зайцеву к 70-летию. СПб., 1997. С. 17-30.
105. «Минойский матриархат» (Социальные роли мужчины и женщины в общественной жизни минойского Крита) // Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье. Избранные статьи из журнала «Вестник древней истории». 1937-1997. М., 1997. С. 377-388.
106. «Римский большевик» Каталина и философия истории А. Блока // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Сборник памяти В. Д. Белецкого. СПб., Псков, 1997. Т. I. С. 35-44.

1998

107. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., «Алетейя», 1998. 431 с.
Рец.: Кессиди Ф. Х. Новая концепция истории, или еще раз о греческом феномене в книге Ю. В. Андреева «Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации» // ΣΥΣΤΙΤΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., Алетейя, 2000. С. 450-459.
Глазычев В. Л. Ю. В. Андреев. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации // Там же. С. 27 сл.
Перл Н. Е. О книге Ю. В. Андреева «Цена свободы и гармонии» // Там же. С. 28-30.
108. Апология язычества или о религиозности древних греков // ВДИ. 1998. № 1. С. 125-134.
109. <Золото Трои — второе открытие> // Коммерсантъ. Власть. Еженедельник. 1998. № 23[275]. 23 июня. С. 52-55. Редакция журнала опубликовала статью под названием «Дважды украденные».
110. История и миф в предании о Троянской войне // Шлиман — Петербург-Троя. Научный каталог выставки. СПб., ГЭ, 1998. С. 94-119.
111. Минойская талассократия (Современное состояние проблемы) // Изучение памятников морской археологии. СПб., 1998. Вып. 3. С. 103-106.
112. Русский человек между Христом и Дионисом. Вячеслав Иванов как исследователь и истолкователь греческой религии // Культурное наследие Российского государства. СПб., «Вести», 1998. С. 119-126.
113. Троя-Гиссарлык среди эгейских культур и цивилизаций бронзового века // Шлиман — Петербург — Троя. Научный каталог выставки. СПб., ГЭ, 1998. С. 42-59.
114. Человек и божество в кикладском искусстве эпохи ранней бронзы // Человек и общество в античном мире. М., «Наука», 1998. С. 269-278.

115. Рец. на кн.: Э. Л. Лаевская. Мир мегалитов и мир керамики. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. Библийско-богословский институт Св. Апостола Андрея. М., 1997 // ВДИ. 1998. № 3. С. 217-222.

1999

116. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., «Алетейя», 1999. 431 с. Второе стереотипное издание.
117. Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике Старшей тирании // ВДИ. 1999. № 1. С. 3-7.

2000

118. Минойские божества смерти на цилиндрической печати из Астракуса // ΣΥΣΤΙΤΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., Алетейя, 2000. С. 436-445.
119. Русский человек между Христом и Дионисом. Вячеслав Иванов как исследователь и истолкователь греческой религии // Древний мир и мы. II. Петербург, Алетейя, 2000. С. 282-293.

2002

120. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.). СПб., Дмитрий Буланин, 2002. 862 с, мн. ил.
Рец.: Давыдова Л. И. О книге Ю. В. Андреева «От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.)» // К исследованию зарубежного искусства. Новые материалы. СПб., 2002. С. 23-28.
Широкова Н. С. Ю. В. Андреев. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начала I тыс. до н. э. СПб., Дм. Буланин, 2002 // Археологические вести. № 11. СПб., Дм. Буланин, 2004. С. 341-350.

2003

121. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. Вступ. статья Ю. А. Виноградова. СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. 447 с. 3 ил.
122. История Древней Греции. Учебник для ВУЗов. Под ред. В. И. Кузищина. 3-е изд., переработанное и дополненное. М., «Высшая школа», 2003. 400 с, ил. Ю. В. Андреевым написаны гл. III—V (С. 40-86), VII (С. 105-116).

2004

123. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). Научн. ред. и автор вступ. статьи С. Р. Тохтасьев. СПб., Алетейя, 2004. 336 с, 43 ил.

Personalia

- В. И. Исаева, Я. Ю. Межеричкий // ВДИ. 1986. № 2. С. 183-193 - [О статьях Ю. В. Андреева: Античный полис и восточные города-государства; К проблеме гомеровского землепользования; К проблеме «Ликургова законодательства» (О так называемом перевороте VI в. в Спарте); Мужские союзы в структуре дорийского полиса].
- М. Ю. Бахтина, Ю. А. Виноградов, В. Ю. Зуев. Всесоюзный научный симпозиум «Скифия и Боспор», посвященный памяти академика М. И. Ростовцева // СА. 1991. № 1. С. 291-296. — [о докладе Ю. В. Андреева «Греческая цивилизация в системе варварских культур Евразии I тыс. до н. э.» и его выступлениях по другим докладам].
- И. А. Емец. IV научные чтения памяти профессора В. Д. Блаватского (Москва, 1990) // СА. 1992. № 1. С. 293.- [о докладе Ю. В. Андреева «Кто изобрел греческую фалангу?»].
- К 60-летию Юрия Викторовича Андреева // ВДИ. 1997. № 2. С. 235.
- [К. Долинина] Юрий Викторович Андреев. Неклорог // Коммерсантъ-Daily. 1998. 19 февраля. № 28. С. 17.
- В. Ю. Зуев. Юрий Викторович Андреев (1937-1998). Список

основных работ Юрия Викторовича Андреева // *Ю. В. Андреев. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации.* СПб., Алетейя, 1998. С. 390–400.

Юрий Викторович Андреев (1937–1998) // ВДИ. 1998. № 3. С. 237–240.

Шауб И. Ю. Памяти Юрия Викторовича Андреева (1937–1998) // Археологические вести. № 6. СПб., Дм. Буланин, 1999. С. 517–519.

ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., Алетейя, 2000. 470 с.

Молчанов А. А. Ю. В. Андреев и дискуссия об эгейской культуре на страницах Вестника древней истории // ВДИ. 2003, № 4. С. 111–113.

Маринович Л. П. и Шауб И. Ю. Юрий Викторович Андреев // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и Средние века. М., Наука, 2004. С. 7–29.

Памяти Юрия Викторовича посвящены:

Гаврилов А. К. Белый траур у греков и римлян // *Hyperboreus*. 1999. Vol. 5, Fasc. 2. С. 205–226.

Круглов Е. А. Очерки истории государства и права античной Греции. Уфа, 2000. 80 с.

Блохина И. Р. Античность в поэзии Серебряного века (заметки о диалоге культур // *Человек в истории.* Вып. 3: Мир в XIX — первой половине XX вв. Тамбов, Изд. ТГУ, 2003. С. 77–85.

Памяти Юрия Викторовича Андреева // ВДИ. 2003. № 4. С. 50–113.

Составители — В. Ю. Зуев и Л. В. Шадричева

The Homeric Society: The Basic Tendencies of the Social-Economical and Political Developments of Greece in the 11th — 8th Centuries B.C.

by Yurij V. ANDREEV

SUMMARY

To sum up, one should say that the long and complicated way gone by the ancient Greek society for the first thousand years of its history was that of tests and errors. Now, we know for sure that a first attempt to establish the system of class domination in Greece, undertaken in pre-Homeric times already, was unsuccessful. The Mycenaean civilization that came into existence as a consequence of this attempt did not have, to all appearances, sufficient resources of internal durability, and so because of a first serious shake it disappeared from the historical scene.

Lack of vital capacity of the earliest phase of a class society form in the history of Greece may be explained by an extreme primitivism and lack of solidity of the social-economical basis, on which this form was erected. We should not forget that ways of class-making in the Mycenaean societies were the shortest of all the possible ones. The Achaean states were gradually absorbing small clan and territorial-clan communities, which were involved into a sphere of their influence, and making them objects of all-round exploitation in a system of the centralized palace economy. In most cases, this exploitation seems not to have exceeded the bounds of slightly modified tributary relations, and this promoted a long-time conservation of the main elements of the primitive social order among a great bulk of the working population of the Mycenaean states, near to their chief economical and cultural centers. Being just a sum of closed social organisms connected to each other very weakly, the palace states provided a source of downfall for themselves. The break-up of the Mycenaean social-economical system, which started at the turn of the 13th and 12th centuries B.C., gave the communities subject to the rulers of Mycenae, Tiryns, Pylos and the other

Achaean realms back to their initial state of absolute political isolation. Again, inert elements lashed on Greece for a long time.

However, the new variant of classless society that appeared during the 12th and 11th centuries on the ruins of Mycenaean palaces and citadels may hardly be considered as a simple return back, to those primitive social structures of the Middle Hellas epoch, from which the first Achaean states had grown up. This was rather a repetition of the past experience, but now on the higher level of social development. It is clearly testified to by the situation taking shape within a chronological space (9th — 8th centuries) that should be called the «Homeric period» proper. At least, two very important moments differ this situation from the one, which had preceded the birth of the Mycenaean civilization. This is the far-going individualization of economical life in the Greek society, logically added by the atomization of its internal structure. In this connection, the patriarchal family's autonomous household comes resolutely to the fore in the sphere of economy. In the sphere of justice, this corresponds to the regime of private property, which is set enough (in spite of the still formally recognized sovereignty of community). A paradoxical combination of this new form of property with both the absence of a real class division and still very strong survivals of the clan order is a peculiarity of the Homeric society.

Seemingly, it was in the 9th — 8th centuries that the wide group of free peasantry was formed in Greece, which became subsequently the main social basis of the antique *polis*. In our opinion, this was the principal social-economical result of the Homeric period and, moreover, its most significant contribution to the development of the ancient Greek civilization. The self-sufficing peasant household, which is so vividly represented by Hesiod in his «Works and Days», was undoubtedly well known to Homer too. This is pointed at not only by characteristic details of the rural way of life dispersed in epic comparisons and numerous inserted episodes, but also by detailed descriptions of economical activities and everyday life of such personages as, for instance, Laertes and Eumaios in the «Odyssey». Differences in their social status do not have any considerable significance in this case. Important for them both is the principle of keeping house, viz. its orientation toward full self-maintenance with everything required and the same full independence upon the outside world.

The ancient Greek individual peasant household, like the middle and small landed property closely connected with it, was product of long

historical developments. Its origin must be plausibly sought in the depth of the Mycenaean epoch. The decisive, crucial, moment in this process of freeing private economical initiative was most likely a transitional period, i. e. 11th — 9th centuries. The collapse of the Mycenaean states contributed to a large degree to economical emancipation of the patriarchal family. Only now, it was entirely saved at last from hard fiscal pressure and vigilant surveillance of the palace bureaucracy.

A number of objective factors — above all, the wide inculcation of iron in Greek economy, as well as, to some extent, the state of long isolation from the outside world, in which Greece was during all that time, — could promote the strengthening of this position and made the outdated economical systems of the Bronze Age impossible to come back. Certainly, the potencies lying in the individual household of a peasant family (οἶκος) could not expose themselves properly in the conditions of both the post-Mycenaean depression and ceaseless migrations. Only the transition of Greek tribes to sedentary life and reorientation of their rural economy from the preferred development of cattle breeding to that of farming allowed the οἶκος economy to become firm and brought the making of the peasantry as a broad group of independent middle and small owners to a logical end.

As far as the available data allow us to suppose, the Homeric epics reflect three consequent stages in the development of the territorial community (δῆμος):

1) The rural community — a structural cell (administrative-tax district) of a large centralized state, going back to the Mycenaean epoch and met with in a few episodes of the Homeric poems.

2) The isolated self-governing rural community, which became particularly widespread after the collapse of the Mycenaean palace realms and was a predominant form of political association during the entire «Dark Ages» period (11th — 9th centuries).

3) The self-governing city community — a rudimentary form of the city-state (*polis*). Non-epic sources (both written and archaeological) give us grounds to believe that the transition from rural community to city-state began in Greece c. the mid-8th century or, in some places, even earlier. Naturally, this important historical moment is not directly reflected in the epics. Only thanks to indirect hints one may guess that the *polis* as a new quality city-state was known to Homer already.

As a whole, the poet does not draw any clear distinction between the two basic types of communal organization, but he gives a syncretic model

of a community in general, combining the features of both the types. Topographically, the Homeric δῆμος is taken as an isolated rural community, because there are no other settlements within its territory, except for the only polis, in which almost all the free population of the district is concentrated. At the same time, the polis (at least, in some episodes of the poems) has sufficiently obvious signs of a city-type settlement, the most important of such being the *agora*, the main vital center of a settlement, directly connected with a royal palace. Sociologically, the δῆμος is an association of peasants-farmers mingled with a little portion of craftspeople and traders. However, the internal political life of this social organism seems to be too complicated for a small settlement or village. So characteristic a form of governing an epic community — in the person of a group of rulers (βασιλῆες) — allows us to see in it a result of the fusion of several or even many villages and settlements, i. e. a primitive form of the city-state again.

Thus, a self-contradiction (one may even say, anachronism) of the Homeric model of community is quite clear. However, it is due not only to the syncretic confusion of similar phenomena, which is so usual for epic poetry, but also to the fact that the historical reality of the Homeric epoch, transitional in its nature, comprised in all likelihood a sufficient number of instances of various intermediate, hybrid, forms of social and political organization. Essentially, as one of such intermediate forms one may consider the early Greek polis in the aspect that took shape by the end of the Homeric period. Having already overstepped the narrow limits of the primitive neighbour community and closely come to the line, after which a state begins, the early polis continued, nevertheless, to keep for a long time many features and signs inherited from its direct precursor.

It is necessary to have in view that the process of urbanization that took place in the 8th century was just an initial stage of the so-called «city revolution» and, therefore, bore a very surface, «preliminary», nature. The earliest Greek cities were mostly military, political and religious centers of the rural neighbourhood subject to them. The separation of city from village on this stage of the development of polis presented a mechanical removal of masses of the population from center to periphery (internal colonization) or in the opposite direction, from periphery to center (συννοικισμός). And so, as a rule, the transition from rural community to city-state did not accompanied by any serious changes in the structure and nature of the Greek society.

Considering a phenomenon of the Greek polis from the point of view of modern historical typology, we may define it as a pre-class barbarian society in its specific city variant. It should be underlined once more that we speak of a rudimentary form of the state, which may be thought as an instrument of the class predominance just potentially, but did not have time yet to become such because of lack of the classes proper. At the same time, it is not correct to undervalue the impact, which the early polis had, by the fact of its existence, upon the beginning of a process of class-making. This process was developing much more intensively in cities, where large masses of people had to communicate very closely with each other in their everyday life, than in isolated rural communities. It was the polis community that became the social milieu, in which a radical rebuilding of the archaic structures of the barbarian society proved to be possible in order to prepare sufficient grounds for the fastest ripening of the basic classes of a new, slave-holding, society.

The early urbanization influenced very much the subsequent political development of the Greek society. Since the 8th century, it was going mainly in the area of the gradual consolidation and rising of republican institutions of a polis community, such as the council and popular assembly first and foremost. As it is well known, the primary result of the evolution of polis organization in the Archaic period was the establishment in the most advanced Greek regions of the antique form of democracy. The polis had time then to turn from an ephemeral union of the clan chiefs, as it had been initially, into a republic of free and enjoying full rights citizens, founded on the principle of sovereignty of the people. It is clear that so radical a transformation was impossible without the impetuous economical and cultural raising due to two and half centenaries of the Great Greek colonization. However, a general direction of this movement was assigned, as we think, on the earliest stage of the «Archaic revolution»), chronologically belonging to the late Homeric period (8th century). Starting just with that moment, the polis becomes the basic cross-linking element of the Greek civilization and keeps this significance up to the end of Classical Antiquity.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. П. Никонов</i> . Несколько слов о Юрии Викторовиче Андрееве и его книге.....	5
[Вместо предисловия].....	11
Введение.....	15
Глава I. Гомеровские поэмы как исторический источник.....	34
Глава II. Основные проблемы истории послемикенской эпохи	
1. Падение микенской цивилизации. Греция в переходный период.....	56
2. Греция в гомеровский период.....	110
Глава III. Начальные этапы становления греческого полиса	
1. Раннегреческий полис в свете археологии.....	148
2. Гомеровский полис.....	180
Глава IV. Гомеровская община	
1. Понятие общины. Термин δῖμος и его производные.....	203
2. Гомеровская система землевладения.....	214
3. Основные структурные элементы гомеровской общины: семья, группа семей, фратрия, гетерия.....	234
Глава V. Социальная стратификация гомеровской общины. Народ и знать.....	264

Глава VI. Политическая организация гомеровской общины	
1. Цари и царская власть.....	294
2. Политические функции народного собрания. К вопросу о «военной демократии».....	331
Заключение.....	363
Литература.....	373
Список сокращений.....	396
Список иллюстраций.....	398
Указатели. Сост. <i>Л. В. Шадричева</i>	
Источники.....	402
Греческие термины и выражения.....	403
Указатель имен.....	405
Указатель понятий, этно-географических и прочих названий.....	414
Приложение 1. Из материалов защиты докторской диссертации 15 ноября 1979 года. Исторический факультет ЛГУ. [Выступления официальных оппонентов и ответы Ю. В. Андреева на их отзывы]	
Выступление Б. Б. Пиотровского.....	429
Ответ Ю. В. Андреева.....	439
Выступление И. М. Дьяконова.....	445
Ответ Ю. В. Андреева.....	453
Ответ Ю. В. Андреева на отзыв Г. Л. Курбатова.....	456
Выступление А. И. Доватура.....	458
Ответ Ю. В. Андреева.....	464
Выступления А. Г. Лундина, А. Н. Зайцева, 3. Д. Фролова.....	465
Заключительное слово Ю. В. Андреева.....	470
Приложение 2. Список работ Юрия Викторовича Андреева.....	472
<i>В. П. Никонов</i> . Summary.....	487

Научное издание

Андреев Юрий Викторович

ГОМЕРОВСКОЕ ОБЩЕСТВО

Основные тенденции социально-экономического
и политического развития Греции

XI-VIII вв. до н. э.

Компьютерный набор

И. И. Крупская

В. П. Никоноров

Редактор *Л. В. Шадричева*

Корректор *Л. В. Шадричева*

Оригинал-макет *А. И. Азаров*

Дизайн обложки *А. С. Ратманов*

Подписано в печать 26.10.2004. Формат 60х84 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Усл. п. л. 31. Тираж 1000 экз. Заказ № 52.

Отпечатано в типографии СПб ИИ РАН «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел. 235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru